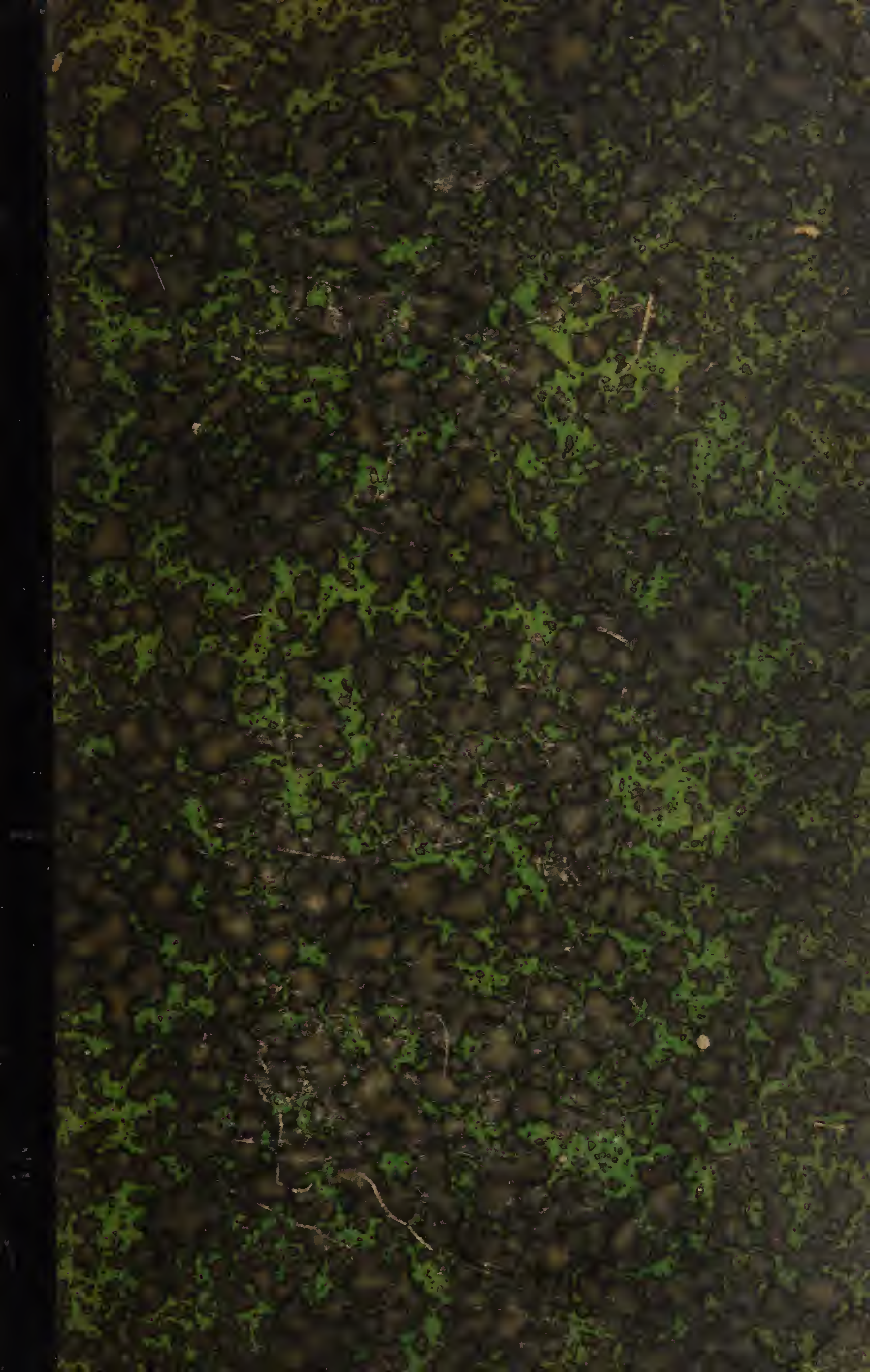

ОПЫТЪ
О
ЗАКОНѢ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ

II

МАЛЬТУСЪ.

ОПЫТЪ
О
ЗАКОНѢ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ

ИЛИ

ИЗЛОЖЕНІЕ

ПРОШЕДШАГО И НАСТОЯЩАГО ДѢЙСТВІЯ ЭТОГО ЗАКОНА НА БЛАГОДЕНСТВІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА,
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ НѢСКОЛЬКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О НАДЕЖДѢ НА ОТСТРАНЕНІЕ ИЛИ СМЯГЧЕНІЕ ПРИЧИНЯЕМАГО ИМЪ ЗЛА.

ПЕРЕВЕЛЪ

П. А. БИБИКОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ, ПРИЛОЖЕНІЯМИ И АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, Б. МѢЩАНСКАЯ, № 8.
1868.

ОПЫТЪ
О
ЗАКОНѢ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О РАЗЛИЧНЫХЪ СИСТЕМАХЪ, ПРЕДЛОЖЕННЫХЪ ИЛИ ПРИНЯТЫХЪ ОБЩЕСТВОМЪ ПРОТИВЪ БѢДСТВІЙ, ПОРАЖДАЕМЫХЪ ЗАКОНОМЪ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

ГЛАВА I.—О системахъ равенства: Валласъ. Кондорсе.

Если взглянуть на прошедшее, какъ и на настоящее состояніе человѣческаго рода съ принятой нами точки зрѣнія, то нельзя не удивляться, что писатели, говорившіе о способности къ усовершенствованію человѣка и общественнаго устройства, и видѣвшіе значеніе закона народонаселенія, обращали только поверхностное вниманіе на послѣдствія этого закона, и согласились смотрѣть на сопровождающія его бѣдствія, какъ на отдаленныя отъ насъ на безконечное время. Даже Валласъ *, находившій въ этихъ бѣдствіяхъ достаточно сильный доводъ для опроверженія его теоріи равенства, тѣмъ неменѣе, вѣрилъ, что такого рода затрудненія могли наступить неранѣе, какъ послѣ того, какъ весь земной шаръ обращенъ будетъ въ цвѣтущій садъ, и когда уже невозможно будетъ увеличить количества произведеній земли. Но еслибы даже это было справедливо, еслибы во всѣхъ другихъ

---

* Wallace, *Disssertation on population*... Въ этомъ сочиненіи доказывается, что въ древнія времена населеніе было многочисленнѣе противъ настоящаго времени. Въ немъ собраны свѣдѣнія о домашнихъ расходахъ древнихъ. Гарнье.

отношеніяхъ великолѣпный проектъ равенства былъ осуществимъ на самомъ дѣлѣ, все же я не вижу, чтобы такая опасность, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ, могла охладить наше рвеніе къ достиженію такой благотворной цѣли. Разумѣется, мы имѣемъ право довѣриться заботливости Провидѣнія о прінсканіи средства противъ опасности, грозящей намъ въ такомъ отдаленномъ будущемъ, но дѣло въ томъ, что прежде всего, опасность, о которой идетъ рѣчь, вовсе не такъ удалена, а напротивъ того, весьма близка и неизбѣжна. Въ каждую данную эпоху, въ которую просвѣщеніе дѣлаетъ или будетъ дѣлать успѣхи, съ настоящей минуты до того времени, какъ земной шаръ обращенъ будетъ въ цвѣтущій садъ, при полномъ господствѣ равенства, недостатокъ продовольствія, тѣмъ неменѣе, будетъ ощущаться человѣкомъ. Тщетно будетъ ежегодно возрастать количество плодовъ земли: такъ какъ размноженіе населенія будетъ еще быстрѣе, то излишекъ его неизбѣжно будетъ сдерживаться непрерывнымъ или періодическимъ дѣйствіемъ нравственнаго обузданія, порока или несчастія.

Сочиненіе Кондорсе, *Историческій очеркъ успѣховъ человѣческаго разума* * написано было, какъ говорятъ, въ то время, какъ онъ уже приговоренъ былъ къ смертной казни, и не задолго до его смерти. Если писатель этотъ не былъ руководимъ надеждой, что сочиненіе его будетъ извѣстно и обнародовано при его жизни, если онъ не имѣлъ въ виду склонить имъ въ свою пользу Францію, то онъ представляетъ замѣчательнѣйшій примѣръ преданности, какою можетъ быть одушевленъ человѣкъ къ убѣжденіямъ, опровергаемымъ ежедневнымъ опытомъ и влекущимъ его самого въ бездну. Искаженіе человѣческаго разума среди народа, прославившагося своимъ просвѣщеніемъ; вызвавшія это искаженіе разнуздан-

* *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain.* Сочиненіе это составляетъ VIII томъ *Oeuvres complètes de Condorcet*, изданныхъ въ 1804 Гара и Кабанисомъ. Въ послѣднемъ отрывкѣ объ *Атлантидѣ* этотъ благороднѣйшій человѣкъ, подъ вліяніемъ инстинктивнаго предчувствія своей судьбы, предложилъ планъ постояннаго общества для покровительства успѣхамъ наукъ. Гарнье.

ныя страсти; страхъ, жестокость, вражда, месть, честолюбіе, звѣрство, безуміе, неистовства, которыхъ постыдилось бы даже племя дикарей; всѣ эти насилія, эти страсти, это униженіе, безъ сомнѣнія, должны бы были поколебать теорію, принятую авторомъ о непрерывномъ, необходимомъ и неизмѣнномъ совершенствованіи человѣческаго разума: одною только непоколебимой вѣрой въ истину своихъ убѣжденій можно объяснить подобную безчувственность ко всему окружающему, что̀ прямо противурѣчило его убѣжденіямъ.

Это посмертное сочиненіе неболѣе какъ планъ болѣе обширнаго труда, который онъ надѣялся выполнить впослѣдствіи. Поэтому, въ немъ естественно чувствуется недостатокъ въ болѣе подобномъ развитіи и примѣненіи, необходимыхъ для полнаго изложенія новой теоріи. Но достаточно самаго небольшаго числа наблюденій, чтобы обнаружить несостоятельность этой теоріи, если приложить ее къ дѣйствительной жизни, а не къ порядку явленій, существующему только въ воображеніи.

Въ послѣдней части своего сочиненія Кондорсе разсуждаетъ о будущихъ успѣхахъ человѣка въ самоусовершенствованіи. Онъ говоритъ, что если сравнить населеніе различныхъ просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ съ занимаемою ими территоріей, и изслѣдовать состояніе ихъ земледѣлія и промышленности, раздѣленіе труда и средства существованія, то можно убѣдиться, что невозможно сохранить нынѣшнія средства существованія и, стало быть, настоящее населеніе, безъ огромнаго числа людей, находящихъ только въ трудѣ средства для удовлетворенія своихъ потребностей.

Онъ признаетъ, слѣдовательно, необходимость этого класса людей. Вслѣдъ за тѣмъ, замѣтивъ, какъ ненадежны заработки такого огромнаго числа семействъ, вполнѣ зависящихъ, что касается до средствъ своего существованія, отъ жизни и благосостоянія своихъ хозяевъ, онъ справедливо замѣчаетъ *:

* Для краткости и избѣженія длинныхъ выписокъ я привожу сущность воззрѣній Кондорсе, и надѣюсь, что не представлю ихъ въ ложномъ свѣтѣ. Впрочемъ, я отсылаю читателя къ самому сочиненію, которое, если и не убѣдитъ, то можетъ заинтересовать его. Прим. автора.

«Существуетъ, стало быть, неизбѣжная причина неравенства, зависимости, даже нищеты, безпрерывно грозящей самому многочисленному и самому трудолюбивому классу нашихъ обществъ.» Затрудненіе это несомнѣнно, и поставлено вѣрно, но разрѣшеніе, предлагаемое авторомъ, мнѣ кажется, вовсе неудовлетворительно.

Прилагая къ этому случаю вычисленія о вѣроятности жизни и о ростѣ процентовъ, онъ предлагаетъ, для обезпеченія участи стариковъ, основать капиталъ, частью изъ собственныхъ ихъ сбереженій, частью же изъ сбереженій людей, умершихъ прежде чѣмъ они могли воспользоваться плодомъ своихъ пожертвованій. Этотъ же капиталъ или другой, подобный ему, долженъ служить для вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ, и доставлять послѣднимъ средства, по достиженіи зрѣлаго возраста, заводить новыя семейства, такъ чтобы они могли трудиться и развивать свои дарованія. Учрежденія эти должны быть основаны обществомъ и находиться подъ его покровительствомъ. Онъ идетъ далѣе, и доказываетъ, что при точномъ приложеніи извѣстныхъ вычисленій можно было бы отыскать средство для поддержанія болѣе совершеннаго равенства, и устроить кредитъ на такихъ основаніяхъ, чтобы онъ не былъ исключительной привилегіей богатыхъ, нисколько не уменьшая при этомъ его прочности, и чтобы успѣхи промышленности и торговли не были въ такой зависимости отъ капиталистовъ.

Подобныя учрежденія и вычисленія много могутъ обѣщать на бумагѣ, но въ приложеніи къ дѣйствительной жизни они оказываются мечтательными и ребяческими. Кондорсе соглашается съ необходимостью существованія въ каждомъ государствѣ класса людей, средства существованія котораго зависятъ исключительно отъ его труда. Какая же причина убѣждаетъ его въ этомъ и побуждаетъ его къ такому признанію? Можно предположить только одну. Онъ чувствовалъ, что для обезпеченія содержанія многочисленнаго населенія требуется такое количество труда, какое можетъ быть вызвано одною только крайнею необходимостью. Но если учрежденія, въ родѣ предложенныхъ имъ, притупятъ это побужденіе; если лѣни-

вые и нерадивые будутъ пользоваться такимъ же кредитомъ, такимъ же обезпеченіемъ, что касается до средствъ существованія своихъ семействъ, какъ люди трудолюбивые и дѣятельные, то можно ли ожидать, чтобы каждый человѣкъ, ради улучшенія своего положенія, развилъ ту неутомимую дѣятельность, которая составляетъ главную пружину общественнаго благосостоянія? Если же предложить учрежденіе особеннаго суда для изслѣдованія правъ, заявляемыхъ каждымъ человѣкомъ, и для рѣшенія вопроса, употребилъ ли каждый проситель всѣ свои усилія для существованія собственнымъ трудомъ, чтобы на этомъ основаніи выдать ему пособіе или отказать въ немъ, то это была бы, только въ новой и болѣе широкой формѣ, та же система англійскихъ законовъ о бѣдныхъ и униженіе истинныхъ основъ *свободы* и *равенства*.

Но и независимо отъ этого важнаго возраженія противъ предлагаемыхъ учрежденій, предположивъ даже, что подобныя учрежденія не окажутъ пагубнаго вліянія на производство, остается еще одно, главное затрудненіе.

Если всѣ люди будутъ увѣрены въ приличномъ обезпеченіи своихъ семействъ, то вскорѣ каждый человѣкъ заведется семьей. Если же раждающееся поколѣніе будетъ предохранено отъ бѣдствій, порождаемыхъ нищетой, то населеніе станетъ возрастась съ безпримѣрной быстротой. Кондорсе, кажется, понималъ это, и вотъ что̀ говоритъ онъ послѣ того, какъ предложилъ еще нѣсколько улучшеній:

«Но среди подобнаго развитія промышленности и благосостоянія, которое должно вызвать болѣе благопріятное соотвѣтствіе между способностями человѣка и его потребностями, каждое поколѣніе, благодаря собственнымъ побѣдамъ или сохраненію завоеваній, сдѣланныхъ предшествовавшей промышленностью, должно испытать болѣе широкія наслажденія; а вслѣдствіе этого, по физическому устройству человѣческой природы, должно послѣдовать увеличеніе числа людей. Но въ такомъ случаѣ не должна ли наступить минута, когда въ этихъ законахъ, равно необходимыхъ, окажется противурѣчіе? когда, вслѣдствіе перевѣса въ числѣ людей надъ средствами для ихъ существованія, необходимо

должно послѣдовать, если не непрерывное уменьшеніе благосостоянія и народонаселенія, не несомнѣнное движеніе назадъ, то по крайней мѣрѣ родъ колебанія между благоденствіемъ и несчастіемъ? Не обратится ли это колебаніе въ обществѣ, достигшемъ до такого положенія, въ постоянную причину, такъ сказать, періодическихъ бѣдствій? Не окажется ли оно предѣломъ, за которымъ дальнѣйшее развитіе становится невозможно, и не укажетъ ли оно совершенствованію человѣческаго рода въ безпредѣльномъ будущемъ границы, перейти за которыя будетъ уже невозможно?»

Затѣмъ, онъ прибавляетъ:

«Безъ сомнѣнія, нѣтъ ни одного человѣка, которой бы не видѣлъ, какъ далеко отстоитъ отъ насъ подобная эпоха; но можетъ ли она когда нибудь наступить для насъ? Одинаково невозможно отвѣчать, какъ утвердительно, такъ и отрицательно, наступитъ ли дѣйствительно эпоха, которая осуществится, когда родъ человѣческій необходимо пріобрѣтетъ такія познанія, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія.»

Представляемая въ настоящемъ случаѣ Кондорсе картина послѣдствій, которыя должны быть вызваны размноженіемъ людей, когда число ихъ превзойдетъ средства существованія, начерчена съ большою правдой. Колебаніе, о которомъ онъ говоритъ, неизбѣжно должно обнаружиться въ такомъ случаѣ, и, безъ всякаго сомнѣнія, должно обратиться въ источникъ періодическихъ бѣдствій. Единственная точка, на которой я расхожусь въ этомъ отношеніи съ нимъ, касается эпохи, въ которую предположеніе его обратится въ дѣйствительность. Кондорсе вѣритъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ наступленіи подобной эпохи когда нибудь въ будущемъ, но полагаетъ, что будущее это находится отъ насъ на огромномъ разстояніи. Если отношеніе народонаселенія къ средствамъ существованія дѣйствительно таково, какъ это доказано мной и какъ это обнаруживается во всѣхъ періодахъ общественнаго быта, то мы имѣемъ полное право сказать, напротивъ того, что эта эпоха давно уже наступила; что неизбѣжное колебаніе, періодически вызывающее возвращеніе нищеты, суще-

ствовало съ первыхъ историческихъ временъ, и что въ ту минуту, какъ мы говоримъ, оно производитъ въ различныхъ мѣстахъ свои гибельныя потрясенія.

Кондорсе, тѣмъ неменѣе, продолжаетъ, и говоритъ, что если эпоха эта, казавшаяся ему отдаленной на безконечное отъ насъ разстояніе, и наступитъ когда нибудь для человѣческаго рода, то защитникамъ совершенствованія человѣка вовсе не слѣдуетъ приходить отъ этого въ уныніе. Вслѣдствіе чего, онъ предлагаетъ разрѣшеніе подобнаго затрудненія. Но разрѣшеніе это таково, что, сознаюсь откровенно, я рѣшительно не въ состояніи понять его. Онъ замѣчаетъ, во первыхъ, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, нелѣпые суевѣрные предразсудки перестанутъ извращать нравственность строгостью, искажающею человѣческую природу. Затѣмъ, онъ дѣлаетъ намекъ на какое то средство противъ зла, вызывающаго его опасенія. Средство это состоитъ, повидимому, въ особеннаго рода сожительствѣ или въ безусловно свободномъ сношеніи между полами, которое должно предупреждать чрезмѣрное плодородіе женщинъ, или, быть можетъ, въ какомъ либо иномъ средствѣ, имѣющемъ ту же цѣль и столько же противурѣчащемъ естественнымъ требованіямъ нашей природы. Но предлагать подобныя средства для отстраненія затрудненій значитъ отказаться отъ добродѣтели и отъ чистоты нравовъ, составляющихъ главную цѣль поборниковъ равенства и совершенствованія человѣка.

Послѣдній вопросъ, разбираемый Кондорсе, состоитъ въ усовершаемости органической природы человѣка. Если вышеприведенные доводы, говоритъ онъ, получающіе еще бо̀льшую силу отъ дальнѣйшаго ихъ развитія, достаточны для доказательства безграничной усовершаемости человѣка, при предположеніи, что настоящія его способности и организація останутся неизмѣнными, то насколько увеличивается несомнѣнность и размѣръ нашихъ надеждъ, если сама организація его и свойственныя ей способности тоже способны къ усовершенствованію?

Успѣхи врачебной науки; болѣе здоровая пища и помѣщеніе; условія жизни, благопріятныя для развитія способно-

стей путемъ упражненія и предохраненіемъ ихъ отъ чрезмѣрнаго утомленія; отстраненіе двухъ главныхъ причинъ развращенія человѣка, крайней нищеты и чрезмѣрнаго богатства; постепенное искорененіе наслѣдственныхъ и заразительныхъ болѣзней при содѣйствіи просвѣщенія, благотворное вліяніе котораго будетъ болѣе дѣйствительно вслѣдствіе успѣховъ разума и общественнаго порядка: всѣ эти соображенія приводятъ его къ заключенію, что человѣкъ, не становясь собственно безсмертнымъ, тѣмъ не менѣе будетъ пользоваться жизнью, естественная продолжительность которой будетъ постоянно возрастать, такъ что она можетъ быть собственно названа *неопредѣленной;* слово это онъ объясняетъ, и разумѣетъ подъ нимъ постоянное движеніе къ безграничной, хотя и никогда недосягаемой, продолжительности, или увеличеніе срока жизни, въ безконечномъ ряду вѣковъ достигающаго до числа, превосходящаго всякую данную величину.

Но приложеніе этого выраженія (въ какомъ бы смыслѣ мы ни принимали его) къ продолжительности человѣческой жизни, очевидно, находится въ полномъ противурѣчіи съ принципами здравой философіи, и не подтверждается никакими естественными законами. Вызываемыя различными причинами колебанія существенно отличны отъ правильнаго и непрерывнаго возрастанія. Средняя продолжительность человѣческой жизни, разумѣется, до нѣкоторой степени можетъ измѣниться отъ вліянія климата, болѣе или менѣе здоровой пищи, хорошихъ или дурныхъ нравовъ и другихъ причинъ; но мы имѣемъ полное право утверждать, что съ того времени, какъ существуютъ по этому вопросу дѣйствительныя историческія свидѣтельства, вовсе не замѣчалось никакого движенія, никакого увеличенія въ естественной продолжительности человѣческой жизни. По существующимъ предразсудкамъ, принимается противуположное мнѣніе; и хотя послѣднее не заслуживаетъ никакого довѣрія, все же оно служитъ указаніемъ, что не было замѣчено движенія и въ противуположномъ смыслѣ.

Но, можетъ быть, намъ сдѣлаютъ возраженіе, что міръ

такъ еще молодъ, онъ находится въ такомъ еще младенческомъ состоянiи, что мы не можемъ уловить такого рода движенiя.

Но если это такъ, то человѣческая наука становится невозможной, всѣ наши заключенiя отъ дѣйствiй къ ихъ причинамъ рушатся; книга природы закрывается для насъ, и чтенiе ея оказывается безплодно. Самыя странныя, самыя невѣроятныя предположенiя могутъ создаваться съ такою же увѣренностью, какъ и самыя точныя, самыя высокiя теорiи, покоющiяся на несомнѣнныхъ и безчисленныхъ наблюденiяхъ. Приходится вернуться къ старымъ философскимъ системамъ и гнуть факты, чтобы подводить ихъ подъ теорiи, вмѣсто того, чтобы основывать теорiю на фактахъ. Великая, стройная во всѣхъ своихъ частяхъ теорiя Ньютона должна уступить пустымъ и мечтательнымъ гипотезамъ Декарта. Словомъ, если законы природы непостоянны и своенравны; если можно принять и утверждать, что они измѣнчивы, послѣ того, какъ они казались намъ неизмѣнными впродолженiи длиннаго ряда вѣковъ, то для разума человѣка нѣтъ болѣе побудительной причины обращаться къ плодотворнымъ изслѣдованiямъ; ему остается коснѣть въ бездѣйствiи, или забавляться собственными мечтами и безумнымъ самообольщенiемъ.

Постоянство законовъ природы и отношенiй между причинами и ихъ слѣдствiями представляетъ основу всѣхъ человѣческихъ знанiй. Если, не имѣя ни одного предварительнаго признака въ пользу какого либо измѣненiя, мы можемъ утверждать, что такое измѣненiе случится, то нѣтъ положенiя, котораго мы не могли бы поддерживать, и мы такъ же не имѣли бы права отрицать, что луна сольется съ землей, какъ и утверждать, что завтра взойдетъ солнце.

Что касается до срока человѣческой жизни, то съ перваго дня созданiя мiра и до настоящаго времени, нѣтъ, повидимому, ни малѣйшаго постояннаго признака въ пользу его увеличенiя. Наблюденiя, сдѣланныя надъ влiянiемъ климата, привычекъ, образа жизни и другихъ условiй на продолжительность жизни, подали поводъ приписать послѣдней неопредѣленное возрастанiе. Изъ того, что предѣлы человѣческой жизни не обозначены точно, изъ того, что нельзя на-

значить ей точную границу и утверждать, что она кончится тутъ-то, и не пойдетъ дальше, полагаютъ возможнымъ заключить, что она будетъ возрастать безгранично, и что ее можно считать неопредѣленной и способной къ безконечному увеличенію. Но для разоблаченія этого софизма и для раскрытія его нелѣпости, достаточно поверхностнаго изслѣдованія того, что̀ называетъ Кондорсе органическою усовершаемостью растеній и животныхъ, которую онъ принимаетъ за общій законъ природы.

Я знаю, что между людьми, занимающимися улучшеніемъ породъ животныхъ, принимается за несомнѣнную истину, что улучшеніе это не имѣетъ границъ; такое мнѣніе они основываютъ на другой истинѣ, а именно, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ животныхъ всегда можно надѣяться встрѣтить желаемыя качества въ высшей степени противъ тѣхъ же качествъ ихъ родителей. Въ знаменитой овчарнѣ графа Лейчестера задались мыслью выростить овецъ, которыя обладали бы маленькой головой и короткими ногами. Очевидно, что на основаніи приведенной теоріи можно получить такихъ овецъ, которыя отличались бы фантастически малой головой и такими же ногами. Такое нелѣпое заключеніе служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ ложности посылокъ, и показываетъ, что въ такого рода отклоненіяхъ существуетъ граница, за которую перейти невозможно, хотя и нельзя указать ее съ точностью. Самая высокая степень улучшенія, или наименьшіе размѣры головы и ногъ могутъ быть приняты въ этомъ смыслѣ неопредѣленными; но это совсѣмъ не та неопредѣленность, какъ ее принимаетъ Кондорсе. Хотя я и не въ состояніи обозначить границы, до которой можетъ достигнуть улучшеніе породы, но я легко могу указать границу, за которую оно перейти не можетъ. Я смѣло могу утверждать, что, выращивая овецъ въ томъ же направленіи, ни въ какомъ случаѣ не достигнутъ того, чтобы голова и ноги ихъ были менѣе, чѣмъ у крысы.

Поэтому, изъ того, что въ породѣ всегда встрѣчаются отдѣльныя животныя, обладающія желаемыми качествами въ высшей степени противъ ихъ родителей, мы вовсе не имѣемъ

права заключать, что порода эта способна къ безграничному усовершенствованію.

Улучшеніе растенія, при переходѣ его отъ дикаго состоянія къ состоянію садоваго цвѣтка, быть можетъ, болѣе поразительно, чѣмъ какое бы то ни было улучшеніе животной породы. Одна изъ чертъ, болѣе всего бросающихся въ глаза въ этомъ улучшеніи, состоитъ въ увеличеніи размѣровъ цвѣтка. Вслѣдствіе культуры, цвѣтокъ постоянно увеличивался. Еслибы улучшеніе это не имѣло предѣловъ, то оно продолжалось бы до безконечности. Но такое заключеніе до такой степени нелѣпо, что мы смѣло можемъ утверждать существованіе границы для улучшенія растеній, какъ и животныхъ, хотя мы и не можемъ обозначить ея съ точностью. Садовники, побуждаемые соревнованіемъ и барышами, при воспитаніи растеній, вѣроятно неоднократно, хотя и безплодно, обращались и къ болѣе тщательному уходу, и къ болѣе дѣйствительнымъ удобреніямъ. Впрочемъ, было бы дѣломъ въ высшей степени самонадѣяннымъ, еслибы кто либо сталъ утверждать, что ему удалось видѣть самую большую гвоздику или самый красивый анемонъ, какіе только могутъ быть выращены. Но всякій смѣло можетъ сказать, не боясь, что будетъ опровергнутъ когда бы то ни было фактами, что ни гвоздика, ни анемонъ не могутъ достигнуть размѣровъ весьма крупной капусты, хотя величина ихъ можетъ превзойти всякій данный образецъ гвоздики и анемона. Никто не можетъ утверждать, что онъ видѣлъ самый большой колосъ пшеницы или самый большой дубъ, какіе только могутъ существовать; но онъ легко и съ полной увѣренностью можетъ обозначить величину, до которой они никогда не достигнутъ. Итакъ, во всѣхъ такихъ случаяхъ слѣдуетъ тщательно отличать безграничный прогрессъ отъ прогресса, предѣлы котораго не могутъ быть обозначены.

Можетъ быть, мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, что если растенія и животныя не увеличиваются безгранично, то это потому, что они были бы раздавлены собственною тяжестью. Я отвѣчу на это: можемъ ли мы судить объ этомъ иначе, какъ на основаніи опыта? Силу сопротивленія этихъ тѣлъ

мы узнали изъ наблюденія. Правда, я знаю ранѣе, чѣмъ гвоздика достигнетъ величины капусты, что стебель ея не можетъ выдержать такой тяжести; но и это извѣстно мнѣ только изъ наблюденія, познакомившаго меня съ слабостію и непрочностью матерьяловъ ея стебля. Но вѣдь могутъ существовать вещества такой же толщины, которыя выдержатъ тяжесть кочана капусты.

Причины смертности растеній еще неизвѣстны намъ. Никто не знаетъ, почему такое то растеніе живетъ годъ, такое то два, между тѣмъ какъ другія растутъ нѣсколько столѣтій. Все, что̀ мы знаемъ о растеніяхъ, о животныхъ, о человѣкѣ, знаемъ мы изъ опыта: если я говорю, что человѣкъ смертенъ, то это потому, что неизмѣнный опытъ всѣхъ временъ доказываетъ смертность организованнаго вещества, изъ котораго состоитъ его тѣло. Мы можемъ разсуждать только на основаніи того, что мы знаемъ *(what can we reason but from what we know)*.

Здравая философія не дозволяетъ мнѣ отрицать понятіе о смертности человѣка, пока мнѣ не будетъ ясно доказано, что порода человѣческая стремилась и продолжаетъ стремиться къ безпредѣльной продолжительности жизни. Главная причина, побудившая меня привести два примѣра изъ растеній и животныхъ, состояла въ желаніи выставить и показать несостоятельность довода, заключающаго о безпредѣльномъ ростѣ изъ частнаго роста, границы котораго не могутъ быть точно указаны.

Способность къ улучшенію, какъ животныхъ, такъ и растеній, не можетъ подлежать сомнѣнію. Прогрессъ рѣшительный и очевидный существуетъ; и тѣмъ неменѣе, я думаю, что можетъ считаться доказанной нелѣпость мнѣнія, что прогрессъ этотъ не имѣетъ предѣловъ. Что же касается до человѣческой жизни, то, несмотря на значительныя колебанія, которымъ подчинена она вслѣдствіе различныхъ причинъ, мы имѣемъ право сомнѣваться, чтобы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, произошло бы хоть какое нибудь улучшеніе въ органическомъ устройствѣ человѣка. Поэтому, ученіе, на которомъ основаны доводы въ пользу органической усо-

вершаемости человѣка, крайне шатко, и покоится на однихъ догадкахъ. Тѣмъ неменѣе, мы не смѣемъ утверждать, чтобы тщательнымъ воспитаніемъ породъ нельзя бы было получить нѣкотораго улучшенія, подобнаго тому, какое замѣчено между животными. Мы имѣемъ право сомнѣваться, чтобы могли распространяться такимъ образомъ разсудочныя способности; но ростъ, красота, цвѣтъ кожи, а можетъ быть и долговѣчность, могутъ до нѣкоторой степени передаваться путемъ наслѣдства. Заблужденіе будетъ состоять не въ предположеніи возможности нѣкоторой степени улучшенія, но въ смѣшеніи этой степени, предѣлъ которой можетъ быть обозначенъ, съ дѣйствительно безграничнымъ улучшеніемъ. Впрочемъ, такъ какъ порода человѣческая можетъ быть улучшена такимъ путемъ не иначе, какъ подвергнувъ безбрачной жизни всѣхъ людей, отличающихся меньшимъ совершенствомъ, то и нельзя предположить, чтобы такое средство для полученія лучшей породы людей когда нибудь вошло въ употребленіе. И дѣйствительно, мнѣ не случалось слышать ни объ одной удачной попыткѣ такого рода, кромѣ попытки древней фамиліи Бикерстафовъ, которой, говорятъ, вполнѣ удалось усилить бѣлизну кожи и увеличить ростъ благоразумными браками, въ особенности разсудительнымъ родствомъ съ молочницей Мо, исправившей нѣкоторые существенные недостатки ихъ организаціи.

Я полагаю, что для доказательства невѣроятности безграничнаго стремленія къ увеличенію продолжительности человѣческой жизни нѣтъ никакой необходимости указывать, какой вѣсъ придало бы такое предположеніе всѣмъ нашимъ разсужденіямъ о законѣ народонаселенія.

На книгу Кондорсе можно смотрѣть, какъ на изложеніе мнѣній нетолько знаменитаго ея автора, но и многихъ ученыхъ людей Франціи въ эпоху революціи. Съ этой точки зрѣнія она заслуживаетъ особеннаго вниманія, несмотря на краткое свое изложеніе *.

* Въ книгѣ Кондорсе можно встрѣтить множество положеній, защищаемыхъ новѣйшими соціалистами, въ особенноста Фурье.

Рус. перев.

Весьма многіе люди найдутъ, я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ, что опровергать такой нелѣпый парадоксъ, какъ безсмертіе земной жизни человѣка или даже усовершаемость человѣка и общества, это терять понапрасну время и слова; что лучшій отвѣтъ на такого рода предположенія, неимѣющія въ своемъ основаніи никакихъ данныхъ, есть молчаніе. Но когда подобные парадоксы предлагаются талантливыми и умными людьми, то молчаніе нисколько не содѣйствуетъ разсѣянію ихъ заблужденій. Гордые созданіемъ теорій, принимаемыхъ ими за доказательство необыкновенныхъ дарованій и ширины своихъ воззрѣній, они смотрятъ на молчаніе, какъ на признакъ умственнаго безсилія и узкости пониманія своихъ современниковъ, и заключаютъ изъ него только, что міръ не готовъ еще къ принятію раскрытыхъ ими высокихъ истинъ.

Напротивъ того, покойное изслѣдованіе ихъ теорій, при готовности принять всякую мысль, согласную съ принципами здравой философіи, можетъ послужить къ убѣжденію авторовъ подобныхъ парадоксовъ, что созданіемъ невѣроятныхъ и лишенныхъ всякаго основанія гипотезъ, они нетолько не расширяютъ, но съуживаютъ область знанія, нетолько не благопріятствуютъ, но противудѣйствуютъ успѣхамъ человѣческаго разума; что они возвращаютъ насъ къ младенческому состоянію науки, и подрываютъ основы той философіи, подъ руководствомъ которой науки сдѣлали такіе быстрые успѣхи. Обнаружившаяся въ послѣднее время страсть къ созданію самыхъ невѣроятныхъ гипотезъ отличается какимъ то опьяненіемъ, и своимъ происхожденіемъ, быть можетъ, обязана множеству столько же великихъ, какъ и неожиданныхъ открытій, сдѣланныхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ. Въ глазахъ людей, увлеченныхъ и какъ бы обезумѣвшихъ отъ такихъ побѣдъ, повидимому, не было ничего невозможнаго для силъ человѣка, и, подъ вліяніемъ такого самообольщенія, они перемѣшали явленія, прогрессъ которыхъ вовсе не былъ доказанъ, съ явленіями, прогрессъ которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еслибы можно было заставить ихъ разсуждать болѣе покойно и здраво, то они согласились бы, что польза

истины и здравой философіи не можетъ не пострадать отъ замѣны этими порывами воображенія и смѣлыми предположеніями настойчивыхъ изслѣдованій и неопровержимыхъ аргументовъ.

ГЛАВА II. — О системахъ равенства: Годвинъ.

При чтеніи остроумнаго сочиненія Годвина о политической справедливости, насъ поражаетъ живость и энергія его слога, сила и точность многихъ его доводовъ, горячность, съ которою онъ приводитъ ихъ, и въ особенности, то убѣжденіе, которымъ онъ проникнутъ и которое придаетъ его сочиненію видъ несомнѣнной истины. Тѣмъ неменѣе, должно согласиться, что въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ уклонялся отъ мудрыхъ правилъ, предписываемыхъ здравой философіей. Заключенія его нерѣдко выходятъ за предѣлы, допускаемые его положеніями. Ему невсегда удается опровергнуть поставленныя имъ самимъ возраженія. Онъ придаетъ слишкомъ большую вѣру отвлеченнымъ общимъ положеніямъ, которыя оказываются нерѣдко совершенно неприложимыми, а нѣкоторыя изъ такихъ положеній рѣшительно удаляются отъ естественныхъ законовъ природы.

Предлагаемая Годвиномъ система равенства, на первый взглядъ, представляется прекраснѣйшей и увлекательнѣйшей теоріей, которая когда либо была предложена. Улучшеніе общества, основанное на однихъ только требованіяхъ разума и на доставляемомъ имъ убѣжденіи, обѣщаетъ больше прочности и долговѣчности, чѣмъ что̀ бы то ни было, основанное на насиліи. Безусловное развитіе личности представляетъ ученіе, достойное уваженія и, повидимому, превосходящее теоріи, основанныя на рабскомъ подчиненіи личности общественнымъ интересамъ. Принципъ любви, какъ главная пружина всѣхъ общественныхъ учрежденій, который долженъ

* *An enquiry concerning political justice*, 2 т. Изд. 1793. См. статью, приложенную къ первому тому этого сочиненія.

Рус. перев.

занять мѣсто эгоизма и личныхъ интересовъ, представляется на первый взглядъ улучшеніемъ, къ которому должны стремиться всѣ наши желанія. Словомъ, при взглядѣ на эту общую картину, нельзя удержаться отъ удовольствія, восхищенія и страстнаго желанія видѣть ея осуществленіе. Но увы! осуществленіе это невозможно. Ибо на всѣ эти картины счастія нельзя смотрѣть иначе, какъ на мечты и на великолѣпныя созданія воображенія. Это всеобщее благоденствіе, это господство истины и добродѣтели исчезаютъ при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, и уступаютъ свое мѣсто настоящимъ страданіямъ жизни, или, вѣрнѣе, переплетенію радостей и страданій, изъ которыхъ неизмѣнно состоитъ она.

Говоря о народонаселеніи, Годвинъ, въ концѣ третьей главы восьмой книги, замѣчаетъ: «Въ обществѣ человѣческомъ существуетъ законъ, по которому народонаселеніе непрерывно держится на уровнѣ средствъ существованія. На этомъ основаніи, между кочующими племенами Азіи и Америки, впродолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, ни разу не замѣчалось, чтобы народонаселеніе возрасло до такой степени, чтобы вызвать необходимость въ воздѣлываніи земли.» Этотъ законъ или сила, о которой Годвинъ говоритъ, какъ о чемъ то сокровенномъ, таинственномъ, сущности чего онъ не изслѣдуетъ, представляетъ, основываясь на томъ, что̀ доставлено намъ нашими изслѣдованіями, ничто иное, какъ роковой законъ необходимости, несчастіе *(misery)* и опасеніе несчастія.

Главная ошибка Годвина, преобладающая во всемъ его сочиненіи, состоитъ въ томъ, что онъ приписываетъ человѣческимъ учрежденіямъ всѣ пороки и всѣ бѣдствія, возмущающіе общество. Въ политическихъ учрежденіяхъ и въ законахъ, касающихся собственности, онъ видитъ источникъ всѣхъ бѣдствій и всѣхъ преступленій. Но еслибы это воззрѣніе было справедливо, то можно было бы не отчаиваться въ надеждѣ, что зло будетъ когда нибудь окончательно изгнано изъ окружающаго насъ міра, а разумъ человѣческій дѣйствительно будетъ орудіемъ такого благотворнаго преобразованія. Но дѣло въ томъ, что бѣдствія, причиняемыя человѣческими учрежденіями, между которыми нѣкоторыя пред-

ставляются несомнѣнно вредными, оказываются крайне ничтожными и поверхностными, сравнительно съ несчастіями, порождаемыми естественными законами и человѣческими страстями.

Въ главѣ, имѣющей цѣлью показать огромныя выгоды системы равенства, Годвинъ выражается такимъ образомъ: «Духъ притѣсненія, рабства и обмана—вотъ непосредственные плоды законовъ о собственности. Всѣ эти склонности одинаково препятствуютъ совершенствованію умственныхъ способностей. Онѣ порождаютъ прочіе пороки, зависть, злобу, месть. При такомъ состояніи общества, въ которомъ всѣ люди пользуются довольствомъ, въ которомъ на всѣхъ людей одинаково разливаются благодѣянія природы, гнусныя чувства эти необходимо должны быть заглушены. Узкія, эгоистическія стремленія должны исчезнуть. Такъ какъ никто не будетъ вынужденъ сосредоточивать всю свою заботливость на охраненіи принадлежащей ему скромной доли благъ, или безпокоиться объ удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей, то каждый забудетъ личные свои интересы, чтобы посвятить себя общественному благу. Никто не будетъ врагомъ своего ближняго за отсутствіемъ предметовъ для вражды; поэтому, всеобщая взаимная любовь вскорѣ должна занять мѣсто, указываемое ей разумомъ. Разумъ, освободившись отъ заботъ о матеріяльныхъ нуждахъ, естественно обратится къ болѣе высокимъ помысламъ, и войдетъ такимъ образомъ въ принадлежащія ему права. Каждый поспѣшитъ помочь ближнему въ его изслѣдованіяхъ.»

Вотъ, по истинѣ, картина счастія. Тѣмъ неменѣе, она существуетъ только въ воображеніи, и я полагаю, это не требуетъ особенныхъ доказательствъ.

Всѣ люди не могутъ жить въ довольствѣ. Невозможно, чтобы благодѣянія природы разливались на нихъ поровну. Еслибы не существовало законовъ о собственности, то всякому пришлось бы охранять силой принадлежащую ему долю благъ. Эгоизмъ получилъ бы полное господство; поводы для вражды возникали бы непрерывно. Всякій человѣкъ былъ бы поглощенъ заботами о матерьяльныхъ нуждахъ, и не нашлось

бы ни одного, разумъ котораго обратился бы къ болѣе высокимъ помысламъ.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ мало знакомъ былъ Годвинъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ общества, достаточно взглянуть, какъ разрѣшается имъ затрудненіе, порождаемое безграничнымъ размноженіемъ народонаселенія. «Отвѣчать на такое возраженіе, говоритъ онъ, значитъ очевидно заниматься вопросомъ, отстоящимъ отъ насъ на громадное разстояніе. Еще цѣлыхъ три четверти земнаго шара, пригодныя для жизни человѣка, не заселены вовсе. Воздѣлываемыя земли способны къ безпредѣльному улучшенію. Населеніе можетъ возрастать еще мильоны вѣковъ, прежде чѣмъ земля окажется не въ состояніи прокормить всѣхъ своихъ жителей.»

Я уже разоблачилъ заблужденіе людей, воображающихъ, что чрезмѣрное населеніе не можетъ причинить нищеты и бѣдствій, пока будетъ возрастать количество произведеній земли. Но представимъ себѣ, согласно съ Годвиномъ, что его система равенства вполнѣ осуществляется, и посмотримъ, не почувствуется ли, даже при такой совершенной организаціи общества, затрудненіе, которое, думалъ онъ, что отстранено навсегда. Теорія, невыдерживающая никакого приложенія, очевидно должна быть отвергнута.

Предположимъ, что въ Великобританіи отстранены всѣ причины, порождающія пороки и несчастія. Война и междоусобныя распри прекращаются. Нѣтъ болѣе нездоровыхъ фабрикъ и занятій. Люди не скучиваются болѣе въ городахъ, чтобы заниматься сплетнями, торговлей и беззаконными удовольствіями. Простыя, разумныя и здоровыя развлеченія заняли мѣсто азартной игры, вина и разврата. Города приняли такіе размѣры, которые не могутъ болѣе оказывать пагубнаго вліянія на здоровье ихъ населенія. Наибольшая часть населенія этого земнаго рая разселяется по деревнямъ и по фермамъ, разбросаннымъ по всей странѣ. Всѣ люди равны между собой. Работы, имѣющія своею цѣлью изготовленіе предметовъ роскоши, прекратились; земледѣльческія занятія распредѣлились между всѣми, никого не отягощая. Положимъ, что

число жителей на всемъ островѣ и количество доставляемыхъ имъ произведеній то же, что̀ и теперь. Вслѣдствіе господствующей на немъ взаимной любви, руководимой самой безпристрастной справедливостью, произведенія распредѣляются между всѣми членами общества такимъ образомъ, что каждый получаетъ по своимъ нуждамъ. Невозможно, правда, чтобы всѣ пользовались ежедневно животной пищей, но и растительной пищи, съ присоединеніемъ къ ней по временамъ приличнаго количества мяса, вполнѣ будетъ достаточно для удовлетворенія воздержнаго населенія и для поддержанія въ немъ здоровья, силы и веселаго расположенія духа.

Годвинъ смотритъ на бракъ, какъ на обманъ и монополію. Мы предположимъ, поэтому, что отношенія между полами существуютъ на безусловной свободѣ. Годвинъ не думаетъ, чтобы эта свобода вызвала безпорядочную перемѣну связей. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе. Склонность къ разнообразію есть стремленіе порочное, искаженное, противное нашей природѣ; оно не можетъ пустить корней и распространяться въ обществѣ, отличающемся простотой нравовъ и добродѣтелью. Вѣроятно, каждый изберетъ себѣ подругу, и союзъ этотъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока оба лица будутъ подходить одно къ другому. По мнѣнію Годвина, вовсе нѣтъ необходимости знать, сколько каждая женщина будетъ имѣть дѣтей, ни кому они будутъ принадлежать. Средства существованія и всякаго рода пособія сами собой будутъ притекать изъ мѣстъ, гдѣ они изобилуютъ, въ мѣста, гдѣ въ нихъ почувствуется недостатокъ. Всякій человѣкъ будетъ готовъ содѣйствовать, чѣмъ только можетъ, воспитанію нараждающагося поколѣнія.

По истинѣ, я не могу себѣ представить общественнаго быта, болѣе благопріятнаго для размноженія населенія. Нерасторгаемость брака, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, несомнѣнно удерживаетъ весьма многихъ людей отъ супружескихъ узъ. Отношенія, освобожденныя отъ всякаго принужденія, избавятъ отъ такихъ опасеній, и побудятъ къ заключенію такого рода связей съ самаго ранняго возраста. А какъ мы предположили, что при

заключеніи ихъ, никто не будетъ сдерживаться опасеніемъ о средствахъ для содержанія своихъ дѣтей, то изъ ста женщинъ, я полагаю, едва ли найдется хоть одна, которая не была бы матерью семейства, достигнувъ двадцатитрехлѣтняго возраста.

Такое поощреніе народонаселенія, при отстраненіи всѣхъ главныхъ препятствій для его размноженія, и при сдѣланныхъ предположеніяхъ, должно вызвать безпримѣрно быстрое увеличеніе числа жителей. Я имѣлъ случай говорить, что внутреннія американскія колоніи удваиваютъ свое населеніе каждыя пятнадцать лѣтъ. Англія представляетъ, безъ сомнѣнія, болѣе здоровую страну, чѣмъ колоніи во внутренней части Америки. А какъ мы предположили, что помѣщенія въ Великобританіи будутъ чисты и здоровы, а условія для размноженія населенія будутъ еще болѣе благопріятны, чѣмъ въ Америкѣ, то и нѣтъ причины, чтобы число жителей не удваивалось въ ней еще скорѣе, чѣмъ каждыя пятнадцать лѣтъ. Но чтобы придать бо̀льшую точность нашимъ вычисленіямъ, положимъ періодъ удвоенія населенія въ двадцать пять лѣтъ, то есть, меньшій противъ того, который несомнѣнно существовалъ въ Сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что введеніе равенства въ имуществахъ, вмѣстѣ съ направленіемъ труда къ земледѣльческимъ занятіямъ, согласно съ нашимъ предположеніемъ, должно значительно увеличить количество произведеній страны. Тѣмъ неменѣе, нельзя принять, чтобы для удовлетворенія потребностей населенія, отличающагося такимъ быстрымъ размноженіемъ, достаточно было ежедневнаго получасоваго труда, какъ вычисляетъ Годвинъ. Для этого потребуется вѣроятно половина времени отъ каждаго человѣка. Но и при такомъ, или при большемъ трудѣ, человѣку, знакомому съ свойствами почвы, со степенью плодородія воздѣлываемыхъ и безплодія необрабатываемыхъ земель, трудно согласиться, чтобы въ двадцать пять лѣтъ можно было удвоить количество произведеній. Единственное для этого средство состояло бы въ обращеніи подъ хлѣбныя поля луговъ и пастбищъ и въ

безусловномъ почти отреченіи отъ животной пищи *. Но такая мѣра рушится сама собою. Въ самомъ дѣлѣ, почва Англіи безъ удобренія не можетъ давать хорошихъ урожаевъ, и содержаніе скота оказывается, повидимому, необходимымъ для доставленія землѣ наиболѣе пригоднаго для нея удобренія.

Но какъ бы трудно ни казалось подобное удвоеніе количества произведеній въ каждыя двадцать пять лѣтъ, положимъ, что удастся достигнуть этого. Въ концѣ періода, пища, хотя главнымъ образомъ и растительная, все же будетъ въ количествѣ, достаточномъ для содержанія въ здоровомъ состояніи удвоенное число жителей, дошедшее до 22,000,000.

Но впродолженіи слѣдующаго періода, откуда добыть продовольствіе для удовлетворенія необходимыхъ потребностей все возрастающаго населенія? Гдѣ искать новыхъ земель для воздѣлыванія? Откуда получить удобреніе, необходимое для улучшенія уже занятыхъ? Люди, сколько нибудь свѣдущіе въ

* По вычисленію Маки, для удовлетворенія населенія Великобританіи растительной пищей, достаточно 2,412,746 акровъ хорошей земли, между тѣмъ какъ для прокормленія его животной пищей потребовалось бы 44,475,478 акровъ.

На это можно замѣтить, что такъ какъ настоящее населеніе Великобританіи питается смѣшанной пищей, и главнымъ образомъ растительной, то оно требуетъ для этого промежуточное число акровъ, болѣе близкое къ первой, чѣмъ ко второй цифрѣ.

Веньям. Белль полагаетъ, что пространство всѣхъ земель Великобританіи простирается до 62 мильоновъ акровъ. За выключеніемъ изъ этого числа необрабатываемыхъ земель, остается 32 мильона для всякаго рода произведеній. По мнѣнію этого писателя, состояніе земледѣлія въ Англіи находится на такомъ еще низкомъ уровнѣ, что изъ всего этого количества земель не болѣе трехъ мильоновъ акровъ, засѣваемыхъ хлѣбомъ, воздѣлывается сколько нибудь способнымъ образомъ: такъ что, только эти три мильона акровъ производятъ почти половину всего количества хлѣба, потребляемаго островомъ, ибо они доставляютъ 22,500,000 квартеровъ. Эти три мильона составляютъ около девятой части всѣхъ земель Великобританіи, подлежащихъ воздѣлыванію. *De la disette, par Benj. Bell, à Genève, J. J. Paschoud, 1804.* Прим. автора.

См. это же вычисленіе въ статьѣ о Мальтусѣ, приложенной къ 1-му тому этого сочиненія, ст. 41. Рус. перев.

въ этомъ дѣлѣ, разумѣется, не повѣрятъ въ возможность усиленія производства, впродолженіи втораго періода, на количество, равное тому, какое сдѣлано было въ первый періодъ. Мы, тѣмъ неменѣе, примемъ этотъ законъ возрастанія производства, какъ бы ни казался онъ невѣроятенъ. Сила доказываемаго мною аргумента дозволяетъ дѣлать почти безпредѣльныя уступки. Но несмотря на такую уступку, по прошествіи втораго періода, 11,000,000 населенія оказываются безъ всякихъ средствъ существованія. Количество произведеній, достаточное для скромнаго прокормленія 33,000,000 народу, должно быть теперь распредѣлено между 44,000,000.

И увы! во что̀ обращается картина общества, представлявшая намъ людей, живущихъ въ довольствѣ, неимѣвшихъ нужды тревожно заботиться о средствахъ для своего существованія, свободныхъ отъ узкаго эгоизма, преданныхъ умственнымъ занятіямъ и недумавшихъ о презрѣнныхъ матерьяльныхъ нуждахъ? Блестящее созданіе воображенія исчезаетъ отъ упавшаго на него свѣта истины. Чувство взаимной любви, пробуждаемое и питаемое всеобщимъ довольствомъ, заглушается чувствомъ нужды. Гнусныя страсти снова обнаруживаются. Живущій въ каждомъ человѣкѣ инстинктъ самосохраненія душитъ болѣе благородныя и болѣе сладостныя склонности. Побужденія слишкомъ сильны, чтобы могли быть сдержаны. Жатва будетъ сниматься прежде, чѣмъ успѣетъ созрѣть. Каждый постарается захватить ее больше, чѣмъ допускается закономъ. Вслѣдъ за обманомъ, придутъ всѣ порождаемые имъ пороки. Продовольствіе перестанетъ притекать самимъ собою къ матери, обремененной многочисленной семьей. Вслѣдствіе недостатка пищи, дѣти подвергнутся страданіямъ. Здоровый румянецъ уступитъ мѣсто болѣзненной блѣдности. Тщетно бросаетъ послѣднія искры свои умирающее человѣколюбіе; чувство самосохраненія, личный интересъ заглушаютъ всякое другое побужденіе, и возвращаютъ свое безусловное господство въ мірѣ.

Во всемъ этомъ не принимаетъ никакого участія ни одно изъ человѣческихъ учрежденій, которымъ Годвинъ приписываетъ всѣ пороки испорченныхъ людей. Учрежденія эти не

вызывали противурѣчія между общественнымъ и личнымъ благомъ. Они не создавали никакой монополіи, которая представила бы немногимъ выгоды, которыя, по здравому смыслу, должны принадлежать всѣмъ. Мы не имѣемъ права сказать, чтобы несправедливые законы побудили кого нибудь нарушить общій порядокъ. Любовь одушевляла всѣ сердца. И тѣмъ неменѣе, послѣ небольшаго періода въ пятьдесятъ лѣтъ, насиліе, притѣсненіе, обманъ, нищета, самые гнусные пороки, возмущающіе и безчестящіе настоящее общество, появились снова, вызванные, повидимому, законами самой природы нашей, безъ всякаго участія какого бы то ни было человѣческаго учрежденія.

Но если этого еще недостаточно для нашего убѣжденія, то перейдемъ къ третьему періоду; мы увидимъ, что 44,000,000 народа лишены средствъ существованія. Къ концу перваго вѣка населеніе достигнетъ 176,000,000, между тѣмъ какъ продовольствія достанетъ только для 55,000,000, такъ что 121,000,000 должны погибнуть отъ голода. Въ эту эпоху нужда будетъ повсемѣстной; хищничество и убійство распространятся всюду. А между тѣмъ, мы предположили безпредѣльное возрастаніе годичнаго производства, такое даже, на которое не можетъ согласиться самый смѣлый мечтатель.

Эта картина, вызываемая затрудненіемъ, порождаемымъ закономъ народонаселенія, безъ сомнѣнія, весьма не похожа на картину, представляемую слѣдующими словами Годвина: «Населеніе можетъ возрастать еще мильоны вѣковъ, прежде чѣмъ земля окажется не въ состояніи прокормить всѣхъ своихъ жителей.»

Я хорошо знаю, что излишніе мильоны, о которыхъ я говорилъ выше, никогда бы не существовали. Годвинъ дѣлаетъ весьма основательное замѣчаніе, «что въ человѣческомъ обществѣ дѣйствуетъ законъ, по которому населеніе непрерывно поддерживается на уровнѣ средствъ существованія.» Остается только рѣшить вопросъ: что это за законъ? Скрыта ли отъ насъ таинственная его причина? Не сверхъестественное ли это вмѣшательство неба, поражающее въ извѣстныя эпохи мужчинъ безсиліемъ, а женщинъ безплодіемъ?

Или же причина эта доступна намъ, и можетъ быть подвергнута нашему изслѣдованію, причина, постоянно дѣйствующая предъ нашими глазами, хотя и съ различной силой, во всѣхъ возможныхъ условіяхъ, окружающихъ человѣка? Не лежитъ ли она въ несчастіи или въ опасеніи несчастія, являющихся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ естественныхъ законовъ, слѣдствіемъ, смягчаемымъ, а не усиливаемымъ человѣческими учрежденіями, хотя послѣднимъ и не удалось предупредить ихъ?

Быть можетъ, не безполезно будетъ прослѣдить, какимъ образомъ въ предположенномъ случаѣ нѣкоторые изъ главнѣйшихъ законовъ, до сихъ поръ управлявшихъ обществомъ, были бы послѣдовательно вызваны безусловнѣйшей необходимостью. По мнѣнію Годвина, человѣкъ есть результатъ получаемыхъ имъ впечатлѣній. Поэтому, эгоистическія побужденія вскорѣ вызвали бы нѣкоторое посягательство на то, что̀ принадлежитъ обществу или частнымъ лицамъ. Когда такія посягательства размножатся и станутъ болѣе значительными, то болѣе дѣятельные и проницательные люди непремѣнно замѣтятъ, что по мѣрѣ быстраго размноженія населенія, годичное количество произведеній начнетъ вскорѣ уменьшаться. Угрожающая нужда вызоветъ необходимость принять безотлагательно нѣкоторыя мѣры предосторожности. Созвано будетъ собраніе, предъ которымъ будетъ изложена опасность настоящаго положенія. Пока мы жили въ довольствѣ; скажутъ на немъ, до тѣхъ поръ не было особеннаго неудобства въ томъ, что нѣкоторые работали нѣсколько меньше противъ другихъ, и что доли каждаго человѣка не были совершенно равными, ибо каждый изъ насъ готовъ былъ спѣшить на помощь своему ближнему. Теперь же дѣло идетъ не о томъ уже, чтобы узнать, готовъ ли каждый уступить то, что̀ каждому необходимо для существованія. Потребности, будетъ прибавлено, значительно превосходятъ средства для ихъ удовлетворенія. Нужда обнаружилась съ такой силой, вслѣдствіе недостатка въ произведеніяхъ, что вызвала важныя нарушенія законовъ справедливости. Нарушенія эти уже остановили умноженіе количества продовольствія, и если

не принять противъ нихъ никакихъ мѣръ, то они приведутъ общество въ смятеніе. Вслѣдствіе этого, крайняя необходимость побуждаетъ усилить во что̀ бы то ни стало годовое производство. Для достиженія этой цѣли необходимо болѣе совершенное раздѣленіе земли и обезпеченіе самыми строгими мѣрами, противъ будущихъ покушеній, за каждымъ изъ насъ принадлежащей ему собственности.

На подобную рѣчь, быть можетъ, сдѣлано будетъ возраженіе, что увеличеніе плодородія нѣкоторыхъ участковъ и другія обстоятельства доставляютъ владѣльцамъ болѣе, чѣмъ сколько потребно для нихъ, и что если когда либо наступитъ царство эгоизма и личнаго интереса, то эти богачи не согласятся уступить свой избытокъ другимъ людямъ иначе, какъ получивъ за него что либо. Сожалѣя вмѣстѣ съ ними о такомъ неизбѣжномъ послѣдствіи новаго порядка вещей, тѣмъ неменѣе возразятъ имъ, насколько подобное зло заслуживаетъ предпочтенія, сравнительно съ отсутствіемъ обезпеченія собственности. Количество пищи, скажутъ имъ, необходимой для человѣка, неизбѣжно ограничивается скромными потребностями его желудка. Нельзя предположить, чтобы удовлетворивъ своему голоду, человѣкъ не сдѣлалъ какого либо употребленія изъ своего излишка. Поэтому, онъ обмѣнитъ его на трудъ другихъ членовъ общества, которые охотнѣе согласятся принять подобную сдѣлку, чѣмъ подвергаться нуждѣ.

Такимъ образомъ, есть вѣроятность предположить, что будутъ введены, относительно собственности, законы, весьма сходные съ тѣми, которые приняты всѣми цивилизованными народами, и что на законы эти будутъ смотрѣть, какъ на средство, несовершенное, правда, но лучшее, какое находится въ нашемъ распоряженіи, для облегченія общественныхъ бѣдствій.

Вслѣдъ за такимъ разсужденіемъ должно послѣдовать другое, которое тѣсно съ нимъ связано. Стали бы разсуждать объ отношеніяхъ между полами. Люди, которые признали бы настоящую причину всеобщаго бѣдствія, стали бы настаивать, что несомнѣнная увѣренность каждаго отца семейства

въ томъ, что дѣти его получатъ содержаніе на счетъ благотворительности общества, дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ, чтобы земля могла прокормить постоянно возрастающее населеніе. Они представятъ, что еслибы вся заботливость, весь трудъ, на который только способенъ человѣкъ, направились къ одной этой цѣли; еслибы собственность находилась внѣ всякаго покушенія противъ нея; еслибы даже такимъ путемъ и всѣми возможными поощреніями можно было достигнуть наибольшаго количества земныхъ произведеній, на какое только можно разсчитывать: все же умноженіе продовольствія никогда не можетъ поспѣть за несравненно болѣе быстрымъ возрастаніемъ населенія. Необходимо, стало быть, ограничить какимъ нибудь образомъ размноженіе народа. Самое простое и самое естественное ограниченіе состояло бы, повидимому, въ возложеніи на каждаго человѣка обязанности прокормить своихъ дѣтей. Такой законъ послужилъ бы регуляторомъ народонаселенія, и сдерживалъ бы чрезмѣрное его возрастаніе, такъ какъ должно надѣяться, что ни одинъ человѣкъ не захочетъ дать жизнь несчастнымъ существамъ, прокормить которыхъ онъ не въ состояніи; если же найдется кто либо, способный на подобное дѣло, то по требованію справедливости, онъ долженъ нести отвѣтственность за бѣдствія, которыя будутъ имъ вызваны, и которымъ онъ подчинится по собственной охотѣ.

Учрежденіе брака или, по крайней мѣрѣ, точное и безропотное обязательство содержать своихъ дѣтей, оказалось бы, повидимому, естественнымъ результатомъ такого разсужденія среди общества, находящагося подъ гнетомъ нужды.

Картина, представляемая подобнымъ обществомъ, показываетъ намъ вполнѣ естественную причину различнаго воззрѣнія на цѣломудріе, что̀ касается того и другаго пола. Вообще, мы не можемъ предположить, чтобы одна женщина была въ состояніи содержать свое семейство. Поэтому, когда женщина рѣшается жить съ мужчиной безъ предварительнаго соглашенія на счетъ содержанія дѣтей, а мужчина, заботясь только о себѣ, бросаетъ ее, то дѣти или падаютъ на попеченіе общества, или гибнутъ. Для предупрежденія частаго

повторенія такого проступка, подвергать физическому наказанію за который было бы дѣломъ жестокимъ, ее преслѣдуютъ презрѣніемъ. Слѣдуетъ, сверхъ того, замѣтить, что въ женщинѣ такой проступокъ замѣтнѣе, и рѣже вводитъ въ заблужденіе. Мы не всегда знаемъ отца ребенка, но рѣдко намъ неизвѣстна бываетъ мать его. Вотъ почему порицаніе сильнѣе падаетъ на лице, проступокъ котораго и менѣе подлежитъ сомнѣнію, и болѣе вредитъ обществу. Общество положительными законами вмѣнило каждому человѣку обязанность содержать своихъ дѣтей. Впрочемъ, безпокойства и чрезмѣрный трудъ, составляющіе удѣлъ человѣка, обремененнаго семьей, вмѣстѣ съ извѣстнымъ порицаніемъ, падающимъ на человѣка, причиняющаго зло своимъ ближнимъ, казались достаточнымъ наказаніемъ для виновнаго.

Что въ настоящее время женщина почти отвергается обществомъ за ошибку, за которую мужчина остается почти безнаказаннымъ, это, разумѣется, до нѣкоторой степени несправедливо. Но если происхожденіе такого неровнаго отношенія и не можетъ быть вполнѣ оправдано, оно, тѣмъ неменѣе, объясняется естественно, такъ какъ это было самымъ простымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для предупрежденія частаго повторенія проступка, вызывавшаго весьма пагубныя послѣдствія для общества. Воспоминаніе объ этомъ происхожденіи въ настоящее время утратилось среди новаго ряда представленій, поражденныхъ обычаемъ. Обычай, вызванный необходимостью, поддерживается болѣе изысканнымъ чувствомъ, и свято соблюдается тою частью общества, которая менѣе всего подвергается нуждѣ.

Вотъ какимъ образомъ получили свое происхожденіе оба основные закона общества: охраненіе собственности и учрежденіе брака; съ этихъ же поръ получило свое начало и неравенство состояній. Люди, появившіеся на свѣтъ послѣ того, какъ распредѣлена была собственность, застали землю занятой. Если родители ихъ, обремененные семьей, отказывались отъ ихъ содержанія, то къ кому же было имъ обратиться? Неудобства равенства, дававшаго каждому человѣку право на свою долю произведеній земли, были испытаны. Члены

многочисленнаго семейства потеряли надежду получить, какъ принадлежащую имъ, часть избытка этихъ произведеній. Законы человѣческой природы присуждали, такимъ образомъ, нѣкоторыхъ людей къ лишеніямъ, а вскорѣ число такихъ людей до того увеличилось, что для удовлетворенія ихъ уже недоставало этого избытка. Для распредѣленія этого избытка, соотвѣтственно заслугамъ каждаго, стала необходима самая тщательная разборчивость. При своемъ рѣшеніи, собственники должны были обращать вниманіе на какой нибудь болѣе вѣрный и болѣе очевидный признакъ. Оказалось болѣе справедливымъ и болѣе естественнымъ, чтобы выборъ этотъ палъ на тѣхъ людей, которые бы согласились и оказались способными увеличить своимъ трудомъ количество тѣхъ произведеній, которыя собственники желали получить, такъ какъ результатомъ этого оказывались очевидныя выгоды для самого общества, и такъ какъ этимъ нововведеніемъ давалась имущимъ людямъ возможность доставить средства существованія большему числу людей. Вотъ какимъ образомъ всѣ люди, находившіеся въ нуждѣ, принуждены были предложить свой трудъ въ обмѣнъ за средства существованія. Поэтому, запасы, предназначенные для приведенія въ дѣятельность труда, суть все количество продовольствія, принадлежащее собственникамъ земли, сверхъ того, чтó необходимо для личнаго ихъ потребленія. Когда требованія на эти запасы оказывались велики и многочисленны, то послѣдніе, естественно, распредѣлялись въ весьма малыхъ доляхъ. Трудъ оплачивался дурно. Люди предлагали свою работу за самое необходимое, а размноженіе семействъ останавливалось болѣзнями и нищетой. Напротивъ того, если запасы возрастали быстро, если они становились обильны, сравнительно съ требованіями, то доли, въ которыхъ они распредѣлялись, оказывались значительными. Никто не соглашался работать, если не получалъ въ обмѣнъ обильнаго количества продовольствія. Работники жили въ довольствѣ, и были въ состояніи воспитывать многочисленное и здоровое потомство.

Отъ состоянія этихъ запасовъ, въ настоящее время, во всякой странѣ зависитъ главнымъ образомъ благосостояніе

или несчастіе народа. А отъ благосостоянія или несчастія народа зависитъ, главнымъ образомъ, прогрессивное, неподвижное или ретроградное состояніе населенія.

Изъ этого оказывается, стало быть, что общество, устроенное по самому лучшему образцу, какой только можетъ быть созданъ воображеніемъ, одушевленное началомъ взаимной любви, а не любовью къ самому себѣ или личными интересами, въ которомъ всѣ порочныя стремленія сдерживаются разумомъ, а не насильственными мѣрами, весьма скоро склонилось бы къ упадку, вслѣдствіе неизбѣжныхъ законовъ природы, но нисколько не вслѣдствіе прирожденной человѣку склонности ко злу, или вслѣдствіе вліянія человѣческихъ учрежденій. Общество это приметъ видъ, мало чѣмъ отличающійся отъ общества, находящагося въ настоящую минуту предъ нашими глазами; оно представитъ, подобно послѣднему, классъ работниковъ и классъ собственниковъ; то и другое будутъ управляться любовью къ самому себѣ или личными интересами.

Я предположилъ размноженіе населенія несомнѣнно меньшее, а возрастаніе произведеній несомнѣнно большее, чѣмъ какое существуетъ въ дѣйствительности. При условіяхъ, которыя были избраны нами, мы имѣемъ право думать, что населеніе станетъ возрастать быстрѣе, чѣмъ это когда либо замѣчалось. Если, стало быть, мы примемъ періодъ удвоенія въ 15 лѣтъ, вмѣсто 25, и если мы поразмыслимъ о трудѣ, необходимомъ для удвоенія въ такой короткій промежутокъ времени годоваго производства, то при предположеніи даже, что построенный на равенствѣ планъ Годвина принятъ, и разработанъ до высшей степени совершенства, мы смѣло утверждаемъ, что онъ былъ бы разрушенъ закономъ народонаселенія менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ.

При этомъ я не принималъ въ разсчетъ выселенія по весьма простой причинѣ. Еслибы на основаніи такого же равенства установлены были всѣ общества въ Европѣ, то очевидно, что во всѣхъ странахъ этой части свѣта случилось бы то же самое; обремененныя излишнимъ населеніемъ, онѣ не могли бы доставить убѣжища пришлецамъ. Если же такой велико-

лѣнный проектъ былъ бы приведенъ въ исполненіе на одномъ только островѣ, то примѣненіе его должно будетъ сильно исказиться, или счастіе, которое имѣлось имъ въ виду, окажется гораздо ниже нашихъ ожиданій, если пользовавшіеся имъ люди согласятся отказаться отъ него, и подчиниться несовершеннымъ правительствамъ остальной части міра, или неудобствамъ, сопряженнымъ съ заведеніемъ новыхъ колоній.

ГЛАВА III. — О системахъ равенства: Овенъ.

Люди, мнѣніемъ которыхъ я дорожу, совѣтовали мнѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, исключить изъ новаго изданія моего сочиненія разборъ системъ равенства Валласа, Кондорсе и Годвина, такъ какъ онѣ потеряли свой интересъ, и не находятся въ тѣсной связи съ главнымъ предметомъ этого *Опыта*, имѣющимъ въ виду разъясненіе и освѣщеніе теоріи народонаселенія. Но и независимо отъ нѣкотораго пристрастія къ этой части моего произведенія, подавшей мнѣ поводъ къ развитію главнаго положенія, я твердо увѣренъ въ необходимости удѣлить гдѣ нибудь мѣсто для оцѣнки системъ равенства, которая опиралась бы на законъ народонаселенія; такая оцѣнка, быть можетъ, произведетъ одинакое дѣйствіе, будетъ ли она помѣщена между разъясненіями и примѣненіями закона народонаселенія, или во всякомъ другомъ мѣстѣ.

Въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, въ особенности въ такомъ, въ которомъ сдѣлала большіе успѣхи цивилизація и состояніе котораго сильно улучшилось, всякому поверхностному наблюдателю кажется, что можно достигнуть значительной перемѣны къ лучшему введеніемъ системы равенства и общей собственности. Они замѣчаютъ съ одной стороны изобиліе, съ другой — нужду; поэтому, имъ кажется, что естественное и очевидное средство противъ этого явленія состоитъ въ равномъ распредѣленіи богатствъ. Они видятъ, что огромное количество труда теряется на произведеніе предметовъ ничтожныхъ, безполезныхъ, иногда даже вредныхъ, между тѣмъ какъ можно было бы сберечь его или употребить болѣе благопріятнымъ образомъ. Они замѣчаютъ цѣлый рядъ

изобрѣтеній въ производствѣ машинъ, дѣйствіе которыхъ должно, повидимому, значительно уменьшить все количество труда. И все таки, несмотря на эти кажущіяся средства для повсемѣстнаго распространенія довольства, досуга и счастія, они видятъ, что трудъ людей, составляющихъ многочисленнѣйшій классъ всего общества, нисколько не уменьшается, и что участь ихъ, если и не ухудшается, то и не улучшается хоть сколько нибудь замѣтнымъ образомъ.

При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ безпрестанномъ предложеніи преобразованій, имѣющихъ въ виду какую нибудь систему равенства. Правда, что въ извѣстныя эпохи, въ которыя вопросъ этотъ разбирается съ наибольшей глубиной, или вслѣдъ за какою либо неудачной попыткой такого рода, произведенной въ большихъ размѣрахъ, можетъ случиться, что вопросъ этотъ замираетъ, а мнѣнія защитниковъ равенства поступаютъ въ число заблужденій, господство которыхъ погибло безвозвратно и о которыхъ никогда не будетъ и рѣчи. Тѣмъ неменѣе, хотя бы существованіе міра продолжалось еще многія тысячелѣтія, системы равенства вѣроятно всегда будутъ принадлежать къ числу тѣхъ заблужденій, о которыхъ говоритъ Дугальдъ Стевартъ *, то есть, которыя, подобно звукамъ странствующаго органа, время отъ времени всегда будутъ раздаваться.

Я рѣшился сдѣлать эти замѣчанія и, вмѣсто того, чтобы исключить все это разсужденіе, прибавить кое что къ тому, что̀ было сказано мною о системахъ равенства, еще по той причинѣ, что въ настоящую минуту существуетъ стремленіе къ воскрешенію подобныхъ системъ.

Человѣкъ, котораго я глубоко уважаю, Овенъ изъ Ланарка, издалъ въ послѣднее время сочиненіе подъ заглавіемъ *Новый взглядъ на общество (A new view of Society)*, имѣющее въ виду приготовить общество къ введенію системы общности труда и собственности. Извѣстно также, что въ низшихъ классахъ общества распространилось мнѣніе, что

---

* *Preliminary dissertation to supplement to the Encyclopaedia Britannica*, стр. 121.

земля есть собственность народа; что приносимый ею доходъ долженъ быть распредѣленъ поровну между всѣми; что вслѣдствіе несправедливости и притѣсненія собственниковъ и лицъ, которымъ поручена забота объ общественномъ благѣ, народъ утратилъ выгоды, на которыя онъ имѣетъ право и которыя составляютъ его законное наслѣдіе.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что Овенъ одушевленъ самыми благими намѣреніями, и что онъ сдѣлалъ много добра. Всякій другъ человѣчества долженъ самымъ искреннимъ образомъ желать успѣха его усиліямъ достигнуть парламентскаго акта, который ограничилъ бы число рабочихъ часовъ для дѣтей, употребляемыхъ на бумажныхъ фабрикахъ, и воспретилъ бы употреблять ихъ на работу въ слишкомъ раннемъ возрастѣ. Онъ имѣетъ полное право на вниманіе ко всему, что̀ имѣетъ отношеніе къ воспитанію, вслѣдствіе опытности и свѣдѣній, несомнѣнно пріобрѣтенныхъ имъ во время наблюденія впродолженіи многихъ лѣтъ за двумя тысячами фабричныхъ работниковъ, и вслѣдствіе необыкновеннаго успѣха, сопровождавшаго, какъ говорятъ, его методъ. Теорія, опирающаяся на подобный опытъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія, чѣмъ теоріи, являющіяся плодомъ одного только кабинетнаго соображенія.

Что же касается до его мнѣній о поземельной собственности, то они покоятся на весьма шаткихъ основаніяхъ, и обнаруживаютъ совершенное незнаніе предмета. Къ заблужденіямъ рабочихъ классовъ слѣдуетъ, впрочемъ, относиться снисходительно. Заблужденія эти составляютъ неизбѣжный и естественный результатъ ихъ положенія и крайне скудныхъ свѣдѣній этихъ классовъ, вслѣдствіе чего они легко обольщаются уловками и происками интригантовъ. За исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, люди, обладающіе бо̀льшими противъ нихъ свѣдѣніями, должны желать возвращенія ихъ на путь истины скорѣе посредствомъ терпѣнія и болѣе широкаго распространенія между ними образованія, чѣмъ болѣе строгими мѣрами.

Послѣ того, что̀ сказано было о системахъ равенства въ предъидущихъ главахъ, я не вижу необходимости въ систе-

матическомъ ихъ опроверженіи. Я хочу только указать еще разъ на необходимость печатнаго опроверженія этихъ системъ, опираясь на законъ народонаселенія, и придать моему возраженію точную и общепонятную форму.

Противъ такихъ системъ можно выставить два рѣшительныхъ аргумента. Первый состоитъ въ томъ, что равенство, какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи, не представляетъ достаточно сильнаго побужденія къ труду и къ побѣдѣ надъ естественною лѣностью человѣка, чтобы вызвать лучшую обработку земли и побудить къ фабричному производству, доставляющему предметы потребленія, услаждающіе наше существованіе.

Въ основаніи другаго лежитъ неизбѣжная бѣдность, къ которой въ самое непродолжительное время должна привести всякая система равенства. Это естественное слѣдствіе стремленія человѣческой породы размножаться быстрѣе, чѣмъ ростутъ средства существованія, если только размноженіе это не будетъ предупреждаться болѣе жестокими средствами, чѣмъ тѣ, которыя вытекаютъ изъ установленія собственности и изъ обязательства, налагаемаго на каждаго человѣка законами божескими и законами самой природы, заботиться о своихъ дѣтяхъ.

Первый изъ этихъ аргументовъ всегда казался мнѣ убѣдительнымъ. Общество, въ которомъ неравенство положеній обусловливаетъ естественную награду за добропорядочное поведеніе, и всякому внушаетъ надежду улучшить свое положеніе и опасеніе ухудшить его, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе всего способствуетъ развитію способностей человѣка и энергіи его характера, вызываетъ и укрѣпляетъ его добродѣтели *. Исторія свидѣтельствуетъ, что всюду, гдѣ было установлено равенство, отсутствіе побужденія постоянно притупляло и убивало въ обществѣ всякое усердіе и соревнованіе.

Тѣмъ неменѣе, можетъ случиться, что ни опытъ, ни тео-

---

* Вопросъ этотъ прекрасно разработанъ въ недавно обнародованномъ сочиненіи почтеннаго Сомнера о твореніи: *On the Records of the Creation and the moral attrbutes of the Creator;* сочиненіе это достойно всякой похвалы, и я желаю скорѣйшаго и такого его распространенія, какого оно вполнѣ заслуживаетъ. Прим. автора.

рія не заставятъ замолчать защитниковъ подобной системы. Они скажутъ, что примѣры общества, основаннаго на равенствѣ, представляемые исторіей, такъ рѣдки и такъ близки къ состоянію варварства, что изъ нихъ вовсе нельзя сдѣлать какихъ либо заключеній для цивилизованныхъ народовъ; что въ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ исторія представляетъ намъ общества, довольно близко подходящія къ равенству, мы встрѣчаемъ развитіе необыкновенно сильныхъ характеровъ; что даже въ новѣйшее время нѣкоторыя общества, примѣромъ которыхъ можетъ въ особенности служить моравское братство, сдѣлали общею наибольшую часть своей собственности, и чрезъ это нисколько не уменьшили производительной силы своего труда. Они скажутъ еще, что изъ предположенія, что неравенство состояній было необходимо, чтобы вызвать дикаго человѣка изъ его безпечной неподвижности, и сдѣлать его способнымъ къ дѣятельной и разумной жизни человѣка цивилизованнаго, вовсе не слѣдуетъ необходимости въ томъ же побудителѣ для поддержанія дѣятельности и энергіи, послѣ того какъ онѣ уже разъ вызваны. Можно, слѣдовательно, предоставить людямъ пользоваться благами цивилизаціи, не подчиняя ихъ побудителю, который, подобно всякому другому, произведя свое благотворное дѣйствіе, кончаетъ тѣмъ, что если не будетъ остановленъ, то влечетъ за собою безсиліе, болѣзнь и смерть.

Подобные доводы вовсе не убѣдительны для того, кто изучалъ сердце человѣческое. Но въ нихъ есть нѣчто, заслуживающее вниманія, такъ что они не могутъ быть опровергнуты съ такою рѣшительностью, чтобы предложеніе такого рода попытки съ перваго же взгляда показалось нелѣпостью.

Второй аргументъ противъ системъ равенства, опирающійся на законѣ народонаселенія, представляетъ ту выгоду, что нетолько всюду одинаково подтверждается опытомъ всѣхъ временъ и народовъ, но и теоретически очевиденъ до того, что противъ него не можетъ быть сдѣлано хоть сколь нибудь правдоподобное возраженіе, и потому, онъ вовсе не нуждается въ подтвержденіи новыми опытами. Онъ построенъ на вычисленіи и на самомъ простомъ разсчетѣ, основанномъ

на извѣстныхъ свойствахъ почвы и на существующемъ отношеніи между числомъ умирающихъ и раждающихся, извѣстномъ въ каждой деревнѣ. Во многихъ приходахъ Англіи, въ которыхъ, несмотря на трудность содержать семью, весьма естественную въ густо заселенной странѣ, раждающіеся относятся къ умирающимъ (не принимая въ разсчетъ опущеній въ приходскихъ книгахъ), какъ 2 къ 1. Отношеніе это, вмѣстѣ съ отношеніемъ 1 къ 50, выражающимъ среднюю смертность въ деревняхъ, удвоило бы населеніе въ 41 годъ, еслибы не существовало выселеній изъ прихода. Но при всякой системѣ равенства, какъ и въ системѣ Овена, основанной на поземельной приходской ассоціаціи, нетолько не представляется никакого пособія по оставленіи прихода, но и само размноженіе населенія должно происходить въ первое время гораздо быстрѣе, чѣмъ при настоящемъ состояніи общества. Что̀ же, спрашиваю я, можетъ предупредить постепенное уменьшеніе доли каждаго человѣка изъ всего количества получаемыхъ произведеній? Что же помѣшаетъ этому уменьшенію достигнуть до послѣднихъ размѣровъ нужды и крайней бѣдности *?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ и удобопонятенъ. Разумѣется, никто не рѣшится предлагать или поддерживать

---

* Въ системѣ Спенсена, въ томъ видѣ, въ какомъ она опубликована секретаремъ Общества Филантроповъ-Спенсенистовъ, оказывается, къ несчастію, что за вычетомъ всѣхъ предположенныхъ расходовъ на управленіе, и на другія необходимыя учрежденія, въ результатѣ рѣшительно ничего не остается; такъ что даже въ первую минуту у народа не оказалось бы и шиллинга, которымъ бы онъ могъ подѣлиться; и это при предположеніи совершеннаго уничтоженія государственнаго долга, безъ какого бы то ни было вознагражденія кредиторовъ.

Ежегодный доходъ, доставляемый землей, домами, рудниками и рыбной ловлей, оцѣнивается въ 150 мильоновъ фун. стер., что̀ составляетъ почти въ три раза больше противъ дѣйствительной суммы. И тѣмъ неменѣе, отправляясь отъ такой чрезмѣрной оцѣнки, сдѣлавъ вычисленіе, мы найдемъ, что по распредѣленіи дохода, придется на душу по четыре фун. стер., что̀ не превосходитъ суммы, получаемой нѣкоторыми бѣдняками изъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ. Что за несчастное благосостояніе, которое, къ тому же, подлежитъ постоянному уменьшенію! Прим. автора.

систему равенства, если онъ не въ состояніи логически защитить ее, по крайней мѣрѣ теоретически. Но мнѣ не случалось слышать даже теоретическаго отвѣта на этотъ вопросъ, или даже хоть приблизительнаго его разрѣшенія.

Противъ этого приводилось весьма поверхностное замѣчаніе. Существуетъ, говорятъ, противурѣчіе разсчитывать на дѣйствіе нравственнаго самообузданія въ обществѣ просвѣщенномъ и развивающемся при существующихъ порядкахъ, и не допускать его въ обществѣ, основанномъ на равенствѣ, которое предполагаетъ болѣе широкое и болѣе распространенное образованіе. Но люди, разсуждающіе такимъ образомъ, забываютъ, что поощреній и побужденій къ нравственному самообузданію, при системѣ равенства и общаго имущества, вовсе не существуетъ.

Предположимъ, что при подобной системѣ, несмотря на всѣ усилія увеличить количество продовольствія, населеніе сильно переходитъ за уровень, допускаемый средствами существованія, и потому, бѣдность распространяется всюду. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, что для предупрежденія жестокаго голода необходимо уменьшить процентъ приращенія народонаселенія. Но кто же долженъ исполнить необходимое въ такомъ случаѣ требованіе; кто отложитъ эпоху своего вступленія въ бракъ, или вовсе откажется отъ него? Мы не видимъ, чтобы необходимымъ слѣдствіемъ установленія системы равенства было внезапное притупленіе всѣхъ страстей человѣческихъ. А если онѣ будутъ продолжать свое дѣйствіе, то лица, желающія вступить въ бракъ, найдутъ для себя жестокимъ попасть въ число тѣхъ, которые должны бороться со своими страстями. Такъ какъ всѣ люди равны и находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, то и не видно, почему одинъ человѣкъ долженъ подчиняться обязанности, которую не несутъ другіе. А между тѣмъ, это необходимо для избѣжанія жестокаго страданія всего общества. При состояніи равенства такое стѣсненіе можетъ быть наложено только посредствомъ закона. Но кто будетъ слѣдить за его исполненіемъ и какимъ образомъ будетъ наказываться его нарушеніе? Будетъ ли приговоренъ къ безславію, станутъ ли указывать

пальцемъ на человѣка, вступившаго преждевременно въ бракъ? Или его подвергнутъ тѣлесному наказанію? Или его приговорятъ къ заключенію въ тюрьмѣ на нѣсколько лѣтъ? И какъ поступятъ съ его дѣтьми? Но какія бы ни были придуманы наказанія за подобный проступокъ, всѣ они были бы возмутительны и противуестественны. А между тѣмъ, если для предупрежденія бѣдствій, вызываемыхъ нищетой, оказывается безусловно необходимымъ ограничить какимъ бы то ни было образомъ стремленіе къ преждевременнымъ бракамъ, въ случаѣ если страна не въ состояніи прокормить слишкомъ быстро возрастающаго населенія, то можетъ ли самое пылкое воображеніе придумать мѣру болѣе естественную, болѣе справедливую, болѣе согласную, какъ съ божескими, такъ и съ человѣческими законами, указанными самыми просвѣщенными и геніальными людьми, какъ возложить на каждаго человѣка обязанность содержать своихъ дѣтей, то есть, сдѣлать такимъ образомъ, чтобы онъ несъ на самомъ себѣ всѣ неудобства и всѣ затрудненія, естественно вытекающія изъ неумѣнія его сдерживать свои страсти, и освободить въ этомъ отношеніи каждаго отъ отвѣтственности за чужія слабости?

Что затрудненіе прокормить многочисленное семейство оказываетъ значительное вліяніе на предупрежденіе преждевременныхъ браковъ во всѣхъ классахъ общества; что вліяніе это должно возрастать въ низшихъ слояхъ общества, по мѣрѣ распространенія между ними образованія и благоразумія— это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но дѣйствіе такого естественнаго воздержанія зависитъ исключительно отъ существованія законовъ собственности и наслѣдства; а при сосостояніи равенства и общности имуществъ, оно можетъ быть замѣнено только искуственными постановленіями совсѣмъ иного характера и иначе противорѣчащими требованіямъ человѣческой природы. Это хорошо понималъ Овенъ, и потому, онъ обратился ко всѣмъ своимъ изобрѣтательнымъ способностямъ, чтобы пріискать какое нибудь средство къ отстраненію затрудненій, вызываемыхъ чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія при защищаемомъ имъ состояніи общества. Безусловная неудача его пріискать такое средство, которое

не противурѣчило бы природѣ человѣка, и не оказалось бы безнравственнымъ или въ высшей степени жестокимъ, подобно средствамъ, оказавшимся столь же неудачными, какъ въ древнемъ *, такъ и въ новѣйшемъ обществѣ, служитъ, повидимому, достаточнымъ доказательствомъ, что второй аргументъ противъ каждой системы равенства, опирающійся на законѣ народонаселенія, не допускаетъ никакого, даже теорическаго возраженія, имѣющаго видъ правдоподобія. Фактъ, что населеніе стремится къ возрастанію, превышающему средства существованія, можетъ быть повѣренъ по приходскимъ книгамъ почти каждой деревни въ Англіи. Неизбѣжное слѣдствіе такого стремленія, повергнуть цѣлый народъ въ нужду и въ бѣдствіе, если тѣмъ или другимъ способомъ не замедлится размноженіе населенія, столько же очевидно; а невозможность вызвать это замедленіе при состояніи равенства иначе, какъ путемъ какого либо противуестественнаго, безнравственнаго или жестокаго постановленія, представляется опроверженіемъ, которое можно одинаково приложить ко всякой системѣ равенства **.

ГЛАВА IV. — О выселеніи.

Хотя въ системахъ, созданныхъ воображеніемъ и только что изслѣдованныхъ нами, выселеніе и невозможно, тѣмъ не-

* Мы уже упоминали, въ кн. I, глава XIII, о гнусныхъ средствахъ противъ размноженія населенія, предложенныхъ нѣкоторыми древними законодателями, съ цѣлью защитить и поддержать свои системы равенства. Прим. автора.

** Какъ бы сильны ни казались доводы, приводимые Мальтусомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что новѣйшія общества, подъ вліяніемъ религіи, науки и политики, стремятся къ организаціи, основанной на равенствѣ или на большемъ или меньшемъ приближеніи къ нему. Формы этой организаціи и составляютъ предметъ поисковъ для настоящихъ поколѣній. Къ тому же, мы знаемъ уже теперь, что точность заключеній Мальтусовой теоріи покоится на прочности его основныхъ посылокъ и прогрессій. Упреки же въ безнравственности равно примѣнимы и къ его ученію. Для сравненія см. статью, приложенную къ первому тому настоящаго сочиненія, и критическій разборъ ученія Мальтуса, прилагаемый къ настоящему тому.
Рус. перев.

менѣе, слѣдуетъ разсмотрѣть пособіе, которое въ дѣйствительности можетъ быть имъ доставлено. Безъ всякаго сомнѣнія, невѣроятно, чтобы трудъ прилагался съ одинаковымъ совершенствомъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Если, стало быть, въ хорошо воздѣлываемыхъ странахъ, населеніе почувствуетъ стѣсненіе, то природа, представляетъ, повидимому, самое простое средство противъ такого зла, открывая пути для выселенія чрезмѣрно густаго населенія, и побуждая его къ перемѣщенію въ страны пустынныя и менѣе населенныя. А какъ страны эти представляютъ громадныя пространства, то и средство это представляется неизсякаемымъ и вполнѣ достаточнымъ для успокоенія всякаго опасенія въ этомъ отношеніи или для отстраненія, по крайней мѣрѣ, этихъ опасеній на самое отдаленное будущее. Но если мы обратимся къ дѣйствительности, и бросимъ взглядъ на части земнаго шара, въ которыя еще не проникла цивилизація, то это воображаемое средство оказывается весьма слабой пальятивной мѣрой.

Достовѣрныя свѣдѣнія о заведенныхъ уже поселеніяхъ въ новыхъ странахъ показываютъ намъ, что такого рода предпріятія сопровождаются бòльшими опасностями и затрудненіями, чѣмъ какія испытали бы въ своемъ старомъ отечествѣ люди, рѣшившіеся покинуть его. Желаніе избавиться отъ несчастія, порождаемаго въ Европѣ затрудненіемъ прокормить свою семью, надолго еще оставило бы Америку пустынной, еслибы болѣе дѣятельныя побужденія, какъ жажда золота, страсть къ приключеніямъ и религіозное увлеченіе не привели въ нее многочисленныхъ пришлецевъ, и не придали имъ силы для преодолѣнія всякаго рода препятствій, противодѣйствовавшихъ ихъ поселенію. Нерѣдко даже такого рода экспедиціи сопровождались обстоятельствами, отъ которыхъ содрагается сердце и которыя прямо противорѣчили цѣли, которая имѣлась въ виду при выселеніи. Какое бы мнѣніе мы ни имѣли о туземномъ населеніи Мексики и Перу, при чтеніи исторіи завоеванія этихъ странъ, невольно приходитъ въ голову мысль, что истребленная въ нихъ порода людей стояла выше побѣдителей, какъ по нравственнымъ своимъ свойствомъ, такъ и по своей многочисленности.

Части Америки, въ которыхъ поселились англичане, по причинѣ несравненно меньшей своей населенности, повидимому, были болѣе благопріятны для заведенія въ нихъ колоній. Но за то онѣ представляли и больше затрудненій. Въ Виргиніи, въ которой В. Ралей предпринялъ, а лордъ Делаваръ окончилъ устройство поселеній, сдѣланы были, одна за другой, три попытки, которыя рѣшительно не удались. Почти половина первыхъ поселенцевъ была истреблена дикарями; другая половина, измученная, погибавшая отъ голода, оставила страну, и возвратилась въ свое отечество безъ всякихъ средствъ и въ безнадежномъ состояніи. Участь втораго поселенія такъ и осталась неизвѣстной: полагаютъ, что туземцы перебили всѣхъ колонистовъ, о которыхъ никогда не было никакого слуху. Третье поселеніе испытало такую же судьбу. Наконецъ, четвертое поселеніе голодомъ и болѣзнями уменьшено было въ теченіи шести мѣсяцевъ съ 500 душъ до 60, и возвращалось въ самомъ жалкомъ состояніи, когда было встрѣчено въ Кесапекскомъ заливѣ лордомъ Делаваромъ который имѣлъ съ собой продовольствіе и всякаго рода пособія и средства для обороны.

Первыя пуританскія поселенія въ Новой Англіи, были весьма немногочисленны. Колонисты высадились въ дурное время года, и пробивались только продовольствіемъ, привезеннымъ съ собою. Зима въ этотъ годъ была ранняя и жестокая. Страна была покрыта лѣсомъ и доставляла весьма немного произведеній, которыя могли бы подкрѣпить людей, ослабленныхъ такимъ длиннымъ переѣздомъ, и доставить средства существованія для вновь раждающагося населенія. Цынга, лишенія и суровый климатъ погубили почти половину колонистовъ. Но оставшіеся въ живыхъ не упали духомъ. Одушевленные мужествомъ и удовольствіемъ, что избавились отъ религіознаго гнета въ дѣлахъ совѣсти, они заставили наконецъ эту дикую страну давать имъ пропитаніе *.

Сама Барбадоская колонія, сдѣлавшая впослѣдствіи такіе быстрые успѣхи, при учрежденіи своемъ, встрѣтила огромныя

* Burke's *America* т. II, стр. 219.—Robertson, кн. IV, стр. 83, 86.

препятствія. При недостаткѣ продовольствія, среди пустынной страны, покрытой лѣсомъ, состоящимъ изъ громадныхъ и самыхъ твердыхъ деревьевъ, въ началѣ она получала самыя скудныя жатвы, и существовала только ненадежными пособіями, высылавшимися ей изъ метрополіи *.

Попытки французовъ въ 1663 завести значительныя поселенія въ Гвіанѣ окончились самымъ плачевныхъ образомъ. Двѣнадцать тысячъ человѣкъ высадились на берегъ въ дождливое время года, и расположились въ шатрахъ. Здѣсь, среди бездѣйствія и лишеній, предоставленные на произволъ заразительныхъ болѣзней и безпорядковъ, пораждаемыхъ праздностью, почти всѣ они погибли самымъ жалкимъ образомъ. Неболѣе двухъ тысячъ, пережившихъ всѣ бѣдствія, благодаря крѣпости своего организма, перевезены были обратно во Францію; такъ что 26 мильоновъ, истраченные на эту экспедицію, безвозвратно погибли, не принеся никакой пользы **.

Недавнее поселеніе въ Портѣ Джаксонѣ, въ Новой Голландіи, по свидѣтельству Коллина, впродолженіи многихъ лѣтъ представляло самое печальное зрѣлище; и ему пришлось бороться со всякаго рода затрудненіямя, пока произведеній его стало достаточно для собственнаго потребленія. Слѣдуетъ, впрочемъ, сознаться, что затрудненія эти были еще усилены свойствами колонистовъ. Но и тѣхъ, которыя вытекали изъ нездоровости вновь расчищенной почвы, изъ потери первыхъ жатвъ, изъ ненадежности пособій, высылаемыхъ метрополіей, достаточно было для распространенія отчаянія. Подобныя затрудненія достаточно показываютъ, какія пособія и поддержки, какая непреклонная настойчивость необходимы для успѣха тякого рода предпріятій.

Они требуются еще въ болѣе сильной степени для заведенія поселеній въ мало населенныхъ мѣстностяхъ Европы и Азіи; ибо въ послѣднихъ войнственный характеръ и могущество населяющихъ ихъ племенъ требуютъ употребленія значительныхъ военныхъ силъ для обезпеченія поселеній отъ

* Burke's *America*, т. II, стр. 85.
** Raynal. *Hist., des Indes*, т. VII, кн. XIII, стр. 43 изд. 1795.

немедленнаго же и совершеннаго истребленія. Самыя могущественныя государства съ трудомъ охраняютъ свои границы, и защищаютъ замледѣльческое населеніе отъ нападенія хищническихъ сосѣднихъ племенъ. Русская императрица Екатерина II нашла необходимымъ защитить настоящими крѣпостями поселенія, заведенныя ею по Волгѣ. Бѣдствія, которымъ подвергались ея подданные, вслѣдствіе набѣговъ крымскихъ татаръ, доставили ей предлогъ, быть можетъ и основательный, овладѣть этимъ полуостровомъ, изгнать изъ него часть безпокойныхъ племенъ, а остальныхъ принудить къ болѣе миролюбивому образу жизни.

Затрудненія, сопряженныя съ новыми поселеніями, представляемыя почвой, климатомъ и отсутствіемъ всякихъ удобствъ для жизни, почти одинаковы въ этихъ странахъ, какъ и въ Америкѣ. Въ своемъ описаніи Отоманской имперіи * Итонъ разсказываетъ, что 75,000 христіанъ принуждены были русскимъ правительствомъ выселиться изъ Крыма, и поселиться въ мѣстностяхъ, оставленныхъ ногайскими татарами. Такъ какъ зима наступила прежде, чѣмъ были устроены предназначавшіяся для нихъ жилища, то бо̀льшая часть людей принуждена была укрыться отъ холода въ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ и покрытыхъ чѣмъ попало. Почти всѣ они погибли. Нѣсколько лѣтъ спустя ихъ осталось неболѣе 7,000. Тотъ же испатель говоритъ, что другая колонія, прибывшая изъ Италіи на берега Днѣпра, испытала такую же участь, вслѣдствіе нерадѣнія посланныхъ, которымъ поручено было позаботиться о нуждахъ поселенцовъ.

Примѣровъ этихъ достаточно; ибо всѣ разсказы о заведеніи новыхъ поселеній сходны между собой, и всюду представляютъ картину однихъ и тѣхъ же затрудненій. Одинъ изъ товарищей доктора Франклина замѣчаетъ весьма основательно, что главная причина неудачи подобныхъ предпріятій, стоившихъ огромныхъ пожертвованій со стороны общества и частныхъ лицъ могущественнѣйшихъ европейскихъ государствъ, состоитъ въ томъ, что нравственныя, какъ и

* *Acconnt of the Turkish Emprire.*

матерьяльныя привычки, пригодныя въ метрополіи, часто вовсе не годятся ни для новыхъ поселеній, ни для окружающихъ ихъ условій, которыхъ нельзя было предвидѣть. Онъ прибавляетъ, что еще ни одна англійская колонія не достигала хоть какого нибудь благосостоянія, пока не успѣетъ усвоить себѣ новыхъ нравовъ, которые требуются окружающими ее условіями. Палласъ утверждаетъ то же самое относительно русскихъ поселеній; онъ замѣчаетъ, что они не отличаются привычками, требующимися ихъ положеніемъ, и что это одна изъ причинъ, почему они не дѣлаютъ успѣховъ, на которые можно бы было разсчитывать.

Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что новая колонія представляетъ примѣръ страны, населенной гуще, чѣмъ это допускается годовою ея производительностью. Естественнымъ результатомъ такого положенія вещей оказывается, что населеніе колоніи, если только оно не получаетъ значительныхъ пособій отъ метрополіи, должно быстро уменьшаться, пока не придетъ къ уровню слабыхъ средствъ существованія, находящихся въ его распоряженіи; и что оно начнетъ непрерывно возрастать не ранѣе, какъ наличное число поселенцевъ станетъ воздѣлывать землю въ такихъ размѣрахъ, чтобы она давала больше произведеній, чѣмъ сколько имъ требуется, и чтобы получить такимъ образомъ излишекъ, который можно бы было распредѣлить между дѣтьми. Частая гибель новыхъ колоній ясно показываетъ необходимость, чтобы средства существованія предшествовали размноженію населенія.

Указавъ на затрудненія, препятствующія успѣху такого рода внѣшнихъ предпріятій, слѣдуетъ еще замѣтить, что часть народа, подвергающаяся наибольшимъ страданіямъ въ метрополіи, вслѣдствіе чрезмѣрнаго населенія, не въ силахъ завести новыя колоніи въ отдаленной мѣстности собственными средствами. Для выселенія, людямъ, лишеннымъ всѣхъ средствъ, еще недостаточно стать подъ знамя человѣка, пользующагося болѣе высокимъ положеніемъ, увлеченнаго жаждой золота, страстью къ приключеніямъ и политическимъ или религіознымъ неудовольствіемъ, или человѣка, которому правительство обѣщаетъ пособіе и покровительство. Къ тому же, въ

какомъ бы крайнемъ положеніи они ни находились, сами они безусловно не въ силахъ овладѣть пустынными землями, занимающими такую значитегьную часть всей поверхности земнаго шара.

Когда новая колонія уже заведена и достаточно окрѣпла, то затрудненіе, представляемое переселеніемъ въ нее, разумѣется, значительно уменьшается. Но и тогда все еще необходимо снарядить перевозочное судно, снабдить выселенцевъ всѣмъ необходимымъ, пока они будутъ въ состояніи прокормить себя сами, и пока найдутъ себѣ занятіе въ новомъ отечествѣ. До какой степени обязано правительство оказать имъ необходимое пособіе — это еще не рѣшенный вопросъ. Но каковы бы ни были обязанности его въ этомъ отношеніи, быть можетъ, ошибочно было бы ожидать съ его стороны значительнаго пособія въ пользу выселенцевъ, по крайней мѣрѣ, если оно не имѣетъ въ виду какихъ либо особенныхъ выгодъ, доставляемыхъ государству его колоніями.

Нерѣдко, правда, перевозочныя средства и продовольствіе доставлялись переселенцамъ частными лицами и компаніями. Впродолженіи многихъ лѣтъ, до американской войны и послѣ нея, выселеніе въ новый свѣтъ производилось безъ труда, и, сверхъ того, представляло переселенцамъ многія выгоды въ будущемъ. Такой открытый выходъ для излишняго населенія оказывается, безъ всякаго сомнѣнія, весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ для всякой страны. Но я спрошу, былъ ли освобожденъ англійскій народъ отъ нужды впродолженіи всего этого періода выселеній; всякій ли человѣкъ могъ жениться съ полной безопасностью и увѣренностью, что онъ можетъ прокормить многочисленную семью, не прибѣгая къ пособію прихода. Къ сожалѣнію, я полагаю, что на вопросъ этотъ нельзя отвѣчать утвердительно.

Быть можетъ, мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, что люди, отказавшіеся отъ переселенія, сами были виноваты въ томъ, что подвергались лишеніямъ и безбрачной жизни. Но развѣ можно обвинить человѣка за то, что онъ любитъ страну, въ которой родился самъ онъ, его родные, друзья, товарищи дѣтства? Изъ того, что человѣкъ не разрываетъ этихъ связей,

развѣ можно заключить, что онъ не испытываетъ дѣйствительныхъ страданій? Такая разлука требуется иногда по волѣ Провидѣнія, но она, тѣмъ неменѣе, весьма тягостна. Хотя она и обусловливается общею пользой, но это не дѣлаетъ ее менѣе горестной для отдѣльной личности. Сверхъ того, выселеніе въ чужую страну всегда представляется, въ особенности для низшихъ слоевъ общества, страшнымъ и неизвѣстнымъ. Они относятся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ тому, что̀ имъ говорятъ о высокой заработной платѣ и о дешевизнѣ земель. Они опасаются попасть въ руки корыстолюбивыхъ предпринимателей. Море, которое предстоитъ имъ переплыть, представляется неодолимой преградой для ихъ возвращенія, потому что они чувствуютъ, что не найдутъ никого, кто бы согласился заплатить за ихъ переѣздъ. Если духъ предпріимчивости не присоединяется къ бѣдствіямъ нищеты, то они скорѣе соглашаются, и никто не можетъ удивляться этому, страдать дома, чѣмъ идти на встрѣчу неизвѣтнымъ бѣдствіямъ.

Но совсѣмъ иное было бы, еслибы къ самой Англіи присоединена была, напримѣръ, новая территорія, или, еслибы страна раздѣлена была на небольшіе участки. Заработная плата вскорѣ поднялась бы въ ней, а богатые люди стали бы жаловаться, какъ они, говорятъ, и дѣлаютъ это въ Америкѣ.

Но и при такомъ даже предположеніи, или при всякомъ другомъ, столько же благопріятномъ для выселенія, пособіе, доставляемое такими мѣрами, не можетъ продолжаться долго. Въ Европѣ врядъ ли найдется хоть одна страна, за исключеніемъ Россіи, въ которой населеніе не обращалось бы, ради улучшенія своего положенія, къ выселенію изъ своей страны. Такъ какъ эти страны имѣютъ, повидимому, скорѣе больше, чѣмъ меньше жителей, сравнительно со средствами своего существованія, то онѣ и не могутъ доставлять другъ другу взаимную помощь посредствомъ выселеній. Представимъ себѣ, что въ этой, болѣе всего просвѣщенной части земнаго шара внутренное хозяйство поведено такъ хорошо, что населеніе не встрѣчаетъ никакого препятствія къ выселенію, а правительства оказываютъ ему всевозможное пособіе. Допустимъ,

что населеніе Европы, кромѣ Россіи, простирается до ста мильоновъ. Положимъ еще, что возрастаніе произведеній гораздо значительнѣе въ ней, чѣмъ оно можетъ быть въ дѣйствительности. При всѣхъ этихъ предположеніяхъ, избытокъ населенія этой огромной метрополіи черезъ столѣтіе составитъ тысячу сто мильоновъ. Число это, съ присоединеніемъ къ нему естественно увеличившагося населенія самихъ колоній впродолженіи того же промежутка времени, составитъ цифру, въ два раза превосходящую настоящее населеніе всей земли.

Можно ли надѣяться, чтобы въ пустынныхъ частяхъ Азіи, Африки или Америки усилія, направленныя хотя бы и наилучшимъ образомъ, могли удобрить и приготовить столько земель, чтобы достаточно было для содержанія подобнаго населенія? Если найдется человѣкъ, который найдетъ это возможнымъ, то я попрошу его прибавить къ этой сотнѣ лѣтъ еще двадцать пять или тридцать; тогда уже невозможно будетъ никакое сомнѣніе.

Поэтому, если и существуетъ мнѣніе, что выселеніе можетъ служить средствомъ противъ чрезмѣрнаго населенія, то это объясняется тѣмъ, что отвращеніе всѣхъ людей къ выселенію изъ родной страны, въ соединеніи съ затрудненіемъ, представляемымъ разработкой и приготовленіемъ новыхъ земель, никогда не дозволяло примѣнить эту мѣру въ широкихъ размѣрахъ. Еслибы средство это было дѣйствительно, и могло доставить какое нибудь облегченіе противъ бѣдствій, порождаемыхъ порокомъ и нищетой въ старыхъ государствахъ; еслибы оно могло, такъ сказать, обновить ихъ, и поставить въ положеніе, въ которомъ находятся новыя колоніи, то спасительное средство это давно уже было бы истощено: прибѣгая къ нему при всякомъ возобновленіи бѣдствій, вскорѣ замѣтили бы, что этотъ источникъ надежды и спасенія изсякъ безвозвратно.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что *выселеніе безусловно недостаточно для отстраненія бѣдствій, причиняемыхъ безграничнымъ размноженіемъ народонаселенія.* Но если смотрѣть на него, какъ на *временную и частную мѣру* для распро-

страненія цивилизаціи и воздѣланія всей поверхности земли, то *выселеніе оказывается полезнымъ и пригоднымъ.* И если, съ одной стороны, нельзя доказать, что правительства обязаны дѣятельно поощрять его, то съ другой стороны, запрещеніе и предупрежденіе его нетолько вопіющая несправедливось, но и мѣра крайне неполитическая. Нѣтъ страха менѣе основательнаго, какъ видѣть причину обезлюденія страны въ выселеніи. Сила, приковывающая массу народа къ мѣсту его рожденія, привязанность, связывающая человѣка съ его очагомъ, такъ могущественна и крѣпка, что можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что люди не подумаютъ о выселеніи, если только политическія неудовольствія или жестокая бѣдность не принудятъ ихъ къ такому крайнему средству; а въ такомъ случаѣ, для самого отечества весьма полезно ихъ удаленіе. Но изъ всѣхъ жалобъ, вызываемыхъ выселеніемъ, самая безразсудная и менѣе всего основательная, безъ сомнѣнія, состоитъ въ приписываемомъ ему возвышеніи заработной платы. Если послѣдняя, въ какой либо странѣ, такова, что даетъ возможность низшимъ классамъ жить безъ страданій, то мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что люди этихъ классовъ не подумаютъ о выселеніи. Но если заработная плата недостаточна, то было бы съ нашей стороны дѣломъ жестокимъ и несправедливымъ противудѣйствовать ихъ выселенію.

ГЛАВА V. — Законы о бѣдныхъ.

Въ Англіи изданы законы, установившіе въ пользу бѣдныхъ общую систему вспомоществованій *; законодательство

* Законы эти весьма древняго происхожденія, такъ какъ первый такой статутъ относится къ 1563, а установленный ими поземельный налогъ опредѣленъ гораздо ранѣе, равно какъ и оцѣнка поземельной собственности; вслѣдствіе чего, тотъ и другая представляютъ нерѣдко крайнюю несообразность. Нѣкоторыя земли были освобождены отъ налога, потому что онѣ не составляли частной собственности въ ту эпоху, въ которую сдѣланъ былъ кадастръ или опись земель. Такъ какъ всѣ почти земли значительно улучшились, а налогъ постоянно взимался по первоначальной ихъ оцѣнкѣ, то вслѣдствіе этого, размѣры налога нисколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительной стои-

это, ослабившее до нѣкоторой степени частныя бѣдствія, по всей вѣроятности, содѣйствовало только распространенію страданій по всей странѣ.

Въ Англіи удивляются, что, несмотря на громадныя суммы, ежегодно истрачиваемыя на вспомоществованіе бѣднымъ, страданія ихъ нисколько не облегчаются. Одни подозрѣваютъ, что предназначаемые для этой цѣли сборы отклоняются отъ своего назначенія; другіе обвиняютъ начальство этихъ учрежденій въ растратѣ на собственныя прихоти достоянія бѣдныхъ. Но всѣ согласны въ дурномъ управленіи этихъ учрежденій. Не подлежитъ никакому сомнѣнію фактъ, что и до чрезвычайной дороговизны, обнаружившейся въ послѣднее время, въ пользу бѣдныхъ ежегодно взималось три мильона фун. стер. безъ всякаго видимаго улучшенія въ ихъ положеніи. Фактъ этотъ составляетъ предметъ удивленія для всего общества. Но если хоть сколько нибудь вникнуть въ дѣло, то въ явленіи этомъ нетолько нѣтъ ничего необыкновеннаго, но оно оказывается вполнѣ естественнымъ и, напротивъ того, пришлось бы скорѣе удивляться, еслибы случилось нѣчто противуположное. Еслибы даже, вмѣсто четырехъ шиллинговъ съ фунта, употреблялось на этотъ предметъ восемнадцать, то можно предсказать, что отъ этого не произошло бы никакой существенной перемѣны.

мости земель и степени испытанныхъ ими улучшеній. При этомъ, вовсе не имѣется въ виду чистый доходъ каждаго собственника. Поэтому, когда говорится о налогѣ въ 4 шиллинга съ фунта, поднявшемся въ 1801 году до 18 шиллинговъ, это показываетъ намъ, что налогъ болѣе чѣмъ учетверился, но мы ничего не можемъ заключить изъ этого о размѣрахъ его, сравнительно съ полнымъ доходомъ собственника. Чтобы судить объ этомъ отношеніи, должно принять во вниманіе, съ одной стороны, величину всего дохода, а съ другой — величину всей суммы налога. Налогъ въ пользу бѣдныхъ простирается въ обыкновенное время отъ двухъ до трехъ мильоновъ стерлинговъ. (Въ 1776 онъ составлялъ 1,720,316 фун., въ 1783—до 2,167,749, а въ 1803—до 5,348,205). Онъ опредѣляется и утверждается ежегодно въ каждомъ приходѣ приходскимъ начальствомъ *(vestry);* распредѣленіе его, какъ по отдѣльнымъ хозяйствамъ, такъ и по рабочимъ домамъ *(workhouses)*, поручено особымъ надзирателямъ *(overseers)*, и проч. См. отдѣльное примѣчаніе въ концѣ сочиненія. Фран. перев.

Положимъ, что подписка богатыхъ людей въ пользу бѣдныхъ даетъ возможность работнику получать ежедневно за свою работу пять шиллинговъ, вмѣсто двухъ, которые онъ получаетъ въ настоящее время. Многіе люди найдутъ, быть можетъ, что вслѣдствіе такого увеличенія заработной платы, всѣ работники будутъ жить въ довольствѣ, и будутъ имѣть ежедневно за своимъ столомъ кусокъ мяса. Такія надежды, къ сожалѣнію, не оправдаются. Путемъ ежедневной передачи въ собственность работника добавочныхъ трехъ шиллинговъ не увеличится количество всего мяса, чтобы каждый человѣкъ могъ ежедневно имѣть небольшой кусокъ его за своимъ столомъ. Что же случится вслѣдствіе этого? Конкуренція между покупателями вскорѣ подыметъ рыночную цѣну этого товара: вмѣсто полушиллинга за фунтъ мяса въ настоящее время, цѣна его возвысится до двухъ или трехъ шиллинговъ, такъ что все мясо, доставляемое страной, вовсе не распредѣлится между значительно бо̀льшимъ числомъ лицъ, сравнительно съ настоящимъ временемъ. Когда существуетъ недостатокъ въ какомъ либо товарѣ, то онъ не можетъ быть распредѣленъ между всѣми: онъ поступаетъ къ тому, кто выше оцѣнитъ его, то есть, кто предложитъ за него больше денегъ. Если конкуренція на мясо продержится между покупателями такое значительное время, что побудитъ фермеровъ держать больше скота, и ежегодно воспитывать большее его количество, то это можетъ произойти только въ ущербъ производству зерноваго хлѣба. Но такая перемѣна оказалась бы невыгодной. Въ такомъ случаѣ, страна была бы не въ состояніи прокормить и настоящее населеніе. Поэтому, если чувствуется недостатокъ въ продовольствіи, сравнительно съ населеніемъ, то рѣшительно все равно, будутъ ли низшіе классы получать ежедневно два шиллинга или пять. Каково бы ни было положеніе ихъ въ этомъ случаѣ, они тѣмъ не менѣе будутъ принуждены довольствоваться меньшимъ количествомъ продовольствія.

Быть можетъ, мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, что увеличеніе числа всякаго рода покупателей, при моемъ предположеніи, придастъ новую энергію труду и промышленности, и возвы-

ситъ общее производство страны. Но эта энергія будетъ болѣе чѣмъ уравновѣшена поощреніемъ къ размноженію населенія этими воображаемыми богатствами; произведенія распредѣлятся между бо̀льшимъ числомъ лицъ, а число послѣднихъ возрастетъ сильнѣе, чѣмъ сколько допущено будетъ производствомъ.

Налогъ или сборы денегъ въ пользу бѣдныхъ, при самомъ совѣстливомъ распредѣленіи, и при участіи въ нихъ богатыхъ въ размѣрахъ восемнадцати шиллинговъ съ фунта, оказали бы точно такое же дѣйствіе, какъ и предположенная мною подписка. Никакое пожертвованіе, въ особенности денежное, со стороны богатыхъ не можетъ предупредить, хоть на сколько нибудь продолжительное время, возвращеніе нищеты въ низшіе классы народа. Богатые могутъ сдѣлаться бѣдными, а нѣсколько бѣдныхъ могутъ обратиться въ богатыхъ; но если только отношеніе средствъ существованія къ населенію остается то же, необходимо должно случиться, что часть населенія встрѣтитъ затрудненіе въ прокормленіи себя и своихъ семействъ. И такая участь непремѣнно выпадетъ на долю бѣднѣйшихъ людей.

Быть можетъ, покажется страннымъ, что посредствомъ денежныхъ пособій нельзя улучшить участи бѣдныхъ, настолько же не понижая благосостоянія остальнаго общества. Но какъ бы ни казалось это страннымъ, я полагаю, что это дѣйствительно справедливо. Если я отдѣлю часть запасовъ моего семейства, и отдамъ ее бѣдному, то я могу доставить довольство неиначе, какъ лишая себя самого или своихъ, хотя, быть можетъ, я и могу безъ труда перенести это лишеніе. Если я воздѣлаю новый участокъ, и всю доставленную жатву отдамъ этому бѣдному, то я сдѣлаю добро, какъ ему, такъ и всему обществу, ибо все, потребляемое бѣднымъ, потребляется имъ изъ общихъ запасовъ общества, какъ вѣроятно была бы потреблена и часть новыхъ, полученныхъ мною произведеній. Но если я дамъ бѣдному денегъ, при предположеніи, что количество продовольствія въ обществѣ не измѣняется, то я даю ему право на полученіе большей части запасовъ, чѣмъ сколько онъ получалъ прежде. Но очевидно, нѣтъ воз-

можности, чтобы онъ получилъ это большее количество, не уменьшая доли остальныхъ. Понятно, что уменьшеніе, производимое подобнымъ пожертвованіемъ одному человѣку, рѣшительно незамѣтно; но дѣйствіе его тѣмъ не менѣе несомнѣнно. Такимъ образомъ, воздухъ можетъ быть наполненъ насѣкомыми, которыхъ мы можемъ не замѣчать, но существованіе ихъ тѣмъ неменѣе не будетъ подлежать сомнѣнію.

Если въ какой либо странѣ количество продовольствія не измѣняется впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, то оно распредѣлится между всѣми людьми въ размѣрахъ предъявляемаго ими права на него, то есть, въ размѣрахъ той суммы денегъ, которую они будутъ въ состояніи предложить за этотъ товаръ, требуемый рѣшительно всѣми. Очевидно, стало быть, что нельзя увеличить права одного, не уменьшая въ то же самое время права другихъ *. Еслибы богатые, нисколько не уменьшая количества потребляемаго ими продовольствія, согласились бы раздавать пятистамъ тысячамъ человѣкъ бѣдныхъ ежедневно по пяти франковъ, то эти бѣдные, находясь въ большемъ достаткѣ, потребили бы больше продовольствія, и такимъ образомъ, меньшее его количество осталось бы другимъ. Право каждаго изъ остальныхъ людей уменьшилось бы въ своихъ размѣрахъ, или, другими словами, прежнее количество денегъ покупало бы меньшее количество пищи, а потому, цѣна съѣстныхъ продуктовъ поднялась бы повсемѣстно.

Въ послѣднее время разсужденіе это подтвердилось неурожаемъ, испытаннымъ Англіей въ 1800 и 1801. Предположеніе наше о налогѣ или сборахъ въ пользу бѣдныхъ въ размѣрахъ восемнадцати шиллинговъ съ фунта почти осуществилось, и дало результаты, какихъ можно было ожидать. Подобная мѣра, даже въ обыкновенное время, должна значительно

* Вопросъ идетъ объ увеличеніи права бѣдныхъ; со стороны богатыхъ людей, уже обладающихъ достаточными средствами для полученія продовольствія, возрастаніе ихъ богатства не вызываетъ потребленія. Но такой исключительный случай не заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія. Фран. перев.

поднять цѣны на съѣстные припасы, но въ голодную эпоху она должна оказать еще сильнѣйшее дѣйствіе. Въ настоящее время, при дороговизнѣ мяса, если прибавить ежедневно по три шиллинга къ обыкновенному заработку работника, чтобы онъ употребилъ ихъ на покупку мяса, не подлежитъ сомнѣнію, что цѣна на это продовольствіе внезапно сильно подымется. Точно то же случается и съ хлѣбомъ во время голода. Такъ какъ невозможно, чтобы всѣ получили свою обычную долю, если каждый членъ общины получитъ право на эту долю, то вздорожаніе хлѣба должно произойти такъ же быстро, какъ вздорожаніе мяса въ предъидущемъ примѣрѣ.

Сколько мнѣ кажется, мало обращали вниманіе на то обстоятельство, что цѣна хлѣба въ голодное время гораздо менѣе зависитъ отъ недостаточнаго количества этого продукта, чѣмъ отъ настойчивости каждаго челевѣка имѣть въ своемъ распоряженіи такое его количество, какое онъ привыкъ употреблять. Уменьшеніе жатвы на половину, еслибы каждый согласился немедленно уменьшить на половину же свое потребленіе, не оказало бы значительнаго вліянія на цѣну хлѣба, или даже вовсе не оказало бы его. Но если, напротивъ того, впродолженіи одинадцати или двѣнадцати мѣсяцевъ каждый будетъ потреблять прежнее количество хлѣба, то уменьшеніе жатвы на одну двѣнадцатую вызоветъ необычайное возвышеніе цѣны на хлѣбъ. Чѣмъ больше будетъ раздаваться по приходамъ хлѣба въ видѣ пособія, тѣмъ болѣе будутъ поощрять каждаго человѣка въ его обычномъ потребленіи; поэтому, результатомъ этой мѣры, является наконецъ необходимость согласиться уменьшить это потребленіе, когда цѣна хлѣба подымется гораздо выше, чѣмъ нужно для достиженія той же самой цѣли.

Мнѣ кажется, что не обращали достаточнаго вниманія на особенную причину дороговизны. Цѣна хлѣба, при рѣдкости его, зависитъ гораздо менѣе отъ дѣйствительнаго его недостатка, чѣмъ отъ настойчиваго желанія потреблять прежнее его количество. Недостатокъ половины жатвы, еслибы всѣ люди немедленно согласились ограничиться половиннымъ

своимъ потребленіемъ, оказалъ бы малое вліяніе на цѣну хлѣба или вовсе не оказалъ бы его. Недостатокъ двѣнадцатой доли жатвы, еслибы вродолженіи десяти или одинадцати мѣсяцевъ продолжалось прежнее потребленіе, можетъ безпредѣльно поднять цѣну хлѣба. Чѣмъ болѣе выдается пособій въ приходахъ, тѣмъ болѣе поддерживаютъ обычное потребленіе, и тѣмъ выше должна подняться цѣна хлѣба, пока не будетъ вызвано уменьшеніе въ его потребленіи, которое одно только можетъ понизить цѣну его.

Нѣкоторые люди утверждали, что высокая цѣна хлѣба не уменьшаетъ его потребленія. Но еслибы это было справедливо, то стоимость *бушеля* поднималась бы до ста фунтовъ и выше при каждомъ недостаткѣ хлѣба, непополненномъ привозомъ изъ другихъ странъ.

Въ сущности, высокія цѣны въ результатѣ всегда уменьшаютъ потребленіе. Но, вслѣдствіе богатства страны, вслѣдствіе отвращенія народа къ замѣнѣ своей обычной пищи какою либо иною, вслѣдствіе громадныхъ суммъ, раздаваемыхъ приходами, уменьшеніе это достигается только тогда, когда непомѣрно поднявшіяся цѣны принуждаютъ даже достаточные классы, или по меньшей мѣрѣ, непосредственно слѣдующіе за бѣдными, ограничить потребленіе хлѣба за невозможностью, по причинѣ высокой цѣны его, покупать прежнее его количество. Бѣдные, вспомоществуемые своими приходами, не имѣютъ никакого права жаловаться на дороговизну, ибо чрезвычайная цѣна хлѣба принудила къ сбереженію, и тѣмъ предоставила низшимъ классамъ народа болѣе хлѣба, который и раздается имъ по приходамъ. Болѣе всего страдаютъ отъ голода несомнѣнно классы, непосредственно слѣдующіе за бѣдными; они несутъ на себѣ наибольшее бремя вслѣдствіе чрезмѣрныхъ льготъ, которыя предоставляются классу, слѣдующему за ними. Бѣдность почти всегда оказывается относительной: и еслибы у людей, о которыхъ идетъ рѣчь, отнята была сумма, равная половинѣ вспомоществованія, оказываемаго такимъ путемъ слѣдующему за ними классу, то я сильно сомнѣваюсь, чтобы они не обѣднѣли на столько же, на сколько это оказалось вслѣдствіе произведенныхъ денеж-

ныхъ вспомоществованій *. Вспомоществованія эти даютъ бѣднымъ классамъ право требовать больше продовольственныхъ запасовъ, чѣмъ имъ слѣдовало бы получить за свою работу и за свое умѣніе, при настоящемъ положеніи страны. Право это настолко же уменьшается для слѣдующихъ за ними классовъ; послѣдніе уже не въ состояніи, за свой трудъ и за свое умѣніе, болѣе производительные, требовать прежней доли предметовъ необходимости. Поэтому, въ дѣлѣ вспомоществованія слѣдуетъ сравнивать доставляемыя имъ выгоды и неудобства. Пособія, выдаваемыя бѣднымъ, препятствуютъ имъ обратиться къ питательнымъ матерьяламъ, замѣняющимъ хлѣбъ, какъ это всюду внушается законами неизбѣжной необходимости; повышеніемъ цѣнъ они повергаютъ въ бѣдствіе бо̀льшую часть народа, и побуждаютъ обращаться къ пособію прихода значительное число людей, считавшихъ себя внѣ нужды.

Еслибы разомъ удвоить богатство всѣхъ людей, получающихъ по сту фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, то это вызвало бы медленное и незначительное повышеніе цѣны хлѣба; но удвоеніе во всей странѣ заработной платы сопровождалось бы быстрымъ и значительнымъ повышеніемъ цѣны хлѣба. Общія основанія въ этомъ вопросѣ не могутъ быть опровергнуты, и не подлежитъ сомнѣнію, что вспомоществованія, о которыхъ идетъ рѣчь, оказали весьма сильное вліяніе въ

* Положимъ, что низшіе классы зарабатываютъ, среднимъ числомъ, десять шиллинговъ въ недѣлю, и что непосредственно слѣдующіе за ними классы получаютъ двадцать шиллинговъ: не подлежитъ сомнѣнію, что во время дороговизны десять шиллинговъ, раздаваемые каждую недѣлю первымъ, отнимутъ у послѣднихъ возможность покупать предметы необходимости больше, чѣмъ еслибы изъ заработка ихъ просто вычитали бы по пяти шиллинговъ въ недѣлю. Въ первомъ случаѣ всѣ классы будутъ приведены къ одному уровню: вслѣдствіе соперничества въ спросѣ, предметы продовольствія быстро и значительно вздорожаютъ; всѣ подвергнутся одинакому затрудненію въ этомъ отношеніи. Во второмъ случаѣ, классы, непосредственно стоящіе выше бѣдныхъ, сохраняютъ еще значительное преимущество: предметы продовольствія вздорожатъ въ меньшей степени, а остающіеся у нихъ пятнадцать шиллинговъ будутъ покупать больше, чѣмъ могли покупать двадцать въ первомъ случаѣ. Прим. автора.

этомъ смыслѣ, если припомнить, что до послѣдняго неурожая, въ пользу бѣдныхъ взималось три мильона фунтовъ стерлинговъ, а въ 1801 сумма эта возрасла, какъ увѣряютъ, до десяти мильоновъ. Поступившая въ обращеніе * добавочная сумма въ семь мильоновъ фунтовъ, предназначавшаяся исключительно на покупку продовольствія, при содѣйствіи заработной платы въ различныхъ частяхъ королевства, и, сверхъ того, огромныя суммы добровольныхъ пожертвованій, должны были оказать могущественное вліяніе на цѣну предметовъ первой необходимости, если только довѣриться самымъ очевиднымъ принципамъ, подтверждаемымъ несомнѣнными фактами. Я знаю, что каждый бѣдный получалъ отъ прихода на содержаніе своей семьи четырнадцать шиллинговъ въ недѣлю. Заработокъ его составлялъ вообще двадцать шиллинговъ въ недѣлю; поэтому, весь доходъ его простирался до тридцати четырехъ шиллинговъ въ недѣлю. До неурожая онъ обыкновенно покупалъ еженедѣльно бушель муки, цѣною, быть можетъ, въ восемь шиллинговъ; у него оставалось такимъ образомъ два шиллинга на прочія потребности. Во время голода онъ дѣлалъ такой же запасъ по тройной цѣнѣ. Онъ платилъ тридцать два шиллинга за бушель муки, и имѣлъ, по прежнему, въ остаткѣ два шиллинга. Подобные случаи не могли бы сдѣлаться повсемѣстными, не поднимая цѣны пшеницы гораздо выше того уровня, какой обусловливался существовавшей дороговизной. Но случаи эти встрѣчались часто, а система опредѣленія размѣровъ вспомоществованія по цѣнѣ хлѣба была въ полномъ ходу.

---

* См. брошюру, обнародованную въ ноябрѣ 1800 подъ заглавіемъ: *An investigation и проч., Изслѣдованіе причинъ существующей дороговизны хлѣба.* Брошюру эту приняли за изслѣдованіе о причинахъ недостатка хлѣба. Съ этой точки зрѣнія сочиненіе должно было показаться неполнымъ, ибо оно разбираетъ только одну изъ такихъ причинъ. Но единственная цѣль, имѣвшаяся въ виду, состояла въ указаніи главной причины дороговизны продовольствія, сравнительно съ существовавшими запасами, допуская дефицитъ въ четвертую часть всего необходимаго продовольствія, какъ это принято въ запискѣ герцога Портландскаго, и что̀ я считаю весьма близкимъ къ истинѣ. Прим. автора.

Еслибы всѣ обороты страны производились звонкой монетой, масса которой не могла увеличиться быстро, то не было бы возможности распредѣлить между бѣдными добавочную сумму въ семь мильоновъ фунтовъ, не стѣсняя торговыхъ операцій. Поэтому, съ самаго начала такихъ чрезвычайныхъ вспомоществованій, которыя не могли не вызвать во всѣхъ слояхъ общества соотвѣтструющаго имъ расхода продовольствія, необходимо должно было возрасти требованіе на обычное орудіе мѣны. Послѣднее, бывшее во всеобщемъ употребленіи, по природѣ своей, могло немедленно увеличиться въ своемъ количествѣ въ размѣрахъ требованій. Отчеты банка, представленные въ парламентъ, повидимому, не подтверждаютъ, чтобы въ этомъ состояла причина огромнаго добавочнаго выпуска бумажныхъ денегъ. Три съ половиною мильона, вмѣстѣ съ предшествовавшими средними выпусками его билетовъ, вѣроятно не очень превышали сумму, необходимую для замѣщенія металической монеты, изъятой изъ обращенія. Золото обращалось въ это время въ такомъ незначительномъ количествѣ, что предположеніе это пріобрѣтаетъ особенную силу. Если принять его, то можно подумать, что часть всего денежнаго обращенія, зависящая отъ банка, хотя и измѣнившая свой видъ, не могла значительно увеличиться, къ тому же, что касается до дѣйствія орудій обращенія на цѣну товаровъ, то безъ сомнѣнія оно одинаково, будетъ ли оно производиться главнымъ образомъ гинеями, банковыми билетами или шиллингами, замѣняющими гинеи и принимаемыми за ходячую менету.

Поэтому, главная забота о пополненіи фондовъ, предназначенныхъ быть орудіями денежнаго обращенія, пала на провинціальные банки; и слѣдовало ожидать, что они съ удовольствіемъ схватятся за этотъ случай для собственнаго обогащенія. Выпускъ билетовъ провинціальными банками долженъ опредѣляться количествомъ ихъ билетовъ, находящихся въ обращеніи; но, предположивъ существованіе полнаго къ нимъ довѣрія, количество ихъ зависитъ отъ размѣровъ оборотовъ, производящихся въ окрестныхъ мѣстностяхъ при содѣйствіи денежныхъ знаковъ. Вслѣдствіе дороговизны съѣст-

ныхъ припасовъ, операціи эти стоили дороже. Очевидно, что одна ежедневная раздача заработной платы, вмѣстѣ съ выдачей вспомоществованія по приходамъ, требовала весьма значительнаго добавочнаго количества ко всей суммѣ денежныхъ знаковъ, требовавшихся оборотами каждаго околотка. Еслибы провинціальные банки рѣшились выпустить такое огромное число билетовъ безъ побужденія къ этому увеличившимся спросомъ на нихъ, то они скоро замѣтили бы свою ошибку по настойчивому и быстрому возвращенію своихъ билетовъ; но такъ какъ въ эту эпоху чувствовался недостатокъ въ монетѣ для непосредственнаго и обиходнаго употребленія, то замѣнившіе ее бумажные знаки жадно поглощались обращеніемъ.

При такихъ обстоятельствахъ, подлежитъ еще сомнѣнію, не выпустили ли бы провинціальные банки такое же огромное число билетовъ даже въ томъ случаѣ, еслибы Англійскій банкъ не получилъ разрѣшенія прекратить выдачу звонкой монеты. До этого разрѣшенія выпускъ билетовъ провинціальными банками опредѣлялся количествомъ билетовъ, требовавшихся обращеніемъ; а послѣ этого разрѣшенія, какъ и до него, банки обязаны были уплачивать по предъявляемымъ въ нихъ къ платежу билетамъ Англійскаго банка. Главное различіе въ томъ и другомъ случаѣ вытекало изъ вреднаго обычая, допущеннаго вмѣстѣ съ прекращеніемъ платежей звонкою монетой, выпускать билеты въ одинъ и въ два фунта, а также изъ нѣкоторыхъ преимуществъ, побуждавшихъ многихъ людей, за отсутствіемъ золота, отдавать предпочтеніе того или другаго рода билетамъ, и дѣлать нѣкоторое различіе между билетами Англійскаго банка и билетами провинціальныхъ банковъ.

Очевидно, стало быть, что огромная масса билетовъ, выпущенныхъ въ теченіи 1800 и 1801 провинціальными банками, первоначально была скорѣе слѣдствіемъ, чѣмъ причиной дороговизны съѣстныхъ припасовъ; но разъ поступивъ обращеніе, она не могла не исказить цѣны всѣхъ товаровъ и не затруднить возвращенія прежникъ низкихъ цѣнъ. Въ этомъ и состоитъ главное неудобство такой системы. Не под-

лежитъ сомнѣнію, что увеличеніе количества обращавшихся въ періодъ дороговизны денежныхъ знаковъ, отстраненіемъ торговыхъ затрудненій, доставило странѣ возможность поддержать съ бо̀льшею настойчивостью свои промыслы и вводить большее количество хлѣба, чѣмъ при прежнемъ количествѣ обращавшихся денегъ; но эта временная выгода была куплена цѣной продолжительнаго вреда, а трудность привести количество денегъ къ прежнему уровню можетъ обратить въ постоянныя цѣны, вызванныя временнымъ недостаткомъ продовольствія.

Какъ бы то ни было, должно считать обстоятельствомъ благопріятнымъ, что чрезмѣрное количество билетовъ выпущено было провинціальными, а не Англійскимъ банкомъ. Пока длится разрѣшеніе не выплачивать звонкой монетой, до тѣхъ поръ излишнее количество его билетовъ не можетъ быть возвращено въ банкъ никакой силой. Совсѣмъ иное оказывается для провинціальныхъ банковъ: какъ только обращеніе перестанетъ нуждаться въ ихъ билетахъ, то послѣдніе немедленно возвращаются къ нимъ; и въ такомъ случаѣ, если только не увеличится количество билетовъ Англійскаго банка, сумма находящихся въ обращеніи бумагъ должна уменьшиться.

Къ счастію для Англіи, за двумя неурожайными годами слѣдовали самыя благопріятныя условія для возстановленія изобилія и дешевизны: богатая жатва и миръ. Оба эти обстоятельства породили, какъ между продавцами, такъ и между покупателями, убѣжденіе въ достаточномъ количествѣ хлѣба; одни покупали съ меньшею торопливостью, другіе старались продать какъ можно скорѣе; рынокъ оказался переполненъ хлѣбомъ, а цѣны быстро понизились. Это доставило приходамъ возможность прекратить свои вспомоществованія, и тѣмъ предупредить возвращеніе дороговизны, послѣ того какъ продавцы укрѣпились.

Еслибы вслѣдъ за голодомъ наступили года средняго урожая, то я твердо увѣренъ, что такъ какъ рынокъ не былъ бы переполненъ хлѣбомъ, то и цѣна его уменьшилась бы весьма незначительно; поэтому, приходы не могли бы прекратить своихъ вспомоществованій, необходимость въ увели-

ченіи количества бумажныхъ денегъ продолжалась бы, и въ результатѣ цѣны всѣхъ товаровъ мало по малу утвердились бы соотвѣтственно увеличившемуся количеству обращающихся денегъ.

Еслибы, вмѣсто временныхъ пособій, которыя могутъ быть прекращены при первомъ паденіи цѣнъ, приходы подняли бы всюду заработную плату, то препятствія для уменьшенія количества обращающихся денегъ и для возвращенія прежнихъ низкихъ цѣнъ усилились бы въ значительной степени. Высокая заработная плата сдѣлалась бы постоянной, безъ всякой пользы для работника.

Никто такъ горячо не желаетъ, какъ я, повышенія дѣйствительной платы за трудъ. Но попытка достигнуть этого насильственнымъ повышеніемъ нарицательной ея величины, какъ это отчасти сдѣлано было, и какъ это совѣтовалось почти всѣми во время послѣдняго неурожая, есть мѣра, которую отвергнетъ всякій разсудительный человѣкъ, какъ ребяческую и совершенно безсильную.

Заработная плата, если она держится на своемъ естественномъ уровнѣ, представляетъ политическій барометръ, имѣющій огромное значеніе: она выражаетъ собой отношеніе между средствами существованія и требованіями на нихъ, между количествомъ потребляемыхъ предметовъ и числомъ потребителей. Средняя ея величина, взятая независимо отъ какихъ либо случайныхъ обстоятельствъ, ясно обозначаетъ, сверхъ того, потребности общества, сравнительно съ количествомъ населенія; ибо, какое бы ни приходилось на каждое семейство число дѣтей, требующееся для поддержанія существующаго населенія, заработная плата можетъ быть или достаточна, или превосходить, или быть недостаточной для ихъ воспитанія, смотря по тому, будутъ ли запасы, предназначенные для оплаты труда, находиться въ неподвижномъ, прогрессивномъ или ретроградномъ состояніи. Но, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на заработную плату съ этой точки зрѣнія, на нее смотрятъ обыкновенно, какъ на цѣнность, которую мы можемъ возвышать и понижать по нашему усмотрѣнію, и которая существенно зависитъ отъ рѣшенія ми-

роваго судьи. Когда повышеніе цѣны съѣстныхъ припасовъ показываетъ перевѣсъ спроса надъ предложеніемъ, то хотятъ поставить работника въ положеніе, въ которомъ онъ находился до этого повышенія, и съ этою цѣлью повышаютъ заработную плату, то есть, увеличиваютъ спросъ; а послѣ этого сильно удивляются, что дороговизна съѣстныхъ припасовъ все увеличивается. Это почти тоже самое, какъ еслибы при паденіи барометра, указывающемъ *бурю*, мы стали бы, для возвращенія *хорошей погоды*, поднимать въ немъ ртуть какимъ нибудь механическимъ давленіемъ, а потомъ будемъ еще удивляться, что дурная погода продолжается *.

Смитъ ясно показалъ, что естественное дѣйствіе голоднаго года состоитъ въ лишеніи работы множества работниковъ, или въ принужденіи ихъ работать за уменьшенную плату, по причинѣ невозможности для хозяевъ употреблять прежнее число работниковъ по той же цѣнѣ. Поднять заработную плату значитъ увеличить число остающихся безъ работы; это значитъ, какъ говоритъ тотъ же авторъ, предупредить благопріятныя послѣдствія умѣреннаго урожая, вызывающаго въ народѣ большее трудолюбіе, большую заботливость и бережливость. Число прислуги, оставшейся безъ мѣстъ, и число работниковъ, оставшихся безъ работы, представляетъ печальное доказательство вѣрности этихъ соображеній. Еслибы заработная плата всюду возвысилась въ размѣрахъ увеличенія цѣны съѣстныхъ припасовъ, то, за исключеніемъ фермеровъ и небольшаго числа *джентльменовъ*, никто не былъ бы въ состояніи держать прежнее количество работниковъ. Огромному числу лишней прислуги и фабричныхъ рабочихъ было бы отказано отъ мѣста; а потому, имъ оставалось бы одно только средство— обратиться къ приходамъ. При естественномъ порядкѣ вещей, голодъ стремится понизить, а не повысить заработную плату.

Послѣ появленія подобнаго произведенія, какъ книга Адама Смита, и послѣ повсемѣстнаго ея распространенія, при-

* Можно замѣтить, что это сравненіе, далеко непреувеличенное, скорѣе грѣшитъ въ обратномъ смыслѣ; ибо насильственное повышеніе заработной платы увеличиваетъ спросъ на хлѣбъ и, стало быть, усиливаетъ бѣдствіе. Фран. перев.

знаюсь, я не могу понять, какимъ образомъ столько людей, считающихъ себя свѣдущими въ политической экономіи, твердо вѣрятъ, что отъ мировыхъ судей или даже отъ всемогущества парламента зависитъ полное измѣненіе условій, въ которыхъ находится страна; и если спросъ на съѣстные припасы превышаетъ предложеніе, то достаточно простаго постановленія, чтобы предложеніе уравнялось съ спросомъ. Многіе люди, которые встрѣтили бы съ отвращеніемъ предложеніе о назначеніи *наивысшей* цѣны хлѣба, готовы предложить заработную плату на основаніи цѣны хлѣба, и не замѣчаютъ, повидимому, что оба предложенія почти одинаковы, и что то и другое прямо ведутъ къ голоду. Доставимъ ли мы работнику возможность покупать прежнее количество продовольствія опредѣленіемъ цѣны хлѣба или соотвѣтственнымъ возвышеніемъ заработной платы—это рѣшительно все равно. Единственная выгода послѣдней мѣры состоитъ въ томъ, что вызываемое ею необходимо повышеніе цѣны на продовольствіе поощряетъ ввозъ его. Но если отложить въ сторону соображенія о ввозѣ, который можетъ оказаться невозможнымъ, вслѣдствіе войны или другихъ какихъ либо обстоятельствъ, то повсемѣстное повышеніе заработной платы въ размѣрахъ поднявшейся цѣны хлѣба, покровительствуемое щедрыми приходскими вспомоществованіями людямъ, оставшимся безъ работы, что касается до сбереженій, окажетъ такое же дѣйствіе, какъ и назначеніе наивысшей цѣны хлѣба: оно побудитъ къ потребленію въ девять мѣсяцевъ того, чего хватило бы на двѣнадцать и, наконецъ, вызвало бы голодъ. Не забудемъ, къ тому же, что человѣколюбіе и благоразуміе необходимо требуютъ, чтобы при такихъ обстоятельствахъ бѣдные получали пособія, откуда только можно получить ихъ. Еслибы цѣна съѣстныхъ припасовъ удержалась на уровнѣ неурожайнаго года, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого должно быть или повышеніе заработной платы, или уменьшеніе числа работниковъ болѣзнями и голодомъ. Вслѣдствіе этого, такъ какъ предложеніе труда оказалось бы ниже спроса на него, то цѣна его возвысилась бы сильнѣе, чѣмъ цѣна хлѣба. Но даже годъ или два года неурожая, впродолженіи кото-

рыхъ бѣдные были бы предоставлены собственной участи и сами отыскивали бы себѣ средства для прокормленія, могли бы вызвать нѣкоторыя послѣдствія того же рода. Поэтому, личные наши интересы, какъ и требованія справедливости, должны быть направлены къ тому, чтобы въ эпоху всеобщаго бѣдствія доставить бѣднымъ временное пособіе. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ прибѣгать къ болѣе дешевымъ питательнымъ веществамъ, замѣняющимъ хлѣбъ, и ко всевозможнымъ средствамъ для сбереженія продовольственныхъ запасовъ. Да и въ такомъ случаѣ не должно жаловаться на дороговизну хлѣба, ибо высокая цѣна поощряетъ его ввозъ, увеличиваетъ наши средства существованія и пополняетъ наши скудные запасы.

Такъ какъ безсиліе законовъ о бѣдныхъ и безплодность попытокъ для насильственнаго повышенія заработной платы обнаруживаются явственнѣе всего въ неурожайные года, то это служитъ, полагаю я, достаточнымъ оправданіемъ, почему я разсматривалъ ихъ именно съ этой точки зрѣнія. А какъ эти причины повышенія цѣны хлѣба получили во время послѣдняго неурожая особенное развитіе, вслѣдствіе увеличенія количества обращающихся денежныхъ знаковъ, то я надѣюсь, что на немногія, сдѣланныя мною по этому поводу замѣчанія посмотрятъ, какъ на отступленіе, заслуживающее снисхожденія.

ГЛАВА VI. — Продолженіе о томъ же.

Независимо отъ какихъ бы то ни было соображеній относительно случайнаго неурожая, размноженіе населенія, если оно не сопровождается соотвѣтствующимъ ему умноженіемъ средствъ существованія, неизбѣжно понижаетъ величину заработка. Ибо подобное размноженіе принуждаетъ раздѣлять доставляемое страной продовольствіе на меньшія доли, такъ какъ за поденный трудъ нельзя купить прежняго его количества. Обстоятельство это не можетъ не поднять цѣны съѣстныхъ припасовъ. Но это повышеніе зависитъ не отъ одной только этой причины; оно можетъ быть вызвано еще измѣ-

неніемъ въ распредѣленіи денегъ между членами общества. Въ самомъ дѣлѣ, въ странѣ, населенной съ давнихъ временъ, если количество продовольствія и возрастаетъ, то возрастаетъ медленно, правильно и почти незамѣтно; возрастаніе это не можетъ соотвѣтствовать требованіямъ, вызываемымъ внезапнымъ измѣненіемъ въ распредѣленіи денегъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это обстоятельство принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оказываютъ вліяніе на колебанія, безпрестанно происходящія въ цѣнахъ продовольствія.

Оба приведенныя мною обстоятельства ухудшаютъ положеніе бѣднаго въ Англіи. Во первыхъ, законы о бѣдныхъ очевидно поощряютъ размноженіе населенія, нисколько не увеличивая средствъ существованія. Бѣдный человѣкъ можетъ жениться въ Англіи при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, или вовсе не имѣя средствъ для содержанія семьи, только расчивая на пособіе своего прихода. Поэтому, сами законы, оказывая вспомоществованіе бѣднымъ, содѣйствуютъ ихъ размноженію. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей является необходимость раздробленія продовольствія на меньшія доли. А вслѣдствіе этого, трудъ людей, неполучающихъ пособія, покупаетъ меньшее, противъ прежняго, количество пищи. Въ конечномъ же результатѣ, число людей, обращающихся за пособіемъ къ приходамъ должно постоянно возрастать.

Во вторыхъ, количество продовольствія, потребляемаго въ рабочихъ домахъ (*workhouses*) и распредѣляемаго между членами общества, которыхъ нельзя считать наиболѣе полезными для страны, настолько же уменьшаетъ долю тѣхъ, которые болѣе всего трудолюбивы и болѣе всего заслуживаютъ награды. Поэтому, учрежденіе это опять таки увеличиваетъ число людей, поступающихъ на его попеченіе. Еслибы бѣдные, призрѣваемые въ рабочихъ домахъ, получали въ нихъ лучшую пищу и лучшее содержаніе, противъ теперешняго, то требующіяся на это новыя денежныя пожертвованія тѣмъ болѣе ухудшили бы участь тѣхъ, которые работаютъ внѣ этихъ заведеній, такъ какъ пожертванія эти оказывали бы сильнѣйшее дѣйствіе на повышеніе цѣны продовольствія.

Къ счастью, между народомъ существуетъ еще нѣкоторое отвращеніе прибѣгать къ пособію. Но это чувство законы о бѣдныхъ стараются все болѣе и болѣе ослабить. Къ сожалѣнію, они дѣйствовали слишкомъ успѣшно, и еслибы оказали въ этомъ отношеніи полное свое дѣйствіе, то не было бы возможности, какъ это дѣлалось доселѣ, скрыть пагубнаго ихъ вліянія.

Такое ученіе можетъ быть жестоко въ отдѣльнныхъ случаяхъ: но нужно же, наконецъ, чтобы полученіе вспомоществованія сопровождалось нѣкоторымъ стыдомъ. Такое побужденіе къ труду необходимо для благосостоянія всего общества. Всякая мѣра, ослабляющая это чувство, съ какою бы человѣколюбивою цѣлью ни предпринималась она, вызываетъ послѣдствія, прямо противуположныя тѣмъ, какія имѣлись въ виду. Когда бѣдныхъ людей подстрекаютъ къ супружеству надеждой на вспомоществованіе прихода, то нетолько подвергаютъ ихъ и дѣтей ихъ несчастію и зависимости, что̀ въ высшей степени жестоко и несправедливо относительно послѣднихъ, но еще побуждаютъ ихъ противъ воли къ причиненію вреда всѣмъ тѣмъ, которые находятся въ одинаковомъ съ ними положеніи.

Законы о бѣдныхъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ Англіи, оказали вліяніе на возвышеніе цѣны продовольствія и на пониженіе дѣйствительной величины заработной платы. Они содѣйствовали, стало, быть, обѣднѣнію тѣхъ классовъ народа, которые живутъ только своимъ трудомъ. Они, безъ сомнѣнія, были также причиной ослабленія между бѣдными привычекъ къ порядочности и воздержности, которыя вызываютъ такое уваженіе съ нашей стороны къ классу людей, занимающихся мелкими промыслами или снимающихъ маленькія фермы. Отнимая охоту и возможность къ небольшимъ сбереженіямъ, законы эти подрываютъ одно изъ могущественнѣйшихъ побужденій къ трудолюбію и воздержанію, и такимъ образомъ, причиняютъ существенный вредъ и счастію человѣка.

Хозяева ремесленныхъ заведеній вообще жалуются, что̀ выкасоя заработная плата разоряетъ ихъ работниковъ. Трудно

допустить, чтобы послѣдніе не старались дѣлать кое какихъ сбереженій для себя и для своихъ семействъ изъ своей заработной платы, вмѣсто того, чтобы безразсудно растрачивать ее, еслибы они не разсчитывали въ случаѣ несчастія на способіе прихода.

Что бѣдные, работающіе на фабрикахъ, смотрятъ на это пособіе, какъ на побужденіе истрачивать весь свой заработокъ на потребности настоящей минуты, это ясно доказывается числомъ семействъ, которое, тотчасъ по закрытіи какой либо большой фабрики, поступаетъ на попеченіе приходовъ, хотя бы заработная плата, выдаваемая на фабрикѣ въ эпоху ея процвѣтанія, и превосходила обыкновенное вознагражденіе за трудъ, и допускала бы возможность сбереженія на всякій непредвидимый случай.

Человѣкъ, который, въ случаѣ смерти или болѣзни, не боится оставить жену и дѣтей на попеченіи прихода, и несетъ свои послѣднія деньги въ кабакъ, быть можетъ, задумался бы и не рѣшился истрачивать всего своего заработка, еслибы зналъ, что въ случаѣ смерти или болѣзни, семейство его умретъ съ голоду или пойдетъ по міру.

Общая сумма народнаго счастія не можетъ не уменьшиться, если освобождать каждаго человѣка отъ неизбѣжныхъ результатовъ собственной его лѣни и расточительности, и если положительныя учрежденія, распространяющія бѣдность и зависимость, ослабляютъ тягостное чувство, которое, по законамъ человѣческимъ, должно постоянно сопровождать ихъ.

Законы о бѣдныхъ, безъ сомнѣнія, установлены были съ благою цѣлью. Но слишкомъ очевидно, что они не достигли ея. Нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они уменьшаютъ страданія; но говоря вообще, участь бѣдныхъ, вспомоществуемыхъ приходами, крайне плачевна. Сверхъ того, чтобы дать бѣдному возможность прибѣгнуть къ такому тягостному пособію, необходимо было подчинить весь народъ цѣлой системѣ безспорно тираническихъ постановленій. Какъ бы тщательно они ни были исправлены, они тѣмъ неменѣе противурѣчатъ всѣмъ нашимъ понятіямъ о свободѣ. Преслѣдованія, направленныя приходами противъ тѣхъ, кто можетъ

попасть на ихъ попеченіе, въ особенности противъ беременныхъ женщинъ, гнусны и возмутительны. Стѣсненія, причиняемыя этими законами спросу и предложенію труда, усиливаютъ затрудненія, съ которыми приходится бороться тому, кто старается выпутаться собственными силами, и желаетъ избѣгнуть вспомоществованій.

Бѣдствія эти связаны, повидимому, неразрывно съ самими законами. Если желаютъ учрежденій для распредѣленія пособій между извѣстною частью народа, то естественно поручить кому нибудь право назначать людей, заслуживающихъ вспомоществованій, и завѣдовать послѣдними. Нельзя ожидать, чтобы всѣ были довольны распорядителями. И дѣйствительно, бѣдные жалуются на нихъ. Но виноваты въ этомъ нестолько они, сколько само учрежденіе.

Я вполнѣ увѣренъ, что еслибы законы о бѣдныхъ никогда не существовали въ Англіи, то хотя бы число случаевъ крайне тягостнаго положенія и увеличилось нѣсколько, тѣмъ неменѣе, общая сумма счастія между народомъ была бы больше теперешней.

Главный недостатокъ такого рода учрежденій состоитъ въ ухудшеніи участи тѣхъ, которые не получаютъ пособій, и въ размноженіи числа бѣдныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разобрать нѣкоторыя изъ англійскихъ постановленій по этому предмету, и сравнить ихъ съ неизбѣжными слѣдствіями закона народонаселенія, то нетрудно увидѣть, что они предписываютъ то, что̀ рѣшительно не можетъ быть исполнено. Такъ что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они постоянно не достигаютъ цѣли.

Знаменитое постановленіе 43-го года царствованія Елисаветы, на которое такъ часто указывалось съ восторгомъ, говоритъ: «Надзиратели за бѣдными примутъ необходимыя мѣры, совмѣстно съ мировыми судьями, чтобы заставить работать всѣхъ дѣтей, которыя не могутъ быть воспитаны своими родителями, а также и всѣхъ людей, женатыхъ или холостыхъ, неимѣющихъ никакихъ средствъ существованія. Они будутъ взимать еженедѣльно, или иначе, съ жителей и землевладѣльцевъ своихъ приходовъ сумму, достаточную для пріобрѣтенія

льна, пеньки, шерсти, нитокъ и другихъ матерьяловъ, необходимыхъ для доставленія бѣднымъ работы.»

Что̀ означаетъ это повелѣніе, если не произволъ назначать для пополненія рабочихъ матерьяловъ столько, сколько заблагоразсудится, и что для этого достаточно приказанія правительства или налога, опредѣляемаго надзирателемъ? Столь же безразсудно было бы повелѣніе, чтобы всходило два колоса хлѣба всюду, гдѣ до сихъ поръ всходилъ одинъ.

Когда Канутъ запретилъ волнамъ морскимъ замочить его королевскія ноги, то обнаружилъ не большее притязаніе на естественные законы. Надзиратели безсильны увеличить количество запасовъ, предназначенныхъ на содержаніе труда. Вмѣсто того, чтобы настаивать въ такомъ случаѣ на необходимости трудолюбія, бережливости, разсудительности, непрерывныхъ и разумныхъ усилій для лучшаго направленія земледѣльческихъ и торговыхъ капиталовъ—надѣются на немедленное увеличеніе этихъ запасовъ вслѣдствіе распоряженія правительства, исполненіе котораго поручается нѣсколькимъ невѣжественнымъ приходскимъ чиновникамъ.

Еслибы законъ этотъ былъ строго выполненъ и еслибы исчезъ стыдъ, вызываемый пособіемъ, то работникъ, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, могъ бы жениться съ полною беззаботностью, какъ только ему вздумается, такъ какъ дѣти его ни въ какомъ случаѣ не умрутъ съ голоду. Съ этой минуты народонаселеніе, несдерживаемое больше бѣдностью, стало бы возрастать безмѣрно. Послѣ всего, сказаннаго въ первой части этого сочиненія, читателю нетрудно понять, въ силахъ ли правительство, самое могущественное и самое просвѣщенное, вызвать средства существованія, соотвѣтствующія такому размноженію. Но если это невозможно при самомъ совершенномъ управленіи, то что̀ же будетъ при управленіи, стремящемся уменьшить, а не увеличить запасы, предназначенные для содержанія труда?

При настоящемъ состояніи всѣхъ европейскихъ странъ, сила размноженія, повидимому, всегда готова на полное свое дѣйствіе. Но ничего нѣтъ труднѣе, ничего нѣтъ менѣе подчиненнаго желанію правительствъ, какъ искуство направлять

трудъ и промышленность такимъ образомъ, чтобы получить возможно большее количество продовольствія, какое только можетъ быть доставлено землей. Достигнуть этого невозможно, не посягая на собственность, которая до сихъ поръ была основаніемъ всѣхъ полезныхъ учрежденій. Что касается до силы размноженія, то расположеніе къ супружеству, въ особенности между молодыми людьми, до того обще, что еслибы исчезло затрудненіе прокормить семью, то трудно было бы встрѣтить двадцатидвухлѣтняго холостаго человѣка. Что же касается до средствъ существованія, то, напротивъ того, какой государственный человѣкъ, какое правительство осмѣлились бы запретить всякую животную пищу; прекратить употребленіе лошадей, какъ для работъ, такъ и для удовольствія; принудить весь народъ питаться картофелемъ; направить трудъ и промышленность исключительно къ производству этого питательнаго вещества, за исключеніемъ того, что̀ необходимо для помѣщенія и для одежды? Если и предположить возможность подобнаго переворота, то выгодно ли содѣйствовать ему, въ особенности если принять въ соображеніе, что несмотря на подобныя насильственныя мѣры, немного лѣтъ позже тѣмъ неменѣе наступитъ нужда, отъ которой желали избавиться и съ которой тѣмъ труднѣе будетъ теперь бороться?

Какъ только страна вышла изъ положенія, свойственнаго молодой колоніи, ни средства земледѣлія, ни правительство не въ силахъ, доставить ей продовольствія, достаточнаго для безграничнаго размноженія въ ней населенія. На этомъ основаніи, постановленіе 43-го года царствованія Елисаветы, если смотрѣть на него, какъ на постоянно дѣйствующій законъ, физически не можетъ быть приведено въ исполненіе.

Быть можетъ, мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, что выводу этому противурѣчатъ факты; что постановленіе это сохраняло силу, и дѣйствовало непрерывно впродолженіи двухъ столѣтій. На это я смѣло утверждаю, что оно не приводилось въ исполненіе, и не исключено изъ свода постановленій только потому, что никогда не примѣнялось всесторонним образомъ.

Недостаточныя пособія, оказываемыя несчастнымъ, оскор-

бительное и капризное распредѣленіе этихъ пособій, чувство благородной гордости, непогасшее еще въ сельскомъ населеніи, были настолько сильны, что отклоняли отъ супружества людей здравомыслящихъ и честныхъ, которые не могли прокормить семьи иначе, какъ на счетъ прихода. Желаніе улучшить свое положеніе и опасеніе ухудшить его имѣютъ такое же значеніе для общественнаго организма, какое имѣетъ для человѣческаго организма внутрянняя сила, сопротивляющаяся болѣзнямъ *. Эта таинственная сила ** самымъ дѣйствительнымъ образомъ борется съ пагубными послѣдствіями нѣкоторыхъ человѣческихъ учрежденій. Наперекоръ предразсудкамъ, благопріятствующимъ размноженію населенія, наперекоръ легкомысленнымъ поощреніямъ браковъ, сила эта дѣйствуетъ, какъ препятствіе, предупреждающее размноженіе. Къ счастью для Англіи, она оказываетъ въ ней свое дѣйствіе. Помимо благоразумныхъ побужденій, уменьшающихъ число браковъ, поощряемыхъ законами о бѣдныхъ, можно сказать, что сами законы эти подрываютъ другъ друга. Ибо, такъ какъ каждый приходъ обязанъ содержать своихъ бѣдныхъ, то онъ боится увеличенія ихъ числа. Вслѣдствіе этого, землевладѣльцы не расположены строить новыхъ помѣщеній для работниковъ — *котэджей* ***; и если только не оказывается въ послѣднихъ крайней необходимости, то они скорѣе склонны уничтожать уже существующія такія постройки на своихъ земляхъ. Незначительное число такихъ котэджей представляетъ препятствіе для заключенія браковъ между бѣдными. Весьма вѣроятно, что это препятствіе не мало помогло Англіи перенести дурную систему законодательства по этому предмету.

Тѣ, которые не удерживаются такими побужденіями, и безразсудно вступаютъ въ бракъ, получаютъ пособіе, распредѣляемое съ самою строгою бережливостью; одни изъ нихъ живутъ въ крайней нищетѣ у себя дома, другіе скопляются въ мастерскихъ или рабочихъ домахъ, тѣсныхъ и нездоро-

---

* *Vis medicatrix naturae.*

** *Vis medicatrix reipublicae.* Прим. автора.

*** *Cottages* — маленькія хижины, предназначенныя для помѣщенія прислуги и работниковъ фермера или помѣщика.

выхъ, въ которыхъ свирѣпствуетъ страшная смертность, въ особенности между дѣтьми. Всѣмъ извѣстенъ отчетъ Іоны Ганвая объ обращеніи въ Лондонѣ съ дѣтьми, воспитывающимися приходами. Судя по тому, что̀ говорятъ о томъ же Говлетъ и другіе писатели, дѣти, воспитывающіяся въ провинціи, находятся не въ лучшемъ положеніи. Такимъ образомъ, законы или, по крайней мѣрѣ, способъ приведенія ихъ въ исполненіе уничтожаютъ главнымъ образомъ населеніе, которое ими же призвано къ жизни. То, что̀ избѣгаетъ гибели, вредитъ обществу различными путями. Запасы, предназначенные для приведенія въ дѣятельность труда, распредѣляются между бо̀льшимъ числомъ лицъ, чѣмъ какое могло бы надлежащимъ образомъ прокормиться ими. Часть этихъ запасовъ, которая досталась бы трудолюбивымъ и старательнымъ работникамъ, поступаетъ въ долю лѣнивыхъ и нерадивыхъ. Вслѣдствіе этого, положеніе всѣхъ работниковъ, неимѣющихъ отношенія къ рабочимъ домамъ, становится хуже, а потому, число людей, поступающихъ въ рабочіе дома, увеличивается ежегодно и, наконецъ, число вспомоществуемыхъ возрастаетъ до размѣровъ, какіе мы замѣчаемъ въ настоящее время.

Если я представилъ въ настоящемъ свѣтѣ способы исполненія этихъ законовъ и производимое ими дѣйствіе, то всякій согласится, что бѣдные были обмануты, и что имъ сдѣланы были обѣщанія, сдержать которыя было невозможно.

Попытки употреблять бѣдныхъ на работы въ большихъ фабричныхъ заведеніяхъ почти никогда не имѣли успѣха. Запасы и матерьялы для обработки проматывались. Если нѣсколькимъ приходамъ и удалось достигнуть цѣли въ этомъ отношеніи, благодаря лучшему присмотру, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было лишеніе работы многихъ работниковъ, существовавшихъ такими же занятіями и необременявшими собою приходовъ. Это прекрасно разъяснилъ Даніель де-Фоэ въ запискѣ, поданной въ парламентъ подъ заглавіемъ: *Милостыня не есть милосердіе* (*Giving alms no charity*). На каждый мотокъ нитокъ, говоритъ онъ, ссученный бѣдными дѣми прихода, непремѣнно приходится ссучить однимъ моткомъ меньше какому нибудь бѣдному семейству. На каж-

дый кусокъ фланели, приготовляемый въ лондонскихъ рабочихъ домахъ, приготовляется кускомъ меньше въ Кольчестерѣ или въ другомъ мѣстѣ *. Будутъ ли выходить щетки и метелки изъ дѣтской приходской фабрики, или изъ мастерской самостоятельныхъ работниковъ, говоритъ Эденъ, ихъ не можетъ быть продано болѣе, чѣмъ сколько требуется обществомъ **.

Быть можетъ, мнѣ возразятъ, что это же самое разсужденіе можно примѣнить и ко всякому новому капиталу, влагаемому въ какую бы то ни было отрасль промышленности и торговли, такъ какъ всякое его употребленіе, усиливая соперничество, всегда почти причиняетъ вредъ тѣмъ, которые ранѣе его получили такое назначеніе. Но между обоими этими случаями существуетъ коренное различіе. Въ послѣднемъ соперничество происходитъ при равныхъ условіяхъ, ибо каждый заранѣе знаетъ, что его ожидаетъ, и вполнѣ увѣренъ, что никто не можетъ сбить его съ занимаемаго имъ мѣста, иначе какъ бо̀льшимъ трудолюбіемъ и ловкостью. Въ первомъ же случаѣ, конкуренція, напротивъ того, поддерживается значительными пособіями, при содѣйствіи которыхъ соперники, значительно уступающіе въ трудолюбіи и ловкости независимому работнику, принуждаютъ его понизить свою цѣну, и несправедливо вытѣсняютъ его изъ рынка. Мало того, нерѣдко ему самому приходится удѣлять въ об-

---

* См. выписки Даніеля Фоэ въ прекрасномъ сочиненіи сэра Эдена о бѣдныхъ, т. I, стр. 261. Прим. автора.

** Сэръ Эденъ выражается такимъ образомъ о воображаемомъ правѣ бѣдныхъ на работу, пока они находятся въ здоровомъ состояніи, и на пропитаніе въ преклонномъ возрастѣ: «Можно сомнѣваться въ существованіи права, которое не можетъ имѣть силы.» Т. I, стр. 447. Никто не собралъ столько матерьяловъ, какъ Эденъ, о законахъ, касающихся бѣдныхъ. Окончательный выводъ изъ своихъ изслѣдованій по этому вопросу онъ приводитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ результатѣ, польза, которую можетъ доставить налогъ, предназначенный на содержаніе бѣдныхъ, далеко превышается неизбѣжно сопровождающими его бѣдствіями». Т. I, стр. 457. Я очень доволенъ, что мое мнѣніе о законахъ о бѣдныхъ подтверждается голосомъ такого отличнаго наблюдателя. Прим. автора.

щую сумму пособій часть своей заработной платы, чтобы поддерживать это соперничество; такъ что запасы, предназначенные на содержаніе труда, отклоняются отъ выгоднаго употребленія, и направляются къ заведеніямъ, которыя не могутъ существовать иначе, какъ при содѣйствіи пособія. Вообще, полезно замѣтить, что если собираются суммы на содержаніе труда, путемъ ли добровольной подписки или путемъ налога, то бо̀льшая часть полученныхъ такимъ образомъ суммъ вовсе не представляетъ капитала, получающаго новую жизнь, но капиталъ, уже давно употреблявшійся выгоднымъ образомъ, который теперь получаетъ другое, менѣе прибыльное назначеніе. Фермеръ выплачиваетъ налогъ въ пользу бѣдныхъ ради поощренія плохаго ремесленнаго заведенія, неприносящаго никакой выгоды; онъ отдаетъ запасы, которые, будучи употреблены на земледѣліе, принесли бы странѣ несравненно болѣе пользы. При одномъ изъ этихъ употребленій, капиталъ, предназначенный для содержанія труда, уменьшается, между тѣмъ какъ при другомъ онъ ежедневно возрастаетъ. Очевидное стремленіе налоговъ въ пользу бѣдныхъ уменьшать дѣйствительные запасы, предназначенные на содержаніе труда, еще сильнѣе подтверждаетъ нелѣпость мнѣнія, будто бы правительство можетъ, по своему усмотрѣнію, найти работу всѣмъ бѣднякамъ, какъ бы быстро ни размножались они.

Представляя эти соображенія, я вовсе не имѣю намѣренія противупоставить ихъ всякому употребленію на работу бѣдныхъ, и осуждать то, что̀ можетъ быть сдѣлано въ малыхъ размѣрахъ въ пользу несчастныхъ, ради побужденія ихъ къ труду, но безъ поощренія ихъ къ размноженію. Хотя никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду общихъ принциповъ, но я вовсе не настаиваю на безусловномъ ихъ примѣненіи. Встрѣчаются случаи, когда дѣлаемое нами частное добро такъ велико, а пораждаемое имъ общественное зло такъ ничтожно, что первому мы должны отдать предпочтеніе.

Намѣреніе мое состоитъ исключительно въ томъ, чтобы показать, что общая система законодательства о бѣдныхъ покоится на ложномъ основаніи, и что пустыя разглагольствованія, раз-

дающіяся по этому поводу въ разговорахъ и въ книгахъ, крайне нелѣпы. *Утверждать, что заработная плата должна быть достаточна для прокормленія семейства, что слѣдуетъ дать работу всѣмъ, кто готовъ трудиться, это, по истинѣ, то же, что доказывать, только другими словами, что въ каждой странѣ запасы, предназначенные на содержаніе труда, могутъ возрастать безконечно; что они не подлежатъ никакимъ колебаніямъ; что, не обращая вниманія на то, быстро ли или медленно увеличиваются средства страны, возрастаютъ ли они, оскудѣваютъ или остаются неподвижными, возможность доставить рабочимъ классамъ работу и хорошую заработную плату должна оставаться постоянно неизмѣнной.* Такое заключеніе противурѣчитъ простѣйшимъ и очевиднѣйшимъ законамъ предложенія и спроса, и потому, заключаетъ въ себѣ нелѣпое положеніе, что ограниченная територія можетъ прокормить безграничное населеніе *.

---

* Этимъ опровергается съ виду великодушное, но въ сущности крайне ложное ученіе, снова поднятое въ послѣднее время подъ именемъ *права на трудъ* и *права на minimum заработной платы*. Трудъ освобожденъ былъ Тюрго отъ цеховыхъ стѣсненій; онъ уважается со временъ революціи 1789 года; политическая экономія неустанно изслѣдуетъ его законы и естественное устройство. Но ничто въ мірѣ не въ силахъ сдѣлать, чтобы тамъ, гдѣ существуетъ работа только для двухъ, достало бы ея и для третьяго, безъ ущерба для первыхъ, и такимъ образомъ, чтобы каждый получилъ заработную плату, получавшуюся двумя первыми. Никакое общественное устройство не можетъ обратить двѣ единицы въ тожественныя имъ три единицы. Это случилось только на бракѣ въ Канѣ Галилейской, но это и было чудомъ...

Мы сдѣлали это замѣчаніе шесть лѣтъ тому назадъ: съ тѣхъ поръ, и послѣ событій 1848, это мнимое право на трудъ было провозглашено всѣми соціалистическими школами и знаменитостями всѣхъ партій; оно было внесено въ первый проектъ французскаго государственнаго устройства; но, благодаря Прудону, который объявилъ, увлеченный своей логикой, что право на трудъ представляется ему синонимомъ праву на чужую собственность, Учредительное собраніе было настолько благоразумно, что отвергло это ложное и опасное ученіе. См. сборникъ рѣчей и разборовъ, изданныхъ нами подъ заглавіемъ: *Droit au travail à l'Assemblée nationale*, и проч., изд. Гильомена, 1848. Гарнье.

ГЛАВА VII. — Продолженіе о томъ же.

Замѣчанія, сдѣланныя въ предъидущей главѣ, о сущности и слѣдствіяхъ законодательства о бѣдныхъ, подтвердились самымъ поразительнымъ образомъ опытомъ 1815, 1816 и 1817 года. Два обстоятельства чрезвычайной важности обнаружились въ это время до такой степени очевидности, что не допускаютъ болѣе сомнѣнія для здравомыслящаго человѣка.

Первое обстоятельство состояло въ томъ, что страна дѣйствительно не исполняла обѣщаній, данныхъ бѣднымъ этимъ законодательствомъ, то есть, доставить, при содѣйствіи приходскихъ вспомоществованій, работу тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ не въ состояніи прокормить себя и свои семейства. Второе обстоятельство состояло въ томъ, что и при чрезвычайномъ вспомоществованіи со стороны приходовъ, усиленномъ самымъ широкимъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ и самыми щедрыми добровольными пожертвованіями, страна оказалась не въ силахъ найти достаточно занятій многочисленнымъ поденщикамъ и ремесленникамъ, способнымъ къ труду и готовымъ трудиться.

Теперь нельзя уже болѣе утверждать, что законы о бѣдныхъ могутъ исполнить свое назначеніе, послѣ того, какъ множество семействъ въ Лондонѣ и въ другихъ мѣстахъ умирало съ голоду, отказываясь обратиться къ своимъ приходамъ, вслѣдствіе тѣсноты, нездоровости и ужаснаго состоянія рабочихъ домовъ, еслибы даже двери послѣднихъ открылись для нихъ; теперь уже нельзя болѣе утверждать этого, послѣ того, какъ стало извѣстно, что многіе приходы находились въ рѣшительной невозможности собрать необходимыя суммы, возвышеніе которыхъ, на основаніи существующихъ законовъ, только все болѣе и болѣе обременяло приходы увеличивающимся числомъ содержимыхъ на его счетъ бѣдныхъ, и уменьшало дѣйствительную цѣнность сборовъ; когда, наконецъ, стало извѣстно, что почти повсемѣстно, съ одного конца Англіи до другаго, раздался крикъ о необходимости оказать приходамъ содѣйствіе добровольными пожертвованіями.

Эти очевидные признаки безсилія законовъ о бѣдныхъ нетолько служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что послѣдніе не исполняютъ сдѣланныхъ обѣщаній, но и даютъ намъ полное право думать, что они не въ силахъ ихъ выполнить. Лучшее оправданіе, въ случаѣ неисполненія даннаго обѣщанія, состоитъ въ безусловной невозможности исполнить его и, безъ сомнѣнія, это единственное оправданіе, какое только можетъ быть принято нами. Но хотя мы и можемъ извинить за неисполненіе чего либо невозможнаго, тѣмъ неменѣе, нельзя извинить за сознательное обѣщаніе чего либо невозможнаго. И если продолжаютъ еще думать, что было бы полезно исполнять законы о бѣдныхъ, насколько позволятъ обстоятельства, то благоразуміе очевидно требовало бы измѣнить, какъ выраженія закона, такъ и всѣми принятое толкованіе его, чтобы не вводить бѣдныхъ въ обманъ, относительно сущности закона, и того, чего можно ожидать отъ него.

Сверхъ того, самимъ опытомъ доказано было, что громадныя добровольныя пожертвованія, вмѣстѣ съ сильнымъ возвышеніемъ налоговъ въ пользу приходовъ, при содѣйствіи самымъ настойчивымъ и самымъ разумнымъ образомъ направленныхъ усилій частныхъ лицъ, не могли доставить необходимыхъ занятій людямъ, лишеннымъ работы вслѣдствіе внезапнаго прекращенія спроса, случившагося въ послѣдніе два или три года.

Такъ какъ необыкновенныя обстоятельства, ставящія страну на нѣкоторое время въ прогрессивное, неподвижное или ретроградное состояніе, мало зависятъ отъ приходскихъ пособій и добровольныхъ приношеній, то, быть можетъ, слѣдовало бы предвидѣть заранѣе, что, при неподвижномъ или ретроградномъ состояніи, подобныя мѣры не въ силахъ вызвать того дѣйствительнаго спроса, который свойственъ только прогрессивному состоянію. Люди, сомнѣвавшіеся еще въ этой истинѣ, должны получить неодолимое убѣжденіе въ ней путемъ печальнаго опыта въ послѣдніе два года.

Тѣмъ неменѣе, изъ этого вовсе нельзя еще заключить, чтобы усилія, предпринятыя для облегченія настоящихъ бѣдствій, были дурно направлены. Напротивъ того, они нетолько

вызваны были самыми похвальными побужденіями, они нетолько соотвѣтствовали великому нравственному долгу спѣшить на помощь къ нашимъ ближнимъ, но и на самомъ дѣлѣ они сдѣлали большое добро, или, по крайней мѣрѣ, отстранили большое зло. Частная ихъ неудача вовсе не доказываетъ недостаточной энергіи или неспособности тѣхъ, которые взялись за это дѣло; она только подтвердила, что предпринятыя мѣры могли имѣть только частное значеніе.

Есть возможность облегчить страшныя бѣдствія временной нищеты и поддержать несчастныхъ до болѣе благопріятной эпохи, хотя и это возможно только при пожертвованіи со стороны богатыхъ и даже нѣкоторыхъ бѣдныхъ классовъ общества. Но никакія усилія, ни личныя, ни общественныя, не въ силахъ возстановить мгновенно живаго спроса на товары и на трудъ, если его понизили какія либо неблагопріятныя обстоятельства, неподлежащія сомнѣнію.

Дѣло это окружено со всѣхъ сторонъ самыми неодолимыми затрудненіями; такъ что ни при какихъ обстоятельствахъ не оказываются до такой степени справедливы слова Даніеля Фоэ, приведенныя нами въ предъидущей главѣ. Фабричные работники всей Англіи, въ особенности Спитальфильдскіе ткачи, впали въ совершенную нищету вслѣдствіе неожиданнаго, прямаго пониженія спроса на приготовляемыя ими издѣлія, такъ какъ фабриканты принуждены были отпустить многихъ рабочихъ, чтобы привести количество приготовляемыхъ товаровъ къ уровню существующаго на нихъ спроса. Тѣмъ неменѣе, нашлись благотворительные люди, предложившіе собрать подпискою капиталъ съ исключительною цѣлью возвратить къ работамъ тѣхъ работниковъ, которые были отпущены своими хозяевами, вслѣдствіе чего, и такъ уже обремененный рынокъ еще болѣе переполнился бы товарами. Хозяева отказались исполнять такое требованіе, что̀ весьма справедливо и естественно: ибо требованіе это препятствовало имъ уменьшить количество предлагавшихся товаровъ, и принять единственную мѣру для предупрежденія окончательнаго своего разоренія, которое принудило бы ихъ

распустить всѣхъ своихъ работниковъ, вмѣсто того, чтобы отослать только часть ихъ.

Съ другой стороны, многіе купцы и фабриканты громко требовали запрещенія ввоза всѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые могутъ соперничать съ національными произведеніями и вредить, по ихъ мнѣнію, британской производительности. Но противъ этого требованія естественно и весьма основательно возстали другіе, болѣе многочисленные классы ихъ соотечественниковъ, занятыхъ приготовленіемъ и выдѣлкой товаровъ, предназначенныхъ для отправки за границу въ обмѣнъ на тѣ, которые ввозятся изъ чужихъ странъ. И должно согласиться, что придворный балъ, на которомъ допускались бы только великобританскія матеріи, можетъ лишить работы въ одной части страны ровно такое же число людей, какому онъ доставляетъ работу въ другой части страны.

А между тѣмъ, желательно было бы дать, по возможности, занятіе всѣмъ, неимѣющимъ работы, хотя бы ради того только, чтобы предупредить пагубныя послѣдствія праздности и вредныя привычки, порождаемыя тяжкой необходимостью жить долгое время милостыней.

Но перечисленныя нами затрудненія ясно показываютъ, что подобныя мѣры должны сопровождаться крайнею осторожностью, и что мы должны избирать такія занятія, которыя не наносили бы вреда существующимъ капиталамъ. Таковы всякаго рода общественныя работы, проведеніе и исправленіе путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ *, мостовъ, каналовъ, и проч., а въ настоящее время, послѣ потерь, понесенныхъ земледѣльческимъ капиталомъ, быть можетъ, также всѣ работы, относящіяся къ улучшенію почвы, которыя могутъ быть исполнены при содѣйствіи общественныхъ сборовъ.

Но даже и въ такого рода предпріятіяхъ выгоды, которыя

* Во времена Мальтуса желѣзныхъ дорогъ собственно еще не существовало; въ настоящее время дѣло идетъ о рельсахъ, пролагавшихся въ каменноугольныхъ копяхъ и нѣкоторыхъ заводахъ.

Рус. перев.

придутся на долю однихъ, неизбѣжно должны сопровождаться неудобствами для другихъ. Часть дохода каждаго человѣка, которая будетъ употреблена на такое предпріятіе, необходимо будетъ потеряна для другихъ предпріятій, которыя лишатся теперь суммъ, обыкновенно притекавшихъ къ нимъ; а уменьшеніе спроса, причиненное этимъ въ послѣднихъ употребленіяхъ капитала, не можетъ не поставить въ затруднительное положеніе другихъ работниковъ, которые, въ противномъ случаѣ, избѣгли бы его. Но этого неудобства нельзя избѣжать при подобныхъ обстоятельствахъ; и въ случаѣ необходимости, можно считать нетолько человѣколюбивымъ, но и справедливымъ распространеніе бѣдствія на болѣе широкое пространство, чтобы тяжесть его на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ точкахъ могла быть облегчена перенесеніемъ ее на всѣхъ.

Главная цѣль, которую не слѣдуетъ упускать изъ виду, должна состоять въ поддержаніи въ народѣ, во все продолженіе бѣдствія, законной, по моему мнѣнію, надежды, на болѣе счастливое будущее. Затрудненіе, безъ сомнѣнія, значительно увеличивалось въ послѣднее время сильнымъ поощреніемъ къ размноженію населенія, послѣдствія котораго не могутъ быть скоро остановлены. Но, при опубликованіи будущихъ отчетовъ о состояніи населенія, мы вѣроятно найдемъ уменьшеніе числа браковъ и рожденій, а число умершихъ окажется еще больше, чѣмъ въ 1800 и въ 1801; продолженіе тѣхъ же условій задержитъ до нѣкоторой степени еще на нѣсколько лѣтъ размноженіе населенія. Дѣйствіе это во всякомъ случаѣ будетъ въ зависимости отъ возрастающихъ потребностей Европы и Америки, потребностей, которыя будутъ вызваны увеличеніемъ ихъ богатства. Въ то же время, внутри страны произведенія труда необходимо должны будутъ распредѣлиться соотвѣтственно съ распредѣленіемъ богатствъ, произведеннымъ измѣненіемъ въ средствахъ ихъ обращенія. Различныя обстоятельства эти должны пробудить жизнь и энергію во всѣхъ торговыхъ и земледѣльческихъ предпріятіяхъ; онѣ возстановятъ для рабочихъ классовъ прежнюю работу и хорошую заработную плату.

Что касается до судьбы бѣдныхъ, и въ особенности до уве-

личенія ихъ числа въ послѣднее время, то по этому вопросу высказаны были самыя ошибочныя мнѣнія. Увеличеніе числа лицъ, требовавшихъ вспомоществованія отъ приходовъ во время войны, объяснялось главнымъ образомъ дороговизной первыхъ жизненныхъ потребностей. Но мы видѣли значительное и быстрое пониженіе цѣнъ на эти предметы, и въ то же самое время мы замѣтили, что относительно еще большее число лицъ прибѣгало къ приходскимъ пособіямъ.

Говорилось, что налоги суть единственная причина жалкаго ихъ состоянія и чрезвычайнаго застоя въ спросѣ на трудъ; но я, тѣмъ неменѣе, глубоко убѣжденъ, что еслибы завтра всѣ налоги были совершенно отмѣнены, то застой нетолько не прекратился бы, но еще усилился бы. Такая мѣра вызвала бы повсемѣстно сильное возвышеніе цѣнности денежныхъ знаковъ, и подорвала бы трудъ, какъ это всегда случается при подобномъ кризисѣ. Если, какъ утверждаютъ, рабочіе классы выплачиваютъ въ настоящее время, путемъ налоговъ, болѣе половины того, что̀ ими получается, то надо быть весьма мало свѣдущимъ въ законахъ, управляющихъ заработной платой, чтобы вообразить, что если товары, доставляющіе занятіе работникамъ, упадутъ на половину своей цѣны, вслѣдствіе уничтоженія пошлинъ на нихъ, то сама заработная плата можетъ сохранить прежнюю нарицательную свою цѣнность. Еслибы даже она осталась неизмѣнной, хотя бы на непродолжительное только время, между тѣмъ какъ всѣ товары упадутъ въ цѣнѣ, а количество денежныхъ знаковъ соотвѣтственно уменьшится, то огромное число работниковъ внезапно лишилось бы работы.

Дѣйствіе налога, безъ сомнѣнія, во многихъ случаяхъ оказывается въ высшей степени вреднымъ; но можно принять за правило, допускающее весьма немногія исключенія, что облегченіе, доставляемое уничтоженіемъ пошлины, нисколько не уравновѣшиваетъ вреда, причиняемаго ея наложеніемъ; и вообще можно сказать, что вредъ, приносимый пошлиной, состоитъ болѣе въ стѣсненіи производства, чѣмъ въ уменьшеніи спроса. Что касается до всѣхъ товаровъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые производятся и потребляются

внутри страны, то очевидно, что обращеніе капитала въ доходъ (естественное слѣдствіе займовъ), неизбѣжно увеличиваетъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ, и что обращеніе дохода частныхъ лицъ въ доходъ правительства (естественное слѣдствіе благоразумныхъ налоговъ), какъ бы тягостно ни было оно для лицъ, обложенныхъ налогомъ, не можетъ имѣть никакого вліянія на уменьшеніе общей суммы спроса. Оно естественно уменьшаетъ спросъ лицъ, обложенныхъ налогомъ, ограничивая личныя ихъ средства, но оно на столько же увеличиваетъ средства правительства и его чиновниковъ. Если земля, приносящая 5,000 фун. стер. ренты, заложена подъ закладную въ 2,000 фун. ренты, то доходомъ ея могутъ прекрасно жить два семейства, и тратить много денегъ на помѣщеніе, мебель, экипажи, сукна, шелковыя и бумажныя матеріи, и проч. Человѣкъ, владѣющій землей, безъ сомнѣнія, находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находился бы онъ, еслибы закладная была сожжена; но фабриканты и работники, доставляющіе шелковыя ткани, сукна, бумажныя матеріи, и проч., вовсе не воспользовались бы уничтоженіемъ этого акта, и прошло бы весьма значительное время, пока новыя потребности и новыя склонности разбогатѣвшаго собственника не возстановили бы прежняго спроса; а еслибы ему вздумалось истрачивать новый доходъ на лошадей, собакъ, прислугу, что̀ весьма вѣроятно, то фабриканты и работники, доставлявшіе до этого полотно, сукна, бумажныя ткани, были бы лишены работы, но за то и новый спросъ былъ бы менѣе благопріятенъ для увеличенія народнаго капитала и вообще для богатства страны.

Примѣръ этотъ представляетъ гораздо ближе, чѣмъ это вообще полагается, дѣйствіе государственнаго долга на рабочіе классы, и обнаруживаетъ крайне ошибочный взглядъ на неизбѣжное возвышеніе спроса, которое было бы причинено уничтоженіемъ долга, со стороны значительной части общества, какъ будто возрастаніе это не уравновѣсится а нерѣдко и не пересилится, уменьшеніемъ спроса со стороны кредиторовъ и правительства.

Замѣчаніями этими я вовсе не имѣю въ виду утверждать, что государственный долгъ не можетъ быть увеличенъ до такой степени, что онъ сдѣлается крайне обременительнымъ для правительства. Раздѣленіе и распредѣленіе собственности, столь благотворное, если оно производится въ извѣстныхъ границахъ, становится гибельнымъ для производства, когда доводится до крайности. Раздѣленіе земли, приносящей 5,000 фун. ренты, вообще будетъ содѣйствовать увеличенію спроса, поощритъ производство, улучшитъ положеніе общества; между тѣмъ какъ раздѣленіе участка въ 80 фун. ренты вообще вызоветъ противуположные результаты.

Но и независимо отъ предположенія, что раздѣленіе собственности, производимое государственнымъ долгомъ, во многихъ случаяхъ перейдетъ за должныя границы, самое перераспредѣленіе сопровождается такими условіями, которыя сильно затрудняютъ производство. Такія же затрудненія неизбѣжно сопровождаютъ до нѣкоторой степени всякаго рода налоги; но при благопріятныхъ обстоятельствахъ они перевѣшиваются возбужденіемъ болѣе широкаго спроса. Судя по громадному развитію производства и увеличенію населенія во время послѣдней войны, мы имѣемъ полное право предположить, что сила производства не была остановлена, несмотря на колосальные размѣры налоговъ; но при условіяхъ, наступившихъ по заключеніи мира, при чрезвычайномъ пониженіи цѣновой цѣнности сырыхъ произведеній, сопровождавшимся значительнымъ уменьшеніемъ количествомъ денежныхъ знаковъ, быстрое возвышеніе налоговъ должно было оказать сильное содѣйствіе прочимъ условіямъ, затрудняющимъ производство. Дѣйствіе это дало почувствовать себя въ сильной степени; но сопровождавшее его бѣдствіе уже значительно облегчено; и между торговымъ и фабричнымъ классами, въ которыхъ наибольшее число людей осталось безъ работы, зло очевидно вызывается нестолько недостаткомъ капиталовъ и средствъ для производства, сколько отсутствіемъ рынка, на которомъ можно было бы сбывать произведенія, по мѣрѣ ихъ изготовленія; противъ такого отсутствія рынка, такая временная мѣра, какъ отмѣна пошлинъ, какъ бы благопріятна и

даже необходима она ни была, очевидно не можетъ быть средствомъ непосредственнымъ и дѣйствительнымъ.

Главныя причины увеличенія бѣдности, независимо отъ настоящаго кризиса, суть: во первыхъ, преобладаніе мануфактурной системы и неизбѣжно вызываемыя ею колебанія въ спросѣ на трудъ; во вторыхъ, и главнымъ образомъ, обычай, принятый въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Англіи, и въ настоящее время распространяющійся по всему королевству, выдавать въ видѣ приходскихъ вспомоществованій значительную часть того, что̀ должно бы было получаться въ видѣ заработной платы.

Во время войны, когда спросъ на трудъ былъ великъ и постоянно возрасталъ, подобная мѣра представляла единственное средство для воспрепятствованія возвышенія заработной платы соотвѣтственно съ увеличеніемъ цѣны предметовъ первой необходимости, до какихъ бы размѣровъ ни доходила послѣдняя, вслѣдствіе дѣйствія налоговъ. По этой причинѣ, замѣчено было, что въ частяхъ Великобританіи, въ которыхъ менѣе всего прибѣгали къ этой мѣрѣ, заработная плата болѣе всего повысилась. Это случилось въ Шотландіи и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ Англіи, гдѣ улучшеніе положенія рабочихъ классовъ и усиленіе средствъ ихъ для пріобрѣтенія предметовъ необходимости и удобства были особенно замѣтны. Если въ другихъ частяхъ страны, въ которыхъ мѣра эта тоже не получила особенно широкаго распространенія, въ особенности же въ городахъ, заработная плата не поднялась въ такой же степени, то это слѣдуетъ объяснять наплывомъ и соперничествомъ дешевыхъ работниковъ изъ сосѣднихъ провинцій.

Адамъ Смитъ дѣлаетъ весьма вѣрное замѣчаніе, что всѣ попытки правительства возвысить жалованіе пасторамъ были постоянно безуспѣшны, вслѣдствіе значительнаго числа лицъ, искавшихъ этихъ мѣстъ и соглашавшихся на самое скудное содержаніе; а причиною большаго числа соперниковъ были стипендіи или вспомоществованія, выдаваемыя университетами молодымъ людямъ, готовящимся къ духовному званію. Такимъ же точно образомъ, никакія человѣческія усилія не

въ состояніи поддержать заработную плату въ такихъ размѣрахъ, чтобы дать работнику возможность содержать ею довольно многочисленную семью, пока каждый работникъ, имѣющій болѣе двухъ дѣтей, будетъ имѣть право на пособіе прихода.

Еслибы настоящая система получила всестороннее примѣненіе, (а признаюсь, законы о бѣдныхъ, кажется, прямо ведутъ къ тому), то нѣтъ причины чтобы приходскія вспомоществованія не выдавались съ каждымъ днемъ все легче и легче; такъ что я смѣло утверждаю, что еслибы правительство и государственное устройство страны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ были настолько совершенны, насколько можетъ желать этого самый довѣрчивый мечтатель, еслибы парламенты избирались ежегодно, еслибы введена была всеобщая подача голосовъ, еслибы не было ни войнъ, ни налоговъ, ни пенсій, еслибы содержаніе короля не превышало 1,500 фун. стер. въ годъ, наибольшая масса всего общества все таки можетъ быть неболѣе какъ общиной бѣдныхъ.

Меня обвиняли въ томъ, что я предлагалъ законъ, запрещающій бѣднымъ жениться. Это несправедливо. Я не только не предлагалъ такого закона, но говорилъ самымъ яснымъ образомъ, что если человѣкъ желаетъ жениться, не имѣя никакихъ основательныхъ надеждъ, что будетъ въ состояніи содержать семью, то свобода его въ этомъ отношеніи ничѣмъ не должна стѣсняться; и когда мнѣ приписывались запретительныя мѣры, какъ средства приличныя, людьми, которые дѣлали ошибочныя заключенія изъ того, что̀ было сказано мной, то я всякій разъ одинаково возставалъ противъ этого. И дѣйствительно, я самымъ рѣшительнымъ образомъ придерживаюсь мнѣнія, что всякое ограниченіе положительнымъ закономъ эпохи для вступленія въ бракъ * было бы несправедливо и безнравственно; главное мое возраженіе противъ системы равенства и противъ законовъ о бѣдныхъ (двухъ системъ, которыя, несмотря на свое различное происхожденіе, въ сущности, ведутъ къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ),

* Разумѣется, между лицами, достигшими совершеннолѣтія.

состоитъ въ томъ, что общество, которому удалось бы примѣнить ихъ, окончательно пришло бы къ печальной необходимости избрать одно изъ двухъ: поголовную нищету или введеніе *прямаго* закона противъ брака.

Предлагаемая мною мѣра состоитъ совершенно въ другомъ, а именно, въ постепенной и крайне осторожной отмѣнѣ законодательства о бѣдныхъ *. Причина, почему я рѣшился сдѣлать такого рода предложеніе, состоитъ въ глубокомъ моемъ убѣжденіи, что законодательство это несомнѣнно понизило заработки рабочихъ классовъ, и привело эти классы въ худшее положеніе, чѣмъ въ какомъ они находились бы, еслибы законовъ о бѣдныхъ вовсе не существовало. Дѣйствіе ихъ состояло всюду въ пониженіи заработной платы; оно въ особенности было жестоко между рабочими классами въ большихъ городахъ. Въ сельскихъ приходахъ бѣдные дѣйствительно получаютъ кое какое вознагражденіе въ случаѣ скудости своихъ заработковъ; дѣти ихъ, если количество ихъ превосходитъ опредѣленное число, дѣйствительно содержатся на счетъ приходовъ; и хотя для работника должно быть весьма тягостно сознаніе, что ему нѣтъ почти возможности жениться безъ опасенія быть отцемъ голоднаго семейства, тѣмъ неменѣе, если онъ привыкнетъ къ этой мысли, то у него есть хоть какое нибудь вознагражденіе. Въ Лондонѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ Англіи, напротивъ того, бѣдствіе его не сопровождается никакимъ вознагражденіемъ. Населеніе, вызываемое въ деревняхъ безвозмездными вспомоществованіями, естественно и неизбѣжно расплывается по городамъ, и такъ же естественно и неизбѣжно стремится къ пониженію въ нихъ заработной платы, между тѣмъ какъ работники, вступающіе въ бракъ по городамъ, и обремененные многочисленными семействами, въ сущности, не получаютъ никакого пособія отъ своихъ приходовъ, развѣ только если впадутъ въ крайнюю нищету, грозящую имъ голодною смертью; такъ что, говоря вообще, вспомоществованія, выпадающія на долю ре-

* Настолько постепенная, чтобы не стѣнить ни одного уже родившагося или имѣющаго родиться человѣка въ два ближайшіе года.

Прим. автора.

месленныхъ классовъ, для поддержанія ихъ семействъ, вспомоществованія, которыя должны вознаградить ихъ за скудную заработную плату, крайне ограничены.

Для противудѣйствія послѣдствію этого соперничества со стороны сельскаго населенія, городскіе ремесленники и фабричные работники вынуждены вступать въ стачки, чтобы поддержать заработную плату и воспрепятствовать работникамъ работать дешевле. Но такого рода стачки нетолько противузаконны, но онѣ еще неблагоразумны и безполезны; если предложеніе работы въ какой либо отдѣльной отрасли промышленности такъ велико, что понижаетъ заработную плату, то насильное поддержаніе ея величины необходимо должно лишить работы такое число людей, что расходъ на ихъ содержаніе долженъ превзойти выгоды, доставленныя повышеніемъ заработной платы; такъ что повышеніе это не окажетъ рѣшительно никакой пользы для всей массы работниковъ.

Положительно невозможно, чтобы различные классы общества одновременно, и имѣли бы достаточно работы, и хорошо оплачивались бы, если предложеніе труда вообще превышаетъ спросъ на него; а какъ законы о бѣдныхъ стремятся самымъ очевиднымъ образомъ усилить предложеніе труда, сравнительно съ существующимъ на него спросомъ, то и дѣйствіе ихъ должно состоять, или во всеобщемъ пониженіи заработной платы, или же, если часть работниковъ содержится искуственными мѣрами, лишить занятій огромное число неимущихъ, и такимъ образомъ содѣйствовать распространенію бѣдности и нищеты между рабочими классами.

Если таково положеніе вещей (а я глубоко убѣжденъ, что оно дѣйствительно таково), то люди, сочувствующіе благосостоянію наибольшей массы народа, отъ всей души должны сожалѣть, что писатели, сочиненія которыхъ болѣе всего распространены между народомъ, высказывались неодобрительно о такомъ поведеніи, которое одно только могло улучшить его положеніе, и превозносили систему, которая неизбѣжно должна повергнуть ихъ въ нищету и бѣдствія.

Народу проповѣдуютъ, что ему положительно незачѣмъ обуздывать свои склонности и быть благоразумныхъ въ дѣлѣ

заключенія браковъ, ибо приходъ обязанъ заботиться обо всѣхъ раждающихся въ немъ. Ему говорятъ также, что ему не для чего пріучать себя къ бережливости, и откладывать въ сберегательныя кассы часть своихъ заработковъ во время холостой жизни, чтобы имѣть хижину по вступленіи въ бракъ и возможность жить честно, и пользоваться нѣкоторымъ довольствомъ; потому, вѣроятно, что приходъ обязанъ прикрыть его наготу, и доставить ему кровать и стулъ въ рабочемъ домѣ.

Его учатъ, что всякая попытка со стороны высшихъ классовъ общества, имѣющая въ виду внушить ему обязанности благоразумія и бережливости, вызывается однимъ только желаніемъ сберечь суммы, уплачиваемыя этими классами въ пользу бѣдныхъ, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что единственное средство, согласное съ законами нравственности и религіи, передать бѣднымъ наибольшую часть имущества богатыхъ, не повергая въ нищету все общество, состоитъ, что̀ касается до бѣднаго, въ благоразуміи относительно вступленія въ бракъ и въ бережливости до его заключенія и послѣ него.

Его учатъ, что заповѣдь Создателя плодиться и размножаться опровергаетъ законы, имъ самимъ установленные для размноженія и распространенія человѣческаго рода, и что каждый человѣкъ обязанъ жениться въ молодыхъ годахъ, хотя бы, по недостатку продовольствія, производимаго страной, дѣти его должны погибнуть преждевременной смертью и не участвовать въ размноженіи породы; что и при такихъ обстоятельствахъ, онъ также обязанъ жениться, какъ и въ томъ случаѣ, когда всѣ его дѣти могутъ быть воспитаны имъ, или когда не встрѣчается недостатка ни въ продовольствіи, ни въ помѣщеніи для самаго сильнаго и быстраго размноженія населенія.

Его учатъ, что между такой страной, какъ Англія, съ давнихъ уже временъ густо заселенной, гдѣ невоздѣлывающіяся земли почти безплодны, и такой страной, какъ Сѣвероамериканскіе штаты, въ которыхъ можно имѣть за ничтожныя деньги неизмѣримыя пространства богатой и плодородной земли, нѣтъ никакой разницы въ положеніи рабочихъ классовъ, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ налога въ пользу бѣдныхъ.

Его учатъ, наконецъ (верхъ чудовищной нелѣпости), что единственная причина, почему сѣвероамериканскій работникъ зарабатываетъ въ сутки долларъ, а великобританскій работникъ получаетъ неболѣе двухъ шиллинговъ, состоитъ въ томъ, что послѣдній плотитъ, въ видѣ пошлинъ, бо̀льшую часть этихъ двухъ шиллинговъ.

Нѣкоторые изъ этихъ ученій до такой степени грубо нелѣпы, что отвергаются съ перваго же взгляда, я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ, здравымъ смысломъ большей части работниковъ. Послѣдніе не могутъ не сознавать, что если они находятся главнымъ образомъ на попеченіи прихода по содержанію своихъ дѣтей, то не могутъ ни на что̀ болѣе разсчитывать, какъ только на столъ, одежду, мебель, помѣщеніе и присмотръ прихода; они не могутъ не знать, что люди, находящіеся въ такихъ условіяхъ, не могутъ похвалиться своимъ счастіемъ и благосостояніемъ.

Врядъ ли можетъ скрыться отъ послѣдняго ремесленника, что чѣмъ меньше работниковъ, тѣмъ бо̀льшую удерживаютъ они за собой долю и той цѣнности, которую они производятъ для своихъ хозяевъ; изъ этого необходимо вытекаетъ, что благоразуміе относительно вступленія въ бракъ, какъ единственное нравственное средство для предупрежденія перевѣса предложенія работы надъ спросомъ, есть въ то же самое время единственное средство для непрерывной передачи бѣдному большей части произведеній страны.

Здравомыслящій человѣкъ, читавшій библію, долженъ быть убѣжденъ, что заповѣдь, данная разумному существу всеблагимъ Творцемъ, не можетъ имѣть цѣли, придаваемой ей толкованіемъ, вызывающимъ болѣзни и смерть, а не распространеніе породы. Простой здравый смыслъ показываетъ ему, что если въ странѣ, въ которой нельзя разсчитывать на увеличеніе количества продовольствія, каждый человѣкъ будетъ вступать въ супружество по достиженіи восемнадцати или двадцатилѣтняго возраста, то есть, эпохи, въ которую вообще ощущается наибольшая склонность къ вступленію въ бракъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ распространеніе бѣдности, болѣзней и смертности, а не размноженіе населе-

нія; и это будетъ продолжаться до того времени (въ чемъ здравомыслящій человѣкъ, разумѣется, не будетъ сомнѣваться), пока вновь производимой пищи не будетъ достаточно для прибывающаго населенія.

Одного простаго здраваго смысла, безъ особенной проницательности, достаточно работнику, хорошо знакомому съ условіями своей страны, чтобы придти къ убѣжденію, что должно существовать какое нибудь особенное важное различіе, вовсе независимое отъ налоговъ, между Сѣвероамериканскими штатами и Англіей, то есть, между страной, которая легко можетъ доставить содержаніе въ пятьдесятъ разъ большему количеству жителей, сравнительно съ настоящимъ ея населеніемъ, и страной, которая, безъ чрезвычайныхъ усилій, не можетъ прокормить въ два или въ три раза болѣе многочисленное населеніе, сравнительно съ настоящей его числительностью. Онъ замѣтилъ бы по меньшей мѣрѣ, что существуетъ громадная разница въ возможности содержать добавочное количество скота между маленькой и густо населенной фермой, и огромной фермой, неимѣющей и пятидесятой части того населенія, какое она въ состояніи прокормить. Сверхъ того, такъ какъ онъ увидѣлъ бы, что богатые и бѣдные должны содержаться произведеніями земли точно такъ же, какъ содержатся ими животныя, то это убѣдило бы его, что справедливое въ одномъ случаѣ, не можетъ быть ложно въ другомъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, онъ увидитъ, что ничего нѣтъ необыкновеннаго и неправдоподобнаго въ томъ, что въ странѣ, сильно нуждающейся въ людяхъ, заработная плата, по природѣ своей, должна поощрять ранніе браки и многочисленныя семейства, и это по той естественнѣйшей причинѣ, что всѣ вновь раждающіеся могутъ легко вырастать въ довольствѣ, между тѣмъ какъ въ странѣ, уже вполнѣ заселенной, заработная плата не можетъ оказывать такого же поощренія раннимъ бракамъ по такой же естественной причинѣ, что вновь раждающіеся люди не могутъ найти достаточнаго содержанія.

Мало найдется ремесленниковъ, которые бы не слыхали о высокой цѣнѣ хлѣба, мяса и труда въ Англіи, сравнительно

съ цѣнами на материкѣ; и въ то же время они слыхали, что эти высокія цѣны поддерживаются главнымъ образомъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ; что послѣдній дѣйствительно поднялъ денежную цѣну труда, какъ и прочихъ предметовъ, но тѣмъ неменѣе, принесъ больше вреда, чѣмъ пользы работнику, потому что онъ прежде поднялъ цѣну хлѣба, мяса, пива и прочихъ предметовъ, на покупку которыхъ идетъ заработокъ работника. При такомъ ограниченномъ даже количествѣ свѣдѣній, человѣкъ, неотличающійся особенною проницательностью, долженъ отвергнуть мысль, чтобы та же самая причина, которая во всѣхъ европейскихъ странахъ держитъ денежную величину заработной платы ниже ея уровня въ Англіи, а именно, отсутствіе налога въ пользу бѣдныхъ, удвоивала бы ее въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ. Послѣдній работникъ убѣдился бы, что въ чемъ бы ни заключалась причина высокой денежной цѣны заработной платы въ Америкѣ (такъ какъ, быть можетъ, ему трудно понять ее), для него, тѣмъ неменѣе, не можетъ подлежать сомнѣнію, что причина эта не можетъ состоять въ отсутствіи налога въ пользу бѣдныхъ, такъ какъ обстоятельство это должно вызвать явленіе совершенно противуположное.

Что касается до улучшенія положенія низшихъ классовъ во Франціи со времени революціи, улучшенія, о которомъ такъ много говорили, если перечислить сопровождавшія его обстоятельства, то они представили бы весьма полновѣсныя возраженія противъ ученій, проповѣдывавшихся въ послѣднее время. Улучшеніе положенія рабочихъ классовъ во Франціи со времени революціи сопровождалось значительнымъ уменьшеніемъ числа рожденій. Это уменьшеніе естественно и необходимо должно было предоставить этимъ классамъ бо̀льшую долю изъ произведеній страны, и поддержать выгоды, вытекавшія для нихъ изъ продажи церковныхъ и государственныхъ имуществъ, которыя, въ противномъ случаѣ, вскорѣ были бы утрачены. Дѣйствіе революціи во Франціи состояло въ томъ, что каждый сталъ больше зависѣть отъ себя самого и меньше зависѣть отъ другихъ. Вслѣдствіе этого, рабочіе классы стали болѣе трудолюбивы, болѣе бережливы, болѣе

благоразумны, противъ прежняго, въ дѣлѣ вступленія въ бракъ; безъ всего этого, не подлежитъ сомнѣнію, что революція не принесла бы имъ никакой пользы. Улучшеніе правительства естественно производитъ такое дѣйствіе, и тѣмъ самымъ улучшаетъ положеніе бѣднаго. Но чрезмѣрно широкое примѣненіе системы приходскихъ вспомоществованій и проповѣдывавшіяся въ послѣднее время ученія противятся этому. Онѝ препятствуютъ рабочимъ классамъ привыкнуть къ мысли, что участь ихъ зависитъ отъ собственнаго ихъ благоразумія и трудолюбія. Результатомъ этого оказывается, что улучшеніе ихъ въ прочихъ отношеніяхъ, сравнительно, получаетъ весьма малое значеніе; и при идеально хорошемъ правительствѣ, тысячи людей могутъ остаться безъ работы, и умирать съ голоду.

Если станутъ проповѣдывать народу, что всѣ раждающіеся *имѣютъ право содержаться* на счетъ страны, каково бы ни было ихъ число, и что не для чего прибѣгать къ благоразумію въ дѣлѣ заключенія браковъ, чтобы держать число раждающихся въ должныхъ границахъ, то люди, которымъ будутъ говорить подобныя рѣчи, потворствующія склонностямъ человѣческой природы, неизбѣжно уступятъ искушенію, и будутъ впадать все въ бо́льшую зависимость отъ приходскихъ вспомоществованій. Нельзя, слѣдовательно, быть болѣе непослѣдовательнымъ, быть въ большемъ противурѣчіи съ самимъ собой, какъ поддерживать подобныя ученія, и въ то же самое время жаловаться на огромное число бѣдныхъ. Ученія эти неразрывно связаны съ размноженіемъ бѣдныхъ; никакая революція, никакая перемѣна правительства не въ состояніи разорвать этой связи между ними.

ГЛАВА VIII.—О земледѣльческой системѣ.

Такъ какъ отличительное свойство земледѣлія состоитъ въ произведеніи продовольствія для бо́льшаго числа семействъ, чѣмъ какое требуется самимъ воздѣлываніемъ земли, то это можетъ породить предположеніе, что страна, исключительно привязанная къ земледѣльческой системѣ, постоянно должна

имѣть больше продовольствія, чѣмъ сколько требуется для прокормленія ея населенія, и что послѣднее никогда не можетъ почувствовать недостатка въ средствахъ существованія.

И дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что размноженіе населенія такой страны не можетъ быть остановлено непосредственно ни недостаточной производительной силой, ни даже недостаткомъ въ наличномъ количествѣ произведеній земли, сравнительно съ количествомъ населенія. Но если взглянуть ближе на положеніе рабочихъ классовъ, то можно замѣтить, что дѣйствительные ихъ заработки, тѣмъ неменѣе, останавливаютъ ихъ размноженіе, и управляютъ имъ, потому что они останавливаютъ, и управляютъ ихъ способностью пріобрѣтать средства существованія.

При извѣстныхъ условіяхъ почвы и положенія, можетъ случиться, что страна, чувствующая недостатокъ въ капиталахъ, найдетъ болѣе выгоднымъ для себя покупать иностранные товары за свои произведенія, чѣмъ приготовлять ихъ дома; а въ такомъ случаѣ она производитъ болѣе сырыхъ матерьяловъ, чѣмъ сколько потребляетъ ихъ. Но такое положеніе вещей не можетъ обусловливать неизмѣнное положеніе низшихъ классовъ общества или неизмѣнное ихъ размноженіе. Въ странѣ, въ которой преобладаетъ главнымъ образомъ земледѣльческая система, въ которой главная масса труда прилагается къ землѣ, судьба народа подлежитъ тоже всевозможнымъ колебаніямъ.

При земледѣльческой системѣ, быть можетъ, въ особенности легко встрѣчаются обѣ крайности въ этомъ отношеніи: такое положеніе низшихъ классовъ, какое только можетъ быть желательно, и примѣры самаго бѣдственнаго положенія, какіе только когда либо встрѣчались.

Тамъ, гдѣ хорошія земли встѣчаются въ изобиліи, гдѣ ничто не препятствуетъ свободной покупкѣ и распредѣленію ихъ, гдѣ существуетъ, сверхъ того, удобный сбытъ для сырыхъ произведеній, тамъ встрѣчается одновременно, и большая прибыль на капиталъ, и высокая заработная плата. Эта прибыль и эта заработная плата, при повсемѣстномъ распространеніи привычки къ бережливости, необходимо должны

содѣйствовать быстрому скопленію капиталовъ, и поддерживать сильный и постоянный спросъ на трудъ; между тѣмъ какъ быстрое размноженіе населенія, вызываемое ими, должно держать на томъ же уровнѣ спросъ на произведенія, и предупреждать пониженіе прибыли. Если територія обширна, а населеніе, сравнительно, небольшое, то земля можетъ чувствовать впродолженіи извѣстнаго времени недостатокъ въ рукахъ и въ капиталахъ. Вотъ при какихъ условіяхъ въ земледѣльческой странѣ трудъ можетъ получать большее количество предметовъ, необходимыхъ для жизни, чѣмъ при какомъ бы то ни было другомъ положеніи, а низшіе классы народа пользоваться наибольшимъ благосостояніемъ.

Единственное неблагопріятное условіе для ихъ обогащенія состоитъ въ такомъ случаѣ въ низкой относительной цѣнѣ сырыхъ произведеній.

Если значительное количество обработанныхъ произведеній, употребляемыхъ въ такой странѣ, оплачивается вывозимыми изъ нея сырыми матерьялами, то цѣнность послѣднихъ необходимо должна быть ниже, а цѣнность обработанныхъ произведеній — выше, чѣмъ въ странѣ, съ которой она находится въ торговыхъ сношеніяхъ. Но гдѣ за данное количество сырыхъ произведеній получается менѣе обработанныхъ издѣлій и иностранныхъ товаровъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, тамъ положеніе работника не можетъ измѣряться точно количествомъ выпадающихъ на его долю сырыхъ произведеній. Еслибы напримѣръ, годовой заработокъ работника въ одной странѣ простирался до стоимости пятнадцати четвертей пшеницы, между тѣмъ какъ въ другой странѣ онъ составлялъ бы всего девять четвертей, то мы не имѣли бы права заключить изъ этого, что въ такомъ же отношеніи находятся ихъ положеніе и довольство, ибо не весь заработокъ ихъ употребляется для пріобрѣтенія пищи. Если, стало быть, остальная часть его въ странѣ, въ которой онъ простирается до пятнадцати четвертей, не можетъ купить столько одежды и другихъ полезныхъ предметовъ, сколько покупаетъ соотвѣтствующая ей часть въ странѣ, гдѣ заработокъ составляетъ всего девять четвертей, то можетъ случиться, что положеніе ра-

ботника въ первой странѣ, говоря вообще, подходитъ къ положенію работника въ первой странѣ гораздо ближе, чѣмъ это можетъ представиться на первый взглядъ.

Не должно забывать также, что *количество* постоянно и въ значительной степени вознаграждаетъ за низкую цѣну. Работникъ, зарабатывающій большее количество хлѣба, можетъ, правда, получить одновременно, и больше предметовъ просто полезныхъ, но вовсе не въ размѣрахъ заработка, указываемыхъ количествомъ сырыхъ произведеній.

Сѣвероамериканскіе штаты представляютъ примѣръ практическаго примѣненія земледѣльческой системы при условіяхъ, болѣе всего благопріятныхъ для рабочихъ классовъ. По природѣ своей, страна допускаетъ приложеніе значительной части своихъ капиталовъ къ земледѣлію; поэтому, капиталы ея возрастаютъ весьма быстро, а вслѣдствіе этого, поддерживается постоянный спросъ на трудъ. По этой причинѣ, рабочіе классы получали хорошіе заработки, и могли покупать несравненно больше предметовъ первой необходимости, чѣмъ это гдѣ либо замѣчалось, а потому, и размноженіе населенія шло чрезвычайно быстро.

Тѣмъ неменѣе, и здѣсь чувствовалось неудобство вслѣдствіе дешевизны хлѣба. Такъ какъ до послѣдней войны Сѣвероамериканскіе штаты ввозили изъ Англіи бо̀льшую часть обработанныхъ произведеній, между тѣмъ какъ Англія вывозила изъ нихъ муку и пшеницу, то и не подлежитъ сомнѣнію, что въ Соединенныхъ штатахъ цѣнность продовольствія, сравнительно съ обработанными издѣліями, была ниже, чѣмъ въ Англіи. И это было справедливо нетолько относительно привозныхъ товаровъ, но и относительно произведеній туземныхъ фабрикъ, непользовавшихся какими либо особенно благопріятными условіями. Въ земледѣліи изобилія хорошихъ земель было достаточно для противудѣйствія высокой заработной платѣ и высокой прибыли на капиталъ, и для поддержанія умѣренной цѣны на хлѣбъ, несмотря на чрезвычайную дороговизну двухъ элементовъ этой цѣны. Но въ производствѣ фабричныхъ издѣлій дороговизна эта необходимо должна отразиться, безъ сопровожденія какихъ либо

благопріятныхъ условій, которыя уравновѣшивали бы ее, и непремѣнно должна была поднять цѣны, какъ на туземныя фабричныя издѣлія, такъ и на привозныя, сравнительно съ цѣной продовольствія.

При такихъ условіяхъ, положеніе рабочихъ классовъ, относительно предметовъ необходимости и удобства, не можетъ быть значительно выше положенія рабочихъ другихъ странъ, какъ это можно было бы заключить изъ количества хлѣба, какое можетъ быть обмѣнено на ихъ заработокъ. Это ясно подтверждается наблюденіемъ. Симонъ, весьма проницательный французскій путешественникъ, двадцать лѣтъ прожившій въ Соединенныхъ штатахъ, осмотрѣлъ въ послѣднее время бо̀льшую часть Англіи. Изъ описанія этого путешествія, сдѣланнаго въ 1810 и 1811, видно, что онъ былъ пораженъ видомъ довольства и благосостоянія поселянъ на этомъ островѣ и опрятностью въ ихъ одеждѣ. Онъ встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ столько чистенькихъ хижинъ, такое число хорошо одѣтыхъ крестьянъ, такъ мало признаковъ нищеты, что съ удивленіемъ спрашиваетъ, гдѣ же прячутся англійскіе бѣдные, гдѣ ихъ помѣщенія. Такія замѣчанія наблюдателя, талантливаго, точнаго, по всей вѣроятности вполнѣ безпристрастнаго, прибывшаго изъ Америки и впервые посѣтившаго Англію, весьма любопытны и поучительны; указываемые имъ факты, хотя бы они приводились вслѣдствіе впечатлѣнія, вызваннаго различіемъ въ обычаяхъ и въ образѣ жизни обѣихъ странъ, должны находиться въ большой зависимости отъ причинъ, о которыхъ мы только что говорили.

Ирландія представляетъ разительный примѣръ печальнаго дѣйствія на положеніе бѣдныхъ относительной дешевизны питательныхъ веществъ. Капиталы, предназначенные на содержаніе труда, возрасли въ ней до такой степени быстро впродолженіе послѣдняго столѣтія, на содержаніе труда употреблялось въ ней такое значительное количечтво главной пищи низшихъ классовъ народа, что населеніе возрастало въ этой странѣ быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо, за исключеніемъ Соединенныхъ штатовъ. Ирландскій работникъ, оплачиваемый

картофелемъ, былъ въ состояніи прокормить, быть можетъ, въ два раза болѣе многочисленную семью, чѣмъ англійскій работникъ, оплачиваемый пшеницей; а размноженіе населенія въ обѣихъ странахъ, почти соотвѣтствовало относительному количеству получаемаго ихъ работниками продовольствія, принимая въ соображеніе ихъ привычки. Но, что̀ касается до предметовъ удобства и довольства, то врядъ ли положеніе ихъ было въ такомъ же отношеніи. Огромное количество пищи, доставляемое почвой, воздѣлываемой подъ картофель, а вслѣдствіе этого, низкая цѣна труда, оплачиваемаго такимъ продуктомъ, скорѣе должны повысить, чѣмъ понизить, поземельную ренту, такъ что они должны поднять находящіяся отъ нихъ въ зависимости цѣны всѣхъ матерьяловъ для фабрикъ и всякаго рода сырыхъ произведеній, кромѣ картофеля. Страна эта испытываетъ, поэтому, большое неудобство относительно сырыхъ матерьяловъ, обрабатываемыхъ туземными фабриками, и еще большее, относительно иностранныхъ произведеній, какъ сырыхъ, такъ и обработанныхъ. Мѣновая цѣнность продовольствія, зарабатываемаго ирландскимъ работникомъ, сверхъ того, что̀ потребляется имъ съ семействомъ, не можетъ значительно превышать того, что̀ ему крайне необходимо относительно помѣщенія, одежды и нѣкотораго удобства. Изъ этого вытекаетъ, что положеніе его въ этомъ отношеніи самое печальное, хотя онъ и зарабатываетъ, относительно, весьма значительное количество пищи.

Денежная цѣна заработной платы въ Ирландіи вполовину меньше, чѣмъ въ Англіи. Количество покупаемой ею пищи нисколько не вознаграждаетъ за меньшую ея цѣнность; часть ея, остающаяся въ рукахъ ирландскаго работника, быть можетъ, четвертая или пятая, не позволяетъ ему дѣлать траты на покупку обработанныхъ произведеній и иностранныхъ товаровъ. Въ Соединенныхъ штатахъ, напротивъ того, даже денежная цѣна труда почти въ два раза больше, чѣмъ въ Англіи. Американскій работникъ не можетъ, правда, покупать за вырабатываемое имъ количество хлѣба обработанныя произведенія и иностранные товары такъ же дешево, какъ англійскій работникъ; но большее его количество вознаграж-

даетъ за меньшую его цѣнность. Положеніе его, сравнительно съ положеніемъ англійскаго работника, не настолько лучше, какъ это показалось бы изъ сравненія средствъ существованія обоихъ, но оно во всякомъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія; такъ что мы можемъ сказать вообще, что Соединенные штаты представляютъ примѣръ земледѣльческой системы, при которой рабочіе классы находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ.

Несравненно чаще встрѣчаются примѣры странъ, въ которыхъ, при земледѣльческой системѣ, рабочіе классы находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Когда скопленіе капиталовъ останавливается, отъ какой бы причины это ни происходило, то размноженіе населенія еще не прекращается, и продолжаетъ возрастать, пока не достигнетъ крайняго предѣла, допускаемаго средствами существованія, насколько дозволяютъ это привычки низшихъ классовъ общества; или, другими словами, дѣйствительная заработная плата падаетъ, пока не достигнетъ наконецъ крайней величины, едва достаточной для поддержанія народонаселенія въ неподвижномъ состояніи. Если это случится, какъ это часто бываетъ, когда землй еще довольно, но въ капиталахъ чувствуется недостатокъ, то прибыль, доставляемая капиталами, естественно должна подняться, между тѣмъ какъ хлѣбъ будетъ дешевъ, вслѣдствіе изобилія земель, ихъ плодородія, неподвижнаго состоянія спроса на него, и онъ будетъ держаться на низкой цѣнѣ, несмотря на высокую прибиль крпиталовъ; въ то же самое время эта высокая прибыль на капиталы, при отсутствіи ловкости работника и при несовершенствѣ въ раздѣленіи труда, неизбѣжно сопровождающихъ недостатокъ капиталовъ, поднимаетъ цѣны на всѣ обработанныя произведенія. Такое положеніе вещей очевидно будетъ неблагопріятно для развитія привычекъ къ благоразумію и нравственному обузданію, которыя чаще всего являются результатомъ довольства и установившагося обычая цѣнить только прочное благосостояніе; мы имѣемъ, стало быть, право предположить, что населеніе будетъ непрерывно возрастать до тѣхъ поръ, пока заработная плата, даже измѣряемая однимъ только продовольствіемъ, не достигнетъ возможно

низкой цѣны. Но въ странѣ, въ которой заработная плата, измѣряемая количествомъ покупаемой ею пищи, низка, и въ которой хлѣбъ стоитъ очень дешево, сравнительно съ фабричными произведеніями, какъ туземными, такъ и иностранными, положеніе рабочихъ должно быть самое плачевное.

Польша, нѣкоторыя части Россіи, Сибирь и Европейская Турція представляютъ примѣръ такого положенія. Въ Польшѣ народонаселеніе находится, повидимому, почти въ неподвижномъ состояніи, или возрастаетъ едва замѣтно; а какъ населеніе и производство страны одинаково слабы, сравнительно съ ея протяженіемъ, то изъ этого можно смѣло заключить, что и капиталы въ ней рѣдки, и во всякомъ случаѣ возрастаютъ медленно. Изъ этого слѣдуетъ, что спросъ на трудъ увеличивается въ этой странѣ весьма туго, и что дѣйствительная величина заработной платы, или количество необходимыхъ и полезныхъ предметовъ, доступныхъ рабочимъ классамъ, до такой степени невелико въ ней, что классы эти ограничиваются только крайне необходимымъ. Такъ какъ судя по положенію страны, крестьяне не могли привыкнуть въ ней къ нѣкоторому довольству и къ предметамъ удобства, то вѣроятно препятствія, противудѣйствующія въ ней размноженію населенія, скорѣе разрушительнаго, чѣмъ предупредительнаго свойства.

Какъ бы то ни было, страна эта богата хлѣбомъ, и ежегодно вывозитъ значительное его количество. Поэтому, населеніе ограничивается и опредѣляется въ ней не производительной ея силой относительно продовольствія, ни даже количествомъ дѣйствительно производимой ею пищи, но количествомъ ея, поступающимъ при данныхъ условіяхъ въ распоряженіе работника, и возрастаніемъ капиталовъ, которымъ дается такое назначеніе.

Въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, спросъ на трудъ весьма незначителенъ, и хотя населеніе тоже незначительно, все же оно превышаетъ средства тѣхъ капиталовъ страны, которые употребляются на содержаніе труда. Поэтому, работникъ находится въ угнетенномъ положеніи, ибо въ его распоряженіе поступаетъ такое только количество продовольствія, какое

достаточно для поддержанія населенія въ состояніи неподвижномъ или двигающемся крайне медленно. Онъ угнетенъ, сверхъ того, низкой относительной цѣной зарабатываемаго имъ продовольствія, ибо кое какой остающійся у него излишекъ не дозволяетъ ему покупать фабричныя издѣлія и иностранные товары.

Вслѣдствіе этого, ничего нѣтъ удивительнаго, что все, что̀ извѣстно намъ о положеніи По̀льши, подтверждаетъ крайне бѣдственное положеніе въ ней низшихъ классовъ народа. Другія части Европы, находящія въ одинаковыхъ съ ней условіяхъ, относительно почвы и капиталовъ, представляютъ такую же картину.

Для справедливой оцѣнки земледѣльческой системы, тѣмъ неменѣе, слѣдуетъ замѣтить, что препятствіе для возрастанія капитала и спроса на трудъ, преждевременно обнаруживающееся въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, въ которыхъ почва не утратила своего плодородія, вызывается не исключительнымъ направленіемъ ихъ промышленности, но дурнымъ правительствомъ и общественнымъ устройствомъ, останавливающимъ естественное и всестороннее развитіе труда, принявшаго такое направленіе.

Польша постоянно приводится въ примѣръ пагубнаго дѣйствія земледѣльческой системы. Но мы не имѣемъ права ссылаться на такого рода доказательство. Нищета этой страны вызывается вовсе не тѣмъ, что трудъ направленъ въ ней главнымъ образомъ къ земледѣлію; она причиняется стесненіемъ въ ней всякаго рода промышленности, вслѣдствіе положенія собственности и рабскаго состоянія народа. До тѣхъ поръ, пока земля будетъ обрабатываться крѣпостными, которые ничего не могутъ заработать, что̀ тотчасъ же не обращалось бы въ собственность ихъ господъ; до тѣхъ поръ, пока главная масса народа будетъ состоять, съ одной стороны, изъ такихъ презрѣнныхъ существъ, а съ другой — изъ владѣльцевъ обширныхъ помѣстій, до того времени очевидно не можетъ возникнуть класса людей, который имѣлъ бы возможность вызвать спросъ, соотвѣтствующій избытку произведеній почвы, или скопить новые капиталы и увеличить тре-

бованія на трудъ. При такомъ печальномъ положеніи вещей, лучшее средство состояло бы несомнѣнно въ заведеніи фабрикъ и торговли; оно освободило бы массу народа изъ рабства, и вызвало бы побужденіе къ труду и къ скопленію капиталовъ. Но еслибы народъ былъ уже свободенъ, и отличался трудолюбіемъ, еслибы поземельная собственность легко раздѣлялась и отчуждалось, то для такой страны, какъ Польша, могло бы быть еще выгоднымъ покупать за границей высокія фабричныя издѣлія, потребляемыя страной, оплачивая ихъ туземными сырыми произведеніями, и такимъ образомъ оставаться еще значительное время земледѣльческою страной. Но во всякомъ случаѣ, подъ вліяніемъ этихъ новыхъ условій, страна представила бы совсѣмъ другую картину, сравнительно съ теперешнимъ своимъ состояніемъ; положеніе народа болѣе походило бы въ ней на положеніе народа въ Соединенныхъ штатахъ, чѣмъ на печальную участь населенія европейскихъ странъ, отставшихъ въ своей цивилизаціи. Соединенные штаты представляютъ въ новѣйшее время, быть можетъ, единственный примѣръ свободнаго и естественнаго примѣненія земледѣльческой системы. Во всѣхъ европейскихъ странахъ и въ большей части заведенныхъ ими колоній сильныя препятствія стѣсняютъ еще приложеніе капиталовъ къ земледѣлію, вслѣдствіе остатковъ феодальнаго порядка. Препятствія эти, нанесшія существенный вредъ земледѣлію, тѣмъ неменѣе, вовсе не оказали соотвѣтствующаго поощренія прочимъ отраслямъ промышленности. Торговля и фабрики необходимы для земледѣлія, но земледѣліе еще болѣе необходимо для торговли и для фабрикъ. Никогда не будетъ подвержена сомнѣнію истина, что избытокъ произведеній, добываемыхъ земледѣльцами, въ широкомъ смыслѣ слова, опредѣляетъ и ограничиваетъ размноженіе той части общества, которая не занимается земледѣліемъ. Число ремесленниковъ, торговцевъ, собственниковъ и служащихъ лицъ, гражданскихъ и военныхъ, всегда строго соразмѣряется этимъ избыткомъ произведеній и, по самой природѣ вещей, не можетъ перейти за этотъ уровень. Еслибы земля доставляла такое ограниченное количество произведеній, что принуждала бы все свое

населеніе заниматься земледѣліемъ, то не было бы ни праздныхъ людей, ни ремесленниковъ. При первоначальной ея обработкѣ, она безвозмездно предоставила человѣку дары, въ ограниченныхъ, правда, размѣрахъ, но достаточныхъ, какъ средства существованія, чтобы, при ихъ содѣйствіи, получить еще бòльшіе. Возможность получать послѣдніе вытекала для человѣка изъ свойства почвы производить, при содѣйствіи ея обработки, гораздо больше пищи и матерьяловъ для одежды и жилищъ, чѣмъ сколько нужно, чтобы прокормить, одѣть и доставить помѣщеніе тѣмъ, которые обрабатываютъ ее. Это качество ея—доставлять избытокъ, за покрытіемъ производства, и служитъ отличительнымъ признакомъ земледѣльческаго труда. Этотъ избытокъ увеличивался въ размѣрахъ труда и знанія, прилагаемыхъ къ земледѣлію, и доставилъ большему числу людей досугъ и возможность посвятить себя тѣмъ разнообразнымъ изобрѣтеніямъ, которыя скрашиваютъ жизнь цивилизованнаго общества; въ то же самое время желаніе воспользоваться этими изобрѣтеніями непрерывно возбуждало земледѣльцевъ, и заставляло ихъ увеличивать избытокъ своихъ произведеній. Желаніе это, повидимому, необходимо, чтобы придать всю цѣну этому избытку и поощрить его производство, ибо ремесленнику необходимы средства для существованія прежде, чѣмъ онъ окончитъ свою работу; такъ что ни въ какой отрасли промышленности нельзя сдѣлать шагу, прежде чѣмъ земледѣльцы не получатъ отъ почвы болѣе, чѣмъ сколько требуется для ихъ личнаго потребленія.

Когда говорятъ, что земледѣльческій трудъ исключительно производителенъ, основываясь на одной только денежной рентѣ за землю, поступающей въ распоряженіе извѣстнаго числа собственниковъ, то смотрятъ на этотъ предметъ съ весьма узкой точки зрѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта рента, при развитомъ состояніи общества, представляетъ очевиднѣйшую и значительнѣйшую долю избытка, о которомъ идетъ рѣчь. Но этотъ избытокъ можетъ состоять въ высокой заработной платѣ и въ высокой прибыли въ первый періодъ обработки земли, когда рента бываетъ ничтожна, или ея вовсе не существуетъ. Работникъ, зарабатывающій цѣнность, рав-

ную пятнадцати четвертямъ хлѣба въ годъ, можетъ имѣть неболѣе трехъ или четырехъ дѣтей, и потреблять собственно неболѣе пяти или шести четвертей; собственникъ земли, приносящей большую ренту, тоже можетъ потреблять въ видѣ продовольствія и сырыхъ матерьяловъ, только незначительную часть своего дохода. Остальное, въ видѣ заработной платы, прибыли или ренты, можно принимать, какъ избытокъ произведеній земли, доставляющій продовольствіе и сырые матерьялы для одежды и жилища опредѣленному числу людей, смотря по своимъ размѣрамъ; такъ что одна часть населенія можетъ жить безъ физическаго труда, а другая заниматься обработкой сырыхъ произведеній, доставляемыхъ землей, придавая имъ видъ, болѣе способный удовлетворить требованіямъ и вкусу человѣка.

Поэтому, только то свойство страны, что она находитъ для себя выгоднымъ обмѣнивать избытокъ своихъ естественныхъ произведеній на иностранные товары, вмѣсто того чтобы потреблять его дома, даетъ ей право называться земледѣльческой. Такой обмѣнъ сырыхъ произведеній на готовыя издѣлія и на нѣкоторые иностранные товары можетъ быть долго выгоденъ для страны, похожей на Польшу только тѣмъ, что она тоже будетъ отсылать свой хлѣбъ за границу.

Итакъ, *страны, занимающіяся преимущественно земледѣліемъ* и постоянно вывозящія хлѣбъ, повидимому, *могутъ находиться, какъ въ чрезвычайномъ изобиліи, такъ и испытывать крайнюю нужду*, смотря по различнымъ условіямъ, въ которыхъ онѣ будутъ находиться. Вообще же, онѣ рѣдко будутъ подвергаться временнымъ бѣдствіямъ голода, причиняемымъ неурожаемъ, но количество пищи, выпадающее на долю работника, можетъ быть въ нихъ таково, что не позволитъ населенію размножаться; а состояніе ихъ, прогрессивное, неподвижное или ретроградное, будетъ находиться въ зависимости отъ различныхъ причинъ, а не отъ исключительнаго приложенія ихъ труда къ земледѣлію.

ГЛАВА IX. — О торговой системѣ.

Страна, отличающаяся торговлей и промышленностью, можетъ покупать себѣ хлѣбъ у великаго множества другихъ странъ; такъ что, съ перваго взгляда можно подумать, что, слѣдуя такой системѣ, такая страна можетъ постоянно увеличивать свои окупки и непрерывно умножать свое населеніе, пока всѣ земли народовъ, съ которыми она ведетъ торговлю, не будутъ вполнѣ обработаны. А какъ такой предѣлъ удаленъ на огромное разстояніе, то народонаселеніе такой страны, повидимому, можетъ быть остановлено недостаткомъ продовольствія неранѣе, какъ по истеченіи многихъ столѣтій.

Но существуютъ непрерывно дѣйствующія причины, которыя должны причинить ей затрудненіе въ этомъ отношеніи задолго до наступленія сказанной эпохи, когда въ сосѣднихъ странахъ средства для увеличенія количества добываемой пищи, сравнительно, будутъ еще весьма обильны.

Во первыхъ, выгоды, исключительно доставляемыя капиталами и искуствомъ, а также нѣкоторыми особенными торговыми путями, по природѣ своей, не могутъ быть вѣчны. Извѣстно, какъ трудно сосредоточить въ одномъ мѣстѣ всѣ усовершенствованія машинъ; мы знаемъ также, что всѣ люди, какъ и всѣ народы, стремятся къ увеличенію своего капитала; изъ исторіи торговыхъ государствъ извѣстно, наконецъ, что торговые пути часто измѣняютъ свое направленіе. Нелѣпо, стало быть, предполагать, чтобы какая бы то ни была страна, только силою своего капитала и своимъ искуствомъ, могла овладѣть всѣми рынками, не встрѣчая соперничества со стороны прочихъ странъ. Но какъ только явится сильное иностранное соперничество, то вывозимые изъ страны товары должны упасть до цѣны, которая существенно понизитъ прибыли, а паденіе прибыли не можетъ не уменьшить средствъ и охоты къ сбереженію. При такихъ условіяхъ, капиталы скопляются медленно, и въ такихъ же размѣрахъ уменьшается спросъ на трудъ, пока наконецъ онъ совсѣмъ не остановится; между тѣмъ какъ соперники, сами производя сырые

матерьялы, или пользуясь какими нибудь выгодами, быть можетъ, станутъ увеличивать довольно быстро и свои капиталы, и свое населеніе.

Во вторыхъ, еслибы даже было возможно отстранить на значительное время всякое опасное иностранное соперничество, замѣчено, что достаточно одного туземнаго соперничества, чтобы произвесть такое же дѣйствіе. Если въ какой либо странѣ изобрѣтается машина, при содѣйствіи которой одинъ человѣкъ исполняетъ работу десятерыхъ, то владѣлецъ ея, безспорно, получитъ огромные барыши. Но какъ только изобрѣтеніе это распространится, то къ такому выгодному предпріятію направляется столько рукъ и капиталовъ, что производство вскорѣ превыситъ спросъ по прежнимъ цѣнамъ, какъ у себя дома, такъ и за границей. Вслѣдствіе этого, прежнія цѣны должны понижаться, пока капиталъ и трудъ, приложенный къ этой отрасли промышленности, не станутъ менѣе прибыльны, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ. Поэтому, хотя при возникновеніи такого производства, ежедневный заработокъ одного человѣка и могъ обмѣниваться на количество пищи, достаточное для сорока или пятидесяти человѣкъ, тѣмъ не менѣе, можетъ случиться, что въ послѣдующую эпоху его не хватитъ и для десяти. Въ хлопчатобумажной торговлѣ и промышленности, принявшей такіе огромные размѣры въ Англіи въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, иностранное соперничество до сихъ поръ (1816) имѣло незначительное вліяніе. Огромное пониженіе цѣнъ на бумажныя ткани все почти вызвано было домашнимъ соперничествомъ; послѣнее до того переполнило какъ туземные, такъ и иностранные рынки, что капиталы, употребляемые въ настоящее время въ этомъ производствѣ, несмотря на исключительныя выгоды, представляемыя сбереженіемъ труда, что̀ касается до прибыли, утратили всякое преимущество. Хотя при содѣйствіи удивительныхъ бумагопрядильныхъ машинъ, ребенокъ или дѣвочка могутъ исполнить такое количество работы, какое прежде не подъ силу было и взрослому работнику, но ни заработная плата работника, ни прибыль хозяина не выше въ настоящее время въ этой отрасли промышленности, чѣмъ въ производ-

ствѣ, въ которомъ не употребляется машинъ и въ которомъ не существуетъ такого остроумнаго сбереженія силъ.

Тѣмъ неменѣе, сбереженіе это принесло странѣ огромную пользу. Нетолько населеніе ея получило для своей одежды лучшія ткани за меньшее количество труда или денегъ, что̀ представляетъ большую и непрекращающуюся выгоду, но и временные высокіе барыши этого производства произвели значительное скопленіе капиталовъ, а вслѣдствіе этого, увеличившійся спросъ на трудъ, и въ то же самое время расширеніе внѣшняго сбыта и приращеніе цѣнностей на внутреннемъ рынкѣ вызвали такой значительный спросъ на всякаго рода товары, земледѣльческіе и колоніальные, сырые и обработанные, который можетъ предупредить пониженіе прибылей.

Собственныя земли Англіи и ея богатыя колоніальныя владѣнія представляютъ обширное поприще для приложенія ея возрастающихъ капиталовъ, такъ что общіе размѣры ея прибылей не могутъ быть уменьшены легко и быстро скопленіемъ капиталовъ. Но страна, какую мы предполагаемъ, исключительно занятая мануфактурною промышленностью и неимѣщая возможности приложить свой трудъ ко всѣмъ предметамъ производства, испытала бы весьма быстрое паденіе своихъ прибылей, вслѣдствіе увеличенія своего капитала. Никакія вновь изобрѣтенныя машины, никакое геніальное дарованіе въ этомъ отношеніи не въ состояніи воспрепятствовать паденію въ ней, спустя нѣкоторое время, заработной платы и прибыли, вслѣдствіе чего естественно прекратится и размноженіе въ ней населенія.

Въ третьихъ, страна, принужденная получать изъ чужихъ земель сырые матерьялы для своихъ фабрикъ и продовольствіе для своего населенія, что̀ касается до возрастанія своего богатства и населенія, находится въ полной почти зависимости отъ возрастанія богатства и спроса страны, съ которой она ведетъ торговыя сношенія.

Нерѣдко раздается мнѣніе, что мануфактурная страна находится не въ большей зависимости отъ страны, доставляющей ей сырыя произведенія и хлѣбъ, чѣмъ земледѣльческая страна—отъ страны, приготовляющей ей фабричныя издѣлія;

но разсуждать такимъ образомъ значитъ просто злоупотреблять словами. Страна, изобилующая землями, можетъ найти для себя дѣйствительно выгоднымъ приложить свои капиталы главнымъ образомъ къ земледѣлію, и покупать за границей необходимыя мануфактурныя произведенія. Нерѣдко такое приложеніе труда оказывается для нея болѣе производительнымъ, и быстрѣе увеличиваетъ ея капиталы. Но если замедленіе въ производствѣ ея сосѣдей или какая бы то ни была другая причина затруднятъ ввозъ обработанныхъ издѣлій или совершенно прекратятъ его, то страна, изобилующая хлѣбомъ и сырыми матерьялами, не можетъ находиться долго въ затруднительномъ положеніи. На нѣкоторое время она можетъ, правда, нуждаться въ фабричныхъ произведеніяхъ, но она вскорѣ заведетъ свои фабрики и своихъ работниковъ, которые мало по малу пріобрѣтутъ достаточную ловкость *. Въ такомъ случаѣ, капиталы ея станутъ, правда, возрастать медленнѣе, но, тѣмъ неменѣе, они будутъ возрастать еще значительно, и такъ долго, что время это не можетъ быть точно опредѣлено.

И напротивъ того, если мануфактурной странѣ отказано будетъ въ продовольствіи и въ сырыхъ матерьялахъ, то очевидно, она должна погибнуть. При такомъ крайнемъ предположеніи, нетолько существованіе такой страны находится въ безусловной зависимости отъ ея иностранной торговли, но и возрастаніе ея богатства почти вполнѣ обусловливается возрастаніемъ спроса тѣхъ странъ, съ которыми она ведетъ торговлю. Какъ бы искусенъ, трудолюбивъ и бережливъ ни былъ такой народъ, если его покупатели, по безпечности или по недостатку средствъ, не захотятъ, или окажутся не въ состояніи заказывать у него производимые имъ товары на возрастающую цѣнность, то выгоды, доставляемыя ему искуствомъ въ изобрѣтеніи и въ сооруженіи машинъ, не могутъ долго продолжаться.

Дешевизна мануфактурныхъ произведеній, вызываемая ис-

---

* Примѣромъ этого можетъ служить Америка въ настоящее время (1816). Прим. автора.

куствомъ работниковъ и усовершенствованіемъ машинъ въ какой либо странѣ, разумѣется, содѣйствуютъ возрастанію производства сырыхъ матерьяловъ въ другихъ странахъ; въ этомъ никто не станетъ сомнѣваться. Но мы знаемъ въ то же самое время, что производство можетъ возрастать довольно значительное время въ странѣ, дурно управляемой и безпечной, не вызывая никакого увеличенія въ ея богатствѣ. Поэтому, если въ сосѣднихъ странахъ не усиливается ни богатство, ни спросъ, то возрастаніе производства и искуства будетъ чистой потерей для государства торговаго и промышленнаго, по причинѣ постояннаго пониженія цѣнъ. Такое государство нетолько будетъ въ необходимости, по мѣрѣ возрастанія своего капитала и своего искуства, отдавать большее количество своихъ фабричныхъ издѣлій въ обмѣнъ за сырыя произведенія, но оно можетъ очутиться въ невозможности, даже пониженіемъ цѣны своихъ товаровъ, вызвать такіе заказы, которые позволили бы увеличить ввозъ необходимаго для него продовольствія и сырыхъ произведеній; а безъ такого усиленнаго ввоза, очевидно, народонаселеніе его дожно пребывать въ неподвижномъ состояніи.

Будетъ ли причинена невозможность усиленнаго ввоза продовольствія высокой денежной цѣной хлѣба или низкой денежной цѣной обработанныхъ издѣлій, что касается до послѣдствій, результаты будутъ одинаковы. Впрочемъ, она можетъ быть вызвана тою и другою причиной (соперничествомъ и скопленіемъ капиталовъ въ мануфактурной странѣ, какъ и отсутствіемъ соперничества и скопленія въ земледѣльческой странѣ), задолго до появленія какого бы то ни было существеннаго затрудненія въ производствѣ хлѣба.

Въ четвертыхъ, народъ, принужденный покупать въ чужихъ странахъ бо̀льшую часть сырыхъ произведеній и продовольствія, нетолько находится въ совершенной зависимости отъ своихъ покупателей, отъ ихъ трудолюбія или безпечности, даже отъ ихъ каприза, но еще подчиненъ уменьшенію спроса, естественно и неизбѣжно вызываемому успѣхами его сосѣдей въ искуствѣ и въ скопленіи капиталовъ до степени, какую можно безошибочно предположить для опредѣленнаго

періода времени. Вообще, раздѣленіе труда, дѣлающее народъ промышленнымъ и торговымъ, не можетъ быть естественнымъ и неизмѣннымъ, но всегда бываетъ случайнымъ и временнымъ. Пока между народами, обладающими множествомъ земель, прибыль, доставляемая земледѣліемъ, держится на высокомъ уровнѣ, до тѣхъ поръ имъ можетъ быть весьма выгодно платить другимъ народамъ, которые приготовляли бы имъ товары и развозили ихъ. Но какъ только доходъ, доставляемый землей, или, какъ только сроки, на которые отдается земля для воздѣланія, перестанутъ привлекать капиталы, то послѣдніе естественно обратятся по путямъ открываемымъ имъ торговлей и мануфактурной промышленностью; и, (согласно съ основательными доводами Адама Смита и другихъ экономистовъ), найдя подъ рукою у себя сырые матерьялы для фабрикъ, продовольствіе и возможность вести прямыя торговыя сношенія съ чужеземными народами, они вѣроятно будутъ въ состояніи производить и перевозить на свой собственный счетъ дешевле, чѣмъ въ случаѣ, еслибы они продолжали пользоваться въ этомъ отношеніи услугами иностранцевъ. Пока земледѣльческіе народы продолжали прилагать свой возраставшій капиталъ преимущественно къ землѣ, до тѣхъ поръ возрастаніе ихъ богатства было въ высшей степени выгодно для народовъ промышленныхъ и торговыхъ. Это было дѣйствительно самое дѣятельное побужденіе и самый точный указатель возрастанія ихъ богатства и населенія. Но какъ только земледѣльческіе народы обратятъ свое вниманіе на фабрики и на торговлю, то возрастаніе ихъ капиталовъ можетъ служить признакомъ приближающагося паденія и разоренія иностранныхъ фабрикъ и торговли, которыя питались ими. Вотъ какимъ путемъ, вслѣдствіе естественнаго возрастанія богатства народовъ, помимо соперничества въ искуствѣ и въ капиталахъ, исключительно торговое государство должно быть побѣждено продавцами по дешевой цѣнѣ и, наконецъ, вытѣснено совершенно изъ своихъ обычныхъ рынковъ народомъ, пользующимся преимуществомъ получать свое продовольствіе изъ собственной страны.

Въ распредѣленіи богатствъ, въ періодъ возрастанія благосостоянія, интересы независимаго государства существенно отличаются отъ интересовъ провинцій. На этотъ вопросъ не обращалось должнаго вниманія. Если въ Суссексѣ земледѣльческій капиталъ возрастаетъ, а прибыль, доставляемая капиталомъ, уменьшается въ немъ, то излишніе его капиталы перейдутъ въ Лондонъ, Манчестеръ, Ливерпуль или въ другое мѣсто, въ которомъ они могутъ найти для себя болѣе выгодное помѣщеніе, чѣмъ въ создавшей ихъ провинціи. Но еслибы Суссекское графство было независимымъ государствомъ, то этого не могло бы случиться; хлѣбъ, отправляемый въ настоящее время въ Лондонъ, пошелъ бы на прокормленіе туземнаго фабричнаго и торговаго населенія. Поэтому, если предположить, что Англія продолжала бы состоять изъ семи королевствъ, какъ это было во времена Гептархіи, то Лондонъ не могъ бы быть тѣмъ, что̀ онъ теперь. Настоящее распредѣленіе богатства и населенія, которое мы можемъ принять благопріятнымъ для всего королевства, существенно отличалось бы отъ теперешняго, еслибы мы желали видѣть наибольшее скопленіе богатства и населенія въ какой либо отдѣльной мѣстности, а не распредѣленіе его по всему острову. Но во всѣ времена государство старалось скопить на своей територіи возможно большее количество богатствъ. Вслѣдствіе этого, выгоды независимаго государства, относительно странъ, съ которыми оно ведетъ торговлю, рѣдко могутъ быть одинаковы съ выгодами провинціи, относительно государства, къ которому она принадлежитъ; а скопленіе капиталовъ, которое остановило бы вывозъ хлѣба въ одномъ изъ этихъ случаевъ, въ другомъ предоставило бы ему полную свободу.

Еслибы, вслѣдствіе вліянія одной или нѣсколькихъ изъ перечисленныхъ нами причинъ, ввозъ хлѣба въ мануфактурную и торговую страну встрѣтилъ бы серьезное препятствіе; еслибы онъ сталъ уменьшаться, или даже пересталъ бы только усиливаться, то и размноженіе населенія этой страны очевидно было бы замедлено въ тѣхъ же размѣрахъ.

Венеція представляетъ поразительный примѣръ торговаго

государства, въ которомъ развитіе богатства и населенія было одновременно остановлено иностраннымъ соперничествомъ. Открытіе португальцами пути въ Индію, мимо мыса Доброй-Надежды, совершило полный переворотъ въ индейской торговлѣ. Огромные барыши венеціанцевъ, бывшіе основаніемъ ихъ возраставшаго богатства и непомѣрнаго преобладанія ихъ, какъ морской и торговой державы, нетолько были внезапно подорваны, но и сама торговля, доставлявшая имъ такія выгоды, была почти уничтожена; могущество и богатство венеціанцевъ вскорѣ приведены были въ ихъ естественныя границы.

Въ срединѣ пятнадцатаго вѣка Брюге, во Фландріи, былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли между сѣверною и южною Европой. Съ первыхъ годовъ шестнадцатаго вѣка торговля этого города стала склоняться къ упадку, вслѣдствіе соперничества Антверпена. По этой причинѣ, многіе купцы изъ англичанъ и другихъ народовъ переселились изъ него въ Антверпенъ, торговля и богатства котораго быстро возрастали. Къ половинѣ шестнадцатаго столѣтія городъ этотъ достигъ наибольшаго своего значенія. Въ немъ было болѣе 100,000 жителей; это былъ самый знаменитый торговый городъ, размѣрами своей торговли и своихъ богатствъ превосходившій всѣ города сѣверной Европы.

Печальное событіе, осада и взятіе Антверпена герцогомъ Пармскимъ, оказало большую услугу возраставшему могуществу Амстердама, а необычайное трудолюбіе и удивительная настойчивость голландцевъ нетолько не позволили Антверпену возстановить своей торговли, но нанесли роковой ударъ почти всѣмъ прочимъ ганзеатическимъ городамъ.

Слѣдовавшее затѣмъ торговое паденіе самого Амстердама причинено было отчасти пониженіемъ прибыли, вызваннымъ внутреннимъ соперничествомъ и обиліемъ капиталовъ, отчасти чрезмѣрными налогами, поднявшими цѣну на предметы первой необходимости, но, быть можетъ, болѣе всего успѣхами нѣкоторыхъ другихъ народовъ, которые, пользуясь въ большей степени естественными выгодами, оказались въ состояніи, даже при меньшемъ искуствѣ, дѣятельности и капиталѣ, производить съ выгодою бо̀льшую часть торговли,

которая, до этого, находилась въ исключительномъ владѣніи голландцевъ.

Съ 1669 и 1670, когда кавалеръ В. Темпль посѣтилъ Голландію, изобиліе капиталовъ и внутреннее соперничество достигли въ ней до такой степени, что во всѣхъ почти отрасляхъ иностранной торговли, за исключеніемъ индейской, купцы терпѣли убытокъ, и ни одна не давала болѣе двухъ или трехъ процентовъ прибыли *. При такихъ условіяхъ, возможность и желаніе сбереженій должны были значительно уменьшиться. Скопленіе капиталовъ должно было находиться въ неподвижномъ состояніи, или убывать, или же, по меньшей мѣрѣ, увеличиваться въ самой незначительной степени. И дѣйствительно, сэръ Вильямъ Темпль говоритъ, что по его мнѣнію, голландская торговля уже нѣсколько лѣтъ перешла за точку наивысшаго своего развитія, и стала замѣтно склоняться къ упадку. Впослѣдствіи, когда успѣхи прочихъ народовъ еще сильнѣе обозначились, несомнѣнные признаки показали, что бо̀льшая часть голландской торговли, равно какъ и ея рыбныя ловли несомнѣнно склонились къ упадку, и что ни одна отрасль ея первоначальной торговли не сохранила своего прежняго значенія, за исключеніемъ торговли съ Америкой и Африкой, и той, которая происходила по Рейну и Маасу и которая находилась внѣ зависимости отъ иностранной торговли и соперничества.

Въ 1669 году все населеніе Голландіи и западной Фрисландіи исчислялось Іоганномъ Витомъ въ 2,400,000 душъ **. Въ 1778 населеніе семи Соединенныхъ штатовъ не превышало 2,000,000 ***; такъ что, въ теченіи болѣе столѣтія населеніе, вмѣсто того, чтобы увеличиться, какъ это обыкновенно бываетъ, значительно уменьшилось.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, представляемыхъ торговыми странами, развитіе богатства и народонаселенія останавливалось, повидимому, одною или нѣсколькими изъ перечисленныхъ выше причинъ, которыя необходимо должны были по-

---

* *Temple's works*, т. I, стр. 67—69.

** *Интересы Голландіи*, т. I, стр. 9.

*** *Богатство Голландіи*, т. II, стр. 349.

дорвать въ большей или меньшей степени средства страны для покупки себѣ всего необходимаго.

Можно сказать вообще, что если дѣйствіемъ одной или нѣсколькихъ причинъ перестаютъ возрастать капиталы какой либо страны, предназначенные на содержаніе труда, то и спросъ на трудъ тоже перестанетъ усиливаться; а заработная плата получаетъ такіе размѣры, которые, по существующимъ цѣнамъ на продовольствіе, и по привычкамъ народа, едва будутъ достаточны для поддержанія народонаселенія въ неподвижномъ состояніи. Народъ, поставленный въ такія условія, находится въ нравственной невозможности размножаться, каково бы ни было изобиліе хлѣба и какъ бы высока ни была прибыль на капиталы въ прочихъ странахъ *. Онъ можетъ, правда, въ послѣдующую эпоху, при новыхъ благопріятныхъ условіяхъ, снова начать размножаться. Если, вслѣдствіе какого либо счастливаго механическаго изобрѣтенія, открытія новой отрасли торговли или неожиданнаго развитія богатствъ и земледѣльческаго населенія у сосѣднихъ народовъ, какіе либо изъ вывозимыхъ имъ товаровъ вызовутъ чрезвычайный спросъ на нихъ, то онъ снова получитъ возможность ввозить возрастающее количество хлѣба, и размножать свое населеніе. Но пока онъ не будетъ въ состояніи ежегодно увеличивать хоть нѣсколько количество ввозимаго продовольствія, до тѣхъ поръ онъ очевидно будетъ не въ состояніи удовлетворять потребностямъ возрастающаго населенія. Но онъ естественно перестанетъ увеличивать этотъ ввозъ, когда, по условіямъ его торговыхъ сношеній, капиталы, предназначенные на содержаніе труда, перестанутъ возрастать или пойдутъ на убыль.

* Въ числѣ причинъ, вызвавшихъ паденіе голландской торговли, сэръ В. Темпль указываетъ на дешевизну хлѣба, которая, говоритъ онъ, «господствовала вообще въ этихъ частяхъ Европы въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ.» (T. I, стр. 69). Низкія цѣны его, прибавляетъ онъ, подрывали сбытъ пряностей и другихъ индейскихъ товаровъ между прибалтійскими народами пониженіемъ мѣновой цѣнности этихъ товаровъ. Прим. авт.

ГЛАВА X. — О соединеніи земледѣльческой и торговой системы.

Въ странѣ, даже исключительно преданной земледѣлію, всегда обрабатываются нѣкоторыя сырыя произведенія для домашняго употребленія; какъ и въ государствѣ, исключительно торговомъ, если оно не ограничено стѣнами одного только города, всегда существуетъ нѣкоторая, хотя бы и весьма незначительная часть територіи, которая доставляетъ жителямъ мясо, или вообще какое нибудь продовольствіе. Но, говоря о соединеніи земледѣльческой системы съ торговой, мы предполагаемъ соединеніе, далеко переходящее за границы, обусловливаемыя крайнею необходимостью. Мы имѣемъ въ виду тѣ страны, въ которыхъ средства, доставляемыя почвой, и средства, зависящія отъ капиталовъ, приложенныхъ къ торговлѣ и фабрикамъ, одинаково значительны, и находятся почти во взаимномъ равновѣсіи.

Страна, находящаяся въ такихъ условіяхъ, пользуется выгодами, доставляемыми одновременно обѣими системами, не подвергаясь бѣдствіямъ, неизбѣжно сопровождающимъ каждую систему порознь.

Благосостояніе фабрикъ и торговли въ какомъ либо государствѣ предполагаетъ, что оно освободилось отъ наиболѣе вредныхъ учрежденій феодальной системы. Оно доказываетъ, что наибольшая масса народа вышла изъ крѣпостнаго состоянія; что частные люди обладаютъ возможностью и охотой дѣлать сбереженія; что скопляющіеся капиталы находятъ приложеніе съ полной для себя безопасностью, и что правительство готово, поэтому, ограждать надлежащимъ образомъ собственность. При такихъ обстоятельствахъ, едва ли государство можетъ подвергнуться тому преждевременному застою въ спросѣ на трудъ и на произведенія почвы, который обнаруживается по временамъ почти между всѣми европейскими народами. Въ странѣ, въ которой торговля и фабрики находятся въ цвѣтущемъ состояніи, земледѣльческія произведенія постоянно находятъ легкій сбытъ внутри страны, а такой рынокъ въ особенности благопріятенъ для непрерыв-

наго возрастанія капиталовъ. Но постоянное возрастаніе капитала и запасовъ, предназначающихся на содержаніе труда, составляетъ главную причину спроса на трудъ и высокой заработной платы, сравнительно съ цѣною хлѣба; и въ то же самое время, высокая относительная цѣна хлѣба, вызванная усовершенствованіемъ машинъ и количествомъ капиталовъ, приложенныхъ къ фабрикамъ и къ торговлѣ, при содѣйствіи цвѣтущей внѣшней торговли, дозволяетъ работнику обмѣнять нѣкоторую часть своего заработка, въ видѣ хлѣба, на значительное число предметовъ удобства и роскоши, приготовляемыхъ дома или получаемыхъ изъ за границы. Когда дѣйствительный спросъ на трудъ начинаетъ даже уменьшаться, а дѣйствительная заработная плата начнетъ падать, высокая относительная цѣна хлѣба улучшаетъ, сравнительно, положеніе рабочихъ классовъ, и хотя размноженіе ихъ стѣсняется, все же многіе работники могутъ имѣть хорошее помѣщеніе, хорошую одежду и позволить себѣ нѣкоторое удобство и роскошь, вызываемыя произведеніями иностранной промышленности. Они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть доведены до жалкаго положенія бѣдныхъ въ нѣкоторыхъ странахъ, въ которыхъ, какъ только остановится спросъ на трудъ, то и цѣнность хлѣба сильно падаетъ, сравнительно съ цѣной фабричныхъ издѣлій и иностранныхъ товаровъ.

Всѣ невыгоды чисто земледѣльческой страны отстраняются, поэтому, заведеніемъ и благосостояніемъ фабрикъ и торговли.

Такимъ же точно образомъ, мы найдемъ, что неудобства, неизбѣжныя въ государствахъ, исключительно торговыхъ и промышленныхъ, отстраняются при содѣйствіи выгодъ, доставляемыхъ земледѣліемъ.

Страна, сама себя прокармливающая, не можетъ быть внезапно поставлена иностраннымъ соперничествомъ въ безвыходное положеніе для своего населенія. Если вывозъ изъ чисто торговой страны значительно ослабѣетъ, вслѣдствіе иностраннаго соперничества, то она вскорѣ будетъ не въ состояніи поддержать свое народонаселеніе. Но если такое же уменьшеніе вывоза постигнетъ страну, находящую поддержку въ своемъ земледѣліи, то послѣдняя потеряетъ только нѣ-

сколько предметовъ роскоши и удобства, доставляемыхъ изъ чужихъ странъ, но внутренняя торговля между ея городами и деревнями, самая значительная и самая важная, нисколько не пострадаетъ, по крайней мѣрѣ сравнительно. На нѣкоторый промежутокъ времени движеніе страны замедлится, правда, ибо ослабѣютъ его пружины, но нѣтъ причины опасаться, чтобы движеніе это повернуло назадъ, и трудно предположить, чтобы капиталы, отвергнутые иностранной торговлей, вовсе не нашли себѣ помѣщенія. Для нихъ откроются новые пути, хотя и менѣе прибыльные, противъ закрывшихся, но все же достаточно выгодные; размноженіе населенія все еще будетъ продолжаться, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ періодъ процвѣтанія внѣшней торговли.

Послѣдствія внутренняго соперничества тоже будутъ весьма различны въ двухъ сравниваемыхъ нами государствахъ.

Въ странѣ исключительно мануфактурной и торговой, внутреннее соперничество и изобиліе капиталовъ могутъ до такой степени понизить цѣны на фабричныя издѣлія, сравнительно съ цѣнами сырыхъ произведеній, что возрастающій капиталъ, приложенный къ фабрикамъ, не будетъ въ состояніи покупать такое же возрастающее количество продовольствія. Въ странѣ, находящей поддержку въ земледѣліи, не можетъ случиться этого. Хотя, вслѣдствіе усовершенствованія машинъ и меньшаго плодородія вновь занимаемыхъ земель, приходится отдавать большее количество обработанныхъ издѣлій за прежнее количество сырыхъ произведеній, тѣмъ неменѣе, фабричныя издѣлія, взятыя въ массѣ, никогда не могутъ потерять своей цѣнности, ибо соперничество капиталовъ въ этой промышленности не сопровождается соотвѣтствующимъ соперничествомъ капиталовъ, поглощаемыхъ земледѣліемъ *.

Нужно еще замѣтить, что въ государствѣ, доходъ кото-

* Причина этого, на которую только указываетъ авторъ, подлежитъ нѣкоторому разъясненію. Капиталы, вложенные въ фабрики, по извлеченіи, должны обратиться къ земледѣлію, какъ только уменьшится спросъ на обработанныя произведенія, и вздорожаетъ хлѣбъ.
Фран. перев.

раго состоитъ исключительно изъ заработной платы и прибыли, уменьшеніе той и другой значительно сокращаетъ доходъ, находящійся въ его распоряженіи. Нерѣдко можетъ случиться, что возрастаніе капитала и числа работниковъ будетъ недостаточно для вознагражденія за понизившуюся величину прибыли и заработной платы. Но въ странѣ, доходъ которой состоитъ, кромѣ прибыли и заработной платы, въ поземельной рентѣ, бо̀льшая часть потери въ прибыли и въ заработной платѣ пополняется рентой, и доходъ, которымъ можно располагать, сравнительно, остается неизмѣннымъ.

Другое важное удобство, которымъ пользуется народъ, одинаково богатый, какъ землями, такъ и торговыми и мануфактурными заведеніями, состоитъ въ томъ, что увеличеніе его богатствъ и народонаселенія, сравнительно, находится въ ничтожной зависимости отъ богатства и благосостоянія другихъ странъ. Народъ, богатство котораго зависитъ исключительно отъ фабрикъ и торговли, можетъ развивать свое благосостояніе только при возрастаніи количества сырыхъ произведеній въ странахъ, съ которыми онъ ведетъ свои дѣла, или только при привлеченіи къ себѣ части того, что̀ страны эти привыкли потреблять сами, и что̀ онѣ неохотно соглашаются уступить; такъ что невѣжество или безпечность этихъ странъ можетъ нетолько нанести вредъ, но и совершенно погубить благосостояніе такого народа.

Страна, обладающая землями, никогда не можетъ подвергнуться такой опасности. Если ея трудолюбіе, ея бережливость дѣлаютъ успѣхи, то и богатство и населеніе ея тоже усиливаются, каково бы ни было положеніе и образъ дѣйствія народовъ, съ которыми она находится въ торговыхъ сношеніяхъ. Если ея мануфактурные капиталы стали слишкомъ обильны, а цѣны ея фабричныхъ издѣлій упали, то ей придется только выждать усиленнаго производства сырыхъ произведеній у своихъ сосѣдей. Направивъ свои излишніе капиталы къ земледѣлію, она получитъ новыя произведенія, на которыя она можетъ обмѣнять издѣлія своихъ фабрикъ, и поддержать цѣны послѣднихъ двойнымъ вліяніемъ умень-

шенія предложенія и увеличенія спроса. Подобное же дѣйствіе, въ случаѣ чрезмѣрнаго изобилія сырыхъ произведеній, возстановило бы равновѣсіе между прибылями, доставляемыми земледѣліемъ, и прибылями, доставляемыми фабриками. На томъ же основаніи распредѣлятся капиталы страны между всѣми ея провинціями, даже самыми отдаленными, смотря по выгодамъ, представляемымъ каждой, то для фабричной промышленности, то для земледѣлія.

Страна, въ которой земледѣліе, фабрики, всѣ отрасли торговли, всѣ части обширной територіи непрерывно оказываютъ другъ на друга взаимное дѣйствіе, очевидно можетъ развивать свое богатство и свои силы, хотя бы она была окружена желѣзной стѣной епископа Беркелея*. Такая страна естественно получала бы наибольшіе барыши отъ своей внѣшней торговли, въ какомъ бы положеніи ни находилась послѣдняя; а процвѣтаніе или паденіе этой торговли оказывало бы могущественное дѣйствіе на увеличеніе или на уменьшеніе ея производительныхъ силъ, но усиленіе ея производства находилось бы большею частью внѣ зависимости отъ иностранцевъ. Она можетъ быть задержана уничтоженіемъ внѣшней своей торговли, но не можетъ быть остановлена или поворочена назадъ.

Четвертая выгода, вытекающая изъ соединенія фабричной и земледѣльческой промышленности, въ особенности, если онѣ уравновѣшиваются одна другою, состоитъ въ томъ, что капиталы и населеніе такой страны не могутъ принять ретрограднаго движенія, вслѣдствіе одного только естественнаго развитія прочихъ странъ и постояннаго стремленія ихъ къ улучшенію.

На основаніи общихъ законовъ, въ окончательномъ результатѣ, всякой почти странѣ, богатой землями, окажется болѣе выгоднымъ приготовлять самой фабричныя издѣлія для своего потребленія и самой производить свою торговлю. Нагружать хлопчатую бумагу въ Америкѣ и вести ее за нѣ-

* Беркелей, епископъ Клоинскій, въ Ирландіи, авторъ *Трактата о видѣніи* и *Разговоровъ Гиласа и Филоноиса*. Фран. перев.

сколько тысячъ миль; выгружать ее въ далекой странѣ, которая бы обработала ее; потомъ снова грузить и отправлять на американскіе рынки — такой порядокъ вещей не можетъ продолжаться вѣчно. Что онъ можетъ существовать извѣстное время, въ этомъ никто не сомнѣвается, и я вовсе не имѣю намѣренія утверждать, что не должно пользоваться выгодой только потому, что она не можетъ продолжаться вѣчно. Но если выгода эта, по природѣ своей, ненадежна, то благоразуміе требуетъ подумать объ этомъ, и извлекать изъ нея пользу такимъ образомъ, чтобы, по прекращеніи ея, причиненный ею вредъ не пересилилъ бы доставленной ею пользы.

Если какія либо случайныя, благопріятныя условія такого рода вызовутъ въ странѣ такое развитіе фабричной промышленности и торговли, что значительная часть ея населенія принуждена будетъ прибѣгнуть къ иностранному хлѣбу для своего продовольствія, то можно быть вполнѣ увѣрену, что спустя нѣкоторый промежутокъ времени, промышленные и торговые успѣхи иностранныхъ народовъ вызовутъ въ этой странѣ періодъ бѣдности и уменьшеніе капиталовъ и народонаселенія, которыя пересилятъ временныя выгоды, которыми она предъ этимъ воспользовалась. Напротивъ того, народъ, торговое и промышленное населеніе котораго продовольствуется произведеніями собственной почвы, можетъ выдержать, вслѣдствіе какого либо случайнаго обстоятельства, сильное потрясеніе своей торговой и мануфактурной дѣятельности, не подвергаясь жестокимъ бѣдствіямъ по прекращеніи благопріятныхъ условій.

Страны, присоединяющія, такимъ образомъ, свои земледѣльческія средства къ цвѣтущему состоянію своихъ фабрикъ и торговли, страны, въ которыхъ торговое населеніе никогда не превышаетъ въ значительной степени населеніе земледѣльческое, болѣе всего предохранены отъ внезапныхъ потрясеній. Возрастающее благосостояніе ихъ, повидимому, гарантировано противъ обыкновенныхъ случайностей, и нѣтъ никакого права утверждать, чтобы богатство и населеніе ихъ не возрастало многія столѣтія.

Тѣмъ неменѣе, не слѣдуетъ думать, чтобы возрастаніе это было безпредѣльно; оно несомнѣнно имѣетъ границы, какъ бы отдалены онѣ ни были, и какъ бы справедливо ни было, что ни одинъ еще великій народъ, обладающій обширной територіей, не достигъ до нихъ.

Мы уже видѣли, что границу для размноженія народонаселенія торговыхъ странъ представляетъ эпоха, когда иностранные рынки не даютъ имъ болѣе возможности правильно ввозить къ себѣ все возрастающее количество хлѣба. Граница для народонаселенія страны, продовольствующейся произведеніями собственной почвы, есть эпоха, когда всѣ ея земли до такой степени заняты и обработаны, что употребленіе въ земледѣліи новыхъ работниковъ вообще не можетъ уже доставить добавочнаго количества хлѣба, достаточнаго для прокормленія такого количества семействъ и дѣтей, какое необходимо для размноженія населенія.

Очевидно, что это крайній предѣлъ, за который населеніе перешагнуть не можетъ, и до котораго не достигъ и никогда не достигнетъ никакой народъ, ибо, указывая на него, мы не принимали въ соображеніе какихъ либо другихъ потребностей, кромѣ пищи, ни прибыли на капиталъ, которыя, какъ бы ничтожны онѣ ни были, все же должны имѣть нѣкоторое значеніе.

Но и этотъ предѣлъ еще далекъ отъ границъ той производительной силы, какую имѣла бы почва, еслибы всѣ жители страны заняты были ея воздѣлываніемъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые изготовляли бы другіе предметы необходимости; то есть, еслибы солдаты, матросы, слуги и всѣ производители предметовъ роскоши были бы обращены къ земледѣлію. Въ такомъ случаѣ, хотя бы никто изъ нихъ не производилъ столько, сколько необходимо для содержанія семейства, ни даже того, что̀ необходимо для собственнаго его содержанія, но, пока земля не отказалась бы безусловно производить хоть нѣсколько больше, каждый вносилъ бы свою лепту въ общую сокровищницу, и, увеличивая такимъ образомъ средства существованія, доставлялъ бы возможность содержать возрастающее населеніе. Такимъ образомъ, все населеніе страны

могло бы посвятить все свое время на производство предметовъ первой необходимости и не имѣть ни минуты для досуга или для какихъ либо другихъ занятій. Такой порядокъ вещей можетъ быть достигнутъ только прямымъ дѣйствіемъ правительственной власти, которая направила бы всю народную производительность по одному избранному пути. Но этого никогда не можетъ случиться при существованіи принципа частной собственности, принципа, который мы имѣемъ право считать установившимся на вѣчныя времена. Что касается до личныхъ интересовъ собственника и фермера, то общее правило состоитъ въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не употреблять въ земледѣліи лишняго работника, если онъ не можетъ произвести больше противъ того, что̀ имъ получается въ видѣ заработной платы; но если послѣдней недостаточно для содержанія жены и стольких дѣтей, чтобы двое изъ нихъ достигло до зрѣлаго возраста, то населеніе и производство очевидно должны остановиться. Поэтому, въ практическомъ отношеніи, крайній предѣлъ для населенія представляется условіемъ, чтобы почва могла доставить послѣднему воздѣлывающему ее работнику возможность содержать около четырехъ душъ.

Эти естественные законы природы весьма благопріятны для человѣческаго рода. Еслибы соперничество въ добываніи предметовъ первой необходимости могло когда либо заставить всѣхъ людей, безъ исключенія, работать непрерывно, чтобы не умереть съ голоду, то это было бы началомъ упадка развитія человѣческаго, и всѣ усовершенствованія, ознаменовавшія средину его существованія, были бы совершенно утрачены. Въ дѣйствительности же, вслѣдствіе основнаго принципа частной собственности, когда становится безполезнымъ прилагать къ почвѣ новый трудъ, избытокъ сырыхъ произведеній, непотребляемый существующими земледѣльцами, тѣмъ неменѣе будетъ находиться почти въ такомъ же значительномъ отношеніи къ количеству всѣхъ добываемыхъ произведеній, въ какомъ находился въ каждую предшествующую эпоху, въ видѣ ренты, прибыли и заработной платы, въ особенности же, въ видѣ ренты. Его, по меньшей мѣрѣ, будетъ
*

достаточно для содержанія многочисленной части общества, незанимающейся физическимъ трудомъ, или придающей сырымъ произведеніямъ земли форму, болѣе способную удовлетворить человѣческимъ потребностямъ.

Поэтому, когда мы упоминаемъ о дѣйствительныхъ и на самомъ дѣлѣ существующихъ границахъ для народонаселенія, то никогда не должно забывать, что онѣ весьма далеки отъ предѣла способности почвы доставлять продовольствіе.

Не должно также упускать изъ виду, что задолго до достиженія этихъ границъ какой либо страной, величина приращенія ея населенія постепенно падаетъ. Когда капиталы страны перестаютъ возрастать, вслѣдствіе дурнаго правительства, лѣности, расточительности или неожиданнаго удара, нанесеннаго ея торговлѣ, то можетъ, правда, случиться, что населеніе этой страны внезапно остановится, такъ какъ такое явленіе необходимо должно сопровождаться сильнымъ потрясеніемъ. Но когда капиталы страны перестанутъ возрастать, вслѣдствіе постепеннаго ихъ скопленія и истощенія почвы, то прибыль, доставляемая капиталомъ, и заработная плата необходимо должны были тоже постепенно уменьшаться съ давняго времени, чтобы дойти до размѣровъ, которые уже не станутъ содѣйствовать ни возрастанію богатствъ, ни увеличенію средствъ для содержанія возрастающаго населенія. Еслибы можно было предположить, что капиталы, прилагаемые къ земледѣлію, всегда будутъ настолько велики, насколько они могутъ быть при той же прибыли на нихъ, и что никакое улучшеніе въ земледѣліи не вызывало бы сбереженія въ трудѣ, то очевидно, что по мѣрѣ скопленія капиталовъ, прибыль и заработная плата понижались бы правильно, и тому же закону слѣдовало бы уменьшеніе приращенія населенія. Но на дѣлѣ этого никогда не можетъ случиться. Различныя, естественныя, какъ и искуственныя причины оказываютъ вліяніе на нарушеніе этой правильности, и причиняютъ по временамъ сильныя колебанія въ величинѣ приращенія населенія по пути его къ послѣднему своему предѣлу.

Во первыхъ, недостатокъ капиталовъ. Въ дѣйствительно-

сти, земля всегда почти нуждается въ капиталахъ. Это вытекаетъ отчасти изъ свойства условій, на которыхъ земли отдаются въ аренду, отвращающихъ отъ земледѣлія капиталы, вложенные въ фабрики и торговлю, и предоставляющихъ въ распоряженіе земледѣлія только капиталы, имъ самимъ созданные; отчасти же, это вытекаетъ изъ самихъ свойствъ значительной части почвы, нерѣдко производящей мало при небольшомъ капиталѣ, между тѣмъ какъ она могла бы производить много при большемъ капиталѣ, употребленномъ на осушку или на улучшеніе ея потребнымъ количествомъ естественныхъ или искуственныхъ удобреній; наконецъ, это вытекаетъ отчасти изъ того, что послѣ каждаго паденія прибыли и заработной платы, нерѣдко открывается возможность приложенія къ почвѣ бо̀льшаго количества капиталовъ, чѣмъ какое можетъ быть потребовано въ ту минуту фермерами, которые одни могутъ сдѣлать изъ нихъ выгодное употребленіе.

Во вторыхъ, успѣхи земледѣлія. Если придумывается новый способъ обработки земли, превосходящій бывшій до него въ употребленіи, способъ, который нетолько обработываетъ землю лучше, но и требуетъ меньшее число рукъ, то нетрудно понять, что земли низшаго достоинства могутъ доставить воздѣлывающимъ ихъ людямъ бо̀льшіе барыши, чѣмъ какіе получались до этого съ лучшихъ земель. Болѣе совершенная обработка, при содѣйствіи лучшихъ машинъ, впродолженіи многихъ лѣтъ можетъ болѣе чѣмъ уравновѣшивать стремленіе возрастающаго земледѣлія и сильнаго скопленія капиталовъ къ соотвѣтствующему пониженію цѣнности дохода.

Въ третьихъ, усовершенствованіе фабрикъ. Когда, вслѣдствіе увеличившагося искуства работника и изобрѣтенія болѣе совершенныхъ машинъ для мастерскихъ фабриканта, одинъ человѣкъ получаетъ возможность приготовлять такую работу, какую исполняли прежде восемь или десять работниковъ, то всякому извѣстно, что по причинѣ внутренняго соперничества и сопровождающаго его быстраго возрастанія количества изготовляемыхъ произведеній, цѣны послѣднихъ сильно па-

даютъ. Поэтому, насколько цѣны эти касаются предметовъ необходимости и удобства, къ которымъ привыкли работники и фермеры, онѣ должны понизить эту часть цѣнности всѣхъ произведеній, потребляемыхъ страной, а потому, онѣ должны вызвать и большее сбереженіе. Послѣднее должно поднять нѣсколько величину прибыли, несмотря на увеличеніе капитала и на расширеніе земледѣлія.

Въ четвертыхъ, цвѣтущее состояніе внѣшней торговли. Если, вслѣдствіе благосостоянія иностранной торговли, трудъ страны и ея произведенія повышаются въ цѣнѣ сильнѣе, чѣмъ иностранные товары, какъ это нерѣдко случается, то фермеръ и работникъ купятъ большее количество потребляемаго ими чая, сахара, хлопка, льна, кожъ, сала, строеваго лѣса и проч., за меньшее, противъ прежняго, количество хлѣба или работы. Это облегченіе въ пріобрѣтеніи иностранныхъ товаровъ произведетъ точно такое же дѣйствіе, какъ и усовершенствованіе фабрикъ; оно доставитъ средства усилить земледѣліе, не вызывая пониженія прибыли.

Въ пятыхъ, взаимное возвышеніе относительной цѣны сырыхъ произведеній вслѣдствіе усилившагося спроса. Еслибы мы даже согласились, (что̀ очевидно невозможно), что возвышеніе цѣны сырыхъ произведеній вызоветъ, спустя нѣкоторое время, соотвѣтствующее возвышеніе заработной платы * и всѣхъ товаровъ, по крайней мѣрѣ на то время, пока не начнетъ подыматься цѣна производства, все же можетъ случиться нѣкоторое увеличеніе прибыли, доставляемой земледѣліемъ въ странѣ, въ которой послѣднее имѣетъ широкое распространеніе и въ которой продолжается скопленіе капиталовъ. Такіе періоды, должно замѣтить, имѣютъ весьма важное значеніе для земледѣльческой страны во время раз-

---

* Возвышеніе, вызванное исключительно увеличеніемъ количества требующагося труда, смотря по успѣхамъ общества, для производства даннаго количества хлѣба на земляхъ, послѣ всего подвегнутыхъ обработкѣ, естественно должно быть приписано сырымъ произведеніямъ; по природѣ своей, оно не можетъ сообщиться товарамъ, въ производствѣ которыхъ не случилось никакого увеличенія въ трудѣ. Прим. автора.

витія ея благосостоянія, въ особенности, относительно недостатка капиталовъ для обработки земли, о которой мы только что говорили. Если сама земля создаетъ бо̀льшую часть новыхъ капиталовъ, употребляемыхъ въ земледѣліи, и если непрерывное приложеніе значительнаго капитала впродолженіи извѣстнаго промежутка времени, приведетъ почву въ такое отличное состояніе, что затѣмъ она можетъ обрабатываться съ меньшими расходами, то періодъ высокой прибыли, доставляемой земледѣліемъ, хотя бы онъ продолжался не болѣе восьми или десяти лѣтъ, часто можетъ доставить странѣ такую же выгоду, какъ пріобрѣтеніе новой територіи.

Поэтому, хотя и не подлежитъ сомнѣнію неизбѣжная истина, что *стремленіе* постоянно возрастающаго капитала и непрерывно распространяющагося земледѣлія состоитъ въ постепенномъ пониженіи прибыли и заработной платы, тѣмъ неменѣе, перечисленныя нами условія очевидно достаточны для объясненія продолжительныхъ и значительныхъ отклоненій отъ этого общаго правила.

Мы встрѣчаемъ, поэтому, во всѣхъ европейскихъ государствахъ сильныя колебанія въ различныя эпохи возрастанія ихъ капиталовъ и народонаселенія. Послѣ нѣкотораго какъ бы оцепѣненія впродолженіи многихъ лѣтъ, нѣкоторыя страны вдругъ пробуждались, и начинали развиваться въ размѣрахъ, свойственныхъ только новымъ колоніямъ. Россія и нѣкоторыя части Пруссіи представляютъ такого рода примѣръ, и продолжали такое развитіе даже послѣ ряда годовъ, употребленныхъ на скопленіе капиталовъ и на чрезвычайно быстрое расширеніе земледѣлія.

Дѣйствіе тѣхъ же причинъ вызывало подобныя же колебанія и въ Англіи. Въ срединѣ послѣдняго вѣка денежныя ссуды производились за три процента; изъ чего можно заключить, что и прибыль соотвѣтствовала этой величинѣ процента. Въ этотъ періодъ, насколько можно судить по числу умирающихъ и заключенныхъ браковъ, народонаселеніе возрастало довольно медленно. Съ 1720 до 1750, въ тридцатилѣтній промежутокъ времени, приращеніе принимается въ

900,000 душъ на населеніе въ 5,565,000 *. Съ того времени, не подлежитъ сомнѣнію, что капиталъ страны значительно увеличился, и что земледѣліе приняло въ ней огромные размѣры. И тѣмъ не менѣе, денежный процентъ въ послѣднія двадцать лѣтъ превышалъ пять на сто, и въ такихъ же размѣрахъ была прибыль, а приращеніе населенія съ 1800 по 1811 составляло 1,200,000 душъ на 9,287,000, то есть, превышало въ два или въ три раза приращеніе предъидущаго періода.

Но, несмотря на эти условія колебаній въ возрастаніи капиталовъ и населенія, очевидно, что они могутъ достигнуть необходимаго и возможнаго предѣла только постепеннымъ своимъ вліяніемъ. Прежде, чѣмъ *неизбѣжно* остановится скопленіе капиталовъ, прибыль, доставляемая послѣдними, должна быть впродолженіи значительнаго времени настолько низка, чтобы не вызывать почти никакого поощренія къ сбереженію остатковъ отъ собственнаго потребленія; а прежде чѣмъ остановится размноженіе населенія, необходимо, чтобы дѣйствительная заработная плата постепенно уменьшалась, пока не сдѣлается недостаточна, согласно съ существующими привычками, для содержанія семействъ, настолько многочисленныхъ, чтобы они могли, безъ излишка, держать народонаселеніе въ неподвижномъ состояніи.

Итакъ, повидимому, *соединеніе земледѣльческой системы съ торговой, а не отдѣльно, та или другая система можетъ доставить народу наибольшее благосостояніе;* страна, владѣющая обширной и богатой територіей, обработка которой возбуждается успѣхами земледѣлія, фабрикъ и внѣшней торговли, обладаетъ такими разнообразными и обильными источниками, что весьма трудно сказать, когда они могутъ быть истощены; но, предположивъ, что капиталы и населеніе страны будутъ все возрастать, тѣмъ неменѣе, существуетъ предѣлъ, за который средства страны перешагнуть не могутъ, и предѣлъ этотъ, на основаніи принципа частной собственности, весьма далекъ отъ способности почвы производить пищу.

---

* *Population abstracts, Preliminary Observations*, таб. стр. XXV.

ГЛАВА XI. — Хлѣбные законы. Поощреніе вывоза.

Замѣчено, что нѣкоторыя страны, территорія которыхъ представляетъ обильный источникъ продовольствія, и очевидно можетъ прокормить быстро возрастающее населеніе собственными своими произведеніями, тѣмъ неменѣе, имѣютъ обыкновеніе ввозить огромное количество иностраннаго хлѣба, и становятся въ зависимость отъ другихъ государствъ относительно снабженія себя предметами продовольствія.

Причины, вызывающія такое явленіе, повидимому, суть, главнымъ образомъ слѣдующія:

Во первыхъ, различнаго рода препятствія, оказываемыя законами, общественнымъ устройствомъ и обычаями страны, скопленію капиталовъ, прилагаемыхъ къ земледѣлію, и нестѣсняющія въ такой же степени поглощеніе капиталовъ торговлей и фабриками.

Во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ господствовала феодальная система, существуютъ такого рода законы и обычаи, останавливающіе свободное раздѣленіе земель, но нестѣсняющіе раздѣленія и отчужденія другой собственности, законы и обычаи, затрудняющіе и требующіе огромныхъ затратъ на предварительныя мѣры для расширенія земледѣлія. Улучшенія производятся въ такихъ странахъ главнымъ образомъ съемщиками, бо̀льшая часть которыхъ не ограждена никакими договорами или, по крайней мѣрѣ, договорами на продолжительные сроки. И хотя богатство и значеніе ихъ замѣтно увеличились въ послѣднее время, все же они стоятъ ниже поземельныхъ собственниковъ, и не пользуются такою же независимостью и такими же поощреніями въ приложеніи своихъ капиталовъ, какими естественно пользуются купцы и фабриканты.

Во вторыхъ, система налоговъ, прямыхъ или косвенныхъ, которая, по природѣ своей, оказываетъ болѣе тяжелое дѣйствіе на земледѣліе, то по причинѣ неравномѣрной раскладки, то по причинѣ какихъ либо особенныхъ условій, облегчающихъ въ этомъ отношеніи торговую и фабричную дѣятельность.

Вообще признается, что прямая пошлина на туземный хлѣбъ, если она не уравновѣшивается соотвѣтствующей пошлиной на привозный иностранный хлѣбъ, до такой степени вредна, что можетъ разомъ подорвать производство хлѣба, и принудить страну, установившую ее, привозить изъ чужихъ земель все количество потребляемаго ею хлѣба. Такое же дѣйствіе можетъ быть вызвано и частнымъ образомъ, если системой косвенныхъ налоговъ поднять вообще величину заработной платы, между тѣмъ какъ по разнымъ причинамъ цѣнность, но не количество, всего вывоза будетъ постоянно увеличиваться. Послѣднее дѣйствіе можетъ быть вызвано возвращеніемъ пошлинъ какъ на привозные, такъ и на отпускные товары, изобиліемъ колоніальныхъ произведеній и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ *, спросъ на которые за границей не будетъ значительно измѣненъ повышеніемъ цѣны.

Въ третьихъ, усовершенствованіе машинъ, при содѣйствіи большаго капитала и особенно выгоднаго раздѣленія труда.

Если въ какой либо странѣ, при содѣйствіи капитала и машинъ, одинъ человѣкъ получаетъ возможность работать за десятерыхъ, то очевидно, что до того времени, когда прочія страны получатъ тѣ же удобства, повышеніе заработной платы мало затруднитъ сбытъ товаровъ, при приготовленіи которыхъ оказываютъ такую услугу капиталъ и машины. Не подлежитъ сомнѣнію, что повышеніе заработной платы, увеличивающее расходы по производству хлѣба, можетъ оказать такое же дѣйствіе на многіе другіе товары; а еслибы всѣ они очутились въ такомъ условіи, то для ввоза иностраннаго хлѣба не оказалось бы никакого поощренія, ибо страна не могла бы предложить въ обмѣнъ за него никакихъ товаровъ, которые не были бы за границей дешевле самого хлѣба. Но торговая страна можетъ вывозить множество товаровъ, непредставляющихъ этого неудобства. Одни изъ нихъ производятся самой страной или принадлежащими ей колоніями; другими она обязана своимъ огромнымъ ка-

* Возвышеніе заработной платы въ Китаѣ несомнѣнно измѣнило бы цѣны товаровъ, получаемыхъ имъ за свои чаи. Прим. автора.

питаламъ или болѣе совершеннымъ машинамъ, такъ что цѣна ихъ опредѣляется скорѣе внутреннимъ и домашнимъ, чѣмъ иностраннымъ соперничествомъ. Всѣ такого рода товары очевидно могутъ выдержать повышеніе заработной платы, одни— постоянно, другіе — значительное время. Возвышеніе цѣны товара, вызванное такимъ путемъ, или, скорѣе, паденіе его искуственной цѣны, всегда можетъ уменьшить въ большей степени вывозимое его количество; но изъ этого не слѣдуетъ уменьшеніе денежной его цѣны за границей; а ею то и опредѣляется мѣновая цѣнность товара и вообще величина выручки. Еслибы англійскія хлопчатобумажныя издѣлія упали на половину настоящей своей цѣны, то страна, безъ сомнѣнія, вывозила бы ихъ больше противъ теперешняго, но я сильно сомнѣваюсь, чтобы она вывозила двойное ихъ количество; а между тѣмъ, это необходимо, чтобы она могла получить въ обмѣнъ за нихъ столько же иностранныхъ произведеній, сколько получала прежде. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, подобныхъ ему, количество и цѣнность идутъ рука объ руку до извѣстной границы, хотя и не съ одинаковой скоростью; но, переступивъ за нее, увеличившееся количество уменьшаетъ общую цѣнность товаровъ и величину возможной за нихъ выручки.

Поэтому, не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на относительное вздорожаніе обработки сырыхъ матерьяловъ, страна можетъ безъ труда выдержать иностранное соперничество въ товарахъ, къ производству которыхъ она можетъ приложить бо̀льшіе капиталы и болѣе совершенныя машины, хотя такое повышеніе цѣны на трудъ и на сырые матерьялы можетъ дать несомнѣнное преимущество иностранцамъ въ земледѣліи и въ нѣкоторыхъ другихъ промыслахъ, въ которыхъ невозможно было вызвать такого же сбереженія въ трудѣ. По этой причинѣ, такая страна должна найти болѣе выгоднымъ покупать за границей значительную часть потребляемаго ею хлѣба, уплачивая за него произведеніями своихъ фабрикъ и другими свойственными ей товарами, чѣмъ производить его дома.

Если, вслѣдствіе дѣйствія всѣхъ или только нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ, народъ окажется въ зависимости отъ

другихъ странъ, относительно продовольствія значительной части своего населенія, то онъ естественно будетъ подчиненъ во все время своей зависимости нѣкоторымъ бѣдствіямъ, которыя свойственны исключительно мануфактурнымъ и торговымъ странамъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ будетъ, правда, пользоваться большими преимуществами; въ его распоряженіи будутъ находиться земли, къ которымъ онъ можетъ обратиться, когда его фабрики и торговля начнутъ приходить въ упадокъ, вслѣдствіе иностраннаго соперничества или какихъ либо другихъ причинъ; но въ замѣнъ этихъ выгодъ, въ эпохи, въ которыя онъ будетъ болѣе всего нуждаться въ хлѣбѣ, онъ испытаетъ бо̀льшія затрудненія въ снабженіи себя продовольствіемъ, чѣмъ страны, исключительно мануфактурныя и торговыя. Требованія Голландіи и Гамбурга могутъ быть извѣстны съ большою точностью негоціантами, снабжающими ихъ хлѣбомъ; если они возрастаютъ, то всегда постепенно: такъ какъ изъ году въ годъ они не подвергаются внезапнымъ и значительнымъ колебаніямъ, то можно смѣло заключать правильные контракты на среднее количество необходимаго имъ хлѣба; подобная мѣра на практикѣ не встрѣчаетъ затрудненій. Совсѣмъ иное представляютъ нѣкоторыя другія страны, какъ напримѣръ Англія и Испанія. Требованія ихъ, по необходимости, весьма измѣнчивы, вслѣдствіе колебаній въ урожаѣ; и еслибы негоціанты заключали контракты со странами, отпускающими хлѣбъ, на среднее годовое количество, то достаточно было бы двухъ или трехъ лѣтъ урожая для ихъ совершеннаго разоренія. Имъ необходимо приходится ожидать истеченія года, чтобы узнать состояніе урожая, и сообразовать съ нимъ размѣры своихъ операцій. Въ Европѣ, безъ сомнѣнія, можно смотрѣть какъ на добавочное требованіе хлѣба, недостающее его количество противъ средняго урожая, а не все недостающее его количество въ данный годъ. Тѣмъ неменѣе, размѣры всего этого дефицита и предшествующая ему неизвѣстность, опасность заключать контракты на опредѣленное годовое количество и непріязненныя столкновенія, всегда готовыя вспыхнуть между великими и воинственными державами, не могутъ не затруднить

непрерывнаго заготовленія продовольствія. Если присоединить къ этому довольно часто случающіеся повсемѣстные неурожаи, то мы не найдемъ ничего удивительнаго въ томъ, что страны, о которыхъ идетъ рѣчь, подвергаются по временамъ чрезвычайнымъ колебаніямъ въ цѣнѣ хлѣба.

Нерѣдко случается слышать, что неурожаи всегда бываютъ частными, а не общими; что недоборы въ одной странѣ постоянно уровновѣшиваются избыткомъ другой. Но это заключеніе не имѣетъ, повидимому, основанія. Въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ комитету при палатѣ общинъ, занимавшемуся хлѣбными законами, одинъ изъ хлѣбныхъ торговцевъ, на сдѣланный ему вопросъ, часто ли встрѣчается недостатокъ въ хлѣбѣ въ странахъ, лежащихъ на берегахъ Балтійскаго моря, одновременно съ недостаткомъ его въ Англіи, отвѣчалъ: «Когда случается неурожай въ одной части Европы, то онъ сопровождается болѣе или мененѣе плохой жатвой во всѣхъ странахъ *.» Если сравнить цѣны хлѣба въ различныхъ странахъ Европы за значительный промежутокъ времени, то нельзя не убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія. Впродолженіи послѣднихъ полутораста лѣтъ можно встрѣтить болѣе двадцати, въ которыя повышеніе цѣны хлѣба случалось одновременно во Франціи и въ Англіи, хотя торговля хлѣбомъ между обѣими этими странами никогда не была особенно дѣятельна. Въ Испаніи и на берегахъ Балтійскаго моря, основываясь на цѣнахъ, которыя можно было собрать, нерѣдко ощущался одновременно и въ одинаковой степени недостатокъ въ хлѣбѣ. А въ продолженіи пяти послѣднихъ лѣтъ случилось два года, 1811—12 и 1816—17, въ которые, при чрезвычайной дороговизнѣ хлѣба въ Англіи, ввозъ его, сравнительно, былъ, незначителенъ; что̀ можетъ быть объяснено только повсемѣстнымъ недостаткомъ его въ большей части Европы.

Въ такомъ случаѣ предположимъ, что ежегодное среднее количество необходимаго для Англіи иностраннаго хлѣба простирается до двухъ мильоновъ квартеровъ. Предположимъ

* *Report* стр. 93.

еще, что неурожайный годъ вызываетъ недостатокъ еще въ одинъ мильонъ квартеровъ. Поэтому, придется заготовить всего три мильона квартеровъ хлѣба, недостающаго для страны.

Если недостатокъ хлѣба въ Европѣ будетъ повсемѣстный, то въ нѣкоторыхъ государствахъ вывозъ хлѣба вѣроятно будетъ безусловно воспрещенъ, а въ другихъ обложенъ высокой пошлиной; такъ что Англія можетъ считать себя счастливой, если получитъ одинъ или полтора мильона квартеровъ. Въ такомъ случаѣ ей не достанетъ, стало быть, еще двухъ или полутора мильоновъ квартеровъ. И напротивъ того, еслибы Англія имѣла обыкновеніе производить сама то, что̀ необходимо для ея употребленія, и еслибы она была застигнута неурожаемъ, вслѣдствіе котораго ей не доставало бы мильонъ квартеровъ, то трудно предположить, чтобы, несмотря на всеобщій недостатокъ, она не могла бы получить триста или четыреста тысячъ квартеровъ по назначенной ею цѣнѣ, въ особенности, если цѣна хлѣба и цѣна труда стояли бы въ ней выше, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ такомъ случаѣ, все недостающее ей количество хлѣба не превышало бы шестисотъ или семисотъ квартеровъ, вмѣсто полутора или двухъ мильоновъ. Еслибы настоящій неурожай (1816—17) застигъ эту страну въ такомъ положеніи, что производимаго ею количества хлѣба далеко не доставало бы для ея потребленія, то существующее въ настоящее время бѣдствіе достигло бы до ужасающихъ размѣровъ.

Для предупрежденія подобныхъ бѣдствій и для обезпеченія болѣе обильныхъ, и въ неблагопріятные года болѣе надежныхъ запасовъ продовольствія предложена была система хлѣбныхъ законовъ, имѣвшая въ виду стѣснить пошлинами и запрещеніями ввозъ иностраннаго хлѣба, и поощрить наградами вывозъ туземнаго хлѣба.

Такого рода система была введена въ Англіи въ 1688 *; она разобрана довольно подробно Ад. Смитомъ.

Какъ бы рѣшенъ окончательно ни былъ этотъ вопросъ,

* Хотя указанная въ настоящемъ случаѣ цѣль, быть можетъ, и не имѣлась въ виду закономъ 1688, но она несомнѣнно имѣлась въ виду системами, предлагавшимися въ послѣдующія эпохи. Прим. автора.

люди, хорошо знакомые съ великимъ закономъ предложенія и спроса, должны согласиться, что доводы, приводимые противъ этой системы авторомъ *Богатства народовъ*, крайне ошибочны.

Онъ утверждаетъ во первыхъ, что какъ бы ни увеличивала сбыта за границу премія за вывозъ, она должна ежегодно оплачиваться на счетъ внутренняго сбыта; ибо каждый бушель вывозимаго хлѣба вслѣдствіе поощренія, остался бы дома, чтобы усилить потребленіе и понизить цѣну хлѣба *.

Въ настоящемъ случаѣ слово сбытъ употреблено неудачно. Безъ сомнѣнія, не предстоитъ особенной трудности пониженіемъ цѣны на товаръ продавать большее его количество, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы такою мѣрой мы увеличили сбытъ его. Отмѣна двухъ налоговъ, которые уплачивались, по мнѣнію Адама Смита, вслѣдствіе преміи за вывозъ, облегчила бы, правда, рабочимъ классамъ возможность покупать, но потребленіе каждаго года, тѣмъ неменѣе, въ окончательномъ результатѣ ограничивалось бы народонаселеніемъ; а увеличеніе потребленія, вызванное отмѣной двухъ этихъ налоговъ, ни въ какомъ случаѣ не было бы достаточно для такого же поощреніе производства хлѣба, какое дается ему усиленнымъ заграничнымъ спросомъ. Если цѣна великобританскаго хлѣба поднимется внутри страны, вслѣдствіе преміи за вывозъ, прежде, чѣмъ увеличится стоимость производства (Ад. Смитъ признаетъ именно немедленное ея повышеніе), то это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что премія усиливаетъ дѣйствительный спросъ великобританскаго хлѣба; это подтверждаетъ, что уменьшеніе внутренняго спроса, каково бы оно ни было, болѣе чѣмъ вознаграждается увеличеніемъ внѣшняго спроса.

Далѣе, Адамъ Смитъ утверждаетъ, что два налога, уплачиваемые народомъ вслѣдствіе преміи (а именно: одинъ — правительству для выдачи премій, а другой при покупкѣ хлѣба по болѣе дорогой цѣнѣ), должны уменьшить потребленіе

* Кн. IV, гл. V. Такъ, но дѣло въ томъ, что производился ли бы въ такомъ случаѣ этотъ бушель? Рус. перев.

бѣднаго работника, или вызвать соотвѣтствующее дороговизнѣ хлѣба повышеніе заработной платы. Уменьшеніемъ потребленія работника они ограничиваютъ средства его для воспитанія дѣтей, и такимъ образомъ останавливаютъ размноженіе народонаселенія. Повышеніемъ заработной платы они ограничиваютъ возможность содержать прежнее число рабочихъ людямъ, употребляющимъ ихъ въ дѣло, и подрываютъ такимъ образомъ производительныя силы страны.

Легко согласиться, что налогъ, вызываемый преміями, оказываетъ оба приводимыя дѣйствія, но онъ не можетъ вызвать ихъ одновременно. Полагаютъ, что налогъ, налагаемый на весь народъ, бываетъ весьма тягостенъ для тѣхъ, кто его платитъ, и доставляетъ весьма мало выгоды тѣмъ, ради которыхъ онъ сбирается. Здѣсь есть противурѣчіе. Если заработная плата поднимается въ размѣрахъ повышенія цѣны хлѣба, какъ это говоритъ затѣмъ авторъ, то какимъ же это образомъ уменьшаются средства работника для содержанія своей семьи? Если заработная плата не возвышается въ размѣрахъ увеличившейся цѣны хлѣба, то что̀ же мѣшаетъ собственникамъ и фермерамъ увеличить число употребляемыхъ ими работниковъ? Какъ бы то ни было, противурѣчіе это вызвано въ авторѣ другими извѣстными писателями. Многіе изъ людей, соглашающихся съ нимъ, что цѣна хлѣба опредѣляетъ величину заработной платы и цѣну всѣхъ товаровъ, настаиваютъ на вредѣ, причиняемомъ рабочимъ классамъ дороговизной хлѣба, и на выгодѣ, доставляемой имъ дешевизной его.

Но главный аргументъ Адама Смита противъ преміи за вывозъ хлѣба состоитъ въ томъ, что денежная цѣна хлѣба опредѣляетъ цѣну всѣхъ товаровъ, производимыхъ или изготовляемыхъ страной; что, вслѣдствіе этого, выгода, получаемая поземельнымъ собственникомъ отъ повышенія денежной цѣны хлѣба, есть только кажущаяся и нисколько недѣйствительная, ибо то, что̀ онъ выигрываетъ при продажѣ, теряется имъ при покупкѣ.

Положеніе это, до извѣстной степени вѣрное, оказывается ошибочнымъ, что̀ касается до затрудненія имъ перехода ка-

питала отъ одного употребленія къ другому, отъ фабричной промышленности къ земледѣлію и обратно. Но въ этомъ то именно и состоитъ вопросъ; денежная цѣна хлѣба въ данной странѣ, безъ сомнѣнія, представляется самымъ важнымъ условіемъ, опредѣляющимъ заработную плату и цѣну всѣхъ прочихъ товаровъ. Но для подтвержденія положенія Адама Смита еще недостаточно того, что обстоятельство это имѣетъ огромное вліяніе; нужно еще доказать, что при существованіи тѣхъ же условій цѣна всѣхъ продажныхъ предметовъ поднимется или понизится именно въ размѣрахъ измѣненія цѣны хлѣба; но трудно предположить, чтобы это было такъ. Самъ Адамъ Смитъ исключаетъ изъ этого всѣ иностранные товары: но если припомнить количество ввоза въ Англію и количество иностранныхъ товаровъ, потребляемыхъ ея фабриками, то можно уже увидѣть, что одно это исключеніе имѣетъ огромное значеніе. Шерсть и сыромятныя кожи, два сырые матерьяла, производимые страной и представляющіе значительную цѣнность, находятся въ малой зависимости, по соображеніямъ самого Смита *, отъ цѣны хлѣба и отъ поземельной ренты. Цѣна воска, сала и кожъ зависитъ главнымъ образомъ отъ ввозимаго ихъ количества. Но шерстяныя и бумажныя матеріи, полотна, кожи, мыло, сальныя и восковыя свѣчи, чай, сахаръ и проч., всѣ товары, составляющіе вышеупомянутое исключеніе составляютъ цѣликомъ предметы одежды и удобства для рабочихъ классовъ общества.

Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ странѣ, производительность которой получаетъ значительное содѣйствіе отъ основнаго капитала, часть цѣны обработанныхъ издѣлій, оплачивающая прибыль на этотъ капиталъ, не должна необходимо подняться вслѣдствіе повышенія цѣны на хлѣбъ, если только капиталъ не пополняется постепенно: но выгоды, представляемыя машинами до того времени, какъ подымется заработная плата, естественно должны продолжаться нѣсколько лѣтъ.

Въ случаѣ также, когда предметы потребленія обложены

* Кн. I, гл. II.

будутъ большими и многочисленными пошлинами, повышеніе или пониженіе цѣны хлѣба измѣнятъ часть заработной платы, расходуемой на продовольствіе, но вовсе не измѣнятъ той части ея, которая оплачиваетъ пошлины.

Нельзя, поэтому, принять, какъ общій законъ, что денежная цѣна хлѣба служитъ настоящимъ мѣриломъ дѣйствительной цѣны денегъ въ какой либо странѣ. Но всѣ эти соображенія, весьма важныя для поземельнаго собственника, теряютъ всякое значеніе для фермера по истеченіи срока его контракта на землю. По прекращеніи послѣдняго, всѣ выгоды, которыми онъ пользовался, вслѣдствіе благопріятнаго отношенія между цѣной хлѣба и величиной заработной платы, исчезаютъ, а всѣ невыгоды, вытекающія изъ неблагопріятнаго отношенія, вознаграждаются за него собственникомъ. Въ такомъ случаѣ, единственное условіе, опредѣляющее отношеніе капиталовъ, влагаемыхъ въ земледѣльческія предпріятія, ко всѣмъ капиталамъ страны, состоитъ въ размѣрахъ дѣйствительнаго спроса на хлѣбъ. Если, поэтому, преміи дѣйствительно увеличили этотъ спросъ, что̀ необходимо должно быть вызвано ими, то невозможно, чтобы онѣ не увеличили массы капиталовъ, прилагаемыхъ къ земледѣлію.

Когда Адамъ Смитъ говоритъ, что по самой сущности вещей, хлѣбъ отличается дѣйствительной цѣнностью, которая не можетъ быть измѣнена простымъ измѣненіемъ денежной его цѣны; что никакая премія за вывозъ, никакая монополія на внутреннемъ рынкѣ не могутъ поднять этой цѣнности, какъ самое безграничное соперничество не въ силахъ понизить ее, то очевидно, онъ отклоняется отъ вопроса, переходя отъ прибыли производителей хлѣба или поземельныхъ собственниковъ къ матерьяльной и безусловной цѣнности самого хлѣба. Я, разумѣется, не имѣю въ виду утверждать, чтобы премія измѣняла матерьяльную цѣнность хлѣба, и давала бы возможность однимъ бушелемъ пшеницы прокормить большее противъ прежняго число работниковъ. Я разумѣю только, что премія, выдаваемая британскому производителю, дѣйствительно увеличиваетъ, при настоящемъ порядкѣ ве-

щей, спросъ производимаго имъ хлѣба, и этимъ побуждаетъ его сѣять большее его количество, чѣмъ онъ сѣялъ до этого; что вслѣдствіе этого, она даетъ ему возможность расходовать большее число бушелей хлѣба на продовольствіе бо̀льшаго числа работниковъ.

Еслибы теорія Адама Смита была справедлива, и еслибы цѣна хлѣба была неизмѣнна; еслибы произведенное его коколичество не увеличивалось и не уменьшалось бы въ своей цѣнности, сравнительно съ заработной платой и съ другими продажными предметами, то земледѣліе находилось бы въ крайне плачевномъ состояніи. Оно разомъ было бы исключено изъ подъ вліянія закона, прекрасно изложеннаго въ *Богатствѣ народовъ*, на основаніи котораго капиталы переливаются изъ однихъ промысловъ въ другіе, смотря по потребностямъ общества, потребностямъ въ высшей степени разнообразнымъ и естественно испытывающимъ непрерывныя колебанія. Но, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствительная цѣна хлѣба измѣняется, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ цѣна прочихъ произведеній; что въ извѣстныя эпохи всѣ обработанныя произведенія продаются дешевле, а въ другія—дороже, сравнительно съ хлѣбомъ; что въ одномъ случаѣ капиталы притекаютъ отъ фабричной дѣятельности къ земледѣлію, а въ другомъ — отъ земледѣлія къ фабрикамъ. Не обращать вниманія, или придавать ничтожное значеніе этимъ колебаніямъ, невозможно въ этомъ вопросѣ, ибо во всѣхъ отрасляхъ торговли и промышленности эти то колебанія и поощряютъ главнымъ образомъ возрастаніе производства. Прибыль, доставляемая какою либо отраслью промышленности, разумѣется, не можетъ превышать долгое время прочія; но какимъ же образомъ приводятся онѣ къ одному общему уровню, если не обращеніемъ капиталовъ къ этимъ, болѣе прибыльнымъ отраслямъ? Народъ никогда не можетъ желать постояннаго возрастанія прибылей какого либо отдѣльнаго класса предпринимателей. Польза народа требуетъ увеличенія количества предлагаемыхъ произведеній. Но ее нельзя достигнуть иначе, какъ предварительнымъ возвышеніемъ прибыли производителей и направленіемъ бо̀льшаго

количества капиталовъ къ ихъ производству. Владѣльцы кораблей и моряки получаютъ въ Великобританіи бо̀льшую прибыль, чѣмъ какую получали до акта мореплаванія; но цѣль, имѣвшаяся въ виду страною, состояла вовсе не въ возвышеніи прибыли судохозяевъ и матросовъ; она имѣла въ виду увеличить число кораблей и моряковъ. Этого она могла достигнуть только закономъ, который, усиленіемъ спроса на эту дѣятельность, поднялъ бы прибыль капиталовъ, обыкновенно направлявшихся къ ней, и этимъ привлекъ бы къ ней бо̀льшую массу этихъ капиталовъ. Цѣль, имѣющаяся въ виду установленіемъ премін за вывозъ хлѣба, состоитъ не въ возвышеніи прибыли фермеровъ и поземельныхъ собственниковъ, а въ направленіи бо̀льшаго количества народнаго капитала къ земледѣлію и въ увеличеніи количества производимаго страною хлѣба. При изслѣдованіи повышенія цѣны хлѣба, вызываемаго усилившимся спросомъ, повышеніе заработной платы и ренты, и пониженіе цѣны денегъ, только усложняютъ вопросъ и затемняютъ его; но нельзя не признать, что цѣна хлѣба должна измѣниться на довольно продолжительный періодъ, чтобы направить капиталы къ земледѣлію; въ противномъ же случаѣ, простой здравый смыслъ побуждаетъ насъ принять положеніе, что никакое усиленіе спроса не въ силахъ оказать поощренія производству хлѣба.

Слѣдуетъ, поэтому, согласиться, что особенный доводъ, основанный на самой природѣ хлѣба, выставленный Адамомъ Смитомъ на первый планъ въ вопросѣ о преміи за вывозъ, не выдерживаетъ критики; что премія за вывозъ хлѣба должна усиливать спросъ его, и поощрять его производство, если не въ одинаковой степени, то одинаковымъ образомъ съ тѣмъ, какъ премія за вывозъ всякаго другаго товара вызываетъ большее его производство.

Кромѣ того, говорятъ, что усиленное такимъ образомъ производство хлѣба должно непрерывно понижать цѣну его, и въ доказательство этого приводятъ первые шестдесятъ четыре года послѣдняго вѣка, впродолженіи которыхъ премія должна была произвесть полное свое дѣйствіе въ Англіи. Въ выводахъ, дѣлаемыхъ изъ этого примѣра, мы имѣемъ

полное право подозрѣвать, что за непрерывное дѣйствіе принято было то, что, несмотря на свою продолжительность, тѣмъ неменѣе, было дѣломъ временнымъ.

На основаніи теоріи спроса и предложенія, премія за вывозъ хлѣба должна дѣйствовать слѣдующимъ образомъ.

Въ *Богатствѣ народовъ* часто повторяется, что возрастающій спросъ сопровождается увеличивающимся снабженіемъ; обиліе слѣдуетъ за неурожаемъ; вслѣдъ за чрезмѣрной дороговизной является такая же дешевизна. Сильный и неопредѣленный спросъ вызываетъ обыкновенно большее предложеніе, чѣмъ какое обусловливается потребностью. Предложеніе это естественно производитъ дешевизну. Но какъ только послѣдняя почувствуется, то она не можетъ въ свою очередь не остановить производства товара; препятствіе это, на основаніи того же закона, тоже дѣйствуетъ обыкновенно продолжительнѣе, чѣмъ это требуется, и такимъ образомъ снова вызываетъ дороговизну.

Вотъ какое дѣйствіе слѣдовало бы, повидимому, оказывать преміи за вывозъ хлѣба, еслибы премія эта выдавалась при благопріятныхъ для нея условіяхъ; такимъ образомъ она, повидимому, и дѣйствовала въ единственномъ случаѣ, въ которомъ она производилась какъ слѣдуетъ.

Нисколько не отрицая вліянія нѣкоторыхъ другихъ условій, и не входя въ изслѣдованіе относительнаго дѣйствія преміи, нетрудно увидѣть (принимая, согласно съ Адамомъ Смитомъ, что фермеру производство хлѣба обходилось въ 28 шиллинговъ за квартеръ и что рыночная цѣна хлѣба въ Англіи не превышала цѣны его на материкѣ), что премія въ 5 шиллинговъ за квартеръ вывозимаго хлѣба должна была возвысить дѣйствительную цѣну его, и оказать поощреніе его производству. Но перемѣны, вызываемыя въ направленіи капиталовъ къ земледѣльческимъ предпріятіямъ или отъ послѣднихъ къ другимъ промысламъ, по необходимости, должны быть медленны. Люди, привыкшіе употреблять свои капиталы въ торговыя предпріятія, не тотчасъ направляютъ ихъ къ земледѣлію, и еще труднѣе и бòльшаго потребуется времени, чтобы извлечь капиталъ изъ земледѣлія и обратить его

въ торговлю. Въ первыя двадцать пять лѣтъ, вслѣдъ за установленіемъ въ Англіи преміи, цѣна хлѣба поднялась отъ 2 до 3 шиллинговъ на квартеръ; но въ эту эпоху, вслѣдствіе войнъ въ царствованіе Вильгельма и Анны, неурожаевъ и недостатка денегъ, капиталы весьма медленно приливали къ земледѣлію, и не было значительнаго избытка въ производствѣ. Только послѣ Утрехтскаго мира капиталы страны стали возрастать замѣтнымъ образомъ; и невозможно предположить, чтобы премія не привлекла къ земледѣлію большее количество скопившихся капиталовъ, чѣмъ какое направилось бы къ нему безъ нея. Избытокъ производства и пониженіе цѣнъ впродолженіи тридцати или сорока лѣтъ были слѣдствіемъ такого порядка вещей.

Намъ могутъ возразить, что этотъ періодъ дешевизны былъ слишкомъ продолжителенъ, чтобы его можно было приписать преміи, даже на основаніи предлагаемой нами теоріи. Быть можетъ, это и справедливо, и, по всей вѣроятности, періодъ былъ бы короче, еслибы дѣйствовала одна только премія; но въ приводимомъ случаѣ многія другія причины оказывали весьма сильное вліяніе.

Пониженіе цѣны британскаго хлѣба сопровождалось пониженіемъ цѣны его на материкѣ. Какія бы причины ни вызвали это явленіе въ иностранныхъ земляхъ, вѣроятно онѣ не остались безъ нѣкотораго вліянія на Англію. Тѣмъ неменѣе, ничто не могло оказать болѣе дѣйствительнаго вліянія на дешевизну, и воспрепятствовать возвращенію дороговизны, какъ значительный избытокъ хлѣба, отъ котораго отказывались прочіе народы, если онъ не привлекалъ къ себѣ особенной дешевизной. Когда былъ созданъ такой избытокъ, то потребовалось нѣкоторое время на то, чтобы онъ былъ уничтоженъ низкой цѣной, въ особенности, принимая во вниманіе, что нравственное побужденіе, вызванное преміей, вѣроятно продолжало свое дѣйствіе еще долго послѣ того, какъ цѣны начали падать. Къ этимъ причинамъ можно присоединить замѣтное пониженіе величины процента, случившееся въ это же время, и доказывающее изобиліе капиталовъ, а слѣдовательно, и большія затрудненія для пріисканія имъ вы-

годныхъ помѣщеній. Съ другой стороны, если принять въ соображеніе естественныя препятствія для всякаго перемѣщенія капиталовъ, вложенныхъ въ землю, то становится понятымъ тотъ длинный промежутокъ времени, впродолженіи котораго не было существеннаго измѣненія въ относительномъ изобиліи и въ низкой цѣнѣ хлѣба.

Адамъ Смитъ объясняетъ эту дешевизну возвышеніемъ цѣнности денегъ. Пониженіе цѣны хлѣба въ это же самое время во Франціи и въ другихъ странахъ, повидимому, подтверждаетъ это предположеніе. Но отчеты, обнародованные въ послѣднее время о добычахъ, доставленныхъ за тотъ же періодъ времени рудниками, говорятъ противъ такого довода; правдоподобнѣе было бы предположить, что дешевизна эта была слѣдствіемъ болѣе мирнаго состоянія, которымъ пользовалась Европа послѣ войнъ Людовика XIV, состоянія, способствовавшаго направленію капиталовъ къ земледѣлію и къ улучшеніямъ въ обработкѣ почвы.

Что касается собственно до Англіи, то самъ Адамъ Смитъ соглашается, что заработная плата и цѣны всѣхъ товаровъ въ ней постоянно поднимались; этотъ фактъ говоритъ въ пользу предположенія о возраставшей цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ. Падала нетолько денежная цѣна хлѣба, но и относительная цѣна его, сравнительно съ прочими предметами. Уменьшеніе относительной его цѣнности, вмѣстѣ съ огромнымъ его вывозомъ, ясно показываетъ, что главная причина замѣченныхъ фактовъ состояла скорѣе въ относительномъ изобиліи хлѣба, отъ чего бы ни происходило послѣднее, чѣмъ въ какомъ бы то ни было недостаткѣ денегъ. Чрезвычайная дешевизна хлѣба на британскомъ рынкѣ, особенно впродолженіи десяти лѣтъ, съ 1740 по 1750, сопровождавшаяся пониженіемъ цѣнъ на него на континентальныхъ рынкахъ, вызванная, быть можетъ, отчасти огромнымъ вывозомъ британскаго хлѣба, особенно въ 1748, 1749 и 1750, необходимо должна была нѣсколько подорвать производство его, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, повышеніе дѣйствительной заработной платы должно было въ то же время оказать поощреніе размноженію населенія. Соединенное дѣй-

ствіе обоихъ условій и представляется именно такимъ, какое необходимо, сначала для уменьшенія, а затѣмъ для уничтоженія избытка хлѣба. Такъ какъ впослѣдствіи, послѣ 1764 года, богатство и фабричное населеніе возрастали быстрѣе въ Великобританіи, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ, то новыя поощренія земледѣлія производились почти исключительно внутреннимъ спросомъ, и потому, несмотря на свои значительные размѣры, не были въ состояніи вызвать избытка хлѣба. Кромѣ того, не ограничиваясь, какъ прежде, поощреніемъ британскаго земледѣлія, вслѣдствіе измѣненія въ хлѣбныхъ законахъ, поощреній этихъ было недостаточно даже для созданія независимыхъ запасовъ. Еслибы прежніе хлѣбные законы оставались въ силѣ, вѣроятно Англія тѣмъ неменѣе потеряла бы избытокъ своего хлѣба, вслѣдствіе дѣйствія указанныхъ нами причинъ; но оговорки, ограничивающія силу этихъ законовъ, разумѣется, предоставили бы странѣ бо̀льшую возможность создать независимые запасы непосредственно предъ неурожаемъ 1800 года.

Нападая на премію, нельзя, поэтому, утверждать, какъ это дѣлаетъ Адамъ Смитъ, что пониженіе цѣны хлѣба впродолженіи первой половины послѣдняго вѣка, обнаружилось бы, несмотря на премію; что оно не могло быть вызвано ею. Напротивъ того, слѣдуетъ согласиться (какъ это требуется, по моему мнѣнію, на основаніи общихъ законовъ), что премія, производимая при благопріятныхъ условіяхъ, дѣйствительно должна вызвать, вслѣдъ за періодомъ дороговизны, нѣкоторый избытокъ хлѣба и дешевизну, какъ это и обѣщаютъ защитники преміи *; но, на основаніи тѣхъ же общихъ законовъ, этотъ избытокъ и дешевизна, дѣйствуя одновременно, какъ препятствіе для производства и какъ поощ-

* Если премія побуждаетъ къ обработкѣ неплодородныхъ участковъ, то она содѣйствуетъ и возвышенію цѣны хлѣба; но изъ опыта извѣстно, что возвышеніе цѣны хлѣба, естественно вызываемое такимъ путемъ, постоянно сдерживается улучшеніями въ земледѣліи. И дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что въ періодъ послѣдняго столѣтія, когда падала цѣна хлѣба, подвергнуты были обработкѣ новые участки. Прим. автора.

ренiе для народонаселенія, не могутъ удержаться на долгое время.

Независимо отъ возраженій противъ премій вообще, противъ преміи за вывозъ хлѣба можно привести еще тотъ доводъ, что при самыхъ благопріятныхъ даже условіяхъ она не можетъ понижать цѣны хлѣба постоянно. Если же она будетъ введена при неблагопріятныхъ условіяхъ, то есть, если вывозъ хлѣба станутъ поощрять преміей, между тѣмъ какъ страна не можетъ производить болѣе, чѣмъ сколько потребляетъ, то налогъ нетолько окажется крайне тягостнымъ, но и нанесетъ ущербъ народонаселенію, а достигаемый избытокъ хлѣба получается цѣной пожертвованія, превосходящаго своей цѣнностью этотъ избытокъ.

Но, несмотря на весьма сильныя возраженія, какія могутъ быть приведены противъ премій на основаніи общихъ принциповъ, и несмотря на неудобства, порождаемыя преміями во многихъ нерѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ неменѣе, нельзя не признать, что пока онѣ оказываютъ свое дѣйствіе (то есть, пока онѣ вызываютъ вывозъ, который безъ нихъ былъ бы невозможенъ), до тѣхъ поръ онѣ несомнѣнно поощряютъ производство хлѣба въ странѣ, въ которой существуютъ, и держатъ его на такомъ уровнѣ, который былъ бы невозможенъ при отсутствіи премій.

При нѣкоторыхъ особенныхъ благопріятныхъ условіяхъ, страна могла бы поддерживать такимъ образомъ значительный избытокъ производства впродолженіи долгаго времени, безъ особеннаго повышенія стоимости производства хлѣба, и съ малымъ повышеніемъ, или безъ повышенія средней ея величины, считая и неурожайные годы *. Возьмемъ какой нибудь періодъ въ послѣднемъ вѣкѣ, впродолженіи котораго, силою преміи, вызывался средній избытокъ производства для

* Средняя цѣна отличается отъ стоимости производства. Неурожайные годы, необходимо выпадающіе по временамъ, существенно измѣняютъ среднюю цѣну хлѣба, а производство избытка, предупреждающее недостатокъ его, понижаетъ цѣну его, и постоянно стремится приблизить ее къ цѣнѣ, въ которую обходится вообще его производство. Прим. автора.

вывоза, и предположимъ, что съ этого времени внѣшній спросъ на британскій хлѣбъ возрасталъ въ одинаковыхъ размѣрахъ съ внутреннимъ спросомъ; при такихъ условіяхъ, могло случиться, что избытокъ хлѣба сдѣлался бы постояннымъ. По прекращеніи побужденій, вызванныхъ преміей, вліяніе послѣдней не было бы утрачено. Она дала бы еще на нѣсколько лѣтъ британскому производителю безусловное преимущество предъ производителемъ иностраннымъ. Преимущество это разумѣется, прекратилось бы мало по малу, ибо сущность каждаго дѣйствительнаго спроса состоитъ въ томъ, что онъ будетъ наконецъ удовлетворенъ, и принудитъ производителей продавать по самой дешевой цѣнѣ, какая только воможна по общему состоянію въ странѣ прибылей. Но пройдя черезъ періодъ несомнѣнныхъ поощреній, британскій производитель, уже и при равныхъ условіяхъ съ иностранными соискателями, получилъ бы обыкновеніе снабжать болѣе широкой рынокъ, чѣмъ какой обусловливается внутреннимъ спросомъ. А если бы спросъ, какъ туземный, такъ и иностранный, продолжалъ возрастать равномѣрно, то онъ продолжалъ бы самъ собою соразмѣрять снабженіе съ состояніемъ обоихъ рынковъ; ибо, за исключеніемъ развѣ случая усиленія внутренняго спроса, онъ не могъ бы воротить отправляемыхъ за границу запасовъ, не понижая цѣнности вообще всей своей жатвы. Такимъ образомъ, въ распоряженіи народа находился бы постоянно какъ бы запасный магазинъ на случай неурожая.

Но и предположивъ даже, что при содѣйствіи преміи и самыхъ благопріятныхъ цѣнъ хлѣба въ прочихъ странахъ, государство постоянно можетъ производить избытокъ хлѣба для вывоза, мы, тѣмъ неменѣе, не имѣемъ права утверждать, чтобы населеніе его не могло быть остановлено затрудненіемъ въ средствахъ существованія. Оно будетъ, правда, менѣе подвержено случайнымъ бѣдствіямъ, вызываемымъ дороговизной; но въ прочихъ отношеніяхъ оно будетъ подлежать тѣмъ же затрудненіямъ, тѣмъ же предупредительнымъ препятствіямъ, которыя описаны нами въ предъидущихъ главахъ. Будетъ ли оно, или не будетъ ежегодно вывозить хлѣбъ въ чужія страны, населеніе его, тѣмъ неменѣе, всегда будетъ

опредѣляться дѣйствительной заработной платой, и остановится, когда предметы необходимости, покупаемые за эту плату, перестанутъ быть достаточными, по существующимъ привычкамъ народа, для поддержанія возрастающаго населенія.

ГЛАВА XII. — Хлѣбные законы. Стѣсненіе ввоза.

Законы, воспрещающіе ввозъ иностраннаго хлѣба, хотя на нихъ и можно нападать съ другихъ точекъ зрѣнія, не допускаютъ тѣхъ же возраженій, какія вызываются преміями, и должно согласиться, что они легко достигаютъ имѣющейся ими въ виду цѣли—создать независимые запасы хлѣба. Страна, обладающая обильными средствами, представляемыми ея землями, разрѣшающая привозъ иностраннаго хлѣба въ такомъ только случаѣ, когда цѣна его предвѣщаетъ недостатокъ хлѣба, необходимо получитъ возможность удовлетворять своимъ потребностямъ въ средніе годы собственными средствами. Можно привести основательныя возраженія противъ стѣсненія ввоза иностраннаго хлѣба на томъ основаніи, что стѣсненіе это препятствуетъ капиталамъ и труду народа направляться къ болѣе выгоднымъ предпріятіямъ, что оно останавливаетъ народонаселеніе и подрываетъ сбытъ національныхъ мануфактурныхъ произведеній. Но, съ другой стороны, нельзя отвергать, что оно поощряетъ производство хлѣба въ странѣ, и создаетъ и поддерживаетъ независимое снабженіе имъ народа. Для достиженія своей цѣли и для вызова избытка производства, премія за вывозъ, какъ мы видѣли, потребовала бы во многихъ случаяхъ такого тяжелаго прямаго налога, и очутилась бы въ такомъ значительномъ отношеніи къ общей цѣнности хлѣба, что оказалась бы рѣшительно невозможной во многихъ странахъ. Стѣсненіе ввоза не требуетъ никакого прямаго налога на народъ. Въ случаѣ надобности, его даже можно было бы обратить въ источникъ дохода для государства; введеніе его не встрѣчаетъ никакого затрудненія, и оно можетъ быть устроено такимъ образомъ, чтобы оно неизбѣжно достигало предположенной цѣли, состоящей въ обез-

*

печеніи въ средніе года производства такого количества хлѣба, какое требуется наличнымъ населеніемъ.

Въ предъидущихъ главахъ мы разсмотрѣли невыгоды, свойственныя исключительно земледѣльческой или торговой системѣ, и выгоды, представляемыя смѣшанной системой, въ которой та и другая дѣйствовали и процвѣтали бы вмѣстѣ.

Мы видимъ, что въ странѣ, изобилующей землями, вслѣдствіе какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ, можетъ случиться, что торговое населеніе получитъ такое преобладаніе, что этому преобладанію слѣдуетъ приписать часть бѣдствій, которымъ подвергается исключительно торговая и мануфактурная страна, вслѣдствіе бо̀льшаго или меньшаго колебанія въ цѣнѣ хлѣба. Въ такомъ случаѣ, стѣсненіемъ ввоза иностраннаго хлѣба можно было бы поддержать равновѣсіе между обоими классами, земледѣльческимъ и торговымъ. Вопросъ состоитъ не въ томъ, окажется ли эта мѣра дѣйствительной для достиженія цѣли, а въ томъ, будетъ ли она благоразумна въ политическомъ отношеніи. Цѣль, безъ сомнѣнія, будетъ достигнута, но какою цѣною. Для людей, неотвергающихъ безусловно всякое изслѣдованіе такого рода, какъ противурѣчащее признанному неизмѣнному закону, главный вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: *Слѣдуетъ ли, въ извѣстныхъ случаяхъ, поддерживать искуственно между земледѣльческимъ и торговымъ классомъ необходимое равновѣсіе, если оно не можетъ установиться само собою?* Изъ всѣхъ политико-экономическихъ вопросовъ ни одинъ не имѣетъ такого огромнаго значенія въ практическомъ отношеніи.

Одно изъ сильнѣйшихъ возраженій противъ теоріи, защищающей пользу стѣсненія ввоза, состоитъ въ томъ, что не можетъ быть общимъ закономъ правило, что всякое государство должно производить потребляемое имъ количество хлѣба. Существуютъ страны, къ которымъ правило это очевидно примѣнено быть не можетъ.

Во первыхъ, многія государства съ историческимъ значеніемъ обладали територіей, которая, сравнительно съ однимъ или нѣсколькими принадлежавшими имъ городами, была слишкомъ ничтожна, и рѣшительно не была въ состояніи прокор-

мить все ихъ населеніе. Въ такихъ общинахъ не могло существовать внутренней торговли большихъ государствъ, но могла существовать только внѣшняя; привозъ иностраннаго хлѣба былъ безусловно необходимъ для ихъ существованія. Имъ неизвѣстны были выгоды, доставляемыя почвой тѣмъ странамъ, которыя обладаютъ ею; каковы бы ни были удобства или опасности исключительно торговой и мануфактурной системы, вовсе не приходилось дѣлать выбора, и предстоялъ одинъ только путь. Все, что могутъ сдѣлать такія государства — это воспользоваться всѣми выгодами своего положенія относительно своихъ сосѣдей, стараясь вознаградить себя трудолюбіемъ, искуствомъ и капиталами за тѣ важныя удобства, которыхъ они лишены. Такой путь доставилъ блистательные результаты нѣкоторымъ такимъ государствамъ, память о которыхъ сохранена исторіей; но и испытанныя ими бѣдствія были неменѣе поразительны, какъ и ихъ благосостояніе, столь несоразмѣрное съ ихъ скудными средствами.

Во вторыхъ, стѣсненіе ввоза иностраннаго хлѣба непримѣнимо къ странѣ, почва и климатъ которой подвегаютъ постояннымъ колебаніямъ ея внутреннее снабженіе, обусловливаемое хорошей или дурной погодой. Находящаяся въ такихъ условіяхъ страна несомнѣнно увеличиваетъ вѣроятность, что получитъ необходимое количество продовольствія, открывая для вывоза и ввоза возможно большее число рынковъ; предположеніе это вѣроятно оправдается, хотя бы прочія страны запретили вывозъ своего хлѣба, или обложили его пошлиной. Особенное неудобство, испытываемое страной, можетъ быть облегчено только поощреніемъ внѣшней торговли хлѣбомъ и предоставленіемъ ей возможно широкой свободы.

Въ третьихъ стѣсненіе ввоза иностраннаго хлѣба непримѣнимо къ странѣ, обладающей хотя и обширною, но безплодной територіей. Попытки къ ея воздѣланію и улучшенію, посредствомъ насильственнаго привлеченія капиталовъ къ земледѣлію, вѣроятно оказались бы неуспѣшны, при какихъ бы обстоятельствахъ онѣ ни происходили. Дѣйствительное ея производство, достигнутое подобными мѣрами, можетъ потребовать такихъ пожертвованій, которыя будутъ не подъ силу

капиталамъ и трудолюбію народа. Какъ бы велики ни были выгоды страны, имѣющей возможность произведеніями собственной почвы содержать многочисленное населеніе, народъ, о которомъ идетъ рѣчь, долженъ отказаться отъ нихъ. Онъ долженъ избрать одно изъ двухъ: или оставаться бѣднымъ и незначительнымъ государствомъ, или, что касается до своего существованія, находиться въ зависимости отъ другихъ странъ. Положеніе его, во многихъ отношеніяхъ, сходно съ положеніемъ народа, обладающаго небольшой територіей, а потому, ему приходится руководствоваться одинаковой съ нимъ политикой.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ не подлежитъ сомнѣнію, что было бы крайне неполитическою мѣрой насильственно поддерживать между земледѣльческимъ и торговымъ классами то благопріятное равновѣсіе, котораго они не могутъ достигнуть естественнымъ путемъ.

Но при другихъ или при противуположныхъ даже приведеннымъ выше условіяхъ, нельзя утверждать, чтобы такая мѣра была неблагоразумной.

Народъ, обладающій обширной територіей, почва которой средняго достоинства, можетъ безъ труда прокормить произведеніями этой почвы населеніе, вполнѣ достаточное, чтобы дать ему возможность занять почетное мѣсто между народами, съ которыми онъ находится въ торговыхъ или враждебныхъ отношеніяхъ. Говоря вообще, територія извѣстнаго пространства въ результатѣ должна прокормить свое населеніе. По мѣрѣ того, какъ страна, привыкшая отпускать свой хлѣбъ за границу, приближается къ предѣлу того благосостоянія и населенія, къ которымъ она стремится, она извлекаетъ изъ международной торговли хлѣбъ, сберегаемый и отправляемый ею къ своимъ сосѣдямъ, исключительно занимающимся товговлей и фабриками, и предоставляетъ имъ обходиться собственными средствами. Предметомъ внѣшней торговли становятся особенныя произведенія, свойственныя каждой почвѣ и каждому климату, такъ что международная торговля не можетъ исчезнуть ни въ какомъ случаѣ. Но хлѣбъ не составляетъ особеннаго произведенія какой либо страны,

и по законамъ, управляющимъ размноженіемъ народонаселенія, можетъ случиться, что страна, болѣе всего производящая хлѣба, будетъ не въ состояніи удѣлить и части его другимъ народамъ. Если исключить колебанія, производимыя урожаями, то торговлю хлѣбомъ, по сущности ея, можно считать скорѣе временной и случайной, чѣмъ постоянной; она обусловливается главнымъ образомъ степенью благосостоянія, которой достигли разныя страны; а вызывающія ея причины измѣняются, по мѣрѣ развитія человѣческихъ обществъ. Предлагалось самымъ серьезнымъ образомъ продовольствовать всю Европу американскимъ хлѣбомъ, чтобы дать ей возможность посвятить всю свою дѣятельность торговлѣ и фабрикамъ, и раздѣлить такимъ образомъ весь земной шаръ самымъ совершеннымъ образомъ. Но и допустивъ даже такое сумасбродное предположеніе, соглашаясь, что естественный порядокъ вещей можетъ вызвать когда нибудь подобное распредѣленіе труда, и что Европа получила бы, вслѣдствіе этого, возможность имѣть большее количество народонаселенія, чѣмъ какое можетъ быть прокормлено ею въ настоящее время, подобное событіе породило бы самыя плачевныя послѣдствія. Не подлежитъ сомнѣнію истина, что каждому государству, обладающему значительной територіей, по мѣрѣ возрастанія его благосостоянія, выгоднѣе всего самому изготовлять всѣ необходимые предметы, если только оно не можетъ получать послѣднихъ отъ другихъ народовъ, которые пользуются въ этомъ отношеніи какими нибудь особенными преимуществами, независящими отъ капитала и ловкости. Стало быть, когда Америка перестанетъ отпускать свой хлѣбъ въ Европу, а Европа не будетъ имѣть средствъ для пополненія необходимаго для нея количества, то ясно обнаружится, что временныя выгоды, доставленныя развитіемъ благосостоянія и населенія (если еще онѣ будутъ получены), куплены будутъ дорогою цѣной продолжительнаго періода нищеты и ретрограднаго движенія общества.

Поэтому, если обширность територіи даетъ странѣ право надѣяться, что она будетъ наконецъ въ состояніи прокормить собственное населеніе; если населеніе, которое будетъ

содержаться такимъ образомъ, даетъ ей возможность поддержать свое мѣсто и свое значеніе между прочими народами; если она может, кромѣ того, основательно опасаться нетолько прекращенія ввоза иностраннаго хлѣба, что̀ можетъ случиться только въ отдаленномъ будущемъ, но и немедленныхъ бѣдствій, вслѣдствіе преобладанія фабрикъ, болѣе вредныхъ для здоровія условій, безпорядковъ, колебаній въ цѣнѣ хлѣба и заработной платы, то, быть можетъ, не окажется мѣрой неблагоразумной—поддерживать искуственнымъ образомъ болѣе благопріятное равновѣсіе между земледѣльческимъ и торговымъ классами, подчинивъ нѣкоторымъ стѣсненіямъ ввозъ иностраннаго хлѣба и доставивъ возможность земледѣлію идти объ руку съ фабричной промышленностью.

Въ четвертыхъ, если страна пользуется такой почвой и такимъ климатомъ, что колебанія въ ея годовомъ производствѣ слабѣе, чѣмъ въ большей части прочихъ странъ, то это послужитъ тѣмъ большимъ побужденіемъ для нея — смотрѣть на нѣкоторыя стѣсненія ввоза иностраннаго хлѣба, какъ на мѣру благоразумную. Различныя страны бываютъ весьма непохожи одна на другую относительно испытываемыхъ ими колебаній въ ежегодномъ снабженіи себя продовольствіемъ. Еслибы всѣ онѣ находились въ этомъ отношеніи почти въ одинакомъ положеніи, и еслибы торговля хлѣбомъ была *дѣйствительно* свободна, то каждое государство тѣмъ болѣе было бы обезпечено въ неизмѣнной цѣнѣ хлѣба, чѣмъ съ бо̀льшимъ числомъ странъ оно вело бы торговлю хлѣбомъ. Но нельзя примѣнить этого закона къ случаю, при которомъ всѣ основанія этого закона совершенно измѣняются, то есть, когда нѣкоторыя изъ странъ, принимающихъ участіе въ хлѣбной торговлѣ, подвергаются, сравнительно, весьма значительнымъ колебаніямъ въ производствѣ хлѣба, и когда это неблагопріятное обстоятельство еще усиливается несомнѣннымъ отсутствіемъ дѣйствительной свободы въ торговлѣ хлѣбомъ съ иностранными землями.

Положимъ, напримѣръ, что крайнія колебанія выше и ниже средняго урожая хлѣба составляютъ въ Англіи $^1/_4$, а во Франціи $^1/_3$,—свободная торговля между обѣими странами вѣроят-

но усилитъ колебанія цѣнъ на англійскомъ рынкѣ. По свидѣтельству сэра Джоржа Колебрука, въ Бенгалѣ рисъ бываетъ иногда въ четыре раза дороже, чѣмъ въ слѣдующій годъ, не вызывая нетолько голода, но даже недостатка въ пищѣ *; и, несмотря на частые урожайные годы, случается иногда такой недостатокъ въ пищѣ, который губитъ значительное количество населенія. Положимъ, что Бенгалъ приметъ участіе въ хлѣбной торговлѣ Англіи и Франціи, — не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обѣ послѣднія страны испытаютъ еще бо̀льшія колебанія, чѣмъ какія были до этого присоединенія.

Въ дѣйствительности, мы имѣемъ полное право предположить, что Британскіе острова, по свойствамъ почвы и климата, находятся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, чтобы не знать сильныхъ колебаній въ ежегодномъ снабженіи себя хлѣбомъ. Если сравнить цѣны хлѣба въ Англіи и во Франціи, со времени Итонскихъ таблицъ, до начала революціонныхъ войнъ, то оказывается, что въ Англіи самая высокая цѣна за квартеръ пшеницы въ 8 бушелей за это время была 3 фунта 15 шиллинговъ $6^3/_4$ пенсонъ стерлинговъ (въ 1648), а самая низкая цѣна—1 фунтъ 2 шиллинга 1 пенсъ стерлингъ (въ 1743); между тѣмъ какъ во Франціи наибольшая цѣна за сетьеръ составляла 62 франка 78 сантимовъ (въ 1662), а наименьшая—8 франковъ 89 сантимовъ (въ 1718) **. Въ первой странѣ наибольшая цѣна относится къ наименьшей, почти какъ $3^1/_3$, а во второй, какъ 7 къ 1. Въ англійскихъ таблицахъ въ десяти или двѣнадцатилѣтніе промежутки встрѣчается только два примѣра колебанія, достигающаго до отношенія 3 къ 1. Во французскихъ таблицахъ въ такіе же періоды встрѣчается одинъ примѣръ отношенія 6 къ 1 и, сверхъ того, три отношенія 4 къ 1 и болѣе.

Колебанія эти, быть можетъ, усиливались отсутствіемъ сво-

---

* *Земледѣліе въ Бенгалѣ*, стр. 108, прим. Авторъ замѣчаетъ въ текстѣ на той же страницѣ, что цѣна хлѣба колеблется въ этой странѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Прим. автора.

** Адамъ Смитъ, *Богатство народовъ*, т. I, стр. 487 и 491, рус. изд. Рус. перев.

боды во внутренней торговлѣ хлѣбомъ; но они совершенно согласны съ вычисленіями Тюрго, основанными на однихъ только колебаніяхъ въ производствѣ, не принимая въ разсчетъ затрудненій или препятствій для свободнаго перемѣщенія хлѣба изъ одной провинціи въ другую.

На почвѣ средняго достоинства онъ принимаетъ жатву въ семь сетьеровъ на арпанъ въ очень урожайный годъ, и въ три сетьера въ крайне неурожайный годъ, изъ чего средній урожай оказывается въ пять сетьеровъ на арпанъ *. Онъ полагаетъ, что эти цифры не далеки отъ истинныхъ, и, продолжая выводы изъ тѣхъ же положеній, онъ замѣчаетъ, что крайне урожайный годъ долженъ доставить избытокъ продовольствія на пять мѣсяцевъ, сверхъ обыкновеннаго потребленія, а крайне неурожайный годъ дать недоборъ на пять мѣсяцевъ потребленія. Я полагаю, что эти колебанія гораздо болѣе значительны, чѣмъ въ Англіи, по крайней мѣрѣ, если судить на основаніи цѣнъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что при одинаковомъ недостаткѣ хлѣба въ обѣихъ странахъ, высшее благосостояніе Англіи и многочисленныя вспоможенія приходовъ, раздаваемыя бѣднымъ классамъ въ неурожайные годы, должны держать цѣны на хлѣбъ въ этой странѣ выше чѣмъ во Франціи, противъ средняго ихъ уровня.

Если мы обратимся къ Испаніи за тотъ же періодъ, то мы встрѣтимъ въ ней тоже бо̀льшія колебанія, чѣмъ въ Англіи. Въ таблицѣ цѣнъ за *фанегу* пшеницы на Севильскомъ рынкѣ съ 1675 по 1774 включительно, приложенной къ отчету о добываемомъ количествѣ драгоцѣнныхъ металловъ, наибольшая цѣна составляетъ 48 старыхъ реаловъ (въ 1677), а наименьшая 7 реаловъ (въ 1720), что̀ представляетъ отношеніе

* *Oeuvres de Turgot*, т. I, стр. 171, изд. Гильомена. Авторъ разумѣетъ, безъ сомнѣнія, Парижскій арпанъ, находящійся въ большемъ употребленіи, чѣмъ арпанъ министерства *Водъ и Лѣсовъ*, исключительно употребляемый этимъ управленіемъ. Такъ какъ Парижскій арпанъ составляетъ почти треть гектара (0,342), а сетьеръ — около полутора гектолитра (1,56), то *семь, три* и *пять* сетьеровъ, приводимыхъ Тюрго, соотвѣтствуютъ 32, 13½ и 23 гектолитрамъ на гектаръ. Гарнье.

почти 7 къ 1. А въ десяти или двѣнадцатилѣтніе періоды отношеніе это два или три раза достигаетъ 4 къ 1. По другой таблицѣ, съ 1788 по 1792 включительно, относящейся къ городамъ Старой Кастиліи, наибольшая цѣна, въ 1790, была 109 реаловъ за фанегу; а наименьшая, въ 1792, всего 16 реаловъ. На рынкѣ въ Railinѣ-дель-Ріо-Секо, городѣ Леонскаго королевства, лежащемъ среди плодородныхъ земель, куль въ четыре фанеги пшеницы въ маѣ 1800 стоилъ 100 реаловъ, а въ маѣ 1804—600 реаловъ, и обѣ цѣны считались *низкими*, сравнительно съ высокими цѣнами, бывшими впродолженіи года. Разница оказалась бы еще больше, если сравнивать самыя высокія и самыя низкія цѣны за различные годы. Такимъ образомъ, въ 1799 низшая цѣна за четыре фанеги была 88 реаловъ, а въ 1804 высшая цѣна за четыре фанеги—640 реаловъ, что̀ составляетъ отношеніе болѣе чѣмъ 7 къ 1 въ короткій шестилѣтній промежутокъ *.

Въ Испанію допускается иностранный хлѣбъ свободно; тѣмъ неменѣе, колебанія въ цѣнѣ хлѣба въ городахъ Андалузіи, приморской провинціи, орошаемой небольшой рѣкой — Гвадалквивиромъ, доказываютъ, повидимому, что берега Средиземнаго моря плохо обезпечены продовольствіемъ. Извѣстно, что Испанія главная соперница Англіи въ закупкѣ хлѣба въ прибалтійскихъ странахъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что производство хлѣба или обыкновенная цѣна его дешевле въ Испаніи, чѣмъ въ Англіи **. А потому, различіе въ цѣнахъ между урожайнымъ и голоднымъ годомъ въ Испаніи должно быть очень велико.

---

* *Bullion Report*, *Appendix*, стр. 182—185.

Реалъ стоитъ 26½ сант., а Кастильская *фанега* равна почти полугектолитру (0,57) на французскія мѣры, и нѣсколько менѣе двухъ русскихъ четвериковъ. Рус. перев.

** Вышеприведенное различіе между среднею цѣной хлѣба и цѣной, въ которую обходится его производство, не противурѣчитъ отожествленію, дѣлаемому въ настоящемъ случаѣ авторомъ между цѣною производства и обыкновенною цѣною хлѣба. Хотя цѣна производства и отличается отъ средней цѣны, тѣмъ неменѣе, онѣ необходимо сближаются одна съ другой; одна управляетъ другою, за исключеніемъ упомянутыхъ случаевъ. Обычная цѣна не есть собственно средняя,

Я не имѣю данныхъ для подтвержденія колебанія въ урожаяхъ и въ цѣнахъ хлѣба между сѣверными народами; но не подлежитъ сомнѣнію, что колебанія эти бываютъ иногда весьма значительны, ибо мы знаемъ, что нѣкоторые изъ этихъ народовъ подвергаются по временамъ крайне жестокому голоду. Впрочемъ, достаточно и приведенныхъ мною примѣровъ, чтобы показать, что страна, находящаяся въ благопріятныхъ условіяхъ для обезпеченія себя туземнымъ продовольствіемъ, скорѣе уменьшаетъ, чѣмъ увеличиваетъ вѣроятность этого обезпеченія, входя, относительно снабженія себя хлѣбомъ, въ торговыя сношенія со странами, пользующимися менѣе благопріятными условіями въ этомъ отношеніи. Вѣроятность эта несомнѣнно уменьшается еще болѣе, если страна, болѣе всего подверженная колебаніямъ, получаетъ возможность наводнять сосѣдей хлѣбомъ въ урожайные годы, оставляя за собой право удержать свой хлѣбъ дома, при малѣйшемъ опасеніи недостатка въ немъ, и именно въ такую минуту, когда сосѣдній народъ болѣе всего нуждается въ немъ *.

Въ пятыхъ, если народъ обладаетъ нетолько достаточно обширной територіей для содержанія, при настоящемъ состояніи его земледѣлія, народонаселенія, приличнаго для первостепеннаго государства, но територіей, неистощимое плодородіе которой даетъ право разсчитывать на большее еще населеніе, то это обстоятельство тѣмъ болѣе должно побуждать страну ограничить нѣкоторымъ стѣсненіемъ ввозъ иностраннаго хлѣба.

Страна, хотя бы плодородная и населенная, но воздѣланная до послѣдней степени совершенства, можетъ не имѣть

а ходячая, чаще всего встрѣчающаяся цѣна; она входитъ въ среднюю, и главнымъ образомъ, но не исключительно, опредѣляетъ ее. Еслибы даже признавалось болѣе существенное различіе между обычной цѣной и цѣной производства, тѣмъ неменѣе, та и другая ниже въ Испаніи, чѣмъ въ Англіи. Фр. перев.

* Оба эти обстоятельства существенно измѣняютъ предположеніе, на которое опирается вопросъ о свободномъ ввозѣ хлѣба, насколько предположеніе это примѣнимо къ каждому отдѣльному государству. Прим. автора.

другаго средства для размноженія своего населенія, кромѣ дозволенія ввоза иностраннаго хлѣба. Но Британскіе острова еще не обнаруживают никакого признака истощенія. Когда страна воздѣлана до послѣдней степени, то за этимъ неизбѣжно слѣдуетъ пониженіе дохода, доставляемаго землями, паденіе цѣны поземельной собственности, ослабленіе спроса на трудъ, скудная заработная плата и неподвижное народонаселеніе. Нѣкоторые изъ этихъ признаковъ, безъ сомнѣнія, могутъ обнаружиться и безъ истощенія почвы, но послѣднее непремѣнно сопровождается появленіемъ всѣхъ этихъ признаковъ. Признаки эти нетолько не обнаружились въ Великобританіи, но, напротивъ того, въ двадцатилѣтній періодъ до 1814 величина прибыли и процента увеличилась, спросъ на трудъ усилился, заработная плата держалась высоко, а населеніе размножалось, быть можетъ, быстрѣе, чѣмъ въ какую бы то ни было другую историческую эпоху этой страны. Капиталы, употребленные на обработку новыхъ земель и на улучшеніе другихъ, должны были приносить большую прибыль; въ противномъ случаѣ, по существовавшимъ размѣрамъ прибыли, они не направились бы къ земледѣлію. И хотя не подлежитъ сомнѣнію правило, что по мѣрѣ скопленія капиталовъ въ земледѣліи, доставляемая ими прибыль должна уменьшаться, тѣмъ неменѣе, вслѣдствіе улучшенія обработки и другихъ причинъ, обозначенныхъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, оба эти слѣдствія расширяющагося земледѣлія обнаруживаются не съ одинаковой скоростью. Хотя въ окончательномъ результатѣ они и должны слиться, и заключить собой прогрессивное движеніе, тѣмъ неменѣе, они нерѣдко могутъ идти порознь, отдѣленныя одно отъ другаго огромнымъ разстояніемъ на весьма значительные періоды времени. Въ нѣкоторыхъ странахъ и на нѣкоторыхъ почвахъ можетъ быть поглощено такое количество капиталовъ, прежде чѣмъ необходимо обнаружится существенное пониженіе прибыли, что трудно указать размѣры этихъ капиталовъ. Если посмотрѣть на то, что̀ дѣйствительно сдѣлано въ нѣкоторыхъ округахъ Англіи и Шотландіи, и сравнить полученные результаты съ тѣмъ, что̀ предстоитъ сдѣлать въ другихъ, то, ра-

зумѣется, нельзя не сознаться, что страна далеко не достигла еще этихъ предѣловъ. Высокая денежная цѣна труда и всѣхъ орудій производства (вызываемая отчасти прямыми и косвенными налогами, отчасти же и, быть можетъ, главнымъ образомъ, цвѣтущимъ состояніемъ внѣшней англійской торговли), затрудняетъ обработку новыхъ участковъ, и препятствуетъ широкому улучшенію обрабатывающихся земель, если только она не сопровождается высокой денежной цѣной хлѣба. Но земли, подвергнутыя обработкѣ или улучшенію, не оказались непроизводительными. Количество и цѣнность доставленныхъ ими произведеній вполнѣ соотвѣтствовали тому капиталу и тому труду, которые были приложены къ нимъ. Всѣ эти земли обрабатывались съ большой выгодой для частныхъ лицъ и для государства во все время существованія того же или почти того же отношенія между цѣнностью произведеній и стоимостью производства.

При такихъ свойствахъ почвы, британское государство несомнѣнно оказалось бы въ состояніи содержать собственными произведеніями нетолько настоящее свое населеніе, но двойное, а со временемъ, быть можетъ, и тройное количество жителей. На этомъ основаніи, стѣсненіе вывоза хлѣба, которое могло бы вызвать серьезныя возраженія въ странѣ, достигшей до крайняго предѣла развитія своихъ средствъ, представляется совершенно съ иной точки зрѣнія въ странѣ, которая можетъ прокормить произведеніями своей почвы быстро возрастающее населеніе.

Мнѣ замѣтятъ, что и допустивъ, что страна можетъ прокормить собственными средствами значительное и даже возрастающее населеніе, тѣмъ неменѣе справедливо, что если открытіемъ доступа иностранному хлѣбу, можно придать населенію болѣе сильное и болѣе быстрое движеніе, то нельзя оправдать мѣры, стремящейся остановить его естественное развитіе, и отказаться отъ богатства и приращенія числа жителей, предлагаемаго природой.

Такой аргументъ имѣетъ безспорно большое значеніе. И если согласиться съ его основаніями (все еще допускающими нѣкоторое сомнѣніе), то на него нельзя отвѣчать одними

только политико-экономическими соображеніями. Тѣмъ неменѣе, если не подлежитъ сомнѣнію, что достигнутое такимъ образомъ приращеніе населенія и богатства должно вызвать менѣе надежное снабженіе страны хлѣбомъ, причинить бо́льшія колебанія въ заработной платѣ, подвергнуть общество неблагопріятнымъ условіямъ относительно здоровья и нравственности (вслѣдствіе бо́льшаго, сравнительно, населенія, употребляемаго на фабрикахъ), наконецъ, если оно можетъ увеличить вѣроятность ретрограднаго движенія, продолжительнаго и унизительнаго, въ такомъ случаѣ я смѣло утверждаю, что приращеніе населенія и богатства покупаются слишкомъ дорогой цѣной. Какъ бы то ни было, но счастіе общества есть самая законная цѣль, которую должны имѣть въ виду даже богатство, могущество и размноженіе населенія, къ которымъ стремится общество. Не подлежитъ сомнѣнію, что если смотрѣть на общественное устройство, какъ на средство для полученія возможно большей суммы счастія, и какъ на достаточное побужденіе для извлеченія изъ почвы богатствъ, которыя могутъ быть доставлены ею, то къ земледѣльческому его населенію необходимо присоединить значительную часть населенія торговаго и фабричнаго. Но ни одинъ аргументъ не ведетъ такъ часто къ заблужденію, какъ заключеніе, что если какая либо вещь хороша въ извѣстныхъ границахъ, то она будетъ такъ же хороша и по переходѣ за эти границы. Нетрудно согласиться, что между великимъ земледѣльческимъ народомъ, неудобства, причиняемыя торговой и мануфактурной системой, болѣе чѣмъ вознаграждаются свойственными ей выгодами, пока онъ содержится собственнымъ земледѣліемъ. Что же касается до избыточнаго населенія, которое не можетъ быть прокормлено страной, то мы имѣемъ полное право опасаться, чтобы неудобства этой системы значительно не перевѣсили доставляемыхъ ею выгодъ.

Самъ Адамъ Смитъ замѣчаетъ, «что капиталы, скопляющіеся въ странѣ торговлею и промышленностью, представляютъ собою цѣнность случайную и весьма ненадежную, если нѣкорая часть ихъ не будетъ употреблена на обработку и на улучшеніе земель.»

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что монополія въ колоніальной торговлѣ, повышеніемъ прибылей, доставляемыхъ этой торговлей, препятствуетъ улучшенію почвы, и подрываетъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ народнаго богатства — поземельную ренту *.

Ни въ какую эпоху фабрики и торговля, въ особенности колоніальная, не поглощали въ Англіи такое количество капиталовъ, какъ въ двадцатилѣтній періодъ до 1814. Вообще всѣми принимается, что съ 1764 года до Амьенскаго мира торговая и мануфактурная дѣятельность страны сдѣлали бо̀льшіе успѣхи, чѣмъ ея земледѣліе, и что Англія постепенно впадала въ зависимость отъ привоза иностраннаго хлѣба, относительно своего продовольствія. Со времени Амьенскаго мира колоніальная ея торговля и фабрики поглотили огромное количество капиталовъ; и еслибы особенныя обстоятельства, вызванныя послѣдующей войной, высокіе фрахтовые и страховые расходы и распоряженія Бонапарта не затруднили ввоза иностраннаго хлѣба, и не подняли цѣны его до огромныхъ размѣровъ, то въ настоящее время, на основаніи общихъ законовъ, Англія пріучилась бы продовольствовать привознымъ хлѣбомъ болѣе значительную часть своего населенія, чѣмъ въ какую бы то ни было предшествовавшую эпоху. Земледѣліе ея находилось бы совершенно въ иномъ положеніи, противъ теперешняго. Мы мало или вовсе не встрѣчали бы въ ней тѣхъ широкихъ улучшеній, о которыхъ мы имѣемъ полное право сказать, что они доставили государству новыя земли, которыя отнынѣ не могутъ быть отняты у него никакимъ паденіемъ цѣны хлѣба; между тѣмъ какъ съ другой стороны, миръ и различнаго рода случайныя обстоятельства могли бы существенно уменьшить наши колоніальныя и мануфактурныя средства, уничтожить или разсѣять наши капиталы, прежде чѣмъ они уйдутъ въ почву, и обратятся въ дѣйствительную и надежную собственность народа.

Въ сущности, стѣсненія, которыя на практикѣ препятствовали во время войны ввозу иностраннаго хлѣба въ Англію,

* Кн. III, гл. IV, 2 т. стр. 222, и Кн. IV, гл. VII.

побудили ея паровыя машины и колоніальную торговлю обратиться къ земледѣлію; такъ что, тѣ самыя причины, которыя, по мнѣнію Адама Смита, отрываютъ капиталы отъ земледѣлія и которыя непремѣнно оказали бы такое дѣйствіе, еслибы Англія могла покупать иностранный хлѣбъ по рыночнымъ цѣнамъ Франціи и Голландіи, дали благотворный толчекъ англійскому земледѣлію: послѣднее нетолько шло рука объ руку съ быстрымъ развитіемъ торговли и фабрикъ, но воротило, потери, понесенныя имъ въ предшествующую эпоху, и въ настоящее время идетъ рядомъ съ соперничествующими съ нимъ отраслями производительности страны.

Вотъ какимъ образомъ стѣсненіе ввоза иностраннаго хлѣба въ страну, изобилующую земледѣльческими средствами, стремится разбросать по ея территоріи выгоды, доставляемыя ей торговлей и фабриками, и тѣмъ самымъ, выражаясь языкомъ Адама Смита, закрѣпить и реализировать ихъ. Но оно, сверхъ того, стремится предупредить тѣ сильныя колебанія въ успѣхахъ земледѣлія и торговли, которыя рѣдко не сопровождаются народными бѣдствіями.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду весьма важнаго замѣчанія, что бѣдствія, испытанныя почти всѣми классами общества, вслѣдствіе внезапнаго паденія цѣнъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя причинены были состояніемъ монеты, вызваны были естественными, а не искуственными причинами.

Въ движеніи земледѣлія и мануфактурной производительности встрѣчаются такія же перемежки, какъ и въ приращеніи продовольствія и народонаселенія. Въ мирныя эпохи и въ періоды непрерывающейся торговли, перемежки эти, хотя и нисколько не благопріятныя для благоденствія и для спокойствія, могутъ не причинять существеннаго вреда. Но по наступленіи войны, перемежки эти нерѣдко сопровождаются такою неожиданностью и такимъ напряженіемъ, что неизбѣжно производятъ въ состояніи собственности жестокое растройство или родъ потрясенія.

Война, слѣдовавшая за Амьенскимъ миромъ, застала Англію въ состояніи зависимости отъ иностранныхъ земель относительно значительной части потребляемаго ею хлѣба; а въ

настоящее время она продовольствуетъ себя собственными средствами, несмотря на чрезвычайное приращеніе своего населенія въ этотъ промежутокъ времени. Эта огромная и внезапная перемѣна въ англійскомъ земледѣліи могла быть произведена только вліяніемъ высокихъ цѣнъ, вызванныхъ недостаткомъ туземнаго хлѣба, вмѣстѣ съ значительными тратами и большими затрудненіями, сопровождавшими ввозъ иностраннаго хлѣба. Быстрота, съ которою произведена была эта перемѣна, необходимо должна была вызвать чрезмѣрное переполненіе рынка, какъ только туземнаго хлѣба стало доставать вполнѣ, и даже превышать потребленіе страны. Такое снабженіе, при слабомъ ввозѣ, должно было неизбѣжно причинить внезапное пониженіе цѣнъ. Еслибы порты были открыты для иностраннаго хлѣба, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1815 цѣна хлѣба упала бы еще ниже. Такое пониженіе цѣны хлѣба (даже при предположеніи, что пониженіемъ поземельной ренты можно будетъ поддержать настоящее положеніе земледѣлія), должно оказать такое препятствіе для улучшенія земледѣлія въ будущемъ, что еслибы порты и остались открыты, страна все же не произведетъ достаточнаго количества хлѣба для прокормленія возрастающаго населенія. А чрезъ десять или двѣнадцать лѣтъ новая война застала бы Англію въ такомъ же положеніи, въ какомъ она находилась передъ послѣдней. Ей предстояло бы снова пройти прежнимъ путемъ дороговизны, чрезвычайнаго возбужденія земледѣлія *, за которымъ слѣдовало бы такое же тягостное и внезапное его паденіе, тѣ же громадные займы, заключенные въ то время, когда пшеница стоила до 90 или до 100 шиллинговъ за квартеръ, когда положеніе фермера и работника обезпечивалось только при цѣнѣ его въ 50 и 60 шиллинговъ за квартеръ, а доходъ собственниковъ и фабрикантовъ до нельзя пони-

---

* Изъ отчета, представленнаго въ палату лордовъ (*Reports*, стр. 49), одни расходы по перевозкѣ и по страхованію хлѣба въ 1811 превышали такіе же расходы въ 1814 году на 48 шиллинговъ на квартеръ. Стало быть, одна война, помимо какой бы то ни было искуственной мѣры, можетъ, повидимому, неотвратимо вызвать ужасающую дороговизну хлѣба. Прим. автора.

зился, то есть, такой порядокъ вещей, который неизбѣжно сопровождается чрезвычайнымъ затрудненіемъ въ уплатѣ налоговъ и въ особенности той неизмѣнной денежной суммы, которая составляетъ проценты на государственный долгъ.

Съ другой стороны, страна, ограничивающая ввозъ иностраннаго хлѣба такими стѣсненіями, которыя, говоря вообще, побуждаютъ ее производить, среднимъ числомъ, достаточное количество продовольствія для своего потребленія, и обращаться къ иностранному хлѣбу только въ случаѣ неурожая у себя дома, нетолько можетъ быть увѣрена, что вкладываетъ въ свои земли выгоды, доставляемыя ей мануфактурными изобрѣтеніями и вообще всѣми отраслями ея торговли, что закрѣпляетъ ихъ и ставитъ внѣ зависимости отъ какихъ либо случайностей, но непремѣнно предохраняетъ себя отъ тѣхъ жестокихъ и сильныхъ потрясеній въ собственности, которыя составляютъ неизбѣжное слѣдствіе совпаденія такихъ бѣдствій, какъ война и недостаточный запасъ туземнаго продовольствія.

Еслибы послѣдняя война застала Англію внѣ зависимости отъ иностранцевъ, относительно средняго ея потребленія, то даже огромное количество ея бумажныхъ денегъ не могло бы возвысить цѣны хлѣба до того уровня, до котораго она достигла въ настоящее время*. А еслибы страна эта находилась внѣ зависимости отъ иностраннаго хлѣба во все продолженіе войны, за исключеніемъ неурожайныхъ годовъ, то достаточное или почти достаточное для потребленія производство его не могло бы вызвать, по окончаніи войны, такого всеобщаго сознанія о бѣдственномъ положеніи всей страны.

Главное возраженіе противъ стѣсненій ввоза хлѣба состоитъ въ томъ, что въ случаѣ изобилія хлѣба, въ урожайный годъ, избытокъ его не можетъ быть вывезенъ изъ страны. При изслѣдованіи вопроса съ точки зрѣнія, имѣющей вліяніе на

---

* Изслѣдованіе цѣнъ хлѣба въ Англіи показываетъ, что онѣ скорѣе содѣйствовали увеличенію или уменьшенію бумажныхъ денегъ въ ней, чѣмъ слѣдовали за ними, хотя цѣны на хлѣбъ никогда не могли бы ни подыматься, ни падать до такой степени, еслибы не было этого увеличенія или уменьшенія бумажныхъ денегъ. Прим. автора.

колебаніе цѣнъ хлѣба, возраженіе это представляетъ большой вѣсъ; но это вліяніе нерѣдко крайне преувеличивалось. Чрезвычайный урожай, который разоритъ фермеровъ бѣдной страны, можетъ быть перенесенъ безъ труда фермерами страны богатой. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы народъ, обладающій большими капиталами и кредитомъ, обезпеченнымъ отъ всякаго потрясенія (какое испытала, напримѣръ, англійская торговля въ 1815), встрѣтилъ бы особенное затрудненіе въ сохраненіи избытка жатвы одного года, которымъ онъ можетъ пополнить недоборъ слѣдующаго или одного изъ будущихъ годовъ. Мы имѣемъ полное право усумниться, чтобы въ такой странѣ, какъ Англія, пониженіе цѣны хлѣба, вызванное такою причиной, могло быть столь же значительно, какъ пониженіе, которое можетъ быть вызвано внезапнымъ наводненіемъ страны хлѣбомъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго урожая вообще во всей Европѣ, и въ особенности, въ странахъ, неимѣющихъ обыкновенія производить правильные вывозы своего хлѣба. Еслибы наши порты были постоянно открыты, то французскіе законы настоящаго времени оказали бы противудѣйствіе запасамъ, которые могли бы уравнять цѣны; французскій хлѣбъ привозился бы въ значительномъ количествѣ въ Англію неиначе, какъ только въ самые урожайные годы, то есть, въ то время, когда мы менѣе всего нуждались бы въ немъ, и когда ввозъ его вѣроятно причинилъ бы рѣшительное переполненіе рынка этимъ товаромъ *.

Но, при предположеніи, что между паденіемъ цѣнъ отъ той или отъ другой причины нѣтъ существеннаго различія, и такъ какъ въ года всеобщаго неурожая цѣны подымаются менѣе въ странахъ, производящихъ необходимое количество хлѣба для своего потребленія, то нельзя не согласиться, что колебанія должны быть менѣе значительны при системѣ ограниченнаго ввоза, которая, допуская въ страну хлѣбъ, когда цѣны

* Всѣ почти торговцы хлѣбомъ, призывавшіеся въ комитетъ обѣихъ палатъ въ 1814, какъ бы предчувствовали паденіе цѣнъ на хлѣбъ въ случаѣ обильнаго урожая въ Европѣ, если Англія допуститъ безусловно свободный доступъ въ страну иностраннаго хлѣба.

Прим. автора.

на него поднимаются, въ обыкновенные годы обезпечиваетъ за страной количество продовольствія, равное ея потребленію.

Намъ остается разобрать еще одно возраженіе. Стѣсненія представляются мѣрами въ высшей степени противуобщественными. Я не сомнѣваюсь, что извѣстное стѣсненіе ввоза иностраннаго хлѣба можетъ оказаться выгоднымъ для каждаго отдѣльнаго государства; но я еще болѣе убѣжденъ, что для всей Европы вообще выгоднѣе всего была бы полнѣйшая свобода торговли хлѣбомъ, какъ и всякимъ другимъ товаромъ. За такой свободой неизбѣжно послѣдовало бы болѣе естественное и болѣе равномѣрное распредѣленіе капиталовъ; вслѣдствіе чего, благосостояніе и успѣхи вообще этой части свѣта непремѣнно увеличились бы. Но нѣкоторыя отдѣльныя части ея, вслѣдствіе такого порядка явленій, несомнѣнно стали бы болѣе бѣдны и менѣе населены противъ теперешняго; а потому, нельзя предположить, чтобы независимыя государства согласились пожертвовать благосостояніемъ, которымъ они пользуются въ настоящихъ своихъ предѣлахъ, благосостоянію цѣлаго міра.

Слѣдуетъ замѣтить еще, что и независимо отъ всякаго прямаго постановленія, уже однѣ пошлины производятъ неблагопріятное дѣйствіе, существенно искажающее естественныя отношенія между всѣми товарами; а какъ нельзя надѣяться на отмѣну пошлинъ, то легко можетъ случиться, что эти естественныя отношенія могутъ быть возстановлены только посредствомъ какого либо новаго вмѣшательства.

Итакъ, совершенная свобода торговли есть иллюзія, отдаленный идеалъ, на осуществленіе котораго нельзя надѣяться; но не должно упускать его изъ виду, и слѣдуетъ приближаться къ нему, насколько это возможно. На свободу торговли слѣдуетъ смотрѣть, какъ на общее правило, и если кто предлагаетъ мѣру, удаляющуюся отъ нея, то долженъ ясно показать побужденія, которыя бы оправдывали такое исключеніе.

ГЛАВА XIII. — О вліяніи возрастанія народнаго богатства на судьбу бѣдныхъ.

Адамъ Смитъ положительно заявилъ, что предметъ его *Изслѣдованій* состоитъ въ опредѣленіи природы и причинъ богатства народовъ. Но нерѣдко онъ примѣшиваетъ къ нему замѣчанія, касающіяся вопроса, быть можетъ, еще болѣе интереснаго; я разумѣю изслѣдованіе причинъ, оказывающихъ вліяніе на благосостояніе низшихъ классовъ общества, всегда представляющихъ многочисленнѣйшее большинство между великими народами. Оба эти предмета безспорно находятся въ тѣсной связи, такъ что мы можемъ сказать вообще, что причины, увеличивающія народное богатство, стремятся увеличить благосостояніе низшихъ классовъ народа *. Тѣмъ неменѣе, Адамъ Смитъ, быть можетъ, менѣе отличалъ оба эти изслѣдованія, чѣмъ насколько они отличаются въ дѣйствительности. По крайней мѣрѣ онъ не указываетъ на случаи, когда богатство общества можетъ возрастать (придавая слову богатства смыслъ, вытекающій изъ его опредѣленія), нисколько не увеличивая благосостоянія рабочихъ классовъ этого общества.

Я вовсе не имѣю въ виду вступать въ настоящемъ случаѣ въ философскія разсужденія о счастіи и объ элементахъ, его составляющихъ. Я ограничусь изслѣдованіемъ только двухъ, всѣми признанныхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ состоитъ въ возможности добыть себѣ все, необходимое для жизни, а другой — въ здоровьи.

---

* Нетрудно замѣтить, что Мальтусъ просто и ясно опредѣляетъ въ настоящемъ случаѣ цѣль и прямую задачу экономическихъ изслѣдованій, разрѣшающихся непремѣнно, если они не отклоняются отъ пути, указываемаго имъ наукой и истиной, въ улучшеніи судьбы бѣднѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ классовъ общества. Изъ этого параграфа, какъ и изъ множества другихъ мѣстъ его сочиненія, можно видѣть, какъ близко принималъ къ сердцу этотъ благородный человѣкъ счастіе этихъ классовъ, и какъ неосновательны, нелѣпы и несправедливы нападки людей, упрекавшихъ его въ жестокости и въ фатализмѣ. Гарнье.

Довольство работника зависитъ отъ капиталовъ, предназначающихся на приведеніе въ дѣятельность труда, и потому, оно должно соотвѣтствовать вообще той быстротѣ, съ которою скопляются эти капиталы. Спросъ на трудъ, вызываемый скопленіемъ капиталовъ, не можетъ не повышать заработной платы. Поэтому, пока не будетъ увеличено число работниковъ, до тѣхъ поръ обстоятельство это служитъ въ пользу работниковъ, уже употребленныхъ въ дѣло. Ошибка Адама Смита состоитъ въ томъ, что онъ принимаетъ всякое увеличеніе доходовъ или запасовъ общества за капиталы, предназначающіеся для содержанія труда. На такое приращеніе всякій, обладающій имъ человѣкъ смотримъ, правда, какъ на добавочный капиталъ, которымъ онъ можетъ привести въ дѣятельность новое количество труда; но, по отношенію ко всей странѣ, его можно принимать за условіе для новаго труда въ такой только степени, въ какой приращеніе это состоитъ въ продовольствіи, которымъ можно содержать большее число работниковъ. Но этого быть не можетъ, если приращеніе капиталовъ произведено однимъ только трудомъ, безъ участія въ немъ производительности земли. Въ этомъ случаѣ необходимо различать количество рукъ, которое можетъ быть занято капиталомъ общества, отъ числа работниковъ, какое можетъ быть прокормлено территоріей.

Адамъ Смитъ опредѣляетъ богатство государства годовымъ производствомъ почвы и его труда. Опредѣленіе это очевидно охватываетъ, какъ произведенія фабрикъ, такъ и произведенія земли. Предположимъ теперь, что впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду народъ сберегаетъ часть своего годоваго дохода, и постоянно присоединяетъ ее къ капиталу, предназначенному на содержаніе своихъ фабрикъ, не отдѣляя никакой части его къ капиталу, употребляемому имъ для земледѣлія: такой народъ очевидно сдѣлается богаче, придавая этому слову вышеупомянутое значеніе, хотя онъ и не будетъ въ состояніи прокормить большее число работниковъ, а потому, хотя бы для него и не послѣдовало никакого увеличенія въ дѣйствительномъ капиталѣ, предназначающемся для приведенія въ дѣятельность труда. Вслѣдствіе увеличе-

нія фабричнаго капитала, спросъ на трудъ существовалъ бы тѣмъ неменѣе, и этотъ спросъ поднялъ бы величину заработной платы. Но если годовой запасъ продовольствія не увеличится въ то же самое время, то повышеніе заработной платы вскорѣ окажется чисто нарицательнымъ, ибо въ такомъ же размѣрѣ необходимо подымется и цѣна хлѣба. Спросъ на фабричныхъ работниковъ, который ежегодно станетъ возрастать въ такомъ случаѣ, вѣроятно побудитъ нѣкоторое число прислуги, а быть можетъ, и часть людей, занимавшихся земледѣліемъ, обратиться къ фабричной промышленности. Но потери, которыя понесетъ, вслѣдствіе этого, земледѣліе, вѣроятно будутъ вознаграждены улучшеніемъ земледѣльческихъ орудій и способовъ обработки, такъ что количество продовольствія, ежегодно производимое страной, останется почти неизмѣннымъ. Но и машины, употребляемыя на фабрикахъ, несомнѣнно будутъ значительно улучшены. Обстоятельство это, вмѣстѣ съ большимъ числомъ рукъ, употребляемымъ на фабрикахъ, значительно увеличитъ годовое производство труда всей страны. Поэтому, богатство страны, придавая ему общепринятое значеніе, станетъ ежегодно увеличиваться, и можетъ возрастать весьма быстро *.

Вопросъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы узнать, до какой степени возрастающее въ такомъ смыслѣ богатство мо-

---

* Предполагаемый мною случай мало вѣроятенъ между народомъ, обладающимъ обширной территоріей, но подходящіе къ нему примѣры, быть можетъ, и не такъ рѣдки. Предлагая его, я исключительно имѣлъ въ виду показать, что капиталы, предназначенные для приведенія въ дѣятельность труда, могутъ возрастать вовсе не въ размѣрахъ увеличенія количества произведеній, доставляемыхъ почвой; напротивъ того, можетъ случиться, что при томъ же возрастаніи производства, работникъ будетъ испытывать большее или меньшее довольство, смотря по тому, земледѣліемъ или фабриками будетъ вызвано это усилившееся производство. Если предположить, что нѣтъ физической возможности увеличить количество продовольствія въ какой либо странѣ, то вслѣдствіе улучшенія машинъ страна эта съ каждымъ годомъ будетъ становиться богаче мѣновой цѣнностью ея фабричнаго производства, но рабочіе классы ея, получающіе лучшую одежду и лучшее помѣщеніе, будутъ довольствоваться пищей худшаго достоинства. Прим. автора.

жетъ способствовать улучшенію положенія бѣдныхъ. Всякое повышеніе заработной платы вообще, несопровождающееся увеличеніемъ количества продовольствія, представляется очевидно только нарицательнымъ повышеніемъ, ибо за нимъ непремѣнно должно послѣдовать соотвѣтствующе повышеніе въ цѣнѣ продовольствія. Поэтому, вытекающее изъ сдѣланнаго нами сей часъ предположенія увеличеніе заработной платы можетъ и не облегчить бѣдному работнику возможности пріобрѣтенія необходимыхъ для жизни предметовъ. Положеніе его останется въ этомъ отношеніи почти неизмѣннымъ; въ другихъ же отношеніяхъ оно ухудшится. Число фабричныхъ работниковъ увеличится, число земледѣльческихъ уменьшится. Я полагаю, всякій согласится, что перемѣна эта будетъ гибельна для работниковъ, ибо она неблагопріятна для ихъ здоровья, представляющаго безспорно существенную необходимость для счастія. Она будетъ для нихъ гибельна, сверхъ того, неизвѣстностью фабричныхъ заказовъ, обусловливаемою капризнымъ вкусомъ публики, потребляющей мануфактурныя издѣлія, военными случайностями и другими причинами, приводящими по временамъ низшіе классы народа къ крайне бѣдственное положеніе. На этотъ счетъ я позволю себѣ въ настоящемъ мѣстѣ привести параграфъ изъ описанія окрестностей Манчестера докторомъ Айкиномъ:

«Изобрѣтеніе и усовершенствованіе машинъ, сокращающихъ работу, содѣйствовали въ высшей степени распространенію нашей торговли и привлеченію отовсюду рабочихъ, въ особенности дѣтей, къ бумагопрядильному производству. По мудрымъ законамъ Провидѣнія, въ жизни нашей бѣдствія идутъ рука объ руку съ благополучіемъ. Примѣромъ этому служатъ бумагопрядильныя и другія машины. Причиняемыя ими бѣдствія останавливаютъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ размноженіе населенія, слѣдующее обыкновенно вслѣдъ за облегченіемъ работы. Къ труду призываются дѣти съ самаго нѣжнаго возраста. Наибольшее число ихъ поставляется лондонскими и вестминстерскими рабочими домами. Подъ видомъ учениковъ, ихъ приводятъ цѣлыми толпами къ мастерамъ изъ за нѣсколькихъ сотенъ миль. Тутъ они

работаютъ никому неизвѣстные, лишенные всякаго покровительства, забытые тѣми, чьей заботливости подлежатъ они по божескимъ и человѣческимъ законамъ. Обыкновенно дѣти эти работаютъ слишкомъ долго въ тѣсныхъ и закрытыхъ помѣщеніяхъ, нерѣдко въ продолженіи цѣлой ночи. Они дышатъ воздухомъ, испорченнымъ масломъ, которымъ смазываются машины, или какою либо иной причиной. Содержатся они въ высшей степени неопрятно. Они слабѣютъ, и губятся болѣзнями, пораждаемыми частымъ переходомъ изъ теплой и сырой въ холодную атмосферу; они гибнутъ отъ эпидемическихъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ на всѣхъ многолюдныхъ фабрикахъ. Сверхъ того, не подлежитъ сомнѣнію, что условія, окружающія первые годы жизни дѣтей, крайне вредны и для всего общества. Дѣти эти становятся вообще слабосильны для механической работы, и по окончаніи обученія, оказываются неспособны ни на какой трудъ. Дѣвочки не умѣютъ ни шить, ни вязать, ни вести хозяйство, и вовсе неспособны быть ни хорошими женами, ни хорошими матерями. Это большое несчастіе, какъ для дѣтей, такъ и для всего общества, какъ это слишкомъ доказывается сравненіемъ семействъ земледѣльческихъ и фабричныхъ работниковъ. Первыя отличаются порядочностью, опрятностью, довольствомъ; вторыя—грязью, лохмотьями и нищетой. А между тѣмъ, фабричные работники нерѣдко получаютъ вдвое бо̀льшую заработную плату противъ земледѣльцевъ. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить, что отсутствіе религіознаго воспитанія и хорошихъ примѣровъ для подражанія въ нѣжномъ возрастѣ, вмѣстѣ со скученіемъ дѣтей безъ всякаго разбору въ одномъ помѣщеніи, вызываетъ въ нихъ привычки, мало пригодныя для добродѣтели.»

Помимо бѣдствій, описанныхъ въ этомъ параграфѣ, всѣмъ извѣстно, въ какой зависимости находятся фабрики отъ своенравія моды или отъ военныхъ случайностей. Спитальфильдскіе работники приведены были въ нищету, когда кисейныя матеріи заняли мѣсто шелковыхъ. Шефильдскіе и Бирмингамскіе работники оставались нѣкоторое время безъ работы, когда стали носить шнурки и пуговицы, обтянутыя матеріей,

вмѣсто металическихъ пряжекъ и пуговицъ. Англійскія фабрики, взятыя въ ихъ совокупности, сдѣлали чрезвычайные успѣхи, но въ частности, нѣкоторыя изъ нихъ упали; и гдѣ случилось это, тамъ приходы обременены бѣдными, доведенными до самаго жалкаго положенія. Изъ сочиненія доктора Айкина видно, что отъ Рожества 1793 до Рожества 1794, въ спискахъ коллегіальной церкви въ Манчестерѣ встрѣчается уменьшеніе числа браковъ на 168, болѣе 538 крещеній и 250 погребеній. Въ близлежащемъ Рочдальскомъ приходѣ уменьшеніе представляетъ еще болѣе печальную картину, если принять во вниманіе меньшее его населеніе. Въ 1792 году въ немъ было 746 рожденій, 646 погребеній и 339 браковъ, а въ 1794 мы встрѣчаемъ 373 рожденія, 671 погребеніе и 199 браковъ. Причина такого внезапнаго уменьшенія населенія была вновь открывшаяся война и паденіе кредита. Только крайняя нищета могла вызвать такое ужасное бѣдствіе *.

Итакъ, если увеличеніе народнаго богатства, вызываемое фабриками, не обезпечиваетъ за низшими классами возможности имѣть все необходимое, и не доставляетъ имъ даже нѣкоторой степени довольства, то оно, повидимому, не можетъ, возвысить ихъ благосостоянія.

Быть можетъ, мнѣ возразятъ, что возвышеніе цѣны на хлѣбъ не можетъ не направить къ земледѣлію нѣкоторой части вновь скопленныхъ капиталовъ. Но, судя по опыту, если это и можетъ случиться, то съ крайней медленностью, въ особенности, если въ эпоху этого повышенія земледѣліе обремено высокими пошлинами, и если ей предшествовало повышеніе заработной платы **.

Быть можетъ, мнѣ сдѣлаютъ еще одно возраженіе, что

---

* Айкинъ замѣчаетъ, что приняты были мѣры для отстраненія этого бѣдствія, и что онѣ были успѣшны на нѣкоторыхъ фабрикахъ. Съ такою же цѣлью издано было недавно парламентское постановленіе, отъ котораго ожидаютъ благотворныхъ послѣдствій,

Прим. автора.

** Поземельный налогъ составляетъ ничтожнѣйшую часть пошлинъ, обременяющихъ земледѣліе въ Англіи, какъ это можно видѣть изъ сочиненія Вен. Белля *О неурожаяхъ*. Фран. перев.

вновь скопляемый страною капиталъ даетъ ей возможность закупать хлѣбъ за границей для продовольствованія тѣхъ работниковъ, которые призываются имъ къ дѣятельности. Небольшая страна, обладающая многочисленнымъ торговымъ флотомъ, обильными перевозочными средствами и хорошими внутренними сообщеніями, дѣйствительно можетъ ввести къ себѣ и развести по странѣ иностранный хлѣбъ, и тѣмъ пополнить недостатокъ собственнаго своего производства; но народы, занимающіе обширную территорію, не могутъ утѣшать себя надеждой, что имъ во всякое время удастся удовлетворить ввозомъ иностраннаго хлѣба требованія своего населенія*.

На послѣдствія такого рода зависимости при различныхъ обстоятельствахъ не обращалось должнаго вниманія. Многочисленное населеніе, разсѣянное по обширной территоріи, и потому, вынужденное продовольствоваться произведеніями собственной почвы, но тѣмъ неменѣе получающее въ годы средняго урожая небольшое количество всего потребляемаго имъ хлѣба изъ за границы, находится въ менѣе надежномъ положеніи относительно этого недостающаго ему продовольствія, чѣмъ народы, получающіе изъ чужихъ земель все, потребляемое ими количество хлѣба. Требованія Голландіи и Гамбурга могутъ быть предвидѣны впередъ съ приблизительною точностью людьми, обыкновенно снабжающими ихъ хлѣбомъ. Если требованія эти и возрастаютъ, то всегда постепенно. Они не испытываютъ изъ году въ годъ значительныхъ и

---

* Вен. Белль подробно опровергаетъ мнѣніе, противъ котораго Мальтусъ высказывается мимоходомъ. Между множествомъ приводимыхъ имъ полновѣсныхъ доводовъ, я ограничусь аргументомъ, приписываемымъ имъ Фохту изъ Гамбурга: «Принимая, говоритъ онъ на стр. 147, населеніе Франціи, о которомъ идетъ рѣчь, въ 25 мильоновъ душъ, положимъ, что внезапный неурожай потребуетъ запаса хлѣба только на восьмую часть этого населенія: мы имѣемъ право утверждать, что избытка хлѣба, сберегаемаго всѣми земледѣльческими странами Европы и Африки, будетъ недостаточно для удовлетворенія подобнаго требованія, а количество кораблей, какое только можетъ снарядить Франція, не будетъ въ состояніи перевести этотъ хлѣбъ.» Фр. перев.

внезапныхъ колебаній. Совсѣмъ иное случается съ такою страной, какъ Англія. Положимъ, что въ годы средняго урожая страна эта нуждается въ 400,000 квартерахъ пшеницы. Такое требованіе можетъ быть удовлетворено безъ труда. Но въ случаѣ неурожая, требованіе это можетъ возрасти разомъ до 2,000,000 квартеровъ. Такое значительное требованіе, еслибы оно было постоянно, быть можетъ, было бы удовлетворено обширными странами, имѣющими обыкновеніе отпускать свой хлѣбъ за границу; но нельзя надѣяться, чтобы страны эти доставили такое количество хлѣба по требованію неожиданному. И дѣйствительно, мы знаемъ по опыту, что такое требованіе со стороны народа, который въ состояніи заплатить за его исполненіе, не можетъ быть удовлетворено безъ сильнаго повышенія цѣны хлѣба во всѣхъ европейскихъ портахъ. Въ Гамбургѣ, Голландіи и въ Балтійскихъ портахъ отразились высокія цѣны хлѣба въ Англіи во время послѣдней дороговизны *; и мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что цѣна хлѣба въ Нью-Іоркѣ не была значительно дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ.

Народъ, обладающій весьма обширной территоріей, неизбѣжно подвергается неизвѣстности, относительно средствъ своего существованія, когда торговое его населеніе численностью своей равняется земледѣльческому населенію, или превосходитъ его; ибо, такъ какъ онъ не заготовляетъ для отпуска за границу хлѣба, которымъ, въ случаѣ надобности, онъ могъ бы самъ воспользоваться, то всякій недоборъ въ въ неурожайный годъ ставитъ его въ затруднительное положеніе. Богатства его могутъ доставить ему возможность поддержать на нѣкоторое время нарицательную цѣну заработной платы **, такъ что низшіе классы будутъ въ состояніи заплатить за привозный хлѣбъ по той возвышенной цѣнѣ, до которой онъ достигнетъ; но такъ какъ внезапное требо-

---

* Дороговизна эта была преимущественно въ 1800 и 1801.

** То есть, денежную величину ея, весьма основательно называемую нарицательной цѣной, такъ какъ, вслѣдствіе соотвѣтствующаго повышенія цѣны продовольствія, работникъ не получаетъ отъ увеличенія своей заработной платы никакой выгоды. Фр. перев.

ванiе можетъ быть вполнѣ удовлетворено только съ трудомъ, то соперничество непремѣнно должно поднять цѣну продовольствiя до уровня заработной платы. Вслѣдствiе этого, положенiе низшихъ классовъ почти нисколько не улучшится, а дороговизна будетъ источникомъ бѣдствiй для всѣхъ классовъ общества.

По естественнымъ законамъ природы, всѣ народы, обладающiе сколько нибудь обширной територiей, непремѣнно испытываютъ по временамъ неурожаи. Поэтому, при нашихъ изслѣдованiяхъ, мы необходимо должны принимать ихъ въ соображенiе. Мы не имѣемъ права считать обезпеченнымъ благосостоянiе страны, которую одна неудовлетворительная жатва можетъ лишить значительной части запасовъ, предназначающихся для приведенiя въ дѣятельность ея труда.

Но выкинемъ на время изъ нашихъ соображенiй неурожайные годы. Когда торговое населенiе страны возрастаетъ въ такой степени, что для прокормленiя его нетолько оказывается недостаточнымъ избытокъ, получаемый собственнымъ земледѣлiемъ, но и затрудняется пополненiе недостатка посредствомъ ввоза; когда, вслѣдствiе этого, цѣна хлѣба въ ней подымается въ размѣрахъ повышенiя заработной платы, то возрастанiе ея народнаго богатства оказывается безсильнымъ для доставленiя ея рабочему населенiю новыхъ средствъ для прiобрѣтенiя необходимыхъ предметовъ для жизни. Въ движенiи народнаго богатства такой моментъ, или такая граница составляютъ естественный результатъ дѣйствiя различныхъ причинъ: увеличенiя недостающаго количества хлѣба; бо̀льшей отдаленности мѣстъ, пополняющихъ этотъ недостатокъ, а потому, и увеличенiя расходовъ по перевозкѣ; увеличившагося потребленiя хлѣба въ странахъ, изъ которыхъ онъ обыкновенно получается; главнымъ же образомъ, — необходимости получать его изъ болѣе отдаленныхъ внутреннихъ мѣстностей этихъ странъ, изъ которыхъ доставка его къ портамъ становится все болѣе убыточной. Народъ, достигшiй до такого положенiя, увеличенiемъ своего трудолюбiя, непрерывнымъ усовершенствованiемъ машинъ, можетъ ежегодно усиливать производство своихъ фабрикъ, но капиталы его, пред-

назначенные на содержаніе труда и на размноженіе народонаселенія, могутъ находиться безусловно въ неподвижномъ состояніи. Положеніе это служитъ естественнымъ предѣломъ для народонаселенія всѣхъ государствъ, исключительно занимающихся торговлей *. Въ странахъ, далеко не достигшихъ еще до этого предѣла, можно замѣтить описанное мною дѣйствіе всякій разъ, какъ развитіе ихъ торговли и фабрикъ опередитъ развитіе ихъ земледѣлія. Въ послѣднія десять или двѣнадцать лѣтъ Англія сдѣлала несомнѣнно быстрые успѣхи въ земледѣліи и промышленности. Вслѣдствіе этого, нарицательная величина заработной платы сильно поднялась въ ней; но дѣйствительное вознагражденіе работника, хотя и увеличилось, но не въ такихъ же размѣрахъ.

Мы сказали, что не на всякое возрастаніе капиталовъ или доходовъ народа можно смотрѣть, какъ на увеличеніе капиталовъ, предназначающихся на содержаніе труда, и потому, не всякое увеличеніе народнаго богатства оказываетъ одинакое дѣйствіе на судьбу бѣдныхъ. Это подтверждается поразительнымъ образомъ состояніемъ Китая.

Адамъ Смитъ замѣчаетъ, что Китай, по всей вѣроятности, съ давнихъ уже временъ пользуется благосостояніемъ, какое только возможно при его учрежденіяхъ и законахъ; но если измѣнить послѣдніе, обратиться къ внѣшней торговлѣ и окружить занятіе это почетомъ, въ которомъ ему отказываютъ, то Китай могъ бы сдѣлаться несравненно богаче. Вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы узнать, послужитъ ли возрастаніе богатства, вызванное такими перемѣнами, къ увеличенію дѣйствительныхъ запасовъ, предназначающихся для приведенія въ дѣятельность труда; то есть, послѣдуетъ ли какое либо улучшеніе въ печальномъ положеніи низшихъ классовъ народа въ Китаѣ.

* Sir James Stevart's *Political OEconomy*, т. I, стр. 119. Голландія вѣроятно почти достигла, предъ революціей, до этого предѣла, нестолько вслѣдствіе затрудненія въ снабженіи себя заграничнымъ хлѣбомъ, сколько вслѣдствіе тяжелыхъ налоговъ на предметы первой необходимости. Въ настоящую минуту всѣ европейскіе народы, обладающіе обширной територіей, еще далеко отстоятъ отъ этого предѣла. Прим. автора.

Еслибы торговля, внутренняя, какъ и внѣшняя, внезапно сдѣлалась бы въ Китаѣ занятіемъ почетнымъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что, вслѣдствіе огромнаго числа работниковъ и низкой заработной платы, страна эта получила бы возможность продавать иностранцамъ несмѣтное количество мануфактурныхъ издѣлій; столь же несомнѣнно, что ввозъ ея не могъ бы значительно увеличить всей массы ея продовольствія. Это вытекаетъ изъ обширности ея территоріи и огромнаго количества потребляемаго ею хлѣба. Поэтому, она могла бы обмѣнять несмѣтное количество своихъ фабричныхъ издѣлій только на предметы роскоши, которые она получала бы изъ всѣхъ странъ міра. При настоящемъ своемъ состояніи, она не сберегаетъ никакой части труда для усиленнаго производства хлѣба. Страна населена больше, чѣмъ сколько позволяютъ ея средства, и потому, въ ней существуетъ такое предложеніе труда, что сокращеніе его рѣшительно безполезно. Такой порядокъ вещей вѣроятно способствуетъ полученію наибольшаго количества продовольствія, какое только можетъ быть доставлено почвой. И въ самомъ дѣлѣ, пріемы, способные сократить земледѣльческій трудъ, несомнѣнно даютъ возможность фермеру продать дешевле опредѣленное количество хлѣба, но они нерѣдко скорѣе уменьшаютъ, чѣмъ увеличиваютъ, вообще все производство. Въ Китаѣ невозможно направить огромныхъ капиталовъ къ изготовленію мануфактурныхъ товаровъ для внѣшней торговли, не отвлекая этихъ капиталовъ отъ земледѣлія. Поэтому, настоящему положенію земледѣлія нанесенъ будетъ ударъ, и производство его уменьшится. Спросъ на рабочихъ для фабрикъ подниметъ заработную плату. А какъ количество продовольствія не увеличится, то и цѣна его подымется въ такихъ же размѣрахъ. Она подымется даже выше, если дѣйствительно окажется нѣкоторое уменьшеніе въ производствѣ хлѣба. Между тѣмъ, страна сдѣлаетъ очевидные успѣхи относительно своего богатства; мѣновая цѣнность всего производства, какъ ея почвы, такъ и труда, возрастала бы въ ней ежегодно; но мы не имѣли бы права сказать того же о капиталахъ, предназначенныхъ на содержаніе ея труда. Послѣдніе оставались бы въ неподвиж-

номъ состояніи, или даже уменьшались бы. Поэтому, возрастающее народное богатство оказало бы нѣкоторое вліяніе на ухудшеніе судьбы бѣдныхъ*. Что касается до снабженія себя предметами необходимости, то положеніе бѣдныхъ оказалось бы не лучше, если не хуже противъ теперешняго; кромѣ того, огромное число ихъ перемѣнило бы здоровыя земледѣльческія занятія на нездоровыя работы на фабрикахъ.

Всѣми признаваемое мнѣніе, что богатство этой страны съ давнихъ уже временъ находится въ неподвижномъ состояніи, и что обработка почвы доведена въ ней до наивысшей степени совершенства, быть можетъ, очевиднѣе всего подтверждаетъ наши положенія въ примѣненіи ихъ къ Китаю. Что касается до прочихъ странъ, то всегда представляется возможность оспаривать болѣе или менѣе быстрое возрастаніе въ нихъ богатства въ два сравниваемые періода, такъ какъ на этомъ возрастаніи Смитъ основываетъ благосостояніе рабочихъ классовъ.

Какъ бы то ни было, очевидно, что мѣновая цѣнность годоваго производства почвы и труда можетъ возрастать съ совершенно одинаковой быстротой въ двухъ различныхъ странахъ, и производить далеко неодинакое дѣйствіе на судьбу работника; ибо, если одна занимается преимущественно земледѣліемъ, а другая — торговлей, то капиталы, предназначенные на содержаніе труда въ обѣихъ, будутъ возрастать весьма различно, а потому, и возрастаніе богатства произведетъ неодинакое дѣйствіе. Въ странѣ, преданной земледѣлію, бѣдные классы будутъ жить въ большемъ довольствѣ, и населеніе ея будетъ быстро возрастать; между тѣмъ какъ положеніе этихъ классовъ въ торговой странѣ весьма мало улуч-

---

* Участь бѣдныхъ въ Китаѣ крайне плачевна въ настоящее время. Но виновато въ этомъ вовсе не отсутствіе внѣшней торговли. Положеніе это причиняется необычайнымъ стремленіемъ къ бракамъ и чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія. Если стремленіе это не уменьшится, то единственный способъ, при содѣйствіи котораго заведеніе фабрикъ могло бы обогатить низшіе классы народа, состоитъ въ увеличеніи смертности между ними. Но такой способъ обогащенія, разумѣется, не можетъ быть желателенъ. Прим. автора.

шится, а потому, и народонаселеніе въ ней будетъ неподвижно или будетъ возрастать крайне медленно.

Положеніе бѣднаго работника, предположивъ, что привычки его остаются тѣ же, можетъ существенно улучшиться въ такомъ только случаѣ, когда онъ получитъ возможность пріобрѣтать большее количество продовольствія. Но такія выгоды, по природѣ своей, ненадежны и временны; а потому, онѣ и имѣютъ для него меньше значенія, чѣмъ измѣненія въ его привычкахъ, которыя оказываютъ болѣе прочное дѣйствіе. Фабрики, вызывая стремленіе къ довольству и къ нѣкоторымъ наслажденіямъ, производятъ въ привычкахъ бѣдныхъ работниковъ перемѣну, благопріятную для ихъ благосостоянія. Вліяніе это, быть можетъ, вознаграждаетъ за сопровождающія ихъ неудобства. Рабочіе классы общества между исключительно земледѣльческими народами, говоря вообще, бѣднѣе рабочихъ классовъ между мануфактурными народами, но они менѣе терпятъ отъ перемѣнъ, испытываемыхъ послѣдними и повергающихъ ихъ въ крайне бѣдственное положеніе. Впрочемъ, соображенія, относящіяся къ измѣненію привычекъ между бѣдными классами, будутъ приведены въ одной изъ слѣдующихъ частей этого сочиненія.

ГЛАВА XIV. — Общія замѣчанія.

Замѣчено, что многіе народы, въ періодъ наибольшей численности своего населенія, жили въ довольствѣ, и были въ состояніи отпускать свой хлѣбъ въ чужія земли; между тѣмъ какъ въ другія эпохи своего состоянія, при несравнено слабѣйшемъ населеніи, они испытывали нужду, и принуждены были ввозить къ себѣ иностранный хлѣбъ. Египетъ, Палестина, Римъ, Сицилія, Испанія нерѣдко приводились въ примѣръ этого; изъ этого дѣлали заключеніе, что размноженіе населенія въ странѣ, недоведенной до такой степени обработки, какая возможна въ ней, скорѣе увеличиваетъ, чѣмъ уменьшаетъ, ея относительное благосостояніе; что страна, какъ говоритъ лордъ Каймъ, почти не можетъ быть переполнена населеніемъ, по отношенію къ доставляемому ея поч-

вой продовольствію, и что земледѣлію принадлежитъ по истинѣ странное свойство доставлять количество продовольствія, соотвѣтствующее числу потребителей *.

Общіе факты, изъ которыхъ выводятъ эти заключенія, не могутъ подлежать сомнѣнію; но изъ нихъ нельзя дѣлать подобныхъ выводовъ. Отличительное свойство земледѣлія, въ особенности разумно направляемаго, состоитъ въ томъ, что оно можетъ прокормить большее число населенія, чѣмъ какое занимается земледѣльческими работами. Поэтому, если члены общества, или такъ называемые Стевартомъ свободныя руки, не увеличиваются до такого числа, которое уже не можетъ быть прокормлено избыткомъ произведеній почвы, то все населеніе страны можетъ возрастать въ продолженіи многихъ вѣковъ сряду, слѣдуя за успѣхами земледѣлія, и тѣмъ неменѣе, имѣть еще избытокъ хлѣба для отпуска за границу. Но, достигнувъ извѣстнаго періода, это размноженіе населенія будетъ весьма отлично отъ размноженія естественнаго и безграничнаго. Оно будетъ идти вслѣдъ за медленнымъ возрастаніемъ производства, обусловливаемымъ постепеннымъ развитіемъ земледѣлія, и будетъ постоянно сдерживаться въ своемъ развитіи затрудненіями въ необходимомъ продовольствіи. Стевартъ весьма основательно замѣчаетъ, что въ срединѣ 17 вѣка, когда Англія вывозила значительное количество хлѣба, народонаселеніе ея, тѣмъ неменѣе, находилось въ неподвижномъ состояніи, вслѣдствіе недостатка продовольствія **. И въ самомъ дѣлѣ, при такихъ обстоятельствахъ, числительность населенія страны обусловливается не количествомъ производимаго ею продовольствія, такъ какъ она даже вывозитъ часть его за границу, а количествомъ работъ и занятій, какое она въ состояніи предоставить рабочимъ классамъ. Этимъ количествомъ работъ опредѣляется величина заработной платы, отъ которой зависитъ въ свою очередь возможность для низшихъ классовъ добыть себѣ все необходимое для существованія. Смотря по болѣе или менѣе

* *Sketches of the history of man*, т. I, стр. 106, 107.

** *Polit Economy.*, т. I, стр. 100.

быстрому возрастанію количества работъ, заработная плата замедляетъ или поощряетъ преждевременные браки, доставляетъ работнику возможность взростить только двухъ и трехъ дѣтей, или же четверыхъ и пятерыхъ.

Въ настоящемъ мѣстѣ, какъ и во всѣхъ случаяхъ и разсмотрѣнныхъ нами системахъ, мы повторяемъ, что *дѣйствительная величина заработной платы есть главный результатъ народонаселенія и настоящій предѣлъ для него.* Но намъ слѣдуетъ сдѣлать на этотъ счетъ одно замѣчаніе. Въ дѣйствительности, случается, что ходячая заработная плата, оцѣниваемая предметами первой необходимости, невсегда представляетъ точное количество этихъ предметовъ, потребляемое низшими классами; послѣднее можетъ быть больше или меньше.

Когда цѣна хлѣба и всѣхъ товаровъ подымается, то денежная величина заработной платы невсегда увеличивается въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ; но эта кажущаяся потеря нерѣдко болѣе чѣмъ вознаграждается изобиліемъ предлагаемыхъ занятій, количествомъ урочныхъ работъ, и возможностью для женщинъ и дѣтей увеличить заработки всего семейства. Въ такомъ случаѣ, способность рабочихъ классовъ покупать предметы первой необходимости оказывается несравненно большей, чѣмъ при обыкновенныхъ размѣрахъ заработной платы, а потому, она оказываетъ болѣе сильное дѣйствіе на размноженіе населенія.

Съ другой стороны, если цѣны вообще падаютъ, то нерѣдко случается, что величина заработной платы не понижается въ такой же степени; но эта кажущаяся выгода нерѣдко пересиливается недостаткомъ работъ и невозможностью отыскать занятія для всѣхъ членовъ семейства. Въ такомъ случаѣ, способность покупать предметы первой необходимости окажется для рабочихъ классовъ меньшей, чѣмъ при обыкновенной величинѣ заработной платы.

Такимъ же точно образомъ, приходскія вспомоществованія, введеніе рабочихъ уроковъ, частое употребленіе въ работу женщинъ и дѣтей оказываютъ на народонаселеніе такое же дѣйствіе, какъ повышеніе дѣйствительной заработной платы. И обратно, обыкновеніе платить за работу поденно,

неупотребленіе на работы женщинъ и дѣтей, обычай, распространенный между рабочими вслѣдствіе лѣности и другихъ причинъ, работать неболѣе четырехъ или пяти дней въ недѣлю дѣйствуютъ на народонаселеніе, какъ пониженіе заработной платы.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствительные заработки рабочихъ классовъ впродолженіи всего года, выраженные количествомъ продовольствія, отличаются отъ кажущихся заработковъ. Но поощреніе браковъ и средства для воспитанія дѣтей находятся въ зависимости отъ средняго годоваго заработка семьи, а не отъ поденной платы, выраженной количествомъ покупаемой ею пищи.

Обративъ вниманіе на это, въ высшей степени важное замѣчаніе, нетрудно понять, почему размноженіе населенія нерѣдко вовсе не управляется такъ называемой дѣйствительной заработной платой, и почему разможеніе это часто можетъ быть болѣе значительнымъ, когда количество хлѣба, покупаемое поденной заработной платной, скорѣе ниже, чѣмъ выше средняго уровня.

Въ Англіи, напримѣръ, въ срединѣ послѣдняго вѣка хлѣбъ продавался весьма дешево, а впродолженіи двадцати лѣтъ, съ 1735 по 1755, за поденную плату можно было купить среднимъ числомъ *пекъ* пшеницы *. Въ этотъ періодъ населеніе умѣренно возрастало, но вовсе не съ такой быстротой, какъ съ 1790 по 1811, въ теченіи которыхъ средняя поденная плата не могла купить такого же количества хлѣба. Въ послѣднее время происходило, тѣмъ неменѣе, болѣе быстрое скопленіе капиталовъ, и существовалъ большій спросъ на трудъ; хотя постоянно высокая цѣна хлѣба и превышала нѣсколько величину заработной платы, тѣмъ неменѣе, отсутствіе затрудненій въ пріисканіи себѣ занятій, множество урочныхъ и поштучныхъ работъ, предлагавшихся всюду, болѣе высокая цѣна хлѣба, сравнительно съ цѣной мануфактурныхъ товаровъ, болѣе широкое употребленіе картофеля, доставили ра-

* *Пекъ*, четвертая доля бушеля въ 8 галоновъ, равенъ почти 9 фр. литрамъ или 3 рус. гарнцамъ. Рус. пер.

бочимъ классамъ возможность покупать большее количество продовольствія, и, не опровергая нашихъ основныхъ принциповъ, легко объясняютъ болѣе быстрое размноженіе народонаселенія впродолженіи этого періода.

Такимъ же точно образомъ, если въ какой либо благорастворенной и плодородной странѣ, пользующейся дешевымъ хлѣбомъ, количество пищи, зарабатываемое поденнымъ трудомъ, допускаетъ большее размноженіе народонаселенія, чѣмъ какое существуетъ въ дѣйствительности, то такой фактъ легко объясняется закоренѣлыми привычками къ безпечности, поощряемыми сквернымъ правительствомъ, и слабымъ спросомъ на трудъ, недоставляющимъ работнику постоянной работы *. Вслѣдствіе этого, поденная заработная плата, выраженная хлѣбомъ, необходимо должна стоять высоко, ужъ для того только, чтобы поддерживать въ неподвижномъ состояніи населеніе страны, въ которой число рабочихъ дней не превышаетъ и половины всѣхъ дней въ году.

Если же привычки къ благоразумію, несомнѣнное стремленіе къ довольству и къ наслажденіямъ жизни получатъ преобладающее значеніе, такъ какъ эти привычки и эта склонность вовсе не поощряютъ преждевременныхъ браковъ и не обращаютъ издержекъ исключительно на покупку хлѣба, то, согласно съ нашими принципами,при одинаковыхъ условіяхъ, народонаселеніе очевидно не будетъ возрастать съ тою же скоростью, съ какой возрастаетъ оно въ странахъ, въ которыхъ заработная плата стоитъ на такомъ же уровнѣ.

Количество работъ, предлагаемыхъ для дѣятельности страны, не измѣняется изъ году въ годъ въ такой же степени, въ какой измѣняется въ ней количество продовольствія, вслѣдствіе урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что препятствіе, противупоставляемое населенію недостаткомъ работъ, дѣйствуетъ съ гораздо бо̀льшимъ постоянствомъ, и потому, менѣе неблагопріятно для низшихъ клас-

---

* Замѣчаніемъ этимъ объясняется медленное размноженіе народонаселенія въ нѣкоторыхъ частяхъ испанскихъ колоній въ Америкѣ, сравнительно съ быстрымъ его возрастаніемъ въ Соединенныхъ штатахъ. Прим. автора.

совъ, чѣмъ препятствіе, представляемое недостаткомъ продовольствія. Первое дѣйствуетъ предупредительнымъ, второе—разрушительнымъ образомъ. Когда спросъ на трудъ не измѣняется, или возрастаетъ весьма медленно, то работники, не имѣя въ виду работъ, которыя дали бы имъ средства содержать семью, или, находя заработную плату недостаточной, воздерживаются отъ вступленія въ бракъ. Но если спросъ на трудъ быстро и непрерывно возрастаетъ, хотя бы измѣнчивость урожаевъ и зависимость отъ чужихъ странъ вызывали бы опасеніе на счетъ достаточнаго снабженія продовольствіемъ, народонаселеніе тѣмъ неменѣе будетъ возрастать, пока оно не будетъ уменьшено голодомъ и болѣзнями, пораждаемыми нуждой.

Поэтому, голодъ и нищета могутъ сопровождать или не сопровождать размноженіе населенія: это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ. Когда населеніе уменьшается постоянно, то бичи эти непремѣнно должны обнаружиться, и вотъ почему: никогда еще не случалось, и вѣроятно никогда не случится, чтобы населеніе постоянно уменьшалось отъ какой бы то ни было другой причины, кромѣ недостатка продовольствія. При изслѣдованіи причинъ, обезлюдившихъ государства во множествѣ случаевъ, сохраненныхъ исторіей, мы всегда найдемъ, что главная изъ нихъ, которой слѣдуетъ приписать такое дѣйствіе состояла въ отсутствіи трудолюбія, или въ дурномъ направленіи, приданномъ труду насиліемъ, ошибками правительства, невѣжествомъ, и проч. Когда Римъ усвоилъ обыкновеніе получать весь свой хлѣбъ изъ другихъ странъ, и обратилъ всю Италію въ пастбища, то населеніе его вскорѣ начало уменьшаться. Я указалъ уже на причины, обезлюдившія Египетъ и Турцію. Что касается до Испаніи, то, разумѣется, не числительная потеря людей, причиненная изгнаніемъ мавровъ, была причиной постояннаго уменьшенія ея населенія, а ударъ, нанесенный этимъ событіемъ ея промышленности и капиталамъ *. Если страна теряетъ свое

---

* Намъ уже извѣсто (I томъ этого сочиненія, стр. 355), что относительно вопросовъ, касающихся народонаселенія Испаніи, авторъ

населеніе отъ насильственныхъ мѣръ, если она, къ тому же, подчинена скверному правительству, и потому, собственность въ ней не обезпечена, какъ это было во всѣхъ странахъ, которыя имѣютъ теперь меньшее населеніе, сравнительно съ прежнимъ, то ни количество продовольствія, ни количество населенія не могутъ достичь въ ней прежняго уровня, а жителямъ ея суждено жить среди самой тягостной нищеты. И напротивъ того, если потеря населенія совершается случайно въ странѣ населенной, трудолюбивой, привыкшей производить хлѣбъ для отпуска за границу, если жители ея пользуются полной свободой, и могутъ распоряжаться своимъ трудомъ по прежнему, то нѣтъ причины предполагать, чтобы они не были въ состояніи производить хлѣбъ въ прежнемъ изобиліи, въ особенности, принимая въ соображеніе то обстоятельство, что, находясь теперь въ меньшемъ числѣ, они

отсылаетъ читателя къ *Путешествію Тоунзенда.* Тоунзендъ насчитываетъ двадцать причинъ обезлюденія этой страны, и подробно излагаетъ ихъ по Кампоманесу. Причины эти суть: 1) Чума 1347; 2) непрерывныя войны, предшествовавшія бракосочетанію Фердинанда и Изабеллы; 3) выселенія въ Америку; 4) два вѣка войнъ со вступленія на испанскій престолъ Карла I (императора Карла V); 5) изгнаніе мавровъ въ 1613; 6) слѣдовавшія затѣмъ грабежи ихъ; 7) перемѣны, происшедшія въ правительствѣ; 8) огромное число монастырей; 9) множество праздниковъ; 10) общераспространенный обычай обращать земли въ пастбища; 11) законы относительно раздѣленія земель; 12) скверныя условія для найма земель; 13) королевскія фабрики и монополіи; 14) нѣкоторыя національные предразсудки противъ торговли, и проч.; 15) предубѣжденіе противъ иностранцевъ; 16) отсутствіе вѣротерпимости; 17) американское золото и серебро; 18) привилегированныя корпораціи; 19) законы противъ роскоши; 20) трудолюбіе и благоденствіе соперничествующихъ народовъ.

Тоунзендъ подробно разбираетъ каждую изъ этихъ причинъ. Хотя путешественникъ этотъ писалъ въ весьма недавнее время (около 1790), тѣмъ неменѣе, ему не удалось приложить къ своимъ изслѣдованіямъ принципы Мальтуса, такъ какъ 2-ое изданіе *Опыта* вышло только въ 1798. Вотъ почему, хотя трудъ Тоунзенда заслуживаетъ полнаго уваженія, и хотя Мальтусъ выражается о немъ съ большою похвалой, небезполезно было бы пересмотрѣть его съ новой точки зрѣнія. Фр. перев.

могутъ довольствоваться воздѣлываніемъ плодороднѣйшихъ участковъ своей страны, между тѣмъ какъ при болѣе густомъ населеніи, они принуждены были обрабатывать и самые неблагодарные участки. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, что народу потребуется столько же усилій чтобы воротить свое прежнее населеніе, сколько было употреблено имъ для достиженія недавно утраченнаго благосостоянія. Въ самомъ дѣлѣ, если безусловно многочисленное народонаселеніе необходимо для достиженія относительнаго благосостоянія, какъ это предполагалось нѣкоторыми учеными, писавшими о земледѣліи, то было бы невозможно, чтобы новая колонія достигла до благосостоянія, какимъ пользуется старое государство *.

Предразсудки о народонаселеніи весьма похожи на предубѣжденія, существовавшія относительно золотой и серебряной монеты. Всѣмъ извѣстно, съ какою медленностью и съ какимъ трудомъ послѣднія уступали болѣе здравымъ поня-

* Между прочимъ, я въ особенности имѣю въ виду Андерсона, который въ *Хладнокровномъ изслѣдованіи обстоятельствъ, бывшихъ причиной настоящаго недостатка хлѣба въ Великобританіи*, изданномъ въ 1801, съ горячимъ увлеченіемъ, и, я полагаю, съ добрыми намѣреніями, старался убѣдить своихъ соотечественниковъ въ такой интересной истинѣ. Онъ въ особенности силится доказать положеніе, что размноженіе населенія въ государствѣ, земли котораго не доведены до возможно высокой степени плодородія (чего вѣроятно не случилось еще ни разу ни въ одной мѣстности земнаго шара), необходимо должно вызвать, скорѣе увеличеніе, чѣмъ уменьшеніе, въ средствахъ существованія, и обратно. Въ заключеніе своихъ доводовъ, онъ говоритъ, что если представленные имъ факты недостаточны для разсѣянія опасеній людей, сомнѣвающихся въ томъ, что Англія можетъ прокормить свое населеніе (хотя бы послѣднее возрастало несравненно быстрѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ), то ихъ не въ состояніи былъ бы разубѣдить даже мертвый, еслибы онъ всталъ изъ гроба, чтобы доказать имъ эту истину. Что касается до важнаго значенія земледѣлія и необходимости направленія къ нему наибольшей части народнаго труда, то я раздѣляю мнѣніе Андерсона. Но изъ того обстоятельства, что при извѣстномъ направленіи труда, страна, хотя бы и весьма населенная, можетъ производить все необходимое, странно выводить заключеніе (какъ это дѣлаетъ этотъ писатель), что земледѣльческая страна можетъ прокормить безграничное населеніе. Прим. автора.

тіямъ *. Писатели, замѣтившіе, что могущественныя и благоденствующія государства всегда почти имѣютъ густое населеніе, приняли слѣдствіе за причину, и вообразили, что населеніе было основою благосостоянія этихъ государствъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности благосостояніе ихъ было причиной ихъ многочисленнаго населенія: точно такимъ же образомъ, какъ недавно, люди, занимавшіеся политической экономіей, воображали, что обиліе золотой и серебряной монеты было причиной народнаго богатства, тогда какъ въ дѣйствительности оно было слѣдствіемъ его. На этомъ основаніи, въ томъ и другомъ случаѣ, на производительность почвы и труда смотрѣли, какъ на дѣло второстепенное; такъ что, усиленіе этой производительности принималось первыми за результатъ большаго количества золотой и серебряной монеты, а вторыми — за результатъ увеличившагося народонаселенія. Нелѣпость попытокъ увеличить въ какой либо странѣ количество золотой и серебряной монеты насильственными мѣрами, и безусловная невозможность скопленія этихъ металловъ, болѣе опредѣленнаго ихъ количества, особенными законами и постановленіями въ настоящее время считаются вполнѣ доказанными: примѣръ Испаніи и Португаліи убѣдительно подтвердилъ эту истину. Но, что̀ касается до народонаселенія, то заблужденіе на этотъ счетъ продолжается. Мы постоянно встрѣчаемъ политическіе трактаты, наполненные проектами размноженія населенія, но незаботящіеся о доставленіи ему средствъ существованія или, по меньшей мѣрѣ, необращающіе на этотъ предметъ достаточнаго вниманія. А между тѣмъ, если безумно желаніе умножить въ странѣ количество

* Предразсудокъ этотъ распространенъ еще во Франціи между всѣми классами общества, даже между публицистами. Это подтверждается тѣмъ, что̀ говорится въ газетахъ, что̀ раздается съ кафедры и трибуны. Гарнье.

Онъ существуетъ во всей Европѣ въ обратномъ отношеніи съ распространеніемъ ученія о свободной торговлѣ, и въ прямомъ отношеніи съ стѣсненіями тарифа. Что же касается до предразсудка относительно народонаселенія, см. для сравненія приложенный въ концѣ этого тома критическій разборъ ученія Мальтуса, сдѣланный Прудономъ. Рус. перев.

золота и серебра, не умножая количества обращающихся въ ней товаровъ, то неменѣе безумно желаніе увеличить въ ней число жителей, не увеличивая количества продовольствія. Слѣдуетъ даже согласиться, что уровень, выше котораго законы человѣческіе не могутъ поднять народонаселенія, представляетъ болѣе постоянный и неизмѣнный предѣлъ, чѣмъ предѣлъ для накопленія металловъ: ибо, хотя бы рѣшительно нельзя было перейти за послѣдній, мы все таки не находимъ въ этомъ ничего безусловно невозможнаго; но если населеніе достигло до такой степени, что, по распредѣленіи всѣхъ произведеній, каждый получаетъ только самое необходимое количество пищи, то, пока производство остается то же, населеніе не можетъ возрастать никакимъ образомъ, такъ что мы не можемъ себѣ даже представить подобной возможности.

Изъ бѣглаго очерка различныхъ обществъ, сдѣланнаго нами въ первой части этого сочиненія, я полагаю, мы имѣемъ право вывести заключеніе, что въ варварскихъ и угнетаемыхъ странахъ, населеніе, хотя и немногочисленное, слишкомъ велико, сравнительно съ средствами существованія; такъ что, одного неурожайнаго года достаточно, чтобы вызвать въ нихъ жестокую нужду, и повергнуть народъ въ бѣдственное положеніе. Варварство и деспотизмъ не заглушаютъ страсти, неуклонно стремящейся къ размноженію населенія. Но оба эти бича работаютъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ надъ отстраненіемъ препятствій, противуполагаемыхъ ему благоразуміемъ и предусмотрительностью. Безпечный дикарь, думающій только о потребностяхъ настоящей минуты; несчастный крестьянинъ, по общественному своему положенію мало увѣренный, что ему удастся снять жатву съ засѣяннаго имъ поля, рѣдко оказываются способны на борьбу съ инстинктивнымъ побужденіемъ страсти изъ за опасенія какихъ либо бѣдствій, которыя послѣдуютъ за ней черезъ три или четыре года. Но если безпечность, порождаемая варварствомъ и деспотизмомъ, способствуетъ распложенію дѣтей, то она же наноситъ роковой ударъ дѣятельности и трудолюбію, которыя однѣ только и могутъ прокормить народившееся населеніе. Трудолюбивая дѣятельность невозможна безъ предусмотрительности и безо-

пасности. Всякому извѣстна безпечность дикарей. Какого трудолюбія можно ожидать отъ земледѣльца въ Египтѣ и Абиссиніи? Безъ всякаго капитала, принужденный платить ренту за землю, ежегодно отдающуюся на откупъ, обязанный исполнять несправедливыя требованія жестокаго и алчнаго землевладѣльца, безъ всякаго обезпеченія противъ хищничества сосѣднихъ племенъ, несмѣющій разсчитывать на соблюденіе условій даже навязаннаго ему контракта, можетъ ли онъ горячо отдаться своему труду? Да еслибы у него и явилась такая охота, то трудолюбіе его оказалось бы безплодно. Сама бѣдность, представляющаяся великимъ побужденіемъ къ труду, почти перестаетъ оказывать свое дѣйствіе, когда она перейдетъ за извѣстныя границы. Безвыходная нищета убиваетъ энергію человѣка, и принуждаетъ его перебиваться изо дня на день, работая столько, сколько требуется крайнею необходимостью. Настоящее побужденіе къ дѣятельности и къ трудолюбію есть нестолько нужда, сколько надежда на улучшеніе своего положенія. Самый настойчивый и лучше всего направленный трудъ замѣчается постоянно между классами народа, непосредственно слѣдующими за крайнею бѣдностью.

Невѣжество и деспотизмъ губятъ, стало быть, побужденія къ труду, и тѣмъ самымъ уменьшаютъ годовое производство земли и труда страны, находящейся подъ ихъ гнетомъ. Это уменьшеніе производства необходимо влечетъ за собой и уменьшеніе населенія, каково бы ни было число ежегодныхъ рожденій. При такихъ условіяхъ, стремленіе къ наслажденію и отсутствіе благоразумія, быть можетъ, увеличатъ число раннихъ браковъ; но когда подобный обычай повергнетъ народъ въ нищету, то онъ не можетъ содѣйствовать размноженію населенія: онъ только усилитъ смертность. Еслибы мы имѣли точныя таблицы смертности въ южныхъ странахъ, въ которыхъ всѣ женщины выходятъ замужъ, и выходятъ въ юномъ возрастѣ, то я нисколько не сомнѣваюсь, что мы встрѣтили бы въ нихъ отношеніе для ежегодно умирающихъ, какъ 1 къ 17, 18 или 20, вмѣсто 1 къ 34, 36 или 40, какъ это существуетъ для европейскихъ госу-

дарствъ, въ которыхъ предупреждающія препятствія дѣйствуютъ съ полной силой.

Размноженіе населенія, вытекающее изъ естественнаго порядка вещей, безъ сомнѣнія, весьма желательно; безъ этого условія даже невозможно дальнѣйшее возрастаніе годоваго производства. Стевартъ, вообще ясно говорившій по этому вопросу, сдѣлалъ, по моему мнѣнію, ошибку на этотъ счетъ. Онъ полагаетъ, что размноженіе населенія есть причина успѣховъ земледѣлія, а не развитіе земледѣлія есть причина размноженія населенія *. Но хотя первая обработка земли вѣроятно вызвана была недостаткомъ естественныхъ произведеній для размножающагося населенія; хотя и въ настоящее еще время содержаніе семьи и желаніе жить приличнымъ образомъ служатъ побужденіемъ для трудолюбія земледѣльца, тѣмъ нememѣе, остается справедливымъ, что произведенія земледѣлія, при настоящемъ его состояніи, должны превышать крайнія потребности существующаго населенія, чтобы послѣднее могло непрерывно возрастать и увеличивать число жителей, которое можетъ быть прокормлено землей. Изъ безчисленнаго множества случаевъ мы знаемъ, что число рожденій можетъ увеличиться, не представляя этимъ никакой выгоды для земледѣлія, и только увеличивая число болѣзней. И напротивъ того, быть можетъ, никогда еще не случалось земледѣлію дѣлать постоянныхъ успѣховъ, которые не сопровождались бы, такъ или иначе, непрерывнымъ размноженіемъ населенія. Поэтому, мы скорѣе имѣемъ право сказать, что земледѣліе служитъ причиной размноженія населенія, чѣмъ размноженіе населенія служитъ причиной успѣховъ земледѣлія **, хотя и нельзя отрицать, что оба явленія дѣйствуютъ одно на другое, и взаимно поддерживаютъ другъ друга. Замѣча-

* *Polit. Economy*, т. I, стр. 114.

** Стевартъ объясняетъ затѣмъ свою мысль, и говоритъ, что имѣетъ главнымъ образомъ въ виду людей, которые могутъ предложить что нибудь полезное въ обмѣнъ за произведенія земли; но въ такомъ случаѣ дѣло идетъ не о простомъ увеличеніи населенія, а такого рода объясненіе, повидимому, подтверждаетъ, что основное положеніе требуетъ исправленія. Прим. автора.

ніе это имѣетъ важное значеніе. Оно касается самой сущности предмета. О значеніи каждаго изъ обоихъ явленій существуютъ самыя превратныя понятія, которыя, быть можетъ, послужили источникомъ предразсудковъ относительно законовъ народонаселенія.

Въ главѣ о вліяніи упадка земледѣлія на народонаселеніе, авторъ *Друга людей* признаетъ, что самъ онъ сдѣлалъ важную ошибку, принявъ населеніе за источникъ дохода, и что впослѣдствіи онъ вполнѣ убѣдился, что доходъ представляется источникомъ народонаселенія *. Вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ этимъ естественнымъ закономъ, бо̀льшая часть государственныхъ людей воображала, что лучшія мѣры для усиленія народонаселенія, состоятъ въ поощреніи молодыхъ людей къ раннимъ бракамъ, въ награжденіи отцевъ многочисленныхъ семействъ и въ наказаніи холостяковъ. Это, какъ замѣчаетъ вполнѣ основательно одинъ извѣстный писатель, то же, что̀ приготовить поле, и ожидать отъ него жатвы, не бросивъ въ него сѣмянъ.

То, что̀ сказано нами о порядкѣ, въ которомъ земледѣліе и населеніе должны слѣдовать другъ за другомъ, или предшествовать одно другому, нисколько не противурѣчитъ тому, что̀ было сказано нами въ первой части этого сочиненія о колебаніяхъ, о перемѣнномъ приливѣ и отливѣ, неизбѣжно сопровождающихъ ростъ населенія и продовольствія. Ничего не можетъ быть естественнѣе въ этомъ движеніи, какъ болѣе быстрое размноженіе народонаселенія въ извѣстный періодъ, чѣмъ увеличеніе количества пищи: явленіе это есть даже необходимый результатъ основнаго закона; когда пониженіе денежной величины заработной платы предупреждается употребленіемъ нараждающагося населенія на фабрикахъ, то повышеніе цѣны хлѣба, вызываемое усилившимся соперничествомъ, въ дѣйствительности, оказывается чаще всего самымъ естественнымъ побужденіемъ къ труду земледѣльца. Но не слѣдуетъ забывать, что относительное размноженіе населенія предполагаетъ, что предварительно существовало увеличеніе

* Т. VIII, стр. 84.

количества продовольствія, превосходящаго наименьшія потребности наличнаго населенія *.

Вообще́, если населеніе страны находится болѣе или менѣе продолжительное время въ неподвижномъ состояніи, вслѣдствіе низкой цѣны дѣйствительной заработной платы (какъ это часто случается), то предварительное скопленіе пищи, по крайней мѣрѣ для работника, очевидно есть единственное условіе для того, чтобы населеніе стало увеличиваться.

Такимъ же точно образомъ, если дѣло идетъ о существенномъ улучшеніи положенія работника (что̀ можетъ быть достигнуто только доставленіемъ ему возможности покупать большее количество предметовъ необходимости и лучшаго качества), то, отправляясь отъ самаго необходимаго, увеличеніе количества пищи неизбѣжно должно предшествовать размноженію населенія и превосходить его.

Поэтому, говоря строго, такъ какъ человѣкъ не можетъ существовать безъ пищи, то послѣдняя несомнѣнно до̀лжна предшествовать его появленію. Такъ что мы имѣемъ полное право сказать, что если по состоянію земледѣлія или по какой либо другой причинѣ, среднее количество пищи, приходящееся на долю работника, болѣе чѣмъ достаточно для удержанія населенія въ неподвижномъ состояніи, то уменьшеніе этого средняго количества, вытекающее изъ стремленія населенія къ размноженію, естественно должно служить сильнѣйшимъ и неизмѣннымъ побужденіемъ для земледѣлія.

Достойно также замѣчанія, что на этомъ основаніи побужденіе сильнѣе дѣйствуетъ на земледѣліе, когда, вслѣдствіе нравственнаго обузданія или какой либо другой при-

---

* По закону народонаселенія, родъ человѣческій имѣетъ стремленіе къ болѣе быстрому размноженію, чѣмъ умноженіе пищи. Поэтому, онъ стремится населить страну до послѣдней степени, допускаемой ея продовольствіемъ. Но, по естественнымъ законамъ, онъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ перейти за эту границу, разумѣя подъ этимъ наименьшее количество пищи, необходимой для удержанія населенія въ неподвижномъ состояніи. Поэтому, говоря строго, размноженіе населенія никакъ не можетъ предшествовать увеличенію количества продовольствія. Прим. автора.

чины, трудъ работника оплачивается хорошо; ибо въ такомъ случаѣ повышеніе цѣны хлѣба, вызываемое увеличивающимся населеніемъ или заграничнымъ спросомъ, не можетъ не поднять на нѣкоторое время прибыли фермера, и дастъ ему возможность произвесть прочныя улучшенія въ земледѣліи; но если трудъ работника оплачивается до такой степени дурно, что малѣйшее пониженіе заработной платы даетъ обратное движеніе населенію, то развитіе земледѣлія и размноженіе народонаселенія причиняютъ въ началѣ пониженіе прибыли. Предупреждающія препятствія для размноженія, когда они получатъ преобладающее значеніе, и хорошая средняя заработная плата скорѣе поощряютъ, чѣмъ предупреждаютъ случайныя колебанія въ заработной платѣ; а это оказываетъ, повидимому, благопріятное дѣйствіе, какъ на увеличеніе количества пищи, такъ и на умноженіе населенія.

Въ число болѣе всего распространенныхъ предразсудковъ, относительно вопроса о народонаселеніи, слѣдуетъ помѣстить мнѣніе людей, полагающихъ, что страна, потворствующая расточительности богатыхъ классовъ и допускающая существованіе въ ней невоздѣланныхъ земель, не имѣетъ права жаловаться на недостатокъ въ ней продовольствія, и должна приписать расточительности однихъ и нерадѣнію всѣхъ бѣдствія, испытываемыя въ ней бѣдными классами. Обѣ приводимыя въ настоящемъ случаѣ причины только стѣсняютъ народонаселеніе въ болѣе тѣсныя границы; но онѣ не оказываютъ, или оказываютъ ничтожное вліяніе на довольство или на нищету послѣднихъ классовъ общества. Еслибы предки наши пріобрѣли и передали намъ привычки къ такой воздержности и къ такому трудолюбію, чтобы высшіе классы общества не потребляли ничего лишняго, чтобы не содержалось ни одной лишней лошади ради роскоши, и чтобы въ странѣ не существовало ни одного необработаннаго участка, то, разумѣется, между состояніемъ, въ которомъ мы очутились бы, и нашимъ настоящимъ положеніемъ оказалась бы огромная разница, что̀ касается до безусловнаго количества населенія, но въ положеніи низшихъ классовъ народа вѣроятно не оказалось бы никакой перемѣны: ни вознагражде-

ніе за трудъ, ни средства для содержанія семьи не измѣнились бы. Расточительность богатыхъ и содержаніе лошадей оказываютъ такое же дѣйствіе, какъ винокуренные заводы, о которыхъ я упоминалъ, говоря о Китаѣ *. Если излишне расходуемая пища, во время дороговизны, можетъ получить иное назначеніе, то она представляетъ собой пособіе для бѣдныхъ; это — тѣ же запасные магазины, открывающіеся именно въ минуту нужды и представляющіе въ этомъ отношеніи удобство для низшихъ классовъ народа.

Что̀ касается до *невоздѣлываемыхъ земель, то онѣ не причиняютъ бѣдному ни вреда, ни пользы.* Еслибы онѣ внезапно стали обрабатываться, то положеніе бѣднаго, безъ сомнѣнія, улучшилось бы на нѣкоторое время; а еслибы остались безъ обработки уже воздѣлѣваемыя земли, то бѣдному пришлось бы хуже на нѣкоторое время; но если не происходитъ никакой перемѣны въ этомъ отношеніи, то невоздѣлываемыя земли оказываютъ на судьбу бѣднаго такое же дѣйствіе, какъ уменьшеніе територіи. Для бѣднаго не все равно, отпускаетъ ли за границу или ввозитъ изъ заграницы хлѣбъ страна, въ которой онъ живетъ, но этотъ вопросъ не находится въ необходимой связи съ повсемѣстной или неповсемѣстной обработкой почвы; онъ зависитъ отъ отношенія между избыткомъ продовольствія и числомъ жителей, которое должно быть прокормлено этимъ избыткомъ. Отношеніе это вообще бываетъ больше въ странѣ, которая не обрабатываетъ еще всей своей територіи. Еслибы въ странѣ, въ которой мы живемъ, прекрасно воздѣлывался каждый вершокъ земли, то это не даетъ намъ никакого права разсчитывать, что мы будемъ въ состояніи отпускать хлѣбъ за границу. Возможность отпуска хлѣба будетъ зависѣть вполнѣ отъ отношенія избытка нашего продовольствія къ торговому

* Въ концѣ гл. XII, кн. I. Сравненіе было бы справедливо въ такомъ только случаѣ, еслибы заготовляемые предметы роскоши для стола богатыхъ людей и для содержанія лошадей и собакъ могли бы такъ же скоро и такъ же удобно обращаться въ продовольствіе для народа, какъ хлѣбъ, идущій на винокуреніе.

населенію страны *, а это отношеніе, въ свою очередь, будетъ находиться въ зависимости отъ направленія народныхъ капиталовъ къ земледѣлію или къ торговлѣ.

Трудно представить себѣ, чтобы страна, обладающая обширной територіей, могла быть вполнѣ обработана. Я полагаю, что произносятъ слишкомъ смѣлое сужденіе, когда обвиняютъ какое либо правительство или самый народъ въ безпечности на томъ только основаніи, что много земель въ странѣ остается безъ обработки. Обязанность правительства состоитъ въ отстраненіи препятствій для земледѣльческихъ предпріятій, въ облегченіи ихъ и въ прочномъ обезпеченіи поземельной собственности **. Остальное должно быть предоставлено частнымъ интересамъ и предпріимчивости. На этомъ основаніи нельзя ожидать, чтобы воздѣлывались новые участки, если для обработки ихъ потребуется такое количество удобреній и труда, которое выгоднѣе приложить къ обрабатывающимся уже землямъ. А такой случай встрѣчается весьма нерѣдко. Въ весьма обширной странѣ всегда существуютъ земли средняго достоинства, которыя, чтобы не прійти въ худшее состояніе, требуютъ значительныхъ расходовъ, но при удобреніи и трудѣ могутъ быть значительно улучшены. Главное препятствіе для улучшенія ихъ состоитъ въ затрудненіи, а иногда и въ невозможности имѣть удобреніе. Количество его по необходимости ограничено. Поэтому, во всякомъ случаѣ, вопросъ состоитъ въ наивыгоднѣйшемъ употребленіи удобреній. Если количество удобреній и количество труда, требующееся для воздѣланія новыхъ участковъ, окажется достаточнымъ для полученія бо̀льшаго количества произведеній съ участковъ, уже обрабатывающихся, то занятіе новыхъ земель будетъ убыточно для частныхъ лицъ и для всей страны. Этимъ разсчетомъ объясняется тотъ фактъ, что фермеры отказываются въ извѣстномъ случаѣ отъ унавоже-

* То есть, отъ избытка всего продовольствія надъ потребленіемъ земледѣльца. Фран. перев.

** Посредствомъ актовъ, которыми каждый участокъ земли точно и правильно опредѣляется, въ противуположность общиннымъ и незанятымъ землямъ. Фран. перев.

нія самыхъ плохихъ участковъ, и довольствуются одною скудною жатвой съ нихъ въ три или четыре года, сохраняя свои удобренія, количество которыхъ они хорошо знаютъ, что ограничено, для тѣхъ полей, на которыхъ унавоженіе окажетъ, сравнительно, гораздо больше дѣйствія.

Совсѣмъ иное оказывается для небольшихъ, густо заселенныхъ територій, довольствующихся иностраннымъ хлѣбомъ. Въ такомъ случаѣ, не встрѣчается недостатка въ удобреніи, и чувствуется недостатокъ въ земляхъ, такъ что оказывается выгоднымъ обрабатывать самые плохіе участки. Но для этого еще недостаточно имѣть густое населеніе; необходимо еще, чтобы населеніе имѣло средства получить, своимъ трудолюбіемъ, произведенія прочихъ странъ въ то время, какъ оно будетъ воздѣлывать свою собственную: въ противномъ случаѣ, оно вскорѣ приведено будетъ къ такому числу, какое можетъ быть прокормлено територіей; послѣдняя, быть можетъ, перестанетъ улучшаться, или будетъ улучшаться крайне медленно, такъ что населеніе ея, строго управляемое такимъ слабымъ увеличеніемъ продовольствія, никогда не достигнетъ до значительнаго уровня.

Воздѣланіе Кампины, въ Брабантѣ, представляетъ весьма интересный примѣръ въ подтвержденіе этого закона. Почва этой маленькой провинціи, по словамъ аббата Манна *, состояла изъ зыбучихъ и безплодныхъ песковъ. Многіе частные люди дѣлали попытки къ ея воздѣланію, но безуспѣшно. Это служитъ доказательствомъ, что подобное предпріятіе было не по силамъ одинокимъ фермерамъ, и не могло быть прибыльнымъ. Наконецъ, въ этой мѣстности заведено было нѣсколько монастырей. Такъ какъ послѣдніе получали средства для своего существованія изъ другихъ источниковъ, а улучшеніе земель было для нихъ дѣломъ второстепеннымъ, то, спустя нѣсколько столѣтій, имъ удалось наконецъ обработать всѣ окружающія ихъ земли, а какъ только послѣднія были улучшены, то владѣльцы стали отдавать ихъ въ аренду.

* *Memoirs on...., Записки о земледѣліи въ Нидерландахъ*, напечатанныя въ 1 т. отчетовъ, представленныхъ въ земледѣльческое бюро, стр. 225.

Нѣтъ такой мѣстности, какъ бы она ни была безплодна, которая не могла бы быть обращена въ плодородную такими мѣрами, или сосредоточеніемъ населенія въ мануфактурномъ городѣ. Но это нисколько не служитъ доказательствомъ, чтобы, при естественномъ порядкѣ вещей, населеніе предшествовало производству пищи; ибо увеличившееся населеніе могло существовать только при содѣйствіи достаточнаго количества продовольствія, доставленнаго ему избыткомъ производства въ какой либо другой мѣстности.

Въ такой странѣ, какъ Брабантъ и Голландія, въ которыхъ ощущается недостатокъ въ землѣ, а не въ удобреніи, такая мѣстность, какъ Кампинскій округъ, весьма можетъ быть обработана съ выгодой. Но въ странахъ, обладающихъ обширной територіей, въ которыхъ имѣется много земли средняго достоинства, такое предпріятіе, какъ обработка крайне безплодной почвы, потребуетъ такихъ капиталовъ и такого труда со стороны, какъ частныхъ лицъ, такъ и всего народа, которые не могутъ окупиться, и потому, будутъ израсходованы понапрасну.

Французы уже сознались въ своей ошибкѣ въ томъ отношеніи, что подвергли обработкѣ слишкомъ большое количество дурныхъ земель. Они чувствуютъ, что израсходовали такимъ образомъ удобреніе и трудъ, которые дали бы лучшіе результаты, еслибы пошли на улучшеніе хорошихъ участковъ *. Даже въ Китаѣ, странѣ въ высшей степени обработанной и населенной, встрѣчаются безплодныя мѣстности, остающіяся въ запустѣніи; это служитъ доказательствомъ, что народъ этотъ, такъ много заботящійся о средствахъ для своего существованія, не находитъ выгоднымъ удобрять такіе неблагодарные участки. Къ этому слѣдуетъ еще присовокупить, что когда воздѣлывается большое количество новыхъ земель, то нельзя не потерять множества хлѣба, идущаго на ихъ обсѣмененіе.

---

* Это упускается, повидимому, изъ виду людьми, которые снова взялись проповѣдывать объ этомъ средствѣ противъ чрезмѣрнаго населенія. Гарнье.

Нельзя, поэтому, не имѣя другихъ аргументовъ, отзываться дурно объ экономическомъ управленіи страны на томъ только основаніи, что на ея територіи встрѣчаются земли подъ паромъ, или вовсе не обрабатывающіяся. Дѣло состоитъ въ томъ, что въ странѣ, недостигшей еще возможно бо̀льшаго производства, какъ это встрѣчается всюду, всегда кажется, что какъ производительность, такъ и населеніе ея останавливаются недостаточной энергіей и дурнымъ приложеніемъ труда; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, все ея трудолюбіе, самымъ разумнымъ образомъ направленное, ни въ какомъ случаѣ не могло бы удовлетворить безграничнаго размноженія населенія, невстрѣчающаго никакихъ препятствій. Вопросъ состоитъ не въ томъ, чтобы узнать, можно ли увеличить въ Китаѣ количество ежегодно производимаго имъ рису, но чтобы узнать, достаточно ли будетъ ежегоднаго увеличенія этого производства впродолженіи двадцати пяти лѣтъ для прокормленія трехсотъ мильоннаго населенія, которое прибудетъ въ этотъ періодъ времени, если ничто не воспрепятствуетъ этому размноженію. Такимъ же точно образомъ и относительно Англіи, вопросъ состоитъ не въ томъ, чтобы узнать, увеличитъ ли количество хлѣба, производимаго этимъ островомъ, обработка всѣхъ общественныхъ земель его, а въ томъ, что достаточно ли будетъ этого увеличенія впродолженіи двадцатипятилѣтняго періода, для прокормленія двадцати мильоновъ душъ, затѣмъ сорока мильоновъ въ слѣдующій такой же періодъ, и такъ далѣе до безконечности *.

---

* Можно подумать, что указанныя мною слѣдствія возрастающихъ средствъ для существованія не могутъ имѣть мѣста въ странѣ, обладающей городами и фабриками, и что выводы мои противурѣчатъ тому, что̀ сказано мною въ первой части этого сочиненія: что препятствіе для народонаселенія, къ которому приводятся всѣ остальныя, а именно, недостатокъ пищи, оказываетъ непосредственное дѣйствіе только въ случаѣ голода.

Если, противъ воли, я употребилъ слишкомъ сильныя выраженія, то послѣднія могутъ быть смягчены, нисколько не подрывая ни дѣйствительной силы моего аргумента, ни практическаго его примѣненія. Но мнѣ кажется, что выраженія мои, хотя и сильныя, мало удаляются отъ истины. Главная причина, населяющая города и фабики,

Если принять даже, что производительность земли безусловно безгранична, то этимъ нисколько не подрывается сила аргумента, такъ какъ онъ покоится на различіи въ прогрес-

---

есть отсутствіе работы, а потому, и средствъ существованія, въ деревняхъ. Еслибы каждый работникъ могъ зарабатывать въ своемъ родномъ приходѣ пищу, одежду и помѣщеніе для семейства изъ десяти дѣтей, то городское населеніе вскорѣ сдѣлалось бы весьма незначительнымъ, сравнительно съ сельскимъ. Если къ этому предположенію присоединить, что въ такомъ случаѣ число рожденій и браковъ по городамъ сильно увеличится, а смертность вовсе не будетъ причиняться бѣдностью, то нисколько не будетъ удивительнымъ, если въ небольшой промежутокъ времени, необходимый для перемѣны привычекъ, размноженіе населенія, даже въ Китаѣ, достигнетъ цифры, приведенной въ томъ параграфѣ, къ которому относится это замѣчаніе.

Что̀ касается до Англіи, то я замѣчу слѣдующее: такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что приращеніе ея населенія, удвоивавшее число ея жителей въ 120 и болѣе лѣтъ, усилилось до приращенія, удвоивающаго ея населеніе въ 55 лѣтъ, несмотря на чрезвычайное увеченіе числа ея городовъ и фабрикъ, то для меня не подлежитъ сомнѣнію, что при усиленіи средствъ страны, и при такомъ ихъ распредѣленіи, чтобы каждый человѣкъ могъ жениться, достигнувъ 18 или 20 лѣтняго возраста, съ увѣренностью, что онъ будетъ въ состояніи прокормить свою семью, какъ бы многочисленна она ни была, населеніе Британскихъ островъ должно достигнуть приращенія, которое удвоивало бы число жителей въ 25 лѣтъ. Приходскія книги показываютъ, что Англія пользуется болѣе здоровымъ климатомъ, чѣмъ Сѣверо-американскіе штаты; даже въ періодъ самаго быстраго развитія послѣднихъ, въ нѣкоторыхъ городахъ число умирающихъ превышало число раждающихся. Я не думаю, чтобы могло случиться что̀ нибудь подобное въ городахъ Англіи при существующихъ улучшеніяхъ, еслибы всѣ лица низшихъ классовъ могли жениться, когда имъ заблагоразсудится, и еслибы въ нихъ мало или вовсе не встрѣчалось преждевременной смертности, причиняемой бѣдностью.

Желаніе узнать, могутъ ли обычаи и привычки стараго государства измѣниться вліяніемъ обильной пищи до такой степени, чтобы населеніе его возрастало съ такой же почти скоростью, съ какою возрастаетъ оно въ новой колоніи, есть предметъ одного любопытства. Аргументъ сохраняетъ свою силу, если согласиться, что переходъ отъ затрудненія относительно содержанія семейства къ состоянію достатка и изобилія, долженъ вызвать замѣтное приращеніе населенія; а это положеніе, кажется, не можетъ быть опровергнуто. Прим. автора.

сіи, по которой возрастаетъ населеніе и количество продовольствія. Все, что̀ въ состояніи сдѣлать правительство, вооружившись просвѣщеніемъ, и усилія промышленности, подъ вліяніемъ самыхъ мудрыхъ указаній, это—поступать такимъ образомъ, чтобы неизбѣжныя препятствія, останавливающія населеніе, дѣйствовали какъ можно равномѣрнѣе на всѣхъ, и чтобы они причиняли такое только зло, избѣгнуть котораго невозможно; но попытки къ совершенному ихъ отстраненію есть дѣло безумія.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

О НАДЕЖДѢ, КАКУЮ МОЖНО ИМѢТЬ ВЪ БУДУЩЕМЪ, НА ИЗЛЕЧЕНІЕ ИЛИ СМЯГЧЕНІЕ БѢДСТВІЙ, ПОРАЖДАЕМЫХЪ ЗАКОНОМЪ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

ГЛАВА I. — О нравственномъ обузданіи и объ обязанности нашей исполнять эту добродѣтель.

Такъ какъ при настоящемъ состояніи всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами обществъ естественное размноженіе населенія сдерживалось, повидимому, постоянно и неуклонно какимъ либо насильственнымъ препятствіемъ; такъ какъ ни одна форма правительства, ни одинъ проектъ выселенія, никакія благотворительныя учрежденія, никакая энергическая дѣятельность или совершеннѣйшее приложеніе труда не въ силахъ предупредить неизмѣннаго дѣйствія этихъ препятствій, удерживающихъ, тѣмъ или другимъ образомъ, населеніе въ извѣстныхъ границахъ, то изъ этого слѣдуетъ, что порядокъ этотъ есть *законъ природы, и что ему слѣдуетъ подчиниться;* единственное обстоятельство, предоставляющееся въ этомъ случаѣ на нашъ произволъ, состоитъ въ предпочтеніи препятствія, менѣе всего предосудительнаго для добродѣтели и для счастія.

Всѣ разсмотрѣнныя нами препятствія приводятся, повидимому, къ тремъ классамъ: *нравственному обузданію, пороку и несчастію* *. Если точка нашего зрѣнія справедлива, то и выборъ нашъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Если народонаселеніе неизбѣжно должно сдерживаться какимъ либо препятствіемъ, то лучше предоставить это дѣло благоразумной предусмотрительности о затрудненіяхъ, пораждаемыхъ содержаніемъ семьи, чѣмъ настоящему дѣйствію нищеты и страданій. Мысль эта, къ развитію которой мы приступаемъ, несомнѣнно должна оказаться согласной съ

---

* Или къ *пороку и нищетѣ (misery).* См. прим. т. I, стр. 107.

здравымъ смысломъ и съ естественными законами природы. Если существуютъ на этотъ счетъ противуположныя мнѣнія, то они обязаны своимъ происхожденіемъ періоду варварства; а если они поддерживались и проповѣдывались въ послѣдующія эпохи, то это потому что они нашли людей, видѣвшихъ свою пользу въ такой защитѣ.

Физическія и нравственныя страданія представляются, повидимому, указаніями, посредствомъ которыхъ Творецъ предупреждаетъ насъ, чтобы мы избѣгали въ нашемъ поведеніи того, что̀ противурѣчитъ нашей природѣ и что̀ можетъ нанести вредъ нашему счастію. Невоздержность въ пищѣ причиняетъ болѣзни; если мы отдадимся гнѣву, то онъ нерѣдко увлекаетъ насъ къ поступку, въ которомъ позже мы будемъ раскаиваться; а если мы допускаемъ чрезмѣрно быстрое размноженіе населенія, то мы жалкимъ образомъ умираемъ жертвой бѣдности и заразительныхъ болѣзней. Во всѣхъ этихъ случаяхъ законы природы дѣйствуютъ одинаково и однообразно. Каждый изъ нихъ указываетъ намъ минуту, въ которую, повинуясь естественному побужденію, мы переходимъ за границу, предписываемую какимъ либо другимъ, постороннимъ, но неменѣе важнымъ закономъ. Болѣзнь, въ которую повергаетъ насъ излишество въ пищѣ, вредъ причиняемый намъ самимъ припадкомъ гнѣва, бѣдствія, которыми грозитъ намъ одно приближеніе бѣдности, служатъ для насъ спасительными предостереженіями, и побуждаютъ насъ къ болѣе благоразумному пользованію нашими инстинктивными склонностями. Если мы остаемся глухи къ этому голосу, то подвергаемся наказанію, связанному съ нарушеніемъ закона, а наши страданія служатъ еще урокомъ и для другихъ.

Вслѣдствіе того, что не обращалось достаточнаго вниманія на гибельныя слѣдствія чрезмѣрно быстраго размноженія человѣческаго рода, мы, повидимому, не замѣчаемъ, что между чрезмѣрнымъ размноженіемъ и его послѣдствіями существуетъ неменѣе тѣсная и очевидная зависимость, какъ и между проступками другаго рода. Тѣмъ неменѣе, характеръ нашихъ поступковъ вовсе не зависитъ отъ эпохи, въ которую они подвергаются научному изслѣдованію, и въ какое бы

время мы ни ознакомились съ образомъ дѣйствій, предписываемымъ намъ долгомъ, наша обязанность исполнять его остается неизмѣнной. Въ тысячѣ другихъ обстоятельствъ мы узнавали только послѣ тяжкаго и долгаго опыта надежнѣйшій и вѣрнѣйшій путь для достиженія счастія. Выборъ пищи, способъ ея приготовленія, лекарства и леченіе, вліяніе на здоровье низменныхъ и болотистыхъ мѣстъ, приготовленіе самой полезной и самой удобной одежды, лучшее устройство жилищъ, словомъ, всѣ искусства, наполняющія жизнь цивилизованнаго народа удовольствіями и наслажденіями, все это представляется дѣломъ не одного человѣка или одного вѣка: это плодъ медленнаго опыта и размышленій, вызванныхъ безчисленными ошибками.

На болѣзни смотрятъ обыкновенно, какъ на неизбѣжныя наказанія, посылаемыя Провидѣніемъ; но, быть можетъ, основательнѣе было бы принимать ихъ за указанія нарушенія какого либо естественнаго закона природы. Чума, постоянно свирѣпствующая въ Константинополѣ и въ другихъ городахъ востока, служитъ непрерывнымъ указаніемъ такого рода. По устройству своего тѣла человѣкъ не можетъ переносить извѣстной степени неопрятности и лѣни. Но, такъ какъ грязная и отвратительная нищета, подобно безпечности и лѣни, крайне неблагопріятна для счастія и добродѣтели, то нельзя, повидимому, не признать мудрымъ и благодѣтельнымъ законъ природы, по которому, такое положеніе сопровождается болѣзнью и смертью. Это — вѣха, стоящая надъ подводнымъ камнемъ.

Такую же роль играла въ Англіи чума, опустошавшая ее до 1666. Нѣсколько полицейскихъ мѣръ и отводныхъ каналовъ для осушки наводнявшихся мѣстностей, проложеніе и расширеніе улицъ, устройство болѣе просторныхъ и лучше освѣжаемыхъ жилищъ были достаточны для удаленія этого бича, и для значительнаго повышенія народнаго благосостоянія.

Въ исторіи повальныхъ болѣзней мы замѣчаемъ, почти безъ исключенія, что наибольшее число жертвъ погибаетъ между низшими классами народа, питающимися дурной пи-

щей и скученными въ грязныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Можно ли указывать яснѣе, какъ указываетъ намъ природа, что мы нарушаемъ одинъ изъ ея законовъ, когда размножаемся за предѣлы, обусловливаемые средствами существованія. Она объявила намъ этотъ законъ именно какъ законъ, воспрещающій невоздержаніе, указывая намъ на несчастія, которымъ мы подвергаемъ себя, когда отдаемся безгранично на волю нашихъ склонностей. Если потребность въ удовлетвореніи голода и жажды есть законъ природы, то и вредъ, причиняемый излишествомъ въ пищѣ и питьѣ, есть такой же законъ природы; то же самое слѣдуетъ сказать и о народонаселеніи.

Еслибы мы отдались на волю всѣхъ естественныхъ склонностей и побужденій, то мы впали бы въ самыя дикія и пагубныя заблужденія. Однако же, мы имѣемъ полное право считать, что всѣ эти страсти необходимы для насъ; что онѣ не могутъ быть ни уничтожены, ни ослаблены, не причиняя существеннаго вреда нашему благополучію. Самая неодолимая и самая общая потребность наша состоитъ въ пищѣ, въ одеждѣ, въ жилищѣ, вообще во всемъ, что̀ можетъ предохранить насъ отъ страданій, причиняемыхъ намъ голодомъ и холодомъ. Всѣми признается, что желаніе добыть себѣ всѣ эти средства существованія есть главная побудительная причина дѣятельности человѣка, той дѣятельности, которой слѣдуетъ приписать всѣ безчисленныя выгоды и благодѣянія цивилизаціи. Погоня за этими благами, средства для ихъ достиженія и для удовлетворенія ими нашихъ главныхъ потребностей составляютъ наибольшую часть благополучія половины человѣческаго рода, до возникновенія цивилизаціи, какъ и по ея водвореніи; что̀ же касается до другой его половины, то эти блага представляются по меньшей мѣрѣ необходимыми условіями, чтобы ей возможно было пользоваться менѣе грубыми удовольствіями, къ которымъ она стремится. Нѣтъ человѣка, который бы не видѣлъ, насколько выгоднѣе желаніе удовлетворить своимъ потребностямъ, направляемое благоразуміемъ. Въ противномъ же случаѣ, тоже всякому извѣстно, что оно становится источникомъ бѣдствій; а обще-

ство приводится къ необходимости непосредственно и строго преслѣдовать того, кто для удовлетворенія такихъ желаній, прибѣгаетъ къ незаконнымъ средствамъ. А между тѣмъ, въ томъ и другомъ случаѣ, само желаніе одинаково естественно, и одинаково добродѣтельно. Дѣйствіе человѣка, стащившаго, подъ вліяніемъ голода, хлѣбъ у булочника и удовлетворяющаго имъ свой голодъ, отличается только по своимъ послѣдствіямъ отъ дѣйствія человѣка, удовлетворяющаго голодъ принадлежащимъ ему хлѣбомъ. Послѣдствія эти состоятъ въ томъ, что если не препятствовать людямъ удовлетворять свой голодъ чужимъ хлѣбомъ, то число хлѣбовъ всюду уменьшилось бы. То, что̀ человѣкъ съ давнихъ уже временъ узналъ изъ опыта, и составляетъ основаніе законовъ о собственности, различія между порокомъ и добродѣтелью въ способѣ удовлетворенія желаній, которыя въ другихъ отношеніяхъ совершенно одинаковы.

Еслибы удовольствіе, доставляемое удовлетвореніемъ нашихъ естественныхъ склонностей, уменьшало въ тѣхъ же размѣрахъ число нашихъ желаній, то, безъ сомнѣнія, въ такихъ же размѣрахъ уменьшалось бы и число поступковъ, нарушающихъ собственность; но эта выгода пересиливалась бы уменьшеніемъ средствъ для нашего наслажденія. Произведенія, предназначающіяся для удовлетворенія нашихъ желаній, уменьшались бы быстрѣе, чѣмъ число нарушеній собственности; такъ что потеря благополучія для всѣхъ людей вообще была бы несравненно значительнѣе, чѣмъ прибыль благополучія, полученная въ другихъ отношеніяхъ. Если представить себѣ тяжкій и безконечный трудъ, которому подчинено большинство людей, то мы невольно приходимъ къ мысли, что счастіе человѣка было бы искажено въ своемъ источникѣ, еслибы надежды на сытный обѣдъ, на хорошее и теплое помѣщеніе было бы уже недостаточно, чтобы человѣкъ весело принимался за работу и терпѣливо переносилъ лишенія.

Послѣ голода, самая общая и самая могущественная страсть есть потребность любви, принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ. Любовь добродѣтельная, облагороженная дружбой, представляетъ, повидимому, соединеніе самыхъ чистыхъ

и сладостныхъ наслажденій, болѣе всего удовлетворяющихъ сердечнымъ потребностямъ. Она пробуждаетъ самыя симпатическія страсти, и тѣмъ самымъ придаетъ всей жизни больше значенія и прелести.

«Исключите изъ половыхъ сношеній сопровождающія ихъ очарованія, говоритъ Годвинъ, и они потеряютъ всю свою прелесть.» Мы можемъ сказать равнымъ образомъ: Отнимите у дерева его вѣтви и листья, и оно потеряетъ всю свою красоту.

«Прелестная наружность, кротость, впечатлительность, нѣжность, чувствительность, умъ, воображеніе*» плѣняютъ насъ; вотъ какого рода качества пробуждаютъ и питаютъ страсть любви.

Было бы въ высшей степени ошибочно ограничивать эту страсть одними чувственными наслажденіями. Образъ жизни, который мы создаемъ въ своемъ воображеніи и къ которому неуклонно стремимся, весьма основательно принимается за одно изъ главнѣйшихъ условій для нашего счастія; но я не думаю, чтобы часто создавался воображеніемъ планъ жизни, въ которомъ не занимала бы хоть какого либо мѣста любовь, въ который не входили бы семейныя удовольствія и радости, доставляемыя намъ дѣтьми. Вечерній столъ, разведенный огонь, пріятное помѣщеніе суть блага только наполовину, если въ нашемъ воображеніи мы не примѣшиваемъ къ нимъ представленія о дорогихъ лицахъ, съ которыми намъ пріятно было бы раздѣлить ихъ.

Есть еще другія основательныя причины утверждать, что страсть, о которой идетъ рѣчь, оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на смягченіе и улучшеніе сердца человѣческаго, на расположеніе его къ нѣжнымъ ощущеніямъ человѣколюбія и сострадания. Все, что извѣстно намъ изъ жизни дикарей, подтверждаетъ, что племена, слабѣе другихъ ощущающія эту страсть, отличаются звѣрствомъ и злобой, что они въ особенности расположены къ насилію и къ жестокому обращенію съ женщинами. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы супружеская

---

* *Political Justice*, т. I, стр. 72.

любовь внезапно ослабѣла, то вѣроятно мужчины, пользуясь превосходствомъ своей силы, привели бы женщинъ въ состояніе рабства, какъ это дѣлаютъ дикари; или, по меньшей мѣрѣ, малѣйшій порывъ нетерпѣнія, ничтожнѣйшее разногласіе были бы достаточны для совершеннаго разрыва между мужемъ и женой. Почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка явленій было бы ослабленіе родительской любви, а потому, и заботливости о воспитаніи дѣтей; но это не могло бы не отразиться самымъ печальнымъ образомъ на благоденствіе всего общества.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что препятствія усиливаютъ страсть и что она тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на сердце, чѣмъ труднѣе ея удовлетвореніе. Нѣжность, чувствительность, прелесть, которыми проникаются характеры и нравы, и которыя могутъ быть внушены одною только любовью, вытекаютъ главнымъ образомъ изъ испытываемыхъ ею отсрочекъ и затрудненій. Въ странахъ, отличающихся въ этомъ отношеніи слишкомъ снисходительными нравами, страсть, обращающаяся въ грубое побужденіе, вскорѣ погасаетъ, и не оказываетъ благотворнаго вліянія на характеръ. Но во всѣхъ европейскихъ странахъ, въ которыхъ женщина, не живя въ затворничествѣ, находится подъ надзоромъ чувства собственной стыдливости, страсть эта развивается съ большею энергіей, и всюду почти оказываетъ благотворное вліяніе. Мы смѣло можемъ сказать, что гдѣ эта страсть болѣе всего сдерживается, тамъ она наивыгоднѣйшимъ образомъ измѣняетъ нравы.

Страсть эта, если смотрѣть на нее съ самой широкой точки зрѣнія, присоединяя къ ней любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, безъ сомнѣнія, есть одно изъ могущественнѣйшихъ условій для счастія. Тѣмъ неменѣе, намъ хорошо извѣстно изъ опыта, что эта же самая страсть становится источникомъ бѣдствій, если она дурно направляется. Правда, что въ итогѣ бѣдствія эти ничтожны, сравнительно съ благотворнымъ дѣйствіемъ добродѣтельной любви; но сами по себѣ они несомнѣнно весьма значительны. Образъ дѣйствія въ этомъ отношеніи правительствъ и даже нала-

гаемыя ими наказанія говорятъ, что страсть, о которой идетъ рѣчь, не вызываетъ такихъ страшныхъ бѣдствій или, по крайней мѣрѣ, не причиняетъ такого непосредственнаго вреда обществу, какъ нарушеніе права собственности, какъ противузаконное удовлетвореніе желанія обладать тѣмъ, что̀ принадлежитъ другому. Тѣмъ неменѣе, когда при изслѣдованіи этой страсти представишь себѣ важныя слѣдствія необузданнаго ея проявленія, то невольно чувствуешь себя готовымъ на большія жертвы, чтобы уменьшить ея силу или даже совсѣмъ заглушить. Но это значило бы, или отнять у человѣческой жизни всю прелесть, и сдѣлать ее безцвѣтной, или отдать ее на произволъ дикаго и неукротимаго звѣрства.

Внимательное изслѣдованіе непосредственныхъ и отдаленныхъ результатовъ всѣхъ человѣческихъ страстей и всѣхъ естественныхъ законовъ показываетъ намъ, что при настоящемъ порядкѣ вещей, найдется весьма немного страстей, быть можетъ, ни одной даже, дѣйствіе которой могло бы быть ослаблено безъ нанесенія человѣку вреда, болѣе прискорбнаго, чѣмъ уменьшеніе зла, достигнутое ослабленіемъ страсти. Причина этого очевидна. Страсти суть элементы, какъ нашихъ удовольствій, такъ и нашихъ страданій; онѣ суть основы, какъ нашего счастія, такъ и нашихъ бѣдствій, нашихъ добродѣтелей, какъ и нашихъ пороковъ. Ими слѣдуетъ, стало быть, управлять, а не разрушать или ослаблять ихъ.

Докторъ Палей справедливо замѣчаетъ, что «страсти необходимы для нашего счастія, и, по природѣ своей, чаще всего ведутъ насъ къ счастью. Онѣ сильны и всеобщи. Еслибы онѣ не были такими, то, быть можетъ, онѣ не выполнили бы своего назначенія. Но, при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ, заслуживающихъ нашего вниманія, страсти вызываютъ излишества и отклоненія, которыя, въ свою очередь, порождаютъ множество пороковъ, и потому, служатъ неизсякаемымъ источникомъ бѣдствій. Здѣсь разомъ открываются, съ одной стороны — начало порока, а съ другой — господство разума и добродѣтели *.»

---

* *Natural Theology*, стр. 547.

Итакъ, добродѣтель состоитъ въ извлеченіи изъ матерьяловъ, предоставленныхъ въ наше распоряженіе Богомъ, наибольшаго количества счастія. Вложенныя имъ въ насъ побужденія сами по себѣ хороши, и только по послѣдствіямъ ихъ мы можемъ составить себѣ понятіе о злоупотребленіи ими. Поэтому, на послѣдствія эти мы должны обращать все наше вниманіе, такъ какъ главная забота наша должна состоять въ образѣ дѣйствій, основанномъ на результатахъ такого изслѣдованія.

Плодовитость человѣческой породы, въ нѣкоторомъ отношеніи, находится внѣ зависимости отъ страсти, и вызываетъ соображенія другаго рода. Она зависитъ скорѣе отъ естественнаго сложенія женщины, дозволяющаго ей имѣть большее или меньшее число дѣтей. Но законъ, которому подчиненъ въ этомъ отношеніи человѣкъ, тѣмъ неменѣе сходенъ со всѣми прочими законами, которые управляютъ нами. Половая страсть его сильна и свойственна всѣмъ людямъ; вѣроятно она была бы недостаточна для достиженія своей цѣли, еслибы была ослаблена. Навлекаемыя ею бѣдствія представляются необходимымъ слѣдствіемъ ея энергіи и всеобщности. Къ тому же, бѣдствія эти могутъ быть въ значительной степени смягчены и облегчены противупоставляемою имъ силой и добродѣтелью. Все подтверждаетъ намъ, что намѣреніе Творца состояло въ заселеніи земли; но цѣль эта, повидимому, не могла быть достигнута болѣе быстрымъ возрастаніемъ населенія, чѣмъ средствъ существованія. А такъ какъ законъ размноженія, признанный нами, не населилъ съ чрезмѣрною быстротой земнаго шара, то онъ очевидно соотвѣтствуетъ своей цѣли. Потребность въ средствахъ существованія не была бы до такой степени настоятельна, и не развивала бы такъ сильно способностей человѣка, еслибы стремленіе къ безграничному размноженію не увеличивало ея напраженія. Еслибы оба эти количества—населеніе и средства существованія—возрастали въ одинаковой прогрессіи, то я не вижу, какое побужденіе могло бы одержать побѣду надъ естественной лѣностью человѣка, и побудить его къ расширенію обработки земли. Населеніе самой обширной и самой плодородной територіи такъ же легко остановилось бы на пятистахъ

жителяхъ, какъ и на пяти тысячахъ, на пяти, какъ и на пятидесяти мильонахъ. Такая прогрессія не могла, стало быть, соотвѣтствовать цѣли Провидѣнія. Но, что̀ касается до точнаго опредѣленія предѣла, необходимаго, чтобы цѣль эта была достигнута съ возможно меньшимъ зломъ, то мы сознаемся въ нашемъ безсиліи для разрѣшенія этого вопроса. При настоящемъ порядкѣ вещей, мы имѣемъ дѣло съ громадной силой, способной населить въ нѣсколько лѣтъ пустынную область; но въ то же самое время сила эта можетъ быть сдержана болѣе высокою силой добродѣтели въ какихъ угодно тѣсныхъ границахъ цѣною небольшаго зла, сравнительно съ выгодами, какія получены будутъ такою мудрою экономіей. Аналогія этого закона съ прочими законами природы была бы очевидно нарушена, еслибы въ одномъ только этомъ случаѣ не приходилось принимать во вниманіе случайности, пороки и частныя бѣдствія, которыя могутъ быть причинены тутъ какимъ либо другимъ общимъ закономъ. Чтобы цѣль закона могла быть достигнута, не вызывая за собой никакого зла, для этого было бы необходимо, чтобы законъ размноженія способенъ былъ къ безпрерывнымъ измѣненіямъ, и чтобы онъ подчинялся всѣмъ случайнымъ обстоятельствамъ, какія только могутъ встрѣтиться въ различныхъ странахъ. Гораздо согласнѣе со всѣми остальными явленіями природы, гораздо полезнѣе для насъ и выгоднѣе для нашего совершенствованія признать, что законъ этотъ неизмѣненъ, и что причиняемыя имъ, вслѣдствіе различныхъ случайностей, бѣдствія должны быть предоставлены на благоразуміе человѣка, на которомъ лежитъ обязаность позаботиться объ ихъ отстраненіи или смягченіи. Обязанность его въ этомъ отношеніи будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, человѣкъ научается бдительно слѣдить за собой и предвидѣть послѣдствія собственныхъ поступковъ. Способности его развиваются и совершенствуются упражненіемъ, безъ сомнѣнія, успѣшнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы законы, примѣняющіеся ко всѣмъ возможнымъ обстоятельствамъ, освобождали его отъ бѣдствій и отъ необходимой внимательности для ихъ избѣжанія.

Еслибы страсти обуздывались безъ особеннаго труда, или, еслибы при легкой возможности ихъ удовлетворенія незаконнымъ образомъ, люди охотно согласились бы жить въ безбрачіи, то стремленія природы къ заселенію земли вѣроятно были бы обойдены. Для счастія человѣчества, безспорно имѣетъ огромное значеніе условіе, чтобы размноженіе не шло слишкомъ быстро; но, съ другой стороны, для достиженія этой цѣли, склонность къ брачной жизни должна, повидимому, сохранить все настоящее свое напряженіе. Долгъ каждаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы не помышлять о брачной жизни, пока онъ не будетъ въ состояніи обезпечить своего потомства всѣмъ необходимымъ; и въ то же время необходимо, чтобы склонность къ брачной жизни сохранила всю свою силу, и чтобы она могла поддержать энергію и пробудить въ безбрачномъ человѣкѣ желаніе достигнуть путемъ трудолюбія необходимой ему степени благосостоянія.

Поэтому, *мы должны заботиться о направленіи закона народонаселенія и объ управленіи имъ, а не объ ослабленіи и искаженіи его.* А если нравственное обузданіе есть единственное законное сродство для избѣжанія сопровождающихъ его бѣдствій, то мы столько же обязаны исполнять эту добродѣтель, какъ и всякую другую, въ пользѣ которой мы вообще убѣдились изъ опыта.

Хотя мы безспорно должны относиться снисходительно къ отклоненіямъ отъ обязанностей трудноисполнимыхъ, тѣмъ неменѣе, послѣднія должны быть всѣми признаны. Обязанность воздерживаться отъ брака, пока не имѣешь въ виду возможности содержать семью, представляетъ предметъ, достойный вниманія моралиста. Это, разумѣется, покажется несомнѣннымъ, если разъ будетъ доказано, что соблюденіе этой добродѣтели есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для предупрежденія несчастія, и что неисполненіе этой обязанности или безразсудное повиновеніе инстинктамъ природы и вступленіе въ бракъ въ юномъ возрастѣ могутъ повергнуть общество въ такія бѣдствія, отъ которыхъ не въ состояніи спасти его никакая другая добродѣтель, и отдать его на произволъ нищеты, болѣзней и голода.

ГЛАВА II.—О вліяніи, какое должно оказать на общество нравственное обузданіе.

Весьма многіе не хотятъ признать, что народонаселеніе стремится къ болѣе быстрому размноженію, чѣмъ средства существованія, на томъ основаніи, что имъ кажется невозможнымъ, чтобы Божество установило законы, призывающіе къ жизни существа, существованіе которыхъ невозможно на основаніи тѣхъ же законовъ. Но если мы сообразимъ, что законы эти, независимо отъ пробужденія и полезнаго направленія нашей дѣятельности, указываютъ намъ, при содѣйствіи случайныхъ бѣдствій, на самое пригодное средство для противудѣйствія чрезмѣрному населенію; если, подчиняясь такому порядку, предписываемому разумомъ и природой, подтверждаемому и освящаемому самимъ откровеніемъ, мы можемъ избѣгнуть этихъ дѣйствій, то мнѣ кажется, что возраженіе падаетъ само собой, и божественная благость возстановляется.

Древніе моралисты всегда смотрѣли на добродѣтель, какъ на единственный путь для достиженія того счастія, какимъ только можетъ пользоваться человѣкъ на землѣ. А между добродѣтелями они ставили на первый планъ благоразуміе; нѣкоторые же изъ нихъ къ этой добродѣтели приводили всѣ остальныя. Христіанская религія полагаетъ наше блаженство, настоящее, какъ и будущее, въ добродѣтеляхъ, которыя могутъ открыть намъ болѣе высокое благополучіе, и потому, еще строже требуетъ, чтобы мы подчиняли наши страсти разуму, что̀ и составляетъ основное правило благоразумія.

Еслибы, примѣра ради, мы представили себѣ общество, каждый членъ котораго старался бы достигнуть счастія точнымъ исполненіемъ обязанностей, принимавшихся мудрѣйшими изъ древнихъ философовъ за естественные законы и освященныхъ христіанской нравственностью, то это общество, безъ сомнѣнія, вовсе не походило бы на то, которое находится предъ нашими глазами. Всякій поступокъ внушаемый желаніемъ немедленнаго удовольствія, но за которымъ

слѣдуетъ большее зло, считался бы нарушеніемъ обязанности. Поэтому, человѣкъ, имѣющій возможность прокормить только двухъ дѣтей, ни въ какомъ случаѣ не согласился бы очутиться въ положеніи, въ которомъ онъ былъ бы принужденъ воспитывать четырехъ или пятерыхъ, какъ бы сильны ни были въ этомъ отношеніи побужденія слѣпой страсти. Такая благоразумная воздержность, еслибы она всѣми соблюдалась, уменьшеніемъ количества рукъ или уменьшеніемъ предлагающагося труда, непремѣнно вызвала бы повышеніе заработной платы. Время, проводимое въ лишеніяхъ, было бы употреблено на сбереженія; работникъ получилъ бы привычки къ трезвости, къ труду и къ бережливости; по прошествіи извѣстнаго времени, трудолюбивый человѣкъ получилъ бы возможность завестись семьей, не боясь никакихъ послѣдствій. Постоянное дѣйствіе предупреждающихъ препятствій, ограниченіемъ размноженія населенія количествомъ существующаго продовольствія и допущеніемъ размноженія при возрастаніи количества пищи, придало бы дѣйствительную цѣнность увеличившейся заработной платѣ и сбереженіямъ, сдѣланнымъ работникомъ до брака.

Такая цѣнность вовсе не похожа ту, которая опредѣляется вынужденной заработной платой или приходскими вспомоществованіями, неизбѣжно вызывающими соотвѣтствующее повышеніе въ цѣнѣ продовольствія. Такъ какъ заработной платы будетъ достаточно для содержанія семьи, а въ каждомъ хозяйствѣ будетъ сбережена небольшая сумма на всякій случай, то нищета была бы изгнана, или ограничилась бы самымъ небольшимъ числомъ лицъ, сдѣлавшихся жертвой такихъ ударовъ судьбы, которые не могутъ быть ни предвидѣны, ни предупреждены никакою человѣческою мудростью.

Время между отроческимъ возрастомъ и эпохою супружества проводилось бы въ строгомъ исполненіи требованій цѣломудрія, ибо нарушеніе этихъ требованій влечетъ за собой самыя пагубныя послѣдствія для общества. Распутная жизнь, наносящая вредъ народонаселенію, очевидно содѣйствуетъ ослабленію благороднѣйшихъ побужденій сердца и искаженію характера. Всякая незаконная связь содѣйствуетъ,

неменѣе брака, размноженію населенія (если не прибѣгаютъ къ средствамъ, противнымъ нравственности), и представляетъ бо̀льшую вѣроятность, что раждающіяся дѣти попадутъ на попеченіе того общества, котораго они будутъ членами.

Соображенія эти доказываютъ, что цѣломудріе не есть добродѣтель насильственная, вызываемая чисто искуственнымъ устройствомъ общества, какъ это многими принимается, но имѣетъ свое дѣйствительное и прочное основаніе въ природѣ и разумѣ; въ самомъ дѣлѣ, добродѣтель эта есть единственное законное средство для избѣжанія пороковъ и бѣдствій, вызываемыхъ закономъ народонаселенія.

Въ предположенномъ нами обществѣ, быть можетъ, оказалось бы необходимымъ, чтобы лица обоего пола проживали довольно значительное число лѣтъ въ безбрачіи, прежде чѣмъ они рѣшатся завестись семьей. Еслибы обычай этотъ распространился, то впослѣдствіи могло бы увеличиться число браковъ, такъ что, говоря вообще, меньшему числу людей пришлось бы проводить внѣ брака всю свою жизнь. Еслибы обычай вступать въ супружество въ позднемъ возрастѣ, одержалъ наконецъ верхъ, и еслибы нарушеніе законовъ цѣломудрія обезславливало одинаково мужчинъ, какъ и женщинъ, то между обоими полами могли бы возникнуть съ полною безопасностью болѣе близкія дружескія отношенія. Молодые друзья обоего пола, несмотря на свою юность, могли бы обращаться другъ съ другомъ со всею простотой и довѣрчивостью, не вызывая этимъ никакихъ подозрѣній на счетъ супружескихъ ихъ плановъ, или на счетъ любовной интриги между ними. Вслѣдствіе этого, обѣ стороны лучше ознакомились бы со склонностями другъ друга, а потому, возникали бы болѣе прочныя привязанности, безъ которыхъ супружество несетъ больше горестей, чѣмъ радостей. Молодые годы не были бы чужды любви, но любви цѣломудренной и чистой, которая нетолько не погасала бы отъ пресыщенія, но постоянно горѣла бы полнымъ пламенемъ, и потухала бы вмѣстѣ съ жизнью. На супружество перестали бы смотрѣть, какъ на средство свободно отдаваться своимъ влеченіямъ по взаимному соглашенію; оно сдѣлалось бы наградой за трудолюбіе и добро-

дѣтель, возмездіемъ за неизмѣнную и искреннюю привязанность *.

Страсть любви оказываетъ благотворное дѣйствіе на характеръ человѣка, и нерѣдко побуждаетъ его къ благороднымъ и великодушнымъ поступкамъ; но такое счастливое ея дѣйствіе возможно въ такомъ только случаѣ, когда она сосредоточена на одномъ предметѣ, и чаще всего, когда она сопровождается препятствіями **. Быть можетъ, никогда сердце человѣческое не бываетъ открыто такъ для добродѣтели, никогда не бываетъ способно къ такому цѣломудрію и къ такой чистотѣ, какъ подъ вліяніемъ подобной страсти. Поздніе браки, которые увѣнчивали бы собой такія привязанности, разумѣется, нисколько не походили бы на заключающіяся такъ часто на нашихъ глазахъ супружества, основанныя на денежномъ интересѣ, и въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ предлагаются поношенныя чувства. При настоящемъ порядкѣ ве-

---

* Въ своемъ интересномъ наблюденіи надъ характеромъ и положеніемъ шотландскихъ крестьянъ, помѣщенномъ въ началѣ біографіи Бурнса, докторъ Курри дѣлаетъ замѣчаніе, показывающее большое знакомство съ сердцемъ человѣческимъ. «При оцѣнкѣ благоденствія и уровня нравственности какого либо общества, говоритъ онъ, быть можетъ, ни одно отдѣльное указаніе не заслуживаетъ такого вниманія, какъ отношенія между полами. Если замѣчается въ нихъ горячая привязанность въ сопровожденіи цѣломудренныхъ нравовъ, то характеръ и вліяніе женщинъ подымается, и немощная природа человѣческая приближается къ наивысшей степени доступнаго ей совершенства. Одна эта привязанность служитъ источникомъ благоденствія, которое, разливаясь по множеству каналовъ, скрашиваетъ и обогащаетъ всю жизнь. Но гдѣ привязанность между полами искажается въ слѣпой инстинктъ, тамъ *человѣческая порода впадаетъ въ жалкое состояніе, и приближается къ породѣ вырождающагося звѣря.*» Т. I, стр. 18. Прим. автора.

** Докторъ Курри говоритъ, что между шотландскими крестьянами любовь развиваетъ духъ предпріимчивости, достойный древняго рыцарства (Burn's *Works*, т. I, стр. 16. Такого рода романическая страсть, которую рисуетъ этотъ писатель, какъ явленіе общее между шотландскимъ народомъ, воспитываемая въ высшихъ слояхъ общества возвышенными чувствами, являющимися слѣдствіемъ свободнаго воспитанія, безъ всякаго сомнѣнія, имѣла самое благотворное вліяніе на характеръ всего народа. Прим. автора.

щей, только мужчины женятся въ позднемъ возрастѣ, и какъ бы они стары ни были, они берутъ весьма молодыхъ женъ. Молодая, но бѣдная дѣвушка, едва достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, уже опасается, что должна бросить всякую надежду вступить въ бракъ; нерѣдко, съ сердцемъ, способнымъ на самую неизмѣнную привязанность, ей приходится состарѣться въ одиночествѣ; а по исконному, столько же несправедливому, какъ и жестокому предразсудку, положеніе ея вызываетъ насмѣшку. Еслибы супружескій возрастъ наступалъ вообще позднѣе, то періодъ молодости и надеждъ удлиннился бы, и менѣе было бы несбывшихся ожиданій *.

Такая перемѣна несомнѣнно должна оказаться въ высшей степени благотворной для добродѣтельнѣйшей половины рода человѣческаго. Еслибы отсрочка, о которой идетъ рѣчь, вызвала бы нѣкоторый ропотъ между мужчинами, то по крайней мѣрѣ женщины согласились бы на нее со всею готовностью; еслибы онѣ были увѣрены, что имъ удастся выйти замужъ въ двадцать восемь или тридцать лѣтъ, то я не сомнѣваюсь, что предоставленныя на собственную волю, онѣ скорѣе согласились бы ждать этого возраста, чѣмъ быть обремененными съ двадцати пяти лѣтъ многочисленной семьей. Нельзя опредѣлить точно возрастъ, болѣе всего приличный для вступленія въ бракъ; онъ зависитъ отъ многихъ условій и случайностей, и можетъ быть указанъ однимъ только опытомъ. Быть можетъ, ни въ какую эпоху природа не побуждаетъ въ этомъ отношеніи такого безпокойства, какъ тотчасъ по выходѣ изъ юношества. Но во всѣхъ обществахъ, вышедшихъ изъ состоянія нищеты и униженія, исключающаго предусмотрительность и искажающаго самый разсудокъ, оказалось необходимымъ положить препятствіе для такихъ преждевременныхъ браковъ. Поэтому, если и при настоящемъ порядкѣ вещей нашли необходимымъ сдерживать слѣпые порывы инстинкта, то въ какой же возрастъ слѣдовало бы прекратить это стѣсненіе, если не въ эпоху, въ которую, независимо отъ числа лѣтъ, можно быть увѣрену, что имѣющія родиться

* См. ниже, конецъ V гл. этой книги.

дѣти будутъ вскормлены тѣми людьми, которые дали имъ жизнь?

Быть можетъ, мнѣ приведутъ въ опровержeніе трудность исполненія такой добродѣтели, какъ нравственное обузданіе? Людямъ, непризнающимъ авторитета христіанской религіи, я могу привести одинъ только доводъ. Добродѣтель эта, послѣ тщательнаго изслѣдованія, оказывается необходимой для избѣжанія бѣдствій, которыя, въ противномъ случаѣ, составляютъ неизбѣжное слѣдствіе законовъ природы. Противники мои согласятся, что они должны имѣть въ виду наибольшую сумму добра, возможнаго при этихъ законахъ, и потому, они не имѣютъ права, повиновеніемъ какимъ либо другимъ, второстепеннымъ законамъ, противурѣчащимъ первымъ, отказываться отъ своей главной цѣли, и открывать неисчерпаемый источникъ бѣдствій. Путь добродѣтели, единственно ведущій къ счастію, всегда представлялся древними философами крайне труднымъ.

Христіанину же отвѣчу я, что священное писаніе самымъ яснымъ и положительнымъ образомъ вмѣняетъ намъ обязанность сдерживать наши страсти въ границахъ, предписываемыхъ разумомъ. Но удовлетвореніе нашихъ страстей, когда разумъ показываетъ намъ, что за этимъ неминуемо послѣдовало бы несчастіе, было бы формальнымъ нарушеніемъ этого закона. Христіанинъ не имѣетъ права принимать трудность нравственнаго обузданія за законное оправданіе, которое освобождало бы его отъ исполненія своихъ обязанностей. На каждой страницѣ священнаго писанія человѣкъ представляется намъ окруженнымъ искушеніями, съ которыми ему весьма трудно бороться; и хотя оно не предписываетъ ни одной обязанности, соблюденіе которой приносило бы намъ счастіе въ этой жизни, обезпечивая въ то же самое время за нами блаженство въ будущей, тѣмъ неменѣе, всестороннее и неустанное исполненіе всѣхъ правилъ, налагаемыхъ на насъ религіей, нигдѣ не представляется въ немъ дѣломъ легкимъ.

Юношество до такой степени отзывчиво на нѣжныя чувствованія, что въ этомъ возрастѣ трудно отличить истинную

и прочную страть отъ мимолетнаго увлеченія. Еслибы оба пола подчинялись въ первые годы жизни нравственному обузданію, позволяющему отдаваться только полезнымъ страстямъ, и такъ какъ для проявленія такихъ страстей было бы гораздо болѣе случаевъ, то можно было бы разсчитывать на такое же, если не на большее число счастливыхъ супружествъ, чѣмъ какое дается при отсутствіи затрудненій для заключенія преждевременныхъ браковъ, хотя бы отсутствіе этихъ затрудненій обусловливалось совершенно исключительными и случайными обстоятельствами, какія замѣчаются въ Америкѣ. Но если сравнить то идеальное общество, которое представлено нами выше, съ обществами, какія существуютъ въ дѣйствительности во всѣхъ европейскихъ странахъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, не принимая даже въ разсчетъ бѣдствій, отъ которыхъ послѣднія были бы избавлены нравственнымъ обузданіемъ, первое все таки должно пользоваться несравненно большею суммой наслажденій, пораждаемыхъ любовью.

Еслибы мы смѣли надѣяться на повсемѣстное распространеніе нашихъ воззрѣній, то въ отношеніяхъ между народами произошла бы такая же благотворная перемѣна, какъ и во внутреннемъ общественномъ устройствѣ каждаго отдѣльнаго государства. Мы могли бы надѣяться на значительное ослабленіе опустошеній, производимыхъ войнами, и, быть можетъ, даже на совершенное прекращеніе ихъ между народами когда нибудь въ будущемъ.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ войнъ между древними народами состояла, безъ сомнѣнія, въ недостаткѣ мѣста и продовольствія; и хотя въ существованіи новѣйшихъ народовъ и произошла нѣкоторая перемѣна въ этомъ отношеніи, тѣмъ неменѣе, причина эта не прекращала своего дѣйствія, хотя и въ слабѣйшей степени. Честолюбію государей не на что было бы опереться, еслибы несчастное положеніе не побуждало низшіе классы общества спѣшить подъ ихъ знамена. Вербовщики мечтаютъ о плохой жатвѣ; имъ выгодно, чтобы большее число рукъ осталось безъ работы, или, другими словами, чтобы былъ излишекъ въ народонаселеніи.

Въ первыя историческія времена, когда война была главнымъ занятіемъ людей, и когда потери, причиняемыя ею народонаселенію, были безъ сравненія значительнѣе, противъ настоящаго времени, законодатели и государственные люди, постоянно озабоченные мѣрами для нападенія и обороны, считали своей обязанностью поощрять всѣми средствами размноженіе населенія; поэтому, они старались покрыть безславіемъ безплодіе и безбрачіе, и окружить почетомъ супружество. Народныя вѣрованія сложились подъ вліяніемъ этихъ правилъ. Во многихъ странахъ плодородіе было предметомъ поклоненія. Религія Магомета, основанная мечемъ, и потому, требовавшая постояннаго пополненія правовѣрнаго населенія, выставляла первымъ долгомъ для каждаго своего послѣдователя имѣть какъ можно больше дѣтей, ради прославленія имени Бога. Такіе правила служили могущественнымъ поощреніемъ для супружествъ, а вызывавшееся ими быстрое размноженіе народонаселенія было одновременно, и слѣдствіемъ, и причиной постоянныхъ войнъ этого періода человѣческихъ обществъ. Страны, опустошенныя недавней войной, заселялись новыми поселеніями, которыя должны были выставлять новыя арміи, а быстрота, съ которой выставлялись онѣ одна за другой, была причиной и средствомъ для новыхъ опустошеній. При господствѣ подобныхъ предразсудковъ, трудно предвидѣть когда либо конецъ войнамъ.

Христіанская нравственность внушаетъ намъ иныя правила; за нею нельзя не признать характера божественной религіи, свойственной болѣе развитому состоянію человѣческихъ обществъ. Выраженія, съ которыми она относится къ обязанностямъ относительно брака, заслуживаютъ полнаго нашего вниманія.

Не входя въ настоящемъ случаѣ въ подробности, которыя далеко отвлекли бы насъ, прилагая къ настоящему состоянію общества духъ ученія святаго Павла, и не упуская изъ виду естественныхъ законовъ природы, я полагаю, нельзя не согласиться, что супружество, если оно не противурѣчитъ болѣе высокимъ обязанностямъ, заслуживаетъ нашего одобренія; но если оно противурѣчитъ имъ, то достойно порицанія.

Это совершенно согласно съ безусловными требованіями высокой нравственности: «Чтобы узнать естественнымъ здравымъ смысломъ волю Творца, для этого слѣдуетъ оцѣнить значеніе поступка относительно всеобщаго блага *.» Но мàло поступковъ, которые оказывали бы такое непосредственное вліяніе на общественное благосостояніе, какъ вступленіе въ супружество безъ надежды на средства для содержанія семьи. Человѣкъ, поступающій такимъ образомъ, поступаетъ, поэтому, противъ воли Бога. Онъ становится бременемъ для общества, въ которомъ живетъ. Онъ готовитъ для себя и для своего семейства положеніе, менѣе всего способное для поддержанія привычки къ добродѣтели. Онъ нарушаетъ свой долгъ относительно ближнихъ и относительно самого себя. Онъ повинуется голосу страсти и заглушаетъ голосъ самыхъ священныхъ своихъ обязанностей.

Въ предположенномъ мною обществѣ, всѣ члены котораго стараются достигнуть счастія строгимъ исполненіемъ нравственныхъ требованій, указываемыхъ здравымъ смысломъ и освящаемыхъ откровеніемъ, подобныя супружества очевидно невозможны. Такимъ образомъ, предупрежденіемъ избытка населенія будетъ уничтожена главнѣйшая причина и, безспорно, главное средство для исполненія завоевательныхъ плановъ, а внутри государства предупреждены будутъ тиранія и возмущенія, политическія болѣзни, тѣмъ болѣе пагубныя, что онѣ взаимно поддерживаютъ другъ друга.

Но, безсильное для войны наступательной, подобное общество, въ случаѣ обороны, представитъ силу, которую можно сравнить съ алмазной скалой. Гдѣ каждое семейство будетъ обладать въ изобиліи всѣмъ необходимымъ для жизни, и пользоваться довольствомъ, тамъ не можетъ быть ни желанія перемѣнъ, ни того равнодушія и отчаянія, которыя побуждаютъ низшіе классы народа руководствоваться правиломъ: «Чтобы ни случилось, хуже не будетъ.» Всѣ поднялись бы единодушно, чтобы дать отпоръ нападающему, ибо каждый сознаетъ, чтò онъ выграетъ отъ это-

* Paley's *Moral philosophy,* т. I, стр. 65.

*

го, и понимаетъ, что всякая перемѣна будетъ для него убыточна.

Поэтому, такъ какъ отъ насъ самихъ зависитъ избѣжаніе бѣдствій, причиняемыхъ закономъ народонаселенія; такъ какъ для этого достаточно исполненія добродѣтели, внушаемой природой и подтверждаемой религіей; такъ какъ мы имѣемъ право надѣяться, что исполненіе этой добродѣтели, сверхъ того, нетолько не нанесетъ ни малѣйшаго ущерба нашему счастію, но еще увеличитъ его, то мы не смѣемъ обвинять божественной справедливости общихъ законовъ, обусловливающихъ необходимость этой добродѣтели: божественная справедливость имѣетъ право наказывать людей за нарушеніе этой добродѣтели бѣдствіями, неизбѣжно сопровождающими порокъ, и различными страданіями, причиняющими преждевременную смерть самыми разнообразными способами. Общество дѣйствительно добродѣтельное, какъ то, которое представлено мною выше, избѣгнетъ такихъ бѣдствій. Цѣль Творца состоитъ, повидимому, въ отклоненіи насъ отъ порока сопровождающими его страданіями, и въ побужденіи насъ къ добродѣтели сопровождающимъ ее благополучіемъ. Насколько доступно нашему пониманію, такой планъ соотвѣтствуетъ его благости. Естественные законы относительно народонаселенія очевидно имѣютъ такое значеніе. Поэтому, они не могутъ служить доводомъ противъ божественной благости, доводомъ, который одинаково могъ бы быть приложенъ ко всѣмъ испытываемымъ нами бѣдствіямъ.

ГЛАВА III.—О единственномъ, находящемся въ нашемъ распоряженіи средствѣ для улучшенія участи бѣднаго.

Если кто либо предлагаетъ кодексъ нравственности или полную теорію нашихъ обязанностей, то это вовсе не доказываетъ, чтобы онъ обольщалъ себя безумной надеждой, какъ бы онъ ни былъ убѣжденъ въ неизмѣнной необходимости для людей подчиненія его законамъ, что послѣдніе будутъ исполняться всѣми, или даже большею частью людей. И тѣмъ неменѣе, ничего нельзя сказать противъ обнародованія по-

добной теоріи. Въ противномъ случаѣ, нельзя было бы предложить ни одного нравственнаго правила, а къ порокамъ, вызываемымъ въ насъ искушеніями, постоянно присоединялось бы еще большее число пороковъ, обусловленныхъ невѣжествомъ.

Здравый смыслъ показываетъ намъ, что если съ одной стороны, нельзя сомнѣваться въ бѣдствіяхъ, порождаемыхъ чрезмѣрнымъ народонаселеніемъ, а съ другой стороны, неменѣе очевидны бѣдствія, вызываемыя развратомъ, въ особенности для одной половины человѣческаго рода, то я не понимаю, какимъ образомъ моралистъ, строющій нравственность на полезности, можетъ отвергать необходимость для насъ нравственнаго обузданія, какъ долга, пока мы не будемъ имѣть средствъ для содержанія семьи. Обращаясь затѣмъ къ откровенію, мы находимъ, что оно вполнѣ подтверждаетъ это правило. Несмотря на это, я не думаю, чтобы между моими читателями нашлось много людей, которые бы менѣе, чѣмъ я, утѣшали себя надеждой, что люди измѣнятъ вообще свой образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи. Поэтому, намѣреніе мое, при составленіи картины общества, въ которомъ предлагаемая мною добродѣтель всѣми бы исполнялась, состояло главнымъ образомъ въ отстраненіи всякихъ нападокъ въ этомъ отношеніи на божественную благость, указаніемъ, что бѣдствія, порождаемыя закономъ народонаселенія, ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ бѣдствій, противъ которыхъ не раздается подобныхъ жалобъ; что наше невѣжество и безпечность усиливаютъ эти бѣдствія, между тѣмъ какъ просвѣщеніе и добродѣтель могли бы смягчить ихъ; что еслибы всѣ люди строго исполняли свои обязанности, то бѣдствія эти исчезли бы почти совершенно; что такая безконечная выгода была бы получена безъ уменьшенія всей массы наслажденій, доставляемыхъ намъ разумно направляемыми страстями, которыя, съ этой точки зрѣнія, представляются весьма основательно главными условіями для нашего счастія.

Если подобная картина можетъ освѣтить предметъ изслѣдованія, то я не нахожу въ ней никакого неудобства; мнѣ кажется, что нельзя назвать писателя мечтателемъ за такого

рода предположенія, если только онъ не настаиваетъ на томъ, что ради полученія практической пользы изъ примѣненія его теоріи, предписываемыя имъ правила должны быть обязательны для всѣхъ или для наибольшаго числа гражданъ, вмѣсто того, чтобы довольствоваться той средней и частной степенью улучшенія, на какую только и можно благоразумно разсчитывать отъ указанія и отъ самаго всесторонняго изложенія нашихъ обязанностей.

Но между представленной мною картиной и другими такого же рода изображеніями существуетъ въ этомъ отношеніи существенное различіе. Предположенное мною улучшеніе можетъ происходить тѣми же путями, какими шли вообще всѣ улучшенія, то есть, непосредственнымъ примѣненіемъ къ общественному благу личныхъ интересовъ и возрастающаго благополучія каждаго гражданина. Въ настоящемъ случаѣ не требуется отъ насъ образа дѣйствій на основаніи новыхъ побужденій, несогласныхъ съ нашими привычками; намъ не вмѣняется общественнаго блага, сознаніе котораго, быть можетъ, даже недоступно нашему пониманію, дѣйствіе котораго можетъ быть ослаблено отдаленностью цѣли или разсѣяніемъ нашего вниманія на слишкомъ большемъ числѣ предметовъ. Общественное благосостояніе должно вытекать изъ благосостоянія отдѣльныхъ лицъ, и для достиженія его каждый долженъ заботиться прежде всего о самомъ себѣ. Для этого нѣтъ даже необходимости во взаимномъ содѣйствіи. Каждый шагъ ведетъ къ цѣли. Кто исполняетъ свой долгъ, тотъ получаетъ и вознагражденіе за него, какъ бы велико ни было число людей, уклоняющихся отъ своихъ обязанностей. Обязанности эти очевидны и доступны всякому пониманію, ибо всѣ онѣ приводятся къ тому, чтобы не производить на свѣтъ дѣтей, если не имѣешь средствъ для ихъ воспитанія. Правило это, освобожденное отъ неопредѣленности, которою затемнили его различныя теоріи общественной и частной благотворительности, не можетъ не поразить своей очевидностью, и каждый человѣкъ непремѣнно пойметъ налагаемое имъ обязательство. Если онъ не въ состояніи прокормить своихъ дѣтей, то послѣднія должны умереть съ голоду, а

если онъ женится безъ надежды на средства для содержанія семьи, то становится виновнымъ въ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ его поведеніемъ ему самому, его женѣ и дѣтямъ. Его личный интересъ, собственное его счастіе требуютъ, чтобы онъ отложилъ вступленіе въ бракъ, пока трудолюбіемъ и бережливостью не пріобрѣтетъ средствъ для содержанія жены и дѣтей. Поэтому, до наступленія этой поры, онъ не можетъ предаваться своимъ страстямъ, не нарушая божескихъ законовъ, не подвергая опасности самого себя и не причиняя вреда своему ближнему. Итакъ, соображенія, вытекающія изъ личныхъ его интересовъ и собственнаго его благополучія, налагаютъ на него строгое исполненіе нравственнаго обузданія.

Какъ бы неудержима ни была власть страстей, замѣчено, что до нѣкоторой степени онѣ всегда могутъ быть подчинены вліянію разума; нельзя, поэтому, назвать мечтателемъ человѣка, предполагающаго, что ясное объясненіе дѣйствительной и неизмѣнной причины бѣдности, подтверждаемое множествомъ всѣмъ доступныхъ примѣровъ, можетъ произвесть свое дѣйствіе, и оказать даже весьма замѣтное вліяніе на поведеніе народа. Недурно было бы по крайней мѣрѣ испробовать его, чего до сихъ поръ еще не дѣлалось.

Почти все, что до сихъ поръ предпринималось для облегченія бѣдныхъ, стремилось, при содѣйствіи изысканной заботливости, только покрыть непроницаемымъ покровомъ этотъ вопросъ, и скрыть отъ несчастныхъ настоящую причину ихъ нищеты. Между тѣмъ какъ заработной платы едва хватаетъ на прокормленіе двухъ дѣтей, работникъ женится, и на его рукахъ оказывается пятеро или шестеро. Это повергаетъ его въ безвыходное положеніе. Онъ жалуется на заработную плату, недостаточную для содержанія семейства; онъ обвиняетъ приходъ въ томъ, что онъ отказываетъ ему въ помощи; онъ уличаетъ въ скаредности богатыхъ, отказывающихся подѣлиться съ нимъ своимъ избыткомъ; онъ обвиняетъ общественныя учрежденія въ пристрастіи и несправедливости; онъ обвиняетъ само Провидѣніе, предназначившее ему такую плачевную участь, со всѣхъ сторонъ осаждаемую лишеніями и страданіями. Всюду встрѣчая поводъ для жалобъ и обвиненій,

ему не приходитъ въ голову мысли обратить свои взоры на дѣйствительную причину своихъ страданій. Онъ обвиняетъ самого себя послѣ всѣхъ, а между тѣмъ, на дѣлѣ, онъ одинъ только и достоинъ порицанія. Быть можетъ, единственное его оправданіе состоитъ въ томъ, что онъ обманутъ мнѣніями, распространяемыми высшими классами общества. Можетъ случиться, что онъ раскаивается въ томъ, что женился, ибо чувствуетъ всю тяжесть своего положенія; но ему не приходитъ въ голову, что онъ поступилъ скверно, вступая въ бракъ. Ему говорили, напротивъ того, что производя своему государю и своей странѣ новыхъ подданныхъ, онъ поступаетъ похвально; онъ руководствовался этимъ правиломъ, и между тѣмъ страдаетъ, и потому, ему естественно кажется, что онъ страдаетъ за хорошее дѣло. Онъ даже не можетъ не признать за дѣло несправедливое и явно жестокое со стороны государя и своего отечества то, что они оставляютъ его въ жалкомъ положеніи въ благодарность за благодѣяніе, оказанное имъ по собственному ихъ приглашенію и вслѣдствіе ихъ неоднократныхъ заявленій въ необходимости такихъ услугъ съ его стороны.

Пока не разсѣются эти нелѣпыя воззрѣнія, пока здравыя и естественныя понятія о народонаселеніи не будутъ распространены всюду, и не вытѣснятъ господствующихъ заблужденій и предразсудковъ, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ права утверждать, чтобы сдѣланы были хоть какія нибудь усилія для просвѣщенія народа. Чтобы имѣть право обвинять народъ, слѣдовало бы прежде всего позаботиться о его просвѣщеніи. Мы получимъ право жаловаться на его непредусмотрительность и безпечность, если онъ будетъ поступать, какъ теперь поступаетъ, когда ему доказано будетъ, что самъ онъ виноватъ въ своей бѣдности; что средство противъ нея зависитъ отъ него самого, и ни отъ кого болѣе; что общество, къ которому онъ принадлежитъ, и управляющее имъ правительство безсильны помочь ему; что какъ бы искренни ни были желанія того и другаго облегчить его, какія бы усилія ни употреблялись ими для этой цѣли, они дѣйствительно не въ состояніи исполнить ни своихъ великодушныхъ желаній,

ни своихъ опрометчивыхъ обѣщаній; что если заработная плата становится недостаточной для содержанія семейства, то это служитъ очевиднымъ признакомъ, что ни государь, ни отечество его не нуждаются въ новыхъ подданныхъ, или по крайней мѣрѣ, что они не въ состояніи кормить ихъ; что если бѣдный человѣкъ женится при такихъ обстоятельствахъ, то онъ нетолько не исполняетъ своего долга относительно общества, но обременяетъ его, и самъ впадаетъ въ жалкое положеніе; что поступать такимъ образомъ значитъ дѣйствовать наперекоръ законамъ самого Бога, и добровольно навлекать на себя страданія и болѣзни, бо̀льшей части кототорыхъ, если не всѣхъ, легко было бы избѣжать, повинуясь неоднократнымъ предупрежденіямъ Божества.

Докторъ Палей говоритъ въ *Нравственной философіи*, что «въ странѣ, въ которой начинается ощущаться недостатокъ въ продовольствіи, правительству слѣдуетъ съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдить за общественною нравственностью, такъ какъ въ такомъ случаѣ только голосъ природы, подчиняясь воздержанію, предписываемому цѣломудріемъ, можетъ побудить человѣка къ усиленному труду и къ тѣмъ жертвамъ, какія требуются отъ него содержаніемъ семьи *.» Никто не станетъ оспаривать, что государство обязано неуклонно дѣлать все, что̀ только зависитъ отъ него, для обузданія порока и для поощренія добродѣтели, и не отклоняться отъ этой цѣли никакими временными и случайными обстоятельствами. Поэтому, нельзя не принять предлагаемаго въ настоящемъ случаѣ правила, и средствъ, указываемыхъ авторомъ. Но конечная цѣль, имѣющаяся имъ въ виду, заслуживаетъ порицанія. Если принуждать людей, составляющихъ массу народа, къ супружеству въ такую даже эпоху, когда недостатокъ продовольствія вызываетъ сомнѣніе, будутъ ли они въ состояніи прокормить своихъ дѣтей, то это, безъ сомнѣнія, то же, что бросать въ воду людей, неумѣющихъ плавать. Въ томъ и другомъ случаѣ это значило бы искушать Провидѣніе, надѣяться на чудо съ его стороны, которое бы спасло насъ

* Т. II, стр. 352.

отъ бѣдствій или смерти, навлекаемыхъ на насъ собственнымъ нашимъ поведеніемъ.

Люди, желающіе дѣйствительнаго улучшенія участи низшихъ классовъ общества, должны заботиться о средствахъ для увеличенія отношенія между заработной платой и цѣной продовольствія, чтобы дать возможность работнику покупать большее количество предметовъ, необходимыхъ для жизни, или способныхъ увеличить его благосостояніе. Для достиженія этой цѣли, до настоящаго времени, бѣдныхъ побуждали къ браку, а потому, умножали число работниковъ, и обременяли рынокъ товаромъ, который имѣлось въ виду поднять въ цѣнѣ. Но не нужно особенной проницательности, чтобы предвидѣть послѣдствія такихъ пріемовъ. Ничто не можетъ быть до такой степени убѣдительно, какъ опытъ; но такой опытъ былъ произведенъ, онъ производился въ различныхъ странахъ и въ теченіи многихъ вѣковъ: успѣхъ его былъ такой, какой можно было предвидѣть. Не подлежитъ сомнѣнію, что пора испробовать другое средство.

Когда убѣдились, что кислородный, или болѣе всего жизненный воздухъ не излечиваетъ чахотки, какъ это въ началѣ предполагалось, но скорѣе усиливаетъ припадки этой болѣзни, то обратились къ воздуху, отличающемуся совершенно противуположными свойствами. Я предлагаю приложить къ леченію отъ бѣдности тотъ же философскій методъ; и такъ какъ мы убѣдились, что увеличеніемъ числа работниковъ мы только усиливаемъ припадки этой пагубной болѣзни, то *я желалъ бы, чтобы попытались теперь уменьшить ихъ число.*

Въ старыхъ и густо населенныхъ государствахъ это единственное средство, отъ котораго мы благоразумно можемъ ожидать прочнаго и постояннаго улучшенія въ положеніи низшихъ классовъ народа.

Чтобы увеличить количество продовольствія до требованій потребителей, на первый взглядъ, кажется, что мы должны обратить наше вниманіе на средства для умноженія пищи; но мы вскорѣ замѣтили бы, что послѣднее только еще увеличитъ число потребителей, такъ что предложенная нами

мѣра нисколько не приближаетъ насъ къ цѣли. Отъ такой мѣры слѣдуетъ, стало быть, отказаться, и не посылать черепахи въ погоню за зайцемъ. Убѣдившись, что намѣренія наши опрокидываются законами природы, и что намъ никогда не удастся поднять продовольствіе до уровня народонаселенія, намъ несомнѣнно слѣдовало бы обратиться къ противуположной системѣ, и постараться понизить народонаселеніе до уровня продовольствія. Еслибы намъ удалось отвлечь или усыпить зайца, бѣгущаго на перегонку съ черепахой, то послѣдняя несомнѣнно получила бы возможность обогнать его.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы уменьшили нашу заботливость относительно умноженія количества продовольствія; къ ней слѣдуетъ только присоединить неустанныя усилія для удержанія населенія нѣсколько ниже уровня, допускаемаго пищей. Такимъ образомъ, мы вѣрнѣе достигли бы обѣихъ предположенныхъ цѣлей: возможно бо́льшаго населенія и такого состоянія общества, изъ котораго была бы изгнана жалкая нищета и рабская зависимость, на сколько позволяетъ это естественный порядокъ вещей; и въ обѣихъ этихъ цѣляхъ нѣтъ никакого противурѣчія.

Если желаніе наше улучшить дѣйствительнымъ образомъ положеніе бѣдныхъ въ самомъ дѣлѣ искренне, то лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это — представить имъ въ настоящемъ свѣтѣ ихъ положеніе; объяснить имъ, что единственное средство поднять дѣйствительную заработную плату состоитъ въ уменьшеніи числа работниковъ, а какъ послѣдніе поставляются на рынокъ ими самими, то они только и могутъ предупреждать ихъ размноженіе. Такое средство для уменьшенія бѣдности представляется мнѣ до такой степени теоретически вѣрнымъ, оно до такой степени подтверждается аналогіей этого случая съ тѣми, въ которыхъ дѣло идетъ о всякомъ другомъ товарѣ, что все говоритъ въ пользу его испытанія, если только не будетъ доказано, что такое средство повлечетъ за собой болѣе жестокія бѣдствія, чѣмъ тѣ, которыя оно можетъ предупредить.

ГЛАВА IV. — Изслѣдованіе нѣкоторыхъ возраженій.

Въ предложенномъ мною проектѣ, быть можетъ, станутъ опровергать именно то, что̀ собственно и составляетъ его достоинство, я хочу сказать, стремленіе его уменьшить число работниковъ, находящихся на рынкѣ. Такое дѣйствіе несомнѣнно будетъ вызвано имъ, но не до такой степени, чтобы причинить вредъ народному богатству и благосостоянію. Путь, избранный Англіей, и грозящее ей непомѣрное возвышеніе цѣны продовольствія, гораздо вѣрнѣе доставятъ возможность прочимъ странамъ вытѣснить Англію изъ европейскихъ рынковъ, чѣмъ предлагаемыя мною мѣры. Еслибы народонаселеніе ближе соотвѣтствовало количеству продовольствія, то нарицательная цѣна заработной платы могла бы быть гораздо ниже теперешней, и тѣмъ неменѣе, быть достаточной для содержанія жены и шестерыхъ дѣтей. Какъ бы то ни было, если богатые не согласятся на небольшія неудобства, сопровождающія великое благо, которое они, повидимому, проповѣдуютъ, то мы очевидно получаемъ право сомнѣваться въ искренности ихъ желаній. Желаніе улучшить положеніе бѣднаго, доставить ему возможность получать за свой трудъ большее количество предметовъ, необходимыхъ для жизни или способныхъ увеличить его благосостояніе, и въ то же время жаловаться на высокую заработную плату, походило бы на дѣйствіе ребенка, который охотно отдаетъ одной рукой конфетку, но другой старается взять ее обратно, и плачетъ, если ему не возвращаютъ ее. *Рынокъ, переполненный работниками, и высокая заработная плата для каждаго работника суть два явленія совершенно несовмѣстныя* *. Въ лѣтописяхъ міра никогда оба эти явленія не существовали одновременно; соединять ихъ, даже только въ воображеніи, обнаруживаетъ полнѣйшее невѣдѣніе первыхъ основаній политической экономіи.

Другое возраженіе противъ предложеннаго мною проекта

* См. кн. III, гл. VI.

состоитъ въ томъ, что онъ неизбѣжно причинитъ уменьшеніе въ народонаселеніи.

Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что уменьшеніе это чисто относительное; какъ только оно разъ будетъ достигнуто, такъ какъ народонаселеніе будетъ сдерживаться въ неподвижномъ состояніи, между тѣмъ какъ продовольствіе будетъ возрастать, то можетъ случиться, что впослѣдствіи оно станетъ снова умножаться, и слѣдовать такимъ образомъ за возрастаніемъ средствъ для жизни. Для меня не будетъ нисколько удивительнымъ, если, напримѣръ, Англія, вслѣдствіе раціональнаго направленія народнаго труда, чрезъ нѣсколько вѣковъ, будетъ въ состояніи прокормить въ два или въ три раза большее населеніе, противъ теперешняго, и въ то же самое время каждый англичанинъ будетъ получать лучшую пищу и лучшую одежду, чѣмъ въ настоящее время. Пока побужденія къ труду сохранятъ свою силу, пока достаточное количество труда будетъ прилагаться къ земледѣлію, до тѣхъ поръ нечего опасаться недостатка въ народонаселеніи. Быть можетъ, вѣрнѣйшее средство для распространенія между бѣдными стремленія къ трудолюбію и бережливости, состоитъ въ полнѣйшемъ убѣжденіи ихъ, что счастіе ихъ зависитъ отъ нихъ самихъ; что если они будутъ повиноваться побужденію страстей, вмѣсто того, чтобы слѣдовать указаніямъ разума, если до супружества они не знали ни трезвости, ни трудолюбія и не скопили ничего для содержанія будущей семьи, то они подвергаютъ себя всѣмъ бѣдствіямъ, которыми Провидѣніе наказываетъ тѣхъ, кто не повинуется его законамъ.

Намъ могутъ сдѣлать еще третіе возраженіе, по моему мнѣнію, единственное, имѣющее нѣкоторый вѣсъ, а именно, что строгимъ вмѣненіемъ обязанностей, налагаемыхъ нравственнымъ обузданіемъ, мы можемъ увеличить число проступковъ противъ цѣломудрія.

Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы я высказалъ что̀ либо, что̀ могло бы быть перетолковано, прямо или косвенно, въ смыслѣ, неблагопріятномъ для добродѣтели. Но я не думаю, чтобы проступки, о которыхъ идетъ рѣчь, могли бы

разбираться только въ нравственномъ отношеніи, ни даже чтобы они были самыми важными проступками. Правда, они постоянно, или, по крайней мѣрѣ, въ большемъ числѣ случаевъ, влекутъ за собою несчастія, и потому, должны строго сдерживаться; но существуютъ пороки, послѣдствія которыхъ еще болѣе пагубны, и вызываютъ положенія, еще болѣе печальныя. Крайняя бѣдность предрасполагаетъ къ искушеніямъ, еще болѣе гибельнымъ. Многія лица того и другаго пола честно провели цѣломудренную и добродѣтельную жизнь внѣ брака. Но я не думаю, чтобы нашлось много такихъ, которыя, прошедши чрезъ крайнюю бѣдность, или даже чрезъ постоянныя неудачи, не утратили бы нисколько своей разборчивости, или не исказили бы замѣтнымъ образомъ своего характера.

Въ среднихъ и высшихъ слояхъ общества, къ несчастію, намъ слишкомъ часто случается встрѣчать людей, обладающихъ высокимъ характеромъ, весьма щекотливыхъ относительно требованій чести и благородства, которые, тѣмъ неменѣе, уступаютъ мало по малу гнетущимъ ихъ обстоятельствамъ: сначала они краснѣютъ при извиненіи, и не могутъ смотрѣть прямо въ глаза человѣку, которому они не въ состояніи возвратить занятой у него суммы денегъ; принужденные затѣмъ прибѣгать къ отговоркамъ, къ постыднымъ уловкамъ, чтобы не отдать самаго справедливаго долга, они привыкаютъ наконецъ ко лжи и обману, составляютъ преступные замыслы, нарушаютъ даже общественное спокойствіе, и теряютъ всѣ прекрасныя свойства своего характера, снискавшія имъ всеобщее расположеніе и уваженіе.

Непомѣрному числу нищихъ и нашему заботливому поощренію неблагоразумія и непредусмотрительности * слѣдуетъ

* Говоря о налогѣ въ пользу бѣдныхъ и объ относящихся къ нему законахъ, Кольноунъ замѣчаетъ, «что наперекоръ всѣмъ доводамъ, приводимымъ въ защиту этой системы, въ основаніяхъ своихъ мудро задуманной, вызываемые ею результаты несомнѣнно доказываютъ, что для всей массы бѣдныхъ, въ приложеніи этой системы есть нѣчто радикально порочное.» Въ противномъ случаѣ, прибавляетъ онъ, «невозможно, чтобы въ столицѣ существовала такая нищета рядомъ

приписать бо̀льшую часть покушеній противъ собственности, и безчисленное множество другихъ гнусныхъ преступленій, такъ часто принуждающихъ насъ прибѣгать къ такому ужасному лекарству, какъ смертная казнь *. По словамъ Колькоуна, въ Лондонѣ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ всѣхъ классовъ общества, просыпаясь утромъ, не знаютъ, какими средствами они просуществуютъ этотъ день, и гдѣ проведутъ слѣдующую ночь **. Этими несчастными совершаются всѣ почти кражи; и если даже предположить, что бо̀льшая часть ихъ не имѣетъ семействъ, и что только небольшое число между ними побуждается къ преступленію отсутствіемъ средствъ для содержанія дѣтей, тѣмъ неменѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что чрезмѣрное число браковъ между бѣднѣйшими классами общества представляетъ одну изъ главныхъ причинъ, вызывающихъ преступленія. Этимъ супружествамъ обязано своимъ существованіемъ то жалкое населеніе, которое воспитывается въ рабочихъ домахъ ***, кишащихъ всевозможными пороками, или у своихъ родителей, среди страшной нищеты, въ лохмотьяхъ и грязи, среди полнѣйшаго невѣдѣнія своихъ обязанностей и какого бы то ни было нравственнаго чувства. Еще большее число несчастныхъ находится безъ всякихъ

съ такою благотворительностью и щедростью.» *Police of metropolis*, стр. 359.

Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Колькоуна о дурныхъ послѣдствіяхъ этихъ законовъ. Но я не могу согласиться съ нимъ, чтобы система эта была мудро задумана въ своихъ основаніяхъ. Напротивъ того, я приписываю гораздо болѣе этимъ основаніямъ, чѣмъ дурному исполненію, вызываемыя ею бѣдствія. Прим. автора.

* Колькоунъ замѣчаетъ, что «при настоящемъ состояніи общества, на нищету слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ возрастающаго числа преступленій.» Ст. 352. Прим. автора.

** Тамъ же, гл. XI, стр. 313. Въ послѣдующемъ сочиненіи: *Treatise on indigence,* Колькоунъ говоритъ, что въ Англіи на 9 мильоновъ населенія считается неменѣе 1,320,716 человѣкъ, живущихъ па чужой счетъ, а именно: 1,040,716, пользующихся пособіями изъ налога въ пользу бѣдныхъ, остальные суть нищіе, бродяги, воры, распутныя женщины и проч. Фран. перев.

*** Авторъ имѣетъ въ виду приходскіе рабочіе дома, въ которыхъ бѣдные помѣщаютъ своихъ дѣтей. Фран. перев.

средствъ существованія вслѣдствіе отсутствія работы. Всѣ мѣста заняты, и давящій ихъ гнетъ нужды побуждаетъ ихъ къ преступленію. А разъ попавъ въ колею этой праздной и безславной жизни, они навѣки потеряны; ибо, если заработная плата и подымется, а они готовы работать, то имъ уже отказываютъ, и общество выбрасываетъ ихъ изъ своей среды*.

Если нищета и не вызываетъ преступленій, то она ослабляетъ добродѣтели. Частыя искушенія могутъ вызвать нѣ-

---

* Тамъ же, стр. 352 и слѣд. Въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ, куда прибываетъ населеніе изъ провинцій, много людей можетъ остаться безъ работы. Поэтому, учрежденіе въ Лондонѣ заведенія, подобнаго тому, какое предлагаетъ Колькоунъ (стр. 371) для пособія работникамъ, впадающимъ въ нищету вслѣдствіе какого либо случайнаго обстоятельства, при крайне добросовѣстномъ управленіи, можетъ принести болѣе пользы, чѣмъ вреда. Но если заведеніе это станетъ доставлять работу, то для этого безусловно необходимо, чтобы заработокъ, на который можетъ разсчитывать работникъ при такомъ содѣйствіи, былъ ниже наименьшей обыкновенной заработной платы. Въ противномъ случаѣ, заведеніе будетъ осаждено непомѣрнымъ числомъ работниковъ, и средства его будутъ вскорѣ истощены. Такого рода заведеніе въ Гамбургѣ, повидимому, дѣйствовавшее успѣшнѣе другихъ, доставляло работу, за которую хотя и платилось больше противъ рыночныхъ цѣнъ, но работникъ не получалъ болѣе 18 пенсовъ (около 1 фр. 80 сан.) въ недѣлю. Основная мыслъ заведенія состояла въ томъ, чтобы вспомоществованіе было ниже того, что̀ могли зарабатывать, при пособіи, мужчины и женщины на сторонѣ (. . . *Отчетъ управленія бѣдныхъ въ Гамбургѣ*, К. Фогта, стр. 18). Этою основною мыслью начальство заведенія объясняетъ его успѣшное дѣйствіе. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что ни Гамбургское заведеніе, ни заведеніе графа Румфорда въ Баваріи не существовали достаточно времени, чтобы мы могли высказаться окончательно на счетъ принесенной ими пользы. Несомнѣнно, что на первое время такого рода заведенія способствуютъ уменьшенію нищеты. Вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы узнать, не причинитъ ли впослѣдствіи увеличеніе капиталовъ на ихъ содержаніе и увеличеніе числа призрѣваемыхъ ими людей худшее зло, чѣмъ то, которое они имѣли въ виду устранить; не останется ли страна обремененной прежнимъ нищенствомъ, сверхъ той бѣдности, которая сосредоточится въ этихъ заведеніяхъ. Таково, повидимому, настоящее положеніе Англіи. Я не думаю, чтобы у насъ было больше нищихъ, еслибы вовсе не существовало законовъ о бѣдныхъ. Прим. автора.

сколько нарушеній обязанностей, налагаемыхъ цѣломудріемъ, не искажая вполнѣ характера человѣка, не отнимая у него чувствительности и благородства въ другихъ отношеніяхъ; но искушенія, окружающія бѣднаго, при сознаніи несправедливости, поддерживаемомъ въ немъ невѣдѣніемъ дѣйствительной причины его положенія, развращаютъ со многихъ сторонъ. Онъ становится мраченъ, сердце его черствѣетъ, нравственное чувство его мало по малу притупляется. Наконецъ, нерѣдко онъ умираетъ для добродѣтели, и падаетъ безвозвратно.

Если даже ограничиться одними только обязанностями, предписываемыми цѣломудріемъ, то нетрудно замѣтить, что бракъ не представляетъ вѣрнаго средства для ихъ исполненія. Высшіе классы общества представляютъ слишкомъ много примѣровъ противнаго. А въ низшихъ классахъ, такіе примѣры, хотя о нихъ и говорятъ меньше, вѣроятно неменѣе многочисленны.

Прибавимъ къ этому, что крайняя бѣдность, въ особенности при лѣности, представляетъ менѣе всего благопріятное условіе для чистоты нравовъ. Страсти почти вовсе не сдерживаются въ такомъ случаѣ чувствомъ собственнаго достоинства и голосомъ нравственности, возможными только при болѣе просвѣщенныхъ привычкахъ. Встрѣчается такая степень нищеты, при которой родившаяся дѣвочка прямо предназначается для разврата, такъ что она можетъ быть спасена отъ него только чудомъ. Уважать самого себя въ положеніи, въ которомъ никто не уважаетъ тебя, есть дѣло въ высшей степени трудное. Если лица, рожденныя среди такихъ условій, и вступятъ въ супружество, хотя бы даже въ двадцатилѣтній возрастъ, то они вѣроятно уже провели нѣсколько лѣтъ въ развратѣ.

Наконецъ, если эти доводы недостаточно очевидны, если боязнь поощрить порокъ препятствуетъ распространенію между народомъ благоразумія и возбужденію въ немъ стремленія къ добродѣтели, названной нами нравственнымъ обузданіемъ; если мы остаемся при убѣжденіи, что для утвержденія, между народомъ счастія и добродѣтели, мы обязаны

всѣми силами стараться облегчить и распространить между нимъ стремленіе къ супружеству, то прежде, чѣмъ принять эту систему, разсмотримъ, по крайней мѣрѣ, какими средствами можемъ мы достигнуть цѣли, которую, по нашему мнѣнію, мы должны имѣть въ виду.

ГЛАВА V.—Послѣдствія системъ, противуположныхъ нашей.

Каково бы ни было приращеніе средствъ существованія, размноженіе населенія зависитъ только отъ него, и не можетъ перейти за этотъ предѣлъ, по крайней мѣрѣ, если продовольствіе распредѣляется въ наименьшихъ доляхъ, едва достаточныхъ для существованія. Всѣ раждающіяся дѣти, сверхъ числа, необходимаго для удержанія народонаселенія на такомъ уровнѣ, необходимо должны погибнуть, если только мѣстà для нихъ не будутъ открыты смертью взрослыхъ людей.

Въ настоящемъ сочиненіи мы неоднократно приводили, что въ старыхъ государствахъ число браковъ и число раждающихся зависитъ главнымъ образомъ отъ числа умирающихъ, такъ что самымъ могущественнымъ поощреніемъ для раннихъ браковъ оказывается наибольшая смертность. Чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдовало бы, поэтому, нетолько не оказывать сопротивленія природѣ, но поощрять причиняемую ею смертность. Если же на насъ нагоняетъ такой страхъ голодъ, то для предупрежденія его мы можемъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ разрушенія. Вмѣсто того, чтобы совѣтовать бѣднымъ опрятность, мы можемъ воспитывать въ нихъ противуположныя привычки. Мы можемъ строить узкія улицы, скучивать людей въ тѣсныя помѣщенія, и поступать такимъ образомъ, чтобы вызвать наконецъ чуму. Въ селахъ мы будемъ отводить для постройки жилищъ мѣста близъ гнилой воды, на мѣстностяхъ нездоровыхъ и болотистыхъ *.

* Говоря объ отношеніи раждающихся во Франціи, Некеръ употребилъ новое и поучительное выраженіе, хотя самъ онъ, быть можетъ, и не сознавалъ всей его силы. Онъ говоритъ, что «число рожденій относится къ числу жителей, какъ 1 къ 23 и 24, въ мѣстностяхъ съ *неблагопріятными* (*contrariés*) естественными или нравствен-

Въ особенности же, мы должны остерегаться отъ предохранительныхъ средствъ, придуманныхъ благодѣтельными людьми противъ нѣкоторыхъ заразительныхъ болѣзней *. Если такимъ образомъ дѣйствій намъ удастся поднять настоящую смертность, съ отношенія 1 къ 36 или 40, до 1 къ 18 или 20, то не подлежитъ сомнѣнію, что каждый человѣкъ получитъ возможность жениться въ самомъ юношескомъ возрастѣ, и въ то же самое время немногимъ только людямъ придется умирать съ голоду.

Но если мы хотимъ одновременно вступать въ супружество въ раннемъ возрастѣ и противудѣйствовать разрушительнымъ дѣйствіямъ природы, то мы можемъ быть увѣрены, что намъ не удастся это. Природа не желаетъ подчиненія, и не можетъ быть подчинена. Населеніе не избѣгнетъ смертности тѣмъ или другимъ путемъ. Искорененіе одной болѣзни

ными условіями: это же самое отношеніе для большей части Франціи составляетъ 1 къ 25, 25½ и 26.» *Administr. des finances*, т. I, стр. 254. Поэтому, намъ слѣдовало бы стараться селить народъ въ болотахъ, и подчинить его скверному и притѣснительному правительству, чтобы добиться того, что̀ составляетъ предметъ самыхъ пламенныхъ желаній для полититовъ, возможно высокаго отношенія для числа браковъ и для числа рожденій. Прим. автора.

* Вотъ какъ выражается докторъ Карро въ письмѣ къ авторамъ *Британской Библіотеки* отъ 24 сентября 1805, изъ Вѣны. «Послѣ массы фактовъ, такъ очевидно подтверждающихъ готовность индусовъ и европейскихъ поселенцевъ въ Индіи воспользоваться оспопрививаніемъ, послушаемъ доктора Андерсона, сообщающаго намъ первыя свѣдѣнія о воззрѣніи на этотъ вопросъ китайцевъ. Мнѣ сообщаютъ, говоритъ этотъ врачъ, что китайцы встрѣтили съ отвращеніемъ извѣстіе о возможности уничтоженія оспы, и громко заявили, что они не желаютъ лишиться болѣзни, крайне необходимой для нихъ, такъ какъ она освобождеетъ ихъ отъ тяжкой обязанности выбрасывать своихъ несчастныхъ дѣтей на съѣденіе дикимъ звѣрямъ.» *Bibl. Brit. Sc. et arts*, т. XXV, стр. 185.—Китайцы весьма послѣдовательны; ихъ кровавыя жертвоприношенія дѣлаютъ для нихъ безполезнымъ всякое нравственное обузданіе. Поэтому, они поощряютъ браки, а на заразительныя болѣзни, уничтожающія дѣтей, смотрятъ, какъ на весьма полезное явленіе. Въ вопросахъ такого рода рѣдко случается подтвердить чисто теоретическое воззрѣніе такимъ точнымъ и несомнѣннымъ фактомъ. Фран. перев.

будетъ признакомъ появленія другой, быть можетъ, болѣе гибельной. Для спуска зараженной воды безполезно гнать ее съ одного мѣста на другое, ибо она подымется гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ тѣмъ выше, чѣмъ слабѣйшее встрѣтитъ сопротивленіе. Единственное средство избавиться отъ нея, это—очистить ея источникъ. Природа постоянно направляетъ наше вниманіе въ эту сторону. Это цѣль посылаемыхъ ею на насъ наказаній, которыя оказываются пропорціональны забвенію вмѣняемыхъ ею намъ обязанностей. Мы не имѣемъ права сказать, чтобы ея предостереженія оставались безъ дѣйствія въ Англіи. Предупреждающія препятствія, останавливающія населеніе, дѣйствуютъ въ этой странѣ съ достаточной силой; вотъ почему и препятствія разрушительныя отличаются въ ней умѣренностью. Но еслибы въ странѣ распространилось обыкновеніе вступать въ супружество въ юношескомъ возрастѣ, то послѣднія немедленно усилились бы. Политическія бѣдствія присоединились бы къ бѣдствіямъ физическимъ. Народъ, приведенный въ отчаяніе непрекращающимся сознаніемъ своего жалкаго положенія и постояннымъ голодомъ, могъ бы быть удержанъ въ повиновеніи только самымъ суровымъ деспотизмомъ. Мы очутились бы въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся населенія Египта и Абиссиніи. Я спрошу теперь, можно ли надѣяться, что мы будемъ въ такомъ случаѣ болѣе добродѣтельны.

Врачи съ давнихъ уже поръ замѣтили огромныя перемѣны въ ходѣ болѣзней: между тѣмъ какъ однѣ уступаютъ, повидимому, леченію и заботливому уходу, другія становятся болѣе опасными и смертельными. Докторъ В. Эбердинъ опубликовалъ въ послѣднее время интересныя наблюденія по этому вопросу на основаніи таблицъ смертности въ Лондонѣ. Въ своемъ предисловіи, говоря объ этихъ таблицахъ, онъ замѣчаетъ: «Постепенныя колебанія въ нихъ, указывающія на ходъ болѣзней, соотвѣтствуютъ измѣненіямъ въ различныхъ каналахъ, которыми изливаетъ рѣка смертности постоянно одну и ту же массу воды *.» Въ самомъ сочиненіи

* *Observations on the increase and decrease of different diseases.* Предис. стр. 5.

онъ говоритъ со скромностью, всегда отличающею дѣйствительное знаніе: «Трудно представить удовлетворительное объясненіе всѣхъ перемѣнъ, представляемыхъ исторіей болѣзней; нельзя упрекать врачей въ невѣдѣніи по этому вопросу, ибо причины болѣзней нерѣдко дѣйствуютъ съ такой постепенностью и неуловимостью, что онѣ ускользаютъ отъ нашего наблюденія.»

Не навлекая на себя упрека въ самонадѣянности, я полагаю, что имѣю право замѣтить по этому поводу, что такого рода перемѣны должны вызываться извѣстными обстоятельствами, быть можетъ, даже безъ измѣненія ближайшихъ условій, на которыя преимущественно бываетъ обращено наше вниманіе. Если положеніе это вѣрно, то ничего нѣтъ удивительнаго, если самымъ искуснымъ и самымъ опытнымъ врачамъ, обращавшимъ все свое вниманіе на ближайшія причины явленія, не удались ихъ изслѣдованія.

Въ странѣ, населеніе которой держится почти на одномъ и томъ же уровнѣ, если извѣстно среднее число браковъ и рожденій, то и число умирающихъ очевидно тоже извѣстно. Или, употребляя сравненіе доктора Эбердина, мы можемъ сказать, что въ различныхъ каналахъ, которыми изливается рѣка смертности, обращается опредѣленная и неизмѣнная масса воды. Закройте одинъ изъ этихъ каналовъ — рѣка очевидно проложитъ себѣ путь по какимъ либо инымъ каналамъ; другими словами: если мы ослабимъ однѣ болѣзни, прочія сдѣлаются ровно настолько же болѣе смертельными. Въ случаѣ такого рода, единственная причина, которая можетъ быть уловлена, есть закрытіе нѣкоторыхъ изъ такихъ каналовъ смертности *. При достиженіи своихъ великихъ цѣлей, природа устремляется, повидимому, къ самой слабой преградѣ, оказывающей ей сопротивленіе. Если послѣдняя будетъ усилена при содѣйствіи искуства, то она направляется къ другому выходу, по своей прочности слѣдующему за первымъ, и такъ далѣе. Дѣйствія ея вовсе не похожи на

* Дѣйствіе этой причины вѣроятно состоитъ въ усиленіи бѣдности, вызываемой болѣе быстрымъ увеличеніемъ предложенія труда, сравнительно со спросомъ на него. Прим. автора.

дѣйствія капризнаго божества, смѣющагося надъ нашими страданіями и обращающаго въ ничто наши усилія. Напротивъ того, она поступаетъ съ нами, какъ добрый, хотя и строгій подъ часъ наставникъ, который учитъ насъ, чтобы мы одновременно укрѣпляли всѣ выходы, и изгоняли бы изъ земли пороки и страданія. Стараясь избѣжать какой либо ошибки, мы часто бросаемся въ противуположную ей крайность. И въ такомъ случаѣ, мы убѣждаемся, что природа всегда вѣрна себѣ самой, ибо она даетъ намъ знать о нашихъ заблужденіяхъ сопровождающими ихъ физическими или нравственными страданіями. Еслибы препятствія, предупреждающія народонаселеніе, оказались настолько сильны, что отстранили бы бо̀льшую часть болѣзней, порождаемыхъ чрезмѣрнымъ его размноженіемъ, но въ то же самое время усилились бы пороки и развратъ, то вѣроятно умножились бы, какъ физическія, такъ и нравственныя болѣзни и страданія, сопровождающія эти пороки. Это строгое предостереженіе обнаружило бы наше заблужденіе, и направило бы насъ по пути, указываемому природой, здравымъ смысломъ и религіей, предписывающими намъ воздерживаться отъ брака, пока мы не будемъ въ состояніи содержать своихъ дѣтей, и въ то же самое время вести цѣломудренную жизнь до супружества.

Въ разбираемомъ случаѣ, при предположеніи, что количество населенія и число браковъ остается неизмѣннымъ, неизбѣжность какой либо перемѣны въ смертности, причиняемой нѣкоторыми болѣзнями, необходимо обусловливается ослабленіемъ или уничтоженіемъ какихъ либо другихъ причинъ смертности; положеніе это можетъ быть доказано математически. Если тутъ можетъ встрѣтиться какое либо недоразумѣніе, то развѣ только въ вопросѣ о вліяніи уменьшенія смертности на приращеніе населенія и на уменьшеніе числа браковъ. Какова бы ни была исчезающая причина смертности, отстраненіе ея не можетъ простираться за границы, указываемыя народонаселенію количествомъ продовольствія; я полагаю, что это не возбудитъ сомнѣнія въ моихъ читателяхъ. Уничтоженіе какой либо причины смертности должно уменьшить число браковъ,

ибо оно уменьшаетъ спросъ на дѣтей въ обществѣ. Есть основательный поводъ думать, что такое дѣйствіе замѣтно происходило въ Англіи въ эпоху прекращенія чумы, производившей въ ней продолжительныя и жестокія опустошенія. Докторъ Эбердинъ рисуетъ поразительную и благотворную перемѣну, происшедшую съ этого времени въ состояніи народнаго здоровья; онъ основательно приписываетъ ее постепеннымъ улучшеніямъ, произведеннымъ въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ королевства, улучшеніямъ въ образѣ жизни вообще, особенно относительно опрятности и освѣженія воздуха. Но эти причины не произвели бы замѣченной перемѣны, еслибы на помощь къ нимъ не явилось усиленіе предупреждающихъ препятствій. Стремленіе къ опрятности и лучшій образъ жизни, обнаружившіеся около этой эпохи, вѣроятно оказали значительное содѣйствіе усиленію предупреждающихъ обстоятельствъ внушеніемъ и распространеніемъ между всѣми слоями общества чувства благотворной гордости, сопровождающей всѣ благородныя и приличныя побужденія. Тѣмъ неменѣе, уменьшенія въ числѣ браковъ было недостаточно для вознагражденія сильнаго пониженія смертности, причиненнаго, какъ искорененіемъ чумы, такъ и ослабленіемъ кровавыхъ поносовъ. Въ то время, какъ эти и нѣкоторыя другія болѣзни исчезли совершенно, или почти прекратили свое вліяніе на смертность, чахотка, параличъ, апоплексія, подагра, умопомѣшательство * и оспа сдѣлались болѣе смертельны **. Новыя причины смертности необходимо должны были сдѣлаться болѣе дѣятельны, или, каналамъ этимъ слѣдовало расшириться, чтобы открыть достаточный путь для убывавшаго населенія, все еще чрезмѣрнаго, несмотря на усиленіе предупреждающихъ препятствій и на улучшеніе земледѣлія, доставившаго возможность прокормить ежегодно нѣкоторый излишекъ населенія.

Въ благодѣтельномъ проектѣ, предложенномъ для искорененія оспы, докторъ Гайгартъ рисуетъ страшную картину

---

* *Lunacy*. Подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть и самоубійства.

** *Observ. on the increase...* стр. 34 и слѣд.

опустошеній, производимыхъ этой болѣзнью; ею онъ объясняетъ медленное приращеніе населенія, и дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ вычисленій въ подтвержденіе благотворныхъ послѣдствій, какихъ можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ совершеннаго искорененія этого бича. Тѣмъ неменѣе, я нахожу, что выводы, дѣлаемые авторомъ, вовсе не вытекаютъ изъ его положеній. Я нисколько не сомнѣваюсь, что оспа погубила мильоны существъ человѣческаго рода. Но и соглашаясь даже съ докторомъ Гайгартомъ, что причиненныя ею опустошенія въ нѣсколько тысячъ разъ превосходятъ опустошенія чумой *, я все таки сомнѣваюсь еще, чтобы эта причина уменьшила населеніе земнаго шара. Оспа несомнѣнно принадлежитъ къ числу самыхъ широкихъ каналовъ, которыми природа уже тысячу лѣтъ спускаетъ лишнее населеніе, превосходящее средства существованія. Но если этотъ путь будетъ закрытъ для смерти, то другіе разширятся, или откроются новые. Въ древности смертность, производимая войной и чумой, была несравненно значительнѣе, чѣмъ въ новѣйшія времена. По мѣрѣ уменьшенія этой причины смертности, постоянно открывались новыя. Возникновеніе оспы и способъ ея распространенія по всему почти земному шару представляютъ поразительный примѣръ перемѣнъ, совершающихся по временамъ въ каналахъ смертности, перемѣнъ, заслуживающихъ особеннаго нашего вниманія и самыхъ терпѣливыхъ и настойчивыхъ изслѣдованій. Что касается до меня, я нисколько не сомнѣваюсь, что если прививаніе коровьей оспы вытѣснитъ настоящую оспу, и если въ то же самое время количество браковъ не уменьшится, то непремѣнно увеличится смертность, производимая прочими болѣзнями. Явленіе это можетъ быть предупреждено развѣ только неожиданными и быстрыми успѣхами земледѣлія. Еслибы подобные успѣхи случились въ Англіи, на что̀, повидимому, трудно разсчитывать, то они могутъ быть вызваны не количествомъ дѣтей, спасенныхъ привитой имъ оспой отъ смерти, а скорѣе опасеніями, сознанными въ періодъ послѣднихъ неурожаевъ людьми, обла-

* Т. I, ч. II, отд. V, VI и VII.

дающими кое какою собственностью, и увеличенiемъ по этому случаю заработковъ фермерами, увеличенiемъ, въ высшей степени благодѣтельнымъ для всего общества, несмотря на вызванныя имъ противъ себя неосновательныя жалобы. Какъ бы то ни было, я сильно склоняюсь къ мысли, что число браковъ не останется въ такомъ случаѣ неизмѣннымъ, и что здравыя понятiя, которыя незамѣтно распространятся въ обществѣ, относительно этого важнаго вопроса, покажутъ людямъ, какiя выгоды могутъ они извлечь изъ искорененiя такого страшнаго бича, и какое благотворное и неизмѣнное влiянiе можетъ оно оказать на здоровые и на благосостоянiе народа.

Если, съ одной стороны, мы опасаемся, чтобы внушенiемъ нравственнаго обузданiя мы не оказали поощренiя какимъ либо порокамъ, а съ другой стороны, если бѣдствiя, пораждаемыя чрезмѣрнымъ населенiемъ, удерживаютъ насъ отъ поощренiя браковъ; если, поэтому, мы прiйдемъ къ убѣжденiю, что лучше всего не браться за направленiе людской совѣсти въ этомъ дѣлѣ, и предоставить на волю каждаго человѣка избирать тотъ путь, который онъ заблагоразсудитъ, принимая на себя отвѣтственность предъ Богомъ за сдѣланное имъ добро и зло, то это все, что̀ я желаю. Я рѣшительно не желалъ бы ничего больше. Но трудно надѣяться, чтобы сдѣлано было хоть это.

Между низшими классами народа, для которыхъ такой образъ дѣйствiй имѣетъ наибольшое значенiе, законы о бѣдныхъ постоянно и систематически поощряютъ браки, ибо освобождаютъ отъ отвѣтственности, налагаемой природой на каждаго человѣка, становящагося отцемъ семейства. Частная благотворительность оказываетъ такое же дѣйствiе: она облегчаетъ содержанiе семьи; она уравниваетъ, насколько это возможно, положенiе семейнаго съ положенiемъ безсемейнаго человѣка.

Высшiе классы общества побуждаются къ браку особеннымъ уваженiемъ, какимъ пользуется замужняя женщина, и окружающимъ ее почетомъ. Напротивъ того, пренебреженiе, выказываемое дѣвушкамъ, внушаетъ послѣднимъ отвращенiе къ своему положенiю. Изъ этого вытекаетъ, что люди, неот-

личающіеся никакими достоинствами, ни внутренними, ни внѣшними, къ тому же еще, уже на закатѣ дней своихъ, находятъ безъ труда молодыхъ супругъ, хотя природа ясно указываетъ, что имъ приличнѣе было бы отыскивать себѣ подругъ между лицами, болѣе подходящими къ ихъ возрасту. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія женщины вышли замужъ только изъ боязни остаться старыми дѣвами. Слишкомъ опасаясь насмѣшекъ, порожденныхъ глупыми и нелѣпыми предразсудками, онѣ рѣшаются выходить замужъ за людей, къ которымъ онѣ чувствуютъ отвращеніе или, по меньшей мѣрѣ, равнодушіе. *Такіе браки, для людей, обладающихъ хоть сколько нибудь разборчивымъ чувствомъ, представляются развратомъ, облеченнымъ въ законныя формы* *; нерѣдко они обременяютъ страну дѣтьми, безъ всякаго вознагражденія за это зло хоть какимъ нибудь увеличеніемъ счастія и добродѣтелей тѣхъ, которые произвели ихъ на свѣтъ.

Во всѣхъ классахъ общества господствуетъ мнѣніе, что вступленіе въ бракъ есть родъ долга, и мнѣніе это не можетъ не оказывать своего дѣйствія. Человѣкъ, воображающій, что онъ останется въ долгу предъ обществомъ, если не поставитъ вмѣсто себя гражданъ, будетъ глухъ къ голосу благоразумія, и останется при мнѣніи, что, безразсудно вступая въ супружество, онъ имѣетъ полное право поручить свою семью заботливости Провидѣнія.

Правда, что въ цивилизованной странѣ, знакомой съ удовольствіями, доставляемыми достаткомъ, подобный предразсудокъ не могъ уничтожить естественныхъ здравыхъ понятій, но ему удалось помрачить ихъ. Но пока мракъ этотъ не будетъ разсѣянъ, а бѣдный не пойметъ причины своихъ страданій, пока ему не будетъ внушено, что онъ долженъ ви-

---

* Нѣсколькими простыми словами Мальтусъ сказалъ неменѣе, чѣмъ сколько сказала цѣлая толпа новыхъ моралистовъ. Это служитъ новымъ доказательствомъ, что такъ называемые хозяева общественныхъ наукъ (соціалисты?) не обладаютъ исключительной монополіей великодушныхъ идей. Самый *строгій* и самый *узкій* изъ экономистовъ тоже оказался способенъ на великодушный протестъ. Гарнье.

нить въ нихъ самого себя, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ права сказать, что каждый человѣкъ долженъ пользоваться безграничной свободой въ дѣлѣ супружества.

ГЛАВА VI.—Вліяніе на гражданскую свободу знанія главной причины бѣдности.

Изъ всего, что было сказано нами, вытекаетъ, что *народъ долженъ винить главнымъ образомъ самого себя въ собственныхъ страданіяхъ*. Такое ученіе, на первый взглядъ, можетъ показаться неблагопріятнымъ для свободы. Это значитъ, скажутъ мнѣ, давать правительствамъ предлогъ для угнетѣнія подданныхъ, и отнимать у послѣднихъ право жаловаться на это; дозволить правительствамъ сваливать на естественные законы природы или на неблагоразуміе бѣдныхъ пагубныя слѣдствія притѣсненій. Но не слѣдуетъ судить по первому впечатлѣнію. Я увѣренъ, что люди, которые подойдутъ къ дѣлу ближе, убѣдятся, что глубокое и всеобщее распространеніе сознанія главной причины бѣдности есть самое вѣрное средство для утвержденія на прочныхъ основаніяхъ дѣйствительной и разумной свободы. Они увидятъ, что главное препятствіе для ея утвержденія вытекаетъ изъ невѣдѣнія причины, о которой идетъ рѣчь, и послѣдствій, естественно сопровождающихъ ее.

Бѣдствія низшихъ классовъ народа и привычка послѣднихъ винить въ этихъ бѣдствіяхъ правительство кажется мнѣ истинной опорой деспотизма. Такой порядокъ вещей доставляетъ людямъ, злоупотребляющимъ властью, предлогъ поступать такимъ образомъ, чтобы сдерживать недовольныхъ. Вотъ настоящая причина, почему свободному правительству ежеминутно грозитъ погибель отъ терпимости тѣхъ, кто обязанъ его поддерживать. Вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснять безплодность самыхъ великодушныхъ попытокъ и гибель возникавшей свободы во время революцій. Пока всякому недовольному и талантливому человѣку можно будетъ волновать народъ и убѣждать его, что онъ долженъ винить правительство въ бѣдствіяхъ, имъ самимъ привлеченныхъ на свою голову, до

тѣхъ поръ очевидно всегда можно будетъ возбуждать недовольство и сѣять сѣмена раздоровъ. Свергнувъ существующее правительство, народъ, подъ гнетомъ все той же нищеты, обращаетъ свою ненависть на тѣхъ, кто занялъ мѣсто прежнихъ его повелителей. Не успѣетъ онъ погубить эти новыя жертвы, какъ уже требуетъ другихъ, такъ что нельзя предвидѣть конца мятежамъ, вызываемымъ все тою же дѣятельною причиной. Что же удивительнаго, послѣ этого, въ томъ, что бо̀льшая часть благонамѣренныхъ людей обращается къ деспотической власти? Они убѣдились, что правительство, держащееся въ благоразумныхъ границахъ, безсильно для обузданія революціонныхъ страстей; имъ надоѣли безконечныя перемѣны; они утратили вѣру въ собственныя силы, и прибѣгаютъ къ покровителю, который бы охранилъ ихъ отъ неистовствъ анархіи.

Толпа, участвующая въ мятежахъ, доставляется избыточнымъ населеніемъ. Она возбуждается собственными страданіями, и эти страданія, разумѣется, не подлежатъ сомнѣнію; но она рѣшительно не имѣетъ понятія о причинѣ ихъ. Такая безумная толпа есть страшный врагъ для свободы; она поддерживаетъ тиранію, или вызываетъ ее. Если и кажется иногда, что она неистово желаетъ ее уничтожить, то для того только, чтобы возобновить ее въ новой формѣ. Англія, быть можетъ, не замедлитъ представить примѣръ вліянія такихъ смутъ на введеніе тираніи. Какъ другъ свободы и противникъ многочисленныхъ постоянныхъ армій, я долженъ признаться съ глубокимъ соболѣзнованіемъ, что безъ содѣйствія этой силы, бѣдствія народа во время послѣднихъ неурожаевъ (1800 и 1801), поощряемыя невѣжествомъ и безразсудствомъ высшихъ классовъ, могли вызвать его на самыя пагубныя насилія, и окончательно повергнуть страну во всѣ ужасы голода. Если такія бѣдственныя эпохи будутъ часто повторяться (а предположить это намъ даетъ право настоящее положеніе страны), то онѣ предсказываютъ ей печальную будущность. Англійская конституція пойдетъ быстрыми, хотя съ виду и незамѣтными шагами къ той смерти, которую предсказывалъ ей Юмъ, если только какой либо на-

родный взрывъ не остановитъ ее, — печальное средство, которое только усиливаетъ нашъ ужасъ. Если политическія неудовольствія присоединяются къ волненіямъ, возбуждаемымъ голодомъ, и революція производится низшими слоями народа, подымаемыми нуждой и требованіемъ хлѣба, то слѣдуетъ ожидать постоянной неурядицы, безпрерывныхъ кровопролитій и всякаго рода насилій, которыя могутъ быть сдержаны только безусловнымъ деспотизмомъ.

Трудно повѣрить, чтобы естественные защитники англійской свободы изъявили свое согласіе на постепенные захваты власти въ послѣдніе годы, еслибы они не воображали, что имъ грозятъ еще бо̀льшія бѣдствія. Какъ бы сильно ни было вліяніе подкуповъ, изъ чувства уваженія къ представителямъ поземельной собственности въ парламентѣ, я не могу допустить, чтобы они отказались отъ части правъ, предоставляющихъ имъ свободу, еслибы не находились подъ вліяніемъ страха, и дѣйствительнаго, а не притворнаго, бо́льшихъ опасностей со стороны народа, чѣмъ со стороны короны. Они отдались, повидимому, правительству подъ условіемъ, чтобы оно охранило ихъ отъ черни; но никогда бы они несогласились на это, еслибы черни этой не существовало въ дѣйствительности, или въ ихъ воображеніи. Нельзя, правда, отрицать, чтобы такіе страхи искуственно не преувеличивались и не раздувались за предѣлы возможнаго; но я тѣмъ неменѣе считаю несомнѣннымъ, что постоянныя проповѣди противъ несправедливыхъ общественныхъ учрежденій, и обманчивые доводы въ защиту равенства, обращавшіеся между низшими классами народа, вызывали основательныя опасенія, и даютъ полное право предположить, что еслибы рѣшеніе дѣла предоставлено было народу, то гласъ народа не былъ бы гласомъ божьимъ, но гласомъ заблужденія и безумія.

Отрицать, что поведеніе наше должно сообразоваться съ обстоятельствами, это значитъ обнаружить совершенное незнаніе самыхъ прочныхъ и несомнѣнныхъ основаній нравственности. Хотя подобнымъ правиломъ и можно иногда прикрывать перемѣну убѣжденій изъ за менѣе чистыхъ побужде-

ній, но противуположныя правила вызвали бы болѣе пагубныя послѣдствія. Я знаю, что слова въ родѣ *обстоятельства настоящаго времени* могли часто встрѣчаться улыбкой въ палатѣ общинъ, но приписывать ее слѣдуетъ не этимъ словамъ, а ихъ примѣненію. Частое повтореніе этихъ словъ должно вызывать подозрѣніе, и слѣдуетъ постоянно и внимательно наблюдать, къ чему они прилагаются; но ни одинъ человѣкъ не можетъ быть осужденъ, безъ выслушанія оправданія, когда онъ объявляетъ, что обстоятельства принудили его измѣнить свой образъ мыслей и свое поведеніе. Представители мѣстечекъ въ парламентѣ, быть можетъ, слишкомъ легко были убѣждены, что нынѣшнія обстоятельства побуждаютъ ихъ отказаться отъ нѣкоторыхъ драгоцѣннѣйшихъ правъ англичанъ; но если предположить въ нихъ дѣйствительное убѣжденіе, то они поступали согласно съ несомнѣнными правилами нравственности.

Размѣръ власти, предоставленной правительству, и степень необходимаго ей подчиненія должны быть установлены съ общаго согласія. При рѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ принять въ соображеніе всѣ обстоятельства, въ особенности же, состояніе общественнаго мнѣнія и степень невѣжества и заблужденія наибольшей массы народа. Патріотъ, который, изъ любви къ отечеству, присоединился бы, словомъ и дѣломъ, къ возставшему народу, ради какого либо отдѣльнаго преобразованія, въ увѣренности, что народъ хорошо сознаетъ собственное свое положеніе и готовъ остановиться, какъ только будетъ удовлетворено его законное требованіе, считалъ бы себя обязаннымъ тѣми же побужденіями скорѣе подчиниться жестокому гнету, чѣмъ оказать содѣйствіе народному смятенію, вызванному людьми, увѣряющими, что уничтоженіе парламента, лорда-мера и барышниковъ понизитъ цѣну хлѣба, и что революція доставитъ народу средства содержать въ довольствѣ семью. Въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ приписывать притѣсненія скорѣе невѣжеству и заблужденіямъ, которыми ослѣпляютъ народъ, чѣмъ склонности правительства къ тираніи.

Это не означаетъ, чтобы власть, какая бы то ни было, не

имѣла стремленія къ захватамъ; стремленіе это существуетъ, это — извѣстная истина, неподлежащая сомнѣнію. Препятствія, встрѣчаемыя правительствомъ и необходимыя для обезпеченія свободы, не могутъ не затруднять и не останавливать отправленій исполнительной власти. Облеченные ею люди не могутъ не чувствовать этихъ неудобствъ; направляя свои усилія къ тому, что̀ они считаютъ за благо своего отечества; быть можетъ, давая самимъ себѣ обѣщаніе не дѣйствовать вопреки народнымъ интересамъ, они естественно готовы, при всякомъ удобномъ случаѣ, просить пріостановки дѣйствія или отмѣны тѣхъ законовъ, которые становятся поперегъ ихъ дороги. Но какъ только разъ дѣло будетъ идти о выборѣ между удобствами власти и народной свободой, какъ только явится привычка довѣряться сладкимъ обѣщаніямъ и личнымъ качествамъ, вмѣсто ревностнаго и совѣстливаго изслѣдованія, какъ слѣдуетъ поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то кончено съ англійской свободой. Если мы разъ допустили принципъ, что правительство лучше знаетъ, какими постановленіями слѣдуетъ ему расширить необходимую для него власть, чѣмъ можемъ знать мы сами, за неимѣніемъ необходимыхъ свѣдѣній; если, вслѣдствіе этого, принимается, что мы должны отказаться отъ нашихъ собственныхъ сужденій, то лучше было бы немедленно же отказаться и отъ всей нашей конституціи. Правительство не охранитъ, да и не можетъ ревностно охранять свободы. Если мы безпечны, если мы не заботимся о своихъ ближайшихъ интересахъ, то безумно и нелѣпо было бы ожидать, чтобы о нихъ заботилось правительство.

Еслибы британская конституція окончательно выродилась въ деспотизмъ, какъ это предсказывали, то, по моему мнѣнію, отвѣтственность за это должна упасть болѣе на представителей мѣстечекъ, чѣмъ на министровъ. Тѣмъ неменѣе, ради оправданія этихъ депутатовъ, я готовъ думать, что оставленіе ими поста защитниковъ британской свободы скорѣе было результатомъ страха, чѣмъ подкупа; и я сознаю, что главная причина ихъ опасеній состояла въ невѣжествѣ народа, въ предразсудкахъ, которые внушались ему, и въ предстоявшихъ

кровавыхъ смутахъ, которыхъ слѣдовало ожидать, еслибы, при такомъ состояніи умовъ, народъ захватилъ въ свои руки власть посредствомъ возстанія.

Говорятъ, что чтенія Пена о правахъ человѣка причинили много вреда между низшими и средними классами общества; это весьма правдоподобно. И не потому, чтобы человѣкъ не имѣлъ правъ, или чтобы онъ не долженъ знать ихъ, а потому, что Пенъ высказывалъ жестокія заблужденія о принципахъ правительственной власти, и былъ плохо знакомъ съ сущностью общественнаго устройства. Между прочимъ, онъ заблуждался и о нравственномъ вліяніи, какое должно производить различіе физическихъ условій на состояніе Англіи и Америки. Тѣ поддонки общества, которые всюду встрѣчаются въ Европѣ, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ Америкѣ. Физическое состояніе Соединенныхъ штатовъ не допускаетъ въ нихъ большаго числа людей, неимѣющихъ собственности. А потому, нѣтъ никакой необходимости, чтобы гражданское правительство, имѣющее своею цѣлью охраненіе собственности, обладало бы въ ней такою же силой, какъ въ Европѣ. Пенъ замѣчаетъ весьма основательно, что въ чемъ бы ни состояла кажущаяся причина возмущенія, дѣйствительная его причина есть всегда страданіе народа. Но когда онъ прибавляетъ, что это служитъ вѣрнымъ признакомъ какого либо несовершенства правительства; когда онъ заключаетъ изъ этого, что послѣднее причиняетъ вредъ общественному благосостоянію, вмѣсто того, чтобы охранять его, то онъ впадаетъ въ заблужденіе, къ сожалѣнію, слишкомъ распространенное, и состоящее въ обвиненіи правительства во всякомъ общественномъ бѣдствіи. Нетрудно увидѣть, что несчастіе можетъ существовать и вызывать возмущенія между народомъ, незнающимъ причины его, и безъ всякой вины со стороны правительства. Чрезмѣрное населеніе старыхъ государствъ представляетъ причину несчастія, вовсе неизвѣстную въ Америкѣ. Если, ради облегченія его, установить налогъ въ пользу бѣдныхъ, какъ это совѣтуетъ сдѣлать Пенъ, то этимъ зло только усилилось бы, и общество вскорѣ очутилось бы въ безусловной не-

возможности собирать необходимыя для такого назначенія суммы.

Самое дѣйствительное средство для предупрежденія пагубныхъ послѣдствій правъ человѣка, проповѣдуемыхъ Пеномъ, состояло бы во всеобщемъ распространеніи несомнѣнныхъ правъ человѣка. Я вовсе не имѣю въ виду въ настоящемъ случаѣ перечислять ихъ. Но между ними существуетъ одно, которое обыкновенно приписываютъ ему, но которое, я глубоко убѣжденъ, не принадлежитъ и никогда не будетъ принадлежать ему. Я разумѣю *воображаемое его право на пропитаніе, если онъ не можетъ прокормить себя собственнымъ трудомъ* *. Сказать по правдѣ, англійское законодательство признаетъ такое право за человѣкомъ, и принуждаетъ общество доставлять занятіе и продовольствіе людямъ, которые не могутъ получить ихъ обыкновенными средствами; но такимъ признаніемъ оно возстаетъ противъ естественныхъ законовъ. Поэтому, должно ожидать, что предпріятіе такого рода нетолько не удастся, но еще усилитъ страданія бѣднаго, мѣрами, предназначающимися для его облегченія, но въ сущности, только обольщающими его обманчивыми надеждами.

Абатъ Реналь выражается по этому предмету слѣдующимъ образомъ: «Прежде возникновенія какихъ бы то ни было общественныхъ законовъ, человѣкъ имѣлъ право на существованіе.» Онъ имѣлъ точно такое же право сказать, что прежде возникновенія общественныхъ законовъ всякій человѣкъ имѣлъ право жить сто лѣтъ. Онъ несомнѣнно имѣлъ это право, и имѣетъ его и теперь; онъ имѣетъ право жить тысячу лѣтъ, *если можетъ*, и если право его не причиняетъ вреда ближнимъ; но въ томъ и другомъ случаѣ вопросъ состоитъ нестолько въ *правѣ*, сколько въ *возможности*. Общественные законы сильно увеличиваютъ эту возможность; они дозволяютъ существовать большему числу людей, чѣмъ какое могло бы существовать безъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ о нихъ можно сказать, что они значительно расширяютъ *пра-*

---

* См. кн. III, гл. VI и кн. V, въ которой авторъ объясняетъ свою мысль болѣе подробно.

во на существованіе. Но, ни до возникновенія общественныхъ законовъ, ни послѣ него, не могло пользоваться жизнью безграничное число людей; до него, какъ и послѣ него, человѣкъ, неимѣвшій этой возможности, былъ лишенъ и права пользоваться ею.

Еслибы великія истины по этому вопросу были болѣе распространены; еслибы низшіе классы народа сознавали, что собственность необходима для бо̀льшаго производства, а разъ допустивъ собственность, ни одинъ человѣкъ не смѣетъ требовать, во имя *права*, пропитанія, если онъ не въ состояніи купить его или заработать; еслибы, наконецъ, народъ зналъ, что это законы, освященные самою природой и совершенно независящіе отъ человѣческихъ учрежденій, то всѣ эти опасныя и зловредныя ученія о несправедливости общественныхъ законовъ не имѣли бы значенія, и не обращали бы на себя вниманія. Нельзя предположить, чтобы бѣдные были мечтателями. Страданія ихъ всегда дѣйствительны, хотя они и обманываются па счетъ дѣйствительной ихъ причины. Еслибы, поэтому, имъ ясно указали на причину, вводящую ихъ въ обманъ; еслибы имъ растолковали, какъ ничтожно участіе правительства въ ихъ страданіяхъ, и, напротивъ того, какъ велико вліяніе причинъ, нисколько независящихъ отъ правительства, то недовольства и озлобленія обнаруживались бы рѣже между низшими классами народа, или обнаруживались бы съ меньшею силой. Усилія недовольныхъ и безпокойныхъ умовъ изъ среднихъ классовъ, направленныя къ тому, чтобы волновать народъ, были бы безплодны. На нихъ можно бы было даже смѣло вовсе не обращать никакого вниманія, какъ только бѣдные узнаютъ истинныя свои выгоды, и не станутъ поддаваться опаснымъ обольщеніямъ; какъ только они увидятъ, что поддерживая проектъ всеобщей ломки общественнаго устройства, они оказываютъ услугу только честолюбивымъ замысламъ нѣсколькихъ коноводовъ, безъ всякой выгоды и благополучія для самихъ себя. Съ другой стороны, представители мѣстечекъ и поземельные собственники Англіи могли бы съ полною безопасностью снова взяться за благотворное и ревнивое сопротивленіе захватамъ

власти; вмѣсто того, чтобы безпрестанно приносить свободу гражданъ въ жертву общественной безопасности, они смѣло могли бы нетолько пойти по прежнему пути, но и настаивать на нѣкоторыхъ постепенныхъ реформахъ, сдѣлавшихся необходимыми вслѣдствіе требованій времени и политическихъ столкновеній, и предупредить такимъ образомъ разрушеніе британскаго государственнаго устройства.

Всякое улучшеніе правительственной системы необходимо должно истекать отъ людей, получившихъ заботливое воспитаніе, и естественнѣе всего встрѣтить такихъ людей между собственниками. Какого бы мы ни придерживались мнѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ, нельзя предположить, чтобы наибольшее число между ними находило свою выгоду въ злоупотребленіяхъ. Оно подчиняется имъ изъ опасенія, чтобы реформа не вызвала еще бо̀льшаго зла. Но еслибы опасеніе это разсѣялось, то улучшенія и преобразованія производились бы съ такою же легкостью, съ какою удаляются нечистоты или освѣщаются улицы. Въ жизни постоянно случается, что бываешь вынужденъ переносить зло, чтобы избѣгнуть еще бо̀льшаго неудобства. Обязанность благоразумнаго человѣка состоитъ въ добровольномъ подчиненіи такой необходимости. Но благоразумный человѣкъ не согласится подчиниться неудобству, когда онъ знаетъ, что можетъ избѣгнуть его безъ малѣйшей опасности. Пусть только исчезнетъ опасеніе насилій и злоупотребленій со стороны народа, и нечего будетъ бояться деспотизма правительства, такъ какъ послѣдній покажется во всемъ своемъ безобразіи, не имѣя для себя ни предлога, ни оправданія, какъ мѣры паліативной. Безсильный самъ по себѣ, разоблаченный и лишенный защитниковъ, не имѣя за себя ни общественнаго мнѣнія, ни оправданія въ необходимости, онъ падетъ безъ всякихъ усилій; люди, защищающіе его изъ корыстныхъ видовъ, не смѣли бы показаться, и отказались бы отъ дѣла, въ пользу котораго не могли бы привести ни одного разумнаго или основательнаго довода.

Настоящую поддержку тираніи безспорно представляютъ люди, проповѣдующіе, что всѣ страданія бѣдныхъ и всѣ поч-

ти общественныя бѣдствія порождаются человѣческими учрежденіями и злоупотребленіями правительствъ. Ложность этихъ обвиненій и пагубныя слѣдствія, которыя причинили бы они, еслибы были всюду допущены, налагаютъ обязанность противиться имъ всѣми силами, нетолько по причинѣ страшныхъ безпорядковъ, неизбѣжно сопровождающихъ народное возстаніе, но и потому еще, что въ высшей степени вѣроятно, что такое возстаніе окончится еще худшимъ деспотизмомъ, чѣмъ тотъ, который предшествовалъ ему. Послѣ всѣхъ этихъ соображеній, нѣтъ ничего удивительнаго, если мы встрѣтимъ искренняго друга свободы и горячаго защитника дѣйствительныхъ правъ человѣка въ ряду людей, поддерживающихъ деспотизмъ, непереходящій извѣстныя границы. Скверное дѣло можетъ поддерживаться добродѣтельнымъ человѣкомъ единственно по той причинѣ, что оно предупреждаетъ другое, еще большее зло, а обстоятельства требуютъ, чтобы онъ высказался въ пользу того или другаго. Поэтому, какова бы ни была цѣль огульныхъ обвиненій, направленныхъ противъ правительствъ, въ результатѣ они несомнѣнно усиливаютъ верховную власть дарованіями и способностями всѣхъ благоразумныхъ людей; обстоятельство это непремѣнно должно сопровождаться такими послѣдствіями.

Я льщу себя надеждой, что въ настоящемъ сочиненіи мнѣ удалось доказать съ достаточной ясностью ту истину, что при самомъ совершенномъ управленіи, порученномъ самымъ талантливымъ и самымъ безкорыстнымъ людямъ, страданія и крайняя нищета могутъ появиться и распространиться по всѣмъ слоямъ народа, неимѣющаго обыкновенія противудѣйствовать закону народонаселенія благоразумными мѣрами, предупреждающими чрезмѣрное его размноженіе. Но такъ какъ до сихъ поръ сущность и дѣйствіе этого закона понимались плохо; такъ какъ старанія общества стремились скорѣе усилить, чѣмъ ослабить его дѣйствіе, то мы имѣемъ полное право предположить, что при всѣхъ извѣстныхъ правительствахъ, слѣдуетъ приписать именно этой причинѣ бо́льшую часть бѣдствій, постигающихъ низшіе классы народа.

Итакъ, обвиненія, выведенныя Пеномъ и его единомышлен-

никами изъ этихъ бѣдствій, противъ правительствъ, очевидно ошибочны; впрочемъ, прежде, чѣмъ мы приступимъ къ оцѣнкѣ этихъ обвиненій, справедливость требуетъ, чтобы мы изслѣдовали, какую часть страданій народа слѣдуетъ приписать закону народонаселенія, и какая часть ихъ должна быть вмѣнена правительству. Когда будетъ сдѣлано, съ полнымъ безпристрастіемъ, такое распредѣленіе, когда будутъ отстранены всѣ сомнительныя, неопредѣленныя или неосновательныя обвиненія, то все остальное несомнѣнно должно пасть на отвѣтственность правительства, и такая отвѣтственность все еще будетъ весьма значительна. Правительство мало имѣетъ прямыхъ и непосредственныхъ средствъ для облегченія бѣдности; тѣмъ неменѣе, оно имѣетъ огромное и несомнѣнное вліяніе на счастіе и благосостояніе народа. Съ одной стороны, несмотря ни на какія усилія, оно не можетъ вызвать возрастанія продовольствія, равное размноженію народонаселенія, освобожденному отъ всѣхъ препятствій; но съ другой стороны, оно можетъ дать полезное направленіе разнообразнымъ препятствіямъ, необходимо сдерживающимъ это размноженіе.

Изъ фактовъ, собранныхъ въ первой части этого сочиненія, слѣдуетъ очевидно, что страны съ деспотическимъ правительствомъ, и потому, хуже всего управляемыя, имѣютъ населеніе, которое, какъ бы слабо оно ни было, все же весьма велико, сравнительно со средствами ихъ существованія, и превосходитъ въ этомъ отношеніи населеніе странъ, пользующихся лучшимъ управленіемъ. Какъ неизбѣжное слѣдствіе такого порядка вещей, заработная плата въ нихъ весьма низка; населеніе сдерживается въ такихъ странахъ гораздо болѣе болѣзнями и смертностью, причиняемою бѣдностью, чѣмъ благоразуміемъ и предусмотрительностью, удерживающими въ другихъ странахъ отъ раннихъ браковъ. Предупреждающія условія дѣйствуютъ въ нихъ съ меньшей силой и энергіей, чѣмъ разрушительныя препятствія.

Первое условіе для распространенія между народомъ привычекъ къ благоразумію состоитъ въ полномъ охраненіи собственности. Второе условіе состоитъ, можетъ быть, въ из-

вѣстной степени уваженія къ низшимъ классамъ народа, вызываемомъ законами, равными для всѣхъ и установленными при участіи всего народа. Поэтому, чѣмъ совершеннѣе какое либо правительство, тѣмъ сильнѣйшее оно оказываетъ поощреніе благоразумію и чувству собственнаго достоинства, которыя, при настоящемъ порядкѣ общества, суть единственныя средства для отстраненія бѣдности.

Нерѣдко раздается мнѣніе, что единственная выгода, доставляемая дозволеніемъ народу принимать нѣкоторое участіе въ управленіи, состоитъ въ томъ, что народное представительство стремится обезпечить законы хорошіе и равные для всѣхъ, но что еслибы та же самая цѣль могла быть достигнута и деспотическимъ правительствомъ, то выгода, получаемая обществомъ, нисколько не измѣнилась бы отъ этого. Но если представительное правленіе, обезпеченіемъ за низшими классами болѣе либеральнаго и болѣе равноправнаго обращенія со стороны высшихъ классовъ, налагаетъ на каждаго гражданина бо̀льшую личную отвѣтственность и бо̀льшее опасеніе униженія, то такая форма правительства, при содѣйствіи обезпеченной личности и собственности, очевидно окажетъ сильнѣйшее вліяніе на развитіе трудолюбія и привычекъ къ благоразумію; а потому, она должна оказать сильнѣйшее содѣйствіе увеличенію богатства и благосостоянія низшихъ классовъ, чѣмъ въ случаѣ изданія такихъ же законовъ деспотическою властью.

Но хотя свободное государственное устройство и хорошее правительство содѣйствуютъ уменьшенію бѣдности, все же они оказываютъ въ этомъ отношеніи только косвенное и медленное дѣйствіе. Послѣднее нисколько не похоже по своимъ послѣдствіямъ на то непосредственное и быстрое облегченіе, на которое готовы надѣяться низшіе классы народа при содѣйствіи революціи. Эти преувеличенныя надежды и негодованіе за неисполненіе ихъ извращаютъ усилія народа добиться свободы, и препятствуютъ тѣмъ постепеннымъ преобразованіямъ и медленному улучшенію положенія низшихъ классовъ народа, которыя возможны.

Поэтому, точное понятіе о томъ, что̀ можетъ сдѣлать пра-

вительство, и о томъ, что̀ находится внѣ его власти, имѣетъ огромное значеніе. Еслибы меня попросили указать на дѣйствительную причину, замедлявшую прогрессъ свободы, то я смѣло отвѣчалъ бы, что незнаніе причины несчастія и неудовольствія народа, и возможность правительства злоупотреблять этимъ незнаніемъ для сохраненія и усиленія своей власти. Я считаю, поэтому, дѣломъ въ высшей степени полезнымъ, чтобы всѣмъ было извѣстно, что главная причина нужды и страданія народа только косвенно зависитъ отъ правительства, что ему нѣтъ возможности непосредственно бороться съ ней, и что она зависитъ отъ образа дѣйствій самихъ бѣдныхъ. Распространеніе такой истины нетолько не содѣйствовало бы злоупотребленіямъ, но предупреждало бы ихъ отстраненіемъ опасностей, служащихъ предлогомъ для ихъ существованія. Такимъ образомъ, она послужила бы прочной опорой для истинной и разумной свободы.

ГЛАВА VII. — Продолженіе о томъ же *.

Соображенія, приведенныя въ предъидущей главѣ, подтвердились самымъ удивительнымъ образомъ событіями послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ. Быть можетъ, ни въ какую эпоху низшіе классы народа не были проникнуты такими нелѣпыми надеждами на послѣдствія преобразованій, предпринятыхъ правительствомъ; еще ни разу надежды эти не обнаруживали болѣе очевиднымъ образомъ безусловное невѣдѣніе главной причины бѣдности; никогда онѣ не вели такъ непосредственно къ послѣдствіямъ, неблагопріятнымъ для свободы.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ общихъ жалобъ на правительство состояла въ томъ, что огромное число рабочихъ, готовыхъ трудиться, оставалось безъ работы, и потому, безъ всякихъ средствъ для существованія.

Такой порядокъ вещей, безъ сомнѣнія, есть самое печальное событіе, какое только можетъ постигнуть цивилизованное

---

* Писано въ 1817. Прим. автора.

общество. Уже одного чувства человѣколюбія достаточно для объясненія и оправданія этимъ бѣдствіемъ всеобщаго неудовольствія, и для вмѣненія высшимъ классамъ общества обязанности употребить всевозможныя усилія для облегченія народныхъ страданій. Но такое бѣдствіе можетъ случиться и при самомъ совершенномъ, при самомъ бережливомъ правительствѣ. Это столь же очевидно, какъ очевидно, что правительство не въ силахъ приказать средствамъ страны возрастать, когда, по естественнымъ законамъ природы, они неподвижны или убываютъ.

Всякій согласится, что въ хорошо управляемой странѣ можетъ случиться періодъ благосостоянія, впродолженіи котораго ея богатство и населеніе получатъ такое движеніе, которое не можетъ продолжаться непрерывно. Если откроются, напримѣръ, новые пути для торговли; если государство пріобрѣтетъ новыя колоніи; если производство его увеличится изобрѣтеніемъ новыхъ машинъ; если его земледѣліе сдѣлаетъ неожиданные и большіе успѣхи: пока возрастающее количество его произведеній будетъ находить сбытъ на внутреннихъ или внѣшнихъ рынкахъ, не подлежитъ сомнѣнію, что капиталы его будутъ возрастать быстро, а населеніе приметъ непривычное приращеніе. И обратно: если открывшіеся пути для его торговли снова закроются, вслѣдствіе какого либо обстоятельства или иностраннаго соперничества; если оно потеряетъ колоніи, или снабженіе послѣднихъ захватятъ другія страны; если рынки его не могутъ расширяться съ изобрѣтеніемъ машинъ, вслѣдствіе переполненія или иностраннаго соперничества; если, по какой бы то ни было причинѣ, успѣхи его земледѣлія останавливаются, необходимо должно случиться, что въ то самое время, какъ размноженіе его населенія получитъ наибольшее поощреніе, почувствуется недостатокъ въ работѣ и въ продовольствіи; и это можетъ случиться само собою, вслѣдствіе естественнаго порядка вещей, безъ всякой ошибки со стороны правительства. Такой недостатокъ въ продовольствіи можетъ повергнуть рабочіе классы въ самое отчаянное положеніе; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы необходимо было производить ради-

кальныя преобразованія въ правительствѣ. Всякая попытка въ такомъ направленіи только увеличила бы народныя страданія.

До сихъ поръ мы предполагали, что образомъ своихъ дѣйствій правительство не принимало никакого участія въ бѣдствіяхъ, которыя вызвали всеобщія жалобы. Такое предположеніе, быть можетъ, весьма рѣдко оправдывается. Правительство несомнѣнно можетъ причинить большое зло войной и и налогами; и необходима извѣстная проницательность, чтобы отличить это зло отъ вышеприведенныхъ бѣдствій. Что касается до Англіи, нельзя отрицать, что обѣ указанныя причины дѣйствовали въ ней одновременно; но причина, независящая отъ правительства, имѣла большее вліяніе. Война и налоги, непосредственнымъ своимъ дѣйствіемъ, уничтожаютъ или замедляютъ возрастаніе капиталовъ, производства и народонаселенія; но во время послѣдней войны эти препятствія для развитія благосостоянія болѣе чѣмъ вознаграждались совпаденіемъ условій, крайне благопріятныхъ для размноженія населенія. Мы не имѣемъ права приписывать правительству тѣ счастливыя обстоятельства, которыя вознаградили за дѣйствіе разрушительныхъ условій. Впродолженіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ правительство вовсе не выказывало ни особеннаго расположенія къ миру и къ свободѣ, ни особенной бережливости въ расходованіи общественныхъ сборовъ. Оно не задумывалось предъ расточеніемъ громадныхъ суммъ для поддержанія войны и предъ крайне обременительными налогами для полученія ихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что оно принимало участіе въ расхищеніи общественнаго достоянія. И несмотря на это, самые очевидные факты показываютъ безпристрастному наблюдателю, что къ концу войны, въ 1814, народныя средства не были истощены; что богатство и населеніе страны нетолько превышали богатство и населеніе до войны, но возрасли быстрѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было предшествовавшій періодъ.

Быть можетъ, это самый удивительный фактъ, представляемый намъ исторіей; онъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что бѣдствія, испытываемыя страной со времени

водворенія мира, причинены нестолько обычными и естественными послѣдствіями войны и налоговъ, сколько внезапнымъ прекращеніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ размноженію населенія. Вызванныя этимъ бѣдствія, хотя и увеличивались дѣйствіемъ налоговъ, тѣмъ неменѣе, вовсе не пораждались непосредственно налогами, и потому, уничтоженіе послѣднихъ не могло доставить прямаго и немедленнаго облегченія для народа.

Что рабочіе классы не могутъ угадать настоящей причины своихъ страданій, что они до нѣкоторой степени и до извѣстнаго времени не чувствуютъ, что противъ страданій этихъ не имѣется никакихъ средствъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Нѣтъ также ничего необыкновеннаго и въ томъ, что они довѣрчивѣе выслушиваютъ тѣхъ, кто съ увѣренностью обѣщамъ имъ немедленное облегченіе, нежели людей, которые могутъ предложить имъ въ утѣшеніе только горькую истину. Но нельзя не согласиться, что ораторы и народные писатели чрезъ мѣру воспользовались критическими обстоятельствами, передавшими въ ихъ руки власть. Отчасти по невѣжеству, отчасти преднамѣренно, все, что̀ могло раскрыть предъ рабочими классами дѣйствительное ихъ положеніе, все, что̀ могло побудить ихъ къ терпѣливому перенесенію неизбѣжныхъ бѣдствій, тщательно скрывалось отъ нихъ или громко порицалось; и все, что̀ обольщало ихъ, что̀ усиливало и возбуждало ихъ неудовольствіе, что̀ пораждало въ нихъ безумныя надежды на облегченіе своей участи, при содѣйствіи одихъ только реформъ, тщательно разыскивалось и выставлялось на видъ. Еслибы предлагавшіяся реформы были приведены въ исполненіе при такихъ обстоятельствахъ, то народъ неизбѣжно былъ бы жестоко обманутъ въ своихъ надеждахъ. При содѣйствіи всеобщаго избирательства и ежегодныхъ парламентскихъ выборовъ, подъ вліяніемъ обманутыхъ ожиданій, народъ вѣроятно попытался бы сдѣлать всевозможныя измѣненія въ правительственной системѣ, пока наконецъ, перешедши чрезъ всѣ фазисы революціи, онъ не былъ бы сдержанъ военнымъ деспотизмомъ. Горячіе защитники истинной свободы имѣли полное право опасаться та-

кихъ послѣдствій. Чувство долга не дозволяло имъ оказывать содѣйствія принципамъ, грозившимъ подобными послѣдствіями. Предположивъ даже, что послѣ необыкновенныхъ усилій и наперекоръ мнѣнію большинства, эти друзья благоразумной свободы могли надѣяться, что имъ удастся произвесть умѣренныя и болѣе прочныя преобразованія, все же они не могли скрыть отъ себя, что обманутый въ своихъ ожиданіяхъ народъ приписалъ бы свои страданія ихъ реформамъ, которыя назвалъ бы полумѣрами; и что имъ самимъ пришлось бы или произвесть радикальныя преобразованія, или отказаться отъ своего вліянія и популярности, внезапно отказавшись отъ нихъ прежде, чѣмъ народъ получитъ какое либо облегченіе, прежде чѣмъ уляжется его негодованіе, и прежде чѣмъ онъ обратится къ воображаемому несомнѣнному радикальному средству, которымъ питали его надежды.

Такія соображенія естественно должны были остановить попытки истинныхъ друзей свободы; вотъ почему благодѣтельныя реформы, признанныя необходимыми для исправленія поврежденій, причиненныхъ временемъ, и для такого усовершенствованія конституціи, къ какому она только способна, сдѣлались еще болѣе затруднительны, а потому, еще менѣе вѣроятны.

Мечтательныя надежды и безразсудныя требованія, внушенныя народу его коноводами, не только обезпечили за правительствомъ легкую побѣду въ случаѣ насильственнаго, какъ и умѣреннаго требованія реформы, но они передали еще въ его руки самое опасное оружіе противъ конституціи. Подобныя внушенія, по природѣ своей, должны возбуждать опасенія и не допускать самыхъ умѣренныхъ преобразованій. А разъ возбужденное опасеніе рѣдко знаетъ, на чемъ ему должно остановиться; вызвавшіе его страхи могутъ быть легко преувеличены. Можно предположить, что подъ вліяніемъ такихъ преувеличенныхъ опасеній прошло нѣсколько неблагопріятныхъ для свободы парламентскихъ постановленій, вовсе невызывавшихся крайней необходимостью. Но возможность подобныхъ опасеній и подобныхъ парламентскихъ постанов-

леній несомнѣнно должна быть приписана безразсуднымъ надеждамъ народа.

Слѣдуетъ, стало быть, согласиться, что настоящее время представляетъ разительное подтвержденіе нашей теоріи, и вполнѣ доказываетъ, что незнаніе главной причины бѣдности въ высшей степени неблагопріятно для свободы, и что знакомство съ ней должно вызвать совершенно противуположное дѣйствіе.

ГЛАВА VIII. — Проектъ постепенной отмѣны законодательства о бѣдныхъ.

Если предложенные нами принципы имѣютъ прочное основаніе, если не подлежитъ сомнѣнію обязательство наше согласовать съ ними наше поведеніе, то намъ остается изслѣдовать, такимъ образомъ привести въ исполненіе это рѣшеніе. Первое и главное препятствіе для этого представляетъ въ Англіи система законовъ, принятая относительно бѣдныхъ *. Система эта весьма основательно представлялась болѣе вредной и убыточной, чѣмъ самъ государственный долгъ **. Быстрое увеличеніе налоговъ въ пользу бѣдныхъ въ послѣднее время представляетъ такое чрезвычайное, соотвѣтствующее ему возрастаніе числа бѣдныхъ, получающихъ вспомоществованіе, что трудно себѣ объяснить возможность существованія такого количества нищихъ среди благоденствующаго и хорошо управляемаго народа ***.

Какъ бы тягостно ни было чувство, ощущаемое при этой

---

* Система приходскихъ вспомоществованій, собираемыхъ посредствомъ налога, соразмѣрнаго съ доходомъ земель по древней ихъ оцѣнкѣ.

** *Reports*... (Отчеты общества для улучшенія судьбы бѣдныхъ), т. III, стр. 21. Прим. автора.

*** Если налогъ въ пользу бѣдныхъ будетъ возрастать такъ же быстро, какъ онъ возрасталъ доселѣ, по среднему числу за десять послѣднихъ лѣтъ, то будущее представляетъ намъ мрачную перспективу. Во Франціи система законовъ о бѣдныхъ весьма справедливо называется «самою жестокою политическою язвой Англіи». *Comité de mendicité.* Прим. автора.

мысли, какъ бы горячо ни было наше желаніе пособить такому великому злу, зло это пустило слишкомъ глубокіе корни, вспомоществованія, выдаваемыя бѣднымъ, слишкомъ многочисленны, чтобы чувство человѣколюбія примирилось съ немедленной ихъ отмѣной. Старались отыскать средства для ихъ облегченія и для предупрежденія ихъ увеличенія. Съ этою цѣлью предложено было опредѣлить сумму, которую бы не могъ превысить налогъ въ пользу бѣдныхъ, въ настоящемъ, или въ другомъ какомъ либо его видѣ. Противъ этого предложенія можно сдѣлать то возраженіе, что сбираемая такимъ образомъ сумма все же будетъ весьма значительна; поэтому, бѣдные не увидятъ яснымъ образомъ произшедшей въ этомъ отношеніи перемѣны, и каждый изъ нихъ будетъ воображать, что, подобно прочимъ, онъ имѣетъ полное право на пропитаніе, если будетъ застигнутъ нуждой: такъ что люди, которые впадутъ въ такое печальное положеніе, послѣ того какъ будетъ назначенъ и распредѣленъ налогъ, найдутъ несправедливымъ и жестокимъ отказъ имъ въ пособіи, которымъ пользуются другіе. Если же собираемую сумму распредѣлять крошечными долями между всѣми нуждающимися, какъ бы велико ни было ихъ число, то такимъ образомъ, быть можетъ, можно было бы избѣжать упрековъ со стороны людей, обращающихся за вспомоществованіемъ послѣ того какъ будетъ окончательно опредѣлена вся сумма сборовъ; но этимъ поставлены будутъ въ затруднительное положеніе тѣ, которые, до этого, получали пособіе въ бо̀льшихъ размѣрахъ, и которые будутъ теперь получать меньше безъ всякой вины съ ихъ стороны. Въ томъ и другомъ случаѣ общество поступитъ несправедливо, ибо, признавая себя обязаннымъ кормить своихъ бѣдныхъ, оно будетъ до того скупо во вспомоществованіи, что они будутъ умирать съ голоду.

Я много думалъ объ англійскихъ законахъ о бѣдныхъ. Вслѣдствіе этого, я осмѣливаюсь предложить проектъ постепенной ихъ отмѣны, противъ котораго я не вижу никакого существеннаго возраженія. Я почти увѣренъ даже, что еслибы вошло во всеобщее сознаніе, что законы, о которыхъ идетъ рѣчь, представляютъ одновременно, какъ источникъ

злоупотребленій, такъ и постоянную причину нравственнаго паденія, лѣности и несчастія; что еслибы, поэтому, серьезно захотѣли завалить этотъ отравленный источникъ и уничтожить постоянную причину нищеты, то, изъ чувства справедливости, слѣдовало бы принять, если не предлагаемый мною проектъ, то по крайней мѣрѣ принципы, служащіе ему основаніемъ. Какъ бы то ни было, но отказаться отъ системы такого широкаго вспомоществованія, не нарушая чувства человѣколюбія, можно только дѣйствіемъ на породившую ее причину; послѣдняя, пустивъ глубокіе корни, содѣйствуетъ быстрому распространенію такого рода учрежденій, и дѣлаетъ ихъ постоянно недостаточными для достиженія имѣющейся въ виду цѣли. Во первыхъ, предстоитъ сдѣлать шагъ, по моему мнѣнію, неизбѣжный, прежде чѣмъ предпринимать какія бы то ни было важныя измѣненія въ существующей системѣ, будетъ ли дѣло идти о прекращеніи возрастанія вспомоществованій, или о совершенной ихъ отмѣнѣ. По моему мнѣнію, это одинаково требуется, какъ справедливостью, такъ и честью. Слѣдуетъ *громогласно отказаться отъ признанія за бѣдными воображаемаго* ПРАВА *содержаться на общественный счетъ.*

Съ этою цѣлью я предложилъ бы издать законъ, что въ приходскихъ пособіяхъ будетъ отказано дѣтямъ, которыя родятся отъ браковъ, заключенныхъ годъ спустя послѣ обнародованія закона, и всѣмъ незаконнорожденнымъ, которыя родятся чрезъ два года послѣ объявленія закона. Для повсемѣстнаго распространенія закона и для бо̀льшаго запечатлѣнія его въ сознаніи народа, приходскіе священники обязываются, непосредственно вслѣдъ за оглашеніемъ каждаго предстоящаго брака, прочитать краткое поученіе, въ которомъ бы напоминали самымъ строгимъ образомъ объ обязанности каждаго человѣка содержать свою семью; о безразсудствѣ и безнравственности тѣхъ, которые вступаютъ въ бракъ, не имѣя надежды на выполненіе этой священной обязанности; о бѣдствіяхъ, обрушивающихся на самихъ бѣдныхъ, вслѣдствіе безплодной попытки возлагать на общественныя учрежденія тѣ попеченія, которыя, по законамъ самой природы,

лежатъ на родителяхъ; и наконецъ, объ очевидной необходимости оставить эти попытки, приведшія къ результатамъ, діаметрально противуположнымъ тѣмъ, какіе ожидались отъ нихъ.

Подобная мѣра послужила бы къ просвѣщенію народа относительно обязанностей, возлагаемыхъ на него самою природой. Никого не оскорбляя, она поставила бы нараждающееся поколѣніе въ меньшую зависимость отъ правительства и богатыхъ людей. Физическія и нравственныя послѣдствія ея имѣли бы огромное значеніе.

Если и по обнародованіи этого закона, послѣ того какъ онъ будетъ вполнѣ извѣстенъ каждому человѣку, послѣ того какъ законодательство о бѣдныхъ исчезнетъ для возрастающаго населенія, найдутся люди, рѣшающіеся жениться, не имѣя надежды прокормить свою семью, то я полагаю, что не слѣдовало бы ихъ стѣснять, и слѣдовало бы предоставить имъ въ этомъ отношеніи полную свободу. И хотя, по моему мнѣнію, подобный бракъ есть очевидно безнравственное дѣло, все же онъ не принадлежитъ къ числу такихъ, наказывать или предупреждать которыя лежало бы на прямой обязанности правительства. Причина этого та, что наказаніе, сопровождающее, по законамъ природы, такой поступокъ, падаетъ непосредственно на самого виновнаго, и притомъ самымъ жестокимъ образомъ. Обществу наносится вредъ только косвеннымъ образомъ, къ тому же, незначительный и далекій. Когда сама природа беретъ на себя наказаніе, то было бы безумно и нелѣпо воображать, что мы имѣемъ право стать на ея мѣсто, и принять на себя такую отвратительную заботу. Предоставимъ, поэтому, виновнаго наказанію, присуждаемому самой природой. Онъ поступилъ наперекоръ здравому смыслу и всѣмъ предостереженіямъ; онъ никого не имѣетъ права винить, и долженъ жаловаться на самого себя, если поступокъ его сопровождается прискорбными для него послѣдствіями. Ему долженъ быть закрытъ доступъ къ приходскимъ вспомоществованіямъ; а если ему протянетъ руку частная благотворительность, то человѣколюбіе настойчиво требуетъ, чтобы пособіе это не было особенно щедро. Необходимо,

чтобы онъ зналъ, что законы природы, то есть, законы самого Бога, присудили его къ тяжелой жизни въ наказаніе за ихъ нарушеніе; что онъ не имѣетъ никакого права требовать отъ общества инаго пропитанія, кромѣ того, которое онъ можетъ получить за свой трудъ; что если самъ онъ и его семейство ограждены отъ голода, то это слѣдуетъ объяснять состраданіемъ добрыхъ людей, которымъ онъ и обязанъ благодарностью.

Еслибы неуклонно слѣдовали такой системѣ, то нечего было бы опасаться, что число нуждающихся возрастетъ до такой степени, что перейдетъ за предѣлы, удовлетворяемые благотворительностью. Я убѣжденъ, напротивъ того, что область, предоставленная частной благотворительности, съузится, сравнительно съ теперешнимъ. Единственное затрудненіе, которое предстояло бы преодолѣть, представляетъ неразборчивость въ дѣлѣ благотворенія, ибо пособія, раздаваемыя какъ попало, только поощряютъ безпечность и лѣность.

Что касается до незаконнорожденныхъ дѣтей, то послѣ сдѣланныхъ предостереженій, ихъ не слѣдуетъ принимать на попеченіе приходовъ, а должно предоставить частной благотворительности. Отказываясь отъ своихъ дѣтей, родители совершаютъ преступленіе, за которое они должны отвѣчать. Что касается до общества, то для него одинъ ребенокъ легко замѣняется другимъ. Если дѣти такъ дороги для насъ, то это потому что они составляютъ предметъ одной изъ очаровательнѣйшихъ страстей человѣческаго сердца, всѣмъ извѣстной подъ именемъ материнской и родительской любви. Если люди, которымъ болѣе всего естественна эта страсть, отказываются отъ дара, посылаемаго имъ самимъ небомъ, то общество вовсе не обязано занимать ихъ мѣсто. Дѣло послѣдняго состоитъ въ такомъ случаѣ въ наказаніи за преступленіе родителей, попирающихъ ногами самыя священныя свои обязанности и отказывающихся отъ попеченія о собственныхъ дѣтяхъ, или преднамѣренно и умышленно жестоко обращающихся съ ними.

При настоящемъ порядкѣ вещей, незаконнорожденный ре-

бенокъ отдается на попеченіе прихода *, и впродолженіи года обыкновенно умираетъ, по крайней мѣрѣ въ Лондонѣ. Общество несетъ такую же потерю, но жестокость преступленія ослабляется по причинѣ бóльшаго числа лицъ, принимающихъ въ немъ участіе. Смерть этихъ несчастныхъ созданій приписывается просто волѣ Божіей, и при этомъ забывается, что на нее слѣдуетъ смотрѣть, какъ на неизбѣжное слѣдствіе звѣрскаго поведенія родителей, которые должны дать въ немъ отчетъ предъ Богомъ и предъ людьми.

Какъ бы то ни было, рѣдко случается, чтобы дитя оставлялось одновременно, и отцемъ, и матерью. Когда у работника или у служителя является ребенокъ отъ незаконной связи, то онъ обыкновенно скрывается или уходитъ. Нерѣдко даже случается, что и женатый человѣкъ, имѣющій дѣтей, уходитъ въ какое либо отдаленное мѣсто, оставляя свое семейство на попеченіи прихода. Я слышалъ, что одинъ честный и трудолюбивый работникъ намѣревался поступить такимъ же образомъ, ибо, несмотря на его достатокъ, ему казалось, что это лучшее средство для содержанія жены и шестерыхъ дѣтей **. Уже одинъ фактъ такихъ побѣговъ можетъ вызвать въ иностранцѣ весьма неблагопріятное мнѣніе о характерѣ англичанъ; но подойдя къ предмету ближе, беспристрастный человѣкъ отнесетъ это преступленіе къ порождающимъ его учрежденіямъ.

По законамъ природы, ребенокъ подлежитъ непосредственно и исключительно попеченію своихъ родителей. По тѣмъ же законамъ природы, мать ребенка такимъ же положительнымъ образомъ поручается заботамъ отца ребенка. Еслибы эти узы

* Я согласенъ съ сэромъ Ф. Эденомъ, что общераспространеннымъ обычаемъ, содержать на общественный счетъ оставленныхъ дѣтей, слѣдуетъ объяснять большое число покидаемыхъ дѣтей въ двухъ богатѣйшихъ странахъ Европы, Франціи и Англіи. *State of the poor*, т. I, стр. 339.

** Тамъ же, стр. 330. «Многіе бѣдняки стараются воспользоваться выгодами, доставляемыми законами, и оставляютъ своихъ женъ и дѣтей на попеченіи приходовъ. Я буду имѣть случай подробно доказать это впродолженіи этого сочиненія.» Прим. автора.

не извращались, еслибы природа была предоставлена самой себѣ, и еслибы въ то же самое время человѣкъ былъ глубоко убѣжденъ, что отъ него одного зависитъ существованіе жены и ея ребенка, обязаннаго ему жизнью, я не знаю, оказалось ли бы возможнымъ такое безсердечное оставленіе жены и дѣтей, и нашлось ли бы во всей человѣческой породѣ хоть десять отцевъ, способныхъ на такое звѣрское преступленіе. Но англійскіе законы, наперекоръ законамъ природы, объявляютъ, что если родители оставятъ принадлежащаго имъ ребенка, то другія лица обязаны занять ихъ мѣсто; что если жена будетъ оставлена своимъ мужемъ, то она можетъ найти покровительство въ иномъ мѣстѣ: такимъ образомъ, употреблены были всѣ средства для ослабленія и искорененія естественныхъ влеченій и для извращенія естественныхъ законовъ, а затѣмъ, всю вину свалили на природу. Въ сущности же, вся вина падаетъ на политическое устройство общества. Оно создаетъ законы, вызывающіе подобныя явленія, оно предлагаетъ награду тому, кто попираетъ ногами чувства самыя полезныя и болѣе всего заслуживающія уваженія.

Въ большей части приходовъ принято за правило, что если извѣстенъ отецъ незаконнорожденнаго ребенка, то грозить ему тюрьмой, и стараться всевозможными средствами заставить его жениться на матери ребенка. Обычай этотъ заслуживаетъ порицанія. Такое преслѣдованіе со стороны приходскихъ властей, во первыхъ, нелѣпо, ибо, при существующемъ порядкѣ вещей, оно вызываетъ обыкновенно трехъ или четырехъ дѣтей, обременяющихъ собой приходъ, вмѣсто одного. А во вторыхъ, оно безнравственно и оскорбительно для одного изъ самыхъ священныхъ учрежденій. Воображать, что можно такимъ образомъ спасти честь женщины, и вернуть на путь добродѣтели человѣка, связавъ его вынужденнымъ обязательствомъ, это значитъ имѣть довольно странныя понятія о нравственномъ долгѣ и честности. Если человѣкъ обольстилъ женщину обѣщаніемъ жениться на ней, то онъ виноватъ въ гнусномъ обманѣ, и заслуживаетъ строгаго наказанія; но я не рѣшился бы принудить его ко второму обману, результатомъ котораго можетъ быть только крайне пе-

чальная участь той, которая будетъ связана съ нимъ неразрывными узами, и обремененіе общества лишнимъ семействомъ нищихъ.

Обязанность каждаго человѣка заботиться о своихъ дѣтяхъ, какъ законныхъ, такъ и незаконныхъ, до такой степени очевидна и важна, что справедливость требовала бы вооружить общество всею властью, необходимой для ея укрѣпленія всѣми средствами, какія только могутъ быть пригодны. Но я полагаю, что въ распоряженіи общественной власти нѣтъ болѣе надежной силы для достиженія этой цѣли, какъ объявленіе во всеуслышаніе, что отнынѣ дѣти будутъ на попеченіи родителей; а если родители, на которыхъ естественно лежитъ эта обязанность, покинутъ ихъ, то они не имѣютъ права надѣяться, чтобы попеченіе ихъ было замѣнено иначе, какъ случайнымъ пособіемъ частной благотворительности.

Отвѣтственность матери и дѣтей, нисколько не виновныхъ въ дурномъ поведеніи отца семейства, быть можетъ, покажется слишкомъ жестокой. Но это опять таки одинъ изъ неизмѣнныхъ законовъ природы, и слѣдуетъ нѣсколько разъ подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на систематическое противудѣйствіе ему.

Мнѣ часто случалось слышать, что благость божія несогласна съ тѣми мѣстами Библіи, въ которыхъ объявляется, что дѣти будутъ наказаны за преступленія родителей. Противурѣчіе это недостаточно разъяснено. Если дѣло идетъ не о коренномъ измѣненіи человѣческой природы, не объ обращеніи ея въ ангельскую, или вообще, не о такомъ ея улучшеніи, которое бы дѣлало человѣка совершенно другимъ существомъ, то невозможно освободить человѣка отъ дѣйствія на него закона, вызывающаго такія сѣтованія. Не потребовалось ли бы непрерывнаго чуда, что̀ въ сущности, быть можетъ, было бы только противурѣчіемъ въ словахъ, чтобы на дѣтяхъ не отражалось, въ общественномъ и нравственномъ отношеніи, поведеніе ихъ родителей? Есть ли хоть одинъ человѣкъ, который, бывъ воспитанъ своими родителями, не несъ бы на себѣ нѣкотораго отпечатка ихъ добродѣтелей и пороковъ; на характерѣ котораго не отразились бы сча-

*

стливыя черты благоразумія, справедливости, доброты, воздержности, или не исказились бы дѣйствіемъ противуположныхъ качествъ; положеніе котораго въ обществѣ не поддерживалось бы отчасти ихъ доброй славой, предусмотрительностью, трудолюбіемъ, благосостояніемъ, или не унижалось бы ихъ неблагоразуміемъ, лѣностью и испытанными ими неудачами? До какой степени укрѣпляется добродѣтель и поддерживаются силы отца надеждой передать такимъ образомъ свое благосостояніе дѣтямъ! До какой степени надежда эта поддерживаетъ стремленіе родителей дать своимъ дѣтямъ порядочное воспитаніе, и поставить ихъ на ноги! Еслибы можно было покинуть жену и дѣтей, не подвергая ихъ никакой опасности, то какое огромное число людей, утомленныхъ супружескими узами или слабо привязанныхъ къ своимъ женамъ, отказалось бы отъ хлопотъ и затрудненій, соединенныхъ съ попеченіями о семействѣ, и обратилось бы къ холостой жизни! Но сознаніе, что дѣти несутъ кару за преступленія родителей, оказываетъ дѣйствіе даже на порочныхъ людей. Многія лица, небезпокоющіяся о вліяніи собственныхъ поступковъ на свою жизнь, близко принимаютъ къ сердцу, чтобы безпорядочная ихъ жизнь не оказала вреднаго вліянія на ихъ дѣтей. По нравственнымъ законамъ, управляющимъ міромъ, оказывается необходимымъ, чтобы за поступки родителей взыскивалось съ дѣтей. И если изъ самонадѣянной гордости мы надѣемся на лучшія послѣдствія отъ *систематическаго* противудѣйствія этому закону, то я думаю, что мы беремся за безумное предпріятіе.

Еслибы принятъ былъ предложенный мною проектъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ налогъ въ пользу бѣдныхъ сталъ бы быстро уменьшаться, и въ короткое время прекратился бы совершенно. И въ то же самое время, по моему крайнему разумѣнію, никто не былъ бы обманутъ, и никому не было бы нанесено вреда. Поэтому, никто не имѣлъ бы права и жаловаться.

Однако же, одного уничтоженія законодательства о бѣдныхъ вовсе еще недостаточно для облегченія ихъ участи; и еслибы нашелся человѣкъ, который придавалъ бы этой мѣрѣ исключительное значеніе, то ему слѣдовало бы только указать на положеніе бѣдныхъ въ другихъ странахъ, въ которыхъ не

существуетъ подобныхъ законовъ. Тѣмъ неменѣе, сравненіе это потребовало бы предварительнаго разсмотрѣнія многихъ обстоятельствъ, и не могло бы послужить основаніемъ для сужденія относительно полезности или безполезности такихъ законовъ.

Англія пользуется многими особенными, естественными и политическими выгодами, которыхъ могутъ не имѣть сравниваемыя съ нею страны. По свойствамъ почвы и климата, она предохранена отъ безусловной погибели всей жатвы хлѣба, что̀ нерѣдко испытывается прочими странами; по своему островному положенію и по обширной своей торговлѣ, она находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для вывоза; безчисленныя ея фабрики доставляютъ занятіе всѣмъ работникамъ, безполезнымъ для земледѣлія, и тѣмъ самымъ дѣлаютъ возможнымъ правильное распредѣленіе между всѣмъ населеніемъ годоваго производства земли и труда. Въ особенности же, между всею массой англійскаго народа замѣчается несомнѣнное стремленіе къ предметамъ удобства обыденной жизни, страстное желаніе улучшить свое положеніе, представляющее главную пружину благосостоянія, а вслѣдствіе этого, и похвальныя привычки къ трудолюбію и предусмотрительности. Такими качествами, столь рѣзко противурѣчащими безнадежной безпечности деспотическихъ государствъ, обязана Англія своей конституціи, своимъ превосходнымъ законамъ, обезпечивающимъ за каждымъ гражданиномъ плоды его труда. Если, стало быть, по сравненіи съ прочими странами, Англія, что̀ касается до положенія бѣдныхъ, оказывается въ несравненно лучшихъ условіяхъ, то превосходство это слѣдуетъ приписать не законодательству о бѣдныхъ, а тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, въ которыя она поставлена. Женщина можетъ превосходить красотой другихъ женщинъ, хотя бы на лицѣ у нея и былъ какой нибудь недостатокъ; но странно было бы приписывать этому недостатку превосходство ея красоты надъ красотой прочихъ женщинъ. Англійскіе законы о бѣдныхъ постоянно противудѣйствовали естественнымъ выгодамъ этой страны или пріобрѣтеннымъ ею. Къ счастію, выгоды эти таковы, что онѣ могли быть ослаблены такою

причиной, но не могли быть уничтожены ею. Если присоединить къ этимъ выгодамъ затрудненія для вступленія въ неблагоразумный бракъ, обусловливаемыя законами, то нетрудно убѣдиться, что этими причинами слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что Англія могла такъ долго противиться столь пагубной системѣ вспомоществованій. Быть можетъ, никакая другая страна въ мірѣ, за исключеніемъ Голландіи до революціи, не могла слѣдовать такъ всесторонне и такъ неуклонно подобной системѣ впродолженіи такого значительнаго періода времени, и не быть раздавленной ею.

Предлагалось ввести англійскіе законы о бѣдныхъ въ Ирландіи. Но если принять въ соображеніе жалкое и униженное состояніе простаго народа на этомъ островѣ, совершенное отсутствіе честности и чувства собственнаго достоинства, дѣйствующихъ на бѣдныхъ въ Англіи и нерѣдко удерживающихъ ихъ отъ обращенія за пособіемъ къ своимъ приходамъ, то нетрудно убѣдиться, что какъ только введена будетъ въ Ирландіи англійская система законодательства, то поземельная собственность будетъ въ ней убита налогомъ, или придется отказаться отъ ея введенія.

Въ Швеціи, въ которой часто случаются неурожаи и въ которой ввозъ хлѣба затрудняется бѣдностью страны, введеніе подобной мѣры, если только вскорѣ же не отказались бы отъ нея, подвело бы подъ одинъ общій уровень всѣ имущества, и вызвало бы такія потрясенія, что пришлось бы отказаться отъ всякой надежды на возвращеніе этой странѣ прежняго изобилія и благосостоянія.

Въ самой Франціи, несмотря на выгодныя условія ея положенія и климата, до такой степени сильно стремленіе къ размноженію и отсутствіе предусмотрительности между низшими классами, что введеніе англійскаго законодательства о бѣдныхъ погубило бы въ ней поземельную собственность, и привело бы простой народъ въ крайне жалкое положеніе. На этомъ основаніи, въ началѣ революціи, комитетъ о призрѣніи нищихъ весьма благоразумно отвергъ предложеніе о введеніи подобной системы.

Если Голландія дѣйствительно представляетъ въ этомъ от-

ношенiи исключенiе, то это объясняется особенными обстоятельствами: ея обширной торговлей, многочисленными колонiальными выселенiями, сравнительно съ небольшимъ пространствомъ ея территорiи, нездоровостью нѣкоторыхъ ея провинцiй, въ которыхъ средняя смертность превышаетъ среднюю смертность прочихъ государствъ. Таковы, по моему мнѣнiю, причины, благопрiятствовавшiя той громкой извѣстности, которою пользуется Голландiя, относительно своихъ благотворительныхъ заведенiй, и доставившiя ей возможность найти занятiя или дать средства существованiя всѣмъ тѣмъ, которые обращаются въ ней за пособiемъ.

Ни одна страна Германiи не богата настолько, чтобы могла выдержать широкую систему приходскихъ вспомоществованiй. Но въ нѣкоторыхъ ея провинцiяхъ, мнѣ кажется, положенiе низшихъ классовъ народа лучше, чѣмъ въ Англiи, и именно потому, что въ нихъ не было введено системы, о которой идетъ рѣчь. То же самое, на основанiи тѣхъ же причинъ, слѣдуетъ сказать о Швейцарiи. Въ путешествiи моемъ въ Шлезвигское и Гольштинское герцогства, находящiяся подъ властью Данiи, я нашелъ, что народъ живетъ въ лучшихъ и болѣе опрятныхъ помѣщенiяхъ, чѣмъ люди тѣхъ же классовъ въ Англiи, и я встрѣтилъ тамъ менѣе признаковъ бѣдности.

Даже въ Норвегiи, несмотря на суровый и непостоянный климатъ, бѣдные находятся въ менѣе жалкомъ положенiи, чѣмъ въ Англiи, по крайней мѣрѣ, насколько я могъ заключить объ этомъ въ нѣсколько недѣль моего пребыванiя въ этой странѣ, и изъ того, что̀ я могъ узнать изъ распросовъ. Они пользуются лучшими помѣщенiями и лучшей одеждой. Они не имѣютъ бѣлаго хлѣба, но мяса, рыбы и молока употребляютъ больше, чѣмъ англiйскiе работники. Мнѣ въ особенности бросилось въ глаза, что дѣти тамошнихъ фермеровъ крѣпче и крупнѣе. Это большее благосостоянiе, наперекоръ свойствамъ почвы и климата, казалось мнѣ результатомъ той особенной силы, съ которой дѣйствуютъ въ этой странѣ предупредительныя условiя, сдерживающiя населенiе въ должныхъ границахъ. Введенiе законодательства о бѣдныхъ, которое ослабило бы или вовсе уничтожило дѣйствiе

этихъ условій, повергло бы народъ въ нищету, уменьшило бы количество произведеній, доставляемыхъ землей и трудомъ, отстранило бы средства, къ которымъ прибѣгали въ случаѣ неурожая и, наконецъ, подвергло бы народъ всѣмъ ужасамъ голода.

Когда народъ находится, какъ въ Ирландіи, Испаніи и въ нѣкоторыхъ другихъ южныхъ странахъ, въ такомъ невѣжественномъ состояніи, что размножается, по примѣру скотовъ, безъ всякой предусмотрительности, то ему почти все равно, принять или не принять англійскіе законы о бѣдныхъ. Между такимъ народомъ несчастіе и бѣдность, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, необходимо будутъ главнымъ препятствіемъ для размноженія его населенія. Англійскіе законы о бѣдныхъ, безъ сомнѣнія, увеличили бы зло уменьшеніемъ вообще всего производства, и при такомъ порядкѣ вещей, не могли бы существовать долго. Но будутъ ли введены эти законы или нѣтъ, никакой геніальный умъ, никакія административныя дарованія не могутъ спасти отъ нищеты и бѣдствій народъ, получившій подобныя привычки.

ГЛАВА IX.—Какими средствами можно бы было содѣйствовать разсѣянію общераспространенныхъ заблужденій относительно народонаселенія.

Но одной отмѣны всѣхъ учрежденій, поощряющихъ населеніе, оказалось бы недостаточно; необходимо еще стараться въ то же время объ исправленіи господствующихъ мнѣній, производящихъ такое же дѣйствіе, нерѣдко съ большею даже силой. Это можетъ быть только дѣломъ времени; а единственное средство для достиженія цѣли состоитъ въ распространеніи здравыхъ понятій по этому вопросу, какъ печатнымъ словомъ, такъ и бесѣдами. Въ особенности, слѣдуетъ настаивать на той истинѣ, что долгъ человѣка вовсе не состоитъ въ распространеніи своей породы, а въ распространеніи, всѣми зависящими отъ него средствами, счастія добродѣтели; что если онъ не имѣетъ законной надежды на достиженіе этой цѣли, то природа вовсе не повелѣваетъ ему оставлять послѣ себя потомковъ.

Въ высшихъ классахъ общества нечего опасаться чрезмѣрнаго количества браковъ. Распространеніе здравыхъ понятій по этому вопросу, разумѣется, можетъ быть полезно и для этой части общества, и предупреждать значительоое число несчастныхъ супружествъ; но будемъ ли мы стараться объ этомъ или нѣтъ, болѣе возвышенныя чувства, вызываемыя въ этихъ классахъ положеніемъ и воспитаніемъ, всегда будутъ служить могущественнымъ препятствіемъ для браковъ. Все, что только можетъ общество требовать отъ каждаго изъ своихъ членовъ, это — чтобы никто не заводился семьей, если не имѣетъ средствъ для ея содержанія. Правило это можетъ быть предписано, какъ положительная обязанность. Затѣмъ, всякое иное стѣсненіе должно быть оставлено на произволъ и на склонность человѣка, налагающаго его на себя. Что касается до высшихъ классовъ общества, то, основываясь на томъ, что мы знаемъ о ихъ привычкахъ, достаточно, чтобы оказывалось больше уваженія и больше свободы дѣвушкамъ, проводящимъ жизнь внѣ брака, и чтобы онѣ пользовались въ этомъ отношеніи одинакими правами съ замужними женщинами. Къ тому же, это было бы дѣломъ столько же благоразумнымъ, какъ и согласнымъ съ первыми требованіями справедливости и равноправности.

Но если такъ легко достигнуть отъ высшихъ классовъ общества той степени благоразумія, какая необходима для удержанія въ должныхъ границахъ количества браковъ, то для достиженія той же цѣли между низшими классами слѣдуетъ распространять между ними то просвѣщеніе и ту предусмотрительность, которыми отличаются первые; такимъ путемъ имъ оказана будетъ еще бо̀льшая услуга.

Вѣрнѣйшее средство для этого вѣроятно оказалось бы во введеніи системы приходскаго воспитанія по плану, предложенному Адамомъ Смитомъ *. Кромѣ обыкновенныхъ предметовъ преподаванія и тѣхъ, которые присоединяетъ къ нимъ этотъ писатель, я считаю необходимымъ, чтобы въ этихъ школахъ какъ можно чаще излагалось положеніе низшихъ клас-

* *Богатство народовъ*, т. III, кн. V.

совъ народа относительно закона народонаселенія, и вліяніе ихъ въ этомъ отношеніи на собственное свое благополучіе. Я вовсе не имѣю въ виду, чтобы въ подобныхъ бесѣдахъ умалялось въ какомъ бы то ни было отношеніи значеніе брака, и чтобы онъ представлялся въ менѣе привлекательномъ видѣ, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Напротивъ того, его слѣдуетъ представлять, согласно съ истиной, какъ состояніе, въ особенности свойственное человѣческой природѣ и болѣе всего пригодное для водворенія счастія и для предохраненія отъ порока. Но слѣдуетъ тщательно оговаривать, что о бракѣ можно сказать то же, что̀ о богатствѣ и о другихъ благахъ, которыми мы можемъ пользоваться только подъ извѣстными условіями. Твердое убѣжденіе, что супружество весьма желательно, но что для достиженія его необходимо имѣть средства для содержанія семьи, должно оказаться самымъ могущественнымъ побужденіемъ для молодаго человѣка къ труду и къ благоразумной бережливости, до того времени, какъ онъ осуществитъ свое стремленіе завестись семьей. Ничто не способно до такой степени побудить къ откладыванію небольшаго излишка, всегда имѣющагося у неженатаго работника, и къ разумному употребленію этихъ сбереженій въ будущемъ, вмѣсто того чтобы растрачивать ихъ среди праздности и порока.

Еслибы впослѣдствіи оказалось возможнымъ присоединить въ этихъ школахъ къ предметамъ преподаванія нѣкоторыя простѣйшія истины политической экономіи, то этимъ была бы доставлена обществу огромная выгода*. Нѣсколько бесѣдъ,

* Ад. Смитъ предлагаетъ преподавать въ этихъ приходскихъ школахъ элементарныя основанія геометріи и механики. Я не могу себѣ представить, чтобы оказалось невозможнымъ растолковать народу также общія основанія купли и продажи; а это принесло бы огромную пользу. Предметъ этотъ непосредственно касается народа, и не можетъ не привлечь къ себѣ его вниманія. Не слѣдуетъ, однако же, обольщать себя особенной надеждой въ этомъ отношеніи, если припомнить крайнее невѣжество, господствующее по этому вопросу и въ болѣе развитомъ классѣ общества. Но если политическая экономія не можетъ быть предметомъ преподаванія для народа, то она должна бы войти по крайней мѣрѣ въ курсъ университетскихъ наукъ. Шотлан-

которыя мнѣ случилось вести съ людьми рабочаго класса, во время послѣднихъ неурожаевъ въ 1800 и 1801, сказать по правдѣ, обезкуражили меня. Я былъ пораженъ привязанностью ихъ къ нѣкоторымъ предразсудкамъ относительно хлѣбныхъ торговцевъ и барышниковъ, такъ что мнѣ показалось рѣшительно невозможнымъ согласить съ подобнымъ невѣжествомъ истинно свободное правительство. Между народомъ господствуютъ въ этомъ отношеніи такія заблужденія, что еслибы дѣло шло о приложеніи его мнѣній къ дѣлу, то пришлось бы, безусловно и во что бы то ни стало, сдерживать его силою. Но весьма трудно облечь правительство всею силой, необходимой для достиженія этой цѣли во всякое время, не подвергая въ то же самое время опасности свободу.

Въ Англіи истрачены были громадныя суммы въ видѣ вспомоществованій, но мы имѣемъ право предположить, что онѣ усилили бѣдствія тѣхъ людей, которые воспользовались ими. И, напротивъ того, въ ней слишкомъ мало было сдѣлано для образованія народа; его не позаботились познакомить съ нѣсколькими политическими истинами, имѣющими ближайшее отношеніе къ его благосостоянію, болѣе всего способными

дія подала уже примѣръ, и Англія должна бы послѣдовать ему. Весьма важно, чтобы поземельные собственники и духовенство не усиливали своимъ невѣжествомъ бѣдствій, причиняемыхъ неурожаемъ, всякій разъ, какъ онъ обрушивается на насъ. Во время послѣдней дороговизны, половина сельскихъ поземельныхъ собственниковъ Англіи и половина духовенства королевства заслуживали бы преслѣдованія, какъ нарушители общественнаго спокойствія. Когда они волновали народъ своими бесѣдами съ нимъ, и даже проповѣдями противъ фермеровъ и хлѣбопромышленниковъ, то уже весьма слабымъ средствомъ противъ причиненнаго ими зла оказывалось покойное напоминаніе имъ, что еслибы народъ и дѣйствительно страдалъ отъ притѣсненій и барышничества, то обязанность ихъ состояла, тѣмъ неменѣе, въ поддержаніи мира и спокойствія. Такимъ же точно образомъ, у Шекспира, Маркъ-Антоній не перестаетъ увѣрять, что заговорщики суть честные люди, что̀ не помѣшало возмущенному имъ народу съ яростью броситься на нихъ, и разграбить ихъ дома. Политическая экономія, быть можетъ, есть единственная наука, о которой можно сказать, что незнакомство съ ней причиняетъ нетолько неудобство, но положительное и весьма серьезное зло. Прим. автора.

улучшить его положеніе, съ истинами, которыя обратили бы людей этого класса въ мирныхъ гражданъ и которыя значительно увеличили бы ихъ счастіе. Англіи вовсе не приноситъ чести, что образованіе между низшими классами народа проводится въ ней всего нѣсколькими воскресными школами, содержащимися на счетъ частныхъ приношеній, и то только въ самое послѣднее время *.

Доводы, приводимые противъ просвѣщенія народа, повидимому, нетолько не великодушны, но и крайне несостоятельны; между тѣмъ какъ для того, чтобы лишить народъ средства улучшить свое положеніе, потребовались бы особенно сильные аргументы, покоющіеся на очевидной необходимости. Люди, которые не желаютъ видѣть, что доводы ихъ опрокидываются простыми соображеніями, я полагаю, не осмѣлятся отвергать свидѣтельство опыта. Я спрошу, поэтому, располагаютъ ли шотландскій народъ къ мятежу или неудовольствію выгоды, доставляемыя ему образованіемъ? На это можно возразить, что въ этой странѣ нужда даетъ себя чувствовать постоянно, что неурожаи случаются въ ней чаще, она больше испытываетъ лишеній, чѣмъ Англія, въ прямомъ отношеніи съ менѣе благопріятной почвой и климатомъ. Свѣдѣнія, распространенныя въ Шотландіи между низшими классами народа, вовсе не до такой степени значительны, чтобы они могли замѣтно улучшить ихъ положеніе, ибо они недостаточны для распространенія между ними необходимаго благоразумія и предусмотрительности; но они показываютъ имъ по крайней мѣрѣ необходимость терпѣливаго перенесенія многихъ бѣдствій сознаніемъ, что возмущеніе только ухудшитъ ихъ положеніе. По сравненіи миролюбивыхъ нравовъ шотландскихъ крестьянъ, получающихъ кое какое образованіе, съ буйствомъ невѣжественнаго населенія Ирландіи, ни одинъ безпристрастный человѣкъ не можетъ не признать благотворнаго вліянія просвѣщенія и народнаго образованія.

Главный аргументъ, какой мнѣ случалось выслушивать противъ введенія въ Англіи системы народнаго образованія, со-

* Писано въ 1803. Прим. автора.

стоитъ въ томъ, что это значило бы дать народу возможность читать сочиненія въ родѣ книги Пена, а это вызвало бы гибельныя послѣдствія для правительства. Но я вполнѣ раздѣляю въ этомъ отношеніи мнѣнія Адама Смита*; я полагаю, что просвѣщенный и хорошо воспитанный народъ несравненно труднѣе можетъ быть обольщенъ возмутительными сочиненіями, и легче можетъ отличить и оцѣнить пустыя разглагольствованія нѣкоторыхъ демагоговъ, увлекаемыхъ честолюбіемъ или личными интересами. Для возмущенія прихода достаточно одного или двухъ грамотѣевъ; а если они подкуплены демагогической партіей, то могутъ причинить больше зла, пользуясь для исполненія своихъ замысловъ благопріятнымъ временемъ и подходящими мѣстами изъ этихъ сочиненій, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы всякій прихожанинъ могъ прочитать все сочиненіе въ досужую и покойную минуту, чтобы взвѣсить и противуположные аргументы, которые, по всей вѣроятности, постарались бы сообщить ему.

Но и независимо отъ этихъ соображеній, замѣчаніе Адама Смита получило бы, по моему мнѣнію, еще большее значеніе, еслибы предлагаемыя имъ школы знакомили народъ съ истиннымъ его положеніемъ; еслибы ему разъясняли, что участь его не можетъ быть существенно улучшена перемѣною правительства, но что улучшеніе это зависитъ отъ его трудолюбія и благоразумія; что можно, правда, удовлетворить нѣкоторымъ его жалобамъ, но, что̀ касается до содержанія семействъ, то наибольшая масса народа можетъ надѣяться только на незначительное облегченіе, или вовсе не можетъ разсчитывать на него; что еслибы и случилась революція, то она нисколько не измѣнила бы въ ихъ пользу отношенія между спросомъ на трудъ и предложеніемъ его, или, между количествомъ пищи и числомъ потребителей; что если предложеніе труда пересиливаетъ спросъ, а требованіе пищи пересиливаетъ предложеніе, то они не минуютъ страданій, причиняемыхъ нуждой, даже при самомъ либеральномъ и при самомъ совершенномъ правительствѣ.

---

* *Богатство народовъ*, т. III, кн. V, гл. I.

Распространеніе подобныхъ истинъ до такой степени способствуетъ поддержанію мира и спокойствія, ослабленію поджигательныхъ сочиненій и предупрежденію легкомысленнаго сопротивленія установленнымъ властямъ, что поборниковъ народнаго невѣжества нельзя не подозрѣвать въ какихъ либо корыстныхъ видахъ.

Приходскія школы не только содѣйствовали бы разъясненію низшимъ классамъ народа ихъ дѣйствительнаго положенія, нетолько убѣдили бы ихъ, что отъ нихъ самихъ зависитъ ихъ благосостояніе или несчастіе, но онѣ могли бы еще, посредствомъ обученія съ самаго юнаго возраста и благоразумно распредѣляемыхъ наградъ, воспитать въ нараждающемся поколѣніи стремленіе къ трезвости, къ труду, къ независимости, къ благоразумію, и внушить ему исполненіе обязанностей, предписываемыхъ религіей.

Это было бы самое дѣйствительное средство для поднятія низшихъ классовъ народа, для облагороженія и приближенія ихъ къ среднимъ классамъ, отличающимся отъ нихъ вообще несравненно лучшими склонностями.

Во всѣхъ почти странахъ существуетъ между низшими классами народа предѣлъ нищеты, за которымъ браки и продолженіе породы становятся невозможны. Уровень такой крайней нищеты въ различныхъ странахъ бываетъ неодинаковъ, и измѣняется, смотря по различнымъ условіямъ почвы, климата, правленія, распространенія знаній, цивилизаціи, и проч. Главныя обстоятельства, подымающія этотъ уровень, или уменьшающія нищету части народа, лишенной средствъ существованія, суть свобода, обезпеченіе собственности, распространеніе знаній между народомъ, духъ предпріимчивости и стремленіе къ наслажденіямъ, доставляемымъ довольствомъ. Условія, понижающія этотъ уровень, суть деспотизмъ и невѣжество.

Всѣ попытки, предпринимаемыя для улучшенія положенія низшихъ классовъ народа, должны имѣть своею существенною цѣлью поднять какъ можно выше этотъ уровень, или, другими словами, чтобы нищета, считающаяся крайне бѣдственной для данной страны, все же была бы еще сносной. Для достиженія подобной цѣли, необходимо воспитывать въ

народѣ стремленіе къ независимости, чувство собственнаго достоинства и склонность къ порядочности и къ довольству. Я имѣлъ уже случай замѣтить, какое вліяніе оказываетъ хорошее правительство на распространеніе въ народѣ привычекъ къ благоразумію, на воспитаніе въ немъ чувства гордости и отвращенія къ униженію. Но это вліяніе постоянно будетъ недостаточно безъ содѣйствія хорошей системы воспитанія. Мы можемъ сказать, что правительство, незаботящееся о народномъ образованіи, еще весьма далеко отъ совершенства. Благодѣянія, доставляемыя хорошимъ образованіемъ, принадлежатъ къ разряду тѣхъ, которыми всѣ могутъ пользоваться. А какъ отъ правительства зависитъ сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ, то это дѣло несомнѣнно лежитъ на его обязанности.

ГЛАВА X. — О направленіи нашей благотворительности.

Намъ остается разсмотрѣть, какимъ образомъ слѣдуетъ направлять нашу благотворительность, чтобы она не причиняла вреда людямъ, которыхъ она имѣетъ въ виду, и предупреждала то чрезмѣрное размноженіе населенія, которое, перейдя за уровень, допускаемый средствами существованія, неизбѣжно ложится бременемъ на низшіе классы народа.

Чувство состраданія, побуждающее насъ къ облегченію страданій нашихъ ближнихъ, сходно со всѣми волнующими насъ страстями: оно въ нѣкоторомъ отношеніи слѣпо и безсознательно. Состраданіе можетъ быть возбуждено сильнѣе какой нибудь театральной и патетической обстановкой, чѣмъ дѣйствительнымъ несчастіемъ. Еслибы мы повиновались первому поражающему насъ впечатлѣнію, и не повѣряли бы его послѣдующими соображеніями и справками, то между лицами, протягивающими намъ руку за помощью, мы несомнѣнно избирали бы тѣхъ, которыя лучше разыгрываютъ свою роль. Очевидно, стало быть, что побужденіе къ благотворительности, какъ и побужденіе къ любви, къ гнѣву, къ честолюбію, къ голоду, къ жаждѣ или къ какой бы то ни было страсти, должно управляться указаніями опыта; что, подобно прочимъ

страстямъ, оно должно подчиняться сознанію полезности; въ противномъ случаѣ, оно не удовлетворитъ тому назначенію, ради котораго оно помѣщено въ нашемъ сердцѣ.

Назначеніе страсти, связывающей оба пола, состоитъ очевидно въ продолженіи породы и въ установленіи общихъ между двумя лицами воззрѣній и интересовъ, что̀ оказывается одновременно, для нихъ самихъ — лучшимъ средствомъ для прочнаго счастія, а для дѣтей ихъ — залогомъ заботливаго попеченія объ ихъ здоровьи и воспитаніи. Но еслибы каждый человѣкъ считалъ себя въ правѣ уступать во всякое время стремленіямъ инстинкта относительно этой страсти, не заботясь о ея послѣдствіяхъ, то существенное назначеніе этого чувства не достигалось бы, и само продолженіе породы не было бы вполнѣ обезпечено.

Очевидная цѣль инстинктивной любви къ ближнимъ, вложенной природой въ человѣческое сердце, состоитъ въ соединеніи людей, въ особенности принадлежащихъ къ одному народу или къ одному семейству, и въ установленіи между ними братскихъ отношеній. Вызывая въ людяхъ участіе къ счастію и къ несчастію ихъ ближнихъ, эта инстинктивная любовь побуждаетъ ихъ помогать имъ, насколько это зависитъ отъ нихъ, въ частныхъ бѣдствіяхъ, составляющихъ результатъ общихъ законовъ, и тѣмъ самымъ, она стремится увеличить всю сумму счастія человѣческаго рода. Но если благотворительность безсознательна, если степень кажущагося несчастія будетъ единственнымъ мѣриломъ нашихъ благодѣяній, то она естественно ограничится почти одними только нищими по ремеслу, между тѣмъ какъ скромное несчастіе, въ самой борьбѣ съ неизбѣжными ударами судьбы, даже въ нищетѣ сохраняющее любовь къ опрятности и благопристойный внѣшній видъ, будетъ въ пренебреженіи. Мы окажемъ пособіе тому, кто менѣе всего заслуживаетъ его. Мы окажемъ поощреніе дармоѣдству, и дадимъ погибнуть человѣку дѣятельному и трудолюбивому. Словомъ, мы пойдемъ совершенно наперекоръ стремленію природы, и уменьшимъ сумму всеобщаго благополучія.

Опытъ показываетъ намъ, правда, что это инстинктивное

стремленіе къ благодѣянію дѣйствуетъ съ меньшею силой, чѣмъ страсть, соединяющая оба пола; онъ доказываетъ, что вообще гораздо менѣе опасно отдаваться одному изъ этихъ чувствъ, чѣмъ другому. Но, помимо этихъ уроковъ опыта и выведенныхъ изъ нихъ нравственныхъ правилъ, ничего нельзя сказать въ пользу того, кто безгранично предается одному изъ этихъ стремленій, чего нельзя было бы сказать въ пользу того, кто отдается другому. Оба чувства равно естественны, каждое возбуждается соотвѣтствующимъ ему предметомъ, и каждое неодолимо требуетъ удовлетворенія. Если дѣло идетъ только о нашей животной природѣ, или, если предположить, что послѣдствія нашихъ поступковъ въ этомъ отношеніи неизвѣстны намъ, то, безъ сомнѣнія, намъ ничего не остается болѣе, какъ повиноваться слѣпому истинкту.

Но если мы примемъ въ соображеніе, что человѣкъ есть существо, одаренное разумомъ, то мы не можемъ не признать, что онъ обязанъ имѣть въ виду послѣдствія своихъ поступковъ; а если мы узнаемъ, что послѣдствія эти оказываются въ нѣкоторыхъ случаяхъ гибельными для насъ или для другихъ, то мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что такое повиновеніе страстямъ недостойно насъ, или, другими словами, несогласно съ волею Бога. Обязанность наша, какъ существъ нравственныхъ, состоитъ въ подавленіи нашихъ страстей, чтобы онѣ не приняли ложнаго направленія; въ взвѣшеніи и въ тщательномъ изслѣдованіи послѣдствій нашихъ естественныхъ склонностей постояннымъ подчиненіемъ ихъ великому закону всеобщей пользы, чтобы незамѣтно получать привычку удовлетворять ихъ, никому не причиняя вреда. Это будетъ дѣйствительное средство умножить всеобщее благополучіе, и потому, исполнить волю Творца, насколько это зависитъ отъ насъ.

Такимъ образомъ, хотя польза и не можетъ быть настоящей побудительной причиной нашего поведенія, когда мы находимся подъ вліяніемъ страсти, но она есть единственное средство для нашего просвѣщенія; мы должны подчиняться ея внушеніямъ, независимо отъ откровенія божественной воли, и она служитъ основаніемъ для нашихъ обязанностей въ по-

рядкѣ естественныхъ законовъ. Всѣ моралисты, требовавшіе подчиненія страстей разуму, мнѣ кажется, опирались на изложенные мною принципы, независимо отъ того, указывали ли они на нихъ обстоятельно, или нѣтъ.

Я напоминаю эти истины, чтобы приложить ихъ къ направленію нашей благотворительности. Если мы не будемъ терять изъ виду великаго закона общей пользы, то благотворительность наша можетъ имѣть самое широкое приложеніе, нисколько не причиняя вреда главной цѣли, которую мы должны имѣть въ виду.

Одно изъ полезнѣйшихъ дѣйствій благотворительности состоитъ въ дѣйствіи ея на самого благотворителя. Гораздо сладостнѣе дѣлать добро, чѣмъ получать его. Положимъ, что благодѣяніе безполезно для того, кому оно оказывается, мы тѣмъ неменѣе не могли бы оправдать насилія, которое лишило бы насъ чувства, требующаго удовлетворенія. Оно очищаетъ и возвышаетъ нашу душу. Но, приложивъ въ настоящемъ случаѣ законъ полезности, мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что самый выгодный для бѣдныхъ способъ благотворенія есть именно тотъ, который болѣе всего благопріятенъ для совершенствованія характера благотворителя.

О благотворительности, какъ и о состраданіи, можно сказать, что въ ней нѣтъ ничего принужденнаго, что она распространяется по землѣ, какъ сладостная роса *. Совершенно нелѣпо называть именемъ благотворительности раздачу тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя собираются въ Англіи посредствомъ налога. Въ нихъ недостаетъ отличительной черты настоящей благотворительности. Поэтому, какъ и слѣдовало ожидать отъ принужденія къ поступкамъ, которые, по сущности своей, должны быть свободны, такое смѣшеніе понятій должно было унизить, какъ тѣхъ, отъ кого требовались эти суммы, такъ и тѣхъ, кому онѣ предназначались. Вмѣсто дѣйствительнаго облегченія, съ одной стороны, онѣ только уси-

---

* . . . . Is not strained;
Is droppeth, as the gentle rain from Heav'n,
Upon the earth beneath. Прим. автора.

ливаютъ и распространяютъ нищету, а съ другой — вмѣсто сладостныхъ ощущеній, доставляемыхъ истинной благотворительностью, онѣ вызываютъ неудовольствіе и постоянное негодованіе.

Между главными благотворительными учрежденіями, содержащимися добровольными приношеніями, существуютъ несомнѣнно предосудительныя; мало того, сами пожертвованія, быть можетъ, весьма нерѣдко даются противъ воли, и не столько изъ чувства благотворительности, сколько изъ обязанности исполнить то, что̀ требуется отъ человѣка, пользующагося извѣстнымъ положеніемъ или богатствомъ. Большинство жертвователей вовсе не вмѣшивается въ распредѣленіе сборовъ, и нисколько не безпокоится о судьбѣ тѣхъ, кому они раздаются. Не должно, стало быть, обольщаться, что такое благотвореніе можетъ производить на людей, участвующихъ въ немъ, благотворное вліяніе, какое обыкновено приписывается этой добродѣтели и которое въ другихъ случаяхъ обнаруживается столь несомнѣннымъ образомъ.

Если подойти къ дѣлу ближе, то въ самой милостынѣ, подаваемой обыкновеннымъ нищимъ, можно замѣтить, что главнымъ побужденіемъ чаще бываетъ желаніе отвязаться отъ ихъ назойливости и избавиться отъ непріятнаго предмета, чѣмъ удовольствіе облегчить страданія несчастнаго существа. Вмѣсто того, чтобы радоваться случаю пособить нашему ближнему, намъ чаще было бы пріятнѣе не встрѣчать человѣка, вызывающаго состраданіе. Нищета его вызываетъ въ насъ тягостное ощущеніе, но мы сознаемъ, что ничтожная милостыня, которую мы подаемъ ему, недостаточна для его облегченія. Мы вполнѣ понимаемъ, что она нисколько не соотвѣтствуетъ его нуждамъ. Мало того: мы знаемъ, что на слѣдующемъ перекресткѣ мы услышимъ точно такія же жалобы, и сверхъ того, мы можемъ еще быть обмануты. Мы бѣжимъ отъ несчастнаго, и нерѣдко отворачиваемся отъ его докучливыхъ приставаній. Подаяніе вырывается у насъ, такъ сказать, насильственно. Къ нему примѣшивается еще родъ насилія, которое мы дѣлаемъ надъ самимъ собой. Эта вынужденная благотворительность не оставляетъ въ нашей душѣ

никакого воспоминанія, никакого ощущенія, которое сдѣлало бы насъ лучшими.

Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о той добровольной и дѣйствительной благотворительности, которая входитъ въ положеніе того, кому она помогаетъ; которая чувствуетъ, какими тѣсными узами связанъ богатый съ бѣднымъ, и гордится этими узами; которая посѣщаетъ несчастнаго въ его лачугѣ, и разузнаетъ нетолько о его нуждахъ, но и о его нравственныхъ качествахъ. Такая благотворительность налагаетъ молчаніе на безстыднаго попрошайку, въ пользу котораго говорятъ одни только лохмотья, которыми онъ старается обратить на себя ваше вниманіе; и, напротивъ того, она ободряетъ, поддерживаетъ, утѣшаетъ и оказываетъ великодушную помощь тому, кто молча переноситъ незаслуженныя страданія. Такой способъ благотворенія несравненно способнѣе всякаго другаго дать почувствовать, чего онъ стоитъ. Я не могу показать нагляднѣе выгоды и противуположность такого способа благотворенія съ пособіями, выдающимися приходами, какъ словами Тоунзенда, которыми онъ заключаетъ свой прекрасный трактатъ о законодательствѣ относительно бѣдныхъ. «Нельзя себѣ представить ничего омерзительнѣе конторы, въ которой раздается приходское пособіе. Нерѣдко сосредоточивается въ одномъ человѣкѣ все, что дѣлаетъ нищету отвратительной: табакъ, водка, лохмотья, насѣкомыя, грубость и нахальство. Напротивъ того, ничего не можетъ быть трогательнѣе и благороднѣе благотворительности, посѣщающей лачугу бѣднаго, ободряющей трудолюбіе и добродѣтель, протягивающей руку помощи голодному, раздающей одежду неимущему и облегчающей участь вдовы и сироты. Ничего не можетъ быть сладостнѣе и трогательнѣе — развѣ только отрадныя слезы благодарности, глаза, блистающіе чистой радостью, поднятыя къ небу руки, безхитростныя выраженія чувствъ, порожденныхъ неожиданнымъ и разборчиво присужденнымъ благодѣяніемъ. Мы часто были бы свидѣтелями такихъ трогательныхъ сценъ, еслибы люди были предоставлены самимъ себѣ, и еслибы они пользовались полнымъ правомъ распоряжаться тѣмъ, что принадлежитъ имъ въ дѣлѣ благотворенія.»

Я полагаю, невозможно быть часто дѣйствующимъ лицемъ въ подобныхъ сценахъ и ежедневно не совершенствоваться въ добродѣтели. Нельзя себѣ представить болѣе пригодныхъ случаевъ, въ которыхъ удовлетвореніе нашихъ чувствъ болѣе дѣйствительнымъ образомъ очищало бы наше сердце и внушало бы намъ болѣе возвышенныя чувства. Это безспорно единственный видъ благотворительности, о которомъ можно сказать, что онъ составляетъ счастіе того, кто исполняетъ его; а также онъ одинъ только доставляетъ счастіе и тому, на кого обращается благодѣяніе. По крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что трудно было бы отыскать другой способъ благотворенія, который бы, распредѣленіемъ весьма значительныхъ суммъ, не грозилъ опасностью, что причинитъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Произвольная власть, предоставленная въ опредѣленныхъ размѣрахъ мировымъ судьямъ и приходскому начальству для назначенія пособій или отказа въ нихъ, по природѣ и по послѣдствіямъ своимъ, вовсе не похожа на разборчивость, съ которою раздаетъ свои приношенія добровольная благотворительность. Въ Англіи всякій человѣкъ, находящійся въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ обстоятельствахъ, по закону, имѣетъ право на пособіе отъ своего прихода; и если право это будетъ отвергнуто не на основаніи какихъ либо уважительныхъ причинъ, то онъ можетъ жаловаться. Необходимыя справки для разъясненія подобныхъ жалобъ весьма часто побуждаютъ просителей скрывать истину, и огромное число лицъ, обращающихся за пособіями, обвиняетъ приходскія власти въ пристрастіи и въ жестокосердіи. Если пособіе назначается, то оно принимается, какъ нѣчто слѣдуемое, и безъ всякой признательности; а если въ немъ отказывается, то проситель всегда почти считаетъ себя обиженнымъ; онъ видитъ въ этомъ несправедливость, и проникается негодованіемъ и злобой.

Ничего подобнаго не замѣчается въ распредѣленіи добровольныхъ вспомоществованій. Человѣкъ, получающій ихъ, проникается сладостнымъ чувствомъ признательности; а неполучающій ихъ вовсе не жалуется на несправедливость. Вся-

кій человѣкъ имѣетъ право сдѣлать такое употребленіе изъ своей собственности, какое пожелаетъ. Не нарушая справедливости, нельзя требовать у него отчета, почему онъ даетъ въ одномъ случаѣ, и отказываетъ въ другомъ. Безусловный произволъ, составляющій существенное свойство добровольной благотворительности, даетъ ей возможность избирать предметы, достойные ея, не вызывая никакихъ дурныхъ послѣдствій. Къ тому же, такая форма благотворительности имѣетъ то преимущество, что она всегда сохраняетъ въ тайнѣ расточаемыя ею благодѣянія. Для бѣднаго въ высшей степени важно, чтобы на благотворительность не смотрѣли, какъ па средство, на которое каждый имѣетъ право разсчитывать. Бѣдный долженъ пріучаться полагаться на собственныя свои силы, развивать всю свою энергію, и видѣть свое спасеніе только въ своей добродѣтели. Если всего этого окажется недостаточно, то всякое пособіе со стороны должно быть для него неожиданнымъ благополучіемъ. Но возможность такой неожиданности все же должна обусловливаться добрымъ его поведеніемъ и сознаніемъ, что нищета его не есть слѣдствіе лѣности или неблагоразумія.

Что при раздачѣ нашихъ пособій мы обязаны разъяснять такія истины бѣднымъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Еслибы всѣ несчастные могли быть облегчены, еслибы бѣдность могла быть искорена пожертвованіемъ хотя бы и трехъ четвертей имущества богатыхъ, то я послѣдній сталъ бы сопротивляться такой мѣрѣ, и воздержался бы отъ совѣта сдерживать нашу благотворительность въ благоразумныхъ границахъ. Но такъ какъ опытъ показалъ, и я полагаю, безъ всякаго исключенія, что несчастіе и нищета постоянно соразмѣряются съ количествомъ раздаваемыхъ безъ разбора подаяній, то мы имѣемъ право заключить изъ этого, на основаніи пріемовъ, употребляемыхъ нами при изслѣдованіи естественныхъ законовъ, что такія подаянія не составляютъ настоящей благотворительности, и не заслуживаютъ названія добродѣтели.

Законы природы говорятъ намъ тоже, что̀ сказалъ апостолъ Павелъ: «Кто не хочетъ трудиться, тотъ не имѣетъ права

ѣсть.» Они говорятъ намъ также, что не слѣдуетъ отдаваться слѣпо на волю Провидѣнія. Они ясно показываютъ намъ, что человѣкъ, вступающій въ бракъ, не имѣя средствъ для содержанія семьи, долженъ ожидать бѣдности. Эти заявленія необходимы, и очевидно производятъ на насъ дѣйствіе полезное и благотворное. Если благотворительность наша, общественная или частная, принимаетъ такое направленіе, что человѣкъ, нежелающій трудиться, тѣмъ неменѣе, не считается теряющимъ право требовать пропитанія, что человѣкъ, вступающій въ бракъ безъ всякаго средства для содержанія семьи, тѣмъ неменѣе, встрѣчаетъ пособіе, то такими постоянными и систематическими мѣрами мы очевидно станемъ противудѣйствовать той благой цѣли, ради которой установлены эти законы. Нельзя себѣ представить, чтобы Творецъ этихъ законовъ имѣлъ въ виду такія цѣли, когда вдохнулъ въ насъ одушевляющія насъ чувства.

Въ человѣческой жизни, если даже смотрѣть на нее съ самой благопріятной точки зрѣнія, нерѣдко встрѣчаются обманутыми самыя справедливыя надежды; трудолюбіе, благоразуміе, добродѣтель нерѣдко остаются безъ заслуженной награды, и сопровождаются неожиданными бѣдствіями. Люди, находящіеся въ бѣдственномъ положеніи, несмотря на всѣ свои усилія выйти изъ него, люди, испытывающіе нищету, ничѣмъ не заслуживъ ея, болѣе всѣхъ другихъ заслуживаютъ нашей благотворительности. Облегченіемъ ихъ страданій мы исполняемъ самый священный долгъ благотворенія. Долгъ этотъ состоитъ въ смягченіи частнаго зла, пораждаемаго общими законами. Давъ нашей благотворительности такое благотворное направленіе, намъ нечего опасаться дурныхъ послѣдствій. Несчастные, столь справедливо вызывающіе въ насъ состраданіе, заслуживаютъ, чтобы мы поддержали ихъ всѣми зависящими отъ насъ средствами, и съ такою щедростью, чтобы совершенно освободить ихъ отъ гнетущей ихъ нужды, хотя бы намъ пришлось для этого предоставить собственной участи тѣхъ, которые вполнѣ заслужили ее, и не вызываютъ въ насъ никакого уваженія къ себѣ.

По удовлетвореніи этихъ первыхъ требованій благотвори-

тельности, быть можетъ, мы имѣемъ право взглянуть съ состраданіемъ и на лѣниваго и безпечнаго человѣка. Но и въ такомъ даже случаѣ, общее благо требуетъ, чтобы мы были осторожны въ нашемъ благотвореніи. Мы можемъ принять на себя благоразумное смягченіе наказаній, налагаемыхъ самой природой за нарушеніе ея законовъ; но мы должны остерегаться, и не дѣлать этого такимъ образомъ, чтобы наказаніе вовсе не ощущалось. Человѣкъ, испытывающій его, справедливо низводится на послѣднюю ступень общественнаго положенія. Если мы захотимъ поднять и поставить его на болѣе высокую ступень, то мы нарушимъ требованія благотворительности, и поступимъ несправедливо относительно тѣхъ, которые очутятся ниже его. При распредѣленіи предметовъ первой необходимости, онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ получать доли, равной долѣ простаго работника.

Соображеніями этими не должно руководствоваться въ случаѣ крайней нужды, вызванной какимъ либо бѣдствіемъ, независящимъ отъ лѣности или безпечности того человѣка, который сталъ его жертвой. Если человѣкъ переломитъ себѣ руку или ногу, то мы обязаны помочь ему, а не наводить справки о его поведеніи. Это вполнѣ согласно съ закономъ общей пользы. Въ такомъ случаѣ, нечего опасаться, что великодушнымъ вспомоществованіемъ мы можемъ поощрить людей ломать себѣ руки или ноги, съ цѣлью воспользоваться имъ. На основаніи неизмѣннаго принципа полезности, одобреніе Христомъ поступка Самаритянина нисколько не противурѣчитъ правилу апостола Павла: «Кто не хочетъ трудиться, тотъ не имѣетъ права ѣсть.»

Какъ бы то ни было, *мы ни въ какомъ случаѣ не должны упускать случая сдѣлать доброе дѣло* на основаніи предположенія, что встрѣтимъ другой предметъ, болѣе достойный нашихъ благодѣяній. Во всякомъ сомнительномъ случаѣ можно принять за правило, что мы обязаны повиноваться инстинктивному чувству состраданія. Но если мы можемъ выполнить обязательство, налагаемое на насъ разумомъ, и тщательно взвѣсить послѣдствія нашихъ поступковъ; если собственный нашъ опытъ и опытъ другихъ людей указываетъ

намъ одинъ путь для благотворительности, предосудительный, и другой, достигающій лучшихъ результатовъ, то, въ качествѣ существъ нравственныхъ, мы должны сдерживать наши склонности, когда онѣ идутъ по одному пути, и направить ихъ по другому, чтобы воспитать въ себѣ привычку къ такимъ поступкамъ, которые несомнѣнно оказываются болѣе полезными, какъ для нашихъ ближнихъ, такъ и для насъ самихъ.

ГЛАВА XI. — Изслѣдованіе проектовъ, предложенныхъ для улучшенія участи бѣдныхъ.

При распредѣленіи нашихъ пособій и при всѣхъ усиліяхъ нашихъ для улучшенія положенія низшихъ классовъ народа, слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на слѣдующее правило, тѣсно связанное съ главнымъ предметомъ настоящаго сочиненія: Ни въ какомъ случаѣ никакое побужденіе не можетъ оправдать насъ въ прямомъ поощреніи брака или въ сознательномъ и систематическомъ отстраненіи различія, существующаго между женатымъ и холостымъ человѣкомъ относительно средствъ къ жизни. Различіе это должно постоянно поддерживаться. Въ этомъ отношеніи, писатели, лучше другихъ понимавшіе вліяніе закона народонаселенія, сдѣлали, по моему мнѣнію, весьма важныя ошибки.

Сэръ Джемсъ Стевартъ, ясно видѣвшій неудобства такъ называемаго имъ порочнаго рожденія и всѣхъ бѣдствій, вызываемыхъ чрезмѣрнымъ населеніемъ, тѣмъ неменѣе, предлагаетъ учрежденіе воспитательныхъ домовъ; онъ находитъ нужнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отбирать дѣтей у родителей и воспитывать ихъ на счетъ государства, и сожалѣетъ о различіи въ судьбѣ женатаго и холостаго человѣка, о различіи, такъ мало соотвѣтствующемъ ихъ нуждамъ *. Выражаясь такимъ образомъ, онъ забываетъ, что если и безъ всякаго поощренія, населеніе переходитъ за возможныя границы, то это служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что

* *Political oeconomy*, т. I, кн. I, гл. XIII.

запасы, предназначенные для содержанія труда, не могутъ выдержать болѣе многочисленнаго населенія. Если и при отсутствіи воспитательныхъ домовъ и общественныхъ заведеній для дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ, словомъ, если, несмотря на стѣсненія въ средствахъ существованія, причиняемыя супружествомъ, населеніе размножается до того, что бѣдные не въ состояніи воспитывать всѣхъ своихъ дѣтей, то общество очевидно не имѣетъ средствъ дать работу большему числу рукъ. Если, стало быть, оказать новое поощреніе для размноженія населенія и отстранить ограничивающія его стѣсненія, то за этимъ неизбѣжно должно послѣдовать увеличеніе, тѣмъ или другимъ путемъ, числа тѣхъ порочныхъ рожденій, предупрежденіе которыхъ составляетъ предметъ благоразумныхъ желаній автора.

Тоунзендъ, изслѣдовавшій этотъ вопросъ съ необыкновенной ясностью и глубиной въ своемъ разсужденіи о законодательствѣ о бѣдныхъ, оканчиваетъ предложеніемъ, которое противурѣчитъ, по моему мнѣнію, такъ удачно развитымъ имъ принципамъ. Онъ предлагаетъ обратить совершенно свободныя и добродѣтельныя благотворительныя общества, учрежденныя по приходамъ, въ вынужденныя и обязательныя. Онъ совѣтуетъ издать законъ, по которому всякій холостой человѣкъ платилъ бы четвертую часть своего жалованія или заработной платы, а женатый человѣкъ, имѣющій четырехъ дѣтей, платилъ бы только одну тридцатую *.

Я замѣчу, во первыхъ, что какъ только добровольныя пожертвованія обратятся въ обязательныя, то они начнутъ дѣйствовать именно какъ налогъ на трудъ. Но такой налогъ неизбѣжно падетъ на потребителя, какъ это прекрасно доказалъ Адамъ Смитъ, а взиманіе его сопряжено съ большими расходами. Поэтому, такая мѣра не доставитъ никакого облегченія поземельнымъ собственникамъ. Они заплотятъ столько же, сколько плотятъ и теперь, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто того, чтобы передавать извѣстную сумму въ приходъ, въ видѣ прямыхъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ, они

* *Dissertation on the poor laws,* стр. 89, 2-го изд. 1787.

выплатятъ ее посредствомъ повышенія заработной платы и цѣны всѣхъ товаровъ. Такимъ образомъ, обязательные сборы такого рода сохранятъ все дурное дѣйствіе настоящей системы вспомоществованій; и хотя названіе измѣнится, но духъ учрежденія будетъ тотъ же самый.

Приходской старшина Туккеръ, въ своихъ замѣчаніяхъ на такого же рода проектъ, предложенный Пейемъ, говоритъ, что послѣ многихъ бесѣдъ и размышленій объ этомъ вопросѣ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что лучшее средство въ этомъ отношеніи—добровольныя пожертвованія, и что, по его мнѣнію, ихъ не слѣдуетъ обращать въ обязательные сборы. Добровольныя приношенія можно сравнить съ налогомъ на роскошь. Они не отличаются неизбѣжнымъ свойствомъ—поднимать заработную плату.

Слѣдуетъ также замѣтить, что при добровольныхъ пожертвованіяхъ, каждый жертвователь, естественно пользуясь правомъ контроля, можетъ требовать, чтобы условія товарищества были точно выполнены; въ противномъ случаѣ онъ можетъ выйти изъ этого товарищества. Но еслибы приношенія получили характеръ общихъ и обязательныхъ сборовъ, то они сдѣлались бы національнымъ учрежденіемъ, и не было бы уже никакой гарантіи въ исполненіи первоначальныхъ условій такого учрежденія. А еслибы сборовъ оказалось недостаточно, что необходимо должно случиться, такъ какъ всѣ лѣнивцы и моты немедленно обратились бы за пособіемъ, то безъ сомнѣнія потребовались бы болѣе значительные взносы, и никто не имѣлъ бы права уклониться отъ нихъ. Такимъ образомъ, зло постоянно увеличивалось бы, точь въ точь какъ увеличивается въ настоящее время налогъ въ пользу бѣдныхъ. Правда, еслибы выдаваемыя такимъ образомъ пособія были строго обозначены, и не могли бы быть увеличены ни подъ какимъ предлогомъ, какъ это соблюдается въ настоящихъ добровольныхъ обществахъ, то это принесло бы большую пользу. Но этого такъ же легко можно бы было достигнуть примѣненіемъ того же правила къ распредѣленію суммъ, собираемыхъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ по приходамъ. Итакъ, обращеніе добровольныхъ взносовъ въ обязательные, пови-

димому, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ простаго взиманія настоящаго налога, а каждый способъ распредѣленія, пригодный для одной системы, можетъ быть примѣненъ и къ другой.

Заставить платить холостыхъ четвертую часть еженедѣльнаго ихъ заработка, а людей, обремененныхъ семьей, только тридцатую, значило бы наложить на первыхъ огромный штрафъ, и выдавать премію вторымъ за рожденіе дѣтей. Это совершенно противурѣчитъ цѣли, съ которою Тоунзендъ писалъ свое превосходное сочиненіе. Онъ принимаетъ за основной законъ, что система законодательства въ пользу бѣдныхъ можетъ быть удовлетворительна въ такомъ только случаѣ, когда она управляетъ размноженіемъ населенія на основаніи спроса на трудъ. Но предлагаемый имъ законъ очевидно поощряетъ размноженіе совершенно независимо отъ спроса на трудъ. Онъ наказываетъ молодаго человѣка за его благоразуміе, удерживающее его отъ брака, въ такое время, когда спросъ на трудъ, быть можетъ, до того незначителенъ, что заработка его не доставало бы на содержаніе семьи. Всякая система обязательныхъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ, по моему мнѣнію, должна быть отвергнута. Но если признается, что холостые люди должны дѣлать взносы, чтобы имѣть право на пособіе, когда они женятся, то справедливость требовала бы, чтобы пособіе это соразмѣрялось съ сдѣланными имъ взносами. Человѣкъ, вносившій четверть своего заработка впродолженіи одного только года, не можетъ пользоваться одинакими правами съ тѣмъ, кто дѣлалъ такой же взносъ впродолженіи десяти лѣтъ.

Артуръ Юнгъ въ большей части своихъ сочиненій, повидимому, вполнѣ понималъ законъ народонаселенія, и обладалъ вѣрнымъ взглядомъ на бѣдствія, причиняемыя такимъ размноженіемъ людей, которое переходитъ за границы, обусловливаемыя спросомъ на трудъ и достаточными средствами существованія. Онъ много говоритъ по этому поводу въ своемъ *Путешествіи во Францію*, и старается указать на пагубныя слѣдствія избыточнаго населенія, вызваннаго въ этой странѣ чрезмѣрнымъ раздробленіемъ поземельной собствен-

ности. Онъ весьма основательно замѣчаетъ, что размножать такимъ образомъ людей значитъ размножать страданія. «Люди женятся и раждаютъ дѣтей въ надеждѣ воспитать ихъ, но безъ всякаго разумнаго основанія для этой надежды. Такимъ образомъ, они размножаются сверхъ того, что̀ требуется городами и фабриками. Слѣдствіемъ такого порядка вещей оказывается страшная нищета и смертность огромнаго числа людей, погибающихъ отъ болѣзней, причиняемыхъ скверной пищей *.»

Въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ отрывокъ, полный здраваго смысла, изъ отчета комитета о нищенствѣ, оканчивающаго изслѣдованіе бѣдствій, причиняемыхъ чрезмѣрнымъ населеніемъ, слѣдующими словами: «По этимъ причинамъ, усиливающееся соперничество между работниками должно неизбѣжно понижать величину заработной платы, вслѣдствіе чего, люди, оставшіеся безъ работы, впадаютъ въ крайне бѣдственное положеніе, да и тѣ, которымъ посчастливится найти ее, должны ограничиться самымъ необходимымъ.» Объясняя это мѣсто, Артуръ Юнгъ выражается такимъ образомъ: «Сама Франція представляетъ несомнѣнное доказательство справедливости этого положенія. Наблюденія, сдѣланныя мною въ различныхъ провинціяхъ этого королевства, убѣдили меня, что населеніе его до такой степени превышаетъ требованія его промышленности и труда, что оно пользовалось бы бо̀льшимъ могуществомъ и болѣе цвѣтущимъ положеніемъ, еслибы имѣло пятью или шестью мильонами меньше жителей. Чрезмѣрное населеніе, обременяющее ее, представляетъ такую нищету, которая рѣшительно несовмѣстна съ тою степенью народнаго благосостоянія, какой оно могло бы достигнуть при своемъ прежнемъ правительствѣ. Путешественникъ, даже менѣе меня интересующійся такого рода наблюденіями, непремѣнно замѣтилъ бы то же самое. И никто не будетъ удивляться этимъ признакамъ нищеты, если припомнитъ о величинѣ заработной платы, о цѣнѣ предметовъ первой необходимости и о бѣдствіи, причиняемомъ между низшими классами народа малѣйшимъ повышеніемъ цѣны хлѣба.»

---

* *Travels in France*, т. I, гл. XII, стр. 408.

«Если вы желаете, продолжаетъ тотъ же писатель, встрѣтить округъ, находящійся въ менѣе жалкомъ положеніи, какое только возможно было при преждемъ французскомъ правительствѣ, то слѣдуетъ проникнуть въ мѣста, въ которыхъ не имѣется мелкихъ собственниковъ. Слѣдуетъ посѣтить большія фермы въ Пикардіи, части Орлеаннэ, Нормандіи и Артуа. Населеніе этихъ провинцій не превышаетъ того числа, какое можетъ быть употреблено на работу и оплачено. Но если и въ этихъ округахъ встрѣтится, наперекоръ представленному мною общему правилу, мѣстность, отличающаяся особенной бѣдностью, то можно держать двадцать противъ одного, что этотъ приходъ состоитъ изъ нѣсколькихъ общинъ, обольщающихъ бѣдныхъ воспитаніемъ скота, независимой собственностью, и потому, содѣйствующихъ его обѣднѣнію. Но, по выѣздѣ изъ Франціи, заверните въ Англію, и вы встрѣтите поселянъ, хорошо одѣтыхъ, сытыхъ, живущихъ въ довольствѣ, между которыми едвали изъ тысячи найдется одинъ, владѣющій землей или скотомъ.» Нѣсколько ниже, по случаю поощренія браковъ, онъ говоритъ о Франціи. «Главное несчастіе этого королевства состоитъ въ томъ, что оно обладаетъ такимъ многочисленнымъ населеніемъ, которое оно не можетъ ни употребить въ дѣло, ни прокормить. Но для чего же поощрять браки? Желаете ли вы имѣть большее число людей именно потому, что у васъ уже больше ихъ, чѣмъ сколько можетъ быть употреблено вами? Соперничество изъ за пищи таково, что народъ вашъ умираетъ съ голоду, а вы поощряете между тѣмъ размноженіе людей, которое должно только усилить это соперничество! Мы имѣли бы законное право спросить, не полезнѣе ли было бы дать совершенно противуположное направленіе законодательству; не оказалось ли бы вполнѣ благотворной мѣрой запретить вступленіе въ бракъ тѣмъ, кто не докажетъ, что имѣетъ средства для содержанія семейства. Къ чему же поощрять супружества, когда не подлежитъ сомнѣнію, что и безъ всякаго поощренія они будутъ заключены всюду, гдѣ только это окажется возможнымъ. Нѣтъ ни одного примѣра, чтобы страна, представляющая въ изобиліи занятія и работу, не представляла бы въ

то же самое время всѣ удобства для заключенія браковъ. Поэтому, всѣ заботы объ ихъ поощреніи по меньшей мѣрѣ безполезны, и могутъ причинить только вредъ.»

Но если этотъ писатель вполнѣ доказалъ свое глубокое пониманіе закона народонаселенія, и высказалъ по этому поводу самыя вѣрныя замѣчанія, то тѣмъ большее удивленіе вызываютъ слова его въ позднѣйшемъ произведеніи *: «Лучшее средство для предупрежденія періодическаго возвращенія неурожаевъ, столь гибельныхъ для бѣднаго человѣка, было бы надѣленіе каждаго работника, имѣющаго трехъ дѣтей и больше, однимъ акромъ земли подъ картофель и пастбищемъ подъ одну или двѣ коровы.... Еслибы каждый изъ нихъ владѣлъ достаточнымъ картофельнымъ полемъ и коровой, то они такъ же мало заботились бы о цѣнѣ хлѣба, какъ ихъ братья, ирландскіе работники.»

«Всѣ одобряютъ, прибавляетъ онъ, эту систему, но вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы рѣшить, какими средствами привести ее въ исполненіе.»

Признаюсь, я сомнѣвался, чтобы эта система до такой степени одобрялась. Что касается до меня лично, то я протестую противъ нея, и не желаю, чтобы меня тоже причисляли къ этому разряду *всѣхъ*; ибо, еслибы принята была эта система, то она нанесла бы, по моему мнѣнію, самый роковой ударъ, какой только можно придумать, благосостоянію низшихъ классовъ народа.

Юнгъ продолжаетъ: «Великая цѣль, имѣющаяся въ виду, должна побуждать насъ, ради ея достиженія, къ преодолѣнію всѣхъ препятствій, которыя, къ тому же, не представляютъ непобѣдимыхъ затрудненій. Я полагаю, что для этого необходимы постановленія, въ родѣ слѣдующихъ.

«1) Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ существуютъ общественныя пастбища, всякій работникъ, имѣющій.... дѣтей, имѣетъ право на количество земли, соотвѣтствующее величинѣ его

---

* *The question... Положеніе вопроса относительно неурожая, и изслѣдованіе средствъ для облегченія этого зла;* брош. 1800.

Прим. автора.

семейства; оно будетъ отведено начальствомъ его прихода...., и ему будетъ куплена корова. Земельнымъ, участкомъ и коровой работникъ будетъ владѣть до своей смерти, съ ежегодною платой 40 шиллинговъ, пока не пополнена будетъ стоимость коровы, и проч. По смерти его, это имущество будетъ передаваться работнику, обремененному болѣе многочисленнымъ семействомъ, который и будетъ пользоваться имъ до своей смерти, уплачивая вдовѣ своего предшественника.... шиллинговъ еженедѣльно.

«2) Работникамъ, имѣющимъ явиться за пособіями, на основаніи обременяющаго ихъ семейства, будутъ отводиться участки и выдаваться коровы до того времени, пока выдѣленная часть общинныхъ земель не достигнетъ....

«3) Въ приходахъ, неимѣющихъ общинныхъ земель, и въ которыхъ качество почвы допускаетъ введеніе закона, каждый сельскій работникъ — *cottager* * — у котораго, по истеченіи опредѣленнаго срока, не будетъ клочка земли, достаточнаго для прокормленія коровы, и акра картофельнаго поля (по добросовѣстной оцѣнкѣ, подлежащей обжалованію періодическимъ судамъ), имѣетъ право требовать отъ прихода по.... шиллинговъ въ недѣлю; на поземельныхъ собственниковъ и фермеровъ возлагается обязанность найти для этого средства, а приходы позаботятся о покупкѣ коровъ и о пополненіи сдѣланныхъ затратъ посредствомъ ежегодныхъ взносовъ за нихъ.

«Главная цѣль всѣхъ этихъ мѣръ состоитъ въ томъ, чтобы, при содѣйствіи молока и картофеля, отстранить бѣдныхъ поселянъ отъ потребленія пшеницы; въ замѣнѣ хлѣба другими веществами, неменѣе здоровыми и питательными, и настолько независимыми отъ естественной, какъ и искуственной дороговизны, насколько это допускается порядкомъ, установленнымъ Творцемъ.»

Но подобныя мѣры не окажутся ли прямымъ поощреніемъ

---

* Cottager — полевой работникъ землевладѣльцевъ и фермеровъ, получающій отъ хозяина хижину, огородъ, количество сѣна, необходимое для прокормленія коровы, и акръ или два плохаго пахатнаго поля. См. А. Смитъ, *Богатство народовъ*, т. I, стр. 276. Рус. изд.

брака и преміей въ пользу рожденія дѣтей, на что̀ такъ основательно нападаетъ Юнгъ въ своемъ *Путешествіи во Францію*? Неужели авторъ серьезно думаетъ, что было бы желательно кормить поселянъ молокомъ и картофелемъ, и поставить ихъ въ такую же независимость относительно цѣны хлѣба, въ какой находятся ихъ ирландскіе братья?

Главная причина несчастія и бѣдности, гнетущей низшіе классы народа во Франціи и Ирландіи, состоитъ въ томъ, что въ первой странѣ чрезмѣрное раздробленіе поземельной собственности, а во второй—удобство имѣть хижину и картофель вызвали населеніе, превышающее требованія капиталовъ и различнаго рода занятій. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого закона было бы, какъ справедливо указалъ комитетъ о нищенствѣ, пониженіе заработной платы соперничествомъ рабочихъ, вслѣдствіе чего очутились бы въ крайнемъ положеніи нищеты тѣ изъ нихъ, которые остались бы безъ работы, да и тѣ, которымъ удалось бы найти занятіе, тоже не избѣгли бы нужды.

Вотъ въ какое положеніе былъ бы приведенъ народъ мѣрами, основанными на поощреніи браковъ, и введеніемъ питательнаго вещества, независимаго отъ цѣны хлѣба, а слѣдовательно и отъ спроса на трудъ.

Мнѣ возразятъ, быть можетъ, что настоящіе законы о бѣдныхъ безусловно поощряютъ браки и рожденіе дѣтей, ибо распредѣляютъ пособія соотвѣтственно съ многочисленностью семействъ, и что мѣры, предлагаемыя въ замѣнъ ихъ Юнгомъ, хотя въ сущности и производятъ такое же дѣйствіе, но не могутъ причинить такого же вреда. Я скажу на это, что, желая отстранить зло, причиняемое настоящими законами о бѣдныхъ, мы не должны сохранять то, что̀ въ нихъ болѣе всего пагубно. Юнгу извѣстно неменѣе чѣмъ мнѣ, что главная причина безсилія существующаго законодательства для облегченія участи бѣдныхъ состоитъ въ томъ, что оно поощряетъ населеніе, несоразмѣрное со спросомъ на трудъ. Самъ Юнгъ признаетъ такое дѣйствіе его въ Англіи, и замѣчаетъ, что, несмотря на безпримѣрное процвѣтаніе фабрикъ, «населеніе въ ней бываетъ иногда слишкомъ велико, какъ

это доказывается опаснымъ возвышеніемъ налога въ пользу бѣдныхъ поселянъ.»

Но дѣло въ томъ, что мѣры, предлагаемыя Юнгомъ, оказали бы сильнѣйшее содѣйствіе размноженію населенія, превышающему спросъ на трудъ, чѣмъ существующіе въ настоящее время законы о бѣдныхъ. Вѣроятно, многіе люди отказываются отъ супружества, предвидя, что имъ непремѣнно придется прибѣгнуть къ приходскимъ пособіямъ. Они испытываютъ похвальное отвращеніе явиться за подаяніемъ, нетолько изъ благороднаго чувства независимости, еще несовсѣмъ заглохшаго въ нихъ, но и по причинѣ оскорбительной для нихъ формы, въ которой выдаются вспомоществованія. Отношеніе раждающихся и вступающихъ въ бракъ ко всему населенію, приведенное выше, доказываетъ, что существующее законодательство о бѣдныхъ менѣе поощряетъ браки, чѣмъ это можно бы было предположить на основаніи теоретическихъ соображеній. Совсѣмъ иное было бы, еслибы въ головѣ молодаго еще работника, вздумавшаго вступить въ супружество, вмѣсто тягостнаго представленія о рабочемъ домѣ и о приходскомъ начальствѣ, явились розовыя мечты о собственномъ клочкѣ земли и о пасущейся на немъ коровѣ. Юнгъ повторяетъ нерѣдко, что желанія быть собственникомъ достаточно для побужденія къ предпріимчивости. Было бы странно, еслибы желанія этого оказалось недостаточно для побужденія къ супружеству, къ предпріятію, къ которому, насколько показываетъ опытъ, люди не имѣютъ никакого отвращенія.

Вызванное такими мѣрами населеніе поддерживало бы свою численность болѣе широкимъ воздѣлываніемъ картофеля, а потому, оно продолжало бы возрастать совершенно независимо отъ требованій на трудъ. При настоящемъ положеніи Англіи, несмотря на цвѣтущее состояніе ея фабрикъ и на многочисленныя препятствія для размноженія ея населенія, нѣтъ болѣе труднаго вопроса, какъ пріисканіе занятій для ея бѣдныхъ. Но при изложенныхъ мною сейчасъ обстоятельствахъ, которыя будутъ вызваны мѣрами, предлагаемыми Юнгомъ, затрудненіе было бы во сто разъ сильнѣе.

Въ Ирландіи, какъ и въ каждой странѣ, гдѣ картофель составляетъ главную пищу народа, и гдѣ каждый человѣкъ, жаждущій вступить въ бракъ, надѣляется небольшимъ полемъ, которое, засѣянное картофелемъ, могло бы прокормить семью, можно истощить государственную казну преміями за пріисканіе лучшаго средства для доставленія работы бѣднымъ; но пока какое либо могущественное препятствіе не остановитъ быстраго размноженія населенія, вызываемаго такимъ порядкомъ вещей, можно быть увѣрену, что никогда не будетъ рѣшена задача, физически невозможная *.

Юнгъ полагаетъ, что при питаніи молокомъ и картофелемъ, народъ менѣе будетъ страдать отъ неурожаевъ. Я не могу понять, на чемъ можетъ быть основано подобное мнѣніе. Люди, питающіеся картофелемъ, разумѣется, не могутъ страдать отъ неурожая хлѣба. Но развѣ есть какая нибудь нелѣпость въ предположеніи неурожая картофеля? Всѣми, повидимому, признается, что картофель вообще подверженъ большей порчѣ во время зимы, чѣмъ зерновый хлѣбъ. Поле, засѣянное картофелемъ, даетъ больше питательныхъ веществъ, чѣмъ всякое другое поле; поэтому, еслибы картофель сдѣлался вдругъ главною пищей народа, то въ первое время его производилось бы болѣе, чѣмъ сколько требуется, и народъ находился бы въ изобиліи. Въ своемъ *Путешествіи во Францію* Юнгъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Въ округахъ, содержащихъ обширныя пространства незанятыхъ земель, отличающихся естественнымъ плодородіемъ, какъ напримѣръ, у подошвы Пиринеевъ, если земли эти принадлежатъ общи-

* Докторъ Крумиъ разбираетъ этотъ предметъ по вопросу о цѣнѣ, и его разсужденіе заслуживаетъ большой похвалы. Въ немъ много полезныхъ и поучительныхъ замѣчаній. Но пока капиталы страны не соотвѣтствуютъ ея населенію, нельзя ожидать успѣха отъ предлагаемыхъ имъ мѣръ; это значило бы обольщать себя химерическими надеждами. Что касается до меня, то я тоже вполнѣ увѣренъ, что безпечность и мятежный духъ, отличающій простой народъ въ Ирландіи, зависятъ отъ *системы питанія картофелемъ*, и могутъ измѣниться только съ измѣненіемъ системы, размножающей народъ далеко за предѣлы, указываемые правильнымъ спросомъ на трудъ.

Прим. автора.

намъ, готовымъ продать ихъ, вы встрѣчаете бережливость и трудолюбіе, возбуждаемыя надеждой жениться и завестись домомъ. Во всей окрестной мѣстности замѣчается въ такомъ случаѣ размноженіе населенія, какъ въ Америкѣ; а если земли не дороги, то бѣдность попадается рѣдко. Но такъ какъ при такихъ условіяхъ число раждающихся весьма значительно, то малѣйшее уменьшеніе въ средствахъ существованія причиняетъ большія бѣдствія. Уменьшеніе это можетъ быть вызвано или вздорожаніемъ незанятыхъ земель, или продажею лучшихъ участковъ, или обстоятельствами, дѣлающими безполезнымъ ихъ пріобрѣтеніе. Я видѣлъ дѣйствіе всѣхъ этихъ условій въ Пиринеяхъ. Какъ только обнаружится одно изъ нихъ, то народъ испытываетъ страданіе, соотвѣтствующее тому трудолюбію и настойчивости, которыя до того поощряли между нимъ размноженіе населенія.»

Описаніе это можетъ быть вполнѣ примѣнено къ положенію, въ которомъ очутилась бы Англія, еслибы вся земля въ ней раздроблена была на мелкіе участки, а картофель сдѣлался бы главной пищей всего народа. На первое время такая перемѣна произвела бы самыя благотворныя послѣдствія, которыя, вмѣстѣ съ удовольствіемъ, доставляемымъ собственностью, расположили бы въ пользу этой системы бѣдные классы. Но, какъ говоритъ Юнгъ въ другомъ мѣстѣ, «вскорѣ встрѣчается предѣлъ, за которымъ земля, какъ бы она ни воздѣлывалась, не въ состояніи прокормить большее количество населенія. А между тѣмъ, прежняя чистота нравовъ будетъ содѣйствовать размноженію населенія. Какое же можетъ быть слѣдствіе такого порядка вещей, если не безвыходная нищета?»

Когда всѣ общинныя земли будутъ розданы, и когда уже трудно будетъ отводить участки подъ воздѣлываніе картофеля, общераспространившійся обычай вступать въ бракъ въ молодыхъ годахъ вызоветъ самыя тягостныя и сложныя бѣдствія. Когда, по причинѣ размноженія населенія и истощенія источниковъ, доставляющихъ продовольствіе, среднее производство картофеля перестанетъ превышать среднее потребленіе, то неурожай картофеля будетъ такъ же возможенъ, какъ

возможенъ теперь неурожай хлѣба. Но когда онъ почувствуется, то причинитъ несравненно большее бѣдствіе.

Гдѣ простой народъ питается преимущественно самымъ дорогимъ продуктомъ, какъ въ Англіи, въ которой главную пищу составляетъ пшеница, тамъ, въ случаѣ неурожая, можно найти значительное подспорье. Ячмень, овесъ, рисъ, овощи и картофель оказываются въ такомъ случаѣ менѣе дорогими, но все же весьма здоровыми продуктами. Но когда народъ питается самой дешевой пищей, то въ случаѣ неурожая ему остается одно только средство — питаться древесной корой, какъ это и дѣлается бѣдными въ Швеціи. А огромное число людей, доведенныхъ до такой крайности, гибнетъ отъ страданій и голода.

Заработная плата всегда будетъ управляться отношеніемъ между предложеніемъ и спросомъ. Но, при системѣ картофельной пищи, вскорѣ предложено будетъ большее число рукъ, чѣмъ какое требуется, и трудъ будетъ постоянно предлагаться по крайне низкой цѣнѣ, вслѣдствіе дешевизны продовольствія, которымъ онъ содержится. Поэтому, вскорѣ обычная заработная плата будетъ опредѣляться главнымъ образомъ цѣною картофеля, вмѣсто цѣны пшеницы, которою она управляется въ настоящее время. Результатомъ такого порядка вещей естественно будутъ ирландскія лачуги и лохмотья.

Когда требованіе на трудъ случайно превзойдетъ предложеніе, и когда заработная плата опредѣляется цѣной самаго дорогаго питательнаго продукта, то работникъ можетъ пріобрѣсть кое что сверхъ своей пищи, и простой народъ получаетъ возможность завестись приличной одеждой и помѣщеніемъ. Если паралель, проводимая Юнгомъ между англійскимъ и французскимъ работникомъ, заслуживаетъ довѣрія, то ее слѣдуетъ объяснять двумя этими обстоятельствами. Если измѣнить эти обстоятельства, сдѣлавъ главной пищей народа молоко и картофель; если, вслѣдствіе этого, предложеніе труда будетъ постоянно и значительно превышать спросъ на него, а заработная плата будетъ устанавливаться цѣной самой дешевой пищи, то выгоды, которыми пользовался, повидимо-

му, англійскій работникъ, будутъ утрачены, и никакія усилія благотворительности не въ силахъ будутъ предотвратить самой крайней и всеобщей нищеты.

На этомъ основаніи, понятно, что нѣтъ никакого повода желать, чтобы экономическія похлебки графа Румфорда вошли во всеобщее употребленіе между народомъ. Изобрѣтеніе ихъ драгоцѣнно для общественныхъ заведеній, и какъ пособіе на случай крайней необходимости; но какъ только онѣ получатъ всеобщее распространеніе между бѣдными, то никакимъ образомъ нельзя будетъ воспрепятствовать, чтобы онѣ не послужили основаніемъ для опредѣленія величины заработной платы; за этимъ послѣдуетъ непремѣнно, что работникъ сначала будетъ въ состояніи дѣлать кое какія сбереженія на другія потребности, кромѣ пищи, но впослѣдствіи положеніе его станетъ еще хуже.

Для благосостоянія народа слѣдуетъ желать, чтобы обыкновенная его пища была дорогая, и чтобы ею опредѣлялась заработная плата, а на случай неурожая, чтобы онъ имѣлъ менѣе дорогой продуктъ, которымъ безъ труда и безъ ущерба для здоровья, онъ могъ бы замѣнить свою обычную пищу *. Для облегченія перехода съ одной пищи на другую и для полезнаго отличія тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ приходамъ за пособіемъ, отъ тѣхъ, которые умѣютъ обходиться безъ пособій, я полагаю было бы весьма полезно принять одну мѣру, предлагаемую Юнгомъ. Писатель этотъ совѣтуетъ «издать постановленіе, которое запрещало бы выдавать въ видѣ пособія иную пищу, кромѣ картофеля, рису и похлебки, и такое распоряженіе объявить не временной только мѣрой, а постояннымъ закономъ **.» Я не думаю, чтобы подобное

* Разумѣется, было бы желательно, чтобы при каждомъ коттеджѣ или хижинѣ въ Англіи былъ огородъ, воздѣлываемый подъ овощи и питательныя растенія. Нѣкоторое разнообразіе въ пищѣ во всѣхъ отношеніяхъ полезно. Картофель есть безспорно драгоцѣнное подспорье, хотя, по моему мнѣнію, было бы весьма прискорбно, еслибы онъ обратился въ главную пищу народа. Прим. автора.

** *Question of scarcity*, и проч. стр. 80. Эту мѣру можно было бы принять по крайней мѣрѣ въ рабочихъ домахъ. Приложеніе ея къ

постановленіе необходимо обратило упомянутые продукты въ обыкновенную пищу низшихъ классовъ народа. Но еслибы оно облегчило, въ случаѣ неурожая, замѣну одного продукта другимъ, въ особенности же, еслибы оно послужило для различія вспомоществуемаго работника отъ независимаго, то оно несомнѣнно принесло бы большую пользу.

Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что *введеніе молока, картофеля и дешевыхъ похлебокъ, какъ главной пищи народа, вызовстъ пониженіе заработной платы*, то, быть можетъ, найдется какой нибудь безсердечный политикъ, который посовѣтовалъ бы принять подобную мѣру, имѣя въ виду доставить Англіи возможность поставлять на европейскіе рынки свои товары по такой низкой цѣнѣ, что соперничество съ ней будетъ невозможно. Я не могу одобрить чувства, одушевленнаго подобною цѣлью. Въ самомъ дѣлѣ, я не могу себѣ представить болѣе гнусной мысли, какъ сознательное осужденіе рабочихъ классовъ своей страны на лохмотья и грязныя лачуги ирландцевъ, ради того, чтобы можно было продать нѣсколько больше хорошихъ суконъ и бумажныхъ матерій *. Въ концѣ концевъ богатство и могущество на-

---

вспомоществованіямъ, выдаваемымъ бѣднымъ, живущимъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ, быть можетъ, оказалось бы болѣе затруднительнымъ. Прим. автора.

* Приводя это замѣчаніе, я вовсе не имѣлъ въ виду Юнга, который, я нисколько не сомнѣваюсь, вполнѣ искренно желаетъ улучшенія положенія низшихъ классовъ народа. Но я не думаю, чтобы предлагаемый имъ планъ способствовалъ достиженію цѣли, имѣющейся имъ въ виду. Онъ или упустилъ изъ виду тѣ послѣдствія, которыя бросаются мнѣ въ глаза, или имѣетъ лучшее мнѣніе, чѣмъ я, о положеніи народа въ Ирландіи. Въ своемъ путешествіи на этотъ островъ онъ былъ пораженъ изобиліемъ картофеля и обезпеченіемъ, представляемымъ имъ на случай неурожая. Но еслибы онъ посѣтилъ эту страну въ 1800 и 1801, то она произвела бы на него иное впечатлѣніе. Легкость, съ которою получали до сихъ поръ ирландцы небольшіе участки подъ картофель, сдѣлала неурожаи несомнѣнно болѣе рѣдкими. Но, хотя принятая страной въ этомъ отношеніи система и не произвела еще полнаго своего дѣйствія, все же и полученныхъ результатовъ достаточно, чтобы оцѣнить ее по достоинству.

Позже Юнгъ развилъ свой проектъ съ большею подробностью въ

рода цѣнятся настолько, насколько они содѣйствуютъ счастію людей, изъ которыхъ состоитъ народъ. Въ этомъ отношеніи, я вовсе не имѣю въ виду уменьшать ихъ значенія; напротивъ того, я смотрю на нихъ вообще, какъ на необходимыя средства для достиженія этой цѣли. Но еслибы въ какомъ нибудь частномъ случаѣ цѣль и средства для ея достиженія оказались въ совершенномъ противурѣчіи, то разумъ не допускаетъ сомнѣнія на счетъ того выбора, который слѣдуетъ сдѣлать.

Къ счастію, такого противурѣчія въ настоящемъ случаѣ не встрѣчается; но и принявъ даже ту узкую политику, которую я отвергаю, все же слѣдуетъ отказаться отъ предлагаемаго проекта. Всякій знаетъ, что люди, работающіе главнымъ образомъ на собственныхъ земляхъ, лѣниво и неохотно соглашаются работать на сторонѣ. При всеобщемъ распространеніи самой дешевой пищи, необходимо должно наступить время, въ которое населеніе размножится далеко за предѣлы, указываемые спросомъ на трудъ. Тогда вкоренятся въ народѣ привычки къ лѣности и къ буйству, въ высшей степени неблагопріятныя для процвѣтанія фабрикъ. Хотя въ

брошюрѣ, озаглавленной: *Изслѣдованія о пользѣ обращенія невоздѣлываемыхъ земель на поддержку бѣдныхъ.* (*An inquiry into the propriéty of applying*, и проч.). Впечатлѣніе, произведенное на меня его проектомъ, нисколько не измѣнилось вслѣдствіе новыхъ объясненій. По моему мнѣнію, онъ все таки клонится къ тому, чтобы привести англійскаго работника въ положеніе народа въ Ирландіи. Говоря объ этомъ предметѣ, Юнгъ, повидимому, забылъ собственные свои принципы. Онъ разбираетъ вопросъ о средствахъ для улучшенія участи бѣдныхъ, какъ будто бы дѣло шло только о *данномъ числѣ* ихъ. Но еслибы вся задача заключалась только въ этомъ, то не употребили бы столько вѣковъ для ея разрѣшенія. Вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: Какимъ образомъ облегчить участь бѣдныхъ, не увеличивая постоянно ихъ числа? Понятно, что для достиженія этой цѣли нѣтъ особенной пользы въ надѣленіи каждаго бѣдняка клочкомъ земли и коровой. Если и по распредѣленіи всѣхъ общинныхъ земель, оставить существующіе законы о бѣдныхъ, то нѣтъ никакого повода предположить, чтобы налогъ въ ихъ пользу не возросъ въ самое короткое время до размѣровъ настоящаго времени, помимо всѣхъ затратъ, какія сдѣланы были бы на надѣленіе ихъ землей и скотомъ, согласно съ требованіями вышеозначеннаго проекта. Прим. автора.

Ирландіи заработная плата весьма низка, но страна эта производитъ весьма мало товаровъ, которые бы могли продаваться на иностранныхъ рынкахъ дешевле товаровъ, изготовленныхъ на англійскихъ фабрикахъ. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ того, что народъ въ ней не получилъ привычки къ тому трудолюбію и ловкости, которыя могутъ возникнуть только тамъ, гдѣ работники правильно и постоянно заняты работой.

ГЛАВА XII *. Продолженіе о томъ же. — Проектъ Овена. — Проектъ Курвена. — Вліяніе сберегательныхъ кассъ.

Увеличеніе той части населенія, которая въ послѣдніе годы, вполнѣ или отчасти, зависѣла отъ приходскихъ вспомоществованій, вмѣстѣ съ усиленнымъ обремененіемъ поземельной собственности налогомъ въ пользу бѣдныхъ, уже начали было постепенно измѣнять общественное мнѣніе относительно вліянія, какое можетъ имѣть на рабочіе классы и на все общество вообще законный фондъ, предназначенный на содержаніе бѣдныхъ. Бѣдствія, послѣдовавшія за миромъ въ 1814, и вызванное ими чрезвычайное и внезапное обремененіе приходовъ замѣтно ускорили этотъ поворотъ общественнаго мнѣнія. Болѣе справедливыя и болѣе просвѣщенныя воззрѣнія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе входятъ въ силу; лучше понимаются, и всюду начинаютъ признаваться затрудненія, неизбѣжно сопровождающія подобныя учрежденія; здравыя понятія распространяются путемъ печати и частными разговорами, которые, неболѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, считались бы государственнымъ преступленіемъ.

Такая перемѣна въ мнѣніи, ускоренная временнымъ бѣдствіемъ, обратила всеобщее вниманіе на законы о бѣдныхъ; а какъ всякому извѣстно, что настоящая система законодательства не достигаетъ цѣли, то было предложено нѣсколько проектовъ для ея отмѣны или для ея улучшенія. Небезполезно будетъ разсмотрѣть вкратцѣ, до какой степени тѣ изъ проектовъ, которые были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе, пригодны для достиженія этой цѣли? Всѣми вообще ожи-

* Написана въ 1817. Прим. автора.

дается, что результатомъ теперешняго настроенія общества, должно быть какое нибудь важное рѣшеніе. Чтобы подобная мѣра постоянно оказывала успѣшное дѣйствіе, для этого необходимо, чтобы она приложена была къ настоящему источнику зла. А между тѣмъ, есть поводъ опасаться, что несмотря на распространеніе здравыхъ понятій по этому вопросу, все же упущено изъ виду это первостепенное условіе.

Между предложенными мѣрами въ особенности обратилъ на себя вниманіе общества проектъ Овена. Я уже упоминалъ о воззрѣніяхъ Овена въ главѣ о системахъ равенства, и высказался о его опытности съ полнымъ уваженіемъ, какого онъ заслуживаетъ. Еслибы дѣло шло только о содержаніи, прокормленіи и наилучшемъ воспитаніи отдѣльныхъ обществъ въ тысячу двѣсти душъ, то Овену, разумѣется, принадлежалъ бы первый голосъ; но въ своемъ проектѣ, повидимому, онъ совершенно упустилъ изъ виду сущность предстоящей для разрѣшенія задачи. Вотъ эта задача: *Улучшить положеніе людей, находящихся въ нуждѣ, такимъ образомъ, чтобы предупредить постоянное увеличеніе ихъ числа и отношенія его ко всему населенію*. Но нельзя не согласиться, что проектъ Овена не имѣетъ ничего общаго съ рѣшеніемъ этой задачи, и что онъ даже стремится къ противуположной цѣли, то есть, къ увеличенію числа бѣдныхъ.

Еслибы предлагаемыя имъ учрежденія дѣйствительно могли быть направлены по его указаніямъ, то законы природы и уроки Провидѣнія были бы отвергнуты; лѣнивцы и моты очутились бы въ положеніи, которое возбуждало бы только зависть людей трудолюбивыхъ и добродѣтельныхъ. Сельскому работнику или городскому ремесленнику, скверно помѣщенному и скверно одѣтому, работающему въ настоящее время двѣнадцать часовъ въ день, чтобы прокормить свою семью, вовсе не для чего было бы прибѣгать къ особенному трудолюбію, если въ награду за освобожденіе изъ подъ надзора и за лишеніе приходскихъ пособій онъ получитъ хорошее помѣщеніе, хорошую одежду, если будутъ содержать и воспитывать всѣхъ его дѣтей, и за все это, вмѣсто двѣнадцати часовъ тяжкаго труда, онъ обязанъ согласиться на пять ча-

совъ легкой сельской работы на прекрасной фермѣ. Подъ вліяніемъ этого соблазна, во вновь открытыя заведенія бросится такое огромное число охотниковъ изъ фермъ и мастерскихъ, что, при содѣйствіи размноженія населенія самими этими заведеніями, вскорѣ окажется недостаточно первой закупки земель для содержанія всѣхъ поступающихъ. Придется покупать новыя земли для новыхъ заведеній; а если высшіе классы общества примкнутъ къ той же системѣ, и проникнутся ея духомъ и цѣлью, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что спустя короткое время весь народъ обратится въ націю нищихъ, владѣющихъ общею собственностью.

Такія послѣдствія, по мнѣнію Овена, быть можетъ, вовсе не заслуживаютъ сожалѣнія. Очень возможно, что онъ имѣлъ ихъ въ виду, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на лучшее средство для постепеннаго введенія той общности имуществъ, которую онъ считаетъ необходимой для усовершенствованія добродѣтели и для водворенія счастія. Но люди, думающіе иначе и имѣющіе діаметрально противуположныя мнѣнія о дѣйствіи общности имуществъ, люди, отличающіе настоящее отъ будущаго, знающіе, что при настоящемъ положеніи общества человѣкъ можетъ, правда, производить больше, чѣмъ сколько онъ потребляетъ, но что въ будущемъ этого быть не можетъ, если обработка земли перешагнетъ за предѣлы, указываемые ей собственностью; эти люди, говорю я, не могутъ не видѣть, что каждый шагъ, ведущій къ водворенію подобной системы, ведетъ прямо къ поголовной лѣни, бѣдности и несчастію.

Таковъ будетъ, на основаніи естественнаго и неизбѣжнаго закона народонаселенія, исходъ проекта Овена, предположивъ, что исполненіе его возможно, и что заведенія для бѣдныхъ распространятся по всей странѣ со всѣмъ успѣхомъ, какого ожидалъ отъ нихъ авторъ.

Но вѣроятно, что немедленно же другое важное препятствіе, подымающееся противъ системъ общности имущества, разстроитъ попытку Овена, и погубитъ ожидаемое имъ благоденствіе. Въ Ланаркскомъ обществѣ существуетъ два побужденія къ трудолюбію и къ хорошему поведенію, которыя рѣшительно будутъ невозможны въ предлагаемыхъ имъ за-

веденіяхъ. Въ Ланаркѣ каждому человѣку безотчетно принадлежитъ его заработокъ. Средства его для личнаго содержанія, какъ и для содержанія жены и дѣтей, безбѣднаго и приличнаго, находятся въ полной зависимости отъ его трудолюбія, трезвости и бережливости. Въ Ланаркѣ же, если работникъ неисправимо остается въ праздности и нерадѣніи, если онъ напивается пьянъ и портитъ работу, или, если онъ уже совсѣмъ дурно ведетъ себя во всякомъ другомъ отношеніи, то онъ нетолько естественно наказывается уменьшеніемъ заработка, но во всякое время можетъ быть выключенъ изъ общества, которое освобождается такимъ образомъ отъ вліянія и примѣра испорченнаго и опаснаго члена. Въ предлагаемыхъ заведеніяхъ, напротивъ того, трудолюбіе, трезвость, хорошее поведеніе каждаго человѣка весьма слабо связаны съ матерьяльнымъ положеніемъ его и его семейства; а въ случаѣ, еслибы онъ остался неисправимъ въ лѣности и безпорядочности, вмѣсто простаго и дѣйствительнаго средства, какъ выключеніе изъ общества, пришлось бы прибѣгнуть къ какой нибудь системѣ прямыхъ наказаній, опредѣляемыхъ и исполняемыхъ подъ надзоромъ высшей власти; такая мѣра, всегда тягостная и прискорбная, оказывается, къ тому же, вообще недѣйствительной.

Несомнѣнно успѣшный опытъ такого заведенія, какъ Ланаркская община, вовсе не даетъ права надѣяться на какое бы то ни было общественное улучшеніе посредствомъ заведеній, въ которыхъ заработки будутъ поступать въ общую кассу, и изъ которыхъ, по сущности и цѣли учрежденія, никто не можетъ быть выключенъ. Если, несмотря на всѣ эти неудобства, предположить, что все таки можно управлять подобными заведеніями, то какой свѣтлый умъ, какая настойчивость, какое терпѣніе потребовались бы для успѣшнаго достиженія цѣли! Гдѣ же отыскать соединенія столькихъ рѣдкихъ качествъ, чтобы можно было управлять такимъ образомъ мильономъ или двумя мильонами людей*?

* Опытъ, предпринятый Овеномъ въ большихъ размѣрахъ въ Нью Гармони, въ Индіанѣ, вполнѣ подтвердилъ предсказанія Мальтуса.
Гарнье.

Вообще же, можно быть увѣреннымъ, что предпріятіе Овена встрѣтило бы такія препятствія, которыя оказались бы неодолимыми даже въ началѣ; но и предположивъ даже, что они были бы побѣждены, и что предпріятіе увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ, все же подобная система (еслибы размноженіе населенія не предупреждалось противуестественными и несправедливыми законами) можетъ привести только къ поголовной бѣдности и несчастію, къ положенію, при которомъ всѣ богатые могутъ, правда, легко обратиться въ нищихъ, но ни одинъ бѣднякъ не можетъ обогатиться, или достигнуть хоть того благосостоянія, которымъ пользуется въ настоящее время простой чернорабочій.

Проектъ Курвена для улучшенія положенія рабочихъ классовъ опубликованъ только въ общихъ чертахъ; но насъ интересуютъ въ настоящую минуту не подробности, а общіе принципы. Принципы же, которые писатель этотъ желалъ бы положить въ основу предлагаемыхъ преобразованій, ясно указаны въ изложеніи главной цѣли, къ которой онъ стремится: 1) Улучшить печальное положеніе, въ которомъ находятся низшіе классы народа; 2) уравнять новымъ налогомъ существующій уже налогъ въ пользу бѣдныхъ, который *долженъ* быть взимаемъ для ихъ облегченія; 3) дать избирательный голосъ всѣмъ, желающимъ участвовать въ управленіи и распредѣленіи суммъ, предназначенныхъ на содержаніе бѣдныхъ. Первое положеніе очевидно должно имѣться въ виду всякимъ проектомъ такого рода. Два слѣдующія представляются средствами, которыми надѣются достигнуть этой цѣли.

Нетрудно замѣтить, что оба предложенія, какъ бы желательны ни были они во всякомъ другомъ отношеніи, вовсе не касаются главной задачи, и даже вовсе не имѣютъ ее въ виду. Мы желаемъ остановить увеличеніе отношенія бѣдныхъ ко всему населенію, уменьшить его, чтобы предоставить всей массѣ бѣдныхъ больше довольства, счастія и независимости; но уравненіе налога въ пользу бѣдныхъ, есть мѣра, стремящаяся, сама по себѣ, скорѣе къ увеличенію, чѣмъ къ уменьшенію числа бѣдныхъ, теряющихъ свою независимость. На-

логъ въ пользу бѣдныхъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, ложится такимъ бременемъ на особенный видъ собственности, что несущіе его люди естественно желаютъ уменьшить его, какъ только можно; но еслибы онъ ложился равномѣрно на всякій видъ собственности, въ особенности же, еслибы онъ взимался по широкимъ участкамъ или по провинціямъ, то оплачивающимъ его людямъ не было бы уже такого интереса хлопотать о его уменьшеніи; такъ что мы имѣемъ полное право ожидать, что, оставаясь въ ихъ рукахъ, онъ будетъ возрастать съ необыкновенной быстротой.

Слѣдуетъ, впрочемъ, согласиться, что обремененіе такимъ налогомъ одной только поземельной собственности существенно противурѣчитъ всякой справедливости. Нельзя не признать въ высшей степени жестокой мѣры въ томъ, что нѣкоторые приходы, въ которыхъ, вслѣдствіе выселенія въ города и на фабрики, число раждающихся значительно превосходитъ число умирающихъ, обязаны содержать своихъ выселенцевъ, по какой бы случайной причинѣ они ни возвращались въ нихъ, по причинѣ ли старости, неспособности къ работѣ или недостатка занятій. Приходы эти могутъ не имѣть рѣшительно никакихъ средствъ доставить работу всѣмъ, раждающимся въ нихъ, и заботиться о ихъ прокормленіи. Въ сущности, безъ такихъ выселеній, въ нихъ не раждалось бы такого количества дѣтей. Поэтому, въ высшей степени жестоко принуждать при такихъ условіяхъ эти приходы принимать и содержать всѣхъ родившихся въ нихъ людей, возвращенныхъ къ нимъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Тѣмъ неменѣе, при настоящемъ положеніи страны, худшее зло состоитъ не въ обремененіи поземельной собственности налогомъ, а въ возрастающемъ числѣ бѣдныхъ. Но такъ какъ уравненіе налога только увеличитъ это отношеніе, то я смотрю неблагопріятно на всякую подобную мѣру, хотя бы даже она легко могла быть приведена въ исполненіе, развѣ еслибы въ то же самое время опредѣлены были точнымъ и неизмѣннымъ закономъ границы уравненнаго такимъ образомъ налога.

Другое предложеніе Курвена столь же мало предупреждаетъ возрастаніе количества бѣднаго населенія. Извѣстно, что фон-

ды товарищескихъ обществъ *, въ настоящемъ своемъ видѣ, хотя ими и распоряжаются сами участники взносовъ, рѣдко распредѣляются съ такой экономіей, чтобы можно было выдавать непрерывныя пособія; но такъ какъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, предлагаемыхъ авторомъ, значительная часть фонда доставлена будетъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, то легко предвидѣть, что въ тѣхъ случаяхъ, когда вліяніе распредѣлителей будетъ возможно, они обнаружатъ еще бо̀льшую щедрость и еще меньшую бережливость.

Мы имѣемъ, стало быть, право сомнѣваться, чтобы можно было допустить смѣшеніе фондовъ, принадлежащихъ всему обществу и собираемыхъ налогомъ, съ добровольными взносами работниковъ; ибо, еслибы фонда не достало, по неразсчетливости ли, или по причинѣ слишкомъ щедрыхъ пособій, то недостающая часть была бы пополнена изъ налога. Всякое постановленіе ради предупрежденія такого рода захватовъ, окажется безсильнымъ противъ притязаній, опирающихся на проектъ, предложенный высшими классами общества.

Другое важное возраженіе противъ такого рода смѣшенія приходскихъ сборовъ съ частными взносами состоитъ въ томъ, что члены обществъ, основанныхъ на такомъ принципѣ, не могутъ считаться независимыми. Если приходъ раздастъ половину или треть своихъ фондовъ, то воспользовавшіеся ими люди очутятся въ положеніи, весьма отличномъ отъ положенія членовъ обществъ, основанныхъ на взаимной выгодѣ **. Такъ какъ на получаемыя ими пособія они имѣли бы право, по причинѣ своей старости или болѣзни, и такъ какъ пособія эти выдавались бы имъ главнымъ образомъ изъ суммъ, собранныхъ налогомъ, то они смотрѣли бы на новую систему, какъ новый видъ учрежденій, основанныхъ на томъ же налогѣ въ пользу бѣдныхъ. Еслибы система эта была всѣми принята, то взносы рабочихъ классовъ оказали бы почти

---

* Рабочихъ, ежегодно отлагающихъ въ общій фондъ часть своихъ сбереженій.

** Общества эти, имѣющія цѣлью такое же сохраненіе вносимыхъ работниками сбереженій на непредвидѣнный случай, ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ вышеупомянутыхъ товариществъ.

такое же дѣйствіе, какъ налогъ на трудъ. Но такого рода налогъ всѣми признается болѣе неблагопріятнымъ для труда и производства, чѣмъ какой бы то ни было другой налогъ.

Лучшая часть проекта Курвена состоитъ въ предложеніи открыть каждому участнику кредитъ въ размѣрѣ всей суммы его взносовъ, и основанныя на немъ пособія на случай болѣзни и содержаніе на случай старости. Но цѣли этой трудно достигнуть и не примѣшивая къ ней чего бы то ни было, что вызываетъ серьезныя возраженія. Онъ замѣчаетъ весьма справедливо: «Недостатокъ работы не даетъ никакого права на сѣтованіе противъ общества; ибо, если допустить такое оправданіе, то вѣроятно оно вызвало бы самыя пагубныя послѣдствія.» И тѣмъ неменѣе, онъ легкомысленно прибавляетъ, что слѣдуетъ доставлять работу всѣмъ тѣмъ, кто въ состояніи трудиться. Въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ, что предлагаемыя имъ общества должны выдавать временныя пособія, безъ всякаго уменьшенія ихъ, во всѣхъ случаяхъ, когда работа временно же прекращается.

Какъ бы то ни было, если принять въ соображеніе, что предлагаемыми обществами будетъ собираться значительная сумма, которая вѣроятно будетъ возрастать съ налогомъ въ пользу бѣдныхъ; что вслѣдствіе этого, участники этихъ обществъ не могутъ считаться независимыми отъ приходскихъ пособій, и что обыкновенными сборами, доставляемыми налогомъ, будутъ распоряжаться, какъ и теперь, безъ всякаго ограниченія, то нетрудно убѣдиться, что проектъ Курвена не представляетъ особенной надежды на уменьшеніе налога въ пользу бѣдныхъ и относительнаго количества бѣдныхъ людей.

По вопросу о бѣдныхъ существуетъ два заблужденія, къ которымъ, повидимому, склоняется въ настоящее время общественное мнѣніе. Первое состоитъ въ особенномъ значеніи, придаваемомъ взносамъ самихъ бѣдныхъ, и въ невниманіи къ распредѣленію ихъ, между тѣмъ какъ послѣднее имѣетъ несравненно большее значеніе. Если распредѣленіе нелѣпо по своей сущности, то не все ли равно, какимъ образомъ собираются раздаваемыя суммы, доставляются ли онѣ самими

бѣдными, или инымъ путемъ. Еслибы каждый работникъ, безъ исключенія, вносилъ часть своихъ заработковъ, которая, на первый взглядъ, можетъ показаться весьма значительной, въ надеждѣ получить пособіе на случай болѣзни или старости, на случай недостатка работъ, или же, наконецъ, на случай обремененія тремя и болѣе дѣтьми, то не подлежитъ сомнѣнію, что общаго фонда для этого оказалось бы недостаточно. Такой видъ раздачи пособій предполагаетъ возможность доставить содержаніе быстро и безгранично возрастающему населенію на ограниченной территоріи, и потому, необходимо долженъ усилить бѣдность. Дружескія общества, товарищества взаимнаго вспомоществованія имѣютъ ограниченную цѣль, поддающуюся разсчету, и все таки многія изъ нихъ лопнули, и еще большему числу, говорятъ, предстоитъ такая же участь по причинѣ недостаточности ихъ фондовъ. Еслибы какое бы то ни было общество вздумало выдавать своимъ членамъ болѣе широкія вспомоществованія, если оно рѣшится преслѣдовать цѣль, только отчасти достигаемую законодательствомъ о бѣдныхъ, или цѣль, которая казалась Кондорсе достижимой на основаніи самыхъ точныхъ вычисленій, то какъ бы ни былъ великъ фондъ его, изъ какихъ бы источниковъ онъ ни получался, нѣтъ никакой возможности предположить, чтобы онъ не истощился. Словомъ, мы не устанемъ повторять и настаивать, особенно въ ту минуту, когда рѣшается вопросъ объ улучшеніи положенія бѣдныхъ, что ни просвѣщеніе, ни геній, ни усилія бѣдныхъ или богатыхъ, ни совокупныя усилія тѣхъ и другихъ, въ видѣ ли добровольныхъ пожертвованій или въ видѣ всякихъ другихъ сборовъ, не въ силахъ доставить большинству рабочихъ классовъ возможности вступать въ бракъ въ старомъ и населенномъ государствѣ въ томъ же возрастѣ, въ которомъ, съ полной выгодой и безопасностью, они могутъ дѣлать это въ новой странѣ.

Другое заблужденіе, которое готово раздѣлять въ настоящее время общество, состоитъ въ особенномъ значеніи, придаваемомъ доставленію бѣднымъ работы. Существуетъ, повидимому, мнѣніе, что главная причина неудачи настоящей системы состоитъ въ дурномъ исполненіи одной части по-

становленія 43-го года царствованія Елизаветы, предписывающей закупать матерьялы, необходимые для доставленія работы бѣднымъ. Разумѣется, по многимъ причинамъ, весьма желательно, чтобы бѣдные заняты были работой, если это удобоисполнимо, хотя и весьма трудно принудить къ успѣшной работѣ человѣка, неподстрекаемаго обыкновенными и естественными побужденіями къ труду; вотъ почему такого рода принудительная система требуетъ, чтобы нѣкоторыя лица облечены были большой властью, а это можетъ повести ко многимъ злоупотребленіямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что бѣдные могутъ быть заняты работой больше, чѣмъ это дѣлается теперь; а это должно улучшить ихъ привычки и нравственность, безъ всякаго неудобства для нихъ во всякомъ другомъ отношеніи: но было бы жестокимъ заблужденіемъ приписывать существеннѣйшее зло, причиняемое законами о бѣдныхъ, и всѣ настоящія ихъ страданія тому обстоятельству, что имъ не предоставляли занятій; или воображать, чтобы какія бы то ни были мѣры, придуманныя для доставленія работы тѣмъ, кто не имѣетъ ея, могли повліять на источникъ этого зла и этихъ жестокихъ страданій, или предупредить ихъ возвращеніе. Нельзя придумамать ни одного случая, когда принудительный трудъ бѣдныхъ, при наилучшемъ надзорѣ, могъ бы оказать прямое дѣйствіе на болѣе равномѣрное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ; но при малѣйшемъ невниманіи и неосторожности, подобная мѣра можетъ вызвать самыя пагубныя послѣдствія. Предположимъ, напримѣръ, что вслѣдствіе слабаго требованія на трудъ или недостатка капиталовъ, заработная плата сильно падаетъ: если поддержать ее на обыкновенномъ уровнѣ искуственнымъ требованіемъ, пожертвованіями ли со стороны общества, или займами правительства, то народъ потеряетъ возможность сообразоваться съ уменьшеніемъ средствъ для своего существованія; это было бы то же самое, что запрещеніе подымать цѣну хлѣба во время неурожая, то есть, мѣра, которая неизбѣжно только усиливаетъ всеобщее бѣдствіе.

Поэтому, вовсе не отвергая мѣръ, имѣющихъ въ виду доставить работу бѣднымъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ

мѣръ, въ извѣстное время, съ извѣстными ограниченіями, могутъ принести временную пользу, для предупрежденія безплодныхъ усилій и печальныхъ неудачъ, слѣдуетъ прежде всего убѣдиться, что вовсе не въ нихъ приходится искать желаемаго вѣрнаго лекарства.

И дѣйствительно, мы имѣемъ полное право утверждать, что существуетъ одинъ только родъ условій, отъ которыхъ можно ожидать благотворнаго дѣйствія въ этомъ отношеніи. Условія эти суть все, что̀ содѣйствуетъ распространенію благоразумія и предусмотрительности между рабочими классами. Это — пробный камень для оцѣнки всякаго проекта, предлагаемаго для улучшенія положенія бѣдныхъ. Если проектъ согласенъ въ этомъ отношеніи съ указаніями природы и Провидѣнія, если онъ поощряетъ и укрѣпляетъ привычки къ благоразумію и предусмотрительности, то отъ него можно ожидать существенной и прочной пользы; если же онъ не стремится къ этой цѣли, то онъ можетъ принесть нѣкоторую пользу, какъ мѣра временная, или пригодная для извѣстнаго случая, но можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что онъ не достигнетъ до источника зла.

Изъ всѣхъ проектовъ, какіе предлагались до настоящаго времени, *сберегательныя кассы*, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе возможны для нихъ, достигаютъ, по моему мнѣнію, лучше всего великой цѣли; отъ такого рода учрежденій, если они распространятся когда нибудь по всей странѣ, мы можемъ ожидать прочнаго улучшенія въ положеніи низшихъ классовъ общества. Предоставляя каждому человѣку всѣ выгоды, вытекающія изъ его благоразумія и трудолюбія, они придаютъ особенную силу указаніямъ природы и Провидѣнія. Молодой человѣкъ, съ четырнадцати или пятнадцатилѣтняго возраста откладывавшій часть своего заработка, въ надеждѣ жениться въ двадцать четыре или въ двадцать пять лѣтъ, вѣроятно согласится отложить свое намѣреніе еще на два или на три года, если этого потребуютъ обстоятельства, если хлѣбъ будетъ дорогъ, если заработная плата будетъ низка, или если сбереженная имъ сумма покажется ему, на основаніи опыта, недостаточнымъ обезпеченіемъ противъ нужды. Полученная

привычка къ сбереженію части заработка на случай нужды рѣдко не сопровождается привычкой къ благоразумію и къ предусмотрительности; а еслибы благотворительныя заведенія, доставляющія каждому человѣку возможность наивыгоднѣйшимъ образомъ употребить свои сбереженія, оказали содѣйствіе такому обыкновенію, то мы вполнѣ можемъ надѣяться, что среди колебаній, испытываемыхъ снабженіемъ страны, населеніе ея будетъ согласоваться съ дѣйствительнымъ требованіемъ на трудъ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ страданій и бѣдности. Поэтому, средство это, смотря по своему распространенію, повидимому, непосредственно дѣйствуетъ на самый корень зла.

Главная цѣль сберегательныхъ кассъ состоитъ въ предупрежденіи нищеты и зависимости бѣдныхъ, доставляя имъ возможность обходиться собственными силами въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. При естественномъ состояніи общества, такія учрежденія, при содѣйствіи хорошо направленной благотворительности, вѣроятно доставили бы всѣ средства для достиженія возможныхъ улучшеній. Но гдѣ существуетъ такое значительное число бѣдныхъ, какъ въ Англіи, обыкновенно находящихся въ зависимости отъ общественныхъ фондовъ, тамъ нельзя смотрѣть на сберегательныя кассы, какъ на учрежденія, которыя могутъ замѣнить налогъ на бѣдныхъ. Вышеобозначенная задача: *Какимъ образомъ содержать людей, находящихся въ нуждѣ, чтобы не увеличивать постоянно отношенія ихъ числа ко всему населенію*— остается неразрѣшенной. Тѣмъ неменѣе, если принять проектъ, который имѣлъ бы въ виду совершенную отмѣну или постепенное уменьшеніе налога въ пользу бѣдныхъ, и ограниченіе суммы сборовъ, то сберегательныя кассы оказали бы ему существенное содѣйствіе; и наоборотъ, сами онѣ получили бы сильнѣйшій толчекъ отъ дѣйствія такого проекта.

При настоящемъ положеніи вещей, имъ пришлось бороться съ весьма неблагопріятными условіями, такъ какъ онѣ возникли въ эпоху всеобщаго бѣдствія и самыхъ широкихъ приходскихъ вспомоществованій. Полученный ими успѣхъ, несмотря на такія препятствія, кажется, можетъ служить доста-

точнымъ доказательствомъ, что въ эпоху благосостоянія и высокой заработной платы, при содѣйствіи уменьшенія приходскихъ вспомоществованій, онѣ необходимо должны распространиться, и оказать могущественное вліяніе на привычки народа *.

Ради поощренія этихъ учрежденій, въ послѣднее время издано парламентское постановленіе, которымъ разрѣшалось допускать, съ разрѣшенія мироваго судьи, къ приходскимъ пособіямъ даже тѣхъ, которые имѣютъ вклады въ сберегательныхъ кассахъ, если вклады эти не превышаютъ опредѣленной суммы. Мѣра эта вызвана несомнѣнно узкой политикой. Это значитъ принести въ жертву принципъ, который служитъ основаніемъ для сберегательныхъ кассъ, временнымъ и ничтожнымъ выгодамъ. Мы имѣемъ въ виду пріучить работника полагаться исключительно на свои собственныя средства и силы для улучшенія своего положенія, и въ то же время стараемся наградить его за сбереженія, поставивъ его въ зависимости отъ такихъ пособій, отнять которыя у насъ не хватаетъ духу. Успѣхъ сберегательныхъ кассъ, подъ вліяніемъ такого постановленія, можетъ служить только неопредѣленнымъ и сомнительнымъ признакомъ доставляемой ими пользы; между тѣмъ какъ безъ такого постановленія каждый шагъ впередъ этихъ учрежденій, каждый вкладъ въ нихъ служилъ бы ручательствомъ возрастающаго желанія выйти изъ подъ зависимости приходскихъ пособій. Съ одной стороны, широкое распространеніе *товарищескихъ обществъ* **, а съ другой—

* Предсказанія Мальтуса сбылись въ Англіи, во Франціи и всюду, куда успѣли проникнуть эти благодѣтельныя учрежденія. Когда вспыхнула февральская революція 1848, французское казнохранилище приняло отъ вкладчиковъ сберегательныхъ кассъ сумму въ 355 мильоновъ франковъ. Вся сумма вкладовъ сберегательныхъ кассъ Соединеннаго королевства простиралась къ концу 1850 болѣе чѣмъ до 31 мильона фунтовъ стерлинговъ, или болѣе 780 мильоновъ франковъ.

Гарнье.

Въ Россіи, по *Отчету Государственнаго банка по городскимъ сберегательнымъ кассамъ за 1867 годъ*, къ 1 Января 1868 состояло всѣхъ вкладовъ на 4,779,000 рублей или около 20 миль. франковъ.

Рус. перев.

** *Friendly Societies* — общества вспоможенія и призрѣнія, осно-

быстрые успѣхи сберегательныхъ кассъ ясно показываютъ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ, учрежденія эти могли бы получить огромное значеніе, не прибѣгая къ мѣрѣ, которая несомнѣнно приноситъ въ жертву цѣль ради средствъ для ея достиженія.

Что касается до проектовъ, предлагавшихся ради отмѣны или ограниченія налога въ пользу бѣдныхъ, то по сущности своей они несомнѣнно направлены противъ самаго корня зла; но они были бы очевидно несправедливы, еслибы прямо не отвергали *мнимаго права* бѣдныхъ на полученіе пособій, а приведеніе ихъ въ исполненіе еще много лѣтъ представлялось бы болѣе суровою мѣрой, чѣмъ проектъ, предложенный мною въ одной изъ предъидущихъ главъ *. Какъ бы то ни было, если, по общему мнѣнію, Англія не можетъ быть освобождена вполнѣ отъ системы, съ давнихъ временъ самымъ тѣснымъ образомъ связанной со всѣмъ ея политическимъ устройствомъ, то ограниченіе суммъ, собираемыхъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, или, вѣрнѣе, опредѣленіе отношенія этой суммы ко всему богатству и населенію страны (что̀ было бы болѣе справедливо и болѣе благоразумно), въ сопровожденіи откровеннаго и точнаго объясненія сущности такой перемѣны, могло бы доставить существенныя выгоды, и оказать могущественное вліяніе на улучшеніе привычекъ бѣдныхъ и на умноженіе ихъ благополучія.

ГЛАВА XIII. — О необходимости общихъ принциповъ по занимающему насъ вопросу.

Юмъ сдѣлалъ замѣчаніе, что изъ всѣхъ наукъ въ политикѣ внѣшніе признаки легче всего вводятъ въ обманъ. Это

ванныя на взаимности. Офиціальное число ихъ простиралось въ 1857 до 20,000, съ числомъ соучастниковъ болѣе 2 мильоновъ, и съ общественнымъ имуществомъ, превышавшимъ 9 мил. фун. стер., изъ коихъ около 2 мильоновъ хранилось въ сберегательныхъ кассахъ.

Рус. перев.

* Книга IV, глава VI и Книга V, глава II,

въ особенности справедливо относительно той части ея, которая занимается улучшеніемъ судьбы низшихъ классовъ народа *.

Намъ наскучили пустыя разглагольствованія противъ теорій и противъ предлагающихъ ихъ людей. Люди, ратующіе противъ теорій, хвалятся своею приверженностью къ практикѣ и къ опыту. Нельзя не согласиться, что ложныя теоріи пагубны, и что составители ихъ нетолько не приносятъ пользы, но нерѣдко причиняютъ вредъ обществу. Тѣмъ неменѣе, и крайніе защитники практическихъ методовъ не замѣчаютъ, что сами попадаютъ въ ловушку, отъ которой стараются оберечь другихъ, и огромное ихъ большинство должно быть причислено къ изобрѣтателямъ самыхъ вредныхъ теорій. Когда человѣкъ вѣрно передаетъ замѣченные имъ факты, то онъ увеличиваетъ массу всеобщихъ свѣдѣній, и приноситъ обществу пользу. Но если изъ ограниченнаго наблюденія, изъ фактовъ, доставленныхъ ему его фермой или мастерской, онъ рѣшается дѣлать общіе выводы и строить теорію, то онъ оказывается тѣмъ болѣе опаснымъ въ этомъ отношеніи, что опирается на наблюденіе; такъ какъ при этомъ легко упускается изъ виду, что прочная теорія должна опираться на общія, а не на частныя явленія **.

Мало вопросовъ, надъ которыми бы такъ много трудились, какъ надъ средствами для улучшенія участи бѣдныхъ, и, безъ сомнѣнія, нѣтъ ни одного, рѣшеніе котораго было бы столь неудачно. Главное разногласіе между теоретикомъ, называющимъ себя практикомъ, и настоящимъ теоретикомъ, состоитъ

---

* Изъ чего слѣдуетъ заключить, что люди, принимающіе прямое или косвенное участіе въ политикѣ и администраціи, должны серьезно изучать политическую экономію — явленіе, все еще весьма рѣдкое, и къ тому же, крайне затруднительное при настоящемъ состояніи общественнаго воспитанія. Гарнье.

** Замѣчаніе Мальтуса сохранило всю свою силу и въ настоящее время. Любопытнѣе всего, что эти невѣжественные составители безстрашныхъ *теорій* громко провозглашаютъ себя людьми *практическими*, на томъ основаніи, что разсуждаютъ на основаніи ограниченнаго наблюденія, и не задумываясь отрицаютъ труды людей, опирающихъ свои изслѣдованія и разсужденія на неизмѣнныхъ и общихъ явленіяхъ. Гарнье.

въ слѣдующихъ вопросахъ: Неуспѣшное рѣшеніе главной задачи должно ли ограничить всѣ наши заботы только мелочнымъ надзоромъ за рабочими домами? должны ли мы довольствоваться наблюденіемъ за приходскими чиновниками, строгимъ взысканіемъ за малѣйшее ихъ нерадѣніе, увеличеніемъ раздаваемаго числа порцій похлебки и картофеля? или же, слѣдуетъ обратиться къ общимъ принципамъ, которые указали бы намъ причины, почему всѣ усилія наши оставались до сихъ поръ безплодны, и которые убѣдили бы насъ, что вся принятая нами система ложна въ своемъ основаніи? Ни къ одному вопросу не прилагали такъ рѣдко общихъ принциповъ. А между тѣмъ, трудно предположить, чтобы нашелся хоть одинъ, въ которомъ было бы опаснѣе опустить ихъ изъ виду. Я думаю такимъ образомъ на томъ основаніи, что нерѣдко частное и непосредственное дѣйствіе какой нибудь особенной, благотворительной мѣры находится въ прямомъ противурѣчіи съ общимъ и постояннымъ ея дѣйствіемъ.

Существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ мѣстностей, въ которыхъ сельскіе работники владѣютъ небольшими участками земли, и имѣютъ обыкновеніе содержать коровъ. Во время послѣднихъ неурожаевъ замѣчено было, что одни изъ этихъ работниковъ могли обойтись безъ пособій со стороны приходовъ, другіе получали ихъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ этого можно было ожидать *.

Согласно съ общераспространеннымъ обыкновеніемъ—разсматривать этотъ вопросъ съ узкой точки зрѣнія, изъ такого частнаго факта не преминули вывести общаго заключенія, а именно: еслибы оказалось возможнымъ поставить всѣхъ работниковъ въ такія же условія, то они тоже очутились бы въ счастливомъ положеніи, независимомъ отъ приходскихъ вспомоществованій. Но такое заключеніе совсѣмъ неумѣстно. Выгоды, доставляемыя въ настоящее время нѣсколькимъ работникамъ содержаніемъ коровъ, зависятъ главнымъ образомъ

* *Inquiry into the state of cottagers in the counties of Lincoln and Rutland,* by Robert Gourlay въ Annals of agriculture, т. XXXVII, стр. 514.

отъ того, что обычай этотъ существуетъ только въ немногихъ приходахъ. Но онѣ тотчасъ же изчезнутъ, какъ только обычай этотъ всюду распространится.

Положимъ, что фермеръ или землевладѣлецъ имѣетъ на своей фермѣ нѣсколько отдѣльныхъ помѣщеній для рабочихъ. Если это человѣкъ щедрый, любящій видѣть вокругъ себя счастливыя лица, то онъ припишетъ къ каждому такому помѣщенію клочекъ земли, достаточный для содержанія одной или двухъ коровъ, и кромѣ этого, онъ дастъ каждому работнику хорошую заработную плату. Работники его будутъ, поэтому, жить въ довольствѣ и будутъ имѣть возможность воспитывать многочисленное семейство. Но его ферма, быть можетъ, не потребуетъ значительнаго числа работниковъ. Хотя бы этотъ великодушный человѣкъ и готовъ былъ щедро вознаграждать работающихъ у него людей, тѣмъ неменѣе, онъ вѣроятно не согласится содержать большее ихъ число противъ того, сколько требуется. Поэтому, онъ не построитъ имъ новыхъ помѣщеній, и дѣти его работниковъ очевидно должны будутъ оставить ферму и искать пріюта въ другомъ мѣстѣ. Пока такой порядокъ вещей ограничивается нѣсколькими семействами и немногими мѣстностями, до тѣхъ поръ выселенцы легко будутъ находить работу на сторонѣ. Сверхъ того, нельзя не согласиться, что работники, содержащіеся на такой фермѣ, находятся въ завидномъ положеніи, въ которомъ каждый желалъ бы видѣть все населеніе страны. Но очевидно, что по самой сущности вещей невозможно, чтобы такое положеніе сохранило бы свои выгоды, еслибы оно сдѣлалось всеобщимъ; ибо, въ такомъ случаѣ дѣтямъ этимъ благоденствующихъ работниковъ некуда было бы дѣться за прінсканіемъ работы. Такое возрастаніе населенія ясно превышало бы требованіе городовъ и фабрикъ, и заработная плата всюду понизилась бы.

Замѣтимъ еще одно особенное обстоятельство, содѣйствующее благосостоянію тѣхъ работниковъ, которые, при настоящемъ порядкѣ вещей, содержатъ нѣсколько коровъ: это— выгоды, доставляемыя имъ продажей остающагося отъ ихъ потребленія молока. Но эти выгоды значительно уменьшатся,

если всѣ работники послѣдуютъ ихъ примѣру. Хотя во время послѣдняго неурожая они могли бороться съ нуждой при меньшемъ пособіи со стороны своихъ сосѣдей, ибо они имѣли средства, независимыя отъ урожая хлѣба, но нѣтъ повода думать, что при всеобщемъ введеніи подобной системы, неурожай сѣна или падежъ скота * не привелъ бы ихъ въ такое же бѣдственное положеніе, какое испытали ихъ сосѣди отъ неурожая хлѣба. Поэтому, должно съ чрезвычайною осторожностью относиться къ такаго рода случайностямъ, и всячески избѣгать въ подобномъ вопросѣ общихъ заключеній изъ частныхъ явленій.

Существуетъ одно общество, имѣющее цѣлью вспомоществованіе бѣднымъ и улучшеніе ихъ положенія. Принятый имъ основной принципъ превосходенъ. Пробуждать желаніе къ улучшенію своего положенія (желаніе, которое можно считать главнымъ побужденіемъ къ труду) есть безспорно вѣрнѣйшій путь для облегченія участи низшихъ классовъ народа. Должно согласиться съ Бернардомъ, доказывающимъ въ одномъ изъ интересныхъ своихъ предисловій, что все, что̀ пробуждаетъ и укрѣпляетъ между бѣдными привычки къ трудолюбію, къ благоразумію, къ предусмотрительности, къ добродѣтели, къ опрятности, полезно, какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ страны; и обратно, все, что̀ ослабляетъ побужденія къ такимъ склонностямъ, равно вредно, какъ для общества, такъ и для частныхъ людей **.

Бернардъ вообще вполнѣ сознаетъ затрудненія, которыя предстоитъ побѣдить обществу. И тѣмъ неменѣе, ему, повидимому, не удалось избѣжать общихъ выводовъ изъ наблюденій частныхъ и недостаточныхъ. Я не войду въ разсмо-

---

* При настоящемъ положеніи, если бѣдный сельскій работникъ потеряетъ корову, то его горю стараются пособить подпиской въ его пользу. И какъ подобная потеря для бѣдняка весьма чувствительна, то обыкновенно подписка сопровождается успѣхомъ. Но если обладаніе коровой сдѣлается явленіемъ повсемѣстнымъ, то такого рода потери станутъ такъ обыкновенны, что уже нельзя будетъ вознаграждать за нихъ подобной мѣрой: а потому, многія семейства будутъ впадать изъ благосостоянія въ бѣдность. Прим. автора.

** Предисловіе ко II т. *Отчетовъ*.

трѣніе различныхъ проектовъ, въ которыхъ предлагается продажа съѣстныхъ припасовъ по дешевымъ цѣнамъ, учрежденіе магазиновъ или приходскихъ мастерскихъ. Успѣхъ подобныхъ учрежденій обусловливается вполнѣ тѣмъ, что они представляются одинокими явленіями, находящимися въ зависимости отъ нѣсколькихъ семействъ или нѣсколькихъ приходовъ. Но какъ только сдѣлать ихъ всеобщими, всѣ благодѣянія ихъ исчезаютъ, такъ какъ они должны понизить заработную плату. Я ограничусь однимъ только замѣчаніемъ, имѣющимъ болѣе широкое значеніе. Оно помѣщено въ предисловіи ко второму тому отчетовъ общества, о которомъ идетъ рѣчь. Опытъ доказалъ, повидимому, обществу, говоритъ авторъ этого предисловія, что лучшее средство помочь бѣдному, это — доставить ему пособіе на дому, и взять отъ родителей дѣтей, чтобы какъ можно ранѣе отдать ихъ въ обученіе, или вообще доставить имъ какое нибудь приличное занятіе. Я думаю, что эта мѣра есть дѣйствительно самая лучшая. Это — самое вѣрное средство доставить пособіе съ толкомъ и согласно съ требованіями обстоятельствъ. Но нетрудно замѣтить, что оно требуетъ особеннаго благоразумія, которое не можетъ быть общимъ правиломъ и служить основаніемъ для всякой благотворительности. Средство это вызываетъ то же возраженіе, которое мы привели противъ системы коровъ и постановленія 43-го года царствованія Елизаветы, предписывающее приходскому начальству доставлять занятіе дѣтямъ бѣдныхъ и заботиться о ихъ нуждахъ. Какой нибудь отдѣльный приходъ, въ которомъ всѣ дѣти будутъ взяты отъ своихъ родителей и прилично помѣщены, какъ только это дозволено будетъ ихъ возрастомъ, естественно будетъ въ благоденствіи и благосостояніи. Но еслибы такая мѣра сдѣлалась всеобщей, и бѣдные получили бы право разсчитывать на такое пособіе, то вскорѣ всѣ мѣста были бы заняты и осаждались бы со всѣхъ сторонъ. Нечего и разбирать тѣхъ послѣдствій, которыя неизбѣжно были бы вызваны такимъ порядкомъ вещей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что при содѣйствіи денегъ и великодушныхъ усилій со стороны тѣхъ, кто обладаетъ ими,

можно надѣяться на существенное пособіе для семейства, для прихода, для отдѣльнаго округа. Но стòитъ немного только поразмыслить, чтобы убѣдиться, что средства эти безсильны, если дѣло идетъ о такомъ же приложеніи ихъ къ цѣлой странѣ, если только не организовать правильнаго выселенія избыточнаго населенія, или не разсчитывать на особенную добродѣтель между бѣдными, рѣже всего встрѣчающуюся между ними и подрываемую подобными пособіями.

О трудолюбіи можно сказать въ этомъ отношеніи почти то же, что̀ и о деньгахъ. Человѣкъ, обладающій имъ въ большей степени, чѣмъ окружающіе его люди, обезпеченъ въ средствахъ для своего существованія. Но еслибы всѣ окружающіе его люди получили свойственную только ему степень трудолюбія, то это качество его потеряло бы свойство предохранять его отъ нужды. Юмъ дѣлаетъ жестокую ошибку, когда говоритъ, что «всѣ почти физическія и нравственныя бѣдствія человѣческой жизни пораждаются лѣностью», и когда прибавляетъ, что для облегченія этихъ страданій было бы достаточно, чтобы всѣ люди обладали такою степенью трудолюбія, какую многіе получили путемъ воспитанія и размышленія *. Эта высокая степень трудолюбія, еслибы только она была удѣломъ всего человѣческаго рода, но не въ соединеніи съ другою добродѣтелью, о которой авторъ и не упоминаетъ, вовсе не могла бы освободить общество отъ гнетущихъ его бѣдствій и отъ тягостнаго чувства нужды. Въ числѣ всѣхъ этихъ физическихъ и нравственныхъ бѣдствій едвали отыскалось бы хоть одно, которое могло бы быть отстранено такимъ общимъ свойствомъ человѣческой природы.

Я знаю, что всѣ вышеприведенные доводы допускаютъ возраженіе, которое можетъ показаться весьма справедливымъ. Разсуждать такимъ образомъ, скажутъ мнѣ, значитъ нападать на всякій видъ вспомоществованія, ибо, по самой сущности вещей, невозможно оказать частнаго пособія нѣсколькимъ бѣднякамъ, не измѣняя ихъ относительнаго положенія въ обществѣ, а потому, не унижая настолько же другихъ.

---

* *Dialogues on natural religion*, ч. XI, стр. 212.

Мнѣ скажутъ еще, что наибольшая бѣдность естественно должна встрѣчаться между людьми, обремененными семействомъ. Но мы очевидно обязаны спѣшить съ помощью не къ людямъ, обремененнымъ семействомъ, а къ людямъ, находящимся въ нуждѣ. Поэтому, если мы только желаемъ какимъ бы то ни было образомъ исполнить эту обязанность, то мы должны помогать бѣднымъ, обремененнымъ дѣтьми, и тѣмъ самымъ поощрять браки и размноженіе населенія.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, и вынужденъ повторить здѣсь мое замѣчаніе, что общіе принципы въ такого рода вопросахъ не должно вести за предѣлы, указываемые благоразуміемъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ опускать ихъ изъ виду. Весьма часто можетъ случиться, что польза, связанная съ облегченіемъ положенія человѣка, превышаетъ то зло, которое можетъ быть ею вызвано впослѣдствіи.

Къ числу такихъ случаевъ слѣдуетъ очевидно отнести тѣ, когда бѣдствія, испытываемыя человѣкомъ, на котораго обращена наша благотворительность, вовсе не причинены его лѣностью или непредусмотрительностью. Вообще, существуетъ одинъ только видъ вспомоществованій, о которомъ можно сказать, что онъ до такой степени нарушаетъ общіе принципы, что вызываемыя имъ послѣдствія очевидно приносятъ большій вредъ, чѣмъ то частное зло, отстраненіе котораго имѣлось въ виду. Такую, безспорно искаженную благотворительность представляютъ *систематическія* вспомоществованія, доставляющія *вѣрныя* и опредѣленныя пособія, на которыя бѣдный имѣетъ полное право разсчитывать, каково бы ни было его поведеніе.

Помимо благотворительности благоразумной и неожиданной, о которой я говорилъ въ предъидущей главѣ, благотворныя дѣйствія которой не подлежатъ сомнѣнію, выше я замѣтилъ, что можно принести огромную пользу введеніемъ лучшей и болѣе общей сисмемы воспитанія; я въ особенности настаивалъ на этомъ, и намѣренъ какъ можно сильнѣе подтвердить эту истину. Все, что̀ будетъ сдѣлано въ этомъ отношеніи, принесетъ особенную пользу. *Воспитаніе есть одно изъ тѣхъ благъ, которымъ можетъ пользоваться каждый*, нетолько не

причиняя этимъ вреда прочимъ людямъ, но еще доставляя имъ пользу. Я преподлагаю, что вслѣдствіе хорошаго воспитанія, человѣкъ получаетъ ту благородную гордость, тотъ здравый и честный образъ мыслей, которые удержатъ его отъ обремененія общества новымъ семействомъ, если онъ не въ силахъ прокормить его; поведеніе его послужитъ примѣромъ для окружающихъ его людей, и окажетъ содѣйствіе къ улучшенію ихъ положенія, насколько можетъ имѣть вліяніе одинокое вліяніе. Противуположное поведеніе, обусловливаемое дурнымъ воспитаніемъ и невѣжествомъ, очевидно должно оказать обратное дѣйствіе.

Сверхъ того, я не могу представить себѣ, чтобы можно было оказать содѣйствіе улучшенію участи бѣдныхъ проектомъ заведенія для нихъ отдѣльныхъ помѣщеній или котэджей. Желательно было бы, чтобы эти помѣщенія не были до такой степени просторны, чтобы въ нихъ могло помѣститься болѣе одного семейства, и чтобы число ихъ не превосходило требующагося количества работниковъ. Одно изъ благодѣтельныхъ и менѣе всего вредныхъ препятствій, останавливающихъ ранновременные браки въ Англіи, состоитъ въ затрудненіи пріобрѣсть себѣ котэждъ, а также въ похвальныхъ привычкахъ работника воздерживаться нѣсколько лѣтъ отъ брака и ожидать вакантнаго мѣста, вмѣсто того, чтобы довольствоваться грязной землянкой, какъ поступаютъ ирландцы*.

Противъ самой системы надѣленія бѣдныхъ коровами нечего было бы сказать, еслибы она принята была въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Но если ею желаютъ замѣнить налогъ въ пользу бѣдныхъ, если хотятъ, чтобы каждый работникъ имѣлъ право на такое количество земли и на такое

* Быть можетъ, нерѣдко опасеніе прихода, чтобы не увеличилось число его бѣдныхъ, стѣсняетъ работника въ выборѣ своего мѣстопребыванія. Англійскіе законы о бѣдныхъ различными средствами стараются ослабить свое очевидное стремленіе къ размноженію населенія. Приводимый мною случай можетъ служить тому примѣромъ. Разумѣется, только такими стѣсненіями можно объяснить продолжительное существованіе этой системы и меньшее количество причиняемыхъ ею бѣдствій, чѣмъ какое можно было ожидать отъ нея.

Прим. автора.

число коровъ, которое соотвѣтствовало бы числительности его семейства, или, если намѣреваются отклонить этой системой бѣднаго отъ употребленія пшеницы, и заставить его замѣнить этотъ продуктъ молокомъ и картофлемъ, то я нахожу, что подобный проектъ противурѣчитъ той цѣли, ради которой онъ предпринимается. Еслибы подобная система предназначалась исключительно для улучшенія положенія честнѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ работниковъ, и въ то же самое время, для удовлетворенія одной изъ настоятельнѣйшихъ нуждъ бѣдныхъ — имѣть молоко для своихъ дѣтей, то я полагаю, что она могла бы принести большую пользу, и оказалась бы могущественнѣйшимъ средствомъ для поощренія трудолюбія, бережливости и благоразумія. Но для достиженія этой цѣли, очевидно, что такое вспомоществованіе слѣдуетъ ограничить опредѣленнымъ числомъ бѣдныхъ, избранныхъ по различнымъ приходамъ; при подобномъ выборѣ необходимо принимать во вниманіе доброе поведеніе, а не исключительно одну только бѣдность, и не легко подкупаться большимъ числомъ дѣтей; наконецъ, желательно было бы, чтобы бережливый работникъ, съумѣвшій завестись коровой на собственныя сбереженія, пользовался бы преимуществами предъ тѣмъ, который обращается за нею къ приходу *.

Желаніе обладать клочкомъ земли и пристрастіе къ такого рода собственности представляются такими побужденіями къ трудолюбію и бережливости, не воспользоваться которыми, насколько это возможно, безъ сомнѣнія, было бы неразсчетливо. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что благотворное дѣйствіе этихъ побужденій зависитъ главнымъ образомъ отъ усилій, употребленныхъ для пріобрѣтенія и сохраненія. При

---

* Постановленіе Елизаветы, запрещавшее постройку котэджей безъ приписки къ нимъ четырехъ акровъ земли, вѣроятно неисполнимо въ такой мануфактурной странѣ, какъ Англія. Но еслибы оно точно соблюдалось, то бо̀льшая часть бѣдныхъ обладала бы небольшимъ участкомъ земли, ибо затрудненіе получить котэждъ оказалось бы могущественнымъ препятствіемъ для размноженія бѣдныхъ. Такая мѣра дала бы совершенно иные результаты, чѣмъ проектъ Юнга.

Прим. автора.

отсутствіи такихъ усилій, и дѣйствіе ихъ уже иное. Еслибы лѣнивый человѣкъ, обремененный семействомъ, былъ увѣренъ, что при первомъ своемъ требованіи онъ получитъ корову и участокъ земли, то я думаю, что къ такого рода собственности относились бы съ крайнимъ пренебреженіемъ.

Приводилось еще замѣчаніе, что работники, обладающіе коровой, болѣе трудолюбивы, и ведутъ болѣе порядочную жизнь, чѣмъ тѣ, которые не имѣютъ ее. Вѣроятно, это справедливо, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но дѣлаемое изъ этого заключеніе, что лучшее средство сдѣлать работниковъ трудолюбивыми, это — надѣлить ихъ коровами, еще подлежитъ сомнѣнію. Бо̀льшая часть людей, обладающихъ въ настоящее время коровами, пріобрѣла ихъ на свои трудовыя деньги. Поэтому, скорѣе слѣдовало бы сказать, что трудолюбіе доставило имъ коровъ, чѣмъ коровы развили въ нихъ любовь къ труду. Дѣлая такое замѣчаніе, я, тѣмъ неменѣе, вовсе не желаю отрицать, чтобы внезапное надѣленіе поземельною собственностью не могло пробудить иногда склонности къ труду.

Благотворные результаты обычая нѣкоторыхъ работниковъ — держать корову *, въ сущности, вызваны ограниченнымъ распространеніемъ этого обычая, что̀ совершенно согласуется съ тѣмъ, что̀ сказано мною выше. Даже въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ болѣе всего сельскихъ работниковъ, обладающихъ коровами, число ихъ все же незначительно, сравнительно со всѣмъ населеніемъ приходовъ. Это вообще лучшіе работники, такіе, которые были въ состояніи купить коровъ на собственныя деньги. Къ тому же, они находятся скорѣе въ относительно, чѣмъ въ безусловно выгодномъ положеніи.

Поэтому, трудолюбіе и относительное ихъ довольство вовсе еще не даютъ намъ права заключить, что мы можемъ водворить такое же трудолюбіе и довольство въ цѣломъ народѣ, обезпечивъ его такою же собственностью. Ничто не порождаетъ такихъ заблужденій, какъ привычка смѣшивать

* *Inquiry* и проч., Robert Gourlay въ *Annals*, т. XXXVII, стр. 514.

относительное съ безусловнымъ, или принимать слѣдствіе за причину.

Быть можетъ, мнѣ сдѣлаютъ возраженіе, что всякій проектъ всеобщаго улучшенія котэджей, всякая мѣра, которая доставитъ бѣднымъ возможность имѣть нѣсколько коровъ, тѣмъ самымъ позволитъ имъ воспитывать большее число дѣтей; поэтому, такой проектъ окажетъ поощреніе народонаселенію наперекоръ защищаемымъ нами принципамъ.

Но если мнѣ удалось разъяснить моимъ читателямъ главную цѣль этого сочиненія, то имъ нетрудно будетъ понять, что когда я предостерегаю не раждать бо̀льшаго количества дѣтей, чѣмъ какое можетъ быть воспитано страной, то я имѣю въ виду именно чтобы воспитаны были всѣ раждающіяся. По самой сущности вещей, всякое вспомоществованіе бѣдныхъ неизбѣжно даетъ имъ возможность сохранить лучше своихъ дѣтей и большее число ихъ довести до зрѣлаго возраста. Но это то именно и желательно болѣе всего, какъ для общества, такъ и для отдѣльныхъ людей. Потеря каждаго ребенка, вызванная нуждой, сопровождается большими страданіями для людей, а съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, каждый ребенокъ, умирающій ранѣе десятилѣтняго возраста, причиняетъ потерю всего потребленнаго имъ продовольствія. Поэтому, главная цѣль наша должна состоять во всякомъ случаѣ въ уменьшеніи смертности въ каждомъ возрастѣ. Достиженіе ея невозможно безъ увеличенія числа населенія, ибо большее, противъ прежняго, число людей будетъ достигать зрѣлыхъ лѣтъ. Но это не породитъ никакого неудобства, если намъ удастся глубоко внушить нараждающемуся поколѣнію такого рода правило: если оно желаетъ воспользоваться тѣми же удобствами, которыми пользовались его родители, то само оно должно отложить эпоху своего вступленія въ бракъ до той поры, пока не пріобрѣтетъ законной надежды на средства для прокормленія семьи. Но если намъ не удастся достигнуть этого, то мы должны откровенно сознаться, что всѣ прочія усилія наши для достиженія этой цѣли, будутъ совершенно безплодны. По законамъ природы, общее и непрерывное улучшеніе въ положеніи

бѣдныхъ невозможно, если предупредительныя препятствія для размноженія населенія не пріобрѣтутъ бо̀льшую, противъ прежняго, силу. Если дѣйствіе этого препятствія ослабѣетъ, всѣ великодушныя наши усилія въ пользу бѣдныхъ доставятъ имъ только частное и временное облегченіе. За уменьшеніе смертности въ настоящую минуту мы заплотимъ увеличеніемъ смертности въ будущемъ. Улучшеніе положенія бѣдныхъ въ одной мѣстности будетъ сопровождаться соотвѣтствующимъ ему ухудшеніемъ въ другой. Истина эта такъ важна и такъ мало понимается, что на нее слѣдуетъ указывать какъ можно чаще.

Докторъ Палей, въ той главѣ своей *Нравственной философіи*, въ которой онъ говоритъ о народонаселеніи и продовольствіи, замѣчаетъ, что самое благопріятное условіе для размноженія населенія страны и для увеличенія его счастія состоитъ въ томъ, «чтобы бережливый и трудолюбивый народъ занимался удовлетвореніемъ требованій народа богатаго и пристрастнаго къ роскоши *.» Такое положеніе народа, должно согласиться, не имѣетъ ничего привлекательнаго. Если и допустить его, то принудить къ нему можетъ только безусловная необходимость. Такое явленіе, какъ десять мильоновъ людей, принужденныхъ къ безустанному труду и къ лишенію всего, что̀ переходитъ за предѣлы крайне необходимаго, ради доставленія мильону другихъ людей всѣхъ излишествъ роскоши, было бы весьма печальнымъ воззрѣніемъ на совершенствованіе, какого можетъ достигнуть человѣческое общество. Къ счастію, оно и не составляетъ его назначенія. Нѣтъ

* Т. II, стр. 359. Одинъ параграфъ *Естественной теологіи*, обнародованной позже тѣмъ же писателемъ, даетъ мнѣ поводъ думать, что послѣдующія размышленія побудили его измѣнить свои первыя мысли о народонаселеніи. Онъ замѣчаетъ въ немъ (стр. 539) весьма основательно, что родъ человѣческій размножается всюду, пока онъ не достигнетъ до извѣстной степени нужды. Но если только принять такое положеніе, то самая счастливая страна есть та, въ которой менѣе всего чувствуется эта нужда, Если, стало быть, роскошь, распространяясь и ускоряя дѣйствіе препятствія, вызываетъ нѣкоторое уменьшеніе нужды, то съ этой точки зрѣнія она оказывается полезной. Прим. автора.

никакой необходимости, чтобы богатый предавался чрезмѣрной роскоши ради поощренія фабрикъ, и чтобы бѣдный отказывался отъ всякаго излишества ради поддержанія народонаселенія. Самыя полезныя во всѣхъ отношеніяхъ фабрики суть тѣ, которыя приготовляютъ издѣлія для всей массы народа. Тѣ же изъ нихъ, которыя работаютъ для богатыхъ, нетолько имѣютъ меньшее значеніе по ограниченному количеству требованій, но соединены еще съ тѣмъ неудобствомъ, что часто причиняютъ большія бѣдствія измѣнчивостью управляющей ихъ моды. Не чрезмѣрная роскошь небольшаго числа людей, но умѣренная роскошь между всѣми классами общества составляетъ богатство и благоденствіе народа. Что̀ принимаетъ докторъ Палей за настоящее зло, пораждаемое роскошью, за дѣйствительную опасность, которою грозитъ она, то именно я считаю за доставляемое ею добро и за особенныя, связанныя съ нею выгоды. Если согласиться, что населеніе каждаго общества, ненаходящагося въ положеніи новой колоніи, необходимо должно сдерживаться какимъ нибудь могущественнымъ препятствіемъ; если, съ другой стороны, принять, согласно съ наблюденіемъ, что стремленіе къ довольству и къ удобствамъ жизни отвращаетъ многихъ людей отъ супружества опасеніемъ лишиться тѣхъ благъ, которыми они пользуются, то не подлежитъ сомнѣнію, что нѣтъ препятствія, удерживающаго отъ брака и менѣе предосудительнаго для счастія и добродѣтели, какъ повсемѣстное распространеніе этого стремленія. А потому, весьма желательно, чтобы вышеозначенная роскошь сдѣлалась всеобщей; это лучшее средство для ограниченія тѣхъ бѣдствій и бѣдности, о которыхъ рѣчь шла въ предъидущей главѣ.

Вообще принимается, что среднее положеніе въ обществѣ болѣе всего благопріятно для добродѣтели, для труда и для развитія всякаго рода дарованій. Но очевидно, всѣ люди не могутъ принадлежать къ среднимъ классамъ. Высшіе и низшіе слои неизбѣжны, и, къ тому же, весьма полезны. Если отнять у человѣка надежду на возвышеніе и опасеніе пониженія, если за трудолюбіемъ не слѣдовало бы вознагражденія, а за лѣностью наказанія, то не было бы той дѣятель-

ности, того усердія, которыя побуждаютъ каждаго человѣка къ улучшенію своего положенія и которыя представляются главнымъ двигателемъ общественнаго благосостоянія. Но, бросивъ взглядъ на различныя европейскія государства, мы найдемъ значительное различіе въ относительной многочисленности высшихъ, среднихъ и низшихъ классовъ общества. А если судить по послѣдствіямъ, вызываемымъ этимъ различіемъ, то мы увидимъ, что благосостояніе ихъ увеличивается съ умноженіемъ средняго класса. Еслибы низшіе классы получили привычку соразмѣрять количество предлагаемаго ими труда съ требованіями на него въ то время, какъ заработная плата остается неподвижной или даже падаетъ, не вызывая увеличенія нищеты и смертности, какъ это происходитъ теперь, то можно было бы надѣяться, что когда нибудь въ будущемъ, средства, послужившія къ сбереженію труда и уже сдѣлавшія такіе необыкновенные успѣхи, могли бы удовлетворить всѣмъ потребностямъ самаго благоденствующаго общества при меньшихъ усиліяхъ личнаго труда, чѣмъ какія требуются въ настоящее время для достиженія той же цѣли; и если работникъ не будетъ и тогда освобожденъ вполнѣ отъ тяжкаго труда, который онъ несетъ теперь, то по крайней мѣрѣ число людей, обремененныхъ имъ, будетъ меньше. Еслибы низшіе классы замѣщались въ такомъ случаѣ среднимъ классомъ, то каждый работникъ имѣлъ бы право надѣяться на улучшеніе своего положенія собственными силами и прилежаніемъ. Трудолюбіе и добродѣтель чаще получали бы вознагражденіе. Въ великой общественной лотереѣ было бы больше выигрышей и меньше пустыхъ билетовъ. Однимъ словомъ, вся сумма счастія очевидно увеличилась бы.

Какъ бы то ни было, чтобы надежды эти не разлетѣлись прахомъ, чтобы бѣдствія, обыкновенно сопровождающія неподвижное или уменьшающееся требованіе на трудъ, не погубили ихъ, для этого необходимо, чтобы бѣдный обладалъ благоразуміемъ, которое удерживало бы его отъ несчастнаго вступленія въ бракъ, пока заработная плата, вмѣстѣ съ его сбереженіями, не дастъ ему возможности содержать, безъ постороннихъ пособій, жену и шестерыхъ дѣтей. Такое благо-

разуміе было бы во всѣхъ отношеніяхъ благотворно, и самымъ поразительнымъ образомъ улучшило бы участь низшихъ классовъ народа.

На это, быть можетъ, возразятъ мнѣ, что все это благоразуміе можетъ оказаться безполезнымъ, ибо человѣкъ, вступающій въ бракъ, не можетъ предвидѣть, сколько у него будетъ дѣтей, и не будетъ ли ихъ больше шести. Это совершенно справедливо. Въ такомъ случаѣ, я полагаю, что не было бы особеннаго неудобства выдавать пособіе на каждаго ребенка сверхъ этого числа: не ради вознагражденія человѣка за многочисленное семейство, а ради облегченія его бремени, которое мы не имѣемъ права требовать, чтобы онъ предвидѣлъ, вступая въ супружество. Поэтому, и пособіе должно быть таково, чтобы поставить его именно въ положеніе человѣка, имѣющаго шесть человѣкъ дѣтей. Монтескье говоритъ противъ указа Людовика XIV, предоставлявшаго нѣкоторыя льготы тому, у кого будетъ десять или двѣнадцать человѣкъ дѣтей, на томъ основаніи, что подобные законы кажутся ему безсильными для поощренія народонаселенія *. Но по моему мнѣнію, именно потому то они и не могутъ причинить вреда. Не подлежитъ сомнѣнію, что законъ этотъ оказалъ пособіе многимъ людямъ, заслуживавшимъ поддержки, но онъ, повидимому, никакимъ образомъ не могъ поощрить браки.

Если въ отдаленномъ будущемъ бѣдный будетъ серьезно смотрѣть на вступленіе въ бракъ, что̀ оказывается единственнымъ средствомъ для повсемѣстнаго и непрерывнаго улучшенія его участи, то я не думаю, чтобы нашелся хоть одинъ такой ограниченный политикъ, котораго смутила бы мысль, что при высокой заработной платѣ соперники наши будутъ производить дешевле насъ, и могутъ вытѣснить насъ изъ иностранныхъ рынковъ. Четыре обстоятельства предупредили бы или уравновѣсили такое неудобство: 1) болѣе низкая и болѣе справедливая цѣна продовольствія, такъ какъ спросъ на него рѣже превышалъ бы предложеніе; 2) уничтоженіе

---

* *Esprit des lois*, кн. XXIII, гл. XXVII.

налога въ пользу бѣдныхъ *, которое освободило бы земледѣліе отъ тяжкаго бремени и унесло бы даровую прибавку къ заработной платѣ; 3) общество сберегло бы громадныя суммы, совершенно безполезно расходуемыя на дѣтей, умирающихъ преждевременной смертью отъ бѣдности; 4) наконецъ, всеобщее распространеніе привычки къ труду и къ бережливости, въ особенности между холостыми людьми, предупредило бы лѣность, пьянство и мотовство, которыя, въ настоящее время, нерѣдко вызываются высокой заработной платой **.

---

* Это условіе свойственно одной только Англіи; но во всѣхъ странахъ существуютъ учрежденія, оказывающія болѣе или менѣе такое же дѣйствіе, какъ налогъ въ пользу бѣдныхъ. Гарнье.

* Но и допустивъ благотворное дѣйствіе самообузданія, все еще остается въ этомъ отношеніи серьезное затрудненіе. Что станетъ со всѣми выгодами, доставляемыми благоразуміемъ въ дѣлѣ заключенія браковъ, если страна будетъ наводняться новыми толпами иностранныхъ работниковъ? Мальтусъ объявляетъ свободу выселеній; но Дестютъ-Траси полагаетъ, что слѣдуетъ соотвѣтственно ограничить свободу вселеній. Это опять таки показываетъ, что всѣ народы солидарны между собой, и что выгода ихъ состоитъ во взаимномъ просвѣщеніи другъ друга. Онъ говоритъ: «Что касается до вселеній, я не имѣю ихъ въ виду. Они всегда безполезны и даже вредны, если только дѣло нейдетъ о людяхъ, приносящихъ съ собою новыя познанія, а не свои личности; къ тому же, такихъ людей никогда не бываетъ много. Не нарушая справедливости, можно запретить *вселеніе*, но объ этомъ то правительства менѣе всего задумывались. Впрочемъ, они еще рѣже высказывали доводы и въ пользу ихъ.» *Traité d'Économie politique*, 1825, стр. 211. Задача эта рѣшится, когда нравственное обузданіе станетъ всеобщею добродѣтелью. Гарнье.

Я нарочно вставилъ это примѣчаніе французскаго сенатора и политико-эконома, такъ какъ оно въ высшей степени характеристично, и показываетъ, куда вообще можетъ направиться логическая мысль, разъ выступившая изъ принциповъ закона народонаселенія, какъ его понимаетъ мальтусова школа. Поборники безусловной свободы вездѣ и во всемъ, тотчасъ останавливаются, какъ только коснется свободы человѣка къ размноженію и перемѣщенію. Рус. перев.

ГЛАВА XIV. — О надеждахъ, какія мы имѣемъ право питать относительно улучшенія общественнаго устройства.

Если мы бросимъ послѣдній общій взглядъ на будущее, желая узнать, какого рода надежды можемъ мы питать относительно уменьшенія страданій, порождаемыхъ закономъ народонаселенія, то намъ представится прежде всего слѣдующее соображеніе: Хотя размноженіе населенія въ геометрической прогрессіи есть законъ несомнѣнный, хотя періодъ удвоенія, обусловливаемый такимъ размноженіемъ въ случаѣ, если ничто не препятствуетъ ему, принятъ въ этомъ сочиненіи весьма умѣренный, тѣмъ неменѣе, слѣдуетъ замѣтить, что приращеніе населенія останавливается успѣхами цивилизаціи. Число городовъ и фабрикъ возрастаетъ, а трудно предположить, чтобы представляемыя ими условія когда либо измѣнились. Разумѣется, мы обязаны, насколько это зависитъ отъ насъ, стараться, чтобы они не сокращали продолжительности жизни, но все же мы не въ состояніи достигнуть, чтобы пребываніе въ нихъ и работы были такъ же здоровы, какъ жизнь въ деревняхъ и сельскія занятія. Поэтому, условія эти, дѣйствуя, какъ силы разрушительныя, тѣмъ самымъ нѣсколько уменьшаютъ необходимость препятствій, предупреждающихъ размноженіе населенія.

Въ старыхъ государствахъ значительное число людей, достигшихъ зрѣлаго возраста, проводитъ нѣсколько лѣтъ внѣ брачной жизни. Обязанность вести впродолженіи этого времени нравственную жизнь никогда не подлежала сомнѣнію, хотя на практикѣ она часто отстранялась. Въ настоящемъ сочиненіи я едва коснулся обязанности, которую я назвалъ нравственнымъ обузданіемъ, и на соблюденіи которой я неуклонно настаивалъ. Въ этомъ отношеніи основанія ея тѣ же, какія были и въ прежнія времена. Я ничего не прибавилъ къ ней, и ничѣмъ ея не ослабилъ. Но, зная, какъ неудовлетворительно исполнялась она до сихъ поръ, съ моей стороны было бы безуміемъ надѣяться, чтобы послѣдовало въ этомъ отношеніи какое нибудь серьезное улучшеніе.

Часть обязанностей, налагаемыхъ самообузданіемъ, на которой остановлено было главнымъ образомъ наше вниманіе, вовсе не касалась нашего поведенія во время внѣбрачной жизни; мы разбирали эту часть нашихъ обязанностей только относительно продолжительности внѣбрачной жизни, и настаивали, что послѣдняя должна длиться до той поры, пока мы не будемъ въ состояніи содержать свою семью. Насъ не назовутъ мечтателями, если мы выскажемъ надежду на нѣкоторое измѣненіе въ этомъ отношеніи человѣческаго общества; ибо опытъ показываетъ, что благоразуміе, рекомендуемое нами подъ именемъ самообузданія, болѣе или менѣе соблюдалось въ различныхъ странахъ, и измѣнялось, смотря по времени и обстоятельствамъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Европѣ, въ особенности въ сѣверныхъ государствахъ, произошла въ этомъ отношеніи значительная перемѣна со времени прекращенія въ нихъ выселеній, воинственныхъ привычекъ и поддерживавшаго ихъ духа предпріимчивости. Постепенное ослабленіе, можно сказать даже, совершенное уничтоженіе чумы, такъ часто посѣщавшей Европу впродолженіи семнадцатаго и до самаго восемнадцатаго вѣка, произвело такую же перемѣну. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Англіи отношеніе вступающихъ въ бракъ ко всему населенію уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ улучшились города; эпидеміи сдѣлались рѣже и всюду распространилось стремленіе къ порядочности. Во время послѣднихъ неурожаевъ, испытанныхъ страной въ 1800 и 1801, заключалось, повидимому, менѣе браковъ: тѣ же побудительныя причины, которыя удерживали многихъ людей отъ супружества въ эту эпоху, могутъ обнаружить свое дѣйствіе и въ будущемъ періодѣ, если, по случаю введенія оспопрививанія, число людей, достигающихъ зрѣлаго возраста, возрастетъ до того, что переполнитъ всѣ требованія, понизитъ заработную плату и затруднитъ содержаніе семейства.

Говоря вообще, поведеніе людей относительно вступленія въ бракъ всегда стояло выше ихъ теорій. Хотя много говорилось въ защиту мнимой обязанности жениться, хотя обычаю заводиться семьей въ раннемъ возрастѣ часто придавали

важное значеніе для предупрежденія порока, и потому, считали его весьма полезнымъ, тѣмъ неменѣе, когда дѣло касалось до практическаго его примѣненія, то каждый человѣкъ считалъ необходимымъ хорошенько подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ, будетъ ли онъ имѣтъ средства прокормить и содержать будущее свое семейство.

Жизненная сила *, одушевляющая и поддерживающая въ здоровомъ состояніи весь общественный организмъ, то есть, желаніе улучшить свою судьбу и опасеніе ухудшить ее, постоянно направляла человѣка по пути, указываемому ему природой, наперекоръ пустымъ разглагольствованіямъ, стремившимся сбить его съ дороги. Это могущественное начало политической силы и здоровья, которое есть ничто иное, какъ непобѣдимое ощущеніе естественныхъ законовъ и предчувствіе послѣдствій ихъ нарушенія, имѣло огромное вліяніе во всей Европѣ на усиленіе побужденій, противупоставляемыхъ браку благоразуміемъ. Мы имѣемъ право предположить, что вліяніе это не перестанетъ возрастать и распространяться. Если оно дѣйствительно станетъ возрастать, не усиливая пороковъ, нарушающихъ цѣломудріе, то оно должно увеличить всеобщее счастіе. Что же касается до опасенія, чтобы не усилились эти пороки, то мы можемъ по крайней мѣрѣ утѣшать себя мыслью, что европейскія страны, отличающіяся наименьшимъ числомъ браковъ, вовсе не отличаются въ то же самое время большею порочностью. Въ Норвегіи, Швей-

* Авторъ употребляетъ латинское выраженіе *vis medicatrix reipublicae*. — «Въ сложныхъ машинахъ, говоритъ Дугальдъ Стевартъ, съ которыми такъ часто сравниваютъ общественный организмъ, всѣ части подчинены физическимъ законамъ, а потому, ошибки, сдѣланныя строителемъ, непремѣнно должны обнаружиться въ окончательномъ результатѣ ихъ дѣйствія. Въ политическомъ организмѣ, какъ въ животномъ тѣлѣ, пока длится состояніе общей крѣпости и здоровья, тоже существуетъ особенная самоврачебная сила *(vis medicatrix)*, которой достаточно для излеченія частныхъ болѣзней. Въ той и другой ошибки въ постройкѣ нерѣдко исправляются или замаскировываются мудростью природы.» *Elém. de phil. de l'esprit humain*, т. I, стр. 369.
Фран. перев.

царіи, Англіи и Шотландіи предупредительныя препятствія, повидимому, дѣйствуютъ съ особенной силой. Я не буду настаивать на добродѣтельныхъ нравахъ, господствующихъ въ этихъ странахъ. Но я не думаю, чтобы кто нибудь привелъ ихъ въ примѣръ чрезвычайной испорченности. На основаніи моихъ немногочисленныхъ свѣдѣній о материкѣ, я готовъ скорѣе утверждать противное, и предположить, что женщины, быть можетъ, уважаютъ себя въ этихъ странахъ болѣе, а потому, и мужчины въ нихъ менѣе порочны. Опытъ, повидимому, показываетъ намъ, что физическія и нравственныя причины уравниваютъ пагубное дѣйствіе, которое мы естественно готовы ожидать отъ препятствій, противупоставляемыхъ браку благоразуміемъ. Но допустимъ существованіе такого пагубнаго дѣйствія, какъ вѣроятно это и есть на самомъ дѣлѣ, все же я повторяю, что уменьшеніе пороковъ, порождаемыхъ бѣдностью, будетъ достаточнымъ вознагражденіемъ за зло, которое мы имѣли право предвидѣть: въ такомъ случаѣ, выгоды, доставляемыя меньшею смертностью и бо̀льшимъ повсемѣстнымъ довольствомъ, (неизбѣжнымъ слѣдствіемъ возрастающаго дѣйствія предупредительныхъ препятствій) будетъ чистымъ пріобрѣтеніемъ для счастія и добродѣтели.

Цѣль настоящаго сочиненія состоитъ нестолько въ предложеніи проектовъ улучшенія, сколько въ указаніи необходимости довольствоваться способомъ улучшенія, предписываемымъ намъ природой, и не противудѣйствовать успѣхамъ, которые онъ долженъ вызвать, если ничто не будетъ препятствовать его дѣйствію.

Безъ сомнѣнія, было бы въ высшей степени полезно, чтобы всѣ наши учрежденія и образъ нашихъ дѣйствій относительно бѣдныхъ подкрѣпляли тѣ уроки благоразумія, которые всякому изъ насъ преподаются естественнымъ порядкомъ вещей. Поэтому, если, съ одной стороны, мы принимаемъ на себя обязанность облегчать страданія, посылаемыя жизнью за неблагоразуміе, то, для равновѣсія, намъ слѣдовало бы, съ другой стороны, содѣйствовать награжденію тѣхъ, поведеніе которыхъ основывается на благоразуміи. Въ этомъ от-

ношеніи уже важное значеніе имѣло бы постепенное измѣненіе учрежденій, прямо поощряющихъ браки, и прекращеніе распространенія и укрѣпленія ученій, прямо противурѣчащихъ урокамъ жизни.

Небольшая польза, какую мы можемъ принести, часто пропадаетъ, вслѣдствіе честолюбивыхъ желаній оказать бо̀льшую, и вслѣдствіе нашего пристрастія къ какой нибудь мѣрѣ, которую мы считаемъ необходимой для достиженія даже частнаго успѣха. Я льщу себя надеждой, что въ практическомъ примѣненіи разсужденій, заключающихся въ этомъ сочиненіи, мнѣ удалось избѣжать такой ошибки. Я долженъ напомнить въ настоящемъ случаѣ, что хотя я представилъ старые факты съ новой точки зрѣнія, хотя я и высказалъ нѣсколько надеждъ на *возможное* улучшеніе, но я строго воздерживался отъ *вѣроятнаго* улучшенія и средствъ для его достиженія. Въ Англіи уже часто предлагалась постепенная отмѣна законодательства о бѣдныхъ, по причинѣ вызываемыхъ имъ бѣдствій и боязни невыносимо обременить имъ поземельныхъ собственниковъ. Мысль объ учрежденіи народнаго воспитанія не есть нѣчто новое. Въ Шотландіи давно уже познакомились съ благодѣтельными послѣдствіями заботливаго воспитанія. Всѣ, знакомые съ дѣломъ, единодушно утверждаютъ, что воспитаніе есть великое средство для предупрежденія преступленій, для распространенія трудолюбія, для исправленія нравовъ и для пріученія людей къ благоразумному и порядочному поведенію *. Вотъ единственныя мѣры, на кото-

* Говардъ нашелъ меньше заключенныхъ въ тюрьмахъ Шотландіи и Швейцаріи, чѣмъ гдѣ либо, и объясняетъ это явленіе лучшимъ воспитаніемъ въ этихъ странахъ. За все время продолжительной судейской карьеры въ Боустритѣ покойнаго Фильдинга, въ камеру суда представлено было всего шесть шотландцевъ. Онъ часто говорилъ, что бо́льшую часть обвиненныхъ составляли ирландцы. См. предисловіе къ *Отчету общества для улучшенія участи бѣдныхъ*, стр. 32.
Прим. автора.

Нѣкоторые публицисты доказывали противное: были даже приведены цифры съ этою цѣлью; но нетрудно разоблачить подобные софизмы. Въ особенности отрицались благія послѣдствія *ученія*, безъ котораго воспитаніе могло быть только крайне грубымъ. Если уче-

рыя я рѣшился указать. Я полагаю, что еслибы онѣ приняты были въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ предложены мною, то онѣ принесли бы бѣднымъ много пользы. Но если бы даже и ничего подобнаго не было сдѣлано, то я все же надѣюсь на нѣкоторыя, хотя и частныя улучшенія, вслѣдствіе простаго распространенія общихъ истинъ по этому вопросу.

Если защищаемые мною принципы ошибочны, то я желаю отъ всей души, чтобы они были рѣшительно опровергнуты; но если они вѣрны, то, по огромному значенію ихъ для благоденствія человѣческихъ обществъ, невозможно, чтобы они когда нибудь не пробились на свѣтъ, и не разлились всюду, встрѣтятъ ли они или не встрѣтятъ содѣйствіе для своего распространенія.

Что касается до вліянія ихъ на высшіе и средніе классы, то я надѣюсь, они направятъ по вѣрнѣйшему пути ихъ усилія къ облегченію положенія бѣднаго, и укажутъ имъ, что̀ они въ состояніи сдѣлать въ этомъ отношеніи, и что̀ находится внѣ ихъ власти; они убѣдятъ ихъ, что можно сдѣлать много добра распространеніемъ здравыхъ понятій и прочнаго образованія, поощреніемъ и вызовомъ привычекъ къ опрятности, случайнымъ и разборчивымъ вспомоществованіемъ, словомъ, всѣми благотворительными мѣрами, поддерживающими предупредительныя препятствія; но безъ этого послѣдняго условія, всякая польза, на какую они надѣются, будетъ мечтательна, а всѣ ихъ усилія окажутся безплодными. Воображать, что въ государствѣ старомъ и густонаселенномъ можно оказать бѣднымъ такое пособіе, чтобы они могли вступать въ бракъ, когда имъ вздумается, и воспитывать многочисленное семейство, есть дѣло физически невозможное. Знакомство съ этими истинами удержитъ богатыхъ людей отъ разрушенія благодѣтельныхъ результатовъ соб-

---

ніе имѣетъ цѣлью нетолько научить человѣка читать, писать и считать, но и ознакомить его съ нравственными принципами, съ орудіями производства и съ естественными законами, то весьма трудно взвалить на него вообще стремленіе къ преступленіямъ, направленнымъ противъ личности и собственности. Гарнье.

ственныхъ усилій и отъ направленія своей дѣятельности къ безусловно недоступной цѣли: а потому, оно сосредоточитъ все ихъ вниманіе на предметахъ, согласныхъ съ ихъ благими желаніями, и дастъ имъ возможность принести больше пользы.

Всеобщее распространеніе тѣхъ же истинъ между бѣдными окажетъ еще болѣе благотворное вліяніе. *Главная и непрерывная причина бѣдности мало или вовсе не зависитъ отъ образа правленія, или отъ неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ;—богатые не въ силахъ, доставить бѣднымъ работу и пропитаніе;—поэтому, бѣдные,* по самой сущности вещей, *не имѣютъ права требовать отъ нихъ работы и пропитанія:* вотъ какія важныя истины вытекаютъ изъ закона народонаселенія. Ясно изложенный законъ этотъ доступенъ самому слабому пониманію. Но очевидно, что между низшими классами народа всякій, разъ убѣдившійся въ этихъ истинахъ, выказалъ бы больше терпѣнія въ перенесеніи тягостнаго положенія, въ которомъ онъ можетъ очутиться. Бѣдность не вызывала бы въ немъ такого негодованія и злобы противъ правительства и высшихъ классовъ. Мы не встѣчали бы въ немъ постоянную готовность къ неповиновенію и мятежу. Въ случаѣ вспомоществованія, со стороны ли общественнаго учрежденія, или со стороны частной благотворительности, онъ чувствовалъ бы больше признательности и лучше цѣнилъ бы его.

Если эти истины всюду распространятся, на что̀, со временемъ, мы можемъ надѣяться, то низшіе классы народа, взятые во всей ихъ совокупности, станутъ болѣе миролюбивы и послушны; они не такъ легко готовы будутъ на возмущеніе въ случаѣ недостатка хлѣба; ихъ труднѣе будетъ волновать соблазнительными и поджигательными книженками, ибо они понимали бы, какъ мало зависитъ отъ революціи заработная плата и средства для содержанія семьи. Простое ознакомленіе съ этими истинами, хотя бы онѣ и не имѣли настолько сильнаго вліянія, чтобы произвесть между бѣдными значительной перемѣны относительно привычки ихъ рано вступать въ супружество, можетъ оказать нѣсколько

благотворныхъ послѣдствій и въ политическомъ отношеніи. Однимъ изъ нихъ, наиболѣе полезнымъ, будетъ то обстоятельство, что средніе и высшіе классы получатъ возможность постепенно улучшать правительство *, не боясь болѣе тѣхъ революціонныхъ насилій, опасеніе которыхъ грозитъ въ настоящее время лишить Европу даже той части свободы, которая по опыту оказалась возможной, и которая уже давно оказываетъ свое благотворное дѣйствіе.

Бросивъ взглядъ на положеніе общества въ предшествовавшую намъ эпоху, я смѣло рѣшаюсь сказать, что *бѣдствія, причиняемыя закономъ народонаселенія, скорѣе уменьшились, чѣмъ увеличились, хотя причина ихъ и не была извѣстна.* Если, стало быть, мы предаемся надеждѣ на разсѣяніе этого невѣдѣнія, то мы имѣемъ право ожидать, что и бѣдствія тоже станутъ все болѣе и болѣе уменьшаться. Увеличеніе населенія, которое вызвано будетъ улучшеніемъ общественнаго быта, не можетъ имѣть большаго вліянія на дальнѣйшее его размноженіе, ибо вліяніе это измѣряется отношеніемъ между населеніемъ и средствами существованія, а отнюдь не безусловною численностью людей. Мы имѣли уже случай замѣтить въ первой части этого сочиненія, что *нерѣдко менѣе всего населенныя страны оказываются болѣе всего обремененными населеніемъ, и болѣе всего страдаютъ отъ закона народонаселенія.* Въ высшей степени вѣроятно, что впродолженіи послѣдняго столѣтія Европа менѣе испытала голодныхъ годовъ и болѣзней, вызываемыхъ нищетой и нуждой, чѣмъ сколько испытала ихъ въ предшествующіе вѣка.

Вообще же, если будущее не представляется намъ въ та-

---

* Я не могу повѣрить, чтобы отстраненіе несправедливыхъ жалобъ на существующее правительство могло сдѣлать народъ равнодушнымъ къ тѣмъ выгодамъ, кокорыя онъ имѣетъ право требовать. Благодѣянія, доставляемыя свободой, слишкомъ велики, чтобы они нуждались въ подкрашиваніи ихъ поддѣльными прикрасами. Мнѣ грустно было бы думать, что только лживыми обѣщаніями можно возбудить народъ къ защитѣ своихъ правъ, ибо лекарство оказалось бы въ такомъ случаѣ болѣе невыносимымъ, чѣмъ сами страданія, отъ которыхъ оно должно избавить. Прим. автора.

комъ розовомъ цвѣтѣ, въ какомъ намъ желалось бы видѣть его, все же оно не до такой степени печально и отчаянно, и я не думаю, чтобы оно отнимало у насъ всякую надежду на нѣкоторыя медленныя и постепенныя улучшенія; надежду благоразумную, какою она и представлялась намъ до послѣдней эпохи, когда, вслѣдствіе неосновательныхъ преувеличеній, стали представлять ее въ мрачномъ цвѣтѣ. Законамъ, установившимъ право собственности и все, что имѣетъ отношеніе къ супружеству, принципу эгоизма, съ виду столь узкому, обязаны мы стремленіемъ каждаго человѣка къ улучшенію своего положенія, всѣми благородными успѣхами человѣческой мысли, всѣмъ, что отличаетъ цивилизованную жизнь отъ дикаго состоянія. Точное изслѣдованіе закона народонаселенія приводитъ насъ къ тому заключенію, что мы никогда не будемъ въ состояніи избѣгнуть ступеней, которыми мы достигли до такого высокаго положенія; но оно вовсе не подтверждаетъ, чтобы тѣ же самыя средства не подняли насъ еще выше. По всей вѣроятности, общія черты общественнаго зданія останутся неизмѣнны. Мы имѣемъ полное право думать, что всегда будетъ существовать классъ поземельныхъ собственниковъ и классъ работниковъ. Но положеніе каждаго изъ нихъ и отношеніе одного къ другому можетъ быть измѣнено такимъ образомъ, чтобы увеличить гармонію и красоту цѣлаго. Безъ всякаго сомнѣнія, было бы грустно, еслибы, въ то время, какъ науки физическія съ каждымъ днемъ все шире раздвигаютъ свои границы, область нравственной и политической философіи все съуживалась бы, и удержала бы только слабое вліяніе, неспособное на борьбу съ препятствіями, порождаемыми однимъ только условіемъ, враждебнымъ для счастія человѣческаго рода. Какъ бы велики ни были эти препятствія, дѣйствіе которыхъ я вовсе не старался скрыть, тѣмъ неменѣе, смѣю думать, что результатъ нашихъ изслѣдованій не оставляетъ насъ безъ надежды на нѣкоторое улучшеніе. Частное добро, котораго мы можемъ достигнуть, достойно нашихъ усилій; его достаточно для нашего одушевленія и для полезнѣйшаго направленія нашей дѣятельности. Мы не должны, правда, обольщать себя на-

деждой, что счастіе и добродѣтель пойдутъ такими же быстрыми шагами, какъ тѣ науки, успѣхи которыхъ слѣдуютъ непрерывно и составляютъ гордость нашего времени. Но если мы не отклонимся отъ пути истины, то можемъ быть вполнѣ увѣрены, что успѣхи этихъ наукъ прольютъ свой свѣтъ, и окажутъ содѣйствіе тому улучшенію, которое составляетъ предметъ нашихъ желаній.

КНИГА ПЯТАЯ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ ВОЗРАЖЕНІЙ И КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ЭТОГО СОЧИНЕНІЯ.

ГЛАВА I. — Ученіе, изложенное въ этомъ сочиненіи, не противурѣчитъ законамъ природы; оно имѣетъ въ виду вызвать здоровое и крѣпкое населеніе, и такое его размноженіе, которое не влекло бы за собой порока и нищеты.

Въ предисловіи ко второму изданію этого *Опыта* я выразилъ надежду, что подробности, въ которыя я вошелъ, вызовутъ возраженія, которыя должны будутъ повести къ полезному разъясненію предмета. Но хотя сочиненіе и обратило на себя общественное вниманіе, все же печатно мало нападали на него, а бо̀льшая часть сдѣланныхъ нападеній отличается нестолько опроверженіями, сколько пустыми разглагольствованіями и оскорбленіями, незаслуживающими отвѣта. Поэтому, я намѣренъ въ настоящемъ случаѣ указать на возраженія, которыя были сдѣланы мнѣ въ частной бесѣдѣ. Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы исправить ошибочное пониманіе нѣкоторыми людьми сущности моихъ мнѣній, и попросить людей, неимѣющихъ времени прочитать все сочиненіе, просмотрѣть по крайней мѣрѣ настоящее краткое извлеченіе изъ него, если они желаютъ судить обо мнѣ по моимъ собственнымъ чувствамъ, а не по тѣмъ, которыя приписываютъ мнѣ.

Первое важное возраженіе, приводимое противъ моихъ принциповъ, состоитъ въ томъ, что они противурѣчатъ главной заповѣди Творца, повелѣвающей плодиться, размножаться и населять землю. Люди, дѣлающіе мнѣ подобное возраженіе, не читали моего сочиненія, или обратили вниманіе только на нѣкоторыя мѣста въ немъ, опустивъ изъ виду его сущность. Я глубоко убѣжденъ, что человѣкъ обязанъ повиноваться этой заповѣди Творца, и я не думаю, чтобы въ моемъ

сочиненіи нашелся хоть одинъ параграфъ, изъ котораго можно бы было вывести противуположное заключеніе, если прочитать его внимательно и на своемъ мѣстѣ.

Всѣ заповѣди, предписанныя человѣку Творцемъ, подчинены естественнымъ законамъ созданной имъ природы. Здравый смыслъ и религія не позволяютъ намъ надѣяться, чтобы законы эти были измѣнены, ради облегченія исполненія какой нибудь отдѣльной заповѣди. Еслибы, по какому либо чуду, человѣку можно было существовать безъ пищи, то, безъ сомнѣнія, земля заселилась бы въ самый короткій промежутокъ времени. Но какъ мы не имѣемъ права разсчитывать на такое чудо, то, въ качествѣ существъ разумныхъ, мы должны, изъ повиновенія заповѣди Творца, изслѣдовать законы, установленные имъ относительно размноженія породы. Такъ какъ мы знаемъ нетолько изъ разсмотрѣнія этихъ законовъ, но и изъ свидѣтельства нашихъ чувствъ, что человѣкъ не можетъ жить безъ пищи, то если мы вздумаемъ исполнять заповѣдь Творца размножать населеніе, не имѣя средствъ для его прокормленія, то мы поступимъ подобно сѣятелю, разбрасывающему свое сѣмя по дорогамъ, изгородямъ и такимъ мѣстамъ, въ которыхъ мы знаемъ, что расти оно не можетъ. Кто лучше выполнитъ благія намѣреніе Творца: тотъ ли, кто заботливо приготовляетъ землю, и сѣетъ только то, что̀ непремѣнно созрѣетъ, или тотъ, кто расточаетъ зерна, бросая ихъ на невоздѣланную почву?

Смотрѣть на меня, какъ на врага размноженія населенія, значитъ не имѣть никакого понятія о моихъ принципахъ. Враги, съ которыми я борюсь, суть порокъ и нищета. Ради ослабленія дѣйствія этихъ страшныхъ противниковъ, я предлагаю установить между населеніемъ и продовольствіемъ такое отношеніе, которое не вызывало бы борьбы между ними. Къ тому же, отношеніе это находится внѣ зависимости отъ безусловной многочисленности населенія. Оно даже вообще болѣе неблагопріятно въ мало населенныхъ странахъ.

Вопросъ этотъ можетъ быть нѣсколько разъясненъ сравненіемъ. Положимъ, что мы совѣтуемъ фермеру, арендовавше-

му луга, развести на своей землѣ скотъ, и что это будетъ для него самымъ выгоднымъ дѣломъ; всякій согласится, что мы дали ему превосходный совѣтъ. Но если фермеръ, слѣдуя нашему совѣту, увеличитъ количество своего скота до такой степени, что ему нечѣмъ будетъ кормить его, вслѣдствіе чего скотъ его будетъ тощъ и голоденъ, то онъ, разумѣется, ошибется въ своихъ разсчетахъ, и долженъ будетъ винить самого себя. Когда люди совѣтовали ему развести скотъ на своихъ лугахъ, то они очевидно говорили о животныхъ сытыхъ и здоровыхъ, а не о бо̀льшемъ числѣ ихъ, но тощихъ и никому негодныхъ. Они не имѣли въ виду безусловной ихъ численности: снабдить ферму скотомъ значитъ завести такое его количество, которое соотвѣтствовало бы величинѣ фермы и плодородію почвы, которыя бываютъ весьма различны. Фермеръ долженъ стараться, чтобы безусловное количество скота возрастало. Къ этой цѣли должны быть направлены всѣ его усилія. Но нельзя принять за врага размноженія скота человѣка, который станетъ доказывать фермерамъ, что усилія ихъ будутъ безплодны и убыточны, если они начнутъ увеличивать число своихъ животныхъ прежде, чѣмъ приведутъ свои земли въ такое состояніе, чтобы онѣ могли прокормить ихъ.

Мои разсужденія совершенно такого же рода. Я вѣрю, что цѣль Творца состоитъ въ томъ, чтобы земля населилась *, но онъ желаетъ, чтобы она заселилась породой здоровой, добродѣтельной и счастливой, а не больной, порочной и несчастной. Если, подъ предлогомъ повиновенія заповѣди плодиться, и размножаться, мы населимъ землю послѣднею породой, и потому, очутимся среди бѣдствій, которымъ подвергли сами себя добровольно, то мы не имѣемъ никакого права обвинять въ несправедливости божественную заповѣдь, и должны объяснять свои страданія безразсуднымъ исполненіемъ священнаго закона.

Что касается до великаго значенія многочисленнаго и силь-

---

* Я высказалъ мое мнѣніе по этому вопросу въ I гл. IV книги.
Прим. автора.

наго населенія, то я ничѣмъ не отличаюсь отъ самыхъ горячихъ его защитниковъ. Я готовъ согласиться со всѣми древними писателями, что могущество государства должно измѣряться не пространствомъ его территоріи, а численностью его населенія. Я расхожусь съ этими писателями только по вопросу о томъ, какъ получить это населеніе, и населеніе здоровое и крѣпкое. Поддерживаемое мною въ этомъ отношеніи мнѣніе, которымъ я отличаюсь отъ нихъ, кажется мнѣ, вполнѣ подтверждается опытомъ, составляющимъ лучшее испытаніе для всякой теоріи.

Въ самомъ дѣлѣ, относительное число браковъ и рожденій можетъ быть въ странѣ весьма значительно, и въ то же самое время населеніе можетъ вовсе не возрастать въ ней съ особенною быстротой. Напротивъ того, нерѣдко случается, что населеніе такой страны остается неподвижно или крайне медленно увеличивается. Въ такой странѣ населеніе слабо нетолько вслѣдствіе господствующей нищеты, но и потому еще, что относительное число взрослыхъ людей меньше въ ней, чѣмъ во всякой другой странѣ.

Разительный примѣръ этого представляютъ факты, собранные Мюре, и приведенные мной въ главѣ о Швейцаріи. Мы видимъ изъ нихъ, что на одинакое населеніе приходится въ Ліоннэ 16 рожденій, въ Ваатландѣ 11, а въ одномъ альпійскомъ приходѣ всего 8; но для двадцатилѣтняго возраста эти различныя цифры сравниваются *. Въ Ліоннэ почти половина всего населенія не достигаетъ зрѣлаго возраста, въ Ваатландѣ только треть, а въ альпійскомъ приходѣ всего четверть. Очевидно слѣдствіе такого рода фактовъ и огромное значеніе ихъ для общества.

Сила государства зависитъ главнымъ образомъ отъ той части его населенія, которая можетъ уже нести земледѣльческія работы, торговыя занятія и военныя. Но можно доказать, что въ странѣ съ населеніемъ, превышающимъ ея средства существованія, эта существенная часть ея населенія скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается, ибо значительное

---

* См. кн. II гл. V, стр. 328.

количество ея продовольствія расходуется на дѣтей, недостигающихъ зрѣлаго возраста.

Франція славится многочисленнымъ населеніемъ и могуществомъ, и всякому извѣстно, что страна эта всегда отличалась относительно большимъ числомъ рожденій. Но если обратиться къ авторитетамъ, заслуживающимъ наибольшаго довѣрія, то своими преимуществами она обязана вовсе не этому особенному отношенію въ ея населеній, а безусловной величинѣ своего населенія, опредѣляемой ея обширной територіей.

Некеръ говоритъ объ этомъ такимъ образомъ *: «Число раждающихся превышаетъ въ ней число умирающихъ, а изъ этого заключаютъ объ удовлетворительномъ состояніи населенія въ королевствѣ; но не должно упускать изъ виду, что, смотря по своему составу, населеніе можетъ оказывать весьма различное вліяніе на благоденствіе и силу государства.

«Положимъ, что въ странѣ наибольшее число жителей пользуется только самымъ необходимымъ: а между тѣмъ, увлекаемые чувственными удовольствіями, они могутъ имѣть такое же количество дѣтей, какъ еслибы жили въ довольствѣ; но послѣ нѣсколькихъ усилій, сдѣланныхъ въ пользу воспитанія дѣтей, за неимѣніемъ средствъ доставить имъ ни достаточнаго количества пищи, ни хорошаго ухода во время болѣзни, бо̀льшая часть этого поколѣнія не переживетъ трехлѣтняго или четырехлѣтняго возраста, такъ что въ такой странѣ число малолѣтнихъ дѣтей всегда будетъ слишкомъ велико, сравнительно съ количествомъ взрослыхъ или зрѣлыхъ людей. Въ такомъ случаѣ, мильонъ населенія не представитъ ни той силы, ни той способности къ труду, какъ такое же число людей въ странѣ, отличающейся меньшею бѣдностью своего населенія.»

То, что̀ говоритъ Артуръ Юнгъ о низшихъ классахъ народа въ эпоху своего путешествія во Францію, представляетъ тѣ же результаты. На основаніи *Общей и частной статистики Франціи*, изданной въ послѣднее время, населеніе,

* Necker, *De l'dministr. des finances de la France* т. I, гл. IX.

непревышающее двадцатилѣтняго возраста, составляетъ почти $^9/_{20}$. Положимъ, что въ Англіи оно не превышаетъ $^7/_{20}$ *. Въ послѣдней странѣ населеніе въ десять мильоновъ душъ дастъ однимъ мильономъ больше людей, перешедшихъ за двадцатилѣтній возрастъ, чѣмъ можетъ дать такое же количество населенія въ первой странѣ. Еслибы составъ населенія обѣихъ странъ былъ одинаковъ, то слѣдовало бы прибавить къ населенію Англіи полтора мильона, чтобы получить то же число людей, имѣющихъ болѣе двадцати лѣтъ, какимъ она обладаетъ при сдѣланномъ предположеніи. А если прибавить неболѣе мильона, то земледѣльческія, торговыя и военныя силы ея значительно ослабѣли бы. Можно ли за-

* Я вовсе не считаю эти отношенія точными, и привожу ихъ только, какъ примѣры. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о количествѣ населенія по возрастамъ. Я подозрѣваю, что цифры въ *Общей статистикѣ* основаны не на переписи, а отношеніе, приводимое мною для Англіи, основано на одномъ только предположеніи, и очевидно слишкомъ мало. Какъ бы то ни было, но слѣдующее положеніе не подлежитъ сомнѣнію: Если населеніе двухъ странъ возрастаетъ одинаково, по отношенію умирающихъ къ раждающимся, и если въ одной изъ нихъ отношеніе раждающихся и умирающихъ ко всему населенію больше, чѣмъ въ другой, то въ послѣдней, сравнительно, будетъ больше людей, достигшихъ зрѣлаго возраста. Находящихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ достаточно для подтвержденія, что въ Великобританіи, на одно и то же количество населенія, больше людей, годныхъ для работы, чѣмъ во Франціи; но эти данныя недостаточны для опредѣленія размѣровъ этого преимущества. Такъ какъ до революціи населеніе возрастало во Франціи медленнѣе, чѣмъ въ Англіи, то, при равенствѣ всѣхъ условій, въ Англіи должно бы быть большее отношеніе раждающихся ко всему населенію; а между тѣмъ, во Франціи отношеніе это было $^1/_{25}$ или $^1/_{26}$, а въ Англіи всего $^1/_{50}$. (См. кн. II, гл. VIII, стр. 372.

Число способныхъ носить оружіе принимается то за четвертую, то за пятую часть всего населенія. Нетрудно замѣтить, какіе различные выводы должны давать эти колеблющіяся цифры въ приложеніи къ двумъ различнымъ странамъ. При одной, 20 мильонное населеніе дастъ 5 мильоновъ, при другой—всего 4 мильона. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ одномъ случаѣ населеніе будетъ обладать несравненно большею силой, чѣмъ въ другомъ. Вѣроятно, что въ Европѣ различіе въ этомъ отношеніи между двумя странами не превышаетъ различія между $^1/_4$ и $^1/_5$. Прим. автора.

видовать такому порядку вещей съ нравственной и политической точки зрѣнія? А между тѣмъ, такой составъ населенія является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прямаго поощренія браковъ и того униженія, которое вызывается невѣжествомъ и деспотизмомъ.

Быть можетъ, Франція пополняетъ свои арміи легче и съ меньшимъ перерывомъ обычныхъ занятій своего населенія, чѣмъ Англія. Не подлежитъ сомнѣнію, что *бѣдность и недостатокъ работы суть надежнѣйшіе союзники вербовщика*. Тѣмъ немѣе, было бы дѣломъ крайне несправедливымъ держать англійскій народъ въ постоянной нуждѣ, чтобы дешевле нанимать его въ солдаты, и крайнимъ безразсудствомъ подрывать народное богатство и могущество ради такихъ сбереженій.

Не станемъ же гоняться за невозможнымъ. Если мы желаемъ, чтобы нашъ народъ постоянно былъ преданъ земледѣлію или торговлѣ, то нечего ожидать, что мы встрѣтимъ въ немъ много людей незанятыхъ и готовыхъ идти на службу за самое пустое вознагражденіе *. Но пока будетъ находиться въ нашемъ распоряженіи дѣйствительное населеніе, мы можемъ смѣло положиться на него, если только будемъ имѣть достаточное побужденіе для его одушевленія.

Во многихъ мѣстахъ этого *Опыта* я указывалъ на выгоды, страны, получающей необходимое населеніе посредствомъ возможно меньшаго числа рожденій. Я настаивалъ, что главная цѣль моя состоитъ въ уменьшеніи смертности для всѣхъ возрастовъ; а для составленія себѣ понятія о счастіи народа и о достоинствѣ его правительства, вмѣсто того, чтобы опираться, какъ это обыкновенно дѣлается, на относительное число раждающихся, обращать вниманіе на число умирающихъ, недостигающихъ зрѣлаго возраста. Твердо увѣренный, что я никогда не отклонялся отъ этого принципа, я былъ

* Вопросъ этотъ разработанъ съ необыкновенною ясностью въ замѣчаніяхъ лорда Зелькирка о нынѣшнемъ состояніи горной Шотландіи, и о причинахъ и вѣроятныхъ слѣдствіяхъ эмиграціи. Я смѣло отсылаю читателя къ этому превосходному сочиненію.

Прим. автора.

удивленъ, узнавъ, что меня считаютъ противникомъ оспопрививанія, производящаго именно то дѣйствіе, которое я постоянно имѣлъ въ виду. Я сказалъ, правда, и продолжаю настаивать, что если средства страны не допускаютъ быстраго размноженія населенія, (что нисколько не зависитъ отъ оспопрививанія) *, то неизбѣжно должно случиться одно изъ двухъ: или увеличеніе смертности по какой либо иной причинѣ, или уменьшеніе относительнаго числа рожденій. Но я сказалъ въ то же самое время, что слѣдуетъ желать скорѣе послѣдняго; а потому, на основаніи принциповъ, которымъ я никогда не измѣнялъ, меня слѣдуетъ считать ревностнѣйшимъ защитникомъ оспопрививанія, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Употребляя всѣ, зависящія отъ меня усилія для увеличенія благосостоянія бѣдныхъ и для уменьшенія смертности между ними, я строго придерживаюсь моихъ принциповъ. Но людямъ, которые увѣряютъ, что имѣютъ въ виду ту же цѣль, и тѣмъ неменѣе, избираютъ число браковъ и число рожденій для измѣренія народнаго благосостоянія, слѣдовало бы поразмыслить, не находятся ли они въ противурѣчіи съ самими собою.

Нѣкоторые люди замѣтили мнѣ, что естественныя препятствія для размноженія населенія всегда будутъ достаточны для удержанія населенія въ должныхъ границахъ, такъ что не для чего отыскивать еще новыя. Одинъ остроумный писатель замѣтилъ даже, что я не привелъ ни одного факта, ни одного наблюденія въ подтвержденіе недостаточности препятствій, дѣйствующихъ въ настоящее время *. Мнѣ, разумѣется, нечего возражать на подобные выводы. Это — такія

---

* Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что человѣкъ, сохраненный привитой оспой, вѣроятно ранѣе начнетъ работать и производить средства для существованія, чѣмъ новорожденный. Смерть ребенка представляется важной потерей труда и пищи. И вообще, каждый предметъ бываетъ очевидно тѣмъ дешевле, чѣмъ рѣже встрѣчается въ немъ недостатокъ. Прим. автора.

* Мнѣ хотѣлось бы знать, какого рода факты подразумѣваетъ этотъ писатель. Еслибы я создалъ ихъ, то должно сознаться, они дѣйствительно показались бы новыми. Прим. автора.

же истины, какъ то, что нельзя жить безъ пищи. Ибо, пока будетъ дѣйствовать этотъ законъ природы, до тѣхъ поръ не утратятъ своей силы препятствія, отличаемыя названіемъ естественныхъ. Люди, приводящіе противъ меня это возраженіе, безполезно повторяютъ истины, неподлежащія оспариванію. Они полагаютъ, сверхъ того, что конечная цѣль моего сочиненія остановить размноженіе населенія, между тѣмъ какъ, по моему мнѣнію, ничто такъ не желательно, какъ размноженіе, лишь бы только оно не влекло за собой порока и нищеты. Поэтому, конечная цѣль всего моего сочиненія состоитъ въ уменьшеніи порока и нищеты; а предлагаемыя мною препятствія для размноженія населенія представляютъ только средства для достиженіи этой цѣли. Въ глазахъ разсудительнаго человѣка, препятствіе для населенія, противуполагаемое благоразуміемъ, неменѣе естественно, чѣмъ бѣдность и преждевременная смерть, которымъ противники мои, повидимому, отдаютъ предпочтеніе. Разсудительный читатель пойметъ и безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, что можно замѣнить одно препятствіе другимъ, нетолько не уменьшая населенія, но еще вызывая въ немъ непрерывное прогрессивное возрастаніе *.

Я выразился о возможности увеличивать населеніе, быть можетъ, съ большею надеждой, чѣмъ какая допускается опытомъ. Я сказалъ, что черезъ нѣсколько вѣковъ можетъ случиться, что Англія будетъ имѣть въ два или въ три раза больше жителей противъ настоящаго времени, и тѣмъ неменѣе, они будутъ пользовать лучшей пищей и лучшей одеждой. А въ началѣ этого *Опыта*, при сравненіи величины приращенія населенія и продовольствія, я предположилъ, ради предупрежденія спора о фактахъ, что земледѣльческій продуктъ можетъ возрастать безгранично, чего, разумѣется, быть

* Норвегія и Швейцарія, въ которыхъ предупредительныя препятствія дѣйствуютъ съ особенной силой, обладаютъ населеніемъ, возрастающимъ довольно быстро; сравнительно же съ ихъ средствами существованія, та и другая страна можетъ выставить въ поле большее число людей, чѣмъ всякая другая европейская страна.

Прим. автора.

не можетъ. Не странно ли, послѣ этого, дѣлаемое мнѣ возраженіе, что страна эта могла бы удвоить или утроить свое населеніе. Не страннѣе ли еще, что люди, соглашающіеся съ различной величиной возрастанія, на которой я основываю всѣ мои выводы, тѣмъ неменѣе утверждаютъ, что размноженіе населенія не можетъ повлечь за собой пагубныхъ послѣдствій, пока земля не откажется доставлять свои произведенія? Я не знаю болѣе поразительнаго примѣра отсутствія логики. Это то же самое, какъ еслибы говорилъ фермеръ: При хорошемъ присмотрѣ, ферма моя позволяетъ мнѣ прибавлять къ моему стаду ежегодно четырехъ животныхъ, слѣдовательно, я не встрѣчу неудобства, если стану прибавлять къ нему ежегодно по сорока штукъ *.

Производительная способность земли, безъ сомнѣнія, не безпредѣльна, но, говоря точно, она неопредѣленна, то есть, она не имѣетъ границъ извѣстныхъ и точныхъ. Вѣроятно, никогда не наступитъ время, когда трудъ и изобрѣтенія будутъ уже безсильны для увеличенія количества произведеній земли. Но возможность незамѣтно увеличивать количество продовольствія разумнымъ приложеніемъ труда вовсе не походитъ на возможность получить все продовольствіе, необ-

* Мальтусъ очевидно придирается къ словамъ. По его же разсчету выходитъ, что въ первый двадцатипятилѣтній періодъ земледѣльческій продуктъ можетъ удвоиться, и въ тотъ же періодъ удвоится и населеніе. Противники его останавляваются на время, и нейдутъ дальше перваго періода. Такое то количество произведеній, говорятъ они, возможно, и допускается вами; но вѣдь населеніе не восрасло до цифры, которая допускается возможнымъ, по вашему предположенію, возрастаніемъ количества произведеній; стало быть, не мѣшайте ему возрастать мѣрами противуестественными, т. е. невозможными, такъ какъ онѣ противурѣчатъ органическимъ условіямъ жизни. Или, другими словами: каждое поколѣніе должно заботиться о своемъ счастьи, а заботы о такомъ отдаленномъ потомствѣ, которое будетъ жить чрезъ сто или болѣе лѣтъ послѣ насъ, предоставить самому потомству. Впрочемъ, все это безполезно, такъ какъ мы уже знаемъ теперь, что при вычисленіи своей арифметической прогрессіи самъ Мальтусъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Онъ предполагаетъ, что населеніе Англіи можетъ удвоиться чрезъ нѣсколько вѣковъ, а оно удвоилось въ 50 лѣтъ, и т. д. Рус. перев.

ходимое для населенія, возрастаніе котораго не встрѣчаетъ никакихъ препятствій. Свѣдѣнія и трудолюбіе, которыя дали бы возможность населенію Новой Голландіи воспользоваться всѣми средствами этой страны, еслибы она была воздѣлана какъ слѣдуетъ, по природѣ своей, могутъ быть пріобрѣтены только исподоволь, мало по малу и постепенно. Но и предположивъ, что всѣ эти свѣдѣнія, все необходимое трудолюбіе пріобрѣтены, все же они будутъ рѣшительно недостаточны, какъ это подробно объяснено мною, для пропитанія безгранично размножающагося населенія. И, напротивъ того, страсти, отъ которыхъ зависитъ размноженіе, всюду и во всякое время находятся въ полной дѣятельности; онѣ дѣйствуютъ съ полной энергіей среди самаго глубокаго мрака невѣжества и варварства. Нетрудно согласиться, что если Новая Голландія не населена такъ густо, какъ Китай, то это потому, что въ ней не имѣется тѣхъ благодѣтельныхъ учрежденій, которыя оберегаютъ собственность и поощряютъ трудъ. Но порокъ и несчастіе свирѣпствуютъ почти одинаково въ обѣихъ странахъ, и это зависитъ не отъ чего либо инаго, какъ отъ слишкомъ быстраго размноженія населенія, сравнительно съ возрастаніемъ количества продовольствія. Причина эта совершенно независима отъ предъидущей, и должна разсматриваться отдѣльно отъ нея. Она обусловливается силой человѣческихъ страстей, вполнѣ разнузданныхъ или едва только сдерживаемыхъ. Я не стану, впрочемъ, снова разбирать вопроса, который уже изслѣдованъ мною со всею возможною полнотою.

ГЛАВА II. — О правѣ бѣдныхъ на прокормленіе. — Опроверженіе А. Юнга. — Отступленіе о невольничествѣ.

Второе важное возраженіе, приводимое противъ моихъ принциповъ, основывается на томъ, что я отрицаю *право* бѣдныхъ на содержаніе ихъ на общественный счетъ.

Люди, выставляющіе противъ меня такое возраженіе, должны доказать, что обѣ прогрессіи, или принятое мною возрастаніе населенія и средствъ существованія ошибочны; ибо, если онѣ

вѣрны, то положеніе, на которое они нападаютъ, неоспоримо. Но если принять обѣ прогрессіи, то изъ нихъ вытекаетъ, что если каждый человѣкъ будетъ вступать въ бракъ, какъ только ему вздумается, то трудомъ человѣка нельзя будетъ прокормить всѣхъ раждающихся. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого оказывается, что *право* на пропитаніе не можетъ принадлежать всѣмъ людямъ. Предположимъ на время, что въ какой нибудь странѣ вся земля распредѣлена поровну между всѣми жителями. Если при такомъ положеніи вещей, половина всего населенія, побуждаемая благоразуміемъ, станетъ избѣгать размноженія, превышающаго средства существованія, доставляемыя ей обработкой земли, то она постоянно будетъ пользоваться тѣмъ же довольствомъ, какимъ пользовалась тотчасъ послѣ предположеннаго раздѣленія земель. Если другая половина населенія, напротивъ того, приметъ обычай вступать въ бракъ тотчасъ по выходѣ изъ отроческихъ лѣтъ, то есть, въ тотъ возрастъ, въ который заражаются страсти и дѣйствуютъ съ наибольшей силой, то не подлежитъ сомнѣнію, что эта половина населенія очутится въ самой жестокой бѣдности. На какомъ теперь законномъ основаніи, или на основаніи какой справедливости эта часть населенія имѣетъ право требовать отъ другой, опираясь на свою бѣдность, хоть ничтожную часть принадлежащей первой половинѣ населенія собственности, сохраненной ея разсчетливостью и благоразуміемъ? Бѣдность, на которую она жалуется, есть результатъ ея невѣжества и безразсудства. Сами бѣдствія, обрушившіяся на ея голову, указываютъ, что если признать ея притязанія, и сложить съ нея часть заслуженныхъ ею бѣдствій, то въ скоромъ времени все общество было бы увлечено въ такую же погибель. Добровольныя и случайныя вспомоществованія со стороны людей богатыхъ не препятствовали бы бѣднымъ пользоваться суровыми уроками жизни, и приносили бы тѣмъ бо̀льшую пользу, чѣмъ съ большею производились бы разборчивостью. Что̀ же касается до *права*, то защищать его нѣтъ никакой возможности, пока не будутъ опрокинуты тѣ положенія, на которыхъ покоятся наши выводы, пока не будетъ доказано, что размноженіе населенія

въ Америкѣ есть сверхъестественное явленіе, независящее отъ легкости, съ которою можно добыть въ ней средства существованія *.

Какимъ бы безплоднымъ разглагольствованіямъ мы ни предавались по этому вопросу, въ сущности, поведеніе наше доказываетъ, что этого воображаемаго права вовсе не существуетъ. Еслибы бѣдные имѣли право на прокормленіе и на содержаніе, то ни одинъ человѣкъ не смѣлъ бы, не нарушая справедливости, носить платье изъ тонкаго сукна, и удовлетворять свой голодъ кускомъ мяса. Люди, утверждающіе существованіе этого права и въ то же самое время разъѣжающіе въ каретахъ, живущіе въ изобиліи, воспитывающіе даже лошадей на землѣ, которая могла бы кормить людей, находятся, какъ мнѣ кажется, въ противурѣчіи съ собственными своими принципами. Возьмемъ какой нибудь примѣръ, не обращая вниманія на послѣдствія, которыя могутъ быть вызваны имъ, и мы увидимъ, что Годвинъ разсуждаетъ въ этомъ отношеніи несравненно послѣдовательнѣе. Этотъ кусокъ баранины, которымъ я пообѣдаю, не принесетъ ли больше пользы за столомъ бѣднаго работника, который уже цѣлую недѣлю не отвѣдывалъ мяса? или за столомъ несчастнаго семейства, умирающаго съ голоду? Еслибы потребности эти,

* Говорятъ, что я написалъ большой томъ in—4°, чтобы доказать, что населеніе размножается въ геометрической прогрессіи, а продовольствіе возрастаетъ въ арифметической. Это несправедливо. Одно изъ двухъ этихъ положеній казалось мнѣ несомнѣннымъ, какъ только было доказано размноженіе населенія въ Америкѣ, а второе и не требовало доказательствъ. Главная цѣль этого сочиненія состояла въ изслѣдованіи слѣдствій, которыя должны естественно вызываться и которыя дѣйствительно вызывались въ человѣческомъ обществѣ этими законами, изложенными на первыхъ же страницахъ. Предметъ этотъ трудно было исчерпать. Подробности, въ которыя я вдался, имѣютъ тотъ недостатокъ, что онѣ не отличаются частнымъ характеромъ. Но въ этомъ отношеніи я сдѣлалъ все, чтó только могъ. Разумѣется, было бы въ высшей степени интересно, съ философской точки зрѣнія, знать точное вліяніе каждаго изъ препятствій, останавливающихъ размноженіе населенія; но, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, я не вижу никакой возможности привести болѣе точныя указанія. Прим. автора.

по природѣ своей, не возникали, по мѣрѣ ихъ удовлетворенія, то, безъ сомнѣнія, было бы въ высшей степени полезно удовлетворить ихъ, и я незадумываясь призналъ бы право испытывающихъ ихъ людей. Но такъ какъ опытъ и теорія неотразимо доказываютъ, что признаніе такого права увеличило бы эти потребности до того, что ни было никакой *возможности* удовлетворить ихъ, и такъ какъ простая попытка подобнаго предпріятія неизбѣжно повергла бы родъ человѣческій въ самыя ужасныя бѣдствія, то очевидно, наше поведеніе, безмолвно отрицающее означенное право, болѣе согласно съ законами нашей природы, чѣмъ пустыя разглагольствованія, которыми мы стараемся доказать его существованіе.

Творецъ міра, по чрезвычайной своей мудрости, поражающей насъ во всѣхъ его твореніяхъ, не хотѣлъ предоставить такой первостепенный законъ на произволъ безстрастнаго систематическаго и умозрительнаго изслѣдованія. Онъ вложилъ въ насъ страсть болѣе сильную, чѣмъ простая благотворительность; любовь къ самому себѣ неизмѣнно и неудержимо указываетъ каждому человѣку тотъ путь, которымъ онъ долженъ слѣдовать, и это единственный путь, обезпечивающій сохраненіе и благоденствіе породы. Еслибы все раждающееся могло быть прокормлено, то всеблагой Творецъ несомнѣнно вложилъ бы въ насъ такое же стремленіе помогать ближнему, съ какимъ мы заботимся о собственномъ сохраненіи. Но настоящее наше положеніе требуетъ, чтобы каждый имѣлъ въ виду главнымъ образомъ собственныя свои потребности *. За-

* Странное противурѣчіе! Основываясь на этомъ, человѣкъ имѣетъ такое же законное право удовлетворять и другой, столь же важной своей потребности, нисколько не заботясь нетолько о слѣдствіяхъ, какія проистекутъ изъ этого для общества, но и о слѣдствіяхъ для тѣхъ существъ, которыя будутъ вызваны удовлетвореніемъ этой потребности. Разсужденія эти очевидно даютъ оружіе въ руки противниковъ *теоріи самообузданія*. Нельзя также противуполагать чувства любви къ ближнимъ чувству любви къ самому себѣ; оба они одинаковы: если можно привести множество примѣровъ въ подтвержденіе чувства самосохраненія, то не мало найдется примѣровъ и чувства великодушнаго самоотверженія и самопожертвованія. Рус. перев.

мѣчательно, что желаніе удовлетворить потребностямъ прочихъ людей становится болѣе дѣятельнымъ, по мѣрѣ стѣсненія той сферы, которой мы служимъ средоточіемъ, то есть, по мѣрѣ того, какъ пособія наши становятся болѣе полезны и лучше распредѣляются. По отношенію къ дѣтямъ, которыя имѣютъ несомнѣнное право на заботы и попеченія родителей, очевидно, что привязанность, побуждающая послѣднихъ къ исполненію этой священной обязанности, почти равносильна любви ихъ къ самимъ себѣ. И мы имѣемъ полное право утверждать, что, за исключеніемъ немногихъ, рѣдкихъ случаевъ, послѣдній кусокъ будетъ раздѣленъ между ними поровну.

Вслѣдствіе этого благодѣтельнаго инстинкта, самые невѣжественные люди неизбѣжно трудятся для общей пользы, чего не было бы, еслибы главнымъ побужденіемъ ихъ было благотвореніе *. Чтобы благотвореніе было великимъ и непрерывнымъ побужденіемъ для нашихъ поступковъ, и чтобы принципъ этотъ былъ неизмѣнной основой нашего поведенія, для этого необходимо, чтобы мы вполнѣ были знакомы съ причинами и ихъ слѣдствіями. Вотъ почему принципъ этотъ приличенъ одному только Божеству. Такое ограниченное существо, какъ человѣкъ, заблудилось бы, еслибы руководствовалось исключительно имъ однимъ, и вскорѣ возмутило бы господствующій вокругъ него порядокъ: изобиліе уступило бы мѣсто нуждѣ, а воздѣланныя плодородныя нивы пришли бы въ запустѣніе.

Но если благотвореніе, при настоящемъ состояніи человѣческихъ обществъ, и не можетъ служить основнымъ побуж-

* Выражаясь такимъ образомъ, я прошу не считать меня защитникомъ нравственной системы автора *Басни о пчелахъ*. Я считаю эту систему совершенно ложной и противурѣчащей истинному опредѣленію добродѣтели. Великое искуство доктора Мандевиля состоитъ въ злоупотребленіи словами. Прим. автора.

Что касается до теоріи, какъ эгоизма, такъ и симпатіи, къ которой относится настоящая глава *Опыта*, и до разбора нравственныхъ воззрѣній Мандевиля, то читатель найдетъ бóльшія подробности въ прекрасномъ сочиненіи Ад. Смита: *Теорія нравственныхъ чувствъ*. Рус. перев.

деніемъ для нашихъ поступковъ, оно тѣмъ неменѣе крайне необходимо для нашего благополучія, такъ какъ дѣйствіе его состоитъ въ смягченіи зла, причиняемаго болѣе сильною страстью. Благотворительность служитъ утѣшеніемъ и очарованіемъ жизни, источникомъ самыхъ благородныхъ стремленій къ добродѣтели и самыхъ честныхъ, самыхъ сладостныхъ наслажденій. Въ системѣ общихъ законовъ, которой, повидимому, слѣдовало, за не многими исключеніями, высшее Существо, такая всеобщая и такая сильная страсть, какъ любовь къ самому себѣ неизбѣжно должна была породить множество частныхъ бѣдствій. Назначеніе благотворенія состоитъ въ воспрепятствованіи этой страсти выродиться въ эгоизмъ *, въ пробужденіи въ насъ симпатіи къ страданіямъ и удовольствіямъ нашихъ ближнихъ; въ ощущеніи ихъ, хотя и въ болѣе слабой степени; въ перемѣщеніи нашемъ въ ихъ положеніе, чтобы познакомиться съ ихъ нуждами и облегчить ихъ, насколько это зависитъ отъ насъ; въ непрерывномъ напоминаніи намъ, что мы должны стремиться къ изобилію не ради нашей личной выгоды, но ради достиженія нашими усиліями общаго благосостоянія. При всякомъ общественномъ положеніи, добродѣтели этой открыто самое широкое поприще. Чѣмъ выше подымается человѣкъ въ общественномъ быту, или въ сферѣ знанія и добродѣтели, тѣмъ шире становится способность его дѣлать добро, и въ то же самое время, тѣмъ ограниченнѣе дѣлаются его собственныя потребности; такъ что благотвореніе незамѣтно занимаетъ въ немъ мѣсто личнаго чувства въ обычной его дѣятельности. На самыхъ высокихъ мѣстахъ, на постахъ, соединенныхъ съ большимъ вліяніемъ, это благородное побужденіе должно получить наибольшее напряженіе, и быть главнымъ двигателемъ всѣхъ

* Слѣдуетъ непремѣнно отличать эгоизмъ отъ любви къ самому себѣ. Послѣдняя, сдержанная въ должныхъ границахъ, есть начало всякаго честнаго труда, а потому, источникъ всѣхъ благъ, доставляемыхъ трудомъ, всѣхъ средствъ для удовлетворенія нужды и для увеличенія счастія жизни. Перешедши за эти границы, та же самая страсть становится безполезной, и вызываетъ одно отвращеніе. Съ этой минуты она дѣлается порочной. Прим. автора.

общественныхъ учрежденій. Хотя и часто приходится опасаться, что благотвореніе избрало не лучшій путь для доставленія обществу пользы, но никогда не приходится опасаться распространенія этой добродѣтели. Страсть, имѣющая въ виду наше собственное сохраненіе, такъ глубоко вкоренена въ насъ, что не можетъ быть подорвана никакими ученіями. Поэтому, укрѣпленіе, путемъ увѣщанія и проповѣди, чувства болѣе слабаго, полезно, лишь бы только мы остерегались возможныхъ въ такомъ случаѣ злоупотребленій.

Англійскій законъ, дающій бѣднымъ право на пропитаніе, очевидно не похожъ на признаніе естественнаго права. Это отличіе его, вмѣстѣ съ дѣйствіемъ многихъ другихъ причинъ, объусловливаемыхъ способомъ исполненія закона, отчасти предохранили отъ дурныхъ его послѣдствій. Тѣмъ неменѣе, онъ имѣетъ видъ признанія этого права, и съ этой точки зрѣнія, онъ причинилъ много вреда, какъ привычками, вызванными имъ между бѣдными, такъ и вообще характеромъ, который онъ придалъ имъ. На этомъ основаніи, я предложилъ проектъ постепенной отмѣны налога въ пользу бѣдныхъ, проектъ, который, какъ и слѣдовало ожидать, не всѣми былъ принятъ съ одинаковою благосклонностью. Я понимаю вполнѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ него, основываясь на томъ, что такъ какъ право бѣдныхъ было признано долгое время, то отмѣна его могла бы прежде всего вызвать неудовольствіе. Поэтому, я присоединяюсь къ тѣмъ, которые полагаютъ, что необходима крайняя осторожность, чтобы отстранить это неудобство и не возбуждать общественнаго мнѣнія. Но, что̀ остается для меня непонятнымъ и что̀ мнѣ случалось, впрочемъ, часто слышать, это — что какъ только бѣдные убѣдятся, что они не имѣютъ никакого права на пособіе, то они станутъ болѣе недовольны и мятежны. Я могу составить себѣ понятіе объ ихъ чувствахъ, только мысленно представивъ себя на ихъ мѣстѣ, и разсудивъ, что̀ самъ я испытывалъ бы въ такомъ случаѣ. Еслибы мнѣ сказали, что по законамъ природы и той страны, въ которой я живу, богатые обязаны помогать мнѣ и кормить меня, то во первыхъ, я не почувствовалъ бы особенной благодар-

ности за оказываемое мнѣ пособіе; а во вторыхъ, еслибы меня стали кормить худшей пищей, чѣмъ та, къ которой я привыкъ, безъ очевидной для меня необходимости такой перемѣны, то я считалъ бы себя въ правѣ жаловаться. Но понятно, что по всей вѣроятности, я не увижу этой необходимости въ сокращеніи моего содержанія. Я подумалъ бы, поэтому, что законъ относительно меня нарушенъ, что со мною поступаютъ несправедливо и что мое право попрано. Въ такомъ случаѣ, меня, разумѣется, могутъ держать въ повиновеніи силой, которая воспрепятствуетъ проявленію моей злобы и открытому сопротивленію. Но я всегда оправдаю такого рода поступки, если они будутъ возможны; а причиненная мнѣ обида, я думаю, поставитъ меня въ самыя непріязненныя отношенія къ высшимъ классамъ общества. Въ самомъ дѣлѣ, я не знаю ничего, что̀ могло бы до такой степени раздражить сердце человѣка, какъ нужда, въ которой онъ винитъ не себя самого или общіе законы природы, а скупость и несправедливость людей, занимающихъ первыя ступени общества. Но всякому извѣстно, что законы о бѣдныхъ и щедрая благотворительность не мѣшаютъ Англіи часто испытывать самую тяжкую нужду.

И напротивъ того, если я глубоко убѣжденъ, что законы природы или, что̀ то же, законы самого Бога, не даютъ мнѣ *никакого права* на пособіе, то я прежде всего почувствую необходимость вести жизнь умѣренную и трудолюбивую. Если же, несмотря на мое благоразуміе, меня постигнетъ нужда, то я буду смотрѣть на это несчастіе тѣми же глазами какими смотрятъ на болѣзнь, какъ на слѣдствіе естественнаго порядка вещей, какъ на испытаніе, которое я обязанъ переносить съ твердостью и покорностью, если я не въ силахъ былъ его избѣгнуть. Я сознавалъ бы, что лучшей рекомендаціей моей предъ добрыми и великодушными людьми можетъ быть то, что я не заслужилъ своей участи лѣностью или безразсудствомъ. Благодѣянія, которыя мнѣ будутъ оказаны, возбудятъ во мнѣ самыя пріязненныя отношенія къ высшимъ классамъ общества. Еслибы даже пособія эти и не доставили мнѣ того довольства, которымъ я привыкъ пользоваться,

то мнѣ не придетъ въ голову мысли, что со мною поступаютъ несправедливо; напротивъ того, я буду считать себя связаннымъ признательностью съ тѣми, отъ кого я получилъ ихъ. Сознавая вполнѣ, что въ этомъ отношеніи я не могу предъявить никакого права, я ничѣмъ не могу оправдать открытаго сопротивленія, развѣ только страхомъ голодной смерти, непризнающимъ никакихъ принциповъ и ломающимъ все, что онъ встрѣтитъ на своемъ пути.

Еслибы англійскіе бѣдные убѣдились вполнѣ, что они не имѣютъ *никакого права* на пособія, и еслибы, въ случаѣ неурожая или крайней нужды, къ нимъ обратились бы съ великодушными вспомоществованіями, какъ этого и слѣдуетъ ожидать, то я увѣренъ, что отношенія, связывающія богатаго съ бѣднымъ, были бы гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь, а низшіе классы общества, имѣя менѣе дѣйствительныхъ поводовъ къ негодованію и неудовольствію, волновались бы несравненно рѣже.

Въ числѣ людей, возставшихъ противъ моего мнѣнія о *мнимомъ правѣ* бѣдныхъ на пропитаніе и содержаніе, находится Юнгъ, который, употребивъ выраженіе, неумѣстное въ устахъ истиннаго приверженца истины, объявилъ, что мой планъ отмѣны законодательства о бѣдныхъ есть *ужасная мѣра*, и что приведеніе его въ исполненіе будетъ нарушеніемъ справедливости. Сравнимъ опровергаемую имъ мѣру съ проектами, предложенными имъ самимъ и другими, и состоящими въ опредѣленіи суммы, собираемой налогомъ въ пользу бѣдныхъ, которая не могла бы быть увеличена ни подъ какимъ предлогомъ. При этомъ новомъ законѣ, если нужда бѣдныхъ усилится въ десять разъ, вслѣдствіе ли увеличенія числа ихъ, или вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ, для облегченія ихъ положенія, употреблена будетъ все та же сумма, которая будетъ опредѣлена въ настоящую минуту. Если дѣйствующее законодательство о бѣдныхъ сохранитъ свою силу, то къ жестокости, оставляющей ихъ на произволъ голодной смерти, присоединено будетъ лицемѣрное признаніе обязанности содержать ихъ. Если же, напротивъ того, законодательство будетъ отмѣнено, то въ сущности отмѣнено будетъ, хотя и

безмолвно, мнимое право ихъ на прокормленіе; или же, по нелѣпому толкованію, оно обращено будетъ въ другое, совершенно отличное право, а именно: распредѣлять между бѣдными опредѣленную и совершенно недостаточную сумму. Замѣчательно, что Юнгъ разоблачилъ именно такую же нелѣпость въ преніяхъ о томъ же предметѣ, только не въ Англіи, а въ другой странѣ *.

Наконецъ, на что бы ни рѣшились въ проектѣ, о которомъ идетъ рѣчь, будетъ ли отмѣнено прежнее законодательство, или нѣтъ, бѣднымъ предстоитъ много страданій, а переходъ отъ одного порядка къ другому будетъ труднѣе для нихъ, чѣмъ при предлагаемой мною мѣрѣ.

По моему плану, всѣ женатые въ настоящее время люди, всѣ тѣ даже, которые рѣшатся вступить въ бракъ въ теченіи еще одного года, связанные какимъ либо обязательствомъ, сохраняютъ право, сами и дѣти ихъ, на обычныя приходскія вспомоществованія. Въ пособіи отказано будетъ только тѣмъ, которые женятся позже, которымъ будетъ, поэтому, достаточно извѣстно новое постановленіе, и которые будутъ имѣть достаточно времени подумать, въ состояніи ли они прокормить свою семью.

---

* Національное собраніе во Франціи, отвергнувшее англійскіе законы о бѣдныхъ, тѣмъ неменѣе, признало принципъ, послужившій имъ основаніемъ, а именно: что бѣдные имѣютъ право на денежное вспомоществованіе; что собраніе должно считать одною изъ первыхъ и священнѣйшихъ своихъ обязанностей создать необходимый для этого фондъ; и что необходимо, поэтому, откладывать для такого назначенія ежегодно 50 мильоновъ. На это Юнгъ весьма основательно замѣчаетъ, что онъ не можетъ понять, почему расходованіе на этотъ предметъ 50 мильоновъ можетъ считаться священнымъ долгомъ, и почему сумма эта не назначена въ 100 мильоновъ, если это требуется необходимостью, или въ 200, 300 и больше мильоновъ, согласно съ печальнымъ ея возрастаніемъ въ Англіи (*Travels in France*, стр. 439). Я не указалъ бы на это противурѣчіе, еслибы видѣлъ, что Юнгъ обратился отъ заблужденія на путь истины. Но такъ какъ, напротивъ того, онъ перемѣнилъ истину на заблужденіе, то мнѣ кажется, я въ правѣ напомнить ему его прежнія мнѣнія. Позволительно напомнить человѣку порочному его прежнее добродѣтельное поведеніе, но было бы безполезно и неделикатно напоминать добродѣтельному человѣку его прежнія заблужденія. Прим. автора.

Всякій проектъ отмѣны законодательства о бѣдныхъ предполагаетъ признаніе, что законы эти дурны, и что они требуютъ преобразованій. Какъ только разъ это признано, то какое бы возраженіе ни приводили противъ моего плана, какую бы помѣху ни придумывали для него узкія политическія воззрѣнія, я не боюсь никакого сравненія его съ какимъ бы то ни было другимъ проектомъ, съ точки зрѣнія справедливости и человѣколюбія. Поэтому, эпитеты несправедливаго и ужаснаго, которые придавали ему, нисколько не подрываютъ его.

Юнгъ, повидимому, оставилъ въ настоящее время этотъ планъ. Онъ заявляетъ, чтобы ему позволено было отказаться отъ прежнихъ мнѣній, и приводитъ такіе аргументы, къ которымъ и я готовъ присоединиться, лишь бы только пользованіе такимъ позволеніемъ ограничивалось послѣдующими трудами, въ промежутокъ между которыми могутъ быть собраны новые факты. Но я не думаю, чтобы его можно было допустить въ одномъ и томъ же сочиненіи. А между тѣмъ, въ томъ же сочиненіи, въ которомъ онъ такъ строго порицаетъ мой планъ, онъ употребляетъ аргументы, которые можно выставить и противъ его собственнаго проекта, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его предлагаетъ.

Онъ соглашается, что его проектъ можетъ быть примѣненъ только къ извѣстному числу семействъ, и что онъ непримѣнимъ къ ихъ размноженію *. Но такое заявленіе равно сознанію, что онъ не разрѣшаетъ вопроса объ улучшеніи положенія бѣдныхъ. Что касается до существеннаго пункта, то, послѣ горячихъ упрековъ, направленныхъ противъ меня за то, что я сказалъ, что бѣдные не имѣютъ никакого *права* на пропитаніе, онъ вынужденъ прійти къ такому же положенію, и сознаться, «что благоразуміе требовало бы смотрѣть на бѣдность, причиняемую возрастающимъ населеніемъ, если со стороны городовъ и фабрикъ нѣтъ достаточнаго спроса, какъ на бѣдствіе, предупредить которое нѣтъ никакой физической возможности. Но единственная причина, по кото-

* *Annals of Agriculture*, N 239, стр. 219.

рой и я говорю, что бѣдные не имѣютъ никакого *права* на содержаніе, есть именно невозможность удовлетворить нуждамъ возрастающаго населенія. Невозможность эту признаетъ Юнгъ самымъ положительнымъ образомъ; и тѣмъ неменѣе, по непонятной непослѣдовательности, онъ продолжаетъ возставать противъ сдѣланнаго мною на этотъ счетъ заявленія.

Если общество можетъ облегчить страданіе извѣстнаго числа бѣдныхъ людей, то это не имѣетъ никакого отношенія къ общему вопросу, и я вполнѣ увѣренъ, что мнѣ ни разу не случалось сказать, чтобы обязанность наша не состояла въ облегченіи ихъ всѣми зависящими отъ нахъ средствами. Но эта ограниченная власть пособить нѣсколькимъ людямъ никакимъ образомъ не можетъ установить общаго права. Если бѣднымъ дѣйствительно принадлежитъ естественное право на общественное содержаніе, и если теперешніе наши законы только подтверждаютъ это право, то оно очевидно должно простираться, безъ ограниченія, на всѣхъ нуждающихся, на семейства сельскихъ работниковъ, какъ и на самихъ работниковъ; такъ что, принятіе проекта Юнга было бы очевидной несправедливостью со стороны общества, ибо это означало бы купить у настоящаго поколѣнія согласіе на отмѣну права, принадлежащаго его потомству.

Юнгъ сильно возстаетъ противъ одного параграфа этого *Опыта*, въ которомъ я говорю, что человѣкъ, вступающій въ бракъ, не имѣя основательной надежды на средства для содержанія семьи, и подвергающій себя такимъ неблагоразуміемъ, нищетѣ и зависимости, долженъ винить скорѣе самого себя, чѣмъ низкую заработную плату, свой приходъ, скупость богатыхъ, общественныя учрежденія и волю Провидѣнія; и что если онъ можетъ быть чѣмъ либо оправданъ, то развѣ только тѣмъ, что былъ введенъ въ обманъ воззрѣніями, распространяемыми высшими классами общества. На это Юнгъ возражаетъ, что всѣ сѣтованія бѣдняка, кромѣ укора Провидѣнію, оправдываются; что глядя, какъ сосѣди его живутъ въ довольствѣ, пользуясь тремя или четырьмя акрами земли, онъ имѣетъ право обвинять учрежденія, отказывающія ему въ томъ, что̀ могло бы быть ему уступлено богатымъ, и что̀ из-

бавило бы его отъ нужды. Я попросилъ бы Юнга прослѣдить, что̀ произошло бы въ случаѣ исполненія его проекта. Когда всѣ общественныя земли были бы розданы, какъ это предлагается имъ, и еслибы у работника было болѣе одного сына, чѣмъ отличалось бы положеніе втораго и третьяго его сына отъ приведеннаго мною въ примѣръ человѣка, жалующагося на свою печальную участь? Нельзя же предположить, чтобы Юнгъ хотѣлъ сказать, что человѣкъ, задумавшій жениться, едва достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, имѣетъ право жаловаться, если общество не снабдитъ его домомъ и тремя или четырьмя десятинами земли. Онъ положительно отказывается отъ такого вывода, къ которому, однако же, очевидно ведетъ его положеніе, на которое я указываю.

При такой системѣ, говоритъ онъ, возрастающее населеніе будетъ находиться внѣ зависимости отъ законодательства о бѣдныхъ, и въ такихъ же точно размѣрахъ уменьшится поощреніе браковъ. При такихъ условіяхъ, безъ земли, безъ всякаго пособія со стороны прихода, и при заработной платѣ, достаточной для содержанія двоихъ дѣтей, неужели Юнгъ думаетъ серьезно, что бѣдный человѣкъ, предупреждаемый о послѣдствіяхъ, имѣетъ право жениться, и не обвинять себя въ повиновеніи тому, что̀ Юнгъ называетъ повелѣніемъ Бога, природы и откровенія? Юнгу не могутъ быть неизвѣстны печальныя послѣдствія подобнаго брака. Проектъ его нисколько не предупреждаетъ ихъ. Поэтому, онъ не имѣетъ въ виду бѣдствій, причиняемыхъ крайней бѣдностью; а если онъ согласится, что эти сверхкомплектные члены общества должны ожидать вакантнаго мѣста, или отправиться въ городъ искать занятія, которое дало бы имъ средства содержать семью, то всѣ его возгласы противъ совѣтуемой мною отсрочки брака настолько же примѣнимы и къ его системѣ. Въ сущности, еслибы проектъ Юнга достигалъ цѣли, которую, по словамъ его, онъ имѣлъ въ виду, то есть, улучшенія положенія бѣднаго, еслибы онъ не подрывалъ самого себя поощреніемъ быстраго размноженія населенія, а потому, и пониженіемъ заработной платы, то не подлежитъ сомнѣнію, что нетолько сверхкомплектнымъ членамъ общества, о которыхъ мы только что

упоминали, но и всѣмъ бѣднымъ работникамъ пришлось бы откладывать вступленіе въ бракъ на болѣе продолжительное время, чѣмъ при настоящихъ условіяхъ общества.

Слѣдующее положеніе можетъ быть доказано съ математическою точностью. *Въ странѣ, средства которой не дозволяютъ населенію непрерывно возрастать быстрѣе, чѣмъ оно возрастаетъ въ настоящее время, нѣтъ возможности улучшить положеніе народа уменьшеніемъ въ немъ смертности, не уменьшая числа рожденій.* Я говорю это при предположеніи, что эмиграція изъ страны не увеличивается вслѣдствіе какого нибудь особеннаго обстоятельства *. Кто только размышлялъ объ этомъ предметѣ, тотъ согласится, что во всемъ Эвклидѣ нѣтъ положенія, которое доказывалось бы съ большею убѣдительностью. Къ тому же, нѣтъ истины, которая бы полнѣе подтверждалась и наблюденіемъ. Всѣ списки раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ брахъ единогласно подтверждаютъ ее. Въ Англіи, по отчетамъ акта о народонаселеніи, число раждающихся къ числу умирающихъ относится, какъ 4 къ 3. Это отношеніе, при смертности 1 изъ 40, удваиваетъ населеніе въ $83^1/_2$ года. Такъ какъ нельзя предположить, чтобы впродолженіи 166 лѣтъ до настоящаго времени, населеніе этой страны болѣе чѣмъ учетверилось, то изъ этого можно смѣло заключить, что средства ея не позволяютъ болѣе быстраго возрастанія, чѣмъ то, которое су-

* Что касается до выселенія, то я отсылаю читателя къ тому, что сказано мною по этому вопросу въ гл. IV кн. III, стр. 42, II т. *Опыта*. Легко сказать, что три четверти земнаго шара не имѣютъ населенія; но не такъ легко завести въ нихъ колоніи. Особенныя обстоятельства, вызвавшія въ горной Шотландіи эмиграцію, и такъ хорошо объясненныя лордомъ Зелькиромъ, по природѣ своей, не могутъ часто встрѣчаться, да и не желательно, чтобы они встрѣчались часто. Но, при отсутствіи такихъ обстоятельствъ, люди не легко рѣшаются оставлять родную землю; они скорѣе соглашаются на перенесеніе множества страданій, чѣмъ рискнуть на переселеніе въ отдаленныя страны. Я придерживаюсь того мнѣнія, что обязанность и выгода правительства состоятъ въ облегченіи эмиграцій, но, разумѣется несправедливо принуждать человѣка покидать страну, въ которой онъ живетъ, и разрывать связи, соединяющія его съ отечествомъ и съ близкими ему людьми. Прим. автора.

ществуетъ въ настоящее время. А если это такъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого оказывается, что еслибы проектъ Юнга, или кого бы то ни было, вызвалъ дѣйствительно замѣтное улучшеніе въ положеніи бѣдныхъ классовъ; еслибы бѣдные имѣли возможность воспитывать больше дѣтей, чѣмъ сколько воспитываютъ ихъ теперь, то очевидно, вакантныя мѣста будутъ болѣе рѣдки, они будутъ открываться въ меньшемъ числѣ, сравнительно съ числомъ соискателей, а потому, и вступленіе въ бракъ должно будетъ отсрочиться.

Впрочемъ, когда я говорю о брачномъ возрастѣ, то прошу помнить, что я вовсе не имѣю въ виду назначать какую либо строго опредѣленную эпоху для вступленія въ бракъ. Дѣло это относительное. Въ Англіи вступаютъ въ бракъ позже, чѣмъ во Франціи, и въ теперешней Англіи позже, чѣмъ это дѣлалось до революціи *; но я твердо увѣренъ, что безъ этого обстоятельства, общее здоровье или продолжительность жизни не могли бы сдѣлать такихъ успѣховъ, какихъ они несомнѣнно достигли. Отсрочка на два или на три года средняго брачнаго возраста, увеличеніемъ продолжительности жизни каждаго поколѣнія и одновременнымъ уменьшеніемъ, какъ плодородія супружествъ, такъ и числа людей, вступающихъ въ бракъ, могутъ имѣть значительное вліяніе на величину приращенія населенія, и достаточны для объясненія сильнаго пониженія смертности. Но я, тѣмъ неменѣе, не считаю умѣстнымъ опредѣлять этотъ возрастъ. Единственно ясное, вѣрное и понятное для всѣхъ правило, на которомъ слѣдуетъ настаивать, состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, вступающій въ бракъ, имѣлъ основаніе надѣяться, что будетъ въ состояніи содержать свою семью. Если обладаніе хижиной, предлагаемое Юнгомъ, можетъ показаться достаточнымъ для этой цѣли, то работникъ отлично поступитъ, если женится, какъ только получитъ ее. Но если онъ думаетъ иначе, или, если онъ получитъ мѣсто или занятіе, которое дастъ ему возможность содержать, самое большее, двухъ дѣтей, то какъ же это Юнгъ рѣшится посовѣтовать ему вступить въ бракъ **?

* Отреченіе Іакова II и вступленіе на престолъ Вильгельма III въ 1688.

** Чтобы человѣкъ, вступающій въ бракъ, былъ свободенъ отъ упре-

Юнгъ говоритъ, что безусловное цѣломудріе внѣ брачной жизни есть необходимое условіе для успѣха моего проекта. Но онъ не такъ истолковываетъ мою мысль. Совершеннѣйшая добродѣтель безспорно необходима для отстраненія отъ человѣка *всѣхъ бѣдствій*, физическихъ и нравственныхъ, вызываемыхъ его собственнымъ поведеніемъ. Но кто же надѣялся когда либо на господство на землѣ совершенной добродѣтели? Я говорилъ, и считаю это въ высшей степени вѣрнымъ, что мы обязаны воздерживаться отъ вступленія въ бракъ, пока не будемъ въ состояніи прокормить свою семью, и что мы такимъ же точно образомъ обязаны воздерживаться отъ порочныхъ страстей. Но я нигдѣ не высказывалъ надежды, что обѣ эти обязанности будутъ строго выполнены, а тѣмъ болѣе, что обѣ онѣ будутъ выполнены одновременно. Въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, можетъ случиться, что нарушеніе одной облегчитъ соблюденіе другой. Но если обѣ эти обязанности дѣйствительно предписаны намъ, и мы можемъ исполнять ихъ, не принося одну въ жертву другой, то нѣтъ такой власти, которая бы имѣла право оправдать насъ въ случаѣ ихъ нарушенія. Право это принадлежитъ Богу; мудростью своей онъ взвѣситъ искушеніе и грѣхъ, и смягчитъ свой праведный судъ безконечнымъ милосердіемъ. Моралистъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ уклониться отъ внушенія обѣихъ этихъ обязанностей: затѣмъ, каждый человѣкъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ, и поступать подъ вліяніемъ дѣйствующихъ на него искушеній, какъ ему подскажетъ его совѣсть. Во всемъ, что̀ я говорилъ, рисуя въ моемъ воображеніи примѣръ того, какъ могутъ быть примѣнены мои принципы, я имѣлъ въ виду человѣка, каковъ онъ есть, со всѣми его слабостями. Съ этой точки зрѣнія и, къ тому же, убѣжденный, что размноженіе населенія должно быть остановлено какимъ либо противудѣйствующимъ ему препят-

---

ка собственной совѣсти, то̀ меньшее, что̀ онъ долженъ имѣть, наименьшій доходъ, на который онъ долженъ разсчитывать, состоитъ въ заработной платѣ, которою, при здоровомъ состояніи и при средней цѣнѣ хлѣба, онъ могъ бы прокормить среднее число дѣтей, производимыхъ супружествомъ. Прим. автора.

ствіемъ, я, не колеблясь, утверждаю, что *благоразуміе, останавливающее легкомысленные браки, есть препятствіе, заслуживающее предпочтенія предъ преждевременною смертью* *. И это мнѣніе, кажется мнѣ вполнѣ подтверждается опытомъ.

И дѣйствительно, всякій разъ какъ хорошее правительство заботилось о развитіи въ своихъ подданныхъ большей предусмотрителтности, трудолюбія и личнаго достоинства, отношеніе числа браковъ ко всему населенію постоянно уменьшалось. Это доказываетъ, что всеобщее улучшеніе нравственности независимо отъ увеличенія искушеній къ какому нибудь особенному пороку. А примѣръ Норвегіи, Швейцаріи, Англіи и Шотландіи, на который я уже ссылался въ послѣдней главѣ этого *Опыта*, показываетъ, что порокъ, о которомъ идетъ рѣчь, не необходимо болѣе распространенъ тамъ, гдѣ число браковъ и рожденій находится въ меньшемъ отношеніи ко всему населенію, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Это правило, полагаю я, должно служить руководствомъ для законодателя. Послѣдній не можетъ имѣть точныхъ свѣдѣній, до какой степени соблюдается цѣломудріе людьми, живущими внѣ брака. Ему необходимы общіе результаты, на которыхъ онъ основывалъ бы свои сужденія. А тѣ, которые только что приведены мною, говорятъ въ пользу странъ, отличающихся уваженіемъ къ благоразумію.

Что касается до объясненія Юнгомъ своего проекта требованіями настоящей минуты, то я не могу привести противъ этого никакого возраженія. Тотъ вредъ, котораго я болѣе всего опасался отъ него, а именно, замѣна пшеницы, употребляемой въ пищу бѣдными классами, картофелемъ и молокомъ, несомнѣнно можетъ быть отстраненъ ограниченіемъ,

---

* Такіе неожиданные переходы постоянно встрѣчаются у Мальтуса, какъ только логика потребуетъ вести до конца рядъ разсужденій. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, дѣло идетъ вовсе не о томъ, что́ лучше: самообузданіе въ любви или преждевременная смерть. Ожидаешь, что онъ скажетъ: нарушеніе цѣломудрія заслуживаетъ предпочтенія предъ преждевременною смертью—но у него не хватаетъ духу произнести это признаніе, которое невольно раждается въ мысли читателя предшествующими разсужденіями. Рус. перев.

числа *котэджей*; но я совершенно раздѣляю мнѣніе этого писателя, когда онъ говоритъ, что не слѣдуетъ отказываться отъ улучшенія участи 500,000 семействъ на томъ основаніи, что благодѣяніе не можетъ быть распространено на всѣхъ. Я самъ предлагалъ общее улучшеніе *котэджей*, и даже рекомендовалъ систему надѣленія бѣдныхъ коровами въ разумныхъ границахъ; при надлежащихъ предосторожностяхъ, даже небольшіе участки земли, быть можетъ, могли бы быть розданы въ значительномъ числѣ рабочимъ классамъ.

Еслибы былъ отмѣненъ законъ, дающій бѣднымъ право на содержаніе на общественный счетъ, то я первый сталъ бы на сторонѣ всякой мѣры, которая бы имѣла въ виду привлечь къ этой отмѣнѣ народъ съ самой минуты ея обнародованія; и съ этой точки зрѣнія, всякая мировая сдѣлка съ бѣдными классами весьма желательна. Въ послѣднее время сдѣлана была попытка въ Лонгъ-Ньюнтонскомъ приходѣ, въ Глостерскомъ графствѣ, нанять или отдать въ аренду работникамъ, на извѣстныхъ условіяхъ, небольшіе участки земли; результаты этой операціи и основанное на ней общее предложеніе были опубликованы Эсткуртомъ. Мѣра эта сопровождалась удивительнымъ успѣхомъ. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, того же рода, никогда не должно забывать, что никакой опытъ, предпринятый для облегченія бѣдныхъ, не можетъ считаться оконченнымъ, пока онъ не будетъ испытанъ впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній *. Я не знаю ни одного примѣра либеральнаго учрежденія въ

* Во всякаго рода проектахъ, въ особенности касающихся раздачи земель, взамѣнъ приходскихъ вспомоществованій, вытекающихъ изъ настоящаго законодательства о бѣдныхъ, главное затрудненіе обнаружится для послѣдующихъ поколѣній. Всѣ остальныя, сравнительно, не имѣютъ никакого значенія. Впродолженіи нѣкотораго времени все пойдетъ удовлетворительно, и офиціальное число бѣдныхъ можетъ значительно уменьшиться. Но впослѣдствіи можетъ случиться, что бѣдное населеніе станетъ возрастать такъ же быстро, какъ прежде, или что проектъ вызоветъ такія же возраженія, какія сдѣланы были и противъ меня, съ тѣмъ только различіемъ, что въ немъ не будетъ соблюдена такая же справедливость и такое же согласіе въ цѣломъ.

Прим. автора.

пользу бѣдныхъ, которое бы не имѣло успѣха на первыхъ порахъ, какъ бы печаленъ ни былъ затѣмъ исходъ его. Но это соображеніе не должно отвращать насъ отъ подобныхъ попытокъ, если онѣ могутъ принести пользу въ настоящемъ, не угрожая пагубными слѣдствіями въ будущемъ. Оно должно только удерживать насъ отъ неумѣстной самонадѣянности, и дѣлать насъ болѣе осторожными въ нашихъ предпріятіяхъ.

Что же касается до общаго вопроса относительно выгоды, какая можетъ быть доставлена низшимъ классамъ народа обладаніемъ поземельною собственностью, то не слѣдуетъ забывать, что въ этомъ рѣшительно нѣтъ ничего новаго. Въ прежнія времена система эта была принята во всѣхъ почти хорошо извѣстныхъ намъ странахъ. Она существуетъ еще во многихъ мѣстностяхъ, но поселяне не пользуются въ нихъ особеннымъ довольствомъ; напротивъ того, они отличаются въ нихъ крайней бѣдностью, и подвергаются частому неурожаю. Въ самомъ дѣлѣ, что касается до послѣдняго обстоятельства, то нетрудно понять, что крестьяне, живущіе главнымъ образомъ произведеніями своихъ мелкихъ поземельныхъ участковъ, должны легче подвергаться нуждѣ, чѣмъ люди, разсчитывающіе прожить заработною платой, опредѣляемой всей страной. Когда жатва оказывается недостаточной въ странѣ, довольно обширной и обладающей разнообразной почвой, то это бѣдствіе имѣетъ всегда частный характеръ; нѣкоторые округи страдаютъ больше, другіе меньше. Но если неурожай хлѣба, сѣна, картофеля или падежъ скота обрушивается на бѣднаго земледѣльца, все существованіе котораго зависитъ отъ произведеній двухъ или трехъ десятинъ земли, то онъ впадаетъ въ самое печальное положеніе. У него нѣтъ денегъ для покупки предметовъ первой необходимости, и въ этомъ отношеніи онъ находится въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ работникъ, живущій заработной платой, который трудомъ своимъ можетъ добыть почти то же количество продовольствія, какъ бы скуденъ ни былъ общій урожай въ странѣ. Въ Швеціи, гдѣ трудъ сельскаго работника оплачивается главнымъ образомъ поземельнымъ участкомъ, на которомъ онъ содержитъ нерѣдко двухъ

или трехъ коровъ, часто случается, что въ одномъ округѣ крестьяне умираютъ съ голоду, между тѣмъ какъ въ сосѣдствѣ съ нимъ другіе пользуются почти настоящимъ довольствомъ. Замѣчено вообще, что страны, болѣе всего подвергающіяся неурожаю и голоду, суть тѣ, которыя раздѣлены на множество мелкихъ фермъ, или въ которыхъ трудъ работника оплачивается отведеннымъ ему участкомъ земли. Китай, Индостанъ, горная Шотландія, въ прежнемъ своемъ состояніи, могутъ служить намъ примѣромъ. Самъ Юнгъ, въ своемъ *Путешествіи во Францію*, замѣчаетъ по поводу мелкой поземельной собственности, отличающей эту страну, что малѣйшій недоборъ въ жатвѣ повергаетъ ее въ большую нужду, и что такого рода случай, который врядъ ли былъ бы даже замѣченъ въ Англіи, становится во Франціи настоящимъ бѣдствіемъ *.

Если, стало быть, принять планъ вспомоществованія бѣднымъ путемъ раздачи имъ земель, то въ высшей степени важно, чтобы участки ихъ не были единственнымъ, ни даже главнымъ средствомъ для ихъ существованія. Цѣли этой вѣроятно можно бы было достигнуть, если ни въ какомъ случаѣ не упускать изъ виду слѣдующихъ двухъ правилъ: Раздѣленіе земель никогда не должно доводить до того, чтобы оно могло отвлечь сельскаго работника отъ его обычныхъ занятій; и должно пріостанавливать раздачу участковъ и *котэджей*, какъ только заработной платы, независимо отъ вспомоществованія землей, будетъ недостаточно, при средней цѣнѣ хлѣба, для содержанія по меньшей мѣрѣ двухъ дѣтей. Еслибы возможно было устроить, чтобы работникъ, работая на другихъ, могъ получать постоянно такое же количество продовольствія, какое получалъ прежде, то обладаніе небольшимъ участкомъ земли принесло бы бѣднымъ много пользы, не нанося имъ, по моему мнѣнію, никакого вреда. Но если не обращать вниманія на только что приведенныя мною правила, то слѣдуетъ

---

* *Travels in France*, т. I, стр. 409. Менѣе всего подвержена неурожаю та страна, въ которой земледѣліе есть самая цвѣтущая *мануфактура*. Прим. автора.

опасаться, чтобы подобная мѣра не ухудшила участи бѣдныхъ, и не привела бы ихъ въ скорости въ положеніе бѣдныхъ въ Швеціи и Ирландіи. Какъ бы то ни было, я не думаю, чтобы хоть одна изъ попытокъ, предпринимавшихся до настоящаго времени, могла послужить въ пользу противуположнаго мнѣнія. Попытки эти дали такіе результаты, какихъ слѣдовало ожидать. Можетъ ли подлежать сомнѣнію, что если, не понижая заработной платы и не отвлекая работника отъ его обычныхъ занятій, надѣлить его участкомъ земли и коровой, то этимъ значительно улучшится его положеніе? Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ получитъ тѣ же выгоды и при неограниченномъ приложеніи этой системы, при которомъ бѣдный, что касается до средствъ своего существованія, очутился бы въ зависимости исключительно отъ одной только своей поземельной собственности, при которомъ заработная плата должна упасть, а работникъ долженъ замѣнить хлѣбъ молокомъ и картофелемъ. Поэтому, наперекоръ Юнгу, я не нахожу ничего удивительнаго въ томъ, что та же система, которая вызвала замѣчательное благосостояніе между поселянами Линкольнскаго и Рутландскаго графствъ *, въ случаѣ примѣненія ея ко всей Англіи, повергла бы рабочихъ въ болѣе жалкое положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находятся бѣднѣйшіе люди въ Ирландіи.

Правительству опасно и неблагоразумно принимать на себя обязанность снабжать потребителей такими предметами, спросъ на которые очень великъ. Нельзя предположить, чтобы исключеніемъ изъ этого представляла забота его о снабженіи ихъ работниками. Я ни за что не согласился бы предложить положительный законъ, который опредѣлялъ бы число ихъ и величину его приращенія. Но такъ какъ размѣры пособій, которыя въ состояніи доставить общество, неизбѣжно ограничены, то отъ законодателя зависитъ опредѣленіе этихъ размѣровъ. Остальное должно быть предоставлено благоразумію и личной дѣятельности.

Еслибы такого рода проектъ былъ принятъ правитель-

---

* *An inquiry.... Изслѣдованія,* Роберта Гурлая, привед. на стр. 320.

ствомъ, то я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ послужилъ бы лучшимъ поощреніемъ и наградой для людей, на которыхъ лежитъ защита страны. Еслибы срокъ военной службы былъ ограниченъ, и, по выслугѣ опредѣленныхъ лѣтъ, каждый солдатъ, отличившійся добропорядочнымъ поведеніемъ, имѣлъ право на полученіе хижины и небольшаго клочка земли, или на помѣщеніе и небольшой пенсіонъ, (смотря по тому, поступитъ ли онъ въ сельскіе или городскіе работники); еслибы такого рода собственность объявлена была неотчуждаемой, то это служило бы сильнымъ поощреніемъ для молодыхъ людей, нетолько спѣшить на службу своему отечеству, но и вести себя порядочно; такъ что, среди народа вскорѣ возникло бы такое воинственное населеніе, какое, повидимому, требуется несчастнымъ современнымъ положеніемъ Европы. Такъ какъ общество можетъ доставить только ограниченное пособіе, то было бы во всѣхъ отношеніяхъ справедливо и благоразумно не упускать изъ виду главной цѣли, и назначить границы, за которыя не переходило бы это пособіе.

Если законодательство о бѣдныхъ останется въ настоящемъ своемъ видѣ, то слѣдовало бы по крайней мѣрѣ хорошенько изслѣдовать тѣ условія, которыя хоть отчасти предупреждаютъ пагубныя его слѣдствія, чтобы избѣжать безплодныхъ жалобъ, и въ особенности измѣненія нѣкоторыхъ обычаевъ, безъ которыхъ не могла бы существовать и вся система. Законъ, возлагающій на каждый приходъ заботу о своихъ бѣдныхъ, вызываетъ множество возраженій. Онъ обязываетъ надзирателей и церковныхъ старостъ къ неусыпной бдительности, чтобы не допускать селиться на земляхъ прихода постороннимъ людямъ. Онъ ставитъ приходы во враждебныя отношенія между собой. Онъ препятствуетъ, поэтому, свободному обращенію труда, и вызываетъ неодинакую заработную плату въ различныхъ частяхъ королевства. Онъ побуждаетъ землевладѣльцевъ, скорѣе разрушать *котэджи* въ своихъ владѣніяхъ, чѣмъ строить новые. Затрудненіе поселиться въ деревнѣ гонитъ въ города значительное число людей, которые, въ противномъ случаѣ, не явились бы въ нихъ, и тѣмъ поощряетъ фабрики въ ущербъ для земледѣлія. Бѣд-

ствія эти, безъ всякаго сомнѣнія, весьма важны; но еслибы вздумали уничтожить причину ихъ, не измѣняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, существующаго законодательства, то этимъ причинили бы еще большее бѣдствіе. Я раздѣляю мнѣніе Юнга, что едвали во всемъ королевствѣ отыщется хоть одинъ приходъ, который, постройкой хижинъ и отдачей ихъ въ аренду на умѣренныхъ условіяхъ, тотчасъ же не вызвалъ бы охотниковъ завестись хозяйствомъ. Я соглашаюсь даже съ этимъ писателемъ, что во многихъ мѣстностяхъ отсутствіе помѣщеній оказываетъ слишкомъ сильное дѣйствіе на предупрежденіе браковъ. Но я вполнѣ увѣренъ, что по всѣмъ соображеніямъ, система эта совершенно согласна съ настоящимъ порядкомъ вещей и оказала самыя благодѣтельныя послѣдствія. Я глубоко убѣжденъ, что только этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что столько времени могли просуществовать съ нашими законами о бѣдныхъ. Еслибы всякій имѣлъ право построить себѣ хижину на большей дорогѣ или на незанятой землѣ, не встрѣчая никакой помѣхи, и еслибы, въ то же самое время, онъ увѣренъ былъ, что приходъ доставитъ ему работу или продовольствіе, для него самого и для его семейства, какъ только онъ почувствуетъ нужду, то безъ сомнѣнія, вскорѣ оказалось бы, что нѣтъ физической возможности въ точности выполнить подобную мѣру. Необходимо, поэтому, замѣтить, что если Англія могла выдержать систему, принятую ею относительно бѣдныхъ, то это не потому, чтобы эта страна, или всякая другая, могла прокормить всѣхъ раждающихся въ ней людей, а потому, что косвенное дѣйствіе этой системы, плохо понятой при ея установленіи и нерѣдко подрывавшейся въ послѣдующее время, ограничивало число рожденій, такъ что наконецъ довело его до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла удовлетворить всѣхъ раждающихся.

Непосредственное дѣйствіе англійскихъ законовъ о бѣдныхъ состоитъ очевидно въ поощреніи браковъ. Но если внимательно прослѣдить косвенное дѣйствіе этихъ законовъ, то можно сомнѣваться, чтобы первое могло быть особенно сильно. Вообще же, они несомнѣнно подрываютъ привычки

народа къ бережливости и умѣренности, и поощряютъ лѣность, подкидываніе дѣтей, словомъ, ставятъ на одну доску порокъ и добродѣтель. Я, впрочемъ, не рѣшился бы утверждать, что они содѣйствуютъ размноженію населенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Англіи отношеніе раждающихся ко всему населенію меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, находящихся почти въ одинаковыхъ съ нею условіяхъ. Вѣроятно это зависитъ отъ ея правительства, отъ участія, принимаемаго въ немъ народомъ, отъ болѣе ощущаемой и болѣе распространенной потребности въ порядочности и даже нѣкотораго рода роскоши. Понятно, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій и подъ двойнымъ дѣйствіемъ законодательства о бѣдныхъ, весьма трудно опредѣлить точное дѣйствіе послѣдняго на размноженіе населенія *.

Единственный, дѣйствительно сильный аргументъ, который, по моему мнѣнію, можетъ быть выставленъ противъ всего моего сочиненія вообще, долженъ быть направленъ не противъ изложенныхъ въ немъ принциповъ, а противъ моего примѣненія ихъ. Всѣ мои разсужденія и всѣ собранные мною факты доказываютъ, что для улучшенія положенія бѣдныхъ *необходимо уменьшеніе относительнаго числа рожденій.* Но такое уменьшеніе есть неизбѣжное слѣдствіе болѣе совершеннаго правительства и характера, воспитываемаго имъ въ низшихъ классахъ народа. Если, поэтому, предложенная мною цѣль похвальна и желательна, то рѣшительно нѣтъ никакой необходимости въ распространеніи, ради ея достиженія, новыхъ понятій, которыя подымали бы только противъ себя предразсудки бѣдныхъ классовъ, когда еще невозможно

---

* Лучшее, что можно сказать объ англійскихъ законахъ о бѣдныхъ, это — что при всѣхъ сопровождавшихъ ихъ обстоятельствахъ, они мало поощряли браки; и не подлежитъ сомнѣнію, что отчеты, опубликованные, вслѣдствіе акта о народонаселеніи, подтверждаютъ такое мнѣніе. Если послѣднее оправдается, то многія возраженія, направленныя мною противъ этихъ законовъ, падаютъ сами собою; но я прошу читателя замѣтить, что они падаютъ на основаніи тѣхъ же положеній, которыя установлены мной, и только подтвердятъ главныя истины, вытекающія изъ этихъ положеній. Прим. автора.

опредѣлить съ точностью всѣхъ ихъ послѣдствій. Для этого достаточно улучшенія основъ гражданскаго управленія, распространенія на всѣхъ людей благодѣяній просвѣщенія и пріобщенія къ выгодамъ всѣхъ, кто можетъ и долженъ ими пользоваться. А затѣмъ, можно быть покойнымъ относительно результатовъ, имѣвшихся нами въ виду, то есть, уменьшенія числа рожденій, которое одно только можетъ укрѣпить полученныя выгоды, и дать имъ прочное существованіе.

Я признаю силу и значеніе такого аргумента, и могу дать на него одинъ только отвѣтъ. Трудно предположить, чтобы движеніе наше къ предположенной цѣли не могло быть ускорено всеобщимъ сознаніемъ тѣхъ условій, которыя препятствуютъ ея достиженію. Что касается лично до меня, то я не могу не надѣяться, что низшіе классы, хорошо ознакомившись съ дѣйствительнымъ своимъ положеніемъ, станутъ согласовать съ нимъ свой образъ дѣйствій. Если эта перемѣна совершится исподоволь, постепенно, подъ непрерывнымъ вліяніемъ хорошаго воспитанія, нравственнаго и религіознаго, я не думаю, чтобы можно было ожидать отъ нея какой либо опасности. Я никогда не соглашусь повѣрить, чтобы распространеніе истины могло быть предосудительно. Разумѣется, можно представить себѣ нѣкоторые случаи, когда бы можно было этого опасаться, но случаи эти весьма рѣдки, и должно признавать ихъ съ крайнею осторожностью. Если не предположить вообще, что всякое распространеніе истины полезно, то люди перестали бы горячо преслѣдовать ее, а это нанесло бы вредъ, какъ наукѣ, такъ и добродѣтели. Но слѣдуетъ воздерживаться и отъ особенной самоувѣренности, что мы овладѣли законами природы прежде, чѣмъ Творецъ этихъ законовъ позволилъ намъ проникнуть въ нихъ, и прежде, чѣмъ это требуется истиннымъ счастіемъ человѣческаго рода.

Вотъ какія чувства одушевляли меня, и побудили изложить откровенно мысли мои по этому вопросу. Я до такой степени глубоко убѣжденъ въ справедливости принятыхъ мною и изложенныхъ въ этомъ *Опытѣ* принциповъ, что до тѣхъ поръ, пока не выставятъ противъ меня опроверженій совершенно инаго рода, чѣмъ тѣ, которыя приводились до на-

стоящаго времени, я буду считать ихъ прочными и несомнѣнными. Но, что̀ касается до ихъ примѣненія, то это иное дѣло. Въ этомъ отношеніи мнѣнія могутъ быть несходны, ибо, съ той и другой точки зрѣнія, представляются опасенія, на которыя каждый можетъ взглянуть по своему. Но какого бы мнѣнія мы ни придерживались относительно выгоды или неудобства распространенія истинъ, касающихся участи бѣдныхъ, никто не станетъ отрицать безконечной пользы, которую можетъ доставить знакомство съ ними людей, устанавливающихъ законы и опредѣляющихъ общественныя учрежденія. Несомнѣнно можетъ случиться, что не для чего посвящать всѣхъ солдатъ арміи въ подробности объ ихъ положеніи; но я не думаю, чтобы можно было ожидать какой нибудь пользы, если держать въ невѣдѣніи на этотъ счетъ генераловъ.

Если не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уменьшеніе относительнаго числа рожденій * есть единственное средство для прочнаго улучшенія здоровья и благосостоянія всей массы народа; если въ то же самое время уменьшеніе это есть единственное средство для поддержанія той части населенія, которая состоитъ изъ взрослыхъ и которая обѣщаетъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе пользы для общества; если, поэтому, это есть единственное средство вызвать постоянное возрастаніе безспорно полезнаго населенія, то, безъ сомнѣнія, въ высшей степени важно, чтобы такія истины были всѣмъ извѣстны, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, не препятствовали этому уменьшенію, если уже мы не можемъ оказать ему непосредственнаго содѣйствія **. Если отмѣна англійскихъ законовъ о бѣдныхъ,

* Считаю нужнымъ напомнить въ настоящемъ случаѣ, что уменьшеніе *относительнаго* числа рожденій весьма легко можетъ сопровождаться непрерывнымъ возрастаніемъ всего населенія, что̀ въ сущности и было въ послѣднія сорокъ лѣтъ въ Англіи и Шотландіи.

Прим. автора.

** Не должно забывать, что всякая страна можетъ испытать недостатокъ въ людяхъ, то вслѣдствіе какихъ либо чрезвычайныхъ потерь, то вслѣдствіе неожиданнаго спроса на нихъ; но это нисколько не подрываетъ установленнаго нами принципа. Какъ бы сильно ни было стремленіе народа къ размноженію, очевидно, что чрезвычай-

оказывается невозможной, то не подлежитъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣнію, что полезно было бы знать общіе принципы, парализовавшіе усилія тѣхъ, которые заботились о введеніи ихъ подъ вліяніемъ чувства человѣколюбія. Ибо, знакомство съ этими принципами можетъ указать полезныя измѣненія, какія можно сдѣлать въ законодательствѣ о бѣдныхъ, и лучшіе способы для приведенія ихъ въ исполненіе.

Мнѣ приходится отстранить еще одно затрудненіе. Но, ска-

ное число людей не можетъ быть доставлено въ шесть мѣсяцевъ или въ шесть лѣтъ; но еслибы даже дѣло шло о достиженіи такой цѣли, условія, уменьшающія смертность, оказываютъ дѣйствіе, нетолько болѣе прочное, но и болѣе быстрое, чѣмъ прямое поощреніе браковъ. Количество рожденій можетъ возрастать, и дѣйствительно часто возрастаетъ, не сопровождаясь увеличеніемъ всего населенія; но при неизмѣнномъ числѣ рожденій, невозможно, чтобы уменьшеніе смертности не сопровождалось возрастаніемъ всего населенія.

Насъ вводитъ въ этомъ отношеніи въ обманъ постоянное требованіе на трудъ, существующее въ благоденствующихъ странахъ; но должно замѣтить, что въ странахъ, которыя только поддерживаютъ свое народонаселеніе на одномъ уровнѣ, заработная плата должна быть достаточна для содержанія семьи, состоящей изъ опредѣленнаго числа лицъ; поэтому, холостой работникъ долженъ получать въ нихъ нѣсколько больше, а спросъ на трудъ въ нихъ долженъ существовать постоянно по цѣнѣ, достаточной для существованія одинокого человѣка. Англія, по всей вѣроятности, не могла бы имѣть въ скоромъ времени двойное количество работниковъ по существующей величинѣ заработной платы, ибо предложеніе опредѣляетъ спросъ, какъ спросъ опредѣляетъ предложеніе. Настоящее расширеніе хлопчатобумажной промышленности вытекаетъ не изъ чрезвычайнаго увеличенія спроса по прежнимъ цѣнамъ, а изъ усиленнаго предложенія по несравненно дѣшевѣйшимъ цѣнамъ, неизбѣжно вызвавшаго болѣе широкій спросъ. Но такъ какъ намъ невозможно ни при какомъ промышленномъ улучшеніи имѣть рабочихъ по шести пенсовъ въ день, то мы должны по необходимости подчиниться тѣмъ условіямъ, на которыхъ мы можемъ получить ихъ. И всякій человѣкъ, сочувствующій счастію своихъ ближнихъ, или хотя только руководствующійся благоразумными воззрѣніями, безъ сомнѣнія, отдастъ предпочтеніе населенію, вызванному такой заработной платой, которая, при содѣйствіи хорошихъ привычекъ, уменьшаетъ смертность, предъ населеніемъ, вызваннымъ увеличившимся отношеніемъ рожденій и умноженіемъ числа дѣтей, изъ которыхъ только немногіе достигаютъ зрѣлаго возраста.

Прим. автора.

зать по правдѣ, мнѣ предстоитъ на этотъ разъ опровергать не доводы разума, а успокоить чувство. Многіе люди, неопирающіе своихъ мнѣній на томъ, что̀ имъ нравится, утверждаютъ, что принципы, изложенные въ этомъ *Опытѣ*, представляются имъ неопровержимыми, но это то и опечалило ихъ. Имъ показалось, что подобное ученіе растилаетъ надъ природой мрачное покрывало, и закрываетъ сердце надеждамъ на то улучшеніе и усовершенствованіе, которыя скрашиваютъ человѣческую жизнь. Я долженъ сознаться, что не раздѣляю этого чувства. Еслибы картина прошлаго давала мнѣ право смотрѣть на существенное улучшеніе общественнаго быта нетолько какъ на возможное, но какъ на весьма вѣроятное, то погибель моихъ надеждъ, безъ сомнѣнія, опечалила бы меня.

Но если, напротивъ того, опытъ прошлаго не позволяетъ мнѣ разсчитывать на подобное улучшеніе, то я безъ грусти взираю на затрудненіе, неразрывно связанное съ нашей природой, съ которымъ намъ приходится вести постоянную борьбу; борьбу, которая возбуждаетъ энергію чевовѣка, развиваетъ его способности, закаляетъ его душу и улучшаетъ его во многихъ отношеніяхъ; однимъ словомъ, борьбу, которая, повидимому, въ высшей степени пригодна для испытанія чечеловѣка. Я рѣшительно предпочитаю такой взглядъ на собственное мое положеніе тому, который представится мнѣ, если я стану увѣрять себя, что всѣ бѣдствія жизни легко могли бы быть отстранены, еслибы испорченность людей, оказывающихъ вліяніе на общественныя учрежденія, не искажала всякаго полезнаго нововведенія *.

Человѣкъ, раздѣляющій послѣднее мнѣніе, неизбѣжно дол-

---

* Пороки и бѣдствія, пораждаемые чрезмѣрнымъ стремленіемъ населенія перейти за уровень, допускаемый средствами существованія, а съ другой стороны, пороки и бѣдствія, пораждаемые развратомъ, представляются въ жизни человѣческой двумя подводными камнями, подобными Сциллѣ и Харибдѣ. Что каждый человѣкъ можетъ ихъ избѣгнуть—я употребилъ всѣ усилія, чтобы доказать эту истину. Но всякій свѣдущій человѣкъ долженъ согласиться, что оба эти подводные камня представляютъ затрудненіе, нисколько независящее отъ человѣческихъ учрежденій. Прим. автора.

женъ ощущать чувство постояннаго неудовольствія и озлобленія. Ему необходимо приходится горько разочаровываться въ горячихъ надеждахъ при малѣйшемъ столкновеніи съ жизнью. Правильное движеніе общества, при самыхъ благопріятныхъ даже условіяхъ, покажется ему медленнымъ и недостаточнымъ; предубѣжденными глазами онъ чаще всего увидитъ въ немъ только ретроградное движеніе и безвыходное несчастіе; перемѣны, которыя страстно желались имъ, покажутся ему связанными со множествомъ бѣдствій; друзья, внушавшіе ему наиболѣе довѣрія, отстанутъ отъ него, умудренные опытомъ или обольщенные честолюбіемъ. Среди обманутыхъ ожиданій, онъ будетъ видѣть во всемъ только преступныя побужденія, и потеряетъ, быть можетъ, вѣру въ какое бы то ни было улучшеніе. Судя такимъ образомъ о цѣломъ на основаніи немногихъ частныхъ явленій, къ тому же, если отъ природы онъ не одаренъ особенной кротостью и человѣколюбіемъ, онъ впадаетъ въ тоску, которая вызоветъ въ немъ апатію, уныніе, безсиліе, такъ часто заканчивающія начатую такимъ образомъ жизнь.

Человѣкъ, принимающій противуположное мнѣніе, не испытываетъ обмана, потому что не предается пустымъ надеждамъ. Сравненіе различныхъ состояній общества показываетъ ему, что самыя лучшія между ними способны къ улучшенію, и пробуждаетъ въ немъ бодрость. Но онъ предвидитъ и затрудненія; онъ знаетъ, что желаніе исправленія часто сопровождалось какой нибудь потерей въ другомъ отношеніи, и что общество рѣдко двигается впередъ всѣми своими сторонами; поэтому, его не удивляетъ неисполненіе лучшихъ его желаній. Онъ нетолько не впадаетъ въ отчаяніе, но старается воспользоваться новыми свѣдѣніями, доставляемыми ему неудачей; энергія его не ослабѣваетъ, но принимаетъ лучшее направленіе. Понятіе, составленное имъ о положеніи человѣка въ обществѣ, опирается на прочное и широкое основаніе; никакой ударъ не можетъ сломить его. До послѣднихъ дней своихъ онъ вѣритъ, какъ въ могущество добродѣтели, такъ и въ существованіе порока, и не покидаетъ надежды на будущія общественныя улучшенія, надежды, обезпечивае-

мой исторіей прошедшихъ временъ, несмотря на такъ часто встрѣчающіяся въ ней печальныя событія.

Если невѣжество есть благо, то незачѣмъ стараться просвѣтить себя. Но если оно, какъ въ настоящемъ случаѣ, опасно, если ложныя воззрѣнія на общественный порядокъ нетолько останавливаютъ всякій прогрессъ, но еще жестоко обманываютъ наши надежды, то, мнѣ кажется, чувства и ожиданія, порождаемыя здравымъ взглядомъ на будущее, представляются источникомъ для нашего утѣшенія, а обладающіе ими люди пользуются бо̀льшимъ счастіемъ, и принимаютъ большее участіе въ усовершенствованіи и благоденствіи общества, чѣмъ еслибы они закрыли свои глаза для истины.

Между тѣмъ какъ печатался послѣдній листъ этого *Приложенія* * (1807), я съ удивленіемъ узналъ, что изъ *Закона народонаселенія* вывели аргументъ въ пользу торговли невольниками. А такъ какъ мнѣ кажется, что сочиненіе это ведетъ совершенно къ противоположному заключенію, то я не могу не сказать нѣсколько словъ по этому вопросу.

Еслибы единственный доводъ противъ торговли рабами состоялъ въ опасеніи, чтобы не обезлюдѣла Африка, вслѣдствіе вызываемой этою торговлей смертности, или, чтобы не исчезла такимъ образомъ цѣлая порода людей, то, разумѣется, можно было бы извлечь нѣсколько утѣшеній изъ закона народонаселенія для людей, проникнутыхъ подобными опасеніями. Но такъ какъ на подобныхъ опасеніяхъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда не опирали необходимости уничтоженія торговли неграми, то защитники ея не имѣютъ никакого права прибѣгать, ради ея оправданія, къ законамъ, управляющимъ размноженіемъ нашей породы.

Отмѣна торговли невольниками опирается на слѣдующихъ двухъ главныхъ аргументахъ:

1) Торговля, производящаяся по берегамъ Африки для вывоза негровъ, и послѣдующее обращеніе съ рабами въ западной Индіи составляютъ причину жестокихъ бѣдствій для

* Вся V книга *Опыта* написана заново, въ видѣ *Приложенія* къ изданнымъ прежде четыремъ. Рус. перев.

нашихъ ближнихъ; а потому, продолженіе этой торговли позорно для людей и для христіанъ, допускающихъ ее.

2) Обработка островов можетъ производиться съ такою же выгодой и съ большей безопасностью по прекращеніи привоза рабовъ.

Что касается до перваго аргумента, то *Опытъ о законѣ народонаселенія* доказываетъ, что стремленіе рода человѣческаго къ размноженію таково, что ни въ одной странѣ среднее населеніе не можетъ оставаться постоянно ниже средствъ существованія, если оно не задерживается какою либо физической или нравственной причиной, дѣйствующей съ особенной и непривычной силой. На островахъ западной Индіи существуетъ непрерывный спросъ на негровъ-работниковъ. Изъ этого можно заключить, что препятствія, непосредственно останавливающія ихъ народонаселеніе, дѣйствуютъ съ чрезвычайной и непривычной силой. Мы видѣли, что всѣ эти препятствія сводятся къ тремъ причинамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастію (нищетѣ). Въ рабскомъ состояніи самообузданіе не можетъ имѣть значительнаго вліянія; да и ни при какомъ состояніи общества причина эта не можетъ дѣйствовать непрерывно. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, замѣченное явленіе должно приписать цѣликомъ чрезвычайному дѣйствію порока и несчастія. Поэтому, на основаніи доводовъ, приводимыхъ въ *Опытѣ о законѣ народонаселенія*, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что положеніе рабовъ въ западной Индіи, говоря вообще, крайне несчастно; а то, что̀ говорятъ объ этомъ защитники уничтоженія рабства, не можетъ быть преувеличено.

Мнѣ возразятъ на это, что главная причина непрекращающагося уменьшенія рабовъ въ западной Индіи состоитъ въ неодинакой числительности лицъ того и другаго пола, такъ какъ мужчинъ привозится гораздо больше, чѣмъ женщинъ. Но уже одно это достаточно доказываетъ жестокое положеніе негровъ, и не можетъ не оказывать самаго пагубнаго вліянія на нравственное ихъ униженіе.

Быть можетъ, мнѣ возразятъ еще, что многіе города тоже не могутъ поддерживать собственнаго своего населенія, а меж-

ду тѣмъ, противъ нихъ не подымается никакихъ возраженій. Но оба эти случая не могутъ сравниваться между собой. Если для того, чтобы пользоваться обществомъ или получать бòльшую заработную плату, люди добровольно подвергаютъ себя менѣе чистому воздуху и болѣе опаснымъ искушеніямъ, то они не имѣютъ никакого права жаловаться на несправедливость или на жестокость. Бòльшая смертность въ городахъ падаетъ главнымъ образомъ на дѣтей; взрослые люди почти не замѣчаютъ ее. Мужчины и женщины находятся въ нихъ въ одинаковомъ числѣ; каждый изъ нихъ имѣетъ право надѣяться, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда, на сладость семейной жизни. Если въ этотъ періодъ надежды онъ проведетъ порочную жизнь, которая отстранитъ супружество на задній планъ, то ему приходится винить одного себя. Совсѣмъ иное представляется для негровъ. Неодинакая числительность мужчинъ и женщинъ уничтожаетъ въ нихъ всякую надежду испытать отраду семейной жизни. Надежда эта не услаждаетъ ихъ страданій, не побуждаетъ ихъ къ труду. Среди лишеній, которымъ не видно конца, они, повидимому, осуждены на порокъ; такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что они съ радостью встрѣчаютъ смерть, и такъ часто погибаютъ въ молодомъ возрастѣ, подъ гнетомъ своей несчастной участи.

Второй аргументъ находитъ не бòльшую опору въ законѣ народонаселенія. Пробѣгая всѣ страны міра, мы убѣждаемся, что при всѣхъ формахъ правительства, при самыхъ несправедливыхъ даже и тираническихъ, во всѣхъ климатахъ, самыхъ нездоровыхъ даже, за исключеніемъ вышеозначеннаго случая, населеніе всегда въ состояніи поддерживать себя на уровнѣ средствъ существованія. Еслибы, стало быть, съ отмѣною торговли, негры западной Индіи поставлены были только въ сносное положеніе, еслибы, по общественному состоянію и по нравственнымъ своимъ привычкамъ, они походили на большинство людей въ хуже всего управляемыхъ странахъ, то безсиліе ихъ удовлетворить дѣйствительному спросу на трудъ посредствомъ рожденій противурѣчило бы законамъ природы; къ тому же, трудно представить себѣ, чтобы полу-

ченное такимъ путемъ населеніе не было во всѣхъ отношеніяхъ лучше существующаго въ настоящее время.

Поэтому, очевидно до послѣдней степени, что разсмотрѣніе законовъ, управляющихъ умноженіемъ и уменьшеніемъ человѣческой породы, самымъ могущественнымъ образомъ подкрѣпляетъ всѣ аргументы въ пользу отмѣны торговли неграми.

Что же касается до состоянія африканскихъ народовъ, то читатель безъ труда согласится, что описывая это состояніе, я нисколько не имѣлъ въ виду торговли рабами. Еслибы я вступилъ въ изслѣдованіе этого вопроса, то мнѣ пришлось бы сдѣлать слишкомъ длинное отступленіе. Но очевидно, что всѣ приводимые мною факты, въ особенности, на основаніи М. Парка, если и не могутъ служить, по природѣ своей, положительнымъ доказательствомъ, что войны въ Африкѣ возбуждаются и усиливаются тоговлею невольниками, производимою на ея берегахъ, то они, по меньшей мѣрѣ, подтверждаютъ такое предположеніе. Состояніе Африки, какимъ я представилъ его, именно таково, какое должно встрѣтить въ странѣ, въ которой выгоднѣе захватывать людей въ плѣнъ, чѣмъ заниматься земледѣліемъ или ремеслами. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что уже нѣсколько столѣтій мы не имѣетъ точныхъ свѣдѣній объ этихъ народахъ. Но и принимая, что набѣги, описываемые Паркомъ, относятся къ болѣе отдаленной эпохѣ, все же нельзя отрицать, что всякое обстоятельство, подымающее, подобно европейской торговлѣ, цѣну награбленнаго товара, должно служить могущественнымъ поощреніемъ для такихъ набѣговъ, и оказывать самое сильное вліяніе на предупрежденіе всякой перемѣны къ лучшему. *Пока Европа будетъ настолько варварской, чтобы покупать въ Африкѣ невольниковъ, до тѣхъ поръ мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что Африка останется настолько варварской, чтобы продавать ихъ.*

*

ГЛАВА III. — Опровержение теорій Грагама и Вейланда. — Заявленіе Мальтуса.

1817. Со времени обнародованія послѣдняго изданія этого *Опыта* въ 1807, появилось два сочиненія, съ явною цѣлью опровергнуть заключающіеся въ немъ принципы и выводы. Одно изъ нихъ, *Законы народонаселенія и производства*, принадлежитъ Вейланду, другое — *Изслѣдованіе закона народонаселенія* — Грагаму.

Я съ большимъ удовольствіемъ предоставилъ бы дальнѣйшее рѣшеніе этого вопроса на обсужденіе публики, и воздерживался бы отъ личнаго участія въ преніяхъ. Но такъ какъ я объявилъ, что готовъ отвѣчать на каждое серьезное возраженіе, если оно будетъ запечатлѣно искренностью; къ тому же, такъ какъ по крайней мѣрѣ одно изъ этихъ сочиненій отличается этими свойствами, а другое не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, то я считаю своимъ долгомъ разсмотрѣть ихъ.

Я не считалъ бы необходимымъ разбирать сочиненіе Грагама, крайне поверхностное и неимѣющее опредѣленной цѣли, еслибы оно не представляло въ высшей степени страннаго примѣра недобросовѣстнаго изложенія предмета, примѣра, указать на который я нахожу полезнымъ.

Во второй главѣ, говоря о стремленіи къ чрезмѣрному населенію, являющемуся результатомъ закона народонаселенія, Грагамъ замѣчаетъ, что нѣкоторые философы принимаютъ это стремленіе за доказательство предусмотрительности природы, пополняющей такимъ образомъ потери, причиняемыя пороками и страстями; «между тѣмъ какъ другіе, во главѣ которыхъ стоитъ Мальтусъ, смотрятъ на людскіе пороки и безумія, со всѣми послѣдствіями ихъ, голодомъ, болѣзнями и войной, какъ на *благодѣтельныя средства*, при содѣйствіи которыхъ природа дала человѣку возможность противудѣйствовать бѣдствіямъ, порождаемымъ избыточнымъ населеніемъ, составляющимъ неизбѣжный результатъ самого дѣйствія этихъ законовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ.»

Вотъ какія мнѣнія приписываются мнѣ и тѣмъ философамъ, къ которымъ меня причисляютъ. Если обвиненіе это основательно, то, по многимъ причинамъ, намъ есть отъ чего краснѣть со стыда. Ибо, что̀ же говоримъ мы по ихъ мнѣнію? Во первыхъ, что *голодъ или недостатокъ хлѣба* есть благодѣтельное средство, ибо выраженіе избыточное населеніе можетъ означать только населеніе, дурно снабженное средствами существованія; такъ что, благодѣтельное средство, представляемое голодомъ, не можетъ представляться въ настоящемъ случаѣ инымъ чѣмъ, какъ бѣдствіями, вызываемыми недостаткомъ продовольствія. Во вторыхъ, они предполагаютъ, что по нашему мнѣнію, природа даетъ возможность человѣку противудѣйствовать болѣзнями бѣдствіямъ, порождаемымъ избыточнымъ населеніемъ; то есть, человѣчество съ умысломъ создаетъ болѣзни съ цѣлью предупредить болѣзни, составляющія неизбѣжное слѣдствіе избыточнаго населенія, болѣзни, не болѣе жестокія и смертельныя, чѣмъ тѣ средства, которыми стараются предупредить ихъ. И въ третьихъ, насъ обвиняютъ въ томъ, что мы смотримъ вообще на людскіе пороки и безумія, какъ на благодѣтельныя средства противъ бѣдствій, порождаемыхъ избыточнымъ населеніемъ; изъ чего естественно̀ слѣдуетъ заключить, что пороки эти скорѣе должны поощряться, чѣмъ сдерживаться. Трудно было бы представить въ немногихъ словахъ столько нелѣпостей, противурѣчій и заключеній, неимѣющихъ никакого основанія.

Первыя два обвиненія, быть можетъ, принадлежатъ самому Грагаму, и опровергаются очевидною свою нелѣпостью и непослѣдовательностью. Третье, должно сознаться, не отличается новизной. Хотя оно столько же нелѣпо, какъ и два первыя, и хотя было ясно доказано, что оно не можетъ опираться ни на одинъ параграфъ этого *Опыта*, ни на одинъ законный выводъ изъ того, что̀ въ немъ заключается, тѣмъ неменѣе, оно всюду повторялось вотъ уже четырнадцать лѣтъ, и наконецъ попало въ сочиненіе Грагама. Я рѣшаюсь, поэтому, въ послѣдній разъ отвѣчать на него. Затѣмъ, если снова обратятся къ нему, то я буду считать себя въ правѣ

не обращать на него никакого вниманія, какъ и на тѣхъ, которые подымутъ его *.

Еслибы я сказалъ, что стремленіе человѣческой породы къ болѣе быстрому размноженію, чѣмъ то, въ которомъ происходитъ возрастаніе средствъ существованія, удерживается на уровнѣ этихъ средствъ какимъ нибудь особеннымъ порокомъ и несчастіемъ; что бѣдствія эти неизбѣжны, и не могутъ быть отстранены никакими усиліями человѣка, то и въ такомъ даже случаѣ нельзя было бы отыскать хоть малѣйшій предлогъ для обвиненія меня въ томъ, что порокъ и несчастія я принимаю за средства противъ этихъ бѣдствій, такъ какъ они то и составляютъ эти бѣдствія. Съ такимъ же точно основаніемъ меня можно было бы обвинить, какъ это и дѣлаетъ Грагамъ, въ томъ, что я смотрю на голодъ и на болѣзни, вызываемыя недостаткомъ продовольствія, какъ на *благодѣтельное средство* противъ бѣдствій, причиняемыхъ неурожаемъ.

Но я вовсе не употреблялъ такихъ выраженій. Я не принималъ порока и несчастія, порожденныхъ избыточнымъ населеніемъ, за неизбѣжныя бѣдствія, которыя бы нельзя было уменьшить. Напротивъ того, я указалъ на средство для ихъ предупрежденія или уменьшенія дѣйствіемъ на самую причину, вызывающую ихъ. Я старался показать, что этого можно достигнуть безъ всякаго ущерба для счастія и добродѣтели. Никогда я не смотрѣлъ на возможное населеніе, какъ на зло, если только возрастаніе его не сопровождается соотвѣтствующимъ умноженіемъ порока и несчастія. Я именно и предложилъ нравственное обузданіе, какъ единственное средство, оправдываемое разумомъ. Хорошо ли это средство или дурно, дѣйствительно или недѣйствительно, дѣло въ томъ, что я предложилъ его, и сильно настаивалъ на его соблюденіи, чтобы предупредить обвиненіе въ томъ, что я принимаю порокъ и несчастіе за такія средства. Нетолько все мое сочиненіе, во всей своей совокупности, и содержаніе послѣдней его части доказываютъ, что я не заслуживаю подобнаго об-

* Тѣ же возраженія не перестаютъ раздаваться и въ настоящее время; на нихъ приходится, стало быть, отвѣчать: Прочитайте Мальтуса.— Но мы читали его!—Прочитайте еще разъ; вы его не поняли. Гарнье.

виненія, но многія мѣста, разсѣянныя по немъ, выражаютъ мою мысль съ такою ясностью, что ошибиться въ этомъ отношеніи невозможно, не закрывая глазъ предъ истиной.

Нельзя себѣ представить, чтобы человѣкъ, уважающій себя, рѣшился на подобныя обвиненія; такъ что, объяснять ихъ слѣдуетъ только крайнимъ невѣжествомъ или недобросовѣстностью, совершенно несовмѣстными съ качествами, требующимися отъ писателя въ такого рода изслѣдованіяхъ.

Но недобросовѣстное изложеніе предмета Грагамомъ не ограничивается однимъ только вышеприведеннымъ параграфомъ. Въ своемъ введеніи онъ замѣчаетъ, что для удержанія чрезмѣрнаго населенія, къ пагубнымъ послѣдствіямъ котораго я подошелъ ближе, чѣмъ Валласъ, «я предлагаю немедленно обратиться къ человѣколюбивымъ усиліямъ и къ насильственнымъ мѣрамъ, указаннымъ Кондорсе для отстраненія или облегченія подобныхъ бѣдствій.» Это мнѣніе не имѣетъ никакого основанія. Я ни разу не упоминалъ о принудительныхъ мѣрахъ, предлагаемыхъ Кондорсе, не сопровождая ихъ самымъ явнымъ неодобреніемъ. Я не задумаюсь отвергнуть всякую искуственную и противурѣчащую законамъ природы мѣру для сдержанія населенія, какъ средство безнравственное и подрывающее главное побужденіе къ труду. Если число дѣтей въ каждомъ супружествѣ будетъ произвольно ограничено, то мѣра эта можетъ породить большую безпечность; такъ что, различныя мѣстности, взятыя отдѣльно, и весь земной шаръ въ совокупности, не достигнутъ такого количества населенія, какое они могли бы имѣть. Предлагаемыя мною стѣсненія совсѣмъ инаго рода. Они нетолько указываются разумомъ и освящаются религіей, но и отличаются самымъ замѣтнымъ стремленіемъ къ поощренію труда и промышленности. Трудно придумать болѣе сильное побужденіе къ труду и къ порядочному поведенію, какъ надежда на супружество, на состояніе, которое составляетъ предметъ всѣхъ желаній, но которымъ воспользоваться можно, только воспитывая въ себѣ привычки къ трудолюбію, бережливости и благоразумію. Вотъ въ какомъ видѣ я постоянно старался представить это побужденіе.

Говоря объ англійскихъ законахъ о бѣдныхъ и о стремленіи ихъ (въ особенности, при такомъ исполненіи, какимъ они отличались въ послѣднее время) убить въ сельскомъ населеніи всякій духъ независимости, я сказалъ: «Въ отдѣльныхъ случаяхъ это жестокое правило; но необходимо, чтобы въ вспомоществованіи чувствовалось нѣкоторое униженіе.» Я хотѣлъ этимъ сказать, какъ это нетрудно замѣтить, что извѣстная степень чувства собственнаго достоинства, побуждающая работника, какъ въ Шотландіи напримѣръ, къ чрезвычайнымъ усиліямъ, чтобы не попасть самому или не отдать своихъ родственниковъ подъ опеку прихода, есть чувство желательное и способное увеличить благосостояніе низшихъ классовъ общества. Мѣсто это толкуетъ Грагамъ такимъ образомъ: «Богатый человѣкъ долженъ до такой степени отравлять уничиженіемъ страданія, причиняемыя бѣдностью, чтобы заставить людей, изъ чувства гордости, предпочитать послѣдній исходъ отчаянія зависимости! *»—Любопытный примѣръ недобросовѣстности и преувеличенія.

Я нарочно написалъ главу о практическомъ примѣненіи нашей благотворительности; но и въ другихъ отдѣльныхъ мѣстахъ я отдалъ должную дань похвалы благотворительности, даже преувеличенной. Я смѣло обращаюсь къ людямъ, прочитавшимъ эти части моего сочиненія и обратившимъ вниманіе на тонъ и духъ, отличающіе всѣ такія мѣста, и полагаюсь на ихъ добросовѣстность, вмѣсто того, чтобы отвѣчать Грагаму на его обвиненіе меня въ томъ, что я желалъ бы искоренить такія добродѣтели, какъ состраданіе и благотворительность, нисколько не обращая вниманія на то, что онѣ подымаютъ нравственное достоинство нашей природы; вмѣсто того, чтобы оправдываться въ будто бы моихъ словахъ, «что богатые должны сдѣлать свое сердце безчувственнымъ къ страданію ближнихъ, и не позволять, чтобы какое нибудь сострадательное движеніе могло пробудить въ нихъ ту добродѣтель, которая нерѣдко оказывается единственною связью, соединяющею ихъ съ ближними.» Трудно по-

---

* *Изслѣдованіе закона народонаселенія*, стр. 236.

вѣрить, чтобы Грагамъ читалъ вышеупомянутую главу, ибо, по смыслу и буквальному своему содержанію, она прямо и рѣшительно противурѣчитъ дѣлаемому имъ противъ меня обвиненію.

Это небольшое число примѣровъ недобросовѣстнаго изложенія предмета могло бы быть безъ труда увеличено множествомъ другихъ. Но я этого не стану дѣлать, и ограничусь замѣчаніемъ, что критиковать и нападать на мысли, которыя выключены изъ разбираемаго сочиненія, служитъ явнымъ доказательствомъ недобросовѣстности. А между тѣмъ, Грагамъ дѣлаетъ это неразъ, ибо трудно предположить его невѣдѣніе относительно того, что онъ придирался къ словамъ, которыя я нашелъ нужнымъ измѣнить или даже вовсе выпустить.

Я полагаю, впрочемъ, что вовсе не стоило бы выставлять эти недобросовѣстные выводы Грагама, еслибы, при этомъ, рѣчь его, по тону и пріемамъ, не заслуживала бо̀льшаго вниманія, чѣмъ пріемы многихъ другихъ моихъ противниковъ.

Что же касается до сущности и цѣли сочиненія Грагама, то онъ старается, повидимому, доказать, что естественное средство противъ избыточнаго населенія есть выселеніе; а за отсутствіемъ его, нѣтъ ни одного, которое не причиняло бы еще бо̀льшаго зла. Оба эти вопроса подробно разсмотрѣны въ моемъ *Опытѣ*, такъ что нѣтъ никакой надобности повторять то, что̀ уже изложено мною съ достаточной подробностью.

Эмиграція, еслибы даже она не встрѣчала никакой помѣхи, есть такое средство, которое не можетъ продолжаться долго. Поэтому, на него нельзя смотрѣть ни въ какомъ случаѣ, какъ на достаточное средство. Второе его положеніе есть дѣло личнаго убѣжденія, въ которомъ, разумѣется, каждый можетъ придерживаться того или другаго воззрѣнія. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что опытъ рѣшительно противурѣчитъ воззрѣнію, поддерживаемому этимъ писателемъ. Людямъ, думающимъ иначе, остается только подчиниться послѣдствіямъ ихъ принципа. Послѣдствія эти состоятъ въ томъ, что нищета и несчастія, порождаемыя избыточнымъ населеніемъ,

пониженіе заработной платы и недостатокъ работъ суть бѣдствія безусловно неотвратимыя; что они необходимо должны усиливаться, по мѣрѣ размноженія людей на землѣ; что всѣ усилія законодательной мудрости и частной благотворительности, разумѣется, могутъ оказать нѣкоторое поощреніе добродѣтели, и произвесть извѣстныя измѣненія въ распредѣленіи нищеты, но рѣшительно не въ силахъ ни уменьшить ее, ни воспрепятствовать ея распространенію.

Сочиненіе Вейланда принадлежитъ къ трудамъ, имѣющимъ несравненно большее значеніе, чѣмъ сочиненіе Грагама. Оно имѣетъ въ виду строго обозначенную цѣль. Хотя въ подробностяхъ авторъ вынужденъ раздѣлять мои мнѣнія относительно препятствій, которыя въ сущности поддерживаютъ населеніе на уровнѣ продовольствія; хотя онъ не приводитъ ни одной причины для объясненія медленнаго роста цивилизованнаго населенія, которая бы не подходила подъ одно изъ обозначенныхъ мною трехъ главныхъ препятствій (самообузданіе, порокъ и нищету), тѣмъ неменѣе, онъ начинаетъ формальнымъ отрицаніемъ моихъ принциповъ, и кончаетъ (какъ это и слѣдовало ожидать послѣ такого приступа) выводами, прямо противуположными моимъ заключеніямъ.

Изложивъ совершенно правильно главныя мои основанія, онъ разбираетъ дѣлаемые мною выводы, и говоритъ: «Принявъ посылки, очевидно, нельзя отрицать вытекающія изъ нихъ слѣдствія *.»

Я не имѣю права требовать ничего больше. Если мнѣ докажутъ, что посылки мои не опираются на прочныя основанія, то я готовъ отказаться отъ послѣдствій, которыя я вывелъ изъ нихъ.

Для рѣшенія спорнаго вопроса, мнѣ остается только повторить доказательства въ пользу этихъ посылокъ, доказательства, вытекающія, одни — изъ теоретическихъ соображеній, другія — изъ фактовъ, основанныхъ на наблюденіи, и тщательно мною развитыя. Всякій согласится, что они изложены мною съ достаточною ясностью, и многіе люди, отрицая мои

* *Законы народонаселенія и производства,* стр. 15.

выводы, тѣмъ неменѣе признаютъ ихъ силу. Мнѣ остается, стало быть, только разсмотрѣть возраженія, приводимыя противъ нихъ Вейландомъ.

Онъ говоритъ: «Заблужденія и ошибочныя понятія о законѣ народонаселенія, повидимому, вытекаютъ изъ того, что за естественное и вообще за возможное размноженіе населенія принимаютъ самое быстрое, какое только можетъ случиться при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ, и что всякое замедленіе такого размноженія принимается за препятствіе, останавливающее естественный и самопроизвольный ростъ населенія: плотина недостаточная для удержанія потока. Это все равно, какъ еслибы для опредѣленія естественнаго роста человѣка, мы выбрали ростъ великана, и приняли бы за препятствія тѣ условія, которыя не позволяютъ большей части людей достигнуть такой величины.

Примѣръ, избранный Вейландомъ, неудаченъ. Чтобы представить различныя приращенія населенія въ видѣ различныхъ величинъ роста человѣческаго, ему слѣдовало бы повернуть свое сравненіе такимъ образомъ:

Еслибы въ какой нибудь странѣ замѣчено было, что люди носятъ на своей головѣ тяжесть; что каждый изъ нихъ оказывается выше или ниже, смотря по большему или меньшему вѣсу его ноши; что съ уменьшеніемъ тяжести, увеличивается ростъ человѣка, и что немногіе люди, неносившіе никакой тяжести, ростомъ своимъ превосходятъ прочихъ, то не имѣли ли бы мы права заключить изъ этого, что тяжесть, давившая прочихъ, была причиною ихъ небольшаго роста, и что высокій ростъ людей, ничего неносившихъ на головѣ, представляетъ настоящую мѣру естественнаго роста, котораго достигало бы большинство людей, еслибы ничто не препятствовало ему?

Что, въ сущности, поражаетъ насъ въ размноженіи населенія, замѣчаемомъ въ различныхъ странахъ? Не находимъ ли мы, что во всѣхъ хорошо извѣстныхъ намъ случаяхъ естественное стремленіе къ размноженію останавливается затрудненіемъ, непосредственно обнаруживающимся въ одной изъ слѣдующихъ трехъ формъ: въ самообузданіи, порокѣ и ни-

щетѣ? что размноженіе оказывается медленнымъ или быстрымъ, смотря по большей или меньшей тяжести этого бремени? что поэтому, Испанія отличается одною величиною приращенія, Франція—другою, Англія—третьей, Ирландія—четвертой, нѣкоторыя части Россіи — пятой, нѣкоторыя части испанской Америки — шестой, Сѣверо-американскіе штаты — седьмой? Не видимъ ли мы, что неподвижное или слабо возрастающее населеніе вдругъ начинаетъ быстро размножаться, когда внезапный спросъ на трудъ даетъ низшимъ классамъ возможность получить съ меньщими усиліями необходимыя средства для существованія? Не видимъ ли мы, наконецъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ, округахъ, приходахъ, въ которыхъ жизнь вообще дешева, въ которыхъ, поэтому, нѣтъ препятствія для раннихъ браковъ, въ которыхъ можно безъ труда содержать многочисленную семью, размноженіе населенія постоянно обгоняетъ прочія мѣстности?

Если, послѣ этихъ поразительныхъ и многочисленныхъ фактовъ, припомнить, что ни теорія, ни опытъ не показываютъ, чтобы развитіе общества ослабляло страсти и искажало плодородіе; что въ такой странѣ, какъ сѣверная Америка, неотличающейся особенно здоровымъ климатомъ, населеніе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, а средства существованія распредѣляются съ большею равномѣрностью, то не имѣемъ ли мы права заключить, что затрудненіе, представляемое содержаніемъ семьи, и послѣдствія этого затрудненія, то есть, самообузданіе, порокъ и нищета, представляются истинными причинами неодинаковаго размноженія населенія, замѣчаемаго въ различныхъ странахъ; что размноженіе населенія въ Соединенныхъ штатахъ нетолько не представляется необыкновеннымъ, неестественнымъ и колоссальнымъ, но что, на основаніи наведенія и аналогіи, мы имѣемъ право предположить, что въ Европѣ, быть можетъ, не найдется ни одной страны, въ которой размноженіе не могло бы быть неменѣе и даже болѣе быстрымъ, еслибы въ ней такъ же рано вступали въ бракъ, еслибы средства для содержанія семьи были неменѣе обильны и еслибы занятія рабочихъ классовъ были столько же здоровы?

Вотъ другое сравненіе, къ которому прибѣгаетъ Вейландъ, ради поясненія. — Онъ полагаетъ, что *физическое стремленіе* торговаго и промышленнаго народа къ удваиванію своего населенія въ двадцатипятилѣтній періодъ «исчезаетъ безусловно, какъ исчезаетъ способность боба подымать свой стебель, когда ростъ его прекратился;» что основываться на продолжительности такого *стремленія*, это—то же, что принять пустой призракъ за основаніе для теоріи, «которая не можетъ быть подтверждена наблюденіемъ, и находится въ прямомъ противурѣчіи съ фактами; что на нее можно положиться столько же, какъ на разсчетъ генерала, который, основываясь на возможности существованія пушки съ двойною дальностью выстрѣла, надѣялся бы уничтожить непріятельскую армію съ недоступнаго разстоянія.»

Я не знаю, кто изъ насъ ошибся на счетъ дальности выстрѣла пушки, то есть, на счетъ дѣйствительнаго роста населенія въ различныхъ странахъ, и я тщетно стараюсь примѣнить къ себѣ ошибку генерала. Употребляя то же сравненіе, я скажу, поэтому, что наблюдая за дальностью полета снаряда, при одинаковомъ зарядѣ изъ пушекъ одного и того же калибра, и найдя въ ней значительное различіе, я сталъ отыскивать причину его; замѣтивъ препятствія на пути полета, я нашелъ, что дальность была тѣмъ больше, чѣмъ слабѣе были препятствія, изъ чего я счелъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, основываясь столько же на теоріи, какъ и на опытѣ, что *естественное стремленіе* или сила одинаковы, но дальность измѣняется, смотря по сопротивленію. Это казалось мнѣ болѣе основательнымъ, чѣмъ приписывать колебаніе таинственному измѣненію въ силѣ, когда во всемъ остальномъ орудія одинаковы *.

Я предоставляю рѣшить самому Вайлоаду, какому изъ

* Просимъ читателя припомнить то, что́ сказано нами въ статьѣ о Мальтусѣ относительно безчисленнаго множества условій, дѣйствующихъ на размноженіе органическихъ породъ—сила эта дѣйствительно оказывается таинственной и неопредѣленной, о которой во многихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣйствительное право составить себѣ понятіе только по ея проявленіямъ. Рус. перев.

двухъ этихъ разсужденій отдастъ онъ предпочтеніе для рѣшенія вопроса о дальности полета снаряда. Мнѣ кажется, что въ нравственныхъ и политическихъ вопросахъ философу не слѣдовало бы руководствоваться иными основаніями, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ придерживается въ вопросахъ иного порядка.

А между тѣмъ, это существенные аргументы, приводимые Вейландомъ противъ *естественнаго стремленія* человѣческой породы къ болѣе быстрому размноженію, чѣмъ средства существованія. Сравненія его очевидно неудачны; но и выставляя эти опроверженія, онъ, тѣмъ неменѣе, признаетъ, что страны, находящіяся въ различныхъ условіяхъ и въ различныхъ періодахъ общественнаго развитія, слѣдуютъ въ разможеніи своего населенія весьма различному приращенію.

Не останавливаясь, поэтому, на этихъ сравненіяхъ, что̀ касается до различной величины приращенія народонаселенія въ различныхъ странахъ, замѣтимъ, что пока человѣку, будетъ необходима для жизни пища, до тѣхъ поръ будутъ существовать сказанныя различія въ размѣрахъ истощенія средствъ существованія. Заключать изъ этой различной величины приращенія, что «населеніе имѣетъ *естественное стремленіе* удерживать себя на уровнѣ средствъ существованія, доставляемыхъ его почвой во всякую эпоху общественнаго существованія», это то же, что̀ заключать о человѣкѣ, заключенномъ въ четырехъ стѣнахъ, что въ немъ есть *естественное стремленіе* къ тюремной жизни; или, что сосны въ густыхъ лѣсахъ Норвегіи не имѣютъ *естественнаго стремленія* пускать вѣтвей, если онѣ стѣснены со всѣхъ сторонъ. Таково, тѣмъ неменѣе, главное положеніе, на которое опирается все сочиненіе Вейланда!

Но хотя Вейландъ не доказалъ, что *естественное стремленіе* населенія къ размноженію заключено въ извѣстныя границы, хотя онъ не представилъ ни одного аргумента въ въ подтвержденіе вѣроятности, что населеніе въ тысячу милліоновъ можетъ такъ же легко удвоиться въ двадцатипятилѣтній періодъ, какъ и населеніе въ тысячу душъ, если въ томъ и другомъ самообузданіе, порокъ и нищета останутся безъ вліянія, тѣмъ неменѣе, должно согласиться, что часть выста-

вляемаго имъ противъ меня аргумента могла бы имѣть силу при нѣкоторыхъ условіяхъ, и въ такомъ случаѣ, не опровергая нашихъ положеній, она измѣнила бы наши заключенія.

Аргументъ этотъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: Естественное раздѣленіе труда, вытекающее изъ успѣховъ цивилизаціи, въ особенности въ странахъ, отличающихся плодородной почвой и высокимъ состояніемъ земледѣлія, можетъ обратить въ города и направить къ нездоровымъ занятіямъ такое значительное количество народа, что препятствія для размноженія населенія окажутся слишкомъ сильными, чтобы они могли быть парализованы изобиліемъ продовольствія. Случай такой возможенъ, и я имѣлъ его въ виду при изложеніи втораго положенія моего *Опыта.*

Поэтому, единственный практическій вопросъ, заслуживающій вниманія въ спорѣ моемъ съ Вейландомъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Слѣдуетъ ли смотрѣть на случаи, подобные вышеприведенному, какъ на рѣдкія исключенія, какъ это сдѣлано мною; или же, какъ желаетъ Вейландъ, ихъ должно принимать за нормальный порядокъ вещей, свойственный всѣмъ послѣдовательнымъ періодамъ общественнаго существованія? При томъ и другомъ предположеніи, населеніе должно быть сдержано одною изъ формъ, въ которыхъ проявляется самообузданіе, порокъ и нищета, но нравственныя и политическія слѣдствія ея, въ примѣненіи къ настоящему состоянію всѣхъ почти странъ, существенно различны. При одномъ, нравственное самообузданіе оказывается одною изъ полезныхъ и болѣе всего необходимыхъ добродѣтелей, за исключеніемъ весьма немногихъ, рѣдкихъ случаевъ; при другомъ, оно принадлежитъ къ числу менѣе всего полезныхъ и необходимыхъ.

Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только опытомъ. Вейландъ постоянно обращаетъ свои взоры на Англію, и въ сущности, основываетъ свою систему, кажется, на общественномъ бытѣ одного только государства. Уже одного этого достаточно для опроверженія его теоріи. Онъ приводитъ множество вычисленій для доказательства, что рожденія съ большимъ трудомъ удовлетворяютъ требованіямъ городовъ и фабрикъ. Въ читателѣ, который рѣшился бы руководствоваться только этими

вычисленіями, можетъ явиться тревога и опасеніе въ предстоящемъ быстромъ обезлюденіи страны; по крайней мѣрѣ, ему показалось бы, что мы находимся на границѣ *непроизрожденія*, на которой, по мнѣнію Вейланда, ростъ населенія разомъ *естественно* прекращается, прежде чѣмъ прекратится возрастаніе средствъ существованія.

Всѣ эти вычисленія очевидно были настолько же примѣнимы двадцать лѣтъ тому назадъ, насколько они могутъ быть примѣнены въ настоящую минуту, такъ какъ, въ сущности, они основаны на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ еще въ болѣе далекую отъ насъ эпоху. Что̀ же, однако, случилось? Несмотря на увеличеніе городовъ, на чрезвычайное развитіе фабрикъ и относительнаго количества употребляемыхъ ими людей; несмотря на необыкновенное и непривычное требованіе людей для пополненія арміи и флота; однимъ словомъ, несмотря на такой порядокъ вещей, который, по теоріи Вейланда, уже давно долженъ былъ поставить Англію въ положеніе *непроизрожденія*, населеніе ея возрастало въ болѣе сильной прогрессіи, чѣмъ когда либо. Въ десятилѣтній періодъ, съ 1800 по 1811, какъ я замѣтилъ въ первой части этого сочиненія, населеніе Англіи, по тщательному вычисленію, увеличивалось въ такой прогрессіи, какой было бы достаточно для удвоенія его въ двадцатипятилѣтній періодъ.

Мнѣ кажется, что фактъ этотъ служитъ полнѣйшимъ опроверженіемъ теоріи, на основаніи которой, по мѣрѣ развитія общества, отвращеніе къ браку и смертность возрастаютъ въ городахъ и въ фабричныхъ заведеніяхъ въ такихъ размѣрахъ, что энергіей своей постоянно превышаютъ силу, стремящуюся увеличить населеніе; такъ что, говоря языкомъ Вейланда, «населеніе нетолько не отличается пагубнымъ стремленіемъ достигать до уровня средствъ существованія, но приближается къ нему съ крайнею медленностью.»

При очевидномъ существованіи такихъ фактовъ, при несомнѣнномъ доказательствѣ, что въ періодъ даже такого возрастанія населенія, тысячи людей въ городахъ и селахъ принуждены были замедлить свое вступленіе въ бракъ гораздо больше, чѣмъ они сдѣлали бы это, еслибы имѣли средства

для содержанія семьи, независимыя отъ приходскихъ вспомоществованій, трудно понять, чтобы здравомыслящій человѣкъ могъ запутаться въ лабиринтѣ ошибочныхъ вычисленій и прійти къ заключенію, діаметрально противурѣчащему наблюденію.

Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ приложеніи къ самому цивилизованному состоянію Европы, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что при такомъ даже состояніи, препятствія для размноженія населенія вытекаютъ главнымъ образомъ изъ недостаточности средствъ существованія, и что препятствія эти уступаютъ предъ возрастаніемъ этихъ средствъ, несмотря на увеличеніе городовъ и на размноженіе фабрикъ. Такой аргументъ несомнѣнно рѣшаетъ вопросъ, и можетъ считаться рѣшительнымъ.

Но, разбирая такой общій и такой обширный вопросъ, какъ законъ народонаселенія, разумѣется, не слѣдовало бы ограничивать наши примѣры и наши объясненія одною только страной. Если мы бросимъ теперь нашъ взглядъ на другія страны, кромѣ Англіи, то ученіе Вейланда окажется еще болѣе шаткимъ. Какіе же это города и фабрики въ Швейцаріи, Норвегіи и Швеціи должны служить *могилами человѣческаго рода*, и предупреждать всякую возможность избыточнаго населенія? Въ Швеціи сельское населеніе относится къ городскому, какъ 13 къ 1, а въ Англіи, какъ 2 къ 1, и тѣмъ не менѣе, населеніе гораздо быстрѣе возрастаетъ въ Англіи. Какъ же согласить этотъ фактъ съ положеніемъ, что успѣхи и прогрессъ цивилизаціи постоянно сопровождаются соотвѣтствующимъ ослабленіемъ естественнаго стремленія къ размноженію? Норвегія, Швеція и Швейцарія управлялись вообще не дурно; но гдѣ же эти «предвозвѣщающія измѣненія», которыя, по словамъ Вейланда, обнаруживаются въ каждомъ обществѣ, по мѣрѣ истощенія почвы; «которыя отвращаютъ многихъ людей отъ брака и дѣлаютъ большее число людей неспособными, по вступленіи въ бракъ, къ пополненію убывающаго населенія?» Что̀ же отвращаетъ въ этихъ странахъ отъ супружества, если не отсутствіе средствъ для содержанія семьи.» Что̀ же дѣлаетъ людей, вступающихъ

въ бракъ, неспособными къ пополненію убыли населенія, если не болѣзни, составляющія слѣдствіе бѣдности и недостатка средствъ существованія? Если поразмыслить надъ состояніемъ этихъ, да и многихъ другихъ европейскихъ странъ, то можно ли утверждать, что нѣтъ нравственной причины сдерживать стремленіе къ раннимъ бракамъ, когда не подлежитъ сомнѣнію, что безъ этого сдерживанія нѣтъ другаго выхода, кромѣ смертности, являющейся слѣдствіемъ нищеты? Когда намъ извѣстно, что во многихъ европейскихъ странахъ или, быть можетъ, даже во всѣхъ, заработной платы, опредѣляемой предложеніемъ и спросомъ работниковъ, недостаточно для содержанія многочисленнаго семейства въ здоровомъ состояніи, то какимъ образомъ рѣшимся мы утверждать, что населеніе еще не достигло крайнихъ своихъ предѣловъ, и что «бѣдствія, пораждаемыя избыточнымъ населеніемъ, могутъ ощущаться только въ странѣ, населенной до такой степени, до какой только могутъ достигнуть ея средства существованія?»

Право, можно подумать, что Вейландъ диктовалъ свое сочиненіе, закрывъ глаза и заткнувъ уши. Я питаю глубокое уваженіе къ его намѣреніямъ и къ его личности, но я долженъ сознаться, что мнѣ еще ни разу не случалось встрѣтить теорію, до такой степени расходящуюся съ наблюденіемъ.

Уже одного бѣглаго взгляда на различныя страны Европы достаточно для доказательства, что относительно всѣхъ возможныхъ практическихъ примѣненій, *естественное стремленіе* народонаселенія къ размноженію должно быть принято за величину данную, а дѣйствительное размноженіе его опредѣляется перемѣнными средствами каждой страны для содержанія труда, въ какомъ бы періодѣ развитія она ни находилась, и будетъ ли она земледѣльческой или промышленной, будетъ ли въ ней много или мало городовъ. Это дѣйствительное размноженіе, или настоящія границы населенія постоянно должны находиться несравненно ниже наивысшаго предѣла производительной силы земли относительно продовольствія: потому, во первыхъ, что мы не имѣемъ права

предположить, чтобы искуство и трудолюбіе человѣка, при настоящемъ состояніи общества, могли получить *возможно* лучшее примѣненіе для увеличенія одного только этого рода производительности; а во вторыхъ, потому что, какъ я подробнѣе объяснилъ въ одной изъ предъидущихъ частей этого сочиненія, наибольшее производство питательныхъ веществъ, какое можетъ быть доставлено почвой, нельзя получить при системѣ частной собственности. Но эта несомнѣнная истина измѣняетъ очевидно только дѣйствительное количество получающейся пищи и настоящее или дѣйствительное число жителей, и не имѣетъ никакого, даже отдаленнаго отношенія къ *естественному стремленію* населенія къ размноженію, превышающему способность земли доставить ему необходимое пропитаніе.

Сказаннаго мною достаточно, чтобы показать, что главныя четыре положенія Вейланда, вытекающія изъ перваго, не находятъ никакой опоры въ настоящемъ состояніи человѣческаго общества, насколько состояніе это намъ извѣстно. Послѣднее изъ этихъ положеній высказано такимъ образомъ: «Это стремленіе, (авторъ говоритъ о естественномъ стремленіи населенія удерживаться въ границахъ доставляемаго землею количества продовольствія для его пропитанія), такъ это стремленіе получитъ наибольшее развитіе и будетъ въ состояніи поддерживать между народомъ счастіе и благосостояніе, смотря по бо̀льшему или меньшему развитію вліянія религіи, нравственности, разумной свободы, личной безопасности и обезпеченной собственности.»

Въ нравственность, по мнѣнію автора, вовсе не входитъ самообузданіе относительно супружества. Поэтому, я смѣло утверждаю, что положеніе это находится въ большемъ противурѣчіи съ законами природы, чѣмъ положеніе, объявляющее, что Норвегія въ состояніи прокормить тысячу мильоновъ населенія. Я придаю религіи и нравственности, какъ средствамъ для достиженія благоденствія, неменьшую цѣну, чѣмъ Вейландъ; но въ число нравственныхъ обязанностей я помѣщаю воздержаніе отъ вступленія въ ранній бракъ, если мы не имѣемъ основательной надежды на средства для содер-

жанія многочисленной семьи. Если это добродѣтельное самоотверженіе не принимается за часть нравственности, то я не могу одобрить положенія Вейланда, и рѣшаюсь даже утверждать, что при существующихъ въ настоящее время законахъ природы, религія и нравственность, свобода и безопасность, съ какимъ бы ни относились къ нимъ уваженіемъ, вовсе недостаточны для поддержанія между народомъ счастія и благосостоянія.

Что касается до пятаго и послѣдняго положенія Вейланда *, то я уже отвѣчалъ на него въ примѣчаніи, приложенномъ къ послѣдней главѣ третьей книги **. Въ настоящемъ случаѣ, я ограничусь замѣчаніемъ, что примѣры того, какимъ образомъ населеніе предшествуетъ продовольствію, приводимые въ опроверженіе анонимнымъ писателемъ, воспроизведенные и повторенные Грагамомъ, по моему мнѣнію, служатъ въ подтвержденіе того ученія, противъ котораго они направлены. Опасеніе, чтобы возрастающее населеніе не умерло съ голоду ***, если ему не предшествовало увеличеніе пищи, было поднято на смѣхъ, и для этого его сравнивали съ опасеніемъ, какое должны имѣть люди остаться голыми, если одежда не будетъ заготовлена для нихъ прежде, чѣмъ они явятся на свѣтъ. Будетъ ли основательно или неосновательно наше опасеніе въ первомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что оно вполнѣ извинительно во второмъ; по крайней мѣрѣ, общество всегда поступало согласно съ этимъ мнѣніемъ. Въ предстоящіе двадцать четыре часа въ Англіи и въ княжествѣ Валійскомъ родится около восьмисотъ дѣтей; смѣю увѣрить, что въ числѣ имѣющихъ явиться на свѣтъ дѣтей едвали только одному изъ десяти не приготовлено одежды до его рожденія. Если опасно брать въ руки оружіе, которымъ не умѣешь владѣть, то неменѣе опасно браться за примѣры, примѣнить которые не умѣешь, и которые доказы-

---

* *Зак. народ.*, гл. III, стр. 21 и 22.

** Стр. 197, II тома.

*** Я этого, впрочемъ, не говорилъ. Я сказалъ, что благосостояніе такого населенія должно склониться къ упадку, что̀ въ высшей степени вѣрно. Прим. автора.

ваютъ совершенно противуположное тому, что̀ желаешь доказать.

Было бы дѣломъ безполезнымъ распространяться больше о теоріи Вейланда. Что касается до практическихъ результатовъ ея для Англіи, то они таковы, какихъ и слѣдовало ожидать отъ подобныхъ посылокъ. Еслибы населеніе, вмѣсто того, чтобы переходить за уровень средствъ существованія, мало по малу и все медленнѣе достигало бы этого уровня, то мнѣніе Вейланда о необходимости поощренія размноженія рабочаго класса посредствомъ щедрыхъ приходскихъ вспомоществованій, быть можетъ, было бы справедливо. Но если несомнѣнно доказано противное, то подобная мѣра ведетъ къ поголовной нищетѣ и зависимости, которыя давятъ насъ въ настоящее время. Уже болѣе четвертой части населенія Англіи и княжества Валійскаго получаетъ правильныя пособія отъ приходовъ; а если система Вейланда, уже господствующая въ центральныхъ провинціяхъ, распространится по всему королевству, то право трудно предвидѣть предѣлы, на которыхъ становится бѣдность. Если пособіе, выдаваемое на каждаго ребенка, раждающагося послѣ двухъ первыхъ, ограничено будетъ только сельскими работниками, называемыми Вейландомъ кормильцами страны, то это будетъ явною несправедливостью, ибо такая мѣра непремѣнно должна понизить заработную плату ремесленниковъ и фабричныхъ, не предоставляя имъ никакого вознагражденія. Но если, справедливости ради, она будетъ распространена на всѣ классы, то какое страшное будущее она готовитъ намъ, какая перспектива равенства, лѣни, лохмотьевъ и зависимости въ половинѣ или въ трехъ четвертяхъ населенія! Подъ вліяніемъ такой системы нечего надѣяться на какія либо существенныя выгоды отъ учрежденія *сберегательныхъ кассъ* или отъ другихъ мѣръ, предназначающихся для поощренія трудолюбія и бережливости. Когда заработная плата упадетъ до такой степени, до которой она должна быть понижена этой системой, то не будетъ ни возможности, ни побужденія къ сбереженію.

Странно слышать, что Вейландъ приписываетъ бо̀льшую часть богатства и благосостоянія Англіи тому дешевому на-

селенію, которое вызывается ея законодательствомъ о бѣдныхъ. Онъ думаетъ, кажется, что еслибы трудъ былъ предоставленъ самому себѣ, а работники оплачивались бы соотвѣтственно съ своимъ искуствомъ и трудолюбіемъ, то Англія никогда не получила бы того торговаго и промышленнаго значенія, которыми она славится въ настоящее время. Опроверженіемъ такого неосновательнаго заключенія можетъ служить состояніе Шотландіи, которая, сравнительно съ естественными своими средствами, сдѣлала несомнѣнно еще бòльшіе успѣхи, чѣмъ Англія, въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, хотя она и не знала законовъ о бѣдныхъ.

Нелегко опредѣлить величину заработной платы, болѣе всего благопріятную для развитія богатства. Разумѣется, нетрудно представить, что она можетъ быть слишкомъ высока для процвѣтанія иностранной торговли. Но я думаю, что гораздо чаще она оказывается слишкомъ низка, и сомнѣваюсь, чтобы въ какой либо странѣ иностранная торговля могла значительно процвѣтать, если рабочій классъ не получаетъ значительной денежной заработной платы. Нельзя продавать много, и не быть въ состояніи много покупать, а страна не можетъ дѣлать много покупокъ, если рабочій классъ не находится въ ней въ такомъ положеніи, которое бы давало средства покупать иностранные товары.

Но ничто не оказываетъ такого дѣйствительнаго дѣйствія на благосостояніе низшихъ классовъ, какъ требованіе на трудъ, вытекающее изъ естественнаго порядка вещей, и потому, въ дѣлѣ заработной платы, недѣлающее никакого различія между человѣкомъ холостымъ и обремененнымъ семействомъ. Подобное требованіе даетъ возможность огромному числу работниковъ снабжать себя иностранными предметами потребленія и оплачивать значительную часть налоговъ на предметы роскоши. И напротивъ того, ничто не отнимаетъ до такой степени у рабочихъ классовъ возможности покупать произведенія собственныхъ фабрикъ или иностранные товары, и оплачивать налоги на роскошь, какъ распространеніе обычая выдавать каждому члену семейства, одновременно, въ

видѣ заработной платы и пособія, именно столько, или малымъ чѣмъ больше, противъ того, что необходимо для его пропитанія.

Для достиженія благодѣтельныхъ послѣдствій благоразумнаго заключенія браковъ, и замѣтнаго дѣйствія ихъ на улучшеніе бѣдныхъ, вовсе не для чего прибѣгать къ преувеличенному предположенію о необходимости чрезвычайнаго возвышенія заработной платы, какъ это принимаетъ, повидимому, Вейландъ. Я не ищу лучшаго авторитета, какъ мнѣніе человѣка, хорошо знакомаго съ практическимъ примѣненіемъ этого вопроса. Еслибы сдѣланное имъ предложеніе могло осуществиться, то этого, безъ сомнѣнія, было бы уже достаточно, хотя та же цѣль можетъ быть достигнута совершенно инымъ путемъ.

Артуръ Юнгъ желаетъ, чтобы заработная плата опредѣлялась такимъ образомъ, чтобы работникъ могъ покупать ежедневно *пекъ* пшеницы. Столько, говоритъ онъ, получалъ сельскій работникъ впродолженіи большей части послѣдняго вѣка, когда налогъ въ пользу бѣдныхъ былъ невеликъ, и шелъ на вспомоществованіе только тѣхъ, кто не въ состояніи былъ работать. Онъ прибавляетъ, что «такъ какъ работникъ получилъ бы въ такомъ случаѣ 70 бушелей пшеницы за 47 недѣльную работу *, несчитая пяти недѣль уборки хлѣба; и такъ какъ семейство, состоящее изъ шести человѣкъ, не потребляетъ болѣе 48 бушелей въ годъ, то такая заработная плата очевидно отнимаетъ всякій предлогъ прибѣгать къ приходскому вспомоществованію, а потому, и всякое право на такое пособіе должно навсегда исчезнуть **.

Такого рода мѣра, еслибы она была предписана закономъ, или, еслибы она служила руководствомъ для приходскихъ пособій, породила бы неодолимыя затрудненія. Обыкновенную

---

* *Пекъ*, или четверть бушеля, или одна тридцать вторая часть квартера, равенъ 9,35 куб. децилит. или $9^1/_2$ литрамъ, а на русскія мѣры $2^3/_4$ гарнца. По пеку въ день составитъ 6 пековъ или $1^1/_2$ бушеля въ недѣлю, стало быть $70^1/_2$ буш. въ годъ, или около $12^1/_4$ рус. четвертей. Рус. перев.

** *Annals of Agriculture*, № 270, стр. 91, прим.

дороговизну она нерѣдко обращала бы въ настоящій голодъ. Предлагать подобную мѣру, не измѣняя привычекъ между рабочими классами, то же, что̀ утверждать, что при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, много ли или мало получается продовольствія, населеніе должно возрастать въ одинаковой прогрессіи, что̀ рѣшительное невозможно.

Но еслибы такой же точно результатъ достигался не непосредственнымъ распоряженіемъ, а распространеніемъ благоразумія въ дѣлѣ заключенія браковъ, то дѣйствіе его было бы совершенно иное, и оказало бы самое благотворное вліяніе на общественное благосостояніе. Постепенное измѣненіе въ привычкахъ рабочихъ классовъ неизбѣжно замедлило бы ихъ размноженіе, и соразмѣряло бы предложеніе труда съ дѣйствительнымъ требованіемъ на него, по мѣрѣ успѣховъ общества, нетолько не сопровождаясь страданіями, но увеличивая всеобщее благоденствіе, такъ что положеніе низшихъ классовъ все улучшалось бы постояннымъ развитіемъ земледѣлія и богатства.

Пекъ пшеницы въ день нельзя принять за чрезмѣрную заработную плату *. Въ первый періодъ общественнаго развитія, когда мѣновая цѣна хлѣба невелика, работникъ нерѣдко зарабатыветъ гораздо больше; но въ такой странѣ, какъ Англія, въ которой цѣна хлѣба, сравнительно съ цѣною издѣлій и иностранныхъ товаровъ, очень высока, такая заработная плата доставила бы рабочимъ классамъ довольство и независимость, по крайней мѣрѣ сравнительно съ теперешнимъ ихъ положеніемъ. *Было бы въ высшей степени желательно, для успѣховъ добродѣтели и общественнаго благополучія, чтобы никакая земля не подвергалась обработкѣ, если она не можетъ оплатить въ такихъ размѣрахъ трудъ работниковъ, употребленныхъ для ея оплодотворенія.*

При такой заработной платѣ, холостой работникъ или имѣющій небольшое семейство, жилъ бы въ совершенномъ довольствѣ; работники, обремененные многочисленной семьей,

* Считая по 18 франковъ за гектолитръ, пекъ стоитъ 1 франкъ 68 сантимовъ. Гарнье.

разумѣется, чувствовали бы нѣкоторое стѣсненіе, но, отказывая себѣ кое въ чемъ, все же они могли бы прокормить себя, не обращаясь за пособіями къ приходу. Высокая заработая плата, при хорошемъ распредѣленіи, побуждала бы къ трудолюбію и бережливости, и подняла бы низшіе классы; но и независимо отъ такого благотворнаго дѣйствія, она вызвала бы между ними дѣйствительное требованіе на готовыя издѣлія и произведенія чужихъ странъ, такъ что возрастаніе общественнаго и частнаго благосостояніи сопровождалось бы процвѣтаніемъ торговли и фабрикъ *.

Но Вейландъ находитъ невозможнымъ согласить необходимость нравственнаго обузданія съ природой человѣка и съ правилами религіи. Поэтому, слѣдовало бы разсмотрѣть, насколько согласнѣе предлагаемое имъ препятствіе для размноженія населенія съ природой существа, одареннаго разумомъ, съ догматами откровенія и съ божественною благостью; это мы предоставляемъ на судъ читателя. Предлагаемое имъ препятствіе, какъ мы видѣли, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ нездоровыхъ условіяхъ и въ большой смертности городовъ и фабрикъ **. Я не нашелъ никакого затрудненія въ соглашеніи необходимости самообузданія съ божественною благостью въ томъ положеніи испытанія, въ которомъ, по общему мнѣнію, находится человѣкъ въ настоящей жизни; но, сознаюсь, я не рѣшился бы и разсуждать объ этомъ вопросѣ, еслибы я придерживался мнѣнія Вейланда, что значительная часть рода человѣческаго обречена, по таинственно-

* Купцы и фабриканты, громко требующіе дешеваго хлѣба и низкой заработной платы, думаютъ только о продажѣ за границей; они забываютъ, что имъ необходимъ внутренній рынокъ для обмѣненныхъ ими товаровъ, и что рынокъ этотъ не можетъ расшириться, если заработная плата низка, и если вообще малъ денежный заработокъ. Одна изъ главныхъ причинъ затруднительнаго положенія иностранной торговли въ послѣдніе два или три года вызвана съуженіемъ внутренняго рынка для сбыта иностранныхъ товаровъ.

Прим. автора.

** Что касается до склонности къ браку, я не думаю, чтобы она была слабѣе въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ, еслибы въ городѣ не труднѣе было содержать семью, или, еслибы онъ не представлялъ большей легкости для незаконныхъ связей.

Прим. автора.

му рѣшенію Провидѣнія, на преждевременную смерть въ большихъ городахъ.

Если нездоровыя условія и смертность дѣйствительно представляютъ естественное и желательное препятствіе для размноженія населенія при просвѣщенномъ состояніи общества, то улучшеніе въ санитарномъ отношеніи городовъ и фабрикъ, произведенное въ послѣднія двадцать лѣтъ въ Англіи, противурѣчитъ намѣреніямъ Провидѣнія. Изъ чувства уваженія моего къ Вейланду, я не смѣю предположить, чтобы онъ осуждалъ мѣры, предпринятыя для уменьшенія смертности въ городахъ и для ослабленія гибельнаго вліянія фабрикъ на здоровье дѣтей; а между тѣмъ, такъ слѣдовало бы заключить на основаніи его принциповъ, такъ какъ теорія его подрывается тѣми похвальными мѣрами, вслѣдствіе которыхъ смертность въ Англіи, странѣ, изобилующей фабриками и большими городами, сдѣлалась меньше, чѣмъ въ Швеціи, странѣ почти исключительно земледѣльческой.

Въ двухъ главахъ, *о нравственномъ обузданіи* и *о вліяніи его на общество*, я старался показать, что бѣдствія причиняемыя закономъ народонаселенія, по природѣ своей, совершенно сходны съ бѣдствіями, порождаемыми излишествами во всѣхъ другихъ страстяхъ, и что изъ существованія этихъ бѣдствій мы имѣемъ такое же право заключить, что законъ народонаселенія противурѣчитъ намѣреніямъ Творца, какъ выводить изъ пороковъ, порождаемыхъ всѣми страстями человѣка, необходимость искорененія послѣднихъ, вмѣсто того, чтобы дать имъ должное направленіе.

Если это воззрѣніе справедливо, то изъ него слѣдуетъ, что, несмотря на несомнѣнныя бѣдствія, причиняемыя закономъ народонаселенія, законъ этотъ, и при настоящемъ нашемъ состояніи, долженъ приносить намъ больше пользы, чѣмъ вреда.

Въ упомянутыхъ главахъ я вкратцѣ перечислилъ эти выгоды, насколько позволялъ планъ моего сочиненія. Въ послѣднее время тѣ же мысли были искусно развиты Сумнеромъ въ сочиненіи о твореніи; я очень радъ, что могу отослать къ этому сочиненію тѣхъ изъ моихъ читателей, которые за-

хотятъ познакомиться съ предметомъ, только обозначеннымъ мною, а теперь изложеннымъ съ полною подробностью и мастерской рукой.

Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Сумнера о выгодахъ, доставляемыхъ закономъ народонаселенія. Я глубоко убѣжденъ, что естественное стремленіе человѣческой породы размножаться быстрѣе, чѣмъ могутъ возрастать средства для ея существованія, не можетъ быть искоренено, или въ значительной степени ослаблено, безъ искаженія нашей надежды на собственное возвышеніе и страха предъ униженіетъ, то есть, чувствъ, болѣе всего необходимыхъ для развитія способностей человѣка и для увеличенія его благополучія. Но, несмотря на такое глубокое убѣжденіе, я вовсе не желаю измѣнить моего воззрѣнія на бѣдствія, причиняемыя закономъ народонаселенія. Чтобы эти *бѣдствія* могли быть вознаграждены добромъ, имъ вовсе нѣтъ необходимости въ измѣненіи своего названія или своей природы. Смотрѣть на нихъ съ иной точки зрѣнія, отказывать имъ въ названіи бѣдствій было бы столь же безразсудно, какъ боязнь назвать порочнымъ непомѣрное и безпорядочное излишество во всякой другой страсти, и въ то же самое время воображать, что если за такимъ излишествомъ слѣдуетъ несчастіе, то это потому именно, что сама страсть составляетъ источникъ счастія и добродѣтели.

Я всегда смотрѣлъ на законъ народонаселенія, какъ на законъ, болѣе всего пригодный для исправленія и испытанія. И дѣйствительно, я не могу назвать ни одного изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ законовъ природы, который бы служилъ удостовѣреніемъ и подтвержденіемъ того воззрѣнія на состояніе на землѣ человѣка, которое изображено въ Писаніи. Такъ какъ каждый человѣкъ можетъ избѣгнуть пагубныхъ послѣдствій закона народонаселенія, какъ для себя самого, такъ и для общества, слѣдуя путемъ добродѣтели, путемъ, указываемымъ ему естественнымъ свѣтомъ разума и освященнымъ откровеніемъ, то нельзя не признать, что намѣренія Творца по отношенію къ человѣку, что̀ касается до этого великаго закона природы, вполнѣ оправдываются.

На этомъ основанiи, я столько же былъ огорченъ, какъ и удивленъ, замѣтивъ, что большее число возраженiй, направленныхъ противъ принциповъ и выводовъ *Опыта о народонаселенiи*, шло отъ лицъ, нравственный и религiозный характеръ которыхъ вызывалъ во мнѣ чувство глубокаго уваженiя, а потому, одобренiе и сочувствiе которыхъ мнѣ были бы въ особенности прiятны. Такое неодобренiе объяснялось нѣкоторыми выраженiями, показавшимися слишкомъ жесткими и неснисходительными къ нашимъ естественнымъ слабостямъ и къ чувствамъ, связаннымъ съ христiанскимъ милосердiемъ. *Вѣроятно, найдя лукъ слишкомъ согнутымъ въ одну сторону, я слишкомъ перегнулъ его въ другую, желая его выпрямить*. Но я всегда буду готовъ исключить изъ моего сочиненiя все, что̀, по мнѣнiю основательныхъ судей, будетъ противурѣчить моей цѣли и вредить распространенiю истины. Изъ уступчивости передъ такими судьями, я уже уничтожилъ мѣста, которыя подавали болѣе всего повода къ возраженiямъ, а въ настоящемъ изданiи я въ особенности старался сдѣлать нѣсколько такого рода исправленiй. Этими измѣненiями, я льщу себя надеждой, что улучшилъ сочиненiе, не касаясь его основанiй. Но, до этихъ измѣненiй, какъ и послѣ нихъ, всякiй безпристрастный читатель, полагаю я, долженъ признать, что *практическая цѣль*, которую главнымъ образомъ имѣлъ въ виду авторъ, какiя бы ошибки ни сдѣланы были имъ, состояла *въ улучшенiи положенiя и въ увеличенiи счастiя низшихъ классовъ общества*.

КОНЕЦЪ ОПЫТА О ЗАКОНѢ НАРОДОНАСЕЛЕНIЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Выписка изъ путешествія по Испаніи Тоунзенда.

Мореплаватели разсказываютъ объ одномъ островѣ въ Великомъ океанѣ, Жуанѣ-Фернандесѣ, названномъ такъ по имени открывшаго его капитана. Послѣдній высадилъ на этотъ уединенный островъ одного козла и одну козу. Эта счастливая пара, найдя богатыя пастбища, безъ затрудненія исполняла первую заповѣдь—плодиться и размножаться, пока не населила весь этотъ маленькій островъ *. До этой минуты животныя не знали ни нужды, ни голода, и какъ бы гордились своею многочисленностью; но, по наступленіи этой несчастной эпохи, они начали испытывать недостатокъ въ пищѣ; такъ какъ они продолжали плодиться, то имѣли бы полное основаніе опасаться всѣхъ ужасовъ голода, еслибы только они одарены были разумомъ. При этихъ новыхъ условіяхъ, слабѣйшія изъ нихъ должны были погибнуть, и прежнее изобиліе водворилось. Такимъ образомъ, животныя испытывали попеременно, то благосостояніе, то несчастіе, смотря по увеличенію или уменьшенію ихъ числительности, которая слѣдовала за колебаніями количества ихъ продовольствія. Равновѣсіе это по временамъ нарушалось то повальными болѣзнями, то прибытіемъ какого нибудь корабля, приходившаго запастись мясомъ. Въ такомъ случаѣ, погибало огромное количество козъ; но за то остававшіяся въ живыхъ находили нѣкоторое утѣшеніе въ возстановленіи вокругъ нихъ изобилія, слѣдовавшаго за погибелью ихъ товарищей, и въ прекращеніи опасеній голода. Такимъ образомъ, все приходило въ порядокъ, и онѣ переставали злобно смотрѣть другъ на друга: всѣ имѣли достаточно пищи, всѣ были довольны и счастливы. Итакъ, то, что могло бы показаться бѣдствіемъ, дѣлалось для нихъ источникомъ благосостоянія; по крайней мѣрѣ, частное зло вызывало всеобщее благо.

Когда испанцы узнали, что англійскіе каперы снабжались на этомъ островѣ продовольствіемъ, то они рѣшили совершенно истребить на немъ козъ, и съ этою цѣлью высадили на него пару собакъ, кобеля и суку **. Послѣднія, въ свою очередь, тоже размножились въ размѣрахъ найденнаго ими количества пищи; такъ что число козъ, какъ

---

* Дампьеръ, т. I, стр. 88.
** Уллоа, кн. II, гл. IV.

и предвидѣли испанцы, уменьшилось. Еслибы они были уничтожены совершенно, то погибли бы и собаки; но такъ какъ многія козы удалились въ горы, куда собаки не могли слѣдовать за ними, такъ какъ онѣ сходили съ горъ рѣдко, только для отысканія себѣ пищи, то только менѣе всего осторожныя между ними и болѣе всего дерзкія становились добычей собакъ, а между послѣдними только самыя сильныя, ловкія и дѣятельныя могли добыть себѣ достаточно пищи. Такимъ образомъ, возникъ новый родъ равновѣсія: слабѣйшія животныя обѣихъ породъ были первыми жертвами новыхъ условій; самыя ловкія и сильныя остались въ живыхъ *. Такимъ же точно образомъ, количество продовольствія опредѣляетъ числительность и человѣческой породы.

Положимъ, что въ странѣ, пользующейся прекраснымъ климатомъ, обладающей обильнымъ количествомъ продовольствія и здоровыми помѣщеніями, приходится, среднимъ числомъ, по четыре ребенка на семейство, и что они доживаютъ до пятидесятилѣтняго возраста: если мужчины будутъ вступать въ супружество двадцати одного года, а женщины — девятнадцати лѣтъ, то черезъ тридцать три года каждая пара оставитъ 12 потомковъ, черезъ пятьдесятъ девять лѣтъ будетъ уже 24 человѣка, а спустя сто двадцать девять лѣтъ, число ихъ возрастетъ до 188 душъ, или въ девяносто четыре раза болѣе первоначальнаго числа.

Отецъ Фрейо разсказываетъ, что въ 1590 году одинъ мужчина и четыре женщины спаслись, послѣ кораблекрушенія, на Сосновый островъ, близъ Мадагаскара, и, нашедши на немъ обильное количество плодовъ, размножались до того, что число ихъ возрасло до 12,000, когда они открыты были голландцами. Если многіе, какъ это весьма вѣроятно, найдутъ этотъ разсказъ преувеличеннымъ, то они могутъ уменьшить эту цифру, насколько заблагоразсудятъ; но они, тѣмъ неменѣе, должны согласиться съ положеніемъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, или въ данный періодъ времени, люди размножаются въ размѣрахъ имѣющейся въ ихъ распоряженіи пищи. Говорятъ, что число израильтянъ, прибывшихъ въ Египетъ, было неболѣе 70 человѣкъ; что они оставались въ Гессемской землѣ четыреста тридцать лѣтъ, и что при выходѣ изъ нея, число людей, способныхъ носить оружіе, за исключеніемъ левитовъ, простиралось до 603,550 душъ, имѣвшихъ двадцать лѣтъ и болѣе. На основаніи этихъ данныхъ, мы можемъ заключить, что израильтяне удваивались въ своемъ числѣ каждыя семь лѣтъ или около того.

* Съ этой минуты размноженіе козъ, очевидно, перестало обусловливаться количествомъ пищи, а размноженіе собакъ стало зависѣть отъ силы ихъ, ловкости и проворства, какъ я и старался показать въ своемъ этюдѣ о Мальтусѣ. Рус. перев.

Населеніе сѣверной Америки удваивается каждыя двадцать пять лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ ея каждыя пятнадцать лѣтъ. Въ новѣйшей Европѣ, по мнѣнію доктора Смита, необходимо пятьсотъ лѣтъ для удвоенія числа ея жителей. Причина такого различія становится очевидной, если принять въ соображеніе законы, на основаніи которыхъ размножаются породы, и причины, замедляющія или даже останавливающія ихъ размноженіе. Вотъ онѣ:

1) Недостатокъ продовольствія, какъ въ горной Шотландіи, гдѣ женщина раждаетъ двадцать человѣкъ дѣтей, а вскармливаетъ не болѣе двухъ; какъ въ лѣсахъ между племенами, живущими одной охотой; какъ въ самыхъ обработанныхъ даже странахъ, когда населеніе достигнетъ послѣдняго своего періода; какъ, наконецъ, въ странахъ, въ которыхъ почва не въ силахъ прокормить всѣхъ своихъ жителей, напримѣръ, въ Китаѣ, гдѣ огромное число дѣтей оставляется, за отсутствіемъ возможности прокормить ихъ, и гдѣ многіе люди должны отказаться отъ брака, чтобы не умереть съ голоду.

2) Болѣзни, свойственныя нѣкоторымъ климатамъ (какъ на Сенегалѣ, въ Батавіи, въ Константинополѣ, въ самомъ Лондонѣ), и причиняемыя заразой, испорченнымъ воздухомъ, тѣсными помѣщеніями и дурной пищей; болѣзни, свирѣпствующія не въ однихъ только лѣсахъ и опустошающія не одни только племена дикарей, но и большіе, богатые и цвѣтущіе города.

3) Отсутствіе торговли, содѣйствующей распространенію промышленности, и недостатокъ рынка для сбыта избытка произведеній.

4) Война во всѣхъ ея видахъ, между благоустроенными, какъ и между дикими народами, будетъ ли она имѣть цѣлью грабежъ, завоеванія или распространеніе торговли.

5) Суевѣрные обѣты, налагаемые на себя монашескими орденами, и безбрачная жизнь духовенства.

6) Эмиграція взрослаго населенія; выселеніе капиталовъ, причиняемое дурною администраціей, скверною формою правленія, отсутствіемъ личной безопасности и обезпеченной собственности, которыя возможны только въ странахъ, пользующихся свободой и доставляющихъ людямъ защиту отъ притѣсненій произвольной власти, подчиняя ихъ только мудрымъ и справедливымъ законамъ.

7) Недостатокъ земли или невозможность пріобрѣсть ее посредствомъ труда.

8) Недостатокъ жилищъ.

По мѣрѣ отстраненія этихъ препятствій, населеніе страны возрастаетъ. Поэтому, если государь желаетъ увеличить число своихъ подданныхъ, то путь для достиженія этой цѣли открывается самъ собою. Подобное предпріятіе не представило бы затрудненій въ Испаніи для мудраго правительства; но вопросъ состоитъ въ томъ, какими способами изгнать бѣдность и нищету. Тѣмъ неменѣе, въ распоря-

женіи нашемъ имѣется общій принципъ для изслѣдованія этого вопроса: Увеличьте количество средствъ существованія; а если оно ограничено, то положите предѣлъ размноженію населенія. Нелѣпо было бы утверждать, что въ густо населенной странѣ никто не чувствуетъ нужды; еслибы можно было удовлетворить потребностямъ неимущихъ, то этимъ мы удвоили бы ихъ число и содѣйствовали бы ихъ размноженію до безконечности, что̀ противурѣчило бы имѣвшейся въ виду цѣли. Можно было бы, правда, отстранить голодъ, и удовлетворить одной потребности, принеся ей въ жертву другую; но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы опредѣлить относительное число людей, вступающихъ въ бракъ, ибо нѣтъ другаго средства для ограниченія всего числа жителей. Никакое усиліе человѣческое не въ силахъ отстранить этого затрудненія, и люди никогда не найдутъ болѣе естественнаго и лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ средства, какъ предоставить одной потребности обусловливать другую.

Такъ какъ я разбиралъ уже этотъ вопросъ, то въ настоящемъ случаѣ я ограничусь обозначеніемъ правилъ, которыя дадутъ намъ возможность судить здраво о Кадикскомъ рабочемъ домѣ.

Ничего не можетъ быть благоразумнѣе и благотворительнѣе учрежденія общественныхъ мастерскихъ, въ которыхъ трудолюбивые люди могли бы постоянно находить работу; въ высшей степени благоразумно также снабжать ихъ матерьялами и инструментами, но нелѣпо разсчитывать на прибыль отъ работы людей, находящихся въ заключеніи. Слѣдуетъ доставлять бѣднымъ людямъ пищу и одежду, лишь бы только не поощрялась этимъ лѣность, порокъ и мотовство *. Благоразуміе и справедливость требуютъ исправленія лѣнивцевъ и мотовъ заключеніемъ ихъ въ рабочихъ домахъ, въ которыхъ они могутъ получить привычку къ трезвости и трудолюбію; но было бы противно справедливости и благоразумію, еслибы въ такихъ заведеніяхъ лѣнивцы и моты имѣли бы лучшее помѣщеніе и лучшую одежду, чѣмъ люди, неимѣющіе ихъ пороковъ.

Уже на основаніи изложенныхъ принциповъ, я могу смѣло предсказать, что, несмотря на рвеніе и усилія людей, наблюдающихъ за Кадикскимъ рабочимъ домомъ, и наперекоръ всѣмъ мудрымъ мѣрамъ

* Благотворительность, разсматриваемая по отношенію ко всему обществу вообще, есть дѣло въ высшей степени трудное; она немедленно обращается въ поощреніе лѣности, и начинаетъ подрывать трудъ, который нуждается въ постоянномъ побужденіи. Такой же упрекъ весьма основательно приводился противъ заведеній, учрежденныхъ въ Парижѣ для раздачи бѣднымъ дешевой похлебки; а именно, что они пріучаютъ бѣдные классы къ слишкомъ легкому снабженію себя пищей. Распорядители Филантропическаго общества хорошо это поняли; поэтому, они благоразумно прекращали, или по крайней мѣрѣ значительно ограничивали раздачу этой пищи въ изобильные годы, чтобы сохранить свои средства на случай неурожайныхъ и несчастныхъ годовъ. Фр. перев.

ихъ, не пройдетъ и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ городъ снова будетъ наполненъ такимъ же числомъ нищихъ, какъ и до учрежденія рабочаго дома, если только содержащіеся въ этомъ заведеніи люди не будутъ принуждены больше работать и меньше ѣсть; ибо, пока оставленныя теперь жилища готовы будутъ къ услугамъ новаго, столь же жалкаго населенія, какъ только что занимавшее ихъ, и пока въ распоряженіи его будетъ находиться столь удобное средство найти себѣ помѣщеніе, до тѣхъ поръ лѣности, мотовству и пороку нечего будетъ опасаться, и всего можно надѣяться, а болѣе всего легкомысленные люди незадумаясь будутъ вступать въ связи, отъ которыхъ зависитъ размноженіе ихъ числа.

II. Замѣчаніе Гарнье о законахъ о бѣдныхъ, о реформѣ 1834 и о рабочихъ домахъ.

Система *обязательной благотворительности* относится къ реформаціи 16-го вѣка. Протестанство признало ее обязательной для общества извѣстнымъ постановленіемъ 43-го года царствованія Елизаветы, разобраннымъ Мальтусомъ *. Постановленіе это возложило содержаніе бѣдныхъ на обязанность приходовъ (*vestry*), и поручило эту заботу на приходскихъ старостъ (*oversees*), избираемыхъ нотаблями, (знатнѣйшими представителями сословій). Съ этихъ поръ благотворительные сборы перестали быть добровольными пожертвованіями, какъ это требуется христіанской нравственностью; это уже исполненіе не христіанской обязанности, а обязательства, налагаемаго закономъ, не дѣло милосердія, а уплата повинности. Посредствомъ этого налога приходскіе старосты раздавали пособія на дому бѣднымъ людямъ, неспособнымъ работать, и давали занятія здоровымъ работникамъ въ мастерскихъ, содержимыхъ на счетъ прихода. Эти то мастерскія и получили названіе рабочихъ домовъ — *Work-houses*.

Читатель уже знаетъ (изъ прим. стр. 51, т. II.), какія несправедливости вызваны были въ распредѣленіи налога оцѣнкой поземельной собственности по древнему законадательству. Между бѣдными и ихъ приходомъ, между самими приходами возникло безчисленное множество споровъ по вопросу о мѣстожительствѣ бѣдныхъ; вслѣдствіе

* Переводчики Мальтуса (братья Прево) относятъ первое постановленіе такого рода къ 1563 (стр. 51, т. II). Но уже въ XIV столѣтіи, въ царствованіе Эдуарда III, изданъ былъ *статутъ о работникахъ*, опредѣлявшій заработную плату и условія найма. Слѣдуетъ замѣтить, что принципы христіанства внесены были въ древнее законодательство, и что упраздненіе монастырей во времена Генриха VIII, въ эпоху реформаціи, обременило гражданское общество огромнымъ числомъ нищихъ, бродягъ и нуждающихся. Гарнье.

этого, содержаніе адвокатовъ, прокуроровъ и другихъ судебныхъ лицъ поглощало огромную часть налога въ пользу бѣдныхъ *. Перечисленіе жестокостей, скандаловъ и всякаго рода злоупотребленій потребовало бы слишкомъ много времени; поэтому, мы отсылаемъ читателя къ знаменитому слѣдствію 1833, извлеченіе изъ котораго было опубликовано спеціальной комиссіей изъ семи членовъ, въ числѣ которыхъ находился извѣстный экономистъ Нассау В. Сеніоръ **. Слѣдствіе обнаружило необыкновенныя вещи. Оно доставило множество свѣдѣній по вопросу объ *обязательной благотворительности*, и болѣе чѣмъ подтвердило предсказанія, Мальтуса. Оно неоднократно обнаруживало ***, напримѣръ, что бѣдные спѣшили жениться, чтобы получить двойное вспомоществованіе; что вступившіе въ бракъ или даже и до брака они старались имѣть дѣтей, ради той же цѣли; что дѣвушка приживала дѣтей отъ нѣсколькихъ отцевъ, чтобы ей легче было найти мужа; наконецъ, что эти офиціальныя и обязательныя вспомоществованія разрушали всѣ семейныя связи, не принимая въ разсчетъ искаженія нравственности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, пагубнаго вліянія раздачи пособій на заработную плату и другихъ экономическихъ неудобствъ ****.

Законъ 1834 (*Poor-Law, amendement act*) отмѣнилъ основной принципъ первоначальнаго закона. Общество все еще признаетъ обязательнымъ вспомоществованіе крайней бѣдности, но подъ извѣстными условіями. Оно раздаетъ, правда, хлѣбъ и одежду, но неиначе какъ въ *рабочемъ домѣ*. Поэтому, въ принципѣ, оно не признаетъ болѣе раздачи пособій на дому (*out door relief*), деньгами ли, или другимъ способомъ, въ случаѣ отсутствія работы или недостаточности заработной платы; нѣтъ болѣе милостыни, нѣтъ благотворительности; общество предлагаетъ одно только убѣжище, съ лишеніемъ свободы, для несчастныхъ, неспособныхъ работать, для дѣтей, стариковъ и больныхъ; оно предоставляетъ самое скромное содержаніе за самый

---

* По словамъ Макъ-Ферланда, процессъ объ одномъ бѣдномъ стоилъ нерѣдко дороже, чѣмъ содержаніе всѣхъ остальныхъ бѣдныхъ прихода. Въ *Quarterly review* (за январь 1818) мы находимъ, что въ засѣданіяхъ трехмѣсячнаго ассизнаго суда выслушано было 4,700 жалобъ бѣдныхъ за одинъ только годъ. Депутатъ Ватманъ объявилъ 15 декабря 1830 въ палатѣ общинъ, что пятьдесятъ семействъ въ Сити принуждены были продать свою движимость, чтобы внести налогъ въ пользу бѣдныхъ!

** *Extracts from the information recevéd by his majesty's commissioners as to the administration and operation of the poor laws.*

*** Слѣдствіе 1833 содержитъ свѣдѣнія о трехъ тысячахъ приходовъ. О прочихъ приходахъ или мѣстностяхъ, непосредственно доставлявшихъ пособіе своимъ бѣднымъ, нельзя было узнать ничего, такъ какъ всѣ почти приходскія власти были безграмотны.

**** Дѣло дошло до того, что приходы выплачивали, вполнѣ или отчасти, наемную плату сельскимъ работникамъ. Прекращеніе этихъ злоупотребленій повысило заработную плату.

серьезный трудъ человѣку, здоровому тѣломъ и душою. Мы говоримъ въ принципѣ, ибо примѣненіе новаго законодательства совершается съ осторожностью, заслуживающею особенной похвалы. Первая предписанная мѣра состояла въ замѣнѣ денежной выдачи пособіемъ натурой; вторая — въ отказѣ работы на дому *.

Древняя приходская администрація, составлявшая источникъ столькихъ злоупотребленій, обнаруженныхъ слѣдствіемъ, замѣнена была системой *Союзовъ*, связывавшихъ около двадцати приходовъ, болѣе или менѣе, смотря по количеству населенія. Дѣлами пауперизма завѣдуетъ *бюро*, состоящее изъ чиновниковъ, избранныхъ лицами, участвующими въ налогѣ *(board of guardians)*; но оно не пользуется независимостью, подобно древнему приходскому начальству, и подчинено центральной комиссіи, представляющей настоящее министерство, которому, закономъ 12 марта 1837, переданы списки народонаселенія. Съ 1837 бо́льшая часть приходовъ вошла въ *Союзы*.

Всякій союзъ обязанъ имѣть одинъ рабочій домъ; послѣднихъ на всей поверхности Великобританіи около шестисотъ. Прежній рабочій домъ скрывалъ въ себѣ страшныя злоупотребленія и самыя печальныя проявленія человѣческихъ слабостей: нерѣдко случалось, что въ одной комнатѣ съ разбитыми параличемъ спали дѣти, или дѣти помѣщались въ одномъ покоѣ съ публичными женщинами!

Законъ 1834 улучшилъ положеніе дѣтей и стариковъ; онъ снисходительно относится къ послѣднимъ и предупредительно къ первымъ. Что же касается до здороваго бѣдняка, то жизнь въ рабочемъ домѣ должна показаться ему менѣе пріятной, чѣмъ въ деревнѣ или на фабрикѣ. Мужъ разрозненъ въ немъ съ женой, и дѣти съ родителями. Но они могутъ видѣться ежедневно въ столовой, а супруги могутъ проводить полдня въ недѣлю вмѣстѣ. Люди, посѣщающіе съ 1834 эти убѣжища, говорятъ, что встрѣтили въ нихъ веселыхъ и рѣзвыхъ дѣтей, которыя получаютъ въ нихъ настолько образованія, что могутъ сдѣлаться со временемъ прикащиками на судахъ, фермерами или купцами; женщины охотно занимаются стиркой и приготовленіемъ бѣлья и другими, свойственными ихъ полу работами; наконецъ, мужчины философски наслаждаются бесѣдой, занимаясь плотничьими и сапожными работами, разсучивая канаты, дѣлая кое какія починки своего жилища, и проч.

Въ началѣ вѣка налогъ въ пользу бѣдныхъ простирался до 4 мильоновъ фунтовъ стерлинговъ. Онъ увеличился во время войнъ имперіи, и въ 1814 составлялъ 6,490,000. Въ неурожай 1816 и 1817 онъ поднялся еще выше, и на 1818 назначенъ былъ въ 7,870,000. Съ 1821 до реформы онъ колебался между 5,736,000, въ 1824, и 7,036,000, въ

* Всѣ эти интересныя подробности приведены въ первомъ годовомъ отчетѣ, *First annual report....* 1835.

1832. Въ 1834 онъ составлялъ 6,317,000, и съ этого года до 1849 простирался отъ 4,044,000, въ 1837, до 6,180,000, въ 1848. Изъ этого видно, что налогъ столь же обременителенъ въ настоящее время, какъ былъ въ началѣ вѣка; но онъ лучше распредѣляется и употребляется относительно интересовъ бѣдныхъ и общественной нравственности *.

III. Формула Чернышевскаго для опредѣленія требующагося улучшенія земледѣлія для всякаго періода удвоенія населенія.

Въ моей статьѣ о Мальтусѣ я показалъ и разобралъ ошибку этого писателя при опредѣленіи размѣровъ необходимыхъ улучшеній въ земледѣліи, чтобы количество продовольствія соотвѣтствовало размножающемуся населенію, ошубку, разоблаченную Чернышевскимъ въ его примѣчаніяхъ къ *Основаніямъ политической экономіи Джона Стюарта Милля.* Считаю въ высшей степени полезнымъ для людей, спеціально занимающихся политической экономіей, привести изъ тѣхъ же примѣчаній (стр. 366—369) общую формулу приращенія земледѣльческаго продукта.

Мнѣніе о громадномъ размѣрѣ улучшеній, какой требовался бы для удержанія прежней производительности земледѣльческаго труда, при быстромъ размноженіи людей — грубѣйшая ошибка, которую можно объяснить только крайнею невнимательностью къ понятію о разницѣ между сложными процентами и простыми процентами. Мы видѣли, что требуемый размѣръ земледѣльческихъ улучшеній незначителенъ при процентѣ размноженія людей, по которому число ихъ болѣе чѣмъ удвоивалось бы въ каждыя 25 лѣтъ. Дѣло доказанное теперь, что при двадцатипятилѣтнемъ періодѣ удвоенія числа людей, земледѣльческому продукту очень легко возрастать столь же быстро, какъ размножаются люди.

Но Мальтусъ и его послѣдователи только съ особенной настойчивостью твердятъ о двадцатипяти лѣтнемъ періодѣ удвоенія, а сами не знаютъ, какой періодъ принять, и безпрестанно увѣряютъ насъ, будто люди могли бы размножаться еще быстрѣе, выставляютъ періоды удвоенія, еще болѣе короткіе. Мы, напротивъ, надѣемся доказать, что двадцатипяти лѣтній періодъ удвоенія возможенъ только при порабощеніи массы народа, при искуственномъ, принужденномъ настроеніи обычаевъ, при несчастномъ положеніи женщинъ, и что съ каждымъ шагомъ человѣка отъ рабства къ свободѣ, періодъ удвоенія, безъ всякаго стѣсненія органическихъ потребностей человѣка,

* Въ 1858 налогъ доставилъ 5,878,542, или съ небольшимъ 6 шил. на жителя. Рус. перев.

долженъ становиться длиннѣе; поэтому, намъ надобно найти общую формулу, по которой опредѣлялся бы потребный размѣръ улучшеній для всякихъ періодовъ удвоенія.

Быстроту, съ какою размножается населеніе, мы назовемъ процентомъ размноженія.

При 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія, процентъ размноженія=2, 81138... Если нація, размножающаяся по этому проценту, имѣла 1 января даннаго года 10,000,000 человѣкъ, то 1 янв. слѣдующаго года въ ней будетъ считаться 10,281,138 человѣкъ.

Первоначальное число жителей, съ котораго начинается счетъ размноженія, мы назовемъ A. Въ примѣрѣ, нами выбранномъ, $A = 10{,}000{,}000$.

Число людей, которымъ увеличится это населеніе въ теченіе года, мы назовемъ N. Въ нашемъ примѣрѣ $N = 281{,}138$ человѣкъ.

Производительность земледѣльческаго труда, при первоначальномъ числѣ жителей, то есть, при первоначальномъ числѣ хлѣбопашцевъ, назовемъ P. Если мы положимъ, что число хлѣбопашцевъ въ первый годъ равнялось одной десятой части населенія, то есть, 1,000,000, а хлѣба произведено было въ этомъ году 40,000,000 четвертей, то $P = 40$.

Процентъ размноженія равняется числу населенія 1 января втораго года, дѣленному на число населенія 1 января перваго года. Для насъ удобнѣе не обозначать его особенною буквою, а прямо употреблять сочетаніе знаковъ, ему соотвѣтствующее, $\frac{A + N}{A}$. Кажется, не нужно объяснять, что $A + N$ означаетъ населеніе 1 января втораго года, то есть, въ нашемъ примѣрѣ 10,281,138.

Читатель помнитъ, что по Мальтусовой теоремѣ производительность земледѣльческаго труда прибылыхъ работниковъ уменьшается по тому же проценту, по которому размножается населеніе. Такимъ образомъ, если производительность первоначальныхъ работниковъ, прибывающихъ въ первый годъ $= P$, то производительность труда прибылыхъ работниковъ $= P : \frac{A + N}{A}$ или $= \frac{AP}{A + N}$; въ нашемъ примѣрѣ это будетъ $\frac{4 \times 10{,}000{,}000}{10{,}281{,}138}$.

Мы принимаемъ, что пропорція хлѣбопашцевъ въ числѣ населенія остается неизмѣнною, какъ и слѣдуетъ по условіямъ Мальтусовой гипотезы.

Приступая теперь къ самымъ выкладкамъ, мы впередъ просимъ читателя, болѣе насъ занимавшагося математикою, извинить неловкость нашихъ пріемовъ. Человѣкъ, знающій алгебру, конечно употребилъ бы пріемы, болѣе изящные; но простота вопроса, за который мы беремся, такова, что даже и мы, знающіе только ариѳметику

и употребленіе логарифмическихъ таблицъ, могли дойти до надлежащихъ выводовъ.

Земледѣльческій продуктъ перваго года былъ AP.

На второй годъ, соотвѣтственно размножившемуся населенію, то есть $A + N$, былъ бы нуженъ продуктъ $AP + NP$.

Но если не произведено никакихъ улучшеній, онъ будетъ равенъ только $AP + \frac{ANP}{A + N}$.

Вычитая этотъ, получаемый безъ улучшеній продуктъ втораго года изъ продукта, который былъ бы нуженъ, мы опредѣлимъ величину дефицита, который долженъ быть покрытъ земледѣльческимъ усовершенствованіемъ:

$$(AP + NP) - \left(AP + \frac{ANP}{A + P}\right) = X$$

Изъ этого мы получаемъ $X = \frac{N^2P}{A + N}$.

Такимъ образомъ, вліяніемъ улучшенія, продуктъ втораго года долженъ увеличиться на количество $\frac{N^2P}{A + N}$ Спрашивается теперь, какой размѣръ должно имѣть улучшеніе, чтобы дать такое увеличеніе въ продуктѣ?

Ясно, что этимъ улучшеніемъ должна нѣсколько возвыситься первоначальная производительность труда P первоначальныхъ работниковъ A; иначе говоря, въ уравненіи продукта втораго года, вмѣсто величины P, должна быть подстановлена величина P', нѣсколько большая, чѣмъ P.

Очевидно также, въ какой пропорціи должна возрасти она, чтобы продуктъ втораго года достигъ требуемой величины $AP + NP$. Ясно, что P' должно быть на столько больше P, на сколько требуемый продуктъ $AP + NP$ больше, получаемаго безъ улучшеній, продукта $AP + \frac{ANP}{A + N}$ Но мы уже знаемъ, что этотъ получаемый безъ улучшеній продуктъ меньше требуемаго продукта на величину $\frac{N^2P}{A + N}$.

Итакъ, мы имѣемъ

$$(AP + NP) : \left(AP + NP - \frac{N^2P}{A + N}\right) = P' : P.$$

Изъ этого мы получаемъ $P' = \frac{(A + N)^2P}{(A + N)^2 - N^2}$.

Или, принимая $P = 1$,

$$P' = \frac{(A + N)^2}{(A + N)^2 - N^2}.$$

То есть: требуемое возвышеніе земледѣлія посредствомъ усовершенствованій относится къ первоначальному состоянію земледѣлія, какъ число населенія втораго года, возведенное во вторую степень, относится къ тому же числу во второй степени, за вычетомъ числа прибылыхъ въ годъ людей во второй степени.

Число людей, прибывшихъ естественнымъ размноженіемъ въ теченіе перваго года, всегда бываетъ незначительно, сравнительно съ цѣлымъ населеніемъ втораго года; въ квадратѣ оно станетъ еще гораздо меньше квадрата этого полнаго числа населенія; потому и возвышеніе производительности земледѣлія требуется незначительное. Мы увидимъ, напримѣръ, что процентъ размноженія 5 на 100 превышаетъ возможность размноженія по самому устройству человѣческаго организма. Но если взять даже этотъ невозможный процентъ (дающій періодъ удвоенія въ $12^1/_2$ лѣтъ), все таки мы получимъ:

$$\frac{(105\ )^2}{(105^2)-5^2}=\frac{11025}{11000}=1{,}00227$$

По найденной нами формулѣ

$$P'=\frac{(A+N)^2}{(A+N)^2-N^2}$$

легко вычислить требуемый размѣръ улучшеній для какихъ угодно процентовъ размноженія и періодовъ удвоенія. Но цифры годичныхъ улучшеній вообще выходятъ очень незначительныя,—можно сказать, незначительныя до неосязаемости. Потому, въ слѣдующей таблицѣ мы вычислимъ также вѣковое возвышеніе земледѣлія, проистекающее изъ годичныхъ улучшеній находимаго нами размѣра.

Число лѣтъ въ періодѣ удвоенія.	Процентъ размноженія.	Годичный размѣръ улучшенія.	Высота, до которой земледѣліе должно быть поднято въ теченіе вѣка, принимая первоначальную высоту = 1,00000.
12	5,94631	0,00314,9991	1,36958
15	4,72941	0,00203,9064	1,22126
20	3,52649	0,00116,0186	1,12194
25	2,81138	0,00074,7680	1,07760
30	2,33739	0,00052,1706	1,05343
35	2,00016	0,00038,4443	1,03877
40	1,74797	0,00029,5239	1,02996
50	1,39595	0,00018,9554	1,01913
75	0,92848	0,00008,4714	1,00893
100	0,69555	0,00004,7668	1,00478

IV. КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ТЕОРІИ МАЛЬТУСА, СДѢЛАННЫЙ ПРУДОНОМЪ ВЪ СОЧИНЕНІИ «О СПРАВЕДЛИВОСТИ *.»

Человѣкъ представляетъ одновременно силу производительную, силу потребительную и силу, размножающую его породу. Онъ создаетъ богатства и потребляетъ ихъ; кромѣ того, производя и потребляя, онъ размножается. Производительная его способность, какъ существа, сосредоточивающаго въ себѣ всѣ силы перваго порядка, трудъ, кредитъ, мѣну, и проч., можетъ быть принята, подобно способности его къ размноженію, безпредѣльной. Но естественныя силы, находящіяся въ его распоряженіи, ограничены; такъ что можно предвидѣть время, когда земли и всѣхъ ея произведеній будетъ недостаточно для человѣка, когда естественный капиталъ не будетъ болѣе соотвѣтствовать количеству работниковъ и ихъ потребленію. Спрашивается: какъ установится равновѣсіе?

Рѣшеніе, предложенное Мальтусомъ, извѣстно. Осмѣливаюсь замѣтить, что общественная совѣсть, по крайней мѣрѣ во Франціи, безповоротно высказалась противъ его школы, и, да простятъ мнѣ за мое тщеславіе, если я скажу, что я игралъ нѣкоторую роль въ его осужденіи. Соціализмъ можетъ гордиться, что по вопросу о народонаселеніи былъ мстителемъ за оскорбленіе общества: такое значеніе онъ сохранитъ за собой навсегда.

Я сожалѣю, что Іосифъ Гарнье, глубокой честности и прямодушію котораго я не смѣю не отдать полной справедливости, нашелъ необходимымъ, слѣдуя примѣру Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, связать свое имя съ мальтузіонской гнусностью; но такъ какъ въ послѣднемъ изданіи ** онъ нашелъ нужнымъ поднять споръ по этому щекотливому вопросу, и примѣшать къ нему мое имя, то онъ не осудитъ меня за мой отвѣтъ ему.

Разсмотримъ, прежде всего, какъ поставлена Мальтусомъ задача, и какъ имъ понято это уравненіе. Послѣдователи его приняли привычку обвинять своихъ противниковъ въ томъ, что они не читали Мальтуса, и знаютъ изъ него только знаменитый параграфъ, про-

---

* *De la Justice dans la Révolution et dans l'Église*. Брюссель. изд. 1860. Этюдъ 3-ій.

** Въ приложеніяхъ ко французскому переводу сочиненія Мальтуса (изд. Гильомена). Гарнье помѣстилъ замѣтку въ отвѣтъ на отзывъ Прудона о Мальтусѣ въ *Contradictions économiques*. Въ этой замѣткѣ онъ защищаетъ свое предположеніе (т. I, стр. 269): «Еще не доказано, чтобы такой видъ воздержанія, предупреждающій нищету безъ нарушенія физіологическихъ законовъ, былъ безнравственъ,» предположеніе, которое находитъ Прудонъ безнравственнымъ. Въ настоящемъ случаѣ Прудонъ имѣетъ въ виду эту замѣтку. Рус. перев.

славившій его имя. Поэтому, считаю нужнымъ заявить прежде всего, что я внимательно прочиталъ Мальтуса, такъ же какъ и послѣднее сочиненіе ученика и продолжателя его, Іосифа Гарнье, изъ котораго я сдѣлаю нѣсколько выписокъ.

Ученіе Мальтуса, ибо существованіе ученія не подлежитъ сомнѣнію, приводится къ слѣдующимъ пяти положеніямъ.

1.—Въ *принципѣ*, говоритъ Мальтусъ, а за нимъ и Гарнье, можно считать несомнѣннымъ, что населеніе, еслибы ему ничто не препятствовало, размножалось бы непрерывно и безгранично по геометрической прогрессіи, такъ что удваивалось бы въ небольшое число лѣтъ.

Часть книги Мальтуса посвящена фактамъ, доказывающимъ это стремленіе народонаселенія.

2.—Въ *дѣйствительности*, мы имѣемъ право утверждать, опираясь на нынѣшнее состояніе заселенной земли, что средства существованія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для труда, ни въ какомъ случаѣ не могутъ возрастать быстрѣе, какъ въ арифметической прогрессіи.

За этимъ слѣдуетъ новое изложеніе фактовъ, которые, по мнѣнію Мальтуса, доказываютъ это положеніе.

3.—Что́ же случится, спрашиваетъ себя трудолюбивый компиляторъ, если населеніе, повинуясь своему *стремленію*, перейдетъ за средства для своего существованія? Избытокъ его унесенъ будетъ голодомъ и болѣзнями, къ которымъ слѣдуетъ присоединить дѣтоубійство, вытравленіе, подкидываніе дѣтей, войну.

Авторъ посвящаетъ большую часть своего сочиненія изложенію тѣхъ *насильственныхъ* мѣръ, къ которымъ прибѣгаетъ природа и самъ человѣкъ для водворенія равновѣсія.

4.—Но, замѣчаетъ Мальтусъ, эта система *насильственныхъ* мѣръ не можетъ считаться нормальной; она свидѣтельствуетъ о непредусмотрительности человѣка, и отвергается здравымъ смысламъ и нравственностью.

Что производится силою самихъ вещей, посредствомъ голода, и отчаяніемъ человѣка, посредствомъ убійства, то можемъ мы сдѣлать добровольно *предупредительнымъ* ограниченіемъ числа рожденій или, вѣрнѣе, числа беременностей. Это предупредительное средство называетъ Мальтусъ *нравственнымъ обузданіемъ*, воздержаніемъ или нравственнымъ принужденіемъ.

5.—Но Мальтусъ и его школа прекрасно понимали, что этимъ возмущена будетъ общественная совѣсть; что послѣдняя найдетъ *предупредительную* систему столь же плачевной, какъ и систему *насильственную*, и неменѣе ея безнравственной.

Мальтузіанцы поддерживаютъ, поэтому, нравственность онанизма, который они и предлагаютъ подъ именемъ нравственнаго воздержанія. Они опровергаютъ библейскій предразсудокъ, который смотритъ

на такое поведеніе, какъ на дѣло постыдное и гнусное (*rem detestabilem*), и силятся успокоить совѣстливость, что добровольная потеря сѣмени, въ сущности, такая же пустая вещь, какъ безсознательныя потеря его во время сна, пугая родителей послѣдствіями ихъ безразсудства, и проч.

Въ особенности же, они настаиваютъ на безполезности средствъ, предлагаемыхъ противъ чрезмѣрнаго населенія, какъ выселеніе, увеличеніе производства, уменьшеніе общественныхъ расходовъ, уничтоженіе паразитизма, общественныя преобразованія, и проч.

Такова въ короткихъ словахъ такъ называемая Мальтусова теорія. Чтобы не могли меня обвинить въ придирчивости къ словамъ, то я замѣчу, со всею школой, что противуполагая геометрическую прогрессію 2, 4, 8, 16, 32, 64 прогрессіи ариѳметической 1, 2, 3, 4, 5, 6 и т. д., изъ которыхъ первая представляетъ размноженіе населенія, а вторая—дѣйствительное возрастаніе продовольствія, Мальтусъ не говоритъ, чтобы та и другая служили точнымъ выраженіемъ обоихъ экономическихъ законовъ, но приводитъ ихъ только для сравненія, чтобы объяснить отношеніе двухъ движеній, одного — возможнаго и несомнѣннаго, если ничто не замедляетъ его, стремленія къ размноженію, и другаго — дѣйствительнаго, возрастанія богатства.

«Однимъ словомъ, говоритъ Гарнье, населенію принадлежитъ органическая и несомнѣнная способность размножаться быстрѣе, чѣмъ средства существованія: результатомъ этого является развитіе бѣдности.»

Какъ бы то ни было, экономисты нравственнаго обузданія, Іосифъ Гарнье, Густавъ де Молинари, Росси, Дюнойе, Джонъ Стюартъ Милль, Гизо, Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, жалуются на непопулярность имени Мальтуса въ Англіи и во Франціи. Они обвиняютъ духовенство всѣхъ церквей въ томъ, что оно поддерживаетъ въ этомъ отношеніи невѣжество и суевѣріе, то есть, производительную невоздержность, а потому, и пауперизмъ; они указываютъ государственнымъ людямъ на предлагаемое лекарство, и требуютъ, чтобы оно проповѣдывалось съ церковныхъ кафедръ и преподавалось въ школахъ на ряду съ десятью заповѣдями, утверждая, что нѣтъ другаго средства противъ пауперизма и порока, нѣтъ инаго спасенія отъ соціализма и революціи.

Если что либо заслуживаетъ удивленія, такъ это то, что люди ученые, академики, профессора, наперекоръ правиламъ логики и математеки, могли отыскать хоть каплю здраваго смысла въ пяти положеніяхъ Мальтуса.

Развѣ такимъ образомъ поступаютъ ученые, создавая прочныя теоріи, имѣщія своею цѣлью объяснить явленія природы и порядокъ вселенной?

Мальтусъ указываетъ намъ, во вервыхъ, на *стремленіе* населенія

удваиваться, если ничто не препятствуетъ ему, въ короткіе промежутки времени, въ восемнадцать, двадцать пять или тридцать лѣтъ

Что касается до меня, то стремленіе къ удвоенію я считаю доказаннымъ на опытѣ, а все, что говорилось противъ него, есть одно пустословіе. Оно есть естественный законъ природы. Всѣ экономическія силы повинуются тому же закону: если онѣ не сдерживаются, то стремятся развиться до безконечности, и охватить собою все. Сейчасъ мы приведемъ примѣръ этого. Это—общее стремленіе силъ, призывающее законъ равновѣсія, безъ котораго общество предоставленное на произволъ аномалій, оказывается ареной для различныхъ катастрофъ.

Дѣло, стало быть, идетъ о томъ, чтобы узнать, почему *стремленіе* населенія къ удвоенію, въ сущности, совершенно естественное, не встрѣчая противудѣйствія, и слѣдуя быстрѣе, чѣмъ возрастаютъ средства существованія, вызываетъ бѣдственное состояніе. Ибо, повторяю еще разъ, мы еще ничего не рѣшаемъ, обвиняя какое либо стремленіе и указывая на его послѣдствія. Слѣдуетъ объяснить, какимъ образомъ и почему равновѣсіе нарушается. Станетъ ли размноженіе народонаселенія предупреждать возрастаніе продовольствія и въ обществѣ, устроенномъ на экономическихъ началахъ, въ которомъ силы и пользованіе ими будутъ въ равновѣсіи? Вотъ что слѣдуетъ узнать, и о чемъ Мальтусъ и его школа не говорятъ ни слова.

Что касается до меня, то я отрицаю такое предупрежденіе въ обществѣ, основанномъ на равенствѣ; я отношу его къ дѣйствительной его причинѣ, къ отсутствію равновѣсія между силами, услугами, заработной платой и цѣнностями, и утверждаю на этомъ основаніи, что по введеніи всюду равновѣсія, во первыхъ, между цѣнностями, затѣмъ, между заработной платой и услугами, и наконецъ, между экономическими силами, народонаселеніе тѣмъ самымъ приведено будетъ въ свое русло: я сейчасъ объясню это уравненіе. Станутъ ли утверждать Мальтусъ и Академія нравственныхъ наукъ, что такое предварительное равновѣсіе безполезно; что измѣненіе условій не измѣняетъ явленія; что экономическій порядокъ не допускаетъ аномалій, возмущеній, отклоненій, чудовищностей.

Перейдемъ ко второму положенію Мальтузіанской школы.

Обвинивъ, не понимая, стремленіе народонаселенія къ удвоенію въ короткій промежутокъ времени, Мальтусъ указываетъ на фактъ, неменѣе грозный, а именно: между тѣмъ какъ размноженіе населенія, еслибы ничто не препятствовало ему, слѣдовало бы въ геометрической прогрессіи, возрастаніе продовольствія можетъ происходить только по арифметической.

Я допускаю фактъ *задержки* въ производствѣ продовольствія, какъ я только что допустилъ фактъ *предупрежденія (прецессіи)* народонаселенія, то есть, какъ данныя, полученныя изъ наблюденія.

Но я повторяю мой вопросъ: оба факта до такой степени соотвѣтствующіе другъ другу въ своемъ искаженіи, не вызываются ли одною и тою же причиной? Имѣемъ ли мы въ настоящемъ случаѣ точное выраженіе для развитія богатства, сравнительно съ возрастаніемъ населенія при нормальныхъ условіяхъ? Или же, въ нихъ слѣдуетъ видѣть новое отклоненіе, пораждаемое отсутствіемъ равновѣсія во всей системѣ?

Доказано, что никакого баланса между частями общественной книги не существуетъ; что всюду встрѣчаются въ ней ошибки, обманъ и грабительство; что неравенство положеній и состояній, предполагаемое естественнымъ и предопредѣленнымъ, напротивъ того, пораждается нарушеніемъ справедливости въ экономическихъ отношеніяхъ; наконецъ, что отсутствіе справедливости въ распредѣленіи произведеній, отсутствіе равновѣсія въ сдѣлкахъ и счетахъ, задерживающее развитіе экономическихъ силъ, останавливаетъ производство, и создаетъ дефицитъ. Все это доказано въ настоящее время. Мальтусъ и его шлола очевидно доказываютъ то же самое. Они довѣрчиво принимаютъ настоящій порядокъ вещей, но не оправдываютъ его.

Способность къ размноженію, если не встрѣчаетъ препятствія, стремится удвоить населеніе въ короткій періодъ времени: это доказано. Но не смѣемъ ли мы предположить обратно, что и производительная сила, если не встрѣчаетъ препятствія, тоже стремится удвоить и болѣе чѣмъ удвоить богатство впродолженіи того же періода времени, такъ что, еслибы это второе стремленіе уравновѣшивало дѣйствіе перваго, то порядокъ не возмущался бы? Вотъ что́ слѣдовало бы изслѣдовать: до этого же, мы не имѣемъ права считать несомнѣннымъ и убѣдительнымъ, съ одной стороны, *избытокъ*, а съ другой — *дефицитъ*, какъ результатъ непослѣдовательности природы и непредусмотрительности человѣка.

Я настаиваю на такой точкѣ зрѣнія, которая составляетъ существенную сторону вопроса.

На основаніи офиціальныхъ статистическихъ данныхъ, населеніе Соединенныхъ штатовъ, не встрѣчая никакихъ препятствій, съ 1782 по 1850, удваивалось почти каждыя двадцать или двадцать пять лѣтъ. Но къ этому забываютъ присовокупить, что богатство Соединенныхъ штатовъ, тоже не встрѣчая никакой помѣхи, удваивалось въ и болѣе чѣмъ удваивалось въ тѣ же періоды. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Люди, вступающіе въ товарищество, присоединяющіе къ личной работѣ, какъ вспомогательныя средства, великія экономическія силы, раздѣленіе труда, соединеніе занятій, дѣйствіе машинъ, и проч., люди, находящіеся въ такихъ условіяхъ, производятъ больше богатства, чѣмъ населенія; они производятъ быстрѣе, чѣмъ раждаютъ, и между тѣмъ, какъ движеніе народонаселенія между

ними, повидимому, подтверждаетъ теорію Мальтуса, движеніе производства противурѣчитъ ей. Важный фактъ этотъ, все слабѣе и слабѣе, правда, обнаруживающійся въ нашихъ старыхъ, анти-юридическихъ обществахъ, тѣмъ неменѣе, не слѣдуетъ упускать изъ виду.

«Положимъ, что два одинокихъ человѣка, безъ инструментовъ и оспаривая у звѣрей свою скудную пищу, производятъ цѣнность, равную 2. Пусть эти два человѣка измѣнятъ свою жизнь, и соединятъ свои силы; пусть они увеличатъ свои силы раздѣленіемъ труда, машинами, вызываемымъ ими соревнованіемъ, производство ихъ будетъ уже не 2, а положимъ какъ 3, ибо каждый производитъ не только собственными силами, но я силами своего товарища. Если число работниковъ удвоится, то, вслѣдствіе этого удвоенія, раздѣленіе труда будетъ большее, дѣйствіе машинъ усилится, соревнованіе также; поэтому, производство ихъ будетъ равно 6. Если число ихъ учеверится, то производительность ихъ будетъ равна 12. Это умноженіе производства, при содѣйствіи раздѣленія труда, машинъ, соревнованія и проч., неоднократно доказывалось экономистами: это — прекраснѣйшая часть науки, на которой сходятся единодушно всѣ писатели.

«Итакъ, если населеніе размножается, какъ 2, 4, 8, 16, 32, 64, то производительная сила труда будетъ, какъ 3, 6, 12, 24, 48, 96. — Другими словами, въ правильно организованномъ обществѣ, между тѣмъ какъ народонаселеніе возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, первый членъ которой 2, а множитель 2, производство возрастаетъ по геометрической прогрессіи, первый членъ которой 3, а знаменатель содержанія 2.» (*Système des Contradictions économiques*, т. II, стр. 319, изд. братьевъ Гарнье.)

Вотъ что я писалъ въ 1845, по прочтеніи Мальтуса. Неужели ученики его сами руководствуются правиломъ, не читать своихъ противниковъ, послѣ того какъ они прокричали, что ихъ не читаютъ.

Изъ такой двойной поправки, какъ стремленія народонаселенія, такъ и стремленія производства, мы можемъ уже заключить, что вопросъ поставленъ Мальтусомъ неправильно. Ему слѣдовало сказать:

1. Въ *принципѣ*, населеніе, разсматриваемое въ органической своей сущности, *стремится* къ размноженію, если ничто не препятствуетъ ему, по геометрической прогрессіи въ 18, 25, 30 и большій періодъ времени. Съ этой точки зрѣнія, человѣческая порода слѣдуетъ тому же закону, какъ и всѣ животныя и растительныя породы: ея способность къ разможенію сама по себѣ безгранична, и дѣйствуетъ съ удивительною быстротой.

2. Въ *принципѣ* же, производство, если ничто не стѣсняетъ его, тоже стремится къ умноженію по геометрической прогрессіи, возрастающей еще быстрѣе.

Вслѣдствіе этого, такъ какъ производство возрастаетъ въ рабочемъ обществѣ быстрѣе, чѣмъ населеніе, то въ концѣ каждаго пе-

ріода получался бы остатокъ непотребленнаго богатства, который и служилъ бы выраженіемъ общественнаго прогресса въ трудѣ и въ благосостояніи.

3. Но въ *дѣйствительности*, несмотря на нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ такое быстрое и одновременное возрастаніе населенія и богатства, происходитъ нѣчто совершенно иное въ старомъ мірѣ. Съ одной стороны, ни населеніе, ни производство не возрастаютъ съ такой быстротой, и, чтó всего удивительнѣе, послѣднее постоянно отстаетъ отъ перваго. Съ другой стороны, очевидно, что такъ какъ земля ограничена, и такъ какъ поэтому, естественный капиталъ человѣчества имѣетъ предѣлы, то населеніе и богатство не могутъ увеличиваться до безконечности.

4. Вслѣдствіе этого, предстоитъ рѣшить нѣсколько вопросовъ.

Во первыхъ, разумъ, трудъ и справедливость, три великія способности, отличающія человѣка отъ прочихъ животныхъ, не измѣняютъ ли, путемъ своего развитія, естественнаго плодородія породы?

Съ другой стороны, чѣмъ возмущается движеніе производства, и замедляется его развитіе?

Наконецъ, за отстраненіемъ разрушительныхъ и ненормальныхъ условій, дѣйствіе которыхъ можетъ быть выражено въ двухъ рядахъ явленій, въ чемъ состоитъ равновѣсіе народонаселенія по отношенію къ производимому землей богатству и ко всему пространству земнаго шара?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еслибы Мальтусъ такимъ образомъ поставилъ вопросъ, то онъ пришелъ бы къ совершенно инымъ выводамъ.

Онъ увидѣлъ бы, что искомое равновѣсіе должно находиться между двумя, соотвѣтствующими одна другой силами, дѣйствующими свободно, и потому, независимыми отъ какихъ бы то ни было условій, извращающихъ ихъ проявленіе.

Онъ сказалъ бы самому себѣ, что если голодъ, болѣзни, война, дѣтоубійство, проституція и вытравленіе суть противуестественыя средства, употребляемыя природой противъ безпорядочныхъ и развращенныхъ обществъ, то такое же значеніе должно имѣть и *нравственное обузданіе,* которымъ онъ предлагаетъ замѣнить ихъ; что подобное вмѣшательство въ свободную волю нетолько не ослабитъ зла, но освятитъ его обвиненіемъ природы въ непослѣдовательности, науки— въ нелѣпости, и общества — въ безнравственности.

Остановимся на минуту на этой странной нравственности Мальтуса, всенародно проповѣдуемой и поощряемой Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Если вы скажете ребенку: вотъ тебѣ часы; сами они не ходятъ, но какъ только ты услышишь, что будутъ бить городскіе часы, то тебѣ слѣдуетъ поставить стрѣлку на надлежащее мѣсто — онъ по-

смѣется надъ вами.—Если часы нейдутъ сами, скажетъ онъ, то они мнѣ не нужны.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ общественномъ организмѣ, съ тою только разницей, что общество такъ же мало нуждается, чтобы его заводили, какъ и планетная система: оно получило толчекъ, и равновѣсіе его обезпечено на вѣчныя времена. Все, что̀ оно требуетъ отъ насъ, это — чтобы мы шли вмѣстѣ съ нимъ, то есть, трудились бы и были справедливыми. При такомъ условіи, мы не встрѣтимъ недостатка въ землѣ, хотя послѣдняя имѣетъ неболѣе десяти тысячъ миль въ окружности, а три четверти всей ея поверхности покрыты водой; за столомъ то же всѣмъ будетъ мѣсто.

Школа Мальтуса не согласна съ этимъ.

Выказывая, гдѣ нужно, самое глубокое уваженіе къ религіи и къ Провидѣнію, какъ только дѣло коснется вопроса о народонаселеніи, она обнаружваетъ самое грубое невѣріе. Школа, во всемъ и всюду проповѣдующая *laissez faire, laissez passer*, обвиняющая соціалистовъ въ томъ, что они хотятъ замѣнить своими измышленіями законы природы, протестующая противъ всякаго вмѣшательства государства и громогласно провозглашающая одну только свободу, какъ только дѣло коснется супружеской плодовитости, незадумываясь кричитъ мужу: Остановись, несчастный! Какой демонъ соблазняетъ тебя? Развѣ ты не можешь заниматься любовью, не дѣлая дѣтей?... Или ты забылъ, что населеніе возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ продовольствіе умножается только въ ариөметической?

Словомъ, школа Мальтуса учитъ, что такъ какъ размноженіе идетъ слишкомъ быстро, хотя она и не знаетъ почему, то слѣдуетъ наложить на него узду. Мы обязаны немалою благодарностью Іосифу Гарнье за то, что у него достало храбрости категорически объяснить, въ чемъ состоитъ предупредительное лекарство Мальтуса, или *нравственное обузданіе*.

Вамъ извѣстна, господинъ епископъ *, исторія того внука Іакова, который, будучи приглашенъ, во имя закона, къ сожительству съ своей невѣсткой, Өамарью, овдовѣвшей не имѣя дѣтей отъ мужа, и къ возстановленію потомства своему умершему брату, насиловалъ природу, *semen fundebat in terram* **, и былъ умерщвленъ Богомъ за это гнусное дѣло, *quod rem detestabilem faceret* ***. Позорное дѣло Онана обезсмертило его имя въ потомствѣ: *онанизмомъ* названъ постыдный порокъ, губящій юношество и въ такихъ ужасающихъ чертахъ изображенный Тиссо.

---

* Все сочиненіе Прудона *О Справедливости* обращено къ кардиналу Матьё, архіепископу Безансонскому. Рус. перев.

** Сѣмя извергалъ на землю.

*** За то, что сдѣлалъ гнусное дѣло.

Итакъ, онанизмъ, онанизмъ вдвоемъ, примемъ это къ свѣдѣнію, есть предупредительное средство, указанное Мальтусомъ, противъ излишняго количества дѣтей; это онъ и называетъ *нравственнымъ обузданіемъ*. Такимъ образомъ, наука умѣетъ облагораживать даже постыдныя дѣла. Отнынѣ не должно говорить онанизмъ, слѣдуетъ говорить мальтузіанизмъ.

Заключеніе весьма просто: Если основное положеніе Мальтуса справедливо — стремленіе населенія къ размноженію въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ средства существованія возрастаютъ только въ арифметической, — то не лучше ли благоразумной предусмотрительностью предупреждать рожденіе, чѣмъ производить на свѣтъ существа, приговоренныя заранѣе къ голодной смерти.

Іосифъ Гарнье опирается на свои авторитеты.

Въ 1832, Ш. Дюнойе, въ настоящее время членъ Академіи нравственныхъ наукъ, бывъ префектомъ въ Амьенѣ, незадумываясь, давалъ бѣднымъ классамъ своего департамента совѣтъ Мальтуса.

«Классы общества, говорилъ онъ, находящіеся въ самомъ жалкомъ положеніи, могутъ освободиться отъ гнетущихъ ихъ бѣдствій только посредствомъ трудолюбія, благоразумія и осторожности, *особенно осторожности въ супружескомъ союзѣ*, употребляя всѣ свои усилія чтобы *супружество не было плодовитѣе, чѣмъ ихъ трудъ.*»

Слова эти вызвали горячее опроверженіе со стороны духовенства епархіи и части парижской печати. Дюнойе отвѣчалъ въ *Mémoire à consulter*, Paris, 1835:

«Трудно повѣрить, говоритъ онъ, что призваніе людей къ жизни, или дѣло, безспорно, самое важное по своимъ послѣдствіямъ, есть именно то, которое менѣе всего считаютъ нужнымъ оградить закономъ, или которое хуже всего ограждено имъ. Его, впрочемъ, облекли въ гражданскія формы и считаютъ таинствомъ; но какъ только разъ бракъ заключенъ, то послѣдствія его предоставляются, такъ сказать, на волю божію. Единственное предписываемое правило состоитъ въ томъ, что слѣдуетъ или воздерживаться отъ всякаго сближенія, или же не предпринимать ничего, что можетъ сдѣлать сближеніе безплоднымъ. Пока мужъ и жена полагаютъ, что они не дѣлаютъ ничего въ этомъ смыслѣ, нравственность казуистовъ не дѣлаетъ имъ никакого упрека; пусть они причиняютъ вредъ самимъ себѣ, пусть причиняютъ вредъ другъ другу, пусть въ голову ихъ не приходитъ и мысли объ отсутствующемъ третьемъ, быть можетъ, несчастномъ лицѣ, котораго они призываютъ къ жизни, нисколько не безпокоясь объ ожидающей его участи—все это пустяки: главное дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы они воздерживались отъ дѣла, трижды пагубнаго, а въ томъ, чтобы они не предпринимали никакихъ мѣръ, которыя бы сдѣлали бы ихъ сожительство безплоднымъ. Вотъ въ чемъ состоитъ мораль казуистовъ; мораль, противурѣчащая здравому смыслу и вся-

кой нравственности, ибо здравый смыслъ и нравственность, разумѣется, требуютъ воздержанія не отъ такого рода поступковъ, а отъ поступковъ, причиняющихъ вредъ.

«Вотъ почему, наперекоръ такимъ грубымъ нелѣпостямъ, истина состоитъ въ томъ, что если мужъ и жена могутъ не считать предосудительнымъ сближеніе, за которымъ не слѣдуетъ размноженія ихъ потомства, то имъ, тѣмъ неменѣе, слѣдуетъ быть осторожными въ самомъ дозволенномъ сближеніи и въ самой законной связи, какъ относительно самихъ себя, такъ относительно другъ друга и тѣхъ существъ, которыя могутъ быть плодомъ ихъ союза.»

На вопросы, сдѣланные въ разное время Луи Леклеркомъ и Іосифомъ Гарнье, относительно нравственности подобной осторожности, Дюпойе отвѣчаетъ, что подобное сомнѣніе онъ находитъ неблагоразумнымъ. Онъ доходитъ до того, что правило Мальтуса находитъ столь же цѣломудреннымъ, какъ шестая и девятая заповѣди, и что послѣ двухстишія:

L'oeuvre de chair ne désireras
Qu'en mariage seulement *,

хорошо было бы прибавить другое, болѣе существенное правило:

L'oeuvre de chair accompliras
En mariage prudement **.

Джонъ Стюартъ Милль въ своихъ *Основаніяхъ политической экономіи* выражается съ такою же откровенностью, какъ Дюпойе, и замѣчаетъ:

«Народъ и не подозрѣваетъ, во что́ ему обходится такое щепетильное отношеніе къ разбираемому вопросу. Общественные болѣзни, какъ и болѣзни физическія, могутъ предупреждаться и излечиваться въ такомъ только случаѣ, когда о нихъ будетъ говориться ясно.»

И въ другомъ мѣстѣ:

«Для людей, живущихъ заработной платой, нѣтъ другаго спасенія, кромѣ ограниченія размноженія населенія. Къ несчастію, всѣ изслѣдованія такого рода отличаются больше сантиментальностью, чѣмъ здравымъ смысломъ.»

Если повѣрить этимъ господамъ, то́ они настаиваютъ на заповѣди Мальтуса въ интересахъ народа, въ интересахъ женщины, какъ и несчастныхъ дѣтей, заранѣе предназначенныхъ къ погибели.

Росси доходитъ до того, что обвиняетъ эксплуатирующій классъ, буржуазію, поощряющую размноженіе населенія изъ корыстныхъ видовъ. Чрезмѣрнымъ размноженіемъ работниковъ, говоритъ онъ, буржуазія обезпечиваетъ себѣ низкую заработную плату. Еслибы

---

* Дѣла плоти пожелаешь только въ бракѣ.
** Дѣло плоти совершишь въ бракѣ осторожно.

подобная клевета вышла изъ устъ соціалиста, то Справедливость, произносящая судъ безъ присяжныхъ, приговорила бы клеветника къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ лишенію гражданскихъ правъ.

«Простые люди не понимаютъ, и никогда не поймутъ этого вопроса. Общественная экономія для нихъ — закрытая книга. Въ этомъ дѣлѣ они видятъ только обольстительную приманку для юношества, и опасеніе, чтобы сдержанное пламя не разразилось какимъ нибудь безпорядкомъ....

«Ловкіе люди, напротивъ того, прекрасно понимаютъ сущность дѣла: для нихъ такія общія мѣста, какъ провидѣніе, довѣріе, надежда — не выраженіе истины, а ширмы для нея. Они знаютъ, что чѣмъ больше работниковъ, тѣмъ ниже бываетъ, при равенствѣ прочихъ условій, заработная плата, и тѣмъ выше прибыль. Все разрѣшается этой формулой, въ особенности же, союзъ между ловкими и простыми людьми. Они придерживаются одного мнѣнія, потому что одни вовсе не понимаютъ, а другіе слишкомъ хорошо понимаютъ сущность вопроса....

«Что касается до насъ, то мы обратимся къ работникамъ и къ молодымъ людямъ съ слѣдующими словами: пусть только благоразуміе проникнетъ въ заключеніе браковъ и послужитъ основаніемъ для новыхъ семействъ — и нечего будетъ безпокоиться за судьбу человѣчества...»

Я не узнаю въ этихъ словахъ того мудраго экономиста, который, по поводу раздѣленія труда, замѣчалъ, что политическая экономія есть одна вещь, а нравственность есть другая; что если примѣненіе принципа раздѣленія труда приводитъ къ послѣдствіямъ, несогласнымъ съ достоинствомъ человѣческимъ, то это не подрываетъ достоинства принципа, а только подымаетъ новый вопросъ для дальнѣйшаго рѣшенія общественной науки.

Зачѣмъ не сдѣлалъ онъ того же самаго и относительно народонаселенія! При существующемъ порядкѣ вещей, могъ бы онъ сказать весьма просто, нѣтъ равновѣсія между движеніемъ народонаселенія и возрастаніемъ продовольствія. Отсутствіе этого равновѣсія свидѣтельствуетъ одновременно, какъ о пробѣлѣ въ наукѣ, такъ и о безпорядкѣ въ общественной жизни. Оно подымаетъ вопросъ, который долженъ быть разрѣшенъ политической экономіей, совмѣстно съ физіологіей, психологіей и нравственной философіей, и который былъ разсѣченъ Мальтусомъ, непонявшимъ его.

Самъ Бастіа, цѣломудренный Бастіа, предлагаетъ свое краснорѣчіе на защиту того же ученія. Прочіе говорили во имя человѣчества, во имя нравственности, во имя священныхъ интересовъ женщины и работника; онъ будетъ говорить во имя стыдливости.

Онанизмъ, производимый по совѣту Мальтуса и ради цѣли, ука-

занной Мальтусомъ, по мнѣнію Бастіа, есть законъ самой стыдливости. Доказательство этого онъ находитъ въ скрытности, которою окружаетъ себя честная любовь, въ строгости общественнаго мнѣнія, покрывающаго позоромъ распутство, паложничество, кровосмѣшеніе, и даже въ священномъ установленіи брака. По его мнѣнію, всѣ эти вещи имѣютъ смыслъ и цѣну только потому, что онѣ представляютъ естественное проявленіе *нравственнаго обузданія*.

«Что такое это святое невѣдѣніе перваго возраста, безъ сомнѣнія, единственное невѣдѣніе, разсѣяніе котораго преступно, которое всѣми уважается и которое ревниво охраняется матерью, какъ величайшее сокровище?

«Что такое стыдливость, наступающая послѣ невѣдѣнія, это таинственное оружіе молодой дѣвушки, очаровывающее и останавливающее любовника, продолжающее и скрашивающее періодъ невинной любви?

«Что такое эта сила общественнаго мнѣнія, покрывающаго позоромъ противузаконныя связи, эти строгіе законы, эти священныя установленія, что такое всѣ эти вещи, если не дѣйствіе закона ограниченія, проявляющагося въ мірѣ разумномъ, нравственномъ, *предупредительномъ*?

«Можно ли отрицать, что къ разумной человѣчности отнесся Творецъ иначе, чѣмъ къ безсловесной животности, и одарилъ ее способностью обращать *принудительное* ограниченіе въ *предупредительное*?...» *(Harmonies économiques)*.

Іосифъ Гарнье представляетъ отчетъ засѣданія Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ которомъ Дюнойе, Виллерме, Гизо, Леонъ Фоше и лордъ Брумъ говорили, одинъ за другимъ, по вопросу о народонаселеніи. Что касается до *нравственнаго обузданія*, всѣ оказались согласными съ Мальтусомъ. Если они и расходятся съ нимъ въ чемъ либо, то только въ математическомъ выраженіи двухъ первыхъ его положеній: относительно же рекомендуемой Мальтусомъ и его нравственностью *предусмотрительности*, не встрѣтилось никакого разногласія. Пасси признаетъ чрезвычайныя услуги, оказанныя Мальтусомъ наукѣ; Гизо восхваляетъ его во имя законодательства и политики; Леонъ Фоше, говорящій, чтобы ничего не сказать, присоединяется къ мнѣнію Пасси, которое подтверждается мнѣніемъ Гизо.

Однимъ словомъ, говоритъ Іосифъ Гарнье, воззрѣнія Мальтуса проповѣдывались и защищались большею частью новѣйшихъ экономистовъ, между которыми, по его мнѣнію, заслуживаютъ особеннаго упоминанія Ж.—Б. Сэй, Дестютъ-де-Трасн, Джемсъ Милль, Макъ-Кулохъ, Сисмонди, Дюшатель, Шальмерсъ, Дюнойе, Росси, Торнтонъ, Джонъ Стюартъ Милль, Густавъ де-Молинари, Дюпюинодъ.

Я могъ бы привести множество другихъ именъ, но я не думаю, чтобы владѣльцамъ ихъ было это особенно пріятно.

Мнѣ помнится, что я когда то выразился, забылъ только гдѣ, по поводу этой морали мальтузіанцевъ—*мораль свиней!*... Прошу извиненія за грубость выраженія, которое, очевидно, я не имѣлъ въ виду примѣнять къ кому бы то ни было. Но какое же чувство могъ я испытывать при видѣ этого собранія такъ называемыхъ экономистовъ, старыхъ приверженцевъ *нравственнаго обузданія*, искажающихъ законы стыдливости, пародирующихъ заповѣди и серьезно разсуждающихъ о необходимомъ излеченіи народа отъ щекотливости относительно супружескаго рукоблудія, и все это—во имя самозваннаго ученія, которое было бы позоромъ для науки, еслибы не было позоромъ для нравственности?

И такія засѣданія собираются въ зданіи Института, въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ высшемъ трибуналѣ французскихъ нравовъ. Люди, принимающіе участіе въ преніяхъ, занимаютъ самыя высокія мѣста въ администраціи и въ просвѣщеніи народа. Дюнойе былъ префектъ, Дюшатель—министръ, Леонъ Фоше—министръ, Гизо—министръ и профессоръ, прозванный, не знаю почему, *строгимъ*, Росси былъ профессоръ; Ж.—Б. Сэй—профессоръ. Іосифъ Гарнье — профессоръ, всѣ они — защитники религіи и нравственности, брака и семейства противъ антимальтузіанскаго соціализма, и, за исключеніемъ вопроса о произрожденіи дѣтей, сторонники принципа *laissez faire*, *laissez passer*.

Взгляните на французское юношество, слѣдящее за курсами во Французской коллегіи и въ Сорбоннѣ, на всѣхъ этихъ студентовъ школы правовѣдѣнія, медицинской, нормальной, политехнической, горной, путей сообщенія, обучающееся съ восемнадцатилѣтняго возраста исполненію предупреждающаго ограниченія, переходящее отъ уроковъ Мальтуса къ упражненіямъ въ *Closerie des Lilas*, и свободной любовью, гарантированной отъ произрожденія дѣтей, приготовляющее себя къ безплодному браку, который позже, въ качествѣ правителей, профессоровъ, врачей, инженеровъ, они будутъ распространять между народомъ.... Тьеръ, не претендующій на строгость, имѣлъ неосторожность обозвать это распутство *оскорбленіемъ природы:* ему доказали, что онъ лишенъ здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, глупъ тотъ человѣкъ, который вздумаетъ серьезно отнестись къ труду, собственности, наслѣдованію, безъ сомнѣнія, къ самой революціи, и не видитъ, что весь экономическій и общественный вопросъ разрѣшается однимъ словомъ—изгнаніемъ безполезныхъ зародышей.

Кроликъ, въ интересѣ своихъ удовольствій, уродуетъ своихъ маленькихъ; котъ пожираетъ своихъ. Повинуясь тому же животному инстинкту, древность прибѣгала къ вытравленію, къ подкидыванію

дѣтей, къ оскопленію, къ распутству, къ многомужеству; болѣе чѣмъ за семнадцать столѣтій до Р. Х. мы встрѣчаемъ нравственное обузданіе между патріархами. Присоедините рабство и войну: вотъ какими средствами, подъ вліяніемъ законовъ неравенства, устанавливалось равновѣсіе между средствами существованія и народонаселеніемъ.

Но народная совѣсть не переставала протестовать противъ такой гнусной системы. Рабство отчасти исчезло; вытравленіе, оскопленіе, подкидываніе дѣтей признаны преступленіями; распутство обезславлено; международная торговля ослабляетъ дѣйствія неурожаевъ; сама война готова исчезнуть. Остается одинъ онанизмъ, который безвозвратно осужденъ въ одиночествѣ, и который не удастся ни Мальтусу, ни господамъ Гизо, Дюнойе, Росси и ихъ товарищамъ сдѣлать супружескою добродѣтелью.

И неужели же я заблуждаюсь? Называя *нравственное обузданіе* его истиннымъ именемъ и помѣщая его въ разрядъ *насильственныхъ* средствъ, отвергаемыхъ самимъ Мальтусомъ; ставя онанизмъ на первое или на послѣднее мѣсто, какъ хотите, въ ряду гнусныхъ мѣръ, неужели я говорю софизмъ, какъ я имѣлъ честь столько разъ слышать это, а они — настоящіе ученые, настоящіе моралисты, настоящіе мудрецы?

Нетрудно понять, во первыхъ, что между механическимъ средствомъ, превозносимымъ Мальтусомъ и Академіей нравственныхъ наукъ, и вытравленіемъ, съ нравственной точки зрѣнія, нѣтъ никакого существеннаго различія; что если супруги должны *относиться осторожно*, какъ выражается Дюнойе, *къ третьему*, еще незачатому, то они должны поступать такимъ же образомъ относительно этого же самаго *третьяго*, уже зачатаго; что, поэтому, отецъ, мать, или тотъ и другая вмѣстѣ, скоро скажутъ государство, какъ рѣшители судьбы, ожидающей этого несчастнаго *третьяго*, найдутъ столь же мало преступнаго и въ занятіи повивальной бабки, вытравливающей сорокадневныго или трехмѣсячнаго зародыша, какъ въ поступкѣ отца, губящаго зародышъ — *semen fundit in terram* — до зачатія? А разъ дѣло дойдетъ до этого, *насильственное обузданіе* не остановится больше: шагъ за шагомъ мы отступаемъ къ каннбальству.

Съ другой стороны, трудно понять, чтобы, при обязательствѣ нравственнаго обузданія въ любовныхъ сношеніяхъ, бракъ, считающійся до сихъ поръ священнымъ союзомъ, не обратился въ простое прелюбодѣяніе, а съ нимъ не исчезла и семья, такъ что мы избѣгаемъ чрезмѣрнаго населенія только обезлюдѣніемъ?

Что касается до меня, то я объявляю, хотя бы мнѣ лишній разъ пришлось выслушать, что пророчество мое разлетится прахомъ, если воззрѣніямъ Мальтуса суждено когда нибудь одержать верхъ, то съ человѣчествомъ будетъ покончено.....................................
....

Я объясню въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ состоитъ равновѣсіе народонаселенія, отсылая къ другимъ этюдамъ за подробнымъ развитіемъ принциповъ, на которыхъ построена эта теорія.

Міръ нравственный, какъ и міръ физическій, существуетъ самъ собой, повинуясь извѣстнымъ законамъ, которые держатъ всѣ его части въ равновѣсіи.

Подобно тому, какъ въ торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ одна цѣнность уравновѣшиваетъ или оплачиваетъ другую цѣнность, заработная плата уравновѣшивается производствомъ, заемъ—ссудой, услуга — услугой, такимъ же точно образомъ, и въ общей экономіи міра одно стремленіе или одна сила уравновѣшивается другою силой. Экономическія силы удерживаютъ одна другую не произвольнымъ ограниченіемъ, а взаимнымъ противудѣйствіемъ; такимъ образомъ, напримѣръ, собственность служитъ противувѣсомъ общности имуществъ, коллективная сила — единичной, конкуренція — привилегіи, и проч.

Какая же сила, въ вопросѣ о народонаселеніи и продовольствіи, вызываетъ размноженіе людей? — Сила произрожденія.

Между тѣмъ какъ Мальтусъ, какъ истый доктринеръ, осмѣливается стать между мужчиной и женщиной въ минуту ихъ соединенія, и мѣрой, ничѣмъ неотличающейся отъ *принудительныхъ* средствъ, имъ самимъ отвергаемыхъ, останавливаетъ оплодотвореніе, я вижу просто необходимость отыскать силу, развитіе которой должно уравновѣсить силу размноженія, и дать ей должное направленіе.

Что же это за сила?

Въ моей *Системѣ экономическихъ противурѣчій*, опубликованной въ 1845, мнѣ кажется, что я открылъ ее, сказавъ, что это—Трудъ.

Человѣкъ, говорилъ я, расходующій значительную часть силы, мускульной ли или умственной, не можетъ предаваться въ той же степени любовнымъ удовольствіямъ: въ противномъ случаѣ, онъ быстро истощилъ бы себя *. — Между обѣими силами существуетъ, стало быть, противудѣйствіе; слѣдовательно, въ хорошо устроенномъ обществѣ, основанномъ на справедливости, на равенствѣ состояній, на одинаковомъ образованіи, въ обществѣ, въ которомъ чистота нравовъ все увеличивается, по мѣрѣ возрастанія труда для всѣхъ вообще и для каждаго въ частности, естественно предположить, что равновѣсіе установится само собою.

Такова была въ общихъ чертахъ теорія, которую я противупоставилъ въ 1845 мнимому ученію Мальтуса. Она представляетъ то несомнѣнное преимущество, что создана на принципахъ экономичес-

---

* Другими только словами, это — одно изъ объясненій, предлагаемыхъ по тому же вопросу Фурье, какъ это указано мною въ статьѣ о Мальтусѣ, приложенной къ 1-му тому этого сочиненія, стр. 68—69. Рус. перев.

ской науки, которая есть ничто иное, какъ наука о равновѣсіи силъ и цѣнностей; кромѣ того, она безукоризненна и съ нравственной точки зрѣнія. Іосифу Гарнье и Густаву де Молинари заблагоразсудилось увидѣть въ этой теоріи скрытую связь съ *воззрѣніями* Мальтуса, то же *нравственное обузданіе*, быть можетъ, болѣе цѣломудренное, но, въ сущности, совпадающее съ мальтузіанскимъ *предупрежденіемъ*. Я предоставляю на судъ читателя это уподобленіе.

Въ средѣ, созданной традиціоннымъ неравенствомъ и принимаемой мальтузіанцами за законную, человѣкъ, какъ я докажу ниже, сладострастенъ и невоздерженъ, какъ животное, съ которымъ онъ испытываетъ одинакую участь, и стремится къ безграничному, слѣпому размноженію. Отсюда—разнузданная природой принудительная система, крайній предѣлъ которой — онанизмъ — и указывается Мальтусомъ.

Напротивъ того, при условіи водворенія справедливости, а потому, и всеобщаго равновѣсія, установленіе которыхъ и составляетъ цѣль Революціи, человѣкъ, цѣломудренный по собственному влеченію, порядочный въ отношеніяхъ супружескихъ, въ любви, во всей своей жизни, вовсе не требуетъ, чтобы его удерживали: онъ таковъ, какимъ долженъ быть, и народонаселеніе, какъ и самъ онъ, будетъ въ равновѣсіи.

Теорія эта, несмотря на свою неполноту, поразила Бастіа, который старался приблизиться къ ней въ своихъ *Экономическихъ согласіяхъ*, и, безъ сомнѣнія, онъ отдалъ бы должное ея автору, если бы между мальтузіанцами не принималось за аксіому, что соціалистъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть правъ.

Послѣдующее размышленіе побудило меня измѣнить эту теорію, главный недостатокъ которой состоялъ въ томъ, что она опиралась слишкомъ исключительно на физіологическія основанія, между тѣмъ какъ она должна покоиться, прежде всего, на нравственномъ принципѣ, въ которомъ физіологія играетъ только второстепенную роль.

Человѣкъ, какъ существо разумное и свободное, способное къ энтузіазму, по духовной природѣ своей, противится фатализму плоти. Уже освободившійся отъ любострастнаго возбужденія, періодически господствующаго въ низшихъ животныхъ, онъ стремится къ освобожденію себя и отъ дѣтородной возбуждаемости, уступая любви только подъ вліяніемъ идеала.

Поэтому, въ настоящемъ случаѣ, вопросъ состоитъ въ уравновѣшеніи нестолько силы произрожденія, сколько любострастнаго влеченія, что́ и будетъ достигнуто развитіемъ высшей способности — Справедливости.

Справедливостью, человѣкъ, уже преображенный идеаломъ, вторично преображается. Счастіе, отыскиваемое имъ сначала въ наслаж-

деніи, будетъ теперь отыскиваться въ цѣломудріи, въ верховномъ проявленіи любви, которое въ женщинѣ есть сама свобода и само достоинство. Бракъ есть актъ, которымъ опредѣляется и устанавливается, въ глубинѣ совѣсти, эта новая жизнь человѣка.

Такимъ образомъ, подъ совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, труда, просвѣщенія, свободы, цѣломудрія, наступаетъ для супруговъ минута, когда сожительство становится для нихъ болѣе тягостнымъ, чѣмъ воздержаніе; и минута эта наступаетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе предаются они труду, ученію, справедливости и исполненію ея требованій. Женщина въ особенности, по мѣрѣ принимаемаго ею участія въ умственной и общественной жизни, утрачиваетъ склонность къ дѣторожденію; а съ ослабленіемъ условій для дѣторожденія, должно остывать и любострастное влеченіе. Ибо природа не дѣлаетъ ничего безъ цѣли: какимъ же это образомъ Мальтусъ и его школа могли упустить изъ виду эту аксіому? Любовь къ дѣтямъ окончательно очищаетъ супружескую любовь отъ любострастія; внушаемое ими уваженіе служитъ признакомъ, что страсть готова потухнуть въ сердцѣ родителей.

Этотъ законъ равновѣсія, подлежащій безчисленному множеству видоизмѣненій, хотя и несомнѣнный относительно среднихъ выводовъ, проявляется только крайне смутнымъ образомъ при настоящемъ состояніи обществъ. Поэтому, я представляю его, не какъ выводъ, доставляемый опытомъ, а какъ неизбѣжное заключеніе философіи и самой религіи.

Какъ бы то ни было, аномалія, которую Мальтусъ хотѣлъ обратить въ законъ, объясняется сама собою. Справедливость представляется еще только въ туманѣ для человѣчества, равновѣсія еще нигдѣ не проявляется въ общественной экономіи, ни между силами, ни между ихъ произведеніями. Громадная часть человѣческаго рода подчинена однообразному труду, другая живетъ вовсе нетрудясь, та и другая безъ воспитанія, безъ отвѣтственности, безъ иниціативы, безъ цѣли, безъ очага, подъ гнетомъ чувственныхъ стремленій и опьяненія идеаломъ: среди такихъ условій, равновѣсіе народонаселенія невозможно, существованіе его противурѣчило бы здравому смыслу.

Бѣдность плодовита, замѣчаютъ съ горечью экономисты. Древніе, сдѣлавшіе такое же замѣчаніе, называли Амура супругомъ Бѣдности. Что же въ этомъ удивительнаго? Любовь—почти единственная способность, которою можетъ свободно пользоваться народъ: чѣмъ же можетъ она удерживаться въ равновѣсіи? Справедливость, то есть, равенство, свобода, всѣ преобразованія, вызываемыя отправленіемъ Права, одни только могутъ служить ей противувѣсомъ. Но, послѣ избыточнаго населенія, школа Мальтуса ничего такъ не страшится, какъ равенства. Поэтому, если любовь выступаетъ изъ береговъ, то

за этимъ слѣдуетъ непомѣрное размноженіе, а за нимъ—нищета; или же, еслибы афоризмы мальтузіанской предусмотрительности одержали верхъ надъ предоставленнымъ самому себѣ невоздержаніемъ, то въ результатѣ оказалось бы отвращеніе отъ семейства и обезлюдѣніе. Римъ и Италія во время императоровъ служатъ тому примѣромъ. Франція въ настоящую минуту готова идти тѣмъ же путемъ. Помимо того, что послѣдняя перепись показываетъ прекращеніе размноженія населенія, Легоа (Legoyt), предсѣдатель статистическаго бюро, замѣтилъ, для 1854 и 1855, значительное уменьшеніе числа и плодовитости браковъ. Школа Мальтуса не замедлила выразить свое восхищеніе при такомъ открытіи. Если только Академія нравственныхъ наукъ приметъ на себя заботу, то, при содѣйствіи всеобщаго сладострастія, при замѣнѣ безплоднымъ сожительствомъ плодовитаго брака, мы пойдемъ по пути, указанному императорскимъ Римомъ. Въ настоящую эпоху жажда наслажденій и безстыдство приняли такіе размѣры, что я нисколько не удивился бы, еслибы современное поколѣніе отвергло самую Революцію изъ того только побужденія, что повсемѣстнымъ водвореніемъ Справедливости она грозитъ сдѣлать насъ цѣломудренными.

Однимъ словомъ: такъ какъ при настоящемъ, безпорядочномъ состояніи общества, равновѣсія не существуетъ нигдѣ, ни между услугами, ни между цѣнностями, ни между силами и способностями; такъ какъ неравенство условій и состояній служитъ основаніемъ экономическаго быта, то несправедливость стала систематической, уваженіе къ человѣку исчезло, цивилизація должна роковымъ образомъ подчиниться законамъ инстинкта; а вслѣдствіе этого, населеніе стремится одновременно, съ одной стороны, перейти за предѣлъ, допускаемый производствомъ земли, а съ другой стороны,—размножаться быстрѣе, чѣмъ средства существованія.

Для удержанія или для уравновѣшенія этого сремленія, при сохраненіи существующаго экономическаго порядка, кромѣ голода, чумы, войны, дѣтоубійства и вытравленія, нѣтъ другаго средства, какъ — *мальтузіанство*, то есть, искаженіе супружества, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего должно быть сожительство, свободная любовь, разрушеніе семейства и человѣческой породы. Таково ученіе экономистовъ, защищаемое и восхваляемое Академіей нравственныхъ наукъ.

И напротивъ того, въ общественномъ бытѣ, къ которому стремится Революція, при всеобщемъ равновѣсіи въ силахъ, производствѣ, услугахъ, заработной платѣ, наймахъ, способностяхъ, вытекающихъ изъ отправленія правъ и обязанностей человѣка и гражданина; при человѣчности, освобожденной отъ инстинкта, пробужденной къ болѣе высокимъ наслажденіямъ; при супружествѣ, заключенномъ на законныхъ условіяхъ, и достигающемъ, если я смѣю такъ выразиться, при-

тупленія любви, населеніе должно получить стремленіе къ менѣе быстрому размноженію, чѣмъ то, въ которомъ возрастаютъ средства существованія.

Вотъ теорія, которую я противупоставляю ученію Мальтуса и Академіи нравственныхъ наукъ. Если и теперь Іосифъ Гарнье и Густавъ де Молинари, ради поддержанія репутаціи собственной школы, будутъ настаивать, что я мальтузіанецъ больше самого Мальтуса, то, сознаюсь, мнѣ нечего болѣе возражать.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

Конецъ втораго и послѣдняго тома.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О РАЗЛИЧНЫХЪ СИСТЕМАХЪ, ПРЕДЛОЖЕННЫХЪ ИЛИ ПРИНЯТЫХЪ ОБЩЕСТВОМЪ ПРОТИВЪ БѢДСТВІЙ, ПОРАЖДАЕМЫХЪ ЗАКОНОМЪ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

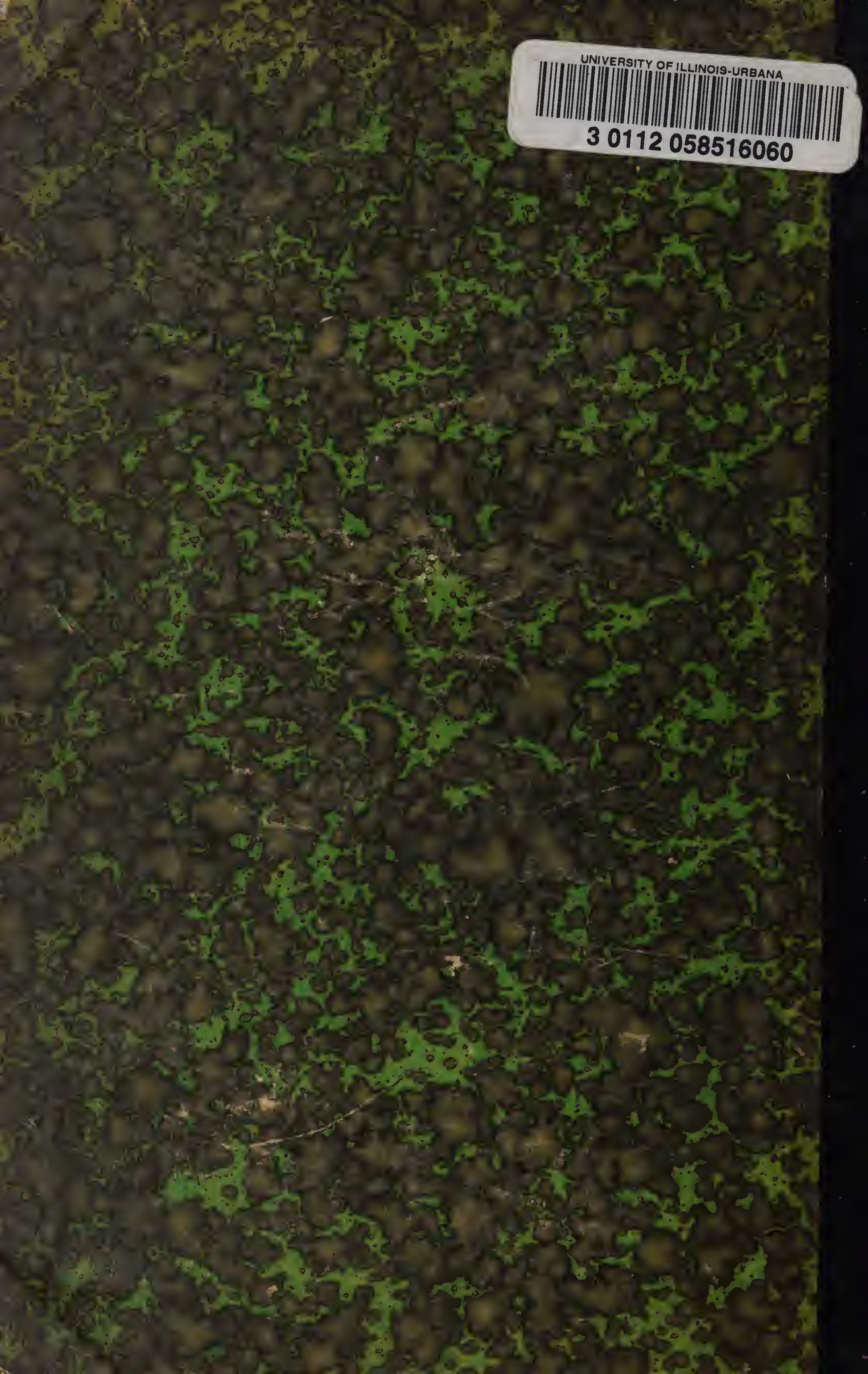
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

О НАДЕЖДѢ, КАКУЮ МОЖНО ИМѢТЬ ВЪ БУДУЩЕМЪ, НА ИЗЛЕЧЕНІЕ ИЛИ СМЯГЧЕНІЕ БѢДСТВІЙ, ПОРАЖДАЕМЫХЪ ЗАКОНОМЪ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Опроверженіе нѣкоторыхъ возраженій и краткое изложеніе этого сочиненія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 058516060